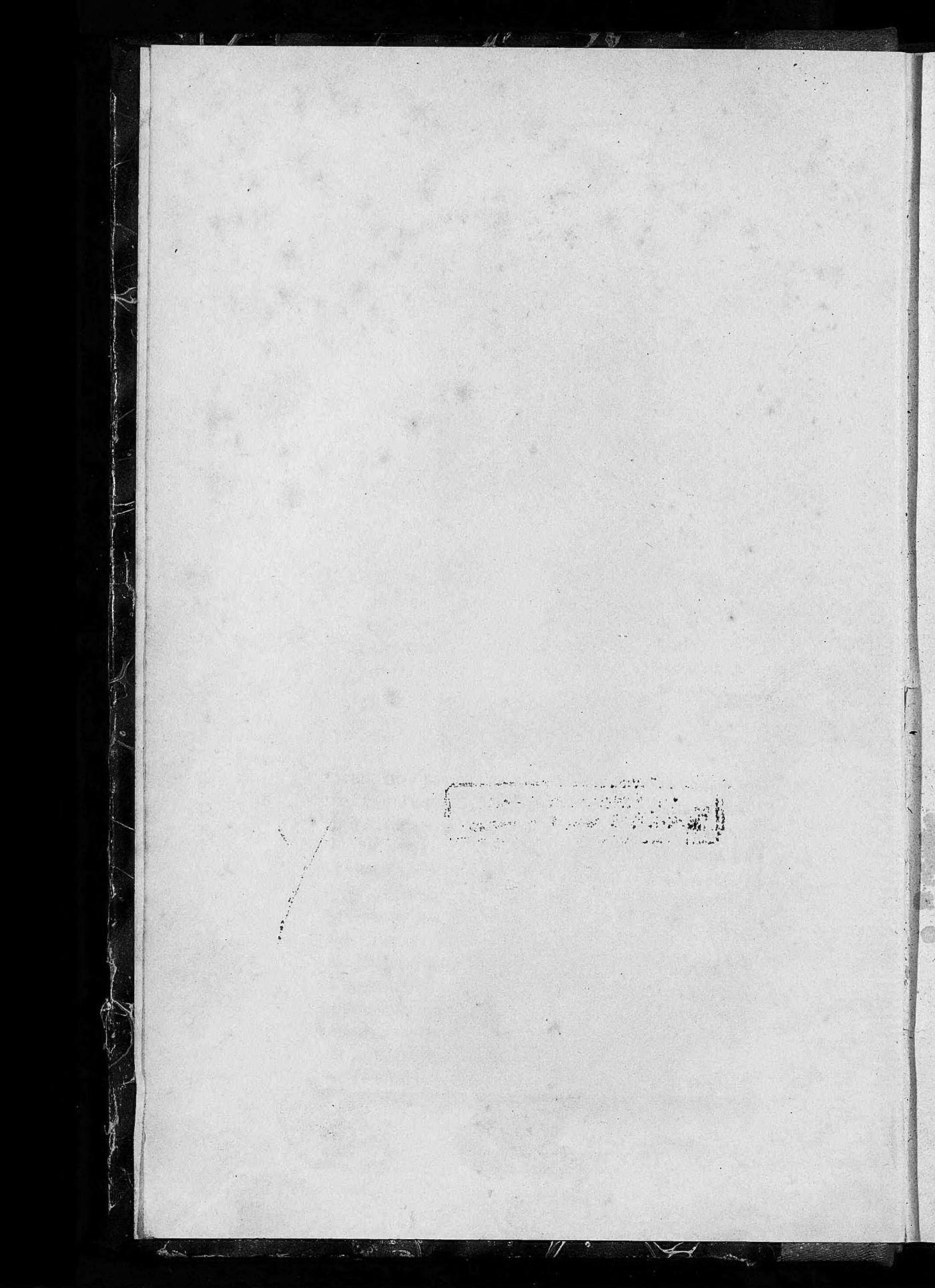
ЛИКЪ
ВВ. XX
05
8

ертво, но былъ бы живъ. Вѣдь вы, искусные ст
ете свое дѣло. Мнѣ надо, чтобы онъ былъ живъ 2
тѣ казни, — а послѣ я ни за что не отвѣчак
— Не знаю, возможно ли это, — произнесъ Ги
мы [illegible]яя... — Севастіанъ лицо видное.
— Какъ хочешь, — сказала хитрая и лукавая А
теряешь жену и восемьдесятъ тысячъ сест
не шутка. Прощай.
— Куда ты, куда ты? подожди, — сказалъ Ги
за котораго разгорѣлись. Алчность овладѣла
торопись, дай подумать. Надо будетъ под
ѣлковъ, напоить ихъ, — для этого опять
ьги... и не малыя..
— Я и объ этомъ подумала, — сказала Афра,



ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

15270
49 г.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Библиотека
имени
К. А. Тимирязева
* Москва Бронн. пр. *

ГОДЪ LXX. — ТОМЪ CDVIII. — 1/14 ИЮЛЯ 1905

К
050
В96
15270

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ПРОВЕРЕНО 1928 г.

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

3462

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ

и

КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ

ВО ФРАНЦІИ

Среди вопросовъ текущей жизни во Франціи ни одинъ не имѣетъ такого глубокаго государственнаго значенія, какъ вопросъ о системѣ народнаго просвѣщенія. Собственно говоря, для Франціи это—гамлетовскій вопросъ: „быть или не быть?“ — но онъ таится такъ глубоко въ нѣдрахъ народной жизни, что извнѣ трудно и догадаться о его существованіи. Съ точки зрѣнія формальной логики, послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ республиканскаго режима казалось бы, что тутъ не можетъ быть никакихъ затрудненій, что основная задача воспитанія должна быть разрѣшена въ духѣ соціальнаго прогресса. Поэтому настоящая проблема не бросается въ глаза поверхностному наблюдателю. За-границею большинство и не подозрѣваетъ, какой сложный психологическій моментъ переживаетъ въ настоящее время Франція, и какое историческое значеніе имѣетъ начавшаяся въ ней борьба идей. Между тѣмъ, отдѣльные моменты этого кризиса извѣстны повсюду и во многихъ вызываютъ серьезное изумленіе. По временамъ до насъ доходятъ отрывки горячихъ преній изъ парламента и изъ французской прессы, въ которыхъ консерваторы защищаютъ свободу преподаванія, а радикалы оказываются сторонниками государственной монополіи и требуютъ за-

крытія частныхъ учебныхъ заведеній. Мы смутно чувствуемъ, что положеніе вещей представляется въ какомъ-то новомъ свѣтѣ, но a priori не можемъ догадаться, чѣмъ вызывается такая перестановка понятій, и на чьей сторонѣ должны быть наши симпатіи. Другіе, не менѣе знаменательные симптомы проявляются въ литературѣ. За послѣднее время, изъ среды такъ-называемыхъ „націоналистовъ" поднимаются голоса протеста противъ свободной мысли, голоса ненависти къ научной истинѣ, и начинается такая экзальтація узко-національныхъ и религіозныхъ инстинктовъ, которой никакъ нельзя было бы ожидать на родинѣ Вольтера и энциклопедистовъ. Среди молодыхъ писателей стоитъ лишь познакомиться съ Морисомъ Барресомъ и Леономъ Додэ, сыномъ знаменитаго Альфонса Додэ, чтобы ужаснуться узкости и фанатизму ихъ взглядовъ. Значительно выше ихъ въ умственной іерархіи — Брюнетьеръ, извѣстный критикъ, членъ Французской академіи и директоръ „Revue des Deux Mondes"; онъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ поразительныхъ по своей тенденціи статей, въ которыхъ доказываетъ „банкротство науки" и старается направить мысль „по стезямъ вѣры". Наконецъ, еще выше, въ сонмѣ великихъ ученыхъ, насъ поражаетъ личность Жюля Сури, который съ колоссальною эрудиціей по анатоміи и физіологіи нервной системы и съ нравственными качествами настоящаго аскета науки соединяетъ религіозный фанатизмъ и расовую нетерпимость. Примѣръ Жюля Сури, быть можетъ, самый изумительный. Будучи полнымъ атеистомъ, онъ остается ярымъ католикомъ, и какъ самъ говоритъ,—по политическимъ и соціальнымъ убѣжденіямъ. Онъ давно уже не вѣруетъ, но продолжаетъ посѣщать церковь и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, „повторяя жестъ предковъ" и стараясь сохранить возможную гармонію съ историческимъ прошлымъ Франціи. На фонѣ современной жизни эти явленія представляются черезчуръ неожиданными, чтобы, познакомившись съ ними, не спросить себя, откуда берутся такія вѣянія. Лѣтъ 20—30 тому назадъ, подобные взгляды вызвали бы осужденіе и негодованіе всей либеральной интеллигенціи. Но какая разница съ поколѣніемъ Тэна, Ренана, Прево-Парадоля, Абу и др., которые были французами до мозга костей, и въ то же время науку и научную истину ставили выше всякихъ „національныхъ" инстинктовъ! А въ наше время, приведенные нами примѣры представляются хотя выдающимися, но далеко не единичными: за тѣми вождями мысли стоитъ цѣлая армія фанатичныхъ и реакціонныхъ публицистовъ, прикрывающихся знаменемъ „націонализма".

Но чѣмъ болѣе присматриваешься къ этимъ явленіямъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что создалось новое міровоззрѣніе и что оно является результатомъ воспитанія. Если же теперь прислушаться къ тѣмъ ожесточеннымъ преніямъ, которыя вызываетъ вопросъ о системѣ народнаго просвѣщенія, то станетъ очевиднымъ, что въ этомъ вопросѣ выражается глубокій психологическій кризисъ, переживаемый Франціей. Многое въ этомъ кризисѣ еще неясно, но отдѣльные элементы его уже опредѣлились, и въ настоящемъ очеркѣ мы хотѣли бы сгруппировать относящіеся сюда факты, которые за-границею мало извѣстны, а между тѣмъ во внутренней жизни Франціи играютъ громадную роль. Безъ знанія этихъ фактовъ нельзя понять текущихъ событій французской жизни, а совокупность ихъ представляетъ тѣмъ болѣе любопытную картину, что на этомъ фонѣ отдѣльныя явленія, какъ, напримѣръ, міросозерцаніе Брюнетьера или Сури, получаютъ особую рельефность и создаютъ моменты въ исторіи идей нашего времени.

I.

Роль клерикальной школы во Франціи.

Первый фактъ, который мы считаемъ необходимымъ выяснить, это—общій характеръ народнаго просвѣщенія во Франціи. Быть можетъ, многимъ это покажется излишнимъ. Республика существуетъ во Франціи уже тридцать слишкомъ лѣтъ, и, казалось бы, само собою разумѣется, что французская школа должна быть республиканскою. Таково общепринятое мнѣніе, причемъ многіе, основываясь на двухъ-трехъ громкихъ фразахъ, считаютъ ее не только республиканскою, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, антирелигіозною. Развѣ не извѣстно всѣмъ, что во Франціи преподаваніе катехизиса изъято изъ школьныхъ программъ? Развѣ не говорили въ свое время, что Жюль Ферри изгналъ христіанство изъ Франціи?

Въ виду такихъ укоренившихся мнѣній, мы и считаемъ необходимымъ привести факты, доказывающіе какъ-разъ противное, а именно, что вплоть до самаго послѣдняго времени, до закона 1903 года, французская школа развивалась въ анти-республиканскомъ и узко-католическомъ духѣ. Режимъ, который въ 1903 г. подвергся радикальному измѣненію, былъ созданъ еще въ 1850 г. закономъ Фаллу, установившимъ явочный порядокъ открытія школъ съ минимальнымъ законнымъ цензомъ. Это былъ режимъ полной

свободы народнаго просвѣщенія, который съ внѣшней точки зрѣнія какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ принципомъ либеральной политики. Однако, на практикѣ онъ привелъ къ совершенно неожиданному, характерному для Франціи результату, а именно, къ увеличенію числа школъ, принадлежавшихъ монашескимъ орденамъ, и къ уменьшенію числа свѣтскихъ школъ. De facto, эта свобода оказалась благопріятною только монахамъ...

Вотъ та доминирующая черта, которая характеризовала режимъ народнаго просвѣщенія во Франціи до самаго послѣдняго времени. Быть можетъ, многимъ изъ нашихъ читателей покажется неправдоподобнымъ, чтобы перемѣна формы правленія въ 1870 году не измѣнила если не букву закона, то, по крайней мѣрѣ, духъ школьнаго режима. Неужели и послѣ утвержденія республики свѣтская школа не могла выдержать свободной конкурренціи монашеской школы? Но, помимо того, что мы докажемъ то цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ, мы должны напомнить, что въ первое время послѣ утвержденія республики правительство было республиканскимъ лишь по имени, и страна, потрясенная войною, коммуною, жаждавшая твердаго государственнаго порядка, относилась къ республикѣ съ глубокимъ недовѣріемъ. Въ парламентѣ власть находилась въ рукахъ консервативнаго и прямо-таки реакціоннаго большинства, которое было готово вернуться къ монархіи. Только съ 1886 г., благодаря усиліямъ искреннихъ республиканцевъ, правительство републики вступило въ борьбу съ монашескими орденами, но эта борьба на почвѣ свободной конкурренціи оказалась безуспѣшною. При такихъ условіяхъ естественно, что духъ народнаго просвѣщенія оставался тѣмъ же, какимъ онъ былъ при имперіи. Мы находимъ прямое подтвержденіе этого факта въ оффиціальной статистикѣ. Вотъ данныя, касающіяся народныхъ школъ (enseignement primaire):

Года.	Число школъ (частныхъ) [1]: Принадл. свѣтск. лицамъ.	Принадл. монашеск. орденамъ.
1843	*14.130*	**2.988**
1866	10.523	6.691
1877	5.841	6.685
1882	4.478	8.160
1887	3.936	9.565
1892	3.446	11.825
1897	*2.850*	**13.225**

За двадцать лѣтъ республиканскаго режима, съ 1877 по

[1]) Statistique de l'enseignement primaire. T. VI. 1900.

1897 г., число школъ, принадлежавшихъ конгрегаціямъ, увеличилось съ трехъ до тринадцати тысячъ! Вотъ что скрывалось подъ формулой полной свободы преподаванія! Для завершенія картины слѣдуетъ прибавить, что съ середины этого періода, съ 1886 года, правительство уже вступило въ борьбу съ ними. До того, наряду съ частными школами, къ которымъ относится приведенная статистика, и часть правительственныхъ школъ находилась въ рукахъ католическаго духовенства. Начиная съ 1886 и до 1897 г., правительство понизило число послѣднихъ съ 11.265 до 5.387, передавъ ихъ въ руки свѣтскихъ учителей, и одновременно увеличило общее число свѣтскихъ государственныхъ школъ съ 51.732 до 62.192. Однако, правительственная конкурренція оказалась безсильною противъ конгрегацій; послѣднія же, напротивъ, совершенно захватили частные пансіоны, число которыхъ безостановочно таяло, и за тотъ же промежутокъ времени сократилось на половину (съ 5.841 до 2.850!). Не менѣе убѣдительною представляется и статистика средней школы (enseignement secondaire):

Число школъ для мальчиковъ (частныхъ) [1]):

	1876 г.	1887 г.	1898 г.
1) принадл. свѣтскимъ лицамъ	494	302	202
2) принадл. монашеск. орденамъ	309	349	438

Количество учениковъ:

	1876 г.	1887 г.	1898 г.
1) въ свѣтскихъ школахъ.	31.249	20.174	*9.725*
2) въ конгрегац. школахъ	46.816	50.085	*67.643*

Послѣднія цифры прямо-таки поразительны. Въ 1876 г. число воспитанниковъ у конгрегаціонистовъ превышало число воспитанниковъ свѣтскихъ школъ въ $1^1/_2$ раза, а въ 1898 г. оно превышаетъ въ 7 разъ! Не даромъ Рибо, въ отчетѣ, который сопровождаетъ эти данныя, говоритъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ о банкротствѣ свѣтской школы, задавленной конкурренціей своей соперницы.

Торжество послѣдней выступитъ еще рельефнѣе, если мы сравнимъ развитіе клерикальныхъ пансіоновъ съ развитіемъ государственныхъ коллежей (гимназій) и лицеевъ за тотъ же періодъ. Какъ ни велико было число низшихъ школъ, принадлежавшихъ конгрегаціонистамъ въ 1897 г. (13.225),—ему можно было противопоставить въ пять разъ большее число правительственныхъ школъ (62.192) Въ сферѣ же средняго образованія развитіе правительственной иниціативы представляется гораздо болѣе слабымъ:

[1]) Statistique de l'enseignement secondaire. 1887 et 1899.

	1876 г.	1887 г.	1898 г.
Число лицеевъ и коллежей	333	346	339.
Число учениковъ.	79.231.	89.899.	86.321.

Итакъ, число правительственныхъ школъ (339) было ниже числа клерикальныхъ (438). Съ теченіемъ времени средняя школа перешла уже прямо-таки наполовину въ руки конгрегацій. На основаніи этихъ данныхъ можно сказать, что режимъ народнаго просвѣщенія во Франціи съ изданія закона Фаллу и до самаго послѣдняго времени характеризовался однимъ выдающимся явленіемъ,—ростомъ клерикальной школы, котораго не остановила ни перемѣна формы правленія, ни начатая съ 1886 г. „лаицизація" правительственныхъ школъ—превращеніе ихъ въ свѣтскія школы.

Вотъ какой внутренній процессъ скрывался подъ квази-либеральною формулой свободы преподаванія. Конечно, это—явленіе совершенно специфическое, болѣе возможное только въ католической странѣ, гдѣ монашескіе ордена не ограничивались созерцательнымъ образомъ жизни, а брали на себя также задачу преподаванія. Между тѣмъ, необходимо себѣ еще усвоить, что во Франціи на ряду съ бѣлымъ духовенствомъ, существующимъ на основаніи конкордата и получающимъ отъ правительства содержаніе по бюджету культовъ, есть многочисленныя и богатыя конгрегаціи, связанныя исключительно съ римской куріей. Если вы встрѣтите въ Парижѣ на улицѣ вереницу дѣтей въ сопровожденіи аббата, то не слѣдуетъ заключать, что это—непремѣнно воспитанники конгрегаціонистовъ. Это могутъ быть и воспитанники свѣтскаго пансіона, въ которомъ воспитатели — аббаты, принадлежащіе къ бѣлому духовенству. Послѣ изгнанія ордена іезуитовъ изъ Франціи, ихъ бывшіе пансіоны формально преобразовались въ свѣтскія школы, но зато съ подставными лицами во главѣ ихъ и съ составомъ профессоровъ, тайно принадлежащихъ къ ордену. Конечно, за такими школами статистика не можетъ услѣдить, но въ общемъ, когда мы говоримъ о „клерикальной" школѣ, отличительнымъ признакомъ послѣдней является не господствующій въ ней религіозный духъ и даже не преобладаніе духовнаго элемента надъ свѣтскимъ въ составѣ профессоровъ, а исключительно принадлежность послѣдняго къ монашескому ордену. Эта категорія учебныхъ заведеній и представляетъ ту силу, которая развивалась независимо отъ правительства, въ тѣсномъ общеніи съ римской куріей, и на которую еще Гамбетта указалъ въ своей знаменитой фразѣ: „Клерикализмъ—вотъ нашъ врагъ". Пророческія слова: тайный врагъ республиканскаго строя становился съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе.

Желательно, въ дополненіе этой картины, привести еще нѣсколько данныхъ о развитіи монашескихъ орденовъ во Франціи; только тогда можно будетъ судить о ихъ дѣйствительной силѣ. Во время Великой Революціи всѣ ордена были объявлены закрытыми и всѣ принадлежавшія имъ земли конфискованы; но, начиная съ Реставраціи, они возстановились одинъ за другимъ и, несомые волной всеобщаго прогресса, въ короткое время достигли небывалаго процвѣтанія. Предъ 1789 годомъ во Франціи насчитывалось до 60.000 монаховъ, а сто лѣтъ послѣ революціи, въ 1900 году, число ихъ достигло 200.000! Еще поразительнѣе ростъ ихъ матеріальнаго могущества. Въ 1850 году, по оффиціальному кадастру, за признанными закономъ конгрегаціями считалось недвижимостей круглымъ числомъ на 43.000.000 фр.; въ 1880 г. ихъ недвижимая собственность равнялась уже 421.000.000, а въ 1899 оцѣнка достигла 795.000.000 фр. Тутъ, конечно, всякіе комментаріи излишни. Что же касается тайныхъ конгрегацій, возникшихъ безъ оффиціальнаго разрѣшенія, то богатство послѣднихъ труднѣе исчислить; но нѣкоторыя отрывочныя данныя проливаютъ и тутъ яркій свѣтъ. Вотъ, напримѣръ, конгрегація ассомпсіонистовъ: недвижимая ея собственность въ періодъ между 1880 и 1900 гг. увеличилась съ 780.000 до 3.900.000 фр.! Одинъ орденъ іезуитовъ обладалъ въ 1880 г. недвижимостями на 42.209.245 фр. Въ этомъ году онъ былъ воспрещенъ и формально прекратилъ свое существованіе. Но что же?! Черезъ двадцать лѣтъ за подставными лицами, представлявшими этотъ орденъ, числилось болѣе 48.000.000 фр.

Такимъ образомъ, пока республика поддерживала, по ея мнѣнію, либеральный принципъ свободы преподаванія, внутри страны шла глухая работа и упорная пропаганда реакціонной партіи.

Мы привели факты, въ которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться и противъ которыхъ трудно было бы спорить. Ростъ конгрегаціонныхъ школъ и развитіе конгрегацій—налицо. Тѣмъ не менѣе, обнаруженіе этихъ фактовъ столь неожиданно, что оно требуетъ объясненія. Чѣмъ объясняется такой успѣхъ клерикальной пропаганды, среди враждебнаго ей прогресса научныхъ знаній и демократическаго строя жизни?

Съ перваго взгляда это кажется парадоксальнымъ. Можетъ ли быть, чтобы одна и та же страна обнаружила сильное движеніе впередъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи и, одновре-

менно, склонность къ умственной реакціи? Между тѣмъ, оба движенія существовали, только въ разныхъ слояхъ націи, и для того, чтобы понять ихъ взаимное противодѣйствіе, остается лишь прослѣдить, какъ зародилась эта реакція.

Въ этомъ отношеніи намъ будетъ достаточно привести нѣсколько фактовъ, которые были отмѣчены Тэномъ въ его дневникѣ, относящемся къ 1863—65 гг. Мы говоримъ о дневникѣ, который онъ велъ во время своей поѣздки по Франціи въ качествѣ члена экзаменаціонной коммиссіи сенъ-сирской военной школы, который не предназначался для печатанія и былъ изданъ лишь послѣ его смерти. Здѣсь мы находимъ слѣдующія краснорѣчивыя строки: „Городъ Реннъ.—Въ городскомъ лицеѣ было до 700 учениковъ. Епископъ открылъ клерикальный пансіонъ. Немедленно половина учениковъ перешла туда, и лицей едва влачитъ существованіе.—Тулуза.—Вчера осматривалъ городъ подъ руководствомъ Б., профессора исторіи. По дорогѣ онъ говорилъ про мѣстныя дѣла. Въ Тулузѣ 77 монастырей на сто тысячъ жителей и три громадныхъ клерикальныхъ пансіона, изъ которыхъ одинъ имѣетъ болѣе 500 учениковъ. То же самое въ Пуатье: 38 монастырей на 35.000 жителей. Лицей упалъ наполовину отъ ихъ конкурренціи... Вплоть до такой дыры, какъ Ретель, они все берутъ и вездѣ подрываютъ муниципальную школу...—Безансонъ.—Это—гнѣздо капуциновъ. Кардиналъ-архіепископъ здѣсь сильнѣе императора. Ни одно назначеніе не проходитъ иначе, какъ черезъ его руки. Городская школа набираетъ до 200 учениковъ изъ среды окрестныхъ торговцевъ и крестьянъ; рядомъ съ нею два большихъ клерикальныхъ пансіона берутъ всѣхъ молодыхъ людей города.—Марсель.—Ларемберъ, который совершаетъ такое же турнэ, какъ и я, также пораженъ вліяніемъ духовенства... Здѣсь они—настоящіе хозяева. Никто не можетъ съ ними конкуррировать, потому что даваемое ими воспитаніе имѣетъ не массовый, а индивидуальный характеръ. У нихъ учитель, не имѣя своей семьи, всецѣло преданъ корпораціи, и вся его энергія, вся его мысль направлена къ успѣху учебнаго заведенія.—Мецъ.—У іезуитовъ 500 учениковъ. Другіе большіе пансіоны іезуитовъ находятся въ Парижѣ, въ Пуатье, въ Тулузѣ, въ Ліонѣ, въ Амьенѣ и еще въ нѣсколькихъ маленькихъ городахъ. Бывшіе либералы, члены магистратуры, инженеры, военные,—всѣ отдаютъ туда своихъ дѣтей, потому что это въ модѣ, потому что тамъ питаніе и уходъ лучше; потому что тамъ пріобрѣтаются связи и протекціи; потому что такой-то этимъ путемъ нашелъ богатую невѣсту, и т. д.“.

Такія замѣтки проходятъ красною нитью по всему дневнику Тэна и въ концѣ-концовъ приводятъ его къ слѣдующему заключенію: „Католическая церковь во Франціи представляетъ изъ себя прежде всего свѣтскую власть, правительственную машину. Религіозное чувство, нравственное, мистическое или художественное, существуетъ въ Германіи, въ Италіи, въ Англіи; здѣсь оно почти совсѣмъ отсутствуетъ или проявляется спорадически въ зачаточномъ видѣ. Это—могущественная и правильно дисциплинированная корпорація, которая раздаетъ мѣста и требуетъ повиновенія... духъ ея—духъ стяжанія и господства“ [1]).

Вотъ что писалъ Тэнъ въ шестидесятыхъ годахъ. Между тѣмъ, въ то время не могло быть и рѣчи о правительственной оппозиціи католической церкви. Послѣдняя считалась оплотомъ имперіи, и ей нечего было бояться за свое существованіе. И тѣмъ не менѣе, уже тогда дѣятельность клерикальныхъ школъ была аггрессивная, завоевательная,—уже тогда конгрегаціонисты старались подорвать свѣтскую школу... Если обратить вниманіе на этотъ завоевательный характеръ клерикальной школы, который проявлялся даже въ самыя мирныя времена, то станетъ очевиднымъ, что ея успѣхи въ той или другой средѣ объясняются прежде всего условіями ея организаціи. Вся сила послѣдней заключается въ томъ, что конгрегаціонисты отрѣшены отъ семьи, отъ мелочныхъ интересовъ обыденной жизни и живутъ идеей. Нѣтъ болѣе сильнаго двигателя въ жизни, чѣмъ идея, и, надо добавить,—въ смыслѣ интенсивности великія прогрессивныя идеи стоятъ наравнѣ съ такъ-называемыми маніями или аберраціями мысли. Варѳоломеевская ночь была такимъ же продуктомъ идеи, какъ и 4-е августа 1789 г. Какая же идея служитъ двигателемъ конгрегаціи? Идея господства клириковъ надъ мірянами. Мы не беремся разобрать въ немногихъ словахъ, какъ она сложилась исторически и психологически. Для этого потребовалось бы цѣлое изслѣдованіе. Но элементы ея образованія для насъ совершенно ясны. Католическая церковь, взявъ на себя миссію не только духовной, но и свѣтской власти, слила воедино maximum внѣшняго альтруизма, въ смыслѣ полнаго подчиненія Богу,—съ одною изъ самыхъ эгоистическихъ страстей,—со страстью властвованія. Быть можетъ, первоначально этотъ эгоизмъ былъ безсознательнымъ, но фактъ тотъ, что онъ тѣсно сплелся и развивался вмѣстѣ съ организаціей католической церкви. Было бы интересно прослѣдить ея психологію въ различныя эпохи, потому что послѣдняя

---

[1]) Taine, Carnets de Voyage. 1863—1865.

несомнѣнно должна была измѣняться, и очень можетъ быть, что эгоистическій элементъ не всегда доминировалъ. Мы далеки отъ того, чтобы отрицать цивилизаторскія заслуги католицизма въ средніе вѣка, и легко допускаемъ, что въ то время властвованіе надъ мірянами принимало дѣйствительно благородныя формы. Но, съ другой стороны, для насъ совершенно ясно, что съ постепенной эманципаціей мірянъ, моральный характеръ властвованія долженъ былъ понизиться, а эгоистическій элементъ его долженъ былъ проявиться въ полной силѣ. Мы не можемъ найти лучшаго сравненія, какъ сказать, что съ теченіемъ вѣковъ эгоистическій элементъ развился въ католицизмѣ въ настоящую моральную эпидемію, которая и составляетъ, одновременно, его силу и его опасность.

Подъ вліяніемъ окружающей среды, въ атмосферѣ конгрегаціи даже лучшіе члены ея, понимающіе властвованіе въ самомъ альтруистическомъ смыслѣ, подчиняются гипнозу конечной цѣли и дѣлаются неразборчивыми въ средствахъ. Въ этомъ заключается опасность конгрегаціи для современнаго государства. Съ другой стороны, моральная эпидемія проявляется въ томъ подъемѣ духа, въ томъ живомъ, всепоглощающемъ интересѣ къ своему дѣлу, который характеризуетъ педагогическую дѣятельность конгрегаціонистовъ и составляетъ ихъ безспорную силу. Для нихъ педагогія—не ремесло, а искусство. Всѣ, кто воспитывался въ ихъ заведеніяхъ или знакомъ съ ихъ системой воспитанія, единогласно утверждаютъ, что они относятся къ каждому ребенку, какъ скульпторъ—къ задуманной имъ статуѣ. Они влагаютъ въ него свою душу. Для этого, первое условіе — чтобы ребенокъ сблизился съ однимъ изъ патеровъ настолько, чтобы послѣдній сдѣлался его другомъ и руководителемъ. Если такое сближеніе невозможно, если воспитанникъ обнаруживаетъ черезчуръ строптивый характеръ, то его удаляютъ изъ заведенія, не останавливаясь передъ матеріальной невыгодой такого шага. Но часто ли это бываетъ? Какой ребенокъ устоитъ противъ ласковаго слова и открытаго желанія относиться къ нему какъ къ взрослому? Что̀ болѣе всего претитъ мальчику въ свѣтской школѣ—это холодный формализмъ дисциплины. Отъ него требуютъ знанія 4 — 5 уроковъ въ день, не задаваясь вопросомъ, что̀ его интересуетъ. У патеровъ, наоборотъ, прежде всего пытаются пробудить въ немъ интересъ къ наукѣ, а на лѣность или случайныя уклоненія смотрятъ сквозь пальцы. Ренанъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ бытность его въ семинаріи St.-Nicolas du Chardonnet, гдѣ воспитывались, вмѣстѣ

съ будущими патерами, дѣти знатнѣйшихъ семей Франціи, „не существовало никакихъ наказаній; чтеніе отмѣтокъ и замѣчаній, сдѣланныхъ начальникомъ заведенія, было единственной санкціей, передъ которой всѣ трепетали... Еженедѣльное собраніе по пятницамъ, когда происходило чтеніе отмѣтокъ, производило поразительное и единственное въ своемъ родѣ впечатлѣніе. Всѣ жили въ ожиданіи этого дня“ [1]). Такъ сильно можетъ быть нравственное воздѣйствіе педагога, когда онъ умѣетъ взяться за дѣло. Но для этого необходимо, чтобы онъ самъ увлекался своей задачей. По словамъ Ренана, въ той же семинаріи, по старому регламенту полагалось каждый вечеръ полчаса духовнаго чтенія, но Дюпанлу, начальникъ заведенія, взялъ эти полчаса для себя. „Онъ замѣнилъ чтеніе бесѣдою съ воспитанниками, во время которой вступалъ съ ними въ самое тѣсное общеніе. Всякое событіе внутренней жизни семинаріи, все, что̀ касалось его самого или кого-нибудь изъ воспитанниковъ, являлось темою оживленнаго обмѣна мнѣній [2]). Но для этого надо имѣть настоящее призваніе. Очень интересно въ этомъ отношеніи прочесть книгу извѣстнаго проповѣдника Дюлака, подъ заглавіемъ: „Іезуиты“, въ которой, наряду съ казуистическими аргументами въ пользу іезуитскаго ордена, собраны безспорные факты, доказывающіе ихъ педагогическія способности. Чрезвычайно характерна слѣдующая деталь. Молодой патеръ, занимающійся литературой или математикой съ младшимъ классомъ, уже не покидаетъ его до конца курса. Онъ самъ совершенствуется въ преподаваніи по мѣрѣ того, какъ предметъ становится болѣе труднымъ. Быть можетъ, это не всегда сразу удается, но зато, по крайней мѣрѣ, онъ не теряетъ связи съ своими учениками и живо интересуется ихъ успѣхами. Затѣмъ, стоитъ лишь прочесть описаніе рекреацій, чтобы понять, что для людей, все честолюбіе и вся жизнь которыхъ заперты въ четырехъ стѣнахъ семинаріи, перерывы между уроками являются настоящимъ удовольствіемъ, во время котораго ихъ мысль не отвлекается личными или семейными заботами, а невольно обращается къ тѣмъ же ученикамъ. Вотъ что̀ дѣлаетъ ихъ несравненными воспитателями. Можетъ ли съ нимъ конкуррировать свѣтская—частная или правительственная школа? Сравните положеніе патеровъ-воспитателей съ положеніемъ учителей народныхъ училищъ, плохо оплачиваемыхъ, обреченныхъ на очень скромное соціальное положеніе и зачастую обремененныхъ семьей.

---

[1]) Renan, Souvenirs d'enfance et de jeunesse, pp. 178—179.

[2]) Renan. Ibid.

Для первыхъ, педагогія—призваніе; для послѣднихъ, въ полномъ смыслѣ слова—крѣпостной трудъ. Представьте теперь, что въ странѣ съ католическимъ населеніемъ тѣмъ и другимъ предоставлена одинаковая свобода открывать школы. Можетъ ли быть сомнѣніе, которая изъ двухъ системъ—ceteris paribus—восторжествуетъ? Такимъ образомъ, торжество клерикальнаго воспитанія среди враждебнаго ему демократическаго строя современной Франціи объясняется совершенно наглядно, можно сказать, механически, какъ результатъ извѣстнаго рода соціальныхъ силъ, развивающихся въ извѣстной средѣ. Само по себѣ существованіе такого коллективнаго фактора не должно удивлять соціолога. Давно уже признано, что ассоціація людей даетъ не простое сложеніе ихъ индивидуальныхъ силъ, а порождаетъ новые факторы. Удивителенъ въ данномъ случаѣ лишь характеръ послѣдняго. Ассоціація, которая въ исторіи XIX вѣка служила такимъ могущественнымъ орудіемъ прогресса, создала во Франціи орудіе реакціи. Съ этой точки зрѣнія, послѣдняя, еще незаконченная страница французской исторіи заключаетъ въ себѣ чрезвычайно рѣдкое и тѣмъ болѣе любопытное явленіе.

II.

Духъ клерикальнаго воспитанія.

Клерикальное воспитаніе въ современной Франціи заслуживаетъ нашего вниманія не только по своей организаціи, но и по своему духу. Съ этой точки зрѣнія клерикальныя школы представляются вдвойнѣ могущественными и вдвойнѣ интересными. Дѣло въ томъ, что конгрегаціонисты — не простые обскуранты, враги просвѣщенія. Въ такомъ случаѣ, они не были бы опасны, и при всемъ превосходствѣ ихъ организаціи вліяніе ихъ не шло бы дальше школьной скамьи. Напротивъ, ихъ дѣйствительное превосходство надъ обыкновеннымъ типомъ политиковъ-реакціонеровъ заключается въ томъ, что они сами — люди мысли, хотя мысли и извращенной. Они сознаютъ, что всякая попытка остановить прогрессъ мысли есть логическій non-sens. Остановить ея развитіе такъ же трудно, какъ задержать силы природы, но зато ее можно регулировать и направлять. Поэтому они и стремятся не къ тому, чтобы задержать мысль, а къ тому, чтобы развивать ее въ извѣстномъ направленіи, котораго она потомъ уже не могла бы покинуть. Задача въ высшей степени благодарная! Они достигаютъ того, что разъ подчиненныя имъ силы природы ра-

ботаютъ въ ихъ же пользу. Обыкновенный реакціонеръ поступаетъ какъ человѣкъ первобытной культуры, который строилъ плотину передъ самой своей землею, чтобы задержать горный потокъ. Послѣдній разбивался о камни, пока плотина была крѣпка, и искалъ себѣ новаго русла. Конгрегаціонистъ поступаетъ какъ современный агрономъ, который канализируетъ потокъ, направляетъ его теченіе, и когда вода доходитъ до его земли, она служитъ ему могущественнымъ двигателемъ.

Въ чемъ же выражается это подчиненіе мысли? Не такъ давно, лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ, было бы трудно дать на то опредѣленный отвѣтъ. Въ то время клерикальное воспитаніе дѣйствовало еще какъ весенніе соки въ растительномъ царствѣ. Оно оставалось скрытымъ отъ взоровъ наблюдателя. Но съ тѣхъ поръ эти соки проявились въ роскошныхъ, яркихъ цвѣтахъ, и теперь мы видимъ ихъ на каждомъ шагу. Первымъ толчкомъ къ обнаруженію этой скрытой энергіи явилось дѣло Дрейфуса. Тогда впервые открылась пропасть между мышленіемъ прогрессивной интеллигенціи и новой партіи „націоналистовъ". Съ перваго взгляда такое дѣленіе казалось случайнымъ, даже абсурднымъ. Почему одни — „націоналисты"? Тѣ и другіе могли быть горячими патріотами, хотя и расходясь въ субъективной оцѣнкѣ фактовъ. Но съ тѣхъ поръ выяснилось, что различіе между ними не случайное, а основанное на двухъ совершенно разныхъ системахъ мышленія, явившихся результатомъ различнаго воспитанія. Дѣло Дрейфуса дало поводъ высказаться и помогло этому умственному теченію объективироваться въ наглядныхъ, рельефныхъ формахъ. Теперь мы можемъ характеризовать плоды воспитанія, даваемаго конгрегаціонистами, словами самихъ „націоналистовъ".

„Лейтмотивомъ" всѣхъ ихъ теорій является идея „традиціи". Подъ этимъ скромнымъ именемъ скрывается цѣлая система. Традиція въ устахъ либеральнаго политика значитъ опытъ прошлаго, освѣщающій движеніе впередъ и удерживающій отъ неосторожныхъ скачковъ въ сторону. Въ этомъ смыслѣ традиціонная политика соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ каждой страны. Но традиція въ устахъ реакціонера значитъ цѣпь, приковывающая человѣка къ его прошлому. Въ этомъ смыслѣ понимаютъ традицію и конгрегаціонисты. Они поняли, что стоитъ лишь развивать въ человѣкѣ прирожденные наслѣдственные инстинкты, чтобы свести до минимума его умственную свободу. Кто внушилъ имъ эту глубокую психологическую идею? Никто,—она явилась продуктомъ анонимнаго коллективнаго творчества, блестящимъ дока-

15270
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

зательствомъ того, что среда, въ смыслѣ, принятомъ современной соціологіей, не менѣе реальный факторъ, чѣмъ индивидуумъ.

Противопоставить разрушительному потоку свободной мысли цѣлый рядъ преградъ въ видѣ наслѣдственныхъ инстинктовъ, загромоздить умъ ребенка такими понятіями, которыя сами собою регулировали бы этотъ потокъ—вотъ и вся ихъ задача.

Замѣтьте, въ этомъ дѣлѣ имъ помогаетъ сама природа. Если бы они хотѣли бороться съ антиклерикальными мыслителями на почвѣ научныхъ теорій, то имъ пришлось бы прививать своимъ ученикамъ новыя идеи, новую аргументацію. Гораздо легче развивать то, что̀ уже существуетъ въ зародышѣ. Тутъ сама природа будетъ работать за человѣка. Теперь обратите вниманіе на почву, которую они воздѣлываютъ. Всѣмъ извѣстно, что никакой прогрессъ не совершается безъ разрушенія, которое всегда дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ на буржуазные классы. Человѣку свойственно дорожить тѣмъ немногимъ, что̀ онъ пріобрѣлъ. Особенно это проявляется во Франціи, странѣ, одаренной естественными богатствами и раньше другихъ достигшей средняго уровня благосостоянія. Тэнъ совершенно справедливо замѣтилъ, что „французская буржуазія осуществила свой скромный идеалъ еще въ началѣ XIX-го столѣтія“. Послѣ страшной бури 1789 года, она въ свою очередь сдѣлалась консервативною. Дальнѣйшій прогрессъ, съ его разрушительными силами, съ его неизвѣстнымъ будущимъ, легко могъ сдѣлаться для нея настоящимъ пугаломъ. Этой тенденціей и воспользовались конгрегаціонисты. При каждомъ удобномъ случаѣ они выставляли на видъ опасность соціализма, интернаціонализма и другихъ страшилищъ буржуазіи, и культивировали врожденный консерватизмъ французовъ, ихъ привязанность къ арміи, къ извѣстной узко понимаемой національной и сословной чести и къ буржуазному строю государственнаго управленія. Вся задача конгрегаціонистовъ заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать изъ этихъ традиціонныхъ понятій рядъ кумировъ, не подлежащихъ критикѣ, и въ то же время рядъ естественныхъ преградъ свободному теченію мысли. Эту задачу они выполнили въ совершенствѣ, какъ доказало дѣло Дрейфуса. Было бы глубокимъ заблужденіемъ предполагать, что дѣло Дрейфуса раздѣлило Францію на два лагеря. Оно лишь проявило наружу раздѣленіе, которое уже давно таилось. Весь цивилизованный міръ поразился, съ какою яростью часть французовъ подняла крикъ: „Не троньте нашихъ кумировъ,—арміи, суда и національной чести!“ За границею, для большинства такъ и осталось непонятнымъ, почему французы потеряли хладнокровіе

въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь дѣло Дрейфуса посѣяло раздоръ въ семьяхъ, разссорило старыхъ друзей, породило фанатическую вражду классовъ! Стоило произнести заколдованное имя Дрейфуса, чтобы самый спокойный на видъ французъ начиналъ горячиться и готовъ былъ потерять голову! На эту тему не было никакой возможности противорѣчить или спорить. Вотъ объективный результатъ, который всѣмъ извѣстенъ, всѣмъ бросался въ глаза. Тогда уже во Франціи поднимались голоса протеста, говорившіе, что это безобразное явленіе—продуктъ клерикальнаго воспитанія,—но это казалось непонятнымъ. Какъ могло религіозное воспитаніе довести массу до такого патологическаго состоянія? Съ тѣхъ поръ многое уяснилось; теперь мы видимъ, что воспитаніе, даваемое конгрегаціонистами, дѣйствовало не на логику, а на прирожденные инстинкты, и патологическій результатъ его становится вполнѣ понятнымъ. Мы уже упомянули, что можемъ объяснить его словами самихъ націоналистовъ. Дѣйствительно, все, что было сказано до сихъ поръ о духѣ клерикальнаго воспитанія, находитъ свое подтвержденіе въ такихъ же объективныхъ данныхъ, какъ и число клерикальныхъ школъ. Совершенно безсознательно и помимо своей воли, они формулируютъ обвиненіе противъ своихъ учителей. Возьмемъ сначала книгу Мориса Барреса: „Les amitiés françaises“ [1]), появившуюся въ прошломъ году. Самое названіе ея характерно: „Французскія симпатіи“. Въ немъ чувствуются доведенные до крайности національные инстинкты. Въ этой книгѣ, представляющей собою родъ дневника, Барресъ разсказываетъ, какъ онъ воспитываетъ своего сына въ духѣ націонализма. Съ наивною искренностью онъ открываетъ намъ все содержаніе традицій, которымъ конгрегаціонисты питаютъ своихъ учениковъ. Нельзя не восхищаться глубокимъ психологическимъ основаніемъ ихъ труда.

„Когда сидишь на берегу моря,—такъ начинаетъ Барресъ свою книгу,—и смотришь на массу дѣтей, играющихъ въ пескѣ, можешь подумать, что они такъ же похожи другъ на друга, какъ безчисленные крабы, съ которыми они забавляются... На самомъ дѣлѣ, каждый ребенокъ имѣетъ свою умственную структуру, каждый является продуктомъ не только физіологическихъ силъ, но также разнообразныхъ нравственныхъ и политическихъ вліяній. Вотъ маленькіе нормандцы,—они происходятъ изъ древней Дакіи; вотъ бретонцы, въ которыхъ живетъ память о кельтахъ; вотъ лотарингцы, перенесшіе напоръ германскихъ племенъ; вотъ го-

[1]) Maurice Barrès, Les amitiés françaises, 1904.

спода и вотъ рабы; вотъ дѣти, рожденныя въ хорошихъ условіяхъ, и вотъ дегенераты; вотъ продукты пресыщенной, утонченной культуры, и вотъ свѣжія, сильныя головы"...

Кто не согласится съ этою психологическою, глубоко-научной точкой зрѣнія? Она безусловно правильна. Но какъ примѣнить ее къ практическимъ условіямъ воспитанія? Вѣдь не всѣ наслѣдственные инстинкты одинаково хороши? Вѣдь надо же дать себѣ отчетъ, которые изъ нихъ могутъ существовать въ современныхъ условіяхъ жизни, и которые должны измѣниться, приспособиться къ новой средѣ. Это, повидимому, дѣло разума, критической мысли. Барресъ смотритъ совсѣмъ иначе. Онъ—фанатикъ традицій, онъ совсѣмъ не сознаетъ темныхъ сторонъ прошлаго. Для него „вся проблема первоначальнаго воспитанія заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать развитію того, что они имѣютъ отъ рожденія", а такъ какъ все прошлое ему рисуется въ радужномъ свѣтѣ, то это развитіе, въ его глазахъ, есть не что иное, какъ „расцвѣтъ врожденной красоты, который, по выраженію св. Амвросія, долженъ совершаться „in hymnis et canticis". Надо сознаться, реакціонеры, клерикалы во Франціи—не простые обскуранты. Это—настоящіе Маккіавелли. Они прибѣгаютъ къ поэтическимъ сравненіямъ, изображая, какъ душа ребенка отдается вліянію національныхъ и наслѣдственныхъ напѣвовъ, какъ она сама начинаетъ вторить въ униссонъ, и какъ изъ этихъ стройныхъ молодыхъ голосовъ слагается гармоническій хоръ цѣлой націи. А тутъ же, на слѣдующей страницѣ, они не брезгаютъ и самыми матеріалистическими аргументами, заимствуемыми у своихъ противниковъ. „Вѣдь жизнь сама по себѣ,—говоритъ Барресъ,—не имѣетъ смысла. Вѣдь если мы откажемся отъ того принципа, который дисциплинировалъ нашихъ отцовъ, и къ которому приспособлено наше мышленіе, то у насъ не будетъ никакого основанія предпочитать одну истину другой въ богатой сокровищницѣ философскихъ системъ. Придется выбирать наудачу, гадая: „орелъ или рѣшетка"... Вотъ до какой тонкости доходитъ эта въ полномъ смыслѣ слова іезуитская казуистика! Какъ будто, какъ ни прикинь—и съ точки зрѣнія вѣрующаго человѣка, и съ точки зрѣнія философа, отрицающаго абсолютную истину,—наслѣдственные напѣвы представляютъ единственно-реальную атмосферу воспитанія. Только при этомъ условіи можно достигнуть того желаннаго результата, о которомъ самъ Барресъ говоритъ съ наивною гордостью: „Когда начинается борьба идей въ душѣ ребенка, я стараюсь поддерживать вліяніе его предковъ. Такимъ путемъ создается культура, отъ которой ему никогда не

отдѣлаться". Съ своей точки зрѣнія онъ безусловно правъ. На его примѣрѣ, на примѣрѣ Брюнетьера, Коппэ, Леона Додэ и другихъ корифеевъ „націонализма" мы видимъ, что есть традиціонные „лейтмотивы", которые навсегда остаются въ головѣ и которыхъ никакая критика не можетъ искоренить.

Какіе же именно напѣвы окружаютъ нашего Барреса? Объ этомъ можно судить по одному названію главъ: „Филиппъ на развалинахъ замка Водемонъ", „Филиппъ въ Домреми, на родинѣ Жанны д'Аркъ", „Филиппъ въ Лурдѣ"... Если бы эту картину создалъ не наивный апломбъ убѣжденнаго націоналиста, то ее можно было бы счесть парадоксомъ или ошибкою. Но это не парадоксъ и не ошибка. Это—совершенно искреннее убѣжденіе, которое развивается детально въ каждой главѣ. Какое значеніе имѣетъ для ребенка картина стараго замка? „Исторія,—говоритъ Барресъ,—эта *маленькая, проблематическая* наука можетъ оказать разнаго рода услуги. Я требую отъ нея прежде всего, чтобы она дала намъ возможность распространить нашу чувствительность (sic!) на прошедшіе вѣка и ощутить болѣе гордости и болѣе уничиженія, чѣмъ можетъ вмѣстить жизнь одного человѣка". Какая ненависть къ наукѣ и какая экзальтація чувства! Излишне добавлять, что при такомъ критеріумѣ прошлое рисуется въ совершенно искаженномъ видѣ и въ исключительно розовомъ свѣтѣ. Отъ всей мрачной эпохи среднихъ вѣковъ съ ихъ кортежемъ кровавыхъ войнъ, голодовокъ и эпидемій, до маленькаго Филиппа доходятъ лишь опереточныя фигуры рыцарей и трубадуровъ. Онъ уже привыкаетъ сожалѣть объ этомъ невозвратномъ „славномъ" прошломъ, прежде чѣмъ научится понимать, что это была за эпоха.

Какіе же „лейтмотивы" звучатъ въ Домреми и въ Лурдѣ? Торжество мистицизма надъ разумомъ! Вѣдь можно горячо любить поэтическую фигуру Жанны д'Аркъ, но любить ее на реальномъ фонѣ ея эпохи, прекрасно сознавая, какіе соціальные факторы создали тотъ подъемъ національнаго духа, который выразился въ ея подвигѣ. Но не это интересуетъ Барреса. Онъ не хочетъ и допустить мысли о томъ, что мистическіе голоса, которые слышались Жаннѣ, сливались со звономъ колоколовъ. Онъ отрицаетъ показанія ея современниковъ. Для него это были настоящіе голоса, и онъ отвергаетъ всякія объясненія, „потому что невѣдѣніе пріятно человѣку, котораго леденитъ слишкомъ ясное созерцаніе дали" (sic!). Такое же „пріятное невѣдѣніе" онъ культивируетъ и въ Лурдѣ. Трудно повѣрить, что такъ разсуждаетъ человѣкъ далеко не заурядный по своимъ природнымъ

дарованіямъ, человѣкъ, обладающій безспорнымъ поэтическимъ талантомъ и принадлежащій къ высшимъ классамъ французскаго общества. Между тѣмъ, тутъ не можетъ быть, съ нашей стороны, ни тѣни превратнаго толкованія. Онъ самъ старательно формулируетъ свою точку зрѣнія. „Посѣщеніе Лурда,—говоритъ онъ,—это—прогулка для чувства. Она невольно противополагается въ моемъ умѣ тому холодному, правильному парку à la française, въ которомъ молодой Ренанъ размышлялъ надъ письмами своей резонерки-сестры. *Здѣсь сердце не даетъ воли разуму*". Въ этихъ словахъ все сказано. Это—альфа и омега націоналистическаго воспитанія.

Да, мы забыли привести еще одну неизбѣжную нотку, которая завершаетъ этотъ аккордъ впечатлѣній. Мы говоримъ о посѣщеніи маленькимъ Филиппомъ Эльзаса. Глава, посвященная культу реванша, озаглавлена: „Молитвы, которыя не могутъ слиться". Мѣсто дѣйствія—маленькая церковь въ мѣстечкѣ Нидерброннъ, гдѣ Барресъ съ сыномъ присутствуютъ на траурной мессѣ за павшихъ при Фрешвиллерѣ. Въ церкви находятся и ученики мѣстныхъ школъ. „За кого они будутъ молиться,—спрашиваетъ Филиппъ, указывая на школьниковъ,—за французовъ или за нѣмцевъ?" И отецъ, въ восторгѣ отъ этого наивнаго разграниченія загробныхъ интересовъ, увѣряетъ сына, что французъ, хотя бы онъ и сдѣлался германскимъ подданнымъ, мыслитъ и молится иначе, чѣмъ нѣмецъ, и что молитвы ихъ не могутъ слиться. Въ подкрѣпленіе своей мысли онъ разсказываетъ какую-то апокрифическую исторію о томъ, какъ одинъ нѣмецкій офицеръ послѣ сраженія при Вёртѣ плюнулъ въ лицо плѣнному французскому офицеру... Можно ли придумать болѣе возмутительный пріемъ, чтобы экзальтировать чувствительность ребенка? И вотъ еще одинъ „лейтмотивъ" въ душѣ Филиппа,—мотивъ непримиримой ненависти къ нѣмцамъ.

Книга Барреса для насъ безконечно цѣнна. Она иллюстрируетъ на конкретномъ примѣрѣ ту самую теорію клерикальнаго воспитанія, къ которой мы пришли путемъ общихъ соображеній. Барресъ и не подозрѣваетъ, что онъ выдаетъ своихъ единомышленниковъ головою, объясняя, какъ зарождаются тѣ мысли и чувства, которыя мы находимъ въ зрѣломъ видѣ въ произведеніяхъ Брюнетьера, Леметра, Коппэ, Леона Додэ и др. націоналистовъ. Возьмемъ, напримѣръ, послѣднюю книгу Леона Додэ: „Встревоженная Франція" [1]). Это—сборникъ статей на политп-

[1]) Léon Daudet, La France en alarme, 1904.

ческія и соціальныя темы, въ которомъ встрѣчаются теоріи и взгляды для нашего времени совершенно неожиданные. A priori и не сообразишь, какъ можно придти къ такимъ заключеніямъ. Если же посмотрѣть на это творчество съ патологической точки зрѣнія, какъ на результатъ экзальтаціи наслѣдственныхъ инстинктовъ, то многое останется понятнымъ.

Въ одной изъ статей Додэ доказываетъ превосходство легенды надъ исторіей. „Конечно,—говоритъ онъ,—благодаря такому количеству историковъ и добросовѣстныхъ комментаторовъ, отъ насъ не ускользнула ни одна деталь, касающаяся его (Наполеона) антуража, его родныхъ, его друзей, его симпатій и антипатій. Но легенда, разъ она утвердилась,—она пожираетъ плоды этого анализа... Легенда упрощаетъ! Легенда сохраняетъ свѣжесть чувства и колоритъ мечты. Конечно, легенда имѣетъ всѣ слабыя стороны любви, ея увлеченія, ея ошибки, но зато она имѣетъ и ея интуитивную увѣренность и ея способность схватывать главныя черты, устраняя все второстепенное. Освѣщеніе, даваемое легендою, вѣрно, какъ *инстинктъ*, ярко, какъ свѣтъ на картинахъ Рембрандта... Правда, этотъ свѣтъ образуетъ иногда ореолъ или вѣнокъ, въ которомъ не замѣтно терніевъ, но *послѣднему можно лишь радоваться*, потому что легенда оживляетъ, между тѣмъ какъ анализъ убиваетъ... Анализъ, повторяю, еще разъ, долженъ быть скромнымъ слугою легенды“...

Какъ объяснить себѣ такой абсурдный тезисъ въ серьезной критической статьѣ, касающейся произведеній извѣстнаго историка Массона? Кому же нужна такая исторія, искаженная легендою? Тому, кто, по словамъ Барреса, требуетъ отъ исторіи, чтобы она прежде всего говорила его чувству, „расширяла его чувствительность“... Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, анализъ часто убиваетъ воображеніе. Но къ такому заключенію можно придти не логикою мысли, а логикою чувства, сентиментальными прогулками въ Домреми и въ Лурдѣ, „гдѣ сердце не даетъ воли разуму“.

Другое, не менѣе характерное патологическое состояніе обнаруживается въ отношеніи Додэ къ наукѣ и къ вѣрѣ. „Нѣтъ и не можетъ быть антагонизма между наукою и вѣрою,—утверждаетъ Додэ,—потому что наука относится къ сферѣ разума, а вѣра—къ сферѣ чувства“. Но, спрашивается, развѣ сфера чувства не можетъ быть болѣе или менѣе регулируема разумомъ? „Нѣтъ,—отвѣчаетъ Додэ,—наука, каковы бы ни были ея превращенія въ будущемъ, никогда не измѣнитъ природу человѣка настолько, чтобы онъ могъ обойтись безъ идеала, безъ этой кра-

сивой картинки (belle image), которая находится внѣ сферы его воздѣйствія".

Конечно, если человѣкъ не можетъ обойтись безъ какого-то миража, если онъ столь болѣзненно привязанъ къ своимъ иллюзіямъ, то обширная сфера его жизни останется внѣ воздѣйствія разума,—но развѣ это не патологическое состояніе, не родъ невроза, созданный экзальтаціей чувства? Какъ это характерно съ точки зрѣнія развитія наслѣдственныхъ инстинктовъ! Какъ ясно тутъ сказываются плоды воспитанія въ духѣ Барреса!

Но этого мало. Преобладаніе чувства надъ разумомъ ведетъ не только къ ограниченію мысли, но и къ произволу ничѣмъ не сдерживаемыхъ инстинктовъ. Темпераментъ затмеваетъ разсудокъ, и въ результатѣ получается фанатическая нетерпимость, болѣзненная ненависть ко всѣмъ, кто мыслитъ иначе. Въ этомъ отношеніи въ книгѣ Додэ есть поразительные примѣры. Додэ, этотъ сынъ литературной семьи, въ которой лишь вліяніе матери олицетворяло клерикальный духъ, клеймитъ такихъ высокихъ, благородныхъ мыслителей, какъ Левъ Толстой и Ренанъ, именами схизматика и отступника. „Всякій апостатъ—предатель,—говоритъ онъ про Ренана.—Ему были довѣрены ключи храма, а онъ заказалъ себѣ другіе, фальшивые, и когда его прогнали, далъ ихъ людямъ, которые хотѣли богохульствовать и осквернять храмъ... Ренанъ, этотъ отступникъ, не перестаетъ еще расточать свой ядъ... Онъ оскверняетъ всякій энтузіазмъ, заставляетъ мертвыхъ вставать изъ гроба, онъ—тотъ, передъ кѣмъ крестятся, когда встрѣчаютъ его въ сумеркахъ, на перекресткѣ путей мысли... Вокругъ его мрачнаго памятника собираются современныя вѣдьмы: корыстолюбіе, фанатизмъ, *страсть къ анализу*, *невѣріе*, и продолжаютъ споръ, который ихъ учитель велъ съ улыбкой скептицизма на устахъ". Мы привели слова Додэ по возможности близко къ оригиналу, чтобы выдвинуть все безобразіе его мысли и неприличіе ея выраженія по отношенію къ Ренану, который, и послѣ отдѣленія отъ католической церкви, сохранилъ глубокую нѣжность къ своимъ бывшимъ учителямъ и никогда не отзывался о религіи иначе, какъ съ оттѣнкомъ самаго теплаго чувства. Неужели Додэ не читалъ воспоминаній и писемъ Ренана? Нѣтъ, его просто ослѣпляетъ необузданная ненависть къ поборникамъ свободной мысли. Въ этомъ отношеніи всякій, кто выходитъ изъ подчиненія догматамъ вѣры, всякій, кто проявляетъ самостоятельное, критическое мышленіе, вызываетъ съ его стороны самое рѣзкое осужденіе. Эта нетерпимость распространяется не только на ученыхъ, но и на литераторовъ

вообще. Вотъ что̀ онъ пишетъ про Ибсена: „Творчество Генрика Ибсена—не что̀ иное, какъ расколъ, уклоненіе отъ истинной вѣры, какъ, впрочемъ, и большая часть современныхъ взглядовъ на тѣ глубокія моральныя проблемы, которыя постоянно тревожатъ человѣка... Всякое произведеніе, которое не опирается на вѣру, неизбѣжно уклоняется въ сторону... Ибсенъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ дѣлаетъ одно и то же: онъ дѣлитъ свою моральную тревогу на части, которыя пытаются соединиться въ одно цѣлое, но безуспѣшно... Къ нему примѣнима старая испанская поговорка: „*проклятъ*, потому что не имѣлъ вѣры".

Какъ назвать такое отношеніе къ Ренану, Толстому, Ибсену, къ мыслителямъ, которые если и заблуждаются, то во всякомъ случаѣ искренностью своихъ убѣжденій и своимъ неуклоннымъ стремленіемъ къ истинѣ давно уже снискали всеобщее уваженіе? Чѣмъ объяснить ненависть къ нимъ со стороны Додэ? Конечно, патологическимъ основаніемъ его собственныхъ убѣжденій.

Но вліяніе иллюстрированной Барресомъ системы воспитанія сказывается не только въ развитіи отдѣльныхъ инстинктовъ,—оно идетъ далѣе и объединяетъ ихъ въ цѣлую систему. Мало-по-малу создается своеобразная односторонняя логика, какъ мы видимъ это на примѣрѣ Брюнетьера. Брюнетьеръ, какъ мыслитель, гораздо сильнѣе Додэ. То, что̀ у послѣдняго проявлялось въ формѣ инстинктивныхъ порывовъ мысли, получаетъ у Брюнетьера логическую основу.

Иначе говоря, Брюнетьеръ не ограничивается отдѣльными, болѣе или менѣе краснорѣчивыми доводами,—онъ хочетъ связать ихъ съ цѣлымъ міросозерцаніемъ и дать имъ философское основаніе. Съ точки зрѣнія генезиса и развитія идей эта попытка представляетъ живѣйшій интересъ. Какъ ни знаменательны были симптомы, которые мы отмѣтили въ мышленіи Барреса и Додэ, только здѣсь они достигаютъ своей полной силы. Намъ невольно вспоминаются слова Ле-Дантека, который въ послѣднемъ своемъ произведеніи: „Наслѣдственныя вліянія", доказываетъ, что вся наша логика есть результатъ извѣстнаго атавизма и передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе привычки мыслить. Если она и кажется намъ неизмѣняемой и какъ бы существующею независимо отъ индивидуальнаго мышленія, то лишь потому, что на длинномъ пути ея образованія мы не замѣчаемъ всѣхъ колебаній, уклоненій, ошибокъ, сопровождавшихъ ея развитіе. Но и теперь, несмотря на общность законовъ логики, не всѣ примѣняютъ ихъ одинаково. Есть люди, которые никогда не могутъ понять другъ друга вслѣдствіе коренного различія въ привычкѣ мыслить. Въ

этомъ отношеніи воспитаніе играетъ громадную роль, и мы имѣемъ полное право сказать, что если логика, въ тѣсномъ смыслѣ слова, должна быть одна и та же для всѣхъ, то логика отдѣльныхъ индивидуумовъ, въ широкомъ смыслѣ слова, можетъ совершенствоваться или ухудшаться. Съ этой точки зрѣнія произведенія Брюнетьера представляютъ шагъ впередъ въ развитіи интересующаго насъ міросозерцанія. У него національные инстинкты доходятъ до образованія новой привычки мыслить, которая въ педагогическомъ отношеніи можетъ имѣть громадное и прямо-таки гибельное вліяніе. Эта привычка заключается въ утилизаціи позитивизма для оправданія своей точки зрѣнія.

До сихъ поръ всѣ клерикальные мыслители, всѣ защитники религіознаго міросозерцанія смотрѣли на позитивистовъ какъ на своихъ прямыхъ враговъ. Позитивизмъ грозилъ свести религію до степени соціальнаго явленія, подлежащаго детерминизму міровой исторіи. Но позитивисты пока еще не осуществили своей угрозы. Исторія религій находится лишь въ зачаткѣ. Между тѣмъ, многіе аргументы позитивизма могутъ быть съ успѣхомъ обращены противъ притязаній философіи на абсолютную истину. Вѣдь позитивизмъ приковываетъ мысль человѣка къ постепенной эволюціи его расы. Онъ отнимаетъ у науки надежду на сколько-нибудь близкое раскрытіе міровыхъ загадокъ. Онъ обрекаетъ человѣчество на долгое блужданіе въ полумракѣ неполнаго знанія. Въ этомъ отношеніи позитивизмъ можетъ быть симпатиченъ всѣмъ врагамъ свободной мысли, а одновременно и всѣмъ тѣмъ, чьи традиціи заключаются въ культѣ религіознаго чувства.

Но для того, чтобы воспользоваться аргументами позитивизма противъ науки, надо ослабить ихъ дѣйствіе противъ религіи. Съ точки зрѣнія Огюста Конта это будетъ натяжка, но къ ней можно привыкнуть, и въ этомъ-то и заключается образованіе новой привычки мыслить.

Мы можемъ прослѣдить, какъ создается эта привычка, какъ мало-по-малу выковывается своеобразная логика Брюнетьера. Его отправная точка зрѣнія легко выражена въ статьѣ: „Враги французской души“, появившейся еще въ 1899 г. „Для того, чтобы характеризовать сущность французскихъ традицій, — говоритъ онъ, — намъ надо подняться въ исторіи не до эпохи Карла Великаго, не до Клодвига, а гораздо выше, до самихъ галловъ, до того, кто сказалъ: „Duas res pleraque Gallia industriosissime prosequitur, rem militarem et argute loqui“ [1]). У насъ есть *воен-*

[1]) У большинства галловъ есть два любимыхъ занятія: военное искусство и краснорѣчіе.

ныя традиціи; у насъ есть *литературныя*, интеллектуальныя традиціи и съ тѣхъ поръ, какъ появилось христіанство, у насъ есть *религіозныя* традиціи".

Уже въ этой статьѣ авторъ становится открыто на точку зрѣнія позитивистовъ. Но какъ воспользоваться ихъ выводами? Брюнетьеръ подходитъ къ интересующей его проблемѣ то съ той, то съ другой стороны, характеризуя католицизмъ то какъ историческій, то какъ соціальный фактъ. „Я буду говорить о нашихъ религіозныхъ традиціяхъ, — заявляетъ онъ читателю,— не въ качествѣ вѣрующаго и не въ качествѣ журналиста, а въ качествѣ историка. И я констатирую, какъ общепризнанный историческій фактъ, что подобно тому, какъ Англія идентифицировалась въ исторіи съ протестантизмомъ или Россія съ православіемъ, точно такъ же и Франція идентифицировалась съ католицизмомъ".

Но значитъ ли это, что католицизмъ столь же благодѣтеленъ для Франціи, какъ протестантизмъ для Англіи? Для всякаго безпристрастнаго позитивиста это былъ бы, по меньшей мѣрѣ, вопросъ. Развѣ католицизмъ не привелъ къ упадку Испанію, съ которою онъ столь же тѣсно идентифицировался? Но Брюнетьеръ закрываетъ на это глаза. „Я констатирую,—продолжаетъ онъ, довольствуясь совершенно одностороннимъ освѣщеніемъ фактовъ,—что въ теченіе двѣнадцати вѣковъ роль покровительницы католицизма принадлежала Франціи. Отсюда я заключаю, что все, что̀ мы сдѣлаемъ, все, что̀ мы допустимъ сдѣлать противъ католической церкви, пойдетъ въ ущербъ нашему міровому вліянію, будетъ противорѣчить всей нашей исторіи и окажется враждебнымъ основнымъ свойствамъ французской души".

Одновременно въ другой статьѣ: „О геніѣ латинской расы", онъ дѣлаетъ попытку построить свою аргументацію на выводахъ соціологіи. „Если англичане достигли такого могущества, — говоритъ онъ,—то именно потому, что они развивали свои природныя качества". Основываясь на этомъ примѣрѣ, онъ убѣждаетъ французовъ культивировать въ себѣ геній латинской расы. Чѣмъ же характеризуется послѣдній? Универсальностью своихъ концепцій въ области права, архитектуры, краснорѣчія и т. д. Мы не хотимъ вдаваться во всѣ подробности этой остроумной, но чрезвычайно условной аргументаціи. Довольно будетъ намѣтить, что универсальность въ представленіи Брюнетьера граничитъ съ католицизмомъ, съ моральною и умственною дисциплиною вселенской церкви и противополагается индивидуальному критеріуму свободной мысли. Конечно, и тутъ есть большая натяжка. Ничто

не доказываетъ, что міровоззрѣніе католической церкви есть единственно-возможное универсальное міровоззрѣніе, и что французы должны быть ему вѣрны изъ опасенія попасть въ дебри индивидуализма. Вѣдь самыя универсальныя формы искусства и литературы не разъ уже смѣнялись другими. Но Брюнетьеръ пользуется одностороннимъ освѣщеніемъ этого соціальнаго факта для того, чтобы доказать, что католицизмъ есть національное міровоззрѣніе француза.

Однако, мало-по-малу ему удалось перейти отъ этихъ отрывочныхъ силлогизмовъ къ болѣе общей концепціи. Послѣдняя развивается въ тѣхъ статьяхъ, которыя недавно появились особымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „На стезяхъ вѣры“ [1]). Здѣсь уже авторъ не хватается за тотъ или другой тезисъ позитивизма, а говоритъ о позитивизмѣ вообще въ его исторической роли и въ его примѣненіи къ данной цѣли.

Позитивизмъ опровергъ основную идею мыслителей XVIII-го вѣка, ихъ увѣренность въ силу индивидуальнаго разума. Позитивизмъ доказалъ, что не человѣкъ создаетъ семейную, общественную и національную атмосферу своей жизни, а наоборотъ, самъ является ея продуктомъ. Позитивизмъ открылъ ограниченность и начало мышленія и его зависимость отъ данной среды. Вотъ почему,—заключаетъ Брюнетьеръ,—въ ихъ вѣчной борьбѣ противъ субъективной мысли, вѣрующіе, къ какому бы вѣрованію они ни принадлежали, не найдутъ лучшаго союзника, чѣмъ Огюстъ Контъ и его послѣдователи.

Конечно, но при одномъ условіи: при условіи, что они не будутъ обращать тѣхъ же аргументовъ противъ религіи, какъ это дѣлаетъ Огюстъ Контъ. Для него религія есть такой же соціальный фактъ, такой же продуктъ извѣстной среды, какъ и всякое другое явленіе духовной жизни народовъ. Съ этой точки зрѣнія религіи могутъ измѣняться и смѣняться точно такъ же, какъ и философскія теоріи. Задача Брюнетьера заключалась въ томъ, чтобы отдѣлить первыя отъ послѣднихъ. Утилизація позитивизма должна была состоять въ томъ, чтобы 1) доказать ограниченность философскихъ теорій, признавъ ихъ продуктомъ субъективнаго разума, и 2) открыть въ религіи другую творческую силу, которая подъ формулою объективнаго соціальнаго начала приближалась бы къ откровенію.

Первое положеніе вывести сравнительно легко. Огюстъ Контъ высказался категорически, что „горделивыя притязанія человѣ-

---

[1]) Ferdinand Brunetière, Sur les chemins de la croyance, 1904.

ческаго ума на полное господство надъ жизнью ни разу не достигли осуществленія и имѣли лишь отрицательную силу въ ниспроверженіи отсталыхъ воззрѣній". На этомъ тезисѣ и основывается Брюнетьеръ, съ цѣлью доказать, что „не разумъ управляетъ міромъ", и оставляетъ, однако, въ тѣни другое слѣдствіе, а именно, что и не вѣра управляетъ міромъ, а неразумная стихійная сила.

Гораздо труднѣе вывести второе положеніе, которое безусловно чуждо общей концепціи позитивизма. Для этого надо сдѣлать скачокъ за предѣлы положительнаго знанія. Утомивъ читателя безконечными разсужденіями на тему объ относительности послѣдняго, Брюнетьеръ заключаетъ совершенно произвольно, что мы имѣемъ право оперировать этими относительно-реальными понятіями лишь поскольку мы вѣримъ въ ихъ связь съ абсолютно-реальнымъ, непознаваемымъ міромъ. Однимъ словомъ, онъ утверждаетъ, что все наше положительное знаніе покоится на метафизической презумпціи сходства феноменальнаго міра съ объективнымъ непознаваемымъ міромъ. Отсюда уже ясно, что сущность этого непознаваемаго міра допускаетъ не только метафизическія, но и религіозныя концепціи. Такимъ образомъ, за предѣлами положительнаго знанія, Брюнетьеръ открываетъ совершенно независимую отъ него сферу духовной жизни, которую онъ считаетъ выше первой, основываясь на томъ, что въ ней творческимъ началомъ является не индивидуальный разумъ, а соціальныя силы.

Этотъ выводъ покоится на совершенно ложномъ толкованіи фактовъ. Позитивисты основываютъ свое міровоззрѣніе не на гипотезѣ, а на фактѣ. Ихъ основаніе было бы метафизическимъ, еслибы они утверждали, что относительно-реальный міръ явленій есть отраженіе какого-то другого міра. Но этого они никогда не утверждали. Они отправляются отъ того простого факта, что всякое явленіе внѣшняго міра имѣетъ свою познаваемую, субъективно-реальную сторону. Какова же можетъ быть объективная сущность явленія—этого вопроса они не затрогивали, да собственно говоря, для нихъ онъ и не имѣетъ никакого значенія. Вѣдь ихъ цѣль заключается въ познаніи не вещи „въ себѣ", а отношенія между вещами. Поэтому они и не нуждаются въ метафизическомъ основаніи своего относительно-реальнаго міровоззрѣнія.

Но самое понятіе относительно-реальныхъ явленій далеко еще не ясно для всѣхъ и каждаго, благодаря чему Брюнетьеръ не можетъ играть словами и увѣрять своихъ читателей, что за

основными тезисами позитивизма скрывается возможность не только метафизическихъ, но и религіозныхъ концепцій. И разъ выведя религію на эту совершенно новую почву, онъ переноситъ сюда всѣ аргументы позитивизма. Онъ постоянно напираетъ на то, что религія, какъ соціальный фактъ, есть непосредственное выраженіе моральнаго и соціальнаго сознанія каждаго народа, самый могущественный факторъ его духовнаго единства.

Мы нарочно остановились на деталяхъ этой абстрактной аргументаціи, чтобы показать, какъ мало-по-малу крѣпнетъ и развивается логическая основа клерикальнаго міровоззрѣнія. Человѣку свойственно приспособляться къ той средѣ, въ которой онъ живетъ. За утвержденіемъ природныхъ инстинктовъ слѣдуетъ вполнѣ естественно ихъ логическое оправданіе, и какъ бы одностороння ни была эта логика, для людей, въ которыхъ уже говоритъ глухой голосъ инстинктовъ, и которые живутъ въ данной атмосферѣ, она имѣетъ всѣ шансы успѣха. Съ этой точки зрѣнія логика Брюнетьера является вѣнцомъ клерикальнаго воспитанія. Спорить съ нимъ и съ его единомышленниками нѣтъ никакой возможности, потому что у нихъ чувство доминируетъ надъ разумомъ и имъ пріятно такое одностороннее освѣщеніе вещей. Послѣднее произведеніе Брюнетьера есть не что иное, какъ призывъ, громкій, смѣлый призывъ закрывать глаза на одну сторону вопроса и смотрѣть только на другую. При этомъ условіи патологическое міросозерцаніе націоналистовъ еще усилится своеобразной логической конструкціей. Это—новое, усовершенствованное орудіе въ рукахъ націоналистовъ, бороться съ которымъ можно не разумомъ, а только силою, какъ и дѣлаетъ настоящее радикальное министерство, выступая противъ кандидатуры Брюнетьера на академическіе посты.

III.

Вліяніе наслѣдственныхъ факторовъ.

Въ заключеніе этого этюда мы хотѣли бы показать, на какую почву падаетъ ученіе націоналистовъ, и какіе размѣры можетъ принять клерикальная опасность при существующемъ атавизмѣ и природныхъ свойствахъ французской націи. Въ этомъ отношеніи личность и идеи Жюля Сури представляютъ живой примѣръ. Жюль Сури, авторъ знаменитаго изслѣдованія „Структура

и функціи центральной нервной системы" является однимъ изъ самыхъ выдающихся ученыхъ нашего времени. Французская академія наукъ, присуждая ему премію Монтіона, признала его трудъ „стоящимъ внѣ всякаго сравненія съ подобными изслѣдованіями въ другихъ странахъ" по глубинѣ анализа и поразительной эрудиціи автора. Въ настоящее время онъ состоитъ директоромъ практической школы высшихъ наукъ при Сорбоннѣ, въ которой и самъ читаетъ лекціи по физіологіи нервной системы. Всѣ, кто знакомъ съ его трудами и кто хоть разъ побывалъ на его лекціи, уносилъ неизгладимое воспоминаніе объ этомъ аскетѣ науки, личность котораго дышитъ полнымъ отрѣшеніемъ отъ мірской суеты. Во время лекціи его маленькіе проницательные глаза закрываются, онъ всецѣло отдается теченію своей мысли, и вся его некрасивая фигура, утопающая въ какомъ-то невѣроятномъ мѣшкообразномъ сюртукѣ, кажется смѣшнымъ и въ то же время величественнымъ пережиткомъ другой эпохи, когда подобные ему мыслители уходили отъ міра въ тишину монашеской кельи. Его мысль свободно вращается въ тѣхъ извилинахъ нашего мозгового аппарата, гдѣ многообразные периферическіе рефлексы проникаютъ въ индивидуальное самосознаніе, и которыя онъ самъ называетъ акрополисомъ науки. И вотъ этотъ-то ученый, достигшій высшихъ предѣловъ человѣческаго знанія и поражающій силою своего анализа, при ближайшемъ ознакомленіи съ его политическими взглядами, оказывается узкимъ и фанатичнымъ націоналистомъ. Трудно найти болѣе любопытный психологическій казусъ, чѣмъ соединеніе этихъ двухъ противоположностей въ мышленіи Жюля Сури. Быть одновременно атеистомъ, матеріалистомъ и нетерпимымъ, фанатичнымъ католикомъ—кажется съ перваго взгляда какимъ-то парадоксомъ. Между тѣмъ этотъ парадоксъ представляетъ лишь заостренное до крайнихъ предѣловъ патологическое состояніе всѣхъ націоналистовъ и клерикаловъ во Франціи.

Съ этой точки зрѣнія идеи Жюля Сури представляютъ для насъ громадный интересъ.

Въ сферѣ науки онъ не знаетъ другого мѣрила, кромѣ пытливой критической мысли. При этомъ онъ прекрасно сознаетъ чего можно отъ нея требовать и гдѣ находятся естественныя границы человѣческаго познанія. „Наука никогда не откроетъ объективной сущности вещей,—говоритъ Сури,—потому что человѣкъ знаетъ лишь ихъ субъективную феноменальную сторону. Онъ знаетъ лишь отношеніе между вещами, а не ихъ абсолютную сущность. Но и этого знанія ему достаточно, для того,

чтобы извлечь изъ него законъ мірового детерминизма, для того, чтобы понять, что въ мірѣ нѣтъ ни плана, ни цѣли, а лишь безконечное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій". На основаніи этого матеріала онъ объясняетъ себѣ образованіе міровъ, появленіе жизни на землѣ, происхожденіе человѣка изъ длинной цѣпи животныхъ организмовъ и развитіе его нервной системы вплоть до появленія сознательной мысли. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ заключенію, что сознаніе есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ чувствительности, результатъ „химическихъ соединеній элементовъ воды, земли и воздуха, столь же необходимыхъ, какъ и соединеніе минераловъ, которые, быть можетъ, лишены сознанія" [1]). Изученію этихъ соединеній, образующихъ матеріальный субстрактъ психическихъ явленій, Сури посвятилъ всю свою жизнь. Его основной трудъ есть анатомическое и физіологическое изслѣдованіе нервной системы у безпозвоночныхъ и у позвоночныхъ, которое заключаетъ въ себѣ, по словамъ автора, исторію человѣческаго ума, унаслѣдовавшаго всѣ измѣненія этихъ механизмовъ въ теченіе длинной эволюціи животныхъ видовъ на землѣ.

Характеризуя сущность своихъ выводовъ, онъ самъ называетъ себя атеистомъ въ томъ смыслѣ, что его научная концепція обходится безъ всякаго трансцендентальнаго, божественнаго принципа, и матеріалистомъ съ тою лишь оговоркою, что въ матеріи онъ видитъ не абсолютную сущность, а феноменальный, доступный человѣческому познанію субстрактъ явленій. Такова точка зрѣнія, таково положеніе, занятое Жюлемъ Сури въ наукѣ.

И вотъ, наряду съ философіей, постигающей индивидуальную жизнь, какъ одну изъ волнъ безбрежнаго океана, онъ проповѣдуетъ слѣдующую узкую и условную мораль этой самой жизни: „Поступайте такъ, какъ поступали ваши отцы и матери. Если вамъ посчастливилось избрать карьеру философа или монаха, клирика или солдата, отрекитесь отъ міра, отъ всего, что принадлежитъ къ міру, и въ ожиданіи конечнаго избавленія — смерти — культивируйте въ себѣ преемственное общеніе умершихъ и живущихъ. Прислушивайтесь къ печальному голосу предковъ, который говоритъ въ васъ; почитайте и защищайте землю, въ которой ваша мать покоится вѣчнымъ сномъ; *хотя бы вы были атеистомъ, оставайтесь католикомъ и французомъ.* Дѣло не въ томъ, чтобы вѣровать, а въ томъ, чтобы жить, какъ живутъ

---

[1]) Jules Soury, Campagne nationaliste, 1902, p. 47.

вѣрующіе, т.-е. въ постоянной экзальтаціи того идеала, который питалъ души вашего отца и матери".

Какъ же примиряется въ немъ научный атеизмъ съ религіозной концепціей жизни? Точно такъ же, какъ это объясняетъ Леонъ Додэ, — полнымъ разобщеніемъ сферы знанія и сферы чувства. Ученый, говоритъ Сури, можетъ отрицать всѣ догматы религіи, но это не мѣшаетъ ему идти въ церковь и отдаваться наплыву религіознаго чувства. „Что мнѣ нравится въ религіи,— говоритъ онъ далѣе,—это не метафизическая вѣра въ тотъ или другой непостижимый догматъ, а самый жестъ, унаслѣдованный отъ предковъ, преклоненіе колѣнъ на полу храма, крестное знаменіе, ощущеніе тепловатой воды, которой касается рука у входа, слова литаній, произносимыя машинально, *безъ смысла*, и убаюкивающій шопотъ молитвъ, въ которыхъ соединяются родственныя души".

Съ этой горячей привязанностью къ традиціямъ и къ поэзіи прошлаго Сури соединяетъ фанатическую ненависть ко всему, что имъ грозитъ измѣненіемъ или уничтоженіемъ. „Сражаться за идеалъ предковъ, за спасеніе ихъ настоящихъ потомковъ, сражаться за честь своей націи или касты, вотъ,—говоритъ онъ,— въ чемъ заключается для меня героическая функція человѣка. Я принадлежу къ партіи войны: войны противъ всего, что мы ненавидимъ, противъ отрицанія національныхъ традицій, противъ измѣны отечеству со стороны протестантовъ и франмасоновъ еще болѣе, чѣмъ со стороны евреевъ, которые, по крайней мѣрѣ— не французы; войны для защиты всего, что мы любимъ,—земли, въ которой покоятся наши предки, католической церкви и французской арміи".

Какъ странно звучатъ эти слова нетерпимости и ненависти въ устахъ мирнаго ученаго! какъ поражаетъ такая экзальтація самыхъ узкихъ, условныхъ понятій—традиціи расы и кастовой чести! Между тѣмъ, это не случайное увлеченіе въ пылу полемики, а глубокое убѣжденіе Жюля Сури, стоящее въ тѣсной связи со всѣмъ его міросозерцаніемъ. Дѣло въ томъ, что привязанность къ традиціямъ прошлаго представляетъ для него единственный смыслъ существованія въ мірѣ, гдѣ властвуетъ физическій законъ подбора видовъ и эволюціи расъ. Съ точки зрѣнія детерминиста и атеиста это вполнѣ послѣдовательно. Въ мірѣ, гдѣ нѣтъ нравственнаго закона, полное, гармоническое развитіе своего существа представляетъ единственную raison d'être какъ растенія, такъ и человѣка. Поэтому Сури видитъ для французовъ единственную цѣль существованія въ развитіи

природныхъ свойствъ своей расы и въ борьбѣ за свою индивидуальность, но это вполнѣ логическое воззрѣніе принимаетъ у него невѣроятную окраску подъ вліяніемъ экзальтаціи его чувствъ. Голосъ предковъ заглушаетъ въ немъ его собственную трезвую, спокойную мысль, и въ пылу слѣпого обожанія и столь же слѣпой ненависти онъ совершенно теряетъ изъ виду возможность дальнѣйшей эволюціи какъ національнаго характера, такъ и національныхъ инстинктовъ. Когда-то Франція жила идеалами военной славы и католическаго мистицизма, но съ тѣхъ поръ условія жизни совершенно измѣнились. Между тѣмъ Сури упрямо отвергаетъ требованія новаго времени и продолжаетъ утверждать, что въ государственномъ организмѣ Франціи есть лишь двѣ живыя силы: армія и католическая церковь!

Для него, для его трезваго, научнаго мышленія это такъ неожиданно, что производитъ впечатлѣніе какого-то локальнаго затемнѣнія мысли или гипноза. И вотъ, великій ученый, озаренный чуткимъ, благороднымъ сердцемъ, какъ гражданинъ, оказывается отрѣзаннымъ отъ современной дѣйствительности, погруженнымъ въ какую-то галлюцинацію и не только безполезнымъ, но прямо-таки вреднымъ членомъ общества!

А между тѣмъ онъ самъ не испыталъ на себѣ прямого вліянія клерикальной школы. Тѣмъ интереснѣе для насъ его автобіографія, въ которой на каждой страницѣ проявляются наслѣдственныя вліянія, объясняющія, почему французскій ребенокъ предрасположенъ къ воспріятію клерикальныхъ идей, и какой благодарный объектъ онъ представляетъ для развитія наслѣдственныхъ инстинктовъ. Въ настоящемъ состояніи теоріи наслѣдственности нѣтъ надобности доказывать, что индивидуумъ старой расы приноситъ съ собою на свѣтъ болѣе сложный и болѣе обширный наслѣдственный багажъ, чѣмъ индивидуумъ молодой расы. Это уже сдѣлалось аксіомою. Мы думаемъ, что эту мысль можно выразить иначе, сказавъ, что индивидуумъ старой расы испытываетъ болѣе сильное и болѣе опредѣленное вліяніе своихъ предковъ, чѣмъ индивидуумъ молодой расы. Если принять во вниманіе, что наша психика есть продуктъ двухъ факторовъ, внѣшняго міра и реагирующаго на него организма, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что чѣмъ болѣе организмъ обремененъ наслѣдственностью, тѣмъ опредѣленнѣе будутъ его рефлексы и создающаяся изъ нихъ психика. Всякій, кто живалъ среди французовъ или англичанъ, согласится съ нами, что имъ труднѣе отрѣшиться отъ своей національной точки зрѣнія, чѣмъ русскому или даже нѣмцу. Они труднѣе ассимилируютъ, труднѣе воспринимаютъ иностранные нравы

или языкъ. Дѣло въ томъ, что они отъ рожденія болѣе богаты наслѣдственными рефлексами, чѣмъ мы. Съ этой точки зрѣнія можно понять, какъ создается типъ французскаго мыслителя, который Жюль Сури анализируетъ и раскрываетъ въ самомъ себѣ съ поразительной ясностью. Онъ родился въ Парижѣ, въ семьѣ бѣднаго ремесленника, работавшаго, подобно Спинозѣ, надъ изготовленіемъ оптическихъ инструментовъ. Естественнымъ образомъ и мальчикъ Жюль съ дѣтства предназначался къ тому же ремеслу, и по окончаніи начальнаго училища, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, поступилъ ученикомъ къ оптику Луи Бодеру. Но, посѣщая по вечерамъ курсы физики и химіи, которые могли быть ему полезны для его ремесла, онъ почувствовалъ влеченіе къ болѣе широкому образованію, изучилъ латинскій языкъ и, окончивъ свое ремесленное обученіе, поступилъ довольно поздно въ лицей „Луи-ле-Гранъ". По окончаніи курса лицея и по сдачѣ экзамена въ Сорбоннѣ уже не было и рѣчи о ремесленной карьерѣ, но, въ виду недостатка средствъ, положеніе молодого Сури было весьма затруднительнымъ. Самое выгодное для него было поступить въ Высшую Нормальную школу и избрать педагогическую дѣятельность, но его остановила перспектива интерната и необходимость покинуть родительскій домъ. Не желая разставаться съ родителями, онъ избралъ археологическій институтъ, хотя послѣдній и не открывалъ ему никакой обезпеченной карьеры въ будущемъ. Однако, этотъ выборъ оказался удачнымъ. Выдающіяся способности молодого Сури привлекли къ нему вниманіе профессоровъ и сильную поддержку со стороны Ренана, между тѣмъ какъ его умственный кругозоръ расширялся далеко за предѣлы археологіи, обнимая уже анатомію и физіологію нервной системы, которую онъ изучалъ въ клиникахъ Сальпетріеръ подъ руководствомъ Вуазена и Жюля Люи.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, что развитіе Жюля Сури не происходило подъ исключительнымъ вліяніемъ одной школы, какъ, напримѣръ, воспитываются молодые люди въ іезуитскихъ и другихъ клерикальныхъ пансіонахъ. Ни начальная школа, ни лицей, ни археологическій институтъ не олицетворяли клерикальнаго духа. И тѣмъ не менѣе, подъ давленіемъ наслѣдственныхъ инстинктовъ, въ немъ развивался клерикальный мыслитель.

Онъ самъ отмѣчаетъ отдѣльные элементы, изъ которыхъ сложилось его міросозерцаніе: глубокій пессимизмъ жизни, т.-е. укоренившуюся вѣками привычку смотрѣть на жизнь, какъ на рядъ лишеній и испытаній, естественную потребность въ идеалѣ, ко-

торый могъ бы замѣнить недостающую жизнерадостность, и горячую привязанность къ немногимъ свѣтлымъ сторонамъ этого мрачнаго существованія—къ отцу, къ матери и къ традиціямъ семьи.

Эти элементы представляются чрезвычайно характерными для французской жизни.

Правда, глубокій пессимизмъ, который проникаетъ все міросозерцаніе Сури, уже не представляетъ теперь обыденнаго явленія. Для того чтобы понять его настроеніе, надо перенестись въ ту отдаленную эпоху, когда въ стѣнахъ средневѣкового Парижа цѣлыя поколѣнія горожанъ жили подъ страхомъ кровавыхъ войнъ, эпидемій, голодовокъ и въ тяжелой борьбѣ за существованіе вырабатывали въ себѣ „христіанское смиреніе" передъ жизнью, которая освѣщалась лишь блѣднымъ ореоломъ религіознаго мистицизма. Правда, за послѣдніе полвѣка условія существованія въ городахъ западной Европы кореннымъ образомъ измѣнились къ лучшему, лучъ яркаго весенняго солнца проникъ въ жилища рабочихъ и жизнерадостная энергія смѣнила прежнее угнетенное настроеніе,—тѣмъ не менѣе, французская буржуазія сохранила кое-что отъ этой тяжелой жизненной школы. Мы не скажемъ, чтобы она сохранила пессимизмъ или мистицизмъ жизни, но можемъ съ увѣренностью сказать, что она сохранила трудовой принципъ жизни. Взглядъ на жизнь какъ на тяжелое испытаніе и какъ на тяжелый трудъ—это два разныя развѣтвленія одного и того же ствола, и всякій, кто знакомъ съ французской провинціей, кто видалъ, какимъ автоматомъ труда и бережливости способенъ быть средній французъ, пойметъ Жюля Сури, когда тотъ говоритъ о „суровой концепціи жизни" и о презрѣніи жизненныхъ наслажденій.

Въ эпоху юности Сури, въ окружавшей его семейной атмосферѣ, эти наслѣдственные рефлексы трудового механизма функціонировали гораздѣ сильнѣе, чѣмъ теперь. Въ томъ уголкѣ стараго Парижа, гдѣ онъ родился, еще жилъ духъ вѣкового пессимизма, угнетавшаго рабочіе классы. Онъ самъ передаетъ такую характерную деталь, что въ ихъ родѣ была привычка или традиція умирать не дома, а въ богадельнѣ или въ больницѣ. „Только рабамъ, пришельцамъ или метисамъ, т.-е. людямъ безъ семейныхъ, кастовыхъ и національныхъ традицій,—говоритъ Сури—эта геенна—земля—можетъ казаться какимъ-то эльдорадо". Какъ человѣкъ старой расы, носящій въ себѣ воспоминаніе о долгихъ вѣкахъ упорной борьбы, Сури относится съ глубокимъ презрѣніемъ къ оптимизму соціалистовъ, къ ихъ мечтамъ о счастливой, легкой жизни.

Такимъ образомъ, не предрѣшая вопроса, насколько эти наслѣдственные рефлексы еще живы въ новомъ поколѣніи французовъ—по всей вѣроятности, не проникая въ индивидуальное самосознаніе, они сохраняются въ безсознательной трудовой энергіи,—мы должны признать, что для Жюля Сури они явились основаніемъ всего его міросозерцанія, тѣмъ мрачнымъ фономъ, на которомъ тѣмъ яснѣе выдѣлялся второй элементъ міросозерцанія—жажда идеала.

Собственно говоря, одинъ неразрывно связанъ съ другимъ, какъ двѣ стороны одной и той же медали. Жажда идеала является прямымъ послѣдствіемъ жизненной неудовлетворенности. Весьма важно имѣть это въ виду, для того чтобы понять, что идеалъ, о которомъ будетъ рѣчь, и къ которому взываютъ націоналисты, не есть широкій общечеловѣческій идеалъ, а тотъ конкретный идеалъ, съ которымъ они сроднились въ теченіе своей вѣковой исторіи, который они унаслѣдовали отъ предковъ вмѣстѣ съ ихъ психическимъ механизмомъ, однимъ словомъ—идеалъ католической религіи. Въ этомъ смыслѣ Сури толкуетъ слова Ренана: „Человѣкъ нашей, арійской расы долженъ строить свой идеалъ, какъ паукъ дѣлаетъ свою паутину". Въ этомъ смыслѣ сказалъ и Леонъ Додэ уже цитированную нами фразу: „Человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи обойтись безъ идеала, безъ этой „красивой картинки", которая находится внѣ сферы его воздѣйствія". Въ этомъ смыслѣ Баррѐсъ, Брюнетьеръ и другіе націоналисты утверждаютъ, что настоящій французъ не можетъ не быть католикомъ.

Только теперь, когда мы видимъ глубокое, наслѣдственное основаніе этой потребности, мы можемъ оцѣнить ея дѣйствительную силу. Жюль Сури представляетъ для насъ рѣдчайшій экземпляръ давно вымершаго типа, въ которомъ еще была видна прямая связь между тѣмъ и другимъ элементомъ міросозерцанія.

Его примѣръ объясняетъ намъ, почему многіе французы, потерявъ вѣру, остаются привязанными къ традиціямъ, къ морали, къ поэзіи католицизма. Прежній пессимизмъ уже давно покинулъ сферу самосознанія, но въ безсознательныхъ тайникахъ души еще остается выработанный вѣками психическій механизмъ, который требуетъ той же иллюзіи, того же утѣшенія.

Но нигдѣ этотъ атавизмъ не проявляется съ большею силою, чѣмъ въ самомъ Жюлѣ Сури. „Чѣмъ дольше я живу,—говоритъ онъ,—тѣмъ болѣе я люблю жизнь монаховъ, и несмотря на то, что я не имѣю утѣшенія въ вѣрѣ, я чувствую себѣ истиннымъ христіаниномъ во всемъ, что касается правила жизни; я чувствую

себя членомъ той церкви, въ которой я родился, и въ которой я умру,—римско-католической, апостольской церкви".

Онъ самъ даетъ идеальный діагнозъ своего душевнаго состоянія, примѣняя къ себѣ формулу Экснера: „Es denkt in mir". Дѣйствительно, въ немъ думаетъ и чувствуетъ монахъ, точно также какъ въ большинствѣ французскихъ націоналистовъ подъ вліяніемъ извѣстнаго воспитанія говоритъ и дѣйствуетъ рядъ предковъ. И этотъ голосъ предковъ, который зоветъ назадъ, какъ нельзя рельефнѣе иллюстрируетъ возможность католической реакціи во Франціи.

Наконецъ, третій элементъ, который оказалъ сильное вліяніе на міросозерцаніе Сури, имѣетъ для нашего времени еще болѣе жизненное значеніе. Мы говоримъ о его горячей привязанности къ отцу и къ матери, а въ ихъ лицѣ—къ традиціямъ семьи. Какова психологическая связь этого чувства съ атавизмомъ французской націи, мы не беремся разобраться, но фактъ тотъ, что нельзя встрѣтить француза, для котораго его мать не была бы исключительнымъ существомъ и „святою женщиною". Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого преувеличенія, когда Жюль Сури говоритъ, что „для человѣка нѣтъ большаго несчастья, чѣмъ потерять свою мать"... „Мы знали, что она умретъ,—говоритъ онъ,—но мы этому не вѣрили. Мы желали видѣть ее живою, желали всею силою нашего эгоизма. Теперь, разъ она умерла, мы сами умремъ скорѣе... Весь міръ представляется намъ въ другомъ видѣ. Мы впервые сознаемъ, что это лишь банальное убѣжище для временной остановки. Ничто насъ болѣе не трогаетъ. Мы продолжаемъ жить по инерціи, стараясь дѣлать это какъ можно лучше, чтобы почтить дорогую намъ память единственнаго существа, которое насъ любило". Въ этихъ словахъ выражается чисто французскій взглядъ и свойственныя большинству французовъ чувства. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что та же экзальтированная любовь переносится и теперь на всю атмосферу семейной жизни, на семейныя и расовыя традиціи. И вотъ еще одинъ могущественный факторъ, который, независимо отъ клерикальнаго воспитанія, привязываетъ человѣка къ его прошлому и развиваетъ въ немъ наслѣдственные инстинкты.

Подъ вліяніемъ этихъ трехъ факторовъ и выработалось то правило жизни, которое Жюль Сури резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „единственная норма, которая существуетъ для человѣка, это—традиціи его предковъ, обычаи его семьи, правила жизни, передаваемыя отъ отцовъ къ дѣтямъ. Повинуясь инстинктамъ любви и преклоненія передъ тѣми, отъ кого онъ

произошелъ, человѣкъ исполняетъ свой долгъ, весь свой долгъ". И прямымъ послѣдствіемъ этой узкой расовой морали является ненависть ко всѣмъ носителямъ другого идеала, къ протестантамъ, не менѣе чѣмъ къ евреямъ, ко всѣмъ носителямъ новыхъ идей, къ соціалистамъ точно также, какъ къ франмасонамъ. Въ завершеніе характеристики самого Жюля Сури слѣдуетъ прибавить, что въ современныхъ условіяхъ онъ не видитъ шансовъ для конечнаго торжества своего идеала. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ должнымъ бороться за него, бороться безъ надежды на побѣду, въ силу инстинктивнаго стремленія человѣка къ самозащитѣ. И среди этой мрачной жизни, которая для него не имѣетъ ни смысла, ни цѣли, онъ избираетъ себѣ героически девизъ: умереть съ достоинствомъ—decenter mori!

На фонѣ современной жизни трагическая личность Жюля Сури воплощаетъ въ себѣ весь кризисъ, переживаемый Франціей. Атеистъ и католикъ: съ одной стороны—вся сила критической мысли, съ другой стороны—полное господство наслѣдственныхъ инстинктовъ. Который изъ двухъ принциповъ одержитъ верхъ? Это—загадка будущаго. Но чего можно ожидать отъ людей средняго развитія, которые воспитывались въ клерикальной школѣ, когда такой сильный мыслитель безъ всякаго школьнаго вліянія оказывается рабомъ наслѣдственныхъ инстинктовъ? Когда знакомишься съ личностью Жюля Сури, когда видишь на его примѣрѣ психическій атавизмъ французской расы,—становится понятнымъ и патологическое состояніе, овладѣвшее французами во время процесса Дрейфуса, и голоса ненависти къ наукѣ и къ прогрессу, раздающіеся теперь изъ лагеря націоналистовъ, и возможность роковой для будущаго страны католической реакціи во Франціи.

Но для того, чтобы оцѣнить настоящее положеніе вещей, надо имѣть въ виду тѣ мѣры, которыя приняло республиканское правительство для борьбы съ реакціей.

Самая послѣдовательность этихъ мѣръ представляется съ нашей точки зрѣнія чрезвычайно характерною: она открываетъ намъ, какъ силою вещей законодатель былъ принужденъ бороться не съ идеями, а съ патологическимъ основаніемъ послѣднихъ, и является, такъ сказать, провѣркою высказаннаго нами взгляда.

Насколько государство безсильно противъ идей, настолько оно способно проявить свое вліяніе на соціальную среду, въ которой онѣ зарождаются. Такою средою въ данномъ случаѣ являются конгрегаціи и клерикальныя школы. Законъ 11-го іюля

1901 года остановилъ свободное развитіе конгрегацій, возложивъ на нихъ обязанность испрашивать разрѣшеніе государственной власти. Само собою разумѣется, что въ будущемъ такое разрѣшеніе врядъ ли будетъ дано, но и по отношенію къ тѣмъ конгрегаціямъ, которыя уже существовали безъ формальнаго разрѣшенія, закону было сообщено обратное дѣйствіе. Послѣдовало закрытіе цѣлаго ряда конгрегацій и выселеніе ихъ изъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ были закрыты и принадлежавшія имъ школы при громкихъ протестахъ всего клерикальнаго міра. Но эта мѣра оказалась безусловно недостаточною. При существованіи режима Фаллу, частныя лица могли открывать школы и поручать въ нихъ преподаваніе патерамъ. Вторымъ этапомъ въ этомъ направленіи явился законъ 1903 года, который отмѣнилъ явочный порядокъ открытія школъ и установилъ принципъ предварительнаго разрѣшенія. Однако и эта мѣра не достигала конечной цѣли. Во-первыхъ, въ странѣ оставался обширный очагъ клерикализма въ школахъ тѣхъ конгрегацій, которыя существовали на основаніи старыхъ грамотъ. Во-вторыхъ, оставались открытыми многочисленные обходы закона посредствомъ подставныхъ лицъ и анонимныхъ обществъ во главѣ новыхъ школъ.

Подъ вліяніемъ этихъ затрудненій въ радикальномъ лагерѣ началась сильная агитація въ пользу изъятія школьнаго дѣла отъ частныхъ лицъ и установленія государственной монополіи.

Всѣмъ еще памятны возникшія по этому поводу горячія пренія, въ которыхъ консерваторы защищали свободу преподаванія, а либералы требовали ея уничтоженія. Однако принятіе такой насильственной мѣры оказалось излишнимъ, благодаря проведенію новаго закона, который дополнилъ предыдущій и измѣнилъ юридическую конструкцію всего дѣла. Только законъ 7-го іюля 1904 г. и явился радикальною мѣрою, проведя тотъ принципъ, что „всякое лицо, принадлежащее къ монашеской конгрегаціи, лишается права преподавать во Франціи“.

Съ перваго взгляда онъ могъ показаться страннымъ и даже недѣйствительнымъ. Вѣдь и внѣ конгрегаціи могутъ найтись фактическіе клерикалы и реакціонеры, какъ мы только-что видѣли на примѣрѣ Сури? Въ дѣйствительности, однако, такая постановка вопроса единственно-возможная и безусловно правильная. Только теперь примѣненіе закона 1903 г. станетъ нормальнымъ. Дѣйствительно, разрѣшеніе на открытіе школы можетъ быть подчинено лишь формальнымъ условіямъ. Нельзя же входить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ разсмотрѣніе по существу, является ли проситель республиканцемъ или реакціонеромъ?

Вѣдь это была бы система произвола. Такимъ формальнымъ условіемъ и будетъ непринадлежность къ религіозной конгрегаціи, распространяемая на начальника школы и на учителей. А затѣмъ, хотя бы они, каждый въ отдѣльности, по своему внутреннему убѣжденію, были клерикалами или ретроградами, это уже правительства не касается. Тутъ государство безсильно. Всякій разъ, какъ государство посягало на индивидуальную мысль, на свободу совѣсти, оно дѣлало ошибку, и законъ 1903 г., вмѣнявшій въ обязанность давать разрѣшеніе лишь истиннымъ республиканцамъ, не установляя формальнаго признака этого понятія, грозилъ превратиться въ систему произвола. Но коллективныя формы существованія подлежатъ прямому воздѣйствію государства и съ точки зрѣнія соціологіи представляютъ не фикцію, не совокупность индивидуальныхъ дѣйствій ихъ членовъ, а самостоятельный, могущественный факторъ, реальную среду, въ которой зарождаются идеи. Принадлежность къ такой средѣ и есть формальный признакъ, совершенно независящій отъ внутренняго убѣжденія.

Такимъ образомъ, силою вещей правительство было принуждено перенести свое воздѣйствіе съ индивидуума на среду, какъ бы подтверждая высказанное нами мнѣніе, что въ этой средѣ, въ ея моральной атмосферѣ, въ ея патологическомъ вліяніи заключается главный источникъ зла. Поэтому мы должны признать, что для борьбы съ реакціей сдѣлано все, что можно было сдѣлать. Разрушенъ главный очагъ заразы, въ которомъ „атавизмъ“ французской расы становился препятствіемъ къ ея прогрессу. Правда, бывшіе конгрегаціонисты и на свѣтской каѳедрѣ сохранятъ свой прежній духъ, но это зло не можетъ развиваться, оно исчезнетъ вмѣстѣ съ настоящимъ поколѣніемъ. Самое главное—что новые, молодые конгрегаціонисты будутъ лишены возможности вырабатывать изъ своей среды учителей. Оставаясь въ немногочисленныхъ конгрегаціяхъ, существующихъ на основаніи старыхъ грамотъ, они будутъ обречены на созерцательный образъ жизни и лишены прямого вліянія на молодежь. Но дѣйствіе этого закона скажется лишь въ будущемъ. Пока же намѣченные нами элементы реакціи остаются въ полной силѣ. Ихъ надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ всѣхъ текущихъ событій во Франціи. Оставаясь скрытыми въ нѣдрахъ народной жизни, они проявляются наружу въ самыхъ неожиданныхъ разнообразныхъ формахъ. Такимъ проявленіемъ была послѣдняя книга Брюнетьера „На стезяхъ вѣры“. Такимъ проявленіемъ былъ недавній скандалъ, поднятый разоблаченіемъ доносовъ въ арміи. Опубликован-

ные по этому поводу документы привлекли вниманіе не только системою доносовъ, практиковавшихся въ военномъ министерствѣ для убѣжденія въ республиканской благонадежности офицеровъ, но и содержавшимися въ этихъ доносахъ свѣдѣніями: громадное количество офицеровъ оказалось въ рядахъ антиреспубликанской, реакціонной партіи. Поставленный на очередь вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства несомнѣнно вызоветъ новое проявленіе клерикальной реакціи. Такимъ образомъ, подъ внѣшнимъ разнообразіемъ политическихъ и общественныхъ явленій скрывается все та же проблема: борьба „атавизма" старой расы съ необходимостью прогресса и приспособленія къ новымъ жизненнымъ условіямъ. Въ этой борьбѣ рѣшающее значеніе принадлежитъ школѣ, а отъ разрѣшенія ея зависитъ критическій для Франціи вопросъ,—опустится ли она на уровень Испаніи, или вступитъ въ новый фазисъ романской культуры?..

Н. Костылевъ.

Парижъ.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНѢ 1877-78 ГОДОВЪ.

1877-ой годъ.

IV *).

8 ноября—6 декабря.

8 ноября.—Получена телеграмма князя Карла изъ Порадима: румынскимъ батареямъ въ Калафатѣ удалось, послѣ 5-ти-часовой стрѣльбы, потопить турецкій броненосецъ. Бомба пробила мостикъ, попала въ передовой трюмъ, произвела взрывъ и броненосецъ затонулъ.

Получена телеграмма Цесаревича, что вчера, въ 9 час. утра, турки атаковали наши передовыя позиціи Пиргосъ, Ханъ-гюльчесма и между Чифликомъ и Трестеникомъ, но послѣ упорнаго боя были отбиты на всѣхъ пунктахъ къ 6 час. вечера.

Въ числѣ раненыхъ—генеральнаго штаба полковникъ Штрикъ, въ шею.

---

[1]) См. выше: май, стр. 5.

9 ноября.—Холодъ, дождь, туманъ. Получена телеграмма князя Карла о взятіи румынами Рахова 7-го ноября. Командовалъ румынами полковникъ Сланичано. Потеря серьезная: убито 5 офиц. и 76 нижн. чиновъ, ранено 4 офиц. и 139 нижн. чиновъ.

Отъ Гурко получено свѣдѣніе, что Орханія и Этрополь сильно заняты: собирается атаковать.

Вчера привели 30 человѣкъ плевнинскихъ дезертировъ. Всѣ исхудалые, оборванные, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что съѣстные припасы на исходѣ, зарядовъ мало (только патроновъ достаточно), больныхъ и раненыхъ много; отъ нашего артиллерійскаго огня вредъ весьма чувствительный. Въ числѣ дезертировъ были два породистыхъ негра изъ Судана, взятыхъ въ солдаты, по ихъ словамъ, насильно, три мѣсяца тому назадъ. Этихъ негровъ Великій Князь отправляетъ въ Петербургъ, въ свой дворецъ.

Вчера, по мысли князя Имеретинскаго, посланъ полковникъ Фрезе къ командиру гренадерскаго корпуса И. С. Ганецкому, съ спеціальною цѣлью придерживать его за фалды. По словамъ князя Имеретинскаго, И. С. Ганецкій все время горячится и суетится, и никто его успокоить не можетъ. Своего начальника штаба не слушаетъ, такъ какъ отъ подчиненныхъ ему лицъ ни мнѣній, ни совѣтовъ не принимаетъ. Къ нему нужно приставить человѣка непремѣнно изъ главной квартиры, отъ высшаго начальства: тогда будетъ слушать, хотя бы это былъ корнетъ.

Выборъ палъ на Фрезе, какъ на человѣка веселаго, уживчиваго, покладистаго, который съумѣетъ и съ Ганецкимъ поладить, и самолюбіе его начальника штаба не задѣть.

10 ноября.—Сегодня у насъ завтракалъ князь Карлъ: сіяетъ, счастливъ, что румынамъ удалось взять Рахово. Великій Князь провозгласилъ тостъ за румынскую армію; князь Карлъ отвѣтилъ тостомъ за Великаго Князя и нашу армію.

Вчера былъ весьма интересный случай, заслуживающій подробнаго описанія.

Два офицера, прикомандированные къ штабу Тотлебена (л.-гв. литовскаго полка поручикъ Рябинкинъ 2-й и л.-гв. волынскаго полка поручикъ Куткинъ) ѣхали обратно въ Тученицу изъ Медована, гдѣ были на полковомъ праздникѣ л.-гв. литовскаго полка 8-го ноября и тамъ заночевали. Вчера, въ 3 часа дня, вслѣдствіе густого тумана, заблудились и попали въ турецкія траншеи. Долго ѣхали вдоль траншей съ тыловой стороны, видѣли солдатъ въ башлыкахъ, которыхъ въ туманѣ сочли

за своихъ, а тѣ тоже не обращали на нихъ вниманія. Въѣхали, наконецъ, въ какое-то укрѣпленіе и окликнули по-русски солдатъ, намѣреваясь разспросить, куда они попали. Турки подошли, что-то загалдѣли и окружили ихъ. Наши молодцы тотчасъ нашлись: выхватили платки и замахали ими, а затѣмъ навязали ихъ себѣ на рукава. Подошелъ турецкій офицеръ и спросилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, что̀ имъ надо. Они надумали отвѣтить ему, что присланы генераломъ Каталеемъ просить о прекращеніи огня до завтрашняго вечера на этомъ участкѣ, по случаю полковыхъ праздниковъ двухъ гвардейскихъ полковъ. Турецкій офицеръ послалъ доложить пашѣ, а нашихъ офицеровъ и сопровождавшаго ихъ казака пригласилъ слѣзть съ лошадей. Собралась цѣлая кучка турецкихъ офицеровъ, окружила ихъ и завела оживленный разговоръ: кто по-французски, кто по-нѣмецки, кто даже по-русски и, конечно, на всѣхъ трехъ языкахъ черезъ пень-колоду. Нѣкоторые по нѣскольку разъ спрашивали: „Царь? миръ?“ Наконецъ, пріѣхалъ паша, серьезный и осанистый: выслушалъ нашихъ офицеровъ, приказалъ имъ сѣсть верхомъ и слѣдовать за нимъ. Поѣхали съ замирающими сердцами, не зная, повѣрятъ ли ихъ выдумкѣ. Неудобство положенія усложнялось еще тѣмъ, что на одномъ изъ нихъ была сумка съ бумагами, въ числѣ коихъ—подробная дислокація гренадерскаго корпуса на лѣвомъ берегу Вида. Тутъ же, на глазахъ турецкаго конвоя, офицеръ снялъ сумку съ себя и передалъ казаку, чтобы повѣсилъ ее черезъ плечо, въ надеждѣ, что на немъ не обратятъ вниманія. Доѣхавъ до какой-то палатки, уже совершенно въ виду Плевны, паша приказалъ имъ всѣмъ слѣзть и вмѣстѣ съ казакомъ войти въ палатку. По этому поводу они нашли умѣстнымъ вломиться въ амбицію и протестовать, говоря, что казаку нельзя быть въ одной палаткѣ съ ними: его мѣсто при лошадяхъ. Это турки поняли и велѣли казаку выйти.

Спустя нѣкоторое время, вошелъ въ палатку тотъ же паша, подробно ихъ опросилъ, все записалъ, составилъ еще какую-то записку и, отославъ ее, объявилъ, что теперь надо переждать отвѣта отъ Османа-паши. Вошло еще нѣсколько турецкихъ офицеровъ. Завязался опять общій разговоръ на ломаномъ смѣшеніи языковъ. Угостили кофе и галетами; угостили также и казака. Офицеры старались поддерживать непринужденную бесѣду, а между тѣмъ все время душа уходила въ пятки: а что̀, какъ вдругъ съ нашей стороны откроютъ огонь? Тогда обманъ вполнѣ обнаружится, и за него придется дорого поплатиться. Къ счастью, этого не случилось.

Ждали очень долго. Самому пашѣ наскучило: онъ написалъ и послалъ вторую записку. Истощивъ всѣ темы для общей бесѣды, турки заговорили между собою по-своему и начали пересмѣиваться. При этомъ паша раза два повторилъ тѣ два-три русскихъ слова, которыя наши офицеры крикнули турецкимъ солдатамъ, когда подъѣхали. Хотя въ этихъ словахъ и не было ничего особеннаго, но нашимъ все-таки стало жутко: очевидно, рѣчь шла все время о нихъ. Наконецъ, они рѣшились попросить, чтобы имъ дали какой-нибудь отвѣтъ и отпустили поскорѣе: ихъ ждутъ. „Подождите еще немножко, отвѣтъ будетъ",—отвѣчалъ паша, продолжая пересмѣиваться со своими. Однако, написалъ и отправилъ третью записку. Наконецъ, около 8 часовъ вечера, привезли отвѣтъ. Паша прочелъ его и объявилъ, что Османъ-паша согласенъ, но если съ нашей стороны будетъ хотя одинъ выстрѣлъ, то и турки откроютъ огонь. Камень съ души свалился. Офицеры едва смогли заставить себя встать, проститься и поблагодарить, не торопясь, съ соблюденіемъ всѣхъ восточныхъ церемоній. Овладѣвъ собой, они медленно сѣли на коней, еще разъ раскланялись и поѣхали шагомъ, подъ конвоемъ. Турки довели ихъ до сторожевой цѣпи, указали направленіе, а сами поѣхали вправо и влѣво по цѣпи, вѣроятно для предупрежденія часовыхъ, чтобы не стрѣляли.

Ѣхали наши офицеры минутъ десять и услышали русскій говоръ и стукъ топоровъ: солдатики сторожевой цѣпи прусскаго полка рубили кустарникъ на дрова. Томленіе кончилось: они были дома.

Великій Князь, узнавъ объ этомъ приключеніи, пожелалъ сегодня видѣть обоихъ офицеровъ и выслушать ихъ разсказъ. Я записалъ его подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Великій Князь поблагодарилъ обоихъ за находчивость, оговоривъ, однако, что по настоящему слѣдовало бы ихъ наказать за злоупотребленіе парламентерствомъ.

11 ноября.—Сегодня, несмотря на туманъ, поѣхали на редутъ смотрѣть бомбардированіе Плевны. Разумѣется, ничего не видали.

Подъ впечатлѣніями взятія Карса и нашихъ недавнихъ успѣховъ, у Великаго Князя возродилась несчастная мысль опять штурмовать Плевну для ускоренія ея сдачи. Старикъ Непокойчицкій тоже сочувственно относится къ этой легкомысленной и опасной идеѣ. М. Д. Скобелевъ горячо работаетъ въ этомъ же направленіи. Прихожу въ ужасъ при мысли о возможности осу-

ществленія этого безумія. Это значитъ—поставить всю участь кампаніи на одну карту, которая почти навѣрняка будетъ бита.

Во-первыхъ, у насъ только одинъ Скобелевъ и умѣетъ водить войска на штурмъ. Онъ и самъ это знаетъ, потому такъ и подзадориваетъ къ штурму. Въ случаѣ успѣха—конечно, онъ сдѣлается и въ глазахъ всей Россіи тѣмъ же полубогомъ, какимъ онъ уже сдѣлался для своихъ подчиненныхъ, и не только солдатъ, но и офицеровъ. Во-вторыхъ, у насъ едва хватаетъ войскъ для тѣснаго обложенія Плевны: нѣтъ ни одного лишняго человѣка. Резерва—никакого: ни для плевнинскихъ войскъ, ни общаго. Слѣдовательно, въ случаѣ неудачи—придется снять блокаду. Въ-третьихъ, туркамъ штурмъ на руку: они уже увѣрены, что отобьютъ его опять. Если 25 гвардейскихъ батальоновъ едва могли взять Горный Дубнякъ, занятый 5—7 турецкими таборами,—какіе же шансы взять Плевну, уже трижды отъ насъ отбившуюся? Въ-четвертыхъ, наши войска сами извѣрились въ штурмахъ. Прикажутъ—конечно, пойдутъ, но не только безъ увѣренности, но даже безъ надежды на успѣхъ.

Совершенно увѣренъ, что то же самое скажутъ всѣ наши генералы, кромѣ Скобелева.

Содрогаюсь при мысли о возможности повторенія прежнихъ увлеченій. Лучше сидѣть подъ Плевной хоть до весны, только не искушать судьбу. Плевна падетъ сама собою: надо только вооружиться терпѣніемъ.

13 ноября, воскресенье.—Получены два радостныхъ извѣстія: взяты съ боя правецкая позиція (11-го) Раухомъ и г. Этрополь (12-го)—Дандевилемъ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій—новый фантастическій планъ, составляющій пока глубочайшій секретъ. Сидѣть здѣсь и терпѣливо выжидать паденія Плевны—наскучило. Явилась такая мысль: если Гурко удастся занять Софію, то ѣхать къ нему (предоставивъ Тотлебену покончить съ Плевной) и вмѣстѣ съ нимъ идти отъ Софіи къ Казанлыку, въ тылъ арміи Реуфа-паши, осаждающей Шипку.

Это такое же наѣздничество, какъ поѣздка наша въ Тырновъ вслѣдъ за передовымъ отрядомъ того же Гурко, впереди всего 8-го армейскаго корпуса и подъ прикрытіемъ одного только эскадрона лейбъ-казаковъ.

Если эта мысль осуществится, то это равносильно оставленію поста главнокомандующаго. Немыслимо управлять общимъ ходомъ военныхъ дѣйствій, находясь при отрядѣ, предпринимающемъ дальній и кружный обходъ.

Еслибы въ Великомъ Князѣ не было прирожденной непосѣдливости и неугомонности, то онъ самъ бы понималъ, что главнокомандующему нельзя обращаться въ искателя сильныхъ ощущеній и вообще новыхъ впечатлѣній. Главнокомандующему надо мѣнять мѣсто пребыванія лишь въ крайней необходимости. Множество дѣлъ, отъ него зависящихъ, всѣ остановятся съ его отъѣздомъ, въ особенности при установившемся уже обыкновеніи скакать впередъ съ однимъ летучимъ штабомъ, оставляя далеко позади себя всѣ полевыя управленія. Къ сожалѣнію, всѣ эти соображенія не имѣютъ цѣны въ глазахъ Великаго Князя. Ему наскучило подъ Плевной: всѣ позиціи, до траншей включительно, онъ объѣздилъ, кровавые уроки позабыты, ибо заслонились новѣйшими успѣхами и особенно взятіемъ Карса. Не будь здѣсь Государя и Тотлебена, онъ не устоялъ бы передъ соблазномъ четвертаго штурма Плевны. А такъ какъ мало надежды на Высочайшее согласіе штурмовать, то и явилась мысль уѣхать изъ-подъ Плевны къ Гурко.

Одинъ Непокойчицкій могъ бы сдерживать порывы Великаго Князя и направлять съ пользою для дѣла его энергію. Но онъ такъ влюбленъ въ него, что самъ покоряется его обаянію и почти никогда ему не прекословитъ. Даже удивительно, до чего податливъ этотъ старый, многоопытный и несомнѣнно умный человѣкъ. Обаятельная личность Великаго Князя совершенно загипнотизировала его: у него нѣтъ своей воли.

При такихъ условіяхъ наши дѣла всегда будутъ висѣть на волоскѣ. Одна вздорная случайность, вродѣ неудачи 8 іюля подъ Плевной, можетъ все испортить. Ибо, при отсутствіи обдуманности и послѣдовательности, мы легко теряемся, а вслѣдствіе этого спѣшимъ и второпяхъ дѣлаемъ такіе промахи, поправлять которые потомъ трудно и долго.

Великій Князь уже третій день ведетъ какіе-то таинственные разговоры съ Непокойчицкимъ и Нелидовымъ. Послѣдній ѣдетъ завтра въ Бухарестъ, по Высочайшему повелѣнію, для переговоровъ съ княземъ Горчаковымъ. По слухамъ изъ императорской главной квартиры, Государь собирается уѣхать въ Петербургъ, какъ только будетъ взята Плевна.

Сегодня получилъ письмо отъ Тэвиса (нашего шпіона) изъ Константинополя. Пишетъ, что возобновилъ старое знакомство съ Клапкой и даже поселился рядомъ съ нимъ. Клапка старается поддержать въ туркахъ духъ борьбы „à outrance“, но духъ этотъ уже сильно падаетъ (письмо писано еще до взятія Карса). Въ Константинополѣ — сильное волненіе: Махмудъ-Дамадъ отравленъ;

почти открыто поговариваютъ о низверженіи султана. Клапка хочетъ принудить его призвать опять къ дѣламъ Митхада-пашу. Тэвисъ уже являлся великому визирю, который принялъ его весьма привѣтливо и даже, будто бы, предложилъ поступить въ турецкую армію прежнимъ чиномъ генералъ-лейтенанта, съ прикомандированіемъ къ главному штабу. Онъ просилъ отвѣчать ему черезъ Парижъ „да“ или „нѣтъ“.

По докладѣ этого письма Великому Князю, онъ возилъ его сегодня же читать Государю и, по возвращеніи, приказалъ отвѣчать согласіемъ. Посему я телеграфировалъ: „Paris. Monmartre. Rue Lepic, 93. Madame Angèle Vallier. Oui“.

Посмотримъ, выйдетъ ли изъ этого толкъ.

14 ноября.—Буря съ мокрымъ снѣгомъ и дождемъ. У насъ въ кибиткѣ весь день 2° тепла. Топить нашу земляную печку невозможно; вѣтеръ вгоняетъ дымъ назадъ въ кибитку.

Генералъ-контролеръ Черкасовъ заболѣлъ черною оспою.

О проектѣ ѣхать вслѣдъ за „Гуркинымъ-генераломъ“ (такъ прозвали его солдаты) сегодня ничего не слыхать.

Всю ночь и сегодня весь день свирѣпствуетъ снѣжная буря. Ночью и рано утромъ температура въ нашей кибиткѣ упала до 0.

Вчера вечеромъ была получена телеграмма Государя: „Саша телеграфируетъ, что турки снова наступали на Мечку и Пиргосъ. Подробности ему еще не были извѣстны“.

Сегодня получено извѣстіе, что вся позиція 12-го корпуса у Трестеника и Мечки была сильно атакована турками, но атака отбита великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Государь пожаловалъ великому князю орденъ св. Георгія 3-й степени.

16 ноября.—Получилъ копію съ телеграммы сербскаго уполномоченнаго князю Милану: котораго именно числа она отправлена—не видно, а самого Катаржи не видалъ. Судя по содержанію — не ранѣе 13-го, ибо въ ней упоминается о взятіи Этрополя.

„Бѣлградъ, его высочеству князю сербскому:

„По приказанію е. и. в. главнокомандующаго представляю в. в. слѣдующій планъ кампаніи:

„Сербскія войска, выступивъ изъ Княжеваца, перейдутъ границу и двинутся по дорогамъ на Софію и на Акпаланку. Первымъ предметомъ дѣйствій долженъ быть Пиротъ: главныя силы должны наступать туда черезъ Мериноцы, Яловинъ-Изворъ и

Церево. Посему, для своего обезпеченія, необходимо занять Бабину-Главу, овладѣть проходомъ св. Николая и укрѣпить его. Достигнувъ Пирота, нужно послать нѣсколько отрядовъ для овладѣнія берковацкимъ проходомъ на софійской дорогѣ и для открытія связи съ гвардейскою кавалеріею, имѣя неослабно въ виду главную цѣль—Софію. Я уже сообщалъ в. в. о взятіи Правца и Этрополя. Надо ожидать, что въ скоромъ времени попадутъ въ наши руки Орханія и ея проходъ.—Полковникъ Катаржи".

По имѣющимся свѣдѣніямъ, сербская армія состоитъ изъ 4-хъ корпусовъ [1]): 1) шумадійскій Протича, около 5.000 чел.; 2) моравскій изъ 13.000 чел.; 3) дринскій, Ранко-Алимпича, 12.000 чел., и 4) тимокскій, Хорватовича, 12.000 чел. Всего 28.000 чел. при 140 орудіяхъ. Кавалеріи почти вовсе нѣтъ.

Сегодня погода чудная. По этому случаю состоялась поѣздка на тученицкій редутъ, куда пріѣхалъ и Государь со свитою. Посмотрѣли, какъ стрѣляютъ сосредоточенными залпами по Плевнѣ, позавтракали и вернулись домой.

17 ноября.—Сегодня заходилъ Катаржи къ Левицкому для переговоровъ по поводу предстоящей сербской коопераціи. Слушая ихъ, я убѣдился, что положеніе сербской арміи довольно печальное, а свѣдѣнія Катаржи — весьма недостаточныя. Ясно одно, что ни прочной организаціи, ни денегъ нѣтъ и что военное содѣйствіе сербовъ невозможно безъ денежной отъ насъ субсидіи, которая въ принципѣ уже предрѣшена.

Получены подробныя свѣдѣнія о взятіи Этрополя и Орханіи, о несчастномъ, но геройскомъ дѣлѣ лейбъ-драгунъ подъ Навачиномъ и о занятіи Румынами Ломъ-Паланки.

18 ноября.—Получена слѣдующая телеграмма Стюарта изъ Бухареста: Ахмедъ-Эюбъ назначается вмѣсто Реуфа-паши, который принимаетъ начальство надъ сосредоточенною въ Адріанополѣ резервною арміей, около 150.000 чел. Мехмедъ-Али-паша въ Софіи: тамъ 6 таборовъ и ожидается еще 9 изъ Берковаца, Врацы, Тетевеня и со стороны Балканъ, а также гарнизоны Акпаланки, Бабиной-Главы, Ниша, 2 табора изъ Ускюба и 12 сирійскихъ. 1-го ноября прошла черезъ Новибазаръ 2-я боснійская дивизія, состоящая изъ 1 баталіона стрѣлковъ, 4-хъ баталіоновъ граничаровъ, 8 баталіоновъ редифа, 2 полковъ регулярной конницы, 650 башибузуковъ и черкесовъ, 4-хъ батарей и 2-хъ горныхъ орудій.

---

[1]) Корпуса дѣлятся на бригады различнаго состава.

20 ноября.—Получено извѣстіе, что турки очистили безъ боя сильно укрѣпленныя позиціи у Врачеша и Лютикова и отступили къ Софіи. 17-го ноября наши войска заняли оставленныя позиціи, а 18-го—Арабъ-Конакъ. 18-го же отрядъ генералъ-маіора Арнольди занялъ черкесскую Кривину на р. Цибрѣ и Кутловицу на шоссе изъ Ломъ-Паланки въ Берковацъ, войдя въ связь съ румынами, занимающими Ломъ-Паланку, и съ нашимъ отрядомъ, занимающимъ Врацу.

Отъ Анжелы Валльé (парижскаго агента нашего шпіона Тэвиса) получено извѣстіе, немедленно сообщенное Гурко: Мехмеду-Али приказано идти съ 48 таборами на освобожденіе Плевны, изъ Орханіи и Берковаца.—Это или запоздалое извѣстіе, или просто вздоръ.

21 ноября.—Вчера вернулся изъ Петербурга флигель-адъютантъ полковникъ Кладищевъ и привезъ самыя возмутительныя свѣдѣнія о тамошнихъ сплетняхъ и пересудахъ.

Великаго Князя громко и рѣзко бранятъ, не стѣсняясь. Войну клянутъ. Къ неудачамъ нашихъ войскъ относятся съ злораднымъ торжествомъ, какъ будто это войска непріятельскія. Высшіе сановники не только потворствуютъ этому растлѣнному направленію, но сами подаютъ примѣръ. Изъ среды *высшаго* общества пущена въ ходъ злобная острота: „нынѣшняя война—неудачный пикникъ дома Р“. Къ военнымъ бюллетенямъ придираются: то ропщутъ на недостаточность свѣдѣній, то на извѣщенія, что все спокойно и ничего новаго нѣтъ. А по поводу одной телеграммы, въ которой было сказано между прочимъ: „всюду холодъ и ненастье, на Балканахъ снѣгъ идетъ“, сейчасъ же сочинили и пустили въ ходъ ругательное четверостишіе, о которомъ предпочитаю умолчать.

Про Непокойчицкаго говорятъ, что онъ, купно съ еврейскимъ товариществомъ, моритъ армію голодомъ. О Левицкомъ—что онъ получилъ взятку отъ Османа-паши, и поэтому Плевна не сдается. Всей этой безсмыслицѣ охотно вѣрятъ.

По словамъ Кладищева, весьма видная роль въ распространеніи гнусныхъ сплетенъ принадлежитъ раненымъ офицерамъ, привезеннымъ въ Петербургъ. Они очень озлоблены, что имъ награды долго не выходятъ, тогда какъ адъютантамъ и ординарцамъ Великаго Князя ихъ даютъ немедленно. Это справедливо: адъютанты и ординарцы увѣшаны орденами, а строевые офицеры до сихъ поръ не получили наградъ даже за вторую Плевну, т.-е. за 18-е іюля. Для ординарцевъ и адъютантовъ сочинено

здѣсь очень мѣткое прозвище (пущено въ ходъ, кажется, капитаномъ С.): „Тряпичкины-очевидцы".

Кладищевъ, издавна дружный съ Левицкимъ, откровенно и при мнѣ высказалъ ему, какое озлобленіе существуетъ противъ него въ Россіи. На него взваливаютъ отвѣтственность рѣшительно за все. Отказаться отъ своего мѣста ему, между тѣмъ, нельзя, ибо тогда уже никого и никогда не разубѣдишь въ томъ, что онъ чуть не преступникъ. Ему слѣдовало бы уйти въ строй, какъ ему уже давно совѣтовалъ Раухъ, но онъ не рѣшается. А между тѣмъ это единственный почетный выходъ изъ того невыносимаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ своею былою заносчивостью и рѣзкостью.

22 ноября.—Сегодня у насъ завтракалъ Государь.

Вечеромъ около 9 ч. получена телеграмма Деллингсгаузена, что сегодня въ 3 ч. дня онъ получилъ донесеніе князя Святополкъ-Мирскаго: тѣснимый турками, онъ отступилъ съ позиціи у дер. Марени и отбивается подъ Еленою отъ турокъ, окружающихъ его съ трехъ сторонъ. Деллингсгаузенъ послалъ ему въ помощь 4-ю стрѣлковую бригаду и два полка 11-й пѣхотной дивизіи, а Радецкій выдвинулъ въ Тырновъ два баталіона волынскаго полка съ батареею. Въ то же время турки атаковали и нашу кесаревскую позицію на османъ-базарской дорогѣ, но нашъ кесаревскій авангардъ удержался.

Получивъ эту телеграмму, Великій Князь немедленно приказалъ передвинуть на османъ-базарскую дорогу одну бригаду 26-й пѣх. дивизіи изъ Чаиркіоя и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Цесаревича поддержать Деллингсгаузена чѣмъ можно.

Ночью меня разбудилъ самъ Непокойчицкій, вручилъ вторую телеграмму Деллингсгаузена и велѣлъ идти съ нею къ Великому Князю. Телеграмма эта, переданная въ 11 ч. 55 м. вечера, гласила:

„Получена записка отъ начальника еленинскаго отряда отъ 4 ч. пополудни: „13 и 15 стрѣлковые баталіоны, по моему приказанію, послѣ привала въ Федабеѣ, двинутся къ позиціи къ Яковцамъ, о чемъ вмѣстѣ съ симъ отправлено приказаніе".— Сейчасъ получилъ отъ Ванновскаго увѣдомленіе, что и 2-я бригада 26-й пѣх. дивизіи у Водицы будетъ смѣнена завтра войсками Цесаревича, и тогда я направлюсь также на поддержку еленинскаго отряда".

Великій Князь, котораго я разбудилъ, прочелъ эту телеграмму и оставилъ ее у себя.

23 ноября.—Теплая буря. Цѣлый рядъ телеграммъ съ еленинской дороги.

Деллингсгаузенъ телеграфировалъ:

1) Отъ 6 ч. сегодняшняго утра: „Телеграфное сообщеніе съ Еленой возстановлено. Князь Мирскій телеграфируетъ, что вчера съ 7 ч.утра до 3 пополудни отбивался отъ непріятеля силою отъ 20 до 30.000, а въ 3 часа пополудни начали очищать Елену и отступили съ боемъ на заблаговременно укрѣпленную позицію впереди ущелья у дер. Яковцы. Потери весьма значительны. На подкрѣпленіе князя Мирскаго, кромѣ охотскаго полка и 4-й стрѣлковой бригады, направлены камчатскій полкъ и полкъ кавалеріи 13-й дивизіи. Якутскій полкъ дѣйствуетъ со стороны Златарицы. 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи прибыла въ Кадыкіой и съ разсвѣтомъ (т.-е. сегодня) двинется къ Шеремету".

2) Отъ 11 ч. 25 м. утра:

„Телеграфъ дѣйствуетъ отъ Тырнова только до монастыря св. Николая, гдѣ учрежденъ перевязочный пунктъ. Все, что̀ было свободныхъ войскъ на османъ-базарской дорогѣ, отправлено князю Мирскому, и съ минуты на минуту жду подхода бригады 26-й дивизіи изъ Чаиркіоя, которую тотчасъ отправлю къ нему. Отрядъ попрежнему занимаетъ позицію у Яковцы и бой повидимому не возобновленъ, такъ какъ выстрѣловъ съ той стороны не слышно. На сдѣланный мною князю Мирскому запросъ отвѣта еще не получилъ. Сію минуту получено донесеніе князя Мирскаго, что непріятель съ $8^1/_2$ ч. утра началъ сильно наступать".

Одновременно получена телеграмма Радецкаго отъ 11 час. 30 м. утра:

„Генералъ Деллингсгаузенъ телеграфируетъ, что все, что̀ у него было свободнаго, направлено къ Мирскому, который и съ этимъ едва-ли удержится, такъ какъ на него наступаютъ отъ 20 до 30 тысячъ. Послать что-либо еще изъ шипкинскаго отряда я не имѣю возможности и посылку одного-двухъ баталіоновъ считаю совершенно безполезною. Единымъ средствомъ для удержанія наступленія непріятеля, по моему мнѣнію, можетъ быть движеніе частей 11 и 13 корпусовъ во флангъ и тылъ наступающихъ турокъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи кавалеріи, я лишенъ возможности содержать связь между Тырновомъ и Дреновомъ и Габровомъ. Прошу ваше высочество прислать пока кавалерійскій полкъ, какъ для этой цѣли, такъ и для развѣдокъ, которыя, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, крайне необходимы".

Великій Князь отвѣчалъ Радецкому, что назначить требуемый полкъ не можетъ, а предлагаетъ Деллингсгаузену назначить его изъ состава своихъ войскъ; въ случаѣ же крайности—обратиться къ Цесаревичу.

Соотвѣтствующаго содержанія телеграммы были посланы Цесаревичу и Деллингсгаузену.

Цесаревичъ телеграфировалъ отъ 2-хъ ч. пополудни, что на смѣну 26-й пѣх. дивизіи присланы: въ Чаиркіой—2-я бригада 1-й пѣх. дивизіи съ уланскимъ полкомъ, на ковачицо-водицкую позицію—1-я бригада 32-й пѣх. дивизіи. Кромѣ того, въ Ковачицу посланъ 1-й пѣх. невскій полкъ, а остальныя войска 13-го корпуса заняли позицію по Баничкину-Лому.

Сегодня же получена телеграмма Гурко изъ Осикова отъ 10 ч. 40 м. утра:

„Турки, очищая деревни и города передъ наступленіемъ моихъ войскъ, убиваютъ жителей, болѣе зажиточныхъ уводятъ съ собой, грабятъ, сжигаютъ и разоряютъ занимаемые нами районы. Надъ нашими ранеными, случайно попадающими въ ихъ руки, продолжаютъ неистовствовать. Прошу разрѣшенія объявить и приводить въ исполненіе репрессивныя мѣры. Думаю, что терроръ надо уничтожать терроромъ же“.

Содержаніе этой телеграммы было немедленно передано Государю въ Порадимъ по телеграфу.

Получены сверхъ того телеграммы Гурко: 1) о занятіи 21 ноября златицкаго перевала колоннами генералъ-маіора Курнакова и полковника графа Комаровскаго; 2) о блестящемъ отраженіи, 21-го же ноября, цѣлаго ряда ожесточенныхъ турецкихъ атакъ на Арабъ-Конакъ, занятый отрядомъ командующаго л.-гв. московскимъ полкомъ, флигель-адъютанта полковника Гриппенберга. Отрядъ состоялъ только изъ четырехъ баталіоновъ: два баталіона л.-гв. московскаго полка, л.-гв. 2-й стрѣлковый баталіонъ, двѣ роты стрѣлковъ его величества и двѣ роты стрѣлковъ императорской фамиліи. Турокъ было не менѣе 12 таборовъ. Атаки начались около $10^1/_2$ ч. утра и продолжались до 3 ч. пополудни. Нашъ отрядъ потерялъ около 150 челов. Въ числѣ убитыхъ—поручикъ 2-й батареи л.-гв. 2-й арт. бригады Типольтъ и л.-гв. московскаго полка портупей-юнкеръ Гаведанъ. Въ числѣ раненыхъ — л.-гв. московскаго полка капитанъ де-Лаваль-Велькъ, поручикъ Димитріевъ и подпоручикъ Войницкій: послѣдній умеръ отъ ранъ.

Въ заключеніе настоящаго, богатаго тревожными извѣстіями дня, поздно вечеромъ получена телеграмма князя Име-

ретинскаго изъ Тученицы: „Баронъ Криденеръ телеграфируетъ: командиръ румынскаго баталіона гривицкаго редута заявилъ, что явились два турецкихъ офицера и заявили ему, что сегодня ночью будетъ наступленіе турокъ на нашъ правый флангъ, противъ гривицкаго редута и на софійское шоссе. Всѣхъ предупредилъ".

Ночь—воровская. Ни зги не видно. Грязь ужасающая. Буря такъ и воетъ.

24 ноября.—Румынское свѣдѣніе оказалось вздорнымъ: никакого наступленія турокъ не было. Мало того: даже два офицера-перебѣжчика оказались вымышленными.

Утромъ, по полученіи дополнительныхъ телеграммъ отъ Гурко и Деллингсгаузена, Великій Князь телеграфировалъ Государю въ Порадимъ:

„Сейчасъ получилъ телеграмму Деллингсгаузена, что онъ выѣхалъ самъ къ отряду Мирскаго. Донесенія будетъ посылать черезъ Тырновъ.

„Гурко доноситъ, что л.-гв. московскаго полка поручикъ Войницкій умеръ отъ ранъ. Потери 21 ноября: въ московскомъ полку нижнихъ чиновъ убито 30, ранено 81; стрѣлковомъ вашего величества баталіонѣ ранено 4, л.-гв. 2-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ убито 15, ранено 38; баталіонѣ императорской фамиліи ранено 2; л.-гв. 2-й артил. бригадѣ убитъ 1, ранено 4. Всего убито 46, ранено 129 нижнихъ чиновъ. Плѣнные турки показали, что ихъ потеря—1.300 чел. Убитые турки и теперь лежатъ на полѣ сраженія въ огромномъ числѣ.

„Всѣ плѣнные, взятые у Златицы, Арабъ-Конака и Лютикова, единогласно показываютъ: въ Арабъ-Конакѣ самъ Мехмедъ-Али-паша съ 20—25 таборами; въ Златицѣ—5, у Лютикова—отъ 5 до 10 таборовъ. Всего противъ Гурко—отъ 30 до 40 таборовъ. Изъ Берковаца онъ уже нѣсколько дней не имѣетъ свѣдѣній. Онъ проситъ занять Врацу бригадою пѣхоты. Я направилъ туда костромской полкъ съ батареею, который долженъ былъ выступить изъ Никополя вчера, прибыть 29 ноября въ Альтемиръ, а 2 декабря можетъ прибыть во Врацу".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Великій Князь составилъ и послалъ слѣдующую телеграмму Гурко въ Осиково, вслѣдъ:

„Пришли поскорѣе реляцію о сраженіи 21 ноября и сообщи мнѣ подробное распредѣленіе войскъ по колоннамъ и гдѣ какая колонна находится. Пока дѣла подъ Еленою не разъяснятся, займи крѣпкія позиціи, укрѣпись и не двигайся болѣе впередъ.

Имѣешь ли ты подвижной резервъ: онъ необходимъ на всякую случайность; даже долженъ ты имѣть въ виду возможность движенія этого резерва къ Плевнѣ или даже на востокъ черезъ Ловчу".

Телеграмма Великаго Князя Деллингсгаузену въ Тырновъ, вслѣдъ:

„Я надѣюсь, что вы удержите дальнѣйшее наступленіе турокъ, а при благопріятныхъ условіяхъ отбросите ихъ назадъ. Но если бы пришлось отойти еще назадъ, то вы должны удержать Тырновъ, укрѣпить его и обратить во вторую Плевну".

Затѣмъ получены двѣ телеграммы Радецкаго:

Первая, отъ 12½ ч. дня:

„Противъ непріятеля, наступающаго со стороны Елены, собрано на яковецкой позиціи подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Деллингсгаузена:

„Два полка 9-й дивизіи, сѣвскій и орловскій.

„Два полка 11-й дивизіи, камчатскій и охотскій.

„4-я стрѣлковая бригада.

„У Минде расположенъ якутскій полкъ.

„Къ Шеремету подошла 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи.

„Къ Тырнову прибыли два баталіона волынскаго полка и 2½ полка кавалеріи.

„Для противодѣйствія прямому наступленію войскъ сосредоточено хотя и достаточно, но, судя по послѣдней телеграммѣ изъ Тырнова, они могутъ не удержаться противъ непріятеля, обходящаго оба фланга позиціи у Яковцевъ въ значительныхъ силахъ. Во избѣжаніе неудачнаго для насъ исхода дѣла, слѣдствіемъ котораго можетъ быть оставленіе безъ боя шипкинскаго и хаинкіойскаго перевалов, имѣю честь убѣдительнѣйше просить ваше высочество приказать 13-му корпусу немедленно двинуться во флангъ непріятелю. На османъ-базарской дорогѣ турки, повидимому, ограничиваются однѣми демонстраціями".

Вторая, отъ 5 ч. 20 м. дня:

„Если наши войска принуждены будутъ отступить къ Тырнову, то я съ 11-ю баталіонами и горными орудіями двинусь на Травну съ тѣмъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, ударить во флангъ и тылъ туркамъ. На шипкинской позиціи останутся три полка 24-й дивизіи, баталіонъ брянцевъ, баталіонъ волынцевъ, шесть дружинъ и артиллерія. Все-таки почтительнѣйше прошу ваше высочество направить 13-й корпусъ, какъ я о томъ просилъ".

Уже по полученіи первой телеграммы Радецкаго, Великій

Князь тотчасъ собственноручно телеграфировалъ Цесаревичу, прося его направить 13-й корпусъ согласно просьбѣ Радецкаго (копію этой телеграммы Великій Князь мнѣ не передавалъ).

Цесаревичъ отвѣчалъ телеграммою отъ 8 ч. 50 м. вечера, полученною ночью:

„Я нахожу, что растянутое положеніе 12-го корпуса подвергнетъ серьезной опасности переправу и наши склады у Батина, госпитали и склады въ Бѣлѣ, въ виду того, что у непріятеля еще 14-го ноября обнаружены значительныя силы у Рущука и нѣтъ указанія, чтобы не было войскъ и у Разграда. 12-му корпусу придется, оберегая линію въ 60 верстъ, оставить свои нынѣшнія позиціи и отойти къ Батину, протянувъ правый флангъ до Водицы. Мало-мальски серьезное наступленіе турокъ отъ Разграда вынудитъ правый флангъ нашъ къ отступленію черезъ Бѣлу за Янтру и ограничиться обороною переправъ у Батина и пассивною обороною у Бѣлы на *лѣвомъ* берегу Янтры, ибо позиція на правомъ берегу тянется на 18 верстъ. Это обстоятельство довожу до свѣдѣнія вашего и затѣмъ буду ожидать приказаній вашего высочества: направить ли, несмотря на это, на османъ-базарскую дорогу цѣлый 13-й корпусъ, или же можно будетъ отрядить одну только дивизію.—Генералъ-адъютантъ Александръ“.

Великій Князь ночью же съ 24-го на 25-ое отвѣчалъ на эту телеграмму:

„Съ такими доводами совершенно согласенъ, и потому полагаю ограничиться сборомъ одной дивизіи твоихъ войскъ у Чаиркіоя и отложить мысль демонстративнаго движенія по османъ-базарской дорогѣ. Когда дивизія соберется у Чаиркіоя, дай мнѣ знать; она будетъ служить резервомъ за твоимъ правымъ флангомъ и будетъ готова, въ случаѣ нужды, поддержать лѣвый флангъ 11-го корпуса и вообще, въ случаѣ крайности, и резервомъ для Тырнова.—Николай“.

По второй телеграммѣ Радецкаго Великій Князь, въ ночь съ 24 на 25 ноября, горячо поблагодарилъ его за энергическую распорядительность и затѣмъ послалъ еще слѣдующую телеграмму:

„Такъ какъ вы имѣли въ виду, въ случаѣ отступленія Мирскаго въ Тырновъ, двинуть во флангъ непріятелю 11 баталіоновъ, то, зная, что онъ вчера еще держалъ позицію у Яковцевъ, не можете ли отправить въ Тырновъ, въ видѣ резерва, бригаду пѣхоты. Златарица нами взята и турки отступили оттуда на

Беброво. Если согласны и находите возможнымъ, то прошу исполнить это тотчасъ и увѣдомить меня шифромъ.—Николай".

Изъ Тырнова въ теченіе настоящаго дня получены еще слѣдующія телеграммы:

Отъ Г. М. Немиры, отъ 1 ч. 10 м. дня:

„На яковецкой позиціи тихо. Видны только турецкіе разъѣзды съ противоположныхъ высотъ. 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи, выступившая изъ Шеремета на Златарицу, повидимому, еще не завязала дѣла, ибо выстрѣловъ не слышно".

Отъ него же, отъ 3 ч. 25 м. дня:

„Непріятель наступаетъ на позицію у Яковцевъ. Бой начался. Минде атакуется якутскимъ полкомъ. Туда же направлена 1-я бригада 26-й дивизіи. Командующій корпусомъ проситъ прислать на поддержку войска изъ Сельви".

Слѣдующая телеграмма отъ него же, отъ 5 ч. дня:

„Въ 3 часа турки вдругъ пріостановили атаку и прекратили огонь. Оказалось, что отрядъ, двинутый отъ Шеремета на Златарицу, выбилъ оттуда турокъ и двинулся вслѣдъ за ними на Беброво, угрожая такимъ образомъ правому флангу и тылу главныхъ силъ, наступавшихъ на Яковцы отъ Елены. Это движеніе, очевидно, и заставило турокъ прекратить атаку".

И, наконецъ, телеграмма отъ командующаго 26-ю пѣх. дивизіею:

„Два баталіона якутцевъ въ 11½ ч. утра заняли Минде безъ выстрѣла. Въ 12½ ч. дня 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи и третій баталіонъ якутскаго полка двинулись прямо на Златарицу. Туда же наступаютъ и остальные два якутскіе баталіона отъ Минде".

Ночью съ 24 на 25 ноября опять извѣстіе отъ румынскаго генерала Черната, что надо ожидать ночного нападенія турокъ [1]).

Такимъ образомъ, сегодня третій день безпрерывной почти тревоги. И днемъ, и ночью Великій Князь безпрестанно требуетъ меня къ себѣ для составленія телеграммъ Государю, начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ и т. д. Неожиданное (у насъ всѣ турецкія наступленія неожиданны!) наступленіе турокъ на Елену произвело большой переполохъ. Мы вѣдь по обыкновенію безъ стратегическаго резерва. Его никогда и не будетъ, потому что мы не въ состояніи удерживаться отъ фатальнаго стремленія его израсходовать. Какъ мотъ, не знающій покоя до тѣхъ поръ, пока не исчезъ послѣдній грошъ, такъ и мы: стоило намъ обза-

---

[1]) Это извѣстіе опять не подтвердилось, какъ и бо́льшая часть извѣстій изъ румынскаго источника.

вестись хотя небольшимъ резервомъ—сейчасъ же являлась мысль его куда-нибудь издержать. Снаряжая экспедицію Гурко къ Балканамъ, мы отдали туда всѣ свободныя войска и опять остались ни съ чѣмъ.

Случился теперь еленинскій сюрпризъ—пришлось хватать войска по кусочкамъ отовсюду и посылать на подкрѣпленіе Мирскому, ослабляя рущукскій и шипкинскій отряды до послѣдней степени.

Великое счастье, что нашъ противникъ столь неискусенъ и близорукъ!

Сегодня вернулся изъ Плевны посланный туда княземъ Имеретинскимъ болгаринъ, самъ плевнинскій старожилъ, знающій лично всѣхъ тамошнихъ обывателей, какъ болгаръ, такъ и турокъ, знающій даже многихъ турецкихъ солдатъ. Сынъ его и теперь находится въ Плевнѣ, поддерживаетъ наружно-добрыя отношенія къ туркамъ и состоитъ у нихъ на счету благонадежнаго гражданина.

Этимъ, повидимому, вполнѣ достовѣрнымъ болгариномъ, прожившимъ въ Плевнѣ нѣсколько дней, доставлены слѣдующія свѣдѣнія.

Продовольствія хватитъ еще на 25—30 дней, ибо дача отпускается уменьшенная. Раздача дневныхъ порцій аккуратно производится какъ солдатамъ, такъ и жителямъ. Магазины строго охраняются. Ежедневно раздается 60.000 порцій: около 40.000 офицерамъ и солдатамъ, 15.000—больнымъ и раненымъ, и 5.000—нестроевымъ чинамъ и мѣстнымъ жителямъ. По недостатку корма, скотъ падаетъ сильно, скоро совсѣмъ его не будетъ. Каждую издыхающую скотину спѣшатъ заколоть. Уже теперь, по нуждѣ, начали ѣсть свиней. Мельницы остановились, вслѣдствіе прегражденія плотинами (по мысли и приказанію Тотлебена) ручьевъ тученицкаго и гривицкаго: молоть зерно теперь негдѣ. Патроновъ еще достаточно, но зарядовъ совсѣмъ мало: остатокъ тщательно берегутъ. На случай штурма приготовляютъ цилиндрическія жестянки, начиненныя пулями,—самодѣльную картечь. Настроеніе въ войскахъ невеселое. Но такъ какъ теперь байрамъ (постъ), то крѣпятся, ибо жертвы въ посту—дѣло богоугодное. Османъ-паша увѣрилъ войска, что къ окончанію поста, къ 6-му декабря, подойдетъ 100.000-ная армія на выручку; если же нѣтъ, то будемъ пробиваться; а если и это не удастся, то положимъ оружіе.

И сегодня весь день буря, да еще съ густымъ туманомъ, несмотря на рѣзкій вѣтеръ. Грязь невылазная. По ночамъ—тьма кромѣшная.

25 ноября.—Сегодня Великій Князь передалъ мнѣ три телеграммы Государя: Первая, отъ 23 ноября, 10 ч. 35 м. вечера:

„Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ отряда Мирскаго. Изъ телеграммы Саши ты видѣлъ, что онъ еще до полученія твоего приказанія принялъ съ своей стороны мѣры, которыя ему предписывались. Да поможетъ намъ Богъ какъ тамъ, такъ и здѣсь".

Вторая, отъ 11 ч. 20 м. утра 24 ноября:

„Надѣюсь, что съ прибывшими подкрѣпленіями Мирскому удастся удержаться на позиціи и, можетъ быть, перейти самому въ наступленіе. Жду съ нетерпѣніемъ подробныхъ донесеній Гурко. Каковъ Бобринскій?" (Тяжело раненный.)

Третья, отъ 1 ч. 50 м. настоящаго дня:

„Надѣюсь, что движеніе лѣвой колонны отъ Златарицы на Беброво заставитъ турокъ отступить отъ Елены. Очень сожалѣю о значительныхъ потеряхъ въ людяхъ и орудіяхъ. Если завтра [1]) дождя не будетъ, прибуду къ редуту въ 12 часовъ, въ противномъ случаѣ останусь здѣсь".

На первыя двѣ телеграммы Великій Князь отвѣчалъ самъ и копій мнѣ не передавалъ. Третья Высочайшая телеграмма служитъ отвѣтомъ на слѣдующую, отправленную Государю сегодня утромъ:

„Деллингсгаузенъ телеграфировалъ ночью изъ Тырнова, что вчерашняя атака турокъ на яковецкую позицію была лишь усиленною рекогносцировкою. Отряду Мирскаго онъ приказалъ держаться до крайности. Положеніе отряда весьма облегчилось, вслѣдствіе взятія Златарицы нашею лѣвою колонною.

Потери наши въ бою 22-го ноября точно неизвѣстны, но по первоначальнымъ свѣдѣніямъ отъ князя Мирскаго—весьма серьезны. Убито и ранено до 50 офицеровъ и 1.800 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ офицеровъ—новый командиръ орловскаго полка полковникъ Клевезаль, но изъ депеши не видно, убитъ онъ или раненъ. Потеряно 11 орудій, въ томъ числѣ 4 подбитыхъ. Остальныя нельзя было увезти вслѣдствіе убыли лошадей. Другихъ подробностей пока нѣтъ.—Николай".

Затѣмъ получена телеграмма Цесаревича отъ 10 ч. 40 м. сегодняшняго утра:

„Вчера (т.-е. 24-го ноября) на линіи отъ Дуная до Опаки все было спокойно, но противъ Поломарчи и Ковачицы непріятель выставилъ съ утра 5 таборовъ съ нѣсколькими орудіями и значительную часть кавалеріи: перестрѣлка продолжалась до суме-

---

[1]) Т.-е. 26-го. Предполагалось устроить на редутѣ георгіевскій парадъ.

рекъ, а затѣмъ турки отступили. Согласно требованію Деллингсгаузена, къ нему отправлены: 1-я бригада 26-й пѣх. дивизіи, прибыла 23-го ноября въ Кесарево и оттуда въ Шереметъ; 2 бригада 26 пѣх. дивизіи и бригада 11 кавалер. дивизіи выступили 24-го, ночевали въ Чаиркіоѣ, а сегодня (25-го) прибудутъ въ Шереметъ. Позиціи 26 дивизіи заняты войсками 13-го корпуса, имѣя правофланговый отрядъ въ Кадыкіоѣ. У Кесарева была слышна вчера (т.-е. 24-го) оживленная перестрѣлка до 3 ч. дня. Судя по выстрѣламъ, наши удержали позицію. Деллингсгаузенъ сообщилъ, что противъ него—отъ 30 до 40.000 турокъ. Болѣе 30 тыс. турки послали 14-го ноября противъ 12-го корпуса. Столько же у нихъ должно быть и у Разграда, съ авангардами у Карахасанкіоя и Папкіоя. Я сегодня послалъ начальника штаба въ 13-й корпусъ, чтобы условиться о способѣ содѣйствія, которое должно быть оказано 11-му корпусу.— Генералъ-адъютантъ Александръ".

Получена отвѣтная телеграмма Радецкаго на вчерашнюю, предписывавшую ему образовать у Тырнова резервъ изъ одной бригады:

„Во исполненіе приказанія вашего высочества, бригада будетъ направлена на Тырновъ, въ общій резервъ. Но тогда уже шипкинскій отрядъ потеряетъ всякую подвижность и долженъ будетъ ограничиться только одною обороною Шипкинскаго перевала".

Получена телеграмма Деллингсгаузена изъ Тырнова отъ 2 ч. 40 м. дня:

„Радецкій ничего больше выслать не можетъ. 2-я бригада 26-й дивизіи, по смѣнѣ войсками 13-го корпуса, выступила сегодня (т.-е. 25-го) въ 5 ч. утра изъ Водицы и слѣдуетъ въ резервъ къ Шеремету. Непріятеля вчера (т.-е. 24-го) было: у Елены до 30, у Златарицы до 10 тысячъ. Златарицкій отрядъ занимаетъ въ настоящее время Златарицу и Минде. Сію минуту получилъ извѣстіе, что бой на яковецкой позиціи начинается".

Вечеромъ Деллингсгаузенъ донесъ, что артиллерійская и ружейная перестрѣлка у Яковцевъ прекратилась около 4-хъ ч. дня.

Получена еще телеграмма и отъ Гурко изъ Осикова, что 23-го ноября турки возобновили попытку атаковать нашъ правый флангъ, но были отбиты тремя баталіонами финляндцевъ и однимъ баталіономъ павловцевъ, съ потерею 27 нижнихъ чиновъ.

26 ноября.—Предположенный въ Высочайшемъ присутствіи

георгіевскій парадъ не состоялся. И слава Богу: не время и не мѣсто для парадовъ!

Сегодня получена телеграмма Деллингсгаузена объ артиллерійскихъ потеряхъ въ сраженіи у Марени и Елены 22-го ноября. Непріятелю досталось: 11 орудій 4-хъ ф. калибра (изъ нихъ 4 подбитыхъ), 10 передковъ, 6 зарядныхъ ящиковъ, 1 запасный лафетъ, 44 чел. прислуги, 116 лошадей и сбруя на 84 лошади.

Для разслѣдованія причинъ пораженія подъ Еленою Великій Князь послалъ сегодня ординарца своего (!) л.-гв. гродненскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистра Цурикова. Ему поручено: именемъ Великаго Князя поблагодарить войска и разузнать, отчего кавалерія прозѣвала наступленіе турокъ?

Ординарческое ли это дѣло?! И который уже разъ на адъютантовъ и ординарцевъ возлагаются порученія, совершенно не соотвѣтствующія ихъ скромному служебному положенію. Вспоминается случай посылки ординарца полевой конной артиллеріи штабсъ-капитана князя Оболенскаго, для объявленія командиру 9 корпуса генералъ-лейтенанту барону Криденеру—неудовольствія главнокомандующаго послѣ 2-й Плевны! Ординарецъ, по словамъ очевидцевъ, исполнилъ это порученіе съ полнымъ аппломбомъ. Каково положеніе старика корпуснаго командира!

Получены двѣ телеграммы Цесаревича:

1) Отъ 12 час. 50 мин. пополудни:

„На постахъ все тихо и спокойно. На правомъ флангѣ, на ковачицкой позиціи, была вялая перестрѣлка. Противъ уланскихъ постовъ у Красне показался-было непріятель, но отошелъ.

„Въ 12-мъ корпусѣ дѣлать передвиженія войскъ пока не полагаю. Въ 13-мъ корпусѣ собраны уже въ Чаиркіоѣ нарвскій и копорскій полки, а въ Копривицѣ—невскій и софійскій. Съ авангардныхъ позицій я приказалъ смѣнить сегодня же софійскій полкъ нѣжинскимъ. Софійскій полкъ прибудетъ въ Церковну завтра или послѣ-завтра, и тогда подвижной резервъ въ составѣ дивизіи будетъ вполнѣ готовъ, а тремя полками можно распоряжаться уже и теперь.

„Чувствуется большой недостатокъ кавалеріи въ отрядѣ. Теперь, съ уходомъ бригады 11-й кавал. дивизіи, передовая линія протянулась далеко къ югу. Въ Кадыкіой, для связи съ Кесаревомъ, приданы баталіону эскадронъ и сотня, такъ что чаиркіойскому резерву придать кавалерію нѣтъ рѣшительно никакой возможности, даже для прикрытія движенія его, если онъ будетъ потребованъ на османъ-базарскую дорогу.

„Въ случаѣ, что 1-я пѣхотная дивизія будетъ потребована

въ Кесарево, то 1-й бригадѣ 32-й дивизіи, занимающей Косабину, Ковачицу и Водицу, приказано удержать эту позицію и при возможности переходить въ наступленіе. Если же 1-ю дивизію потребуютъ къ Тырнову, то генералъ-маіору Горшкову приказано перейти на чаиркіойскую позицію. Сообщеніе съ Деллингсгаузеномъ поддерживается.—Генералъ-адъютантъ Александръ".

2) Отъ 3 час. 30 мин. пополудни:

„Положеніе отряда моего далеко не завидное. Все, что только возможно, отняли; резерновъ—никакихъ. Въ случаѣ серьезной атаки непріятеля успѣхъ весьма сомнительный съ нашей стороны. Все отъ меня зависящее сдѣлаю, и будемъ держаться, сколько возможно, но неровёнъ часъ. Я постоянно просилъ подкрѣпленій, и постоянно мнѣ отказывали, или брали, что было. Теперь одна надежда на Бога.—Саша".

Сегодня же (въ которомъ часу—не знаю, и поэтому не могу судить, есть ли это отвѣтъ на телеграмму Цесаревича, или же наоборотъ, вышеприведенная телеграмма его есть отвѣтная на нижеприведенную). Великій Князь послалъ Цесаревичу слѣдующую собственноручную телеграмму:

„Поздравляю тебя съ твоимъ именинникомъ [1]). По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, намъ необходимо держать ухо востро. Турки намѣреваются сдѣлать теперь же общее наступленіе со всѣхъ сторонъ. Войска, отбросившія насъ отъ Елены, въ числѣ 40 тысячъ, подъ начальствомъ Реуфа-паши,—собраны изъ рущукскихъ войскъ и Стамбула. На тебя полагаютъ наступленіе, по частнымъ слухамъ, сообщеннымъ изъ Лондона—изъ Сарнасуфляра и Эски-Джумы по направленію на Церковну. Увѣренъ, что ты съумѣешь ихъ удержать и наказать. Богъ съ тобою.—Николай".

Одновременная телеграмма великому князю Владиміру Александровичу въ Брестовацъ:

„Поздравляю молодого кавалера съ кавалерскимъ праздникомъ. Да поможетъ тебѣ Господь снова проучить врага, который замышляетъ наступленіе на насъ со всѣхъ сторонъ.—Николай".

Телеграмма генералу Гурко въ Осиково:

„Противъ Мирскаго до 40 тысячъ войскъ Реуфа-паши, собранныхъ частями изъ рущукской арміи и Стамбула. Получены свѣдѣнія, что турки намѣреваются атаковать всю мою армію со всѣхъ сторонъ, не исключая и тебя. Да поможетъ намъ Богъ

---

[1]) 26 ноября были именины великаго князя Георгія Александровича.

выдержать. Поздравляю тебя и новыхъ орденскихъ кавалеровъ съ праздникомъ.—Николай".

Отъ кого Великій Князь получилъ эти тревожныя свѣдѣнія—мнѣ неизвѣстно. Но подъ вліяніемъ этихъ свѣдѣній онъ былъ сегодня совсѣмъ нездоровъ.

27 ноября.—Государь съ утра запросилъ Великаго Князя телеграммою:

„Каковъ ты сегодня? Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Деллингсгаузена и Гурко".

Великій Князь отвѣчалъ:

„Деллингсгаузенъ доноситъ, что вчера, 26-го, въ Яковцахъ и Златарицѣ была лишь незначительная артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Отъ Гурко новаго ничего нѣтъ, большой подвижной резервъ уже сформированъ. Мнѣ лучше. Если завтра будетъ такъ же и ничто меня не задержитъ, постараюсь пріѣхать къ тебѣ къ завтраку".

Поздно вечеромъ Великій Князь получилъ собственноручную записку Тотлебена: „По показаніямъ перебѣжчиковъ, Османъ-паша собирается выходить изъ Плевны или въ эту, или въ слѣдующую ночь. Съ нашихъ батарей и траншей дѣйствительно замѣчено, что передовыя турецкія траншеи опустѣли, что турецкія войска отовсюду отходятъ къ Плевнѣ и далѣе къ р. Виду. Всѣ начальники предупреждены, всѣ мѣры приняты".

Около 1 часу ночи Непокойчицкій самъ зашелъ въ нашу кибитку, далъ прочесть эту записку и предупредилъ, что Великій Князь собирается съ утра выѣхать на передовыя позиціи. Распорядившись, чтобы верховыя лошади были къ утру готовы, мы легли спать.

28 ноября.—Холодный, немного вѣтреный день (термометръ на нулѣ). Рано утромъ былъ туманъ, который, впрочемъ, скоро разошелся.

Какъ встали, такъ узнали о подтвержденіи вчерашнихъ свѣдѣній Тотлебена. Еще ночью, въ началѣ 4-го часа, тученицкій телеграфистъ Свѣнцицкій телеграфировалъ флигель-адъютанту полковнику Чингисхану: „Со всѣхъ пунктовъ обложенія Плевны получены донесенія о движеніи непріятеля; затѣмъ дезертиръ показалъ, что Османъ намѣренъ сегодня ночью оставить Плевну. Кромѣ того, получено извѣстіе, что кришинскій редутъ оставленъ турками, и что они строятъ второй мостъ черезъ Видъ.

Утромъ пришло уже оффиціальное донесеніе, что турки атаковали гренадерскій корпусъ.

Великій Князь рѣшилъ сперва ѣхать на скобелевскую позицію. Но, получивъ телеграмму Государя, что онъ ѣдетъ на тученицкій редутъ, объявилъ, что надо отправиться туда же и тамъ ожидать Государя. Съ тѣмъ мы и выѣхали около 9½ час. утра.

Получивъ по дорогѣ телеграмму Скобелева о занятіи имъ (безъ боя) кришинскихъ редутовъ, Великій Князь завернулъ сперва къ Тотлебену въ Тученицу. Отъ него мы узнали, что турки очистили также гривицкій и опанецкій редуты, которые уже заняты: первый—нашими, а опанецкій редутъ—румынскими войсками. Тогда Великій Князь предложилъ Тотлебену и князю Имеретинскому ѣхать вмѣстѣ на тученицкій редутъ и тамъ ожидать Государя. Пріѣхали, но, убѣдившись, что оттуда ничего не видно, стали искать мѣста, удобнаго для наблюденія за ходомъ боя. По дорогѣ Великій Князь все время отдавалъ приказанія встрѣчавшимся войскамъ: „Вы идите тоже туда, въ тылъ непріятелю"; или: „Что же вы нейдете? Вамъ тоже надо идти туда". Съ такими же приказаніями разсылалъ и адъютантовъ, и ординарцевъ, напр.: „Поѣзжай, скажи командиру 4-го корпуса, что жъ онъ нейдетъ? чтобъ тоже шелъ!" Наконецъ, князь Имеретинскій не выдержалъ и сказалъ: „Ваше высочество, позвольте имъ подождать, пока придетъ приказаніе отъ корпуснаго командира: всѣ распоряженія уже сдѣланы и будутъ исполнены. Вѣдь обстановка выяснилась только за четверть часа до вашего пріѣзда къ намъ, и тогда только были отданы соотвѣтствующія приказанія. Неудивительно, что онѣ еще не исполнены".

Это немного успокоило Великаго Князя. Рѣшилъ ѣхать въ Радишево и остановиться тамъ на телеграфной станціи, чтобы имѣть возможность получать донесенія и разсылать приказанія. Только-что тронулись—новое рѣшеніе: свернуть влѣво на виднѣвшійся вдали холмъ, откуда, по мнѣнію Великаго Князя, все должно быть видно. Но на пути къ этому холму оказалось множество препятствій. Во-первыхъ, наши собственныя траншеи, вдоль линіи которыхъ мы долго путались, отыскивая мѣсто для переѣзда. Кончили тѣмъ, что поѣхали гуськомъ по дну рва и выбрались, наконецъ, въ поле пѣшкомъ, переведя лошадей въ поводу черезъ наши насыпи и рвы.

Въ полѣ, отдѣлявшемъ наши передовыя траншеи отъ турецкихъ, тамъ и сямъ лежали еще трупы, или, вѣрнѣе, скелеты нашихъ бѣдныхъ солдатиковъ, штурмовавшихъ Плевну 30 августа. Скелеты были, однако, одѣты, даже кепи лежали рядомъ съ ними. Въ числѣ скелетовъ одинъ въ офицерскомъ мундирѣ, но, конечно, уже нельзя было разобрать, какого полка.

Выѣхали, наконецъ, на намѣченный издали холмъ. Оказалось, что и съ него ничего не видно. Объ установленіи сообщенія съ телеграфною станціею, чтобы всѣ знали, гдѣ находятся главнокомандующій и начальникъ отряда обложенія со своими начальниками штабовъ—позабыли. Левицкій два раза напоминалъ Непокойчицкому, но безъ результата. Наконецъ, князь Имеретинскій самъ распорядился послать казаковъ на ближайшую телеграфную станцію. Но это ни къ чему не повело, такъ какъ мы переѣзжали цѣлый день съ мѣста на мѣсто, и найти насъ можно было только случайно.

Увидавъ вдали другой холмъ, поѣхали туда. Оказалось, что онъ находится уже за линіей турецкихъ укрѣпленій. Начали прыгать и перелѣзать черезъ нѣсколько брустверовъ и рвовъ, держа лошадей въ поводу. При этомъ ежеминутно предостерегали другъ другъ отъ валявшихся во множествѣ нашихъ же неразорвавшихся гранатъ. Стоило какой-нибудь лошади удачно наступить на ударную трубку—былъ бы взрывъ.

Турецкія укрѣпленія оказались прибранными начисто: ни одной валяющейся сумки или манерки. Въ нашихъ же траншеяхъ было разбросано много разныхъ вещей и еще больше—всякой дряни. И тылъ нашихъ траншей былъ сильно загаженъ—по русскому обыкновенію; въ тылу же турецкихъ траншей было почти совсѣмъ чисто.

Наконецъ, увидали у себя подъ ногами заколдованную Плевну. Тамъ было тихо и, казалось, совершенно пусто. Вдали, верстахъ въ четырехъ, на Опанецкихъ высотахъ, виднѣлась масса румынскихъ войскъ; влѣво—наступающія между Плевною и за Видомъ войска Скобелева; а вправо и гораздо ближе къ намъ—наступалъ 9-й корпусъ барона Криденера. Пушечная и ружейная пальба, все время раздававшаяся изъ-за р. Вида, вдругъ прекратилась, но никто не зналъ, почему. Къ намъ прибѣжали изъ Плевны нѣсколько человѣкъ болгаръ и съ низкими поклонами, наперерывъ стали разсказывать, что турки еще вчера вечеромъ собрались въ путь, запрягли всю артиллерію и обозъ и всю ночь проходили сквозь Плевну, къ мосту черезъ Видъ. Одинъ изъ этихъ болгаръ очень хорошо говорилъ по-нѣмецки.

Выслушавъ ихъ, поѣхали въ Плевну, причемъ Великій Князь объявилъ, что мы будемъ тамъ ночевать, хотя до ночи было еще очень далеко и мы еще ровно ничего не знали объ исходѣ боя. Только-что это неожиданное рѣшеніе было объявлено—подъѣхалъ какой-то саперный полковникъ и доложилъ Великому Князю, что въ Плевну ворвались кучки нашихъ и румынскихъ

солдатъ-мародеровъ и приступили къ грабежу; что вслѣдствіе этого раненые турки открыли по мародерамъ огонь изъ домовъ. Немедленно въ Плевну былъ посланъ комендантъ главной квартиры, генералъ-маіоръ Штейнъ, съ наличными жандармами, а барону Криденеру послано приказаніе послать въ распоряженіе Штейна галицкій пѣхотный полкъ. При этомъ Штейну все-таки было приказано приготовить въ Плевнѣ квартиру для Великаго Князя со свитою. Отправивъ Штейна, поѣхали вдоль окраины Плевны къ р. Виду. По пути туда, прежде всего получили румынское донесеніе объ окончаніи боя и о сдачѣ Османа-паши. Не рѣшались, однако, вполнѣ вѣрить послѣднему (что бой кончился—было ясно съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась пальба), въ виду испытанной малонадежности румынскихъ донесеній. Черезъ 1/4 часа встрѣтили казака, везшаго турецкое знамя, и съ нимъ адъютанта командира 4-го корпуса, генералъ-лейтенанта Зотова. Этотъ адъютантъ доложилъ, что бой конченъ, что вся турецкая армія сдалась командиру гренадерскаго корпуса Ганецкому и что даже совсѣмъ по близости стоитъ часть турецкихъ войскъ, уже положившая оружіе. Что̀ сталось съ Османомъ—адъютантъ не зналъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя было уже сомнѣваться въ полной побѣдѣ. Снявъ шапки, мы всѣ перекрестились и прокричали восторженное ура.

Двинулись дальше. Вдругъ видимъ, что вправо отъ насъ, шагахъ въ 300, неподвижно стоитъ нѣсколько баталіоновъ. Присмотрѣлись, подъѣхали ближе,—оказывается, турки! Составили ружья въ козлы и спокойно стоятъ и сидятъ около нихъ. Нашихъ—никого. Узнавъ о сдачѣ своихъ передовыхъ войскъ, турки сами составили ружья и ожидаютъ плѣна. Къ нимъ приставили одного казачьяго офицера и одного казака и велѣли передать „плѣнные“ баталіоны барону Криденеру, когда подойдутъ его войска.

Доѣхавъ до дороги, спускающейся къ мосту черезъ р. Видъ, Великій Князь, для сокращенія пути, предпочелъ спуститься прямикомъ съ крутого берега къ рѣкѣ. Спѣшились и спустились съ величайшимъ трудомъ по мокрой, вязкой кручѣ, держа лошадей въ поводу. Очутившись, наконецъ, въ долинѣ, переѣхали вбродъ рѣку Видъ и два рукава и — выѣхали почти къ тому же мосту. Вдали, въ разстояніи около версты, виднѣлась масса войскъ. Подъѣхалъ М. Д. Скобелевъ и доложилъ Великому Князю, что Османъ-паша, дѣйствительно, взятъ въ плѣнъ и притомъ раненымъ, и что онъ, Скобелевъ, самъ его видѣлъ. Вотъ когда мы грянули самое восторженное ура! Вслѣдъ затѣмъ

подъѣхалъ и самъ герой дня, И. С. Ганецкій, котораго Великій Князь горячо обнялъ и расцѣловалъ. Затѣмъ начался объѣздъ войскъ. Восторгъ гренадеръ былъ въ полномъ смыслѣ слова неописанный: лица офицеровъ и солдатъ сіяли, ура кричали всѣ оглушительно и безъ конца. Поблагодаривъ гренадеръ, Великій Князь направился къ румынамъ и натолкнулся на отвратительную картину. Вся румынская пѣхота, какая тутъ была, вразсыпную занималась грабежомъ. Тащили ружья, сумки, шашки, расхватывали турецкую рухлядь съ повозокъ, увозили на себѣ пушки. Великій Князь крикнулъ на грабителей—никакого вниманія. Два румынскихъ офицера свиты Великаго Князя оставались совершенно безучастны, пока онъ не крикнулъ имъ, чтобъ немедленно уняли своихъ и потребовали къ нему старшаго начальника. Подъѣхалъ бригадный командиръ: Великій Князь жестоко распекъ его по-французски и, приказавъ тотчасъ же возстановить порядокъ, поѣхалъ дальше. Но какъ я узналъ потомъ — грабежъ не прекратился, а продолжался до поздняго вечера.

Мы же повернули обратно по плевнинской дорогѣ къ мосту, такъ какъ Ганецкій доложилъ, что тамъ оставленъ раненный Османъ-паша. По обѣ стороны пути стояли массами турки, повозки, скотъ. Поле было усѣяно брошенными ружьями и патронами. Понять не могу, какъ эти патроны не взрывало подъ ногами нашихъ лошадей. По пути къ мосту натолкнулись опять на безобразную сцену: румыны угоняли плѣнныхъ турокъ въ свой лагерь и увозили туда же брошенныя орудія. Они и подошли лишь тогда, когда все было кончено: всю тяжесть боя вынесли на себѣ 3-я гренадерская и часть 2-й гренадерской дивизіи. Великій Князь подозвалъ къ себѣ румынскаго полкового командира (подполковника) и спросилъ, знаетъ ли онъ его. Получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ ему остановить своихъ и вернуть заграбленныя орудія и плѣнныхъ. Румынъ, даже не приложивъ руку къ козырьку, отвѣчалъ: „C'est impossible, Monseigneur". Великій Князь вспыхнулъ. „Quand je l'ordonne, c'est possible et que ce soit fait! Votre nom?"

Вскорѣ подъѣхалъ самъ князь Карлъ, которому Великій Князь и сообщилъ фамилію этого наглеца (я ее не разслышалъ). Взыскано ли съ него или нѣтъ—неизвѣстно.

Мнѣ показалось, что не только этотъ полковой командиръ, но и большинство румынскихъ офицеровъ и солдатъ были пьяны: вѣроятно, напились передъ боемъ для храбрости.

Вскорѣ по соединеніи съ княземъ Карломъ, мы переѣхали

черезъ Видъ по мосту (прочному, на каменныхъ устояхъ) и увидѣли ѣхавшую намъ навстрѣчу коляску: въ ней сидѣлъ Османъ-паша, очень красивый и моложавый. На переднемъ сидѣньи, противъ него, сидѣлъ докторъ. Великій Князь тотчасъ подъѣхалъ къ нему, подалъ руку и высказалъ ему по-французски свое уваженіе къ его храбрости и славной оборонѣ Плевны; мы же всѣ въ одинъ голосъ, не сговорившись, закричали: „Браво, Османъ-паша!“ Онъ былъ видимо очень взволнованъ такимъ пріемомъ и поручилъ своему доктору передать Великому Князю по-французски (самъ онъ плохо понимаетъ этотъ языкъ и знаетъ на немъ лишь нѣсколько словъ), что онъ тронутъ его вниманіемъ и очень благодаренъ. Послѣ Великаго Князя къ Осману подъѣзжали, называли себя, жали руку и говорили любезности: князь Карлъ, Непокойчицкій, Тотлебенъ и другіе старшіе генералы. Когда было названо имя Тотлебена, Османъ-паша встрепенулся, взглянулъ на него пристально, низко наклонилъ голову и съ особымъ чувствомъ отвѣтилъ на его рукопожатіе.

Затѣмъ, такъ какъ, по словамъ доктора, рана Османа-паши еще не была перевязана—Великій Князь разрѣшилъ ему ѣхать въ Плевну, на свою квартиру, и тамъ переночевать. Коляска Османа повернула обратно, а вслѣдъ за нею поѣхали шажкомъ и мы. Тутъ я познакомился съ его начальникомъ штаба, Тевфикъ-пашой, котораго М. Д. Скобелевъ взялъ подъ свое покровительство и пригласилъ къ себѣ ночевать. Я сказалъ Тевфику нѣсколько комплиментовъ, но онъ былъ такъ огорченъ и разстроенъ, что отвѣчалъ полусловами, съ растерянною улыбкой.

Тутъ же мы увидѣли главную массу турецкихъ плѣнныхъ. Они стояли сплошною, безпорядочною, необозримою толпою къ югу отъ дороги. Большинство имѣло жалкій видъ и смотрѣло или мрачно, или равнодушно. Но были между ними и довольныя, даже сіяющія лица. Люди, лошади, волы, повозки, пушки—все стояло въ перемѣшку. Тутъ же валялись массами брошенные ружья, штыки, обнаженныя шашки, сумки, мѣшки, патроны и т. п. На многихъ повозкахъ лежали раненые; около другихъ стояли толпы солдатъ, ѣвшихъ рисъ. Мы долго ѣхали среди густой толпы плѣнныхъ: они съ тупымъ равнодушіемъ, покорно разступались, давая намъ дорогу. Ни одного свирѣпаго или злобнаго взгляда! Эти люди, которые выдержали столько мѣсяцевъ осады, которые еще сегодня утромъ съ самозабвеніемъ шли героями въ атаку, — теперь имѣли забитый, смиренный, жалкій видъ. Грустно было смотрѣть на эту подавленную несчастьемъ храбрую армію.

Выбравшись, наконецъ, изъ толпы, мы въѣхали въ заколдованную Плевну. Это—лучшій изъ всѣхъ видѣнныхъ мною доселѣ болгарскихъ городовъ. Дома и заборы каменные; въ числѣ домовъ нѣсколько большихъ двухъ-этажныхъ, совсѣмъ европейской архитектуры. Разрушенныхъ домовъ мало: большая часть совершенно невредимы. Улицы довольно широкія и мощеныя, но мостовая обратилась въ густой грязный кисель. Проѣхавъ всю Плевну, мы не замѣтили никакихъ признаковъ присутствія массы больныхъ и раненыхъ. Между тѣмъ, послѣ оказалось, что почти всѣ дома и подвалы переполнены ими. Въ послѣдующіе дни ежедневно открывали умирающихъ и раненыхъ турокъ, валявшихся въ погребахъ какъ со свѣжими, такъ и съ разложившимися трупами. Выяснилось, что раненыхъ и больныхъ вовсе не лечили, а просто оставляли на произволъ судьбы. А вчера, 27-го ноября, передъ выступленіемъ, ихъ даже заперли, „для порядка". По словамъ болгаръ, такое обращеніе съ больными и ранеными было правиломъ. Такимъ образомъ, турецкіе солдаты, впередъ зная, что въ случаѣ выбытія изъ строя будутъ оставлены безъ помощи и призрѣнія—все-таки не падали духомъ и храбро сражались, безропотно повинуясь начальству. Какой великолѣпный боевой матеріалъ! Съ такими солдатами, при правильной организаціи и при искусныхъ, заботливыхъ начальникахъ—можно чудеса дѣлать.

Сегодня, когда полученъ былъ приказъ сдаваться,—передъ многими турецкими таборами задымились костры: турки сожгли большую часть своихъ знаменъ, чтобы они намъ не достались. Это не то, что пресловутый Базенъ, который, сдавая Мецъ и всю армію въ плѣнъ нѣмцамъ,—чуть не при описи сдалъ имъ французскія знамена.

Благодаря тому, что въ Плевнѣ не оказалось ни одного незараженнаго дома, — намѣреніе ночевать тамъ было оставлено. Уже смерклось, когда мы оттуда выѣхали и, направившись по ловчинскому шоссе, вернулись въ 9 час. вечера домой, пробывъ почти 12 часовъ верхомъ безъ пищи и питья.

Только-что я сошелъ съ лошади, какъ Великій Князь приказалъ мнѣ составить и дать къ подписи двѣ телеграммы: Государю и циркулярную—во всеобщее свѣдѣніе. Вотъ онѣ:

„Порадимъ, Государю Императору:

„Имѣю счастіе поздравить ваше императорское величество со славною новою побѣдою. Послѣ пятичасового жаркаго боя, вся армія Османа-паши взята въ плѣнъ и положила оружіе къ ногамъ вашего величества. Самъ Османъ-паша, легко раненный

въ ногу, взятъ въ плѣнъ. Вся артиллерія, весь обозъ, всѣ склады и лагери достались въ наши руки. Вся армія въ полномъ составѣ въ плѣну. Постараюсь привести въ извѣстность трофеи завтра. Наша потеря относительно невелика. Много пострадали и болѣе всѣхъ отличились астраханскій, мой сибирскій и самогитскій гренадерскіе полки. Всѣ вообще войска вели себя блистательно.—Николай".

Вслѣдъ за этою телеграммою была послана другая: 1) Государю; 2) Императрицѣ въ Царское-Село; 3) Наслѣднику въ Брестовацъ; 4) великому князю Михаилу Николаевичу въ Тифлисъ; 5) начальнику главнаго штаба въ Петербургъ; 6) генералу Дрентельну и 7) русскому консулу Стюарту въ Бухарестъ; 8) одесскому градоначальнику; 9) Радецкому на Шипку; 10) Гурко въ Осиково, вслѣдъ; 11) Циммерману въ Чернаводы; 12) Деллингсгаузену въ Тырновъ; 13) Карцову въ Ловчу:

„Сегодня, 28-го ноября, въ 7½ час. утра, вся армія Османа-паши атаковала нашъ гренадерскій корпусъ, занимавшій линію обложенія на лѣвомъ берегу Вида, съ цѣлью пробиться. Атака была ведена съ отчаянною храбростью: часть турецкихъ войскъ врывалась даже въ наши траншеи и батареи. Но всѣ усилія непріятеля сломить нашихъ гренадеръ были напрасны. Послѣ пятичасового жаркаго боя турки были отброшены. Окруженный надвинувшимися на него со всѣхъ сторонъ войсками нашими, храбрый защитникъ Плевны, Османъ-паша, раненный въ ногу, сдался въ плѣнъ со всею своею арміей. Привести въ извѣстность число плѣнныхъ и трофеи пока нѣтъ возможности. Могу лишь сказать, что въ наши руки попало все, что было въ Плевнѣ. У насъ потери пока еще не приведены въ извѣстность, но для достигнутаго результата невелики. Больше всѣхъ отличились и пострадали астраханскій, мой сибирскій и самогитскій гренадерскіе полки.—Николай".

Сверхъ того, Непокойчицкій телеграфировалъ нашему консулу въ Бухарестъ, чтобы онъ передалъ эту депешу по-французски въ Цетинье и Бѣлградъ.

По отправкѣ этихъ телеграммъ, сѣли ужинать. Весь вечеръ повсемѣстно гремѣло „Боже Царя храни" и перекатывалось неумолкаемое восторженное ура. Долго я не могъ заснуть въ эту ночь отъ массы пережитыхъ за день впечатлѣній и отъ радостнаго волненія. Государя съ его свитою мы сегодня такъ и не видали. Пріѣхавъ на тученицкій редутъ и никого тамъ не найдя, онъ довольно скоро, впрочемъ, получилъ радостное извѣстіе. Великій Князь послалъ къ Государю съ докладомъ о побѣдѣ

своего любимаго ординарца и крестника, л.-гв. уланскаго полка, поручика Дерфельдена. Но еще до его прибытія Государь узналъ о плѣненіи Османа-паши со всею арміей отъ помощника коменданта главной квартиры, скромнаго кавалерійскаго полковника Моравскаго. Онъ ѣхалъ обратно въ Боготъ съ какимъ-то порученіемъ и, повстрѣчавшись Государю случайно, въ восторгѣ замахалъ фуражкою, крича прерывающимся голосомъ: „Ваше императорское величество! Плевна взята, вся армія и самъ Османъ въ плѣну!“ Государь воскликнулъ: „Не можетъ быть! Почемъ ты знаешь?“ Моравскій перекрестился:

— „Ей-Богу правда. Самъ видѣлъ!“

Въ порывѣ радости, Государь тутъ же поздравилъ его флигель-адъютантомъ. Бѣдный Моравскій совершенно ошалѣлъ отъ неожиданнаго счастья.

Недолго, впрочемъ, этотъ простецъ носилъ царскіе вензеля. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его произвели въ генералы, чтобы съ почетомъ удалить изъ царской свиты, въ которой онъ былъ не подъ масть и самъ чувствовалъ себя неловко.

Государь назначилъ и Дерфельдена флигель-адъютантомъ, но на другой или на третій день, послѣ тонкаго намека Великаго Князя на то, какъ не повезло его любимцу Христи [1]).

Отвѣтная телеграмма Государя изъ Порадима пришла сегодня же къ 10-ти час. вечера:

„Поздравляю отъ души съ полнымъ нашимъ успѣхомъ и спасибо тебѣ и всѣмъ моимъ молодцамъ. Завтра въ 12 час. хочу прибыть прямо въ Плевну и отслужить тамъ передъ войскомъ благодарственный молебенъ. Предоставляю тебѣ выбрать мѣсто за городомъ и сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія, выславъ туда и моихъ лошадей. Сожалѣю, что не могъ обнять тебя сегодня же“.

Что телеграфировалъ на это Великій Князь собственноручно—я не знаю, но только къ 11 час. вечера была получена слѣдующая телеграмма Государя:

„Никакого сбора войскъ для молебна я не хочу дѣлать, а отслужить намѣренъ передъ тѣми, которыя ближе будутъ къ Плевнѣ, куда во всякомъ случаѣ я пріѣду завтра къ 12 часамъ“.

29 ноября.—Сегодня состоялся торжественный молебенъ на гривицкомъ шоссе, на турецкомъ редутѣ № 5, гдѣ была ставка Османа-паши, въ присутствіи Государя и Великаго Князя со свитами и всѣхъ вблизи расположенныхъ войскъ.

---

[1]) Уменьшительное отъ имени—Христофоръ.

Государь сіялъ радостью и осыпалъ всѣхъ своими милостями. Изъ своихъ рукъ пожаловалъ: Великому Князю Георгія 1-й степени, Непокойчицкому и Тотлебену—2-й степени, Ганецкому и князю Имеретинскому—3-й степени, Левицкому—4-й степени. Послѣдній скромно стоялъ въ сторонѣ; ему и въ голову не приходило, что онъ можетъ удостоиться какой-либо награды, тѣмъ болѣе, что стоустая молва давно избрала его козломъ отпущенія за всѣ бывшія неудачи. Вдругъ Государь обвелъ глазами свиту и позвалъ: „Левицкій!“ Тотъ растерянно подошелъ. Государь подалъ ему георгіевскій крестъ. Левицкій, окончательно растерявшись, не рѣшался даже принять крестъ, а только сказалъ взволнованнымъ голосомъ: „Ваше величество, за что? Я недостоинъ!“ Государь улыбнулся. „А ты забылъ наше совѣщаніе въ сентябрѣ, на которомъ ты первый подалъ голосъ, чтобъ намъ оставаться здѣсь?“ Левицкій отвѣчалъ: „Забылъ, ваше величество!“ Государь отвѣтилъ: „А я этого не забылъ и никогда не забуду“.

Левицкій былъ такъ потрясенъ этою неожиданною милостью, что весь день въ себя придти не могъ.

Только къ 5½ час. пополудни мы вернулись въ Боготъ, усталые, голодные, но счастливые.

Государь съ Великимъ Княземъ, высшими чинами и со своею свитою завтракалъ въ Плевнѣ и затѣмъ милостиво принялъ Османа-пашу, долго бесѣдовалъ съ нимъ и, въ знакъ уваженія къ его храбрости, возвратилъ ему саблю.

30 ноября.—Сегодня у Государя въ Порадимѣ—большой военный совѣтъ. Туда поѣхали Великій Князь, Непокойчицкій, Тотлебенъ, князь Масальскій, князь Имеретинскій и Левицкій. Послѣдніе трое, однако, не были приглашены на совѣщаніе. Участвовали только Великій Князь, князь Карлъ, Непокойчицкій, военный министръ, Тотлебенъ и Обручевъ.

На этомъ совѣщаніи рѣшено:

1) Усилить западный отрядъ Гурко 9-мъ арм. корпусомъ и 3-ю гвард. пѣх. дивизіею. Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій обойти турецкія позиціи у Арабъ-Конака и Лютикова и, оттѣснивъ армію Мехмеда-Али, наступать къ Софіи и далѣе, вдоль южнаго склона Балканъ, къ Казанлыку, съ цѣлью выйти въ тылъ турецкой шипкинской позиціи. Если же Мехмедъ-Али отступитъ къ Филиппополю, то преслѣдовать его и гнать далѣе къ Адріанополю. Оба пути наступленія должны привести къ одной и той же цѣли: туркамъ придется бросить Шипку и отступать къ Адріанополю.

2) Усилить шипкинскій отрядъ Радецкаго 11-мъ корпусомъ и частью 4-го корпуса подъ начальствомъ Скобелева, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти войска тоже перешли въ наступленіе, когда Гурко перевалитъ черезъ Балканы.

3) Плевнинскій отрядъ расформировать, направивъ, какъ выше сказано, часть его къ Гурко и часть къ Радецкому, часть 4-го корпуса на подкрѣпленіе Цесаревичу и оставивъ гренадерскій корпусъ въ общемъ резервѣ.

4) Рущукскому отряду Цесаревича оставаться въ прежнемъ положеніи, отчасти для маскированія наступательныхъ дѣйствій, отчасти для прикрытія линіи сообщенія Систово-Тырновъ. Присоединить къ рущукскому отряду всѣ отряды наши, находящіеся въ Журжевѣ, Ольтеницѣ и Каларашѣ, замѣнивъ ихъ въ этихъ пунктахъ румынскими войсками.

Сегодня привезли изъ Плевны въ Боготъ Османа-пашу. Для него заранѣе была поставлена особая кибитка, рядомъ съ нашимъ столовымъ шатромъ, и у кибитки поставленъ офицерскій караулъ. Съ приближеніемъ коляски Османа-паши, которую конвоировала румынская кавалерія, караулъ взялъ на плечо, а когда коляска остановилась—Осману-пашѣ была отдана честь съ барабаннымъ боемъ. Османъ, видимо тронутый, приложилъ руку къ фескѣ. Сопровождавшій его драгоманъ Макѣевъ объяснилъ ему, что по Высочайшему повелѣнію ему отдается такая же честь, какъ русскому фельдмаршалу. Османъ поблагодарилъ и при помощи своего доктора (турка, говорящаго по-французски), Макѣева и нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ — съ трудомъ вылѣзъ изъ коляски. Ходить онъ еще не можетъ. Вмѣстѣ съ нимъ помѣщенъ и его докторъ.

Привезли также и прочихъ плѣнныхъ пашей. Ихъ оказалось всего десять, изъ нихъ двухъ младшихъ подарили румынамъ. По словамъ Макѣева, турки очень этимъ возмущены: самъ Османъ сказалъ ему, что этимъ двумъ пашамъ придется, по возвращеніи изъ плѣна, выйти въ отставку, какъ опозореннымъ. Турки вообще смотрятъ на румынъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Румыны же со своей стороны очень обижены, что имъ дали только двухъ пашей, и то самыхъ младшихъ: они убѣждены, наперекоръ очевидности, что намъ безъ ихъ содѣйствія не удалось бы взять Плевну. Замѣчательное самомнѣніе!

Подъ вечеръ получено радостное извѣстіе еще объ одномъ важномъ успѣхѣ нашего оружія: отряду Цесаревича удалось сегодня блистательно отбить ожесточенную турецкую атаку, направленную главнымъ образомъ на лѣвый флангъ рущукскаго

отряда, какъ ближайшій къ самому чувствительному мѣсту—къ систовской переправѣ.

Объ этомъ важномъ событіи немедленно было донесено Государю и сообщено повсемѣстно слѣдующею телеграммою:

„Вчера, 29 ноября, съ 4-хъ часовъ пополудни турки начали переправляться большими силами черезъ Ломъ у деревни Красной. Къ вечеру переправилось уже болѣе 30-ти таборовъ. Сегодня, 30 ноября, утромъ турки атаковали всѣми силами корпусъ великаго князя Владиміра Александровича, направивъ главный ударъ на Мечку. Послѣ упорнѣйшаго боя, корпусъ великаго князя блистательно отбилъ турокъ съ фронта и перешелъ въ общее наступленіе, а между тѣмъ, по приказанію Наслѣдника-Цесаревича, лично присутствовавшаго въ сраженіи, подоспѣвшая бригада 35-й дивизіи ударила на лѣвый флангъ непріятеля. Дѣло было по истинѣ блестящее. Подробности дополнительно.

„На прочихъ мѣстахъ театра войны новаго ничего нѣтъ. У Яковцевъ и Златарицы войска наши попрежнему стоятъ на позиціи въ виду непріятеля.

„Противъ Лютикова, Арабъ-Канака и Златицы войска наши также занимаютъ прежнія позиціи.—Николай“.

Въ 9 час. вечера Государь отвѣтилъ:

„Благодарю отъ души. Ты поймешь, какъ я счастливъ и что сердце мое преисполнено благодарности къ Богу за новую Его милость. Сашѣ съ радостью вручу санъ Георгія 2-й степени и потому прошу ничего ему объ этомъ не говорить, равно и Владиміру, которому назначаю шпагу съ брилліатами“.

Вслѣдъ за симъ была получена телеграмма Радецкаго съ Шипки:

„Непріятель и его орудія до сихъ поръ еще на позиціи. Еслибъ я имѣлъ нѣсколько большія силы, то движеніемъ въ обходъ фланговъ и занятіемъ деревни Шипки можно было бы предупредить свозъ орудій и удобное его отступленіе“.

Къ сегодняшнему вечеру были собраны свѣдѣнія о нашихъ потеряхъ и трофеяхъ въ приснопамятный день 28-го ноября и Государю донесено слѣдующею телеграммою:

„Наша потеря въ гренадерскомъ корпусѣ въ день взятія Плевны 28 ноября:

„Убито: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 582.

„Ранено: штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 40, нижнихъ чиновъ 1.207.

„Контужено: оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 3.

„Всего штабъ- и оберъ-офицеровъ 57, нижнихъ чиновъ 1.792.

„Потеря турокъ 28 ноября, по показанію Тевфикъ-паши, болѣе 4.000.

„Наши трофеи—плѣнныхъ: пашей 10, штабъ-офицеровъ 128, оберъ-офицеровъ 2.000; нижнихъ чиновъ: пѣхоты, за вычетомъ 4.000 потери, около 36.000; кавалеріи 1.200. Орудій взято 77.

„Число больныхъ и раненыхъ, не участвовавшихъ въ бою 28 ноября, еще неизвѣстно; число знаменъ—тоже.

„Знамя, отбитое съ бою, взялъ рядовой астраханскаго гренадерскаго Наслѣдника Цесаревича полка Егоръ Ждановъ.

„Плѣнные паши привезены сегодня въ Боготъ. Къ юртѣ Османа-паши я приказалъ поставить офицерскій караулъ, который при встрѣчѣ отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ.—Николай".

Въ 9 час. вечера сегодня скончался, ко всеобщему сожалѣнію, тяжело раненый гусарскій полковой адъютантъ, юный поручикъ графъ Бобринскій. Великій Князь, не желая огорчать Государя этимъ извѣстіемъ на ночь, отложилъ телеграмму о смерти Бобринскаго до утра.

1 декабря.—Сегодня уже выступили изъ-подъ Плевны: 2-я пѣхотная дивизія въ Корцелово (на Янтрѣ), въ распоряженіе Цесаревича, и командиръ 4-го армейскаго корпуса со своимъ штабомъ, 30-ю пѣхотною дивизіею, 9-мъ драгунскимъ казанскимъ и 9-мъ гусарскимъ кіевскимъ полками—въ Тырновъ, на подкрѣпленіе Радецкаго.

Великій Князь, получивъ дополнительную телеграмму Цесаревича о сраженіи 30 ноября, телеграфировалъ Государю:

„Вчерашняя атака турокъ на корпусъ Великаго Князя Владиміра была ведена, по крайней мѣрѣ, 60-ю баталіонами и преимущественно на лѣвый флангъ и на центръ. Противъ праваго фланга были только слабыя демонстраціи. Мечку непріятель атаковалъ шесть разъ, но каждый разъ былъ отбрасываемъ съ огромнымъ урономъ. Къ часу дня подошла къ правому флангу 12-го корпуса 1-я бригада 35-й дивизіи. Ей было послано приказаніе немедленно взять во флангъ боевую линію турокъ. Когда бригада эта вступила въ бой и открыла огонь, то весь 12-й корпусъ перешелъ въ наступленіе и гналъ непріятеля по направленію на Красное до наступленія темноты. Турки отступали на Красное только потому, что путь на Чифликъ былъ имъ отрѣзанъ нашими войсками. Потеря турокъ должна быть очень велика: поле сраженія усѣяно тѣлами убитыхъ и брошенными

ранеными. Наши потери еще не приведены въ извѣстность, но нѣсколько менѣе понесенныхъ 14-го ноября, хотя въ бою участвовало больше войскъ, чѣмъ тогда. Въ свитѣ Великаго Князя Владиміра двое ранены: одна пуля упала около него самого. Поведеніе войскъ выше всякой похвалы.—Николай".

На эту телеграмму Государь отвѣтилъ:

„Видно, что вчерашнее дѣло было серьезное и успѣхъ полный. Ты поймешь, сколь я счастливъ. Ѣду сейчасъ къ молебну. Крайне сожалѣю о бѣдномъ Бобринскомъ. Пріѣхалъ ли его отецъ? До свиданія завтра въ 12 часовъ".

По случаю расформированія отряда обложенія Плевны, номинальный начальникъ этого отряда, князь Карлъ Румынскій, составилъ прощальный приказъ, который я, по просьбѣ князя Имеретинскаго, перевелъ съ французскаго языка на русскій. Вотъ онъ:

„Приказъ по войскамъ отряда обложенія Плевны. № 31. Порадимъ 2-го декабря 1877 года.

„Офицеры и солдаты русской арміи! Ваша стойкость, ваши геройскія усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Плевна, которую непріятель мнилъ неприступною твердынею и непреоборимою преградою побѣдоносному шествію вашему, которая стоила христіанскому воинству столькихъ потоковъ благородной крови,—наконецъ пала.

„Цѣль, для которой былъ сформированъ отрядъ обложенія,—достигнута. Прощаясь нынѣ съ доблестными русскими войсками, начальство надъ которыми его величество Государь Императоръ удостоилъ мнѣ ввѣрить,—я горячо благодарю всѣхъ, отъ генерала до солдата, за самоотверженное исполненіе каждымъ своего долга.

„Вы сражались все время на глазахъ вашего августѣйшаго повелителя и вашего рыцаря-главнокомандующаго, его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича. Они были свидѣтелями вашего геройскаго поведенія. Поэтому—не мнѣ воздавать вамъ должную хвалу.

„Но я не могу не высказать вамъ, что вы служили примѣромъ доблести и высшихъ воинскихъ добродѣтелей моимъ юнымъ войскамъ, которыя, пріявъ огненное крещеніе въ союзѣ съ славною русскою арміей, — навсегда соединились съ вами узами военнаго братства. Я надѣюсь, что и вы сохраните о румынахъ, вашихъ боевыхъ товарищахъ, столь же доброе воспоминаніе, какое они навсегда сохранятъ о васъ.

„Съ глубокимъ сожалѣніемъ слагая сегодня съ себя на-

чальство надъ отрядомъ и прощаясь съ вами, я отъ души желаю вамъ и въ предстоящей еще борьбѣ за наше святое дѣло столь же блестящихъ успѣховъ, какъ и тѣ, которые вами уже такъ доблестно завоеваны.

„На прощанье провозгласимъ еще разъ вмѣстѣ, единогласно и единодушно: — Да здравствуетъ его величество Императоръ Всероссійскій! Ура!"

Подлинный подписалъ начальникъ отряда обложенія Плевны— Карлъ.

Сегодня за завтракомъ этотъ приказъ былъ прочитанъ вслухъ, послѣ чего исполнены гимны нашъ и румынскій.

Планъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій вызываетъ необходимость перемѣщенія и нашей главной квартиры. Государь со своею главною квартирою уѣдетъ на дняхъ въ Петербургъ: это рѣшено. Наслѣдника и великаго князя Владиміра Александровича хочетъ взять съ собою. Начальникомъ рущукскаго отряда предполагается назначить или Тотлебена, или князя Дондукова-Корсакова, а начальникомъ штаба этого отряда, во всякомъ случаѣ, князя Имеретинскаго.

Намъ слѣдовало бы, выждавъ перехода Балканъ войсками Гурко, перейти въ Ловчу или Сельви, а затѣмъ, когда Гурко, наступая вдоль южнаго склона Балканъ, минуетъ эти пункты— перейти въ Габрово и наконецъ въ Шипку. Но Великій Князь уже проговорился, что лелѣетъ другую мысль: ему хочется переѣхать въ Орханію, чтобы слѣдовать вмѣстѣ съ войсками Гурко.

Если онъ это исполнитъ, то фактически не будетъ главнокомандующимъ, ибо, при нахожденіи на крайнемъ правомъ флангѣ, невозможно общее руководство военными дѣйствіями, въ особенности же по мѣстнымъ условіямъ и въ зимнее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Гурко лишится всякой самостоятельности, разъ что главнокомандующій, братъ Государя, постоянно будетъ у него надъ душой.

Богъ дастъ, еще удастся отклонить Великаго Князя отъ этой несчастной мысли.

2 декабря.—Сегодня состоялся въ Высочайшемъ присутствіи парадъ гренадерскому корпусу и другимъ частямъ войскъ, участвовавшимъ во взятіи Плевны. Къ сожалѣнію, я не могъ быть на этомъ историческомъ парадѣ, ибо былъ заваленъ спѣшною работою.

3 декабря.—Вчера поздно вечеромъ Великій Князь получилъ отъ Государя слѣдующую телеграмму:

„Прочитавъ сообщенное тобою послѣднее донесеніе Гурко, нахожу также крайне желательнымъ немедля приступить къ исполненію плана дѣйствій, о которомъ мы условились. Признаюсь, не легко мнѣ съ вами разставаться. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь съ нами“.

Государь уѣзжаетъ завтра къ Наслѣднику и оттуда въ Россію.

Сегодня утромъ получена интересная депеша „Agence Havas“, изъ Вѣны, отъ вчерашняго вечера; вотъ ея содержаніе въ русскомъ переводѣ:

„Константинополь, среда (т.-е. 30 ноября).—Паденіе Плевны произвело сильное впечатлѣніе на Порту. Опять возникъ вопросъ о смѣнѣ великаго визиря. Увѣряютъ, что Шакиру-пашѣ предписано замѣнить въ Софіи Мехмеда-Али, какъ отказавшагося, по недостаточности силъ, отъ совокупнаго движенія съ Сулейманомъ, когда послѣдній двинулся по направленію на Тырновъ. Ходитъ слухъ, что Мухтаръ также будетъ смѣщенъ. Христіане повидимому вовсе не расположены вступать въ національную стражу. Въ греческихъ и армянскихъ церквахъ прибиты воззванія противъ военной службы“.

Я потому привожу дословно текстъ этой телеграммы, что она очень всѣхъ порадовала. Нелидовъ говорилъ мнѣ сегодня, что Государь склоненъ заключить миръ, если турки будутъ его просить, но перемирія—ни въ какомъ случаѣ не будетъ.

Послѣ-завтра отправляютъ въ Россію Османа-пашу. Куда—еще неизвѣстно, ибо выборъ мѣста предоставленъ министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы онъ сообщилъ свое рѣшеніе телеграммою въ Кишиневъ, бессарабскому губернатору. Османа повезетъ туда адъютантъ Великаго Князя, штабсъ-капитанъ Бибиковъ.

Османъ-паша просилъ позволенія телеграфировать о своемъ плѣненіи въ Константинополь. Разумѣется, ему это позволили. Сегодня я снялъ на память копію съ этой исторической телеграммы:

„Constantinople.—Riza-bey, maumtoz-effendi-zode, secrétaire du grand-visir.

„Vous ne devez pas ignorer, que depuis un mois et demi nous étions assiégés. Ne recevant pas depuis lors aucun secours et manquant complétement de vivres—j'ai pris la résolution, avec mes troupes, de frayer chemin à travers les rangs de l'armée russe. Mais, malgré touts mes efforts n'ayant pu réussir, suis tombé avec ma garnison prisonnier de guerre. Bravoure de mes soldats ayant été appréciée, j'ai trouvé l'accueil le plus bien-

veillant de S. M. l'Empereur, ainsi que de la part de son auguste frère. Ayant reçu légère blessure, à la jambe gauche, me porte assez bien. Ne connaissant pas encore endroit, où serai envoyé, vous écrirez lettres détaillées à mon arrivée à la résidence, qui me sera désignée.—Osman" [1]).

Сегодня я просилъ Великаго Князя дать солдатскій георгіевскій крестъ корреспонденту „Новаго Времени" В. И. Немировичу-Данченко, въ награду за его храбрость во время обложенія Плевны: онъ почти безотлучно находился на позиціи Скобелева и ежедневно былъ въ огнѣ. Великій Князь согласился и, приказавъ мнѣ привести его къ нему, лично вручилъ Немировичу крестъ. Конечно, онъ былъ въ полномъ восторгѣ.

4 декабря.—Вчера вечеромъ Великій Князь получилъ отъ Государя (изъ Брестоваца, под. въ 6 ч. вечера 3 декабря) слѣд. телеграмму:

„Вручилъ условленныя награды обоимъ братьямъ (т.-е. Цесаревичу и Великому Князю Владиміру). Ты поймешь ихъ радость и мою. Здѣсь послѣ 30 ноября все спокойно. Жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій отъ Деллингсгаузена и Гурко".

Сегодня узналъ, что Цесаревичъ отказался ѣхать въ Россію до окончанія войны. Высоко-доблестный поступокъ! Сколь многіе простые смертные, не исключая и весьма-высокопоставленныхъ, спятъ и видятъ, какъ бы поскорѣе уѣхать въ Петербургъ подъ благовиднымъ предлогомъ. А наслѣдникъ престола, проникнутый высокимъ сознаніемъ долга, предпочитаетъ остаться на своемъ тяжеломъ, скучномъ и неблагодарномъ посту. Краснорѣчивый урокъ, но едва-ли онъ устыдитъ желающихъ отсюда вырваться: самое большое, если наиболѣе осторожные изъ нихъ будутъ сдерживать свои вожделѣнія.

Штабъ бывшаго отряда обложенія Плевны все время усиленно занятъ отправкою плѣнныхъ: около одной трети ихъ уже отправлено. Дѣло это шло сперва черезъ пень-колоду вслѣдствіе того, что Великій Князь отдавалъ прямыя приказанія на этотъ счетъ разнымъ лицамъ, помимо и безъ вѣдома Тотлебена. Приказанія

---

[1]) „Константинополь, Риза-бею, маумтозъ-эффенди-зодъ, секретарю великаго визиря:

„Вамъ небезъизвѣстно, что въ продолженіе полутора мѣсяцевъ мы были осаждены. Не получая съ тѣхъ поръ никакой помощи и совершенно истощивъ продовольственные запасы, я съ моими войсками рѣшился пробиться сквозь русскую армію. Несмотря на всѣ усилія, мнѣ это не удалось, и я со всѣмъ гарнизономъ по-

скрещивались и приводили къ путаницѣ и безпорядку, что, конечно, отражалось на участи плѣнныхъ: первые два—три дня они, буквально, голодали. Теперь Великій Князь пересталъ интересоваться этою новинкою, и дѣло наладилось.

Сегодня графъ Протасовъ-Бахметевъ, Левицкій и я, въ сопровожденіи драгомана Макѣева, были съ визитомъ у Османа-паши. Пробыли у него недолго, чтобы не безпокоить своимъ любопытствомъ и чтобы не мѣшать ему поговорить съ Тевфикъ-пашой, который пришелъ вслѣдъ за нами, чтобы проститься со своимъ начальникомъ: его уже увозятъ. Весь разговоръ нашъ заключался въ комплиментахъ храбрости Османа и его арміи. Мы высказали ему, что всѣ русскіе всегда уважаютъ храбрыхъ и доблестныхъ враговъ, и что въ Россіи, куда онъ теперь поѣдетъ, всѣ постараются скрасить ему тяжесть плѣна, насколько возможно. Въ заключеніе мы пожелали ему счастливаго пути, добраго здоровья и скораго возвращенія на свободу.

Все это передавалъ ему Макѣевъ. Османъ отвѣчалъ любезностями, но весьма односложными. Во время визита онъ лежалъ на походной кровати, мы сидѣли около него на табуретахъ, а его докторъ и Тевфикъ-паша стояли.

Великій Князь заходилъ къ Осману три раза. Османъ просилъ Великаго Князя принять на память его боевого коня, котораго Великій Князь и принялъ съ благодарностью, но, кажется, ничѣмъ его не отдарилъ: по крайней мѣрѣ, я ничего объ этомъ не слышалъ.

Отъ Макѣева узналъ, что возвращенная Государемъ Осману-пашѣ сабля—не та, которая была пожалована ему султаномъ за отраженіе штурма 30-го августа. Жалованная сабля не успѣла до него дойти и, по слухамъ, лежитъ въ Софіи.

Вчера только полученъ точный списокъ взятыхъ въ Плевнѣ въ плѣнъ турецкихъ генераловъ: ферикъ (генералъ-лейт.) Адель-паша; ливы (генералъ-маіоры): Тахиръ-паша [1]), Тевфикъ-паша (начальникъ штаба и начальникъ инженеровъ), Ахметъ-паша (начальникъ артиллеріи), Атыфъ, Садыкъ, Таиръ-Эмиръ, Гуссейнъ-Вашри и Эхемъ—паши. Всего съ Османомъ 10 пашей.

палъ въ плѣнъ. Во уваженіе къ храбрости моихъ солдатъ, я былъ чрезвычайно благосклонно принятъ какъ его величествомъ Императоромъ, такъ и его августѣйшимъ братомъ. Будучи легко раненъ въ лѣвую ногу, чувствую себя довольно хорошо. Такъ какъ мѣсто моего пребыванія мнѣ еще неизвѣстно, прошу написать мнѣ подробно уже по прибытіи моемъ по назначенію.—Османъ".

[1]) Номинальный начальникъ штаба.

Сегодня отецъ и старшій братъ умершаго отъ ранъ поручика графа Владиміра Бобринскаго увезли его тѣло въ Россію.

Сегодня утромъ Великій Князь получилъ слѣдующія телеграммы:

1) Отъ Цесаревича изъ Брестовца:

„Отъ всей души благодарю за поздравленіе, а въ особенности за лестныя слова. Благодарю Бога, что Онъ не оставилъ насъ и съ честью вывелъ насъ изъ труднаго и тяжелаго положенія, въ которомъ мы находились. Только вчера узналъ о высшей военной наградѣ, тобою полученной. Отъ всего сердца поздравляю и обнимаю".

2) Отъ великаго князя Владиміра Александровича, изъ Абланова:

„Счастливъ и радъ, что Господь сподобилъ дважды отразить настойчивыя атаки непріятеля. Да будетъ милость Его на насъ и впредь. Обнимаетъ тебя счастливѣйшій изъ корпусныхъ командировъ".

Вскорѣ затѣмъ получена и телеграмма Государя изъ Брестовца, отъ 1 ч. настоящаго дня:

„Саша увѣдомитъ тебя о нѣсколькихъ наградахъ, которыя я далъ здѣсь. Прикажи Тотлебену и Имеретинскому отправиться сюда немедля. Сейчасъ отправляюсь далѣе; телеграфируй мнѣ сегодня во Фратешти, завтра—въ Бухарестъ".

Въ дополненіе къ этой телеграммѣ получена телеграмма отъ генерала Струкова изъ Петрошанъ: „Государь Императоръ прибудетъ сюда въ три часа. Поѣздъ готовъ до Фратешти, гдѣ ночлегъ".

Государю послано сегодня три телеграммы:

1) Въ Брестовацъ:

„Деллингсгаузенъ донесъ, что вслѣдствіе усиленія турокъ противъ нашего хаинкіойскаго отряда и въ виду произведенной противъ него непріятелемъ усиленной рекогносцировки, онъ направилъ туда бригаду 26-й дивизіи. Еленинскій и златарицкій отряды расположились на позиціяхъ впереди этихъ пунктовъ, выдвинувъ авангарды къ Беброву".

„Князь Миланъ сербскій телеграфируетъ мнѣ отъ 2-го декабря, что онъ вынужденъ снова поднять оружіе противъ турокъ и становится лично во главѣ своей арміи".

2) Во Фратешти:

„Вчера, 3-го декабря, на Шипкѣ была перестрѣлка, въ которой у насъ ранено 20 нижнихъ чиновъ. Отъ Деллингсгаузена и Гурко новаго ничего нѣтъ. 9-й корпусъ выступилъ сегодня

по назначенію (т.-е. на подкрѣпленіе Гурко). Османа отправляю завтра въ Кишиневъ съ Бибиковымъ (адъютантъ Великаго Князя). До настоящаго дня всѣ паши и 20.000 плѣнныхъ уже отправлены".

5 декабря. — Сегодня утромъ Бибиковъ увезъ Османа-пашу въ Кишиневъ.

Ночью Великій Князь потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ составить и отправить Государю (во Фратешти) слѣдующую телеграмму:

„Наши передовыя войска, преслѣдуя турокъ, захватили телеграфную линію отъ Елены до Беброва, взяли запасы галетъ, нѣсколько плѣнныхъ, заняли Беброво и достигли разъѣздами Ахмедли. Турки потеряли много убитыхъ и раненыхъ. Наша потеря 12 человѣкъ, въ томъ числѣ тяжело раненъ нарвскаго гусарскаго полка поручикъ Апушкинъ. Пожаръ въ Еленѣ прекращенъ нашими войсками: сгорѣло только 40 домовъ".

Отвѣтъ отъ Государя на эту телеграмму былъ полученъ уже подъ вечеръ, изъ Бухареста, отъ 4 ч. 45 м. пополудни:

„Остался чрезвычайно доволенъ переправою въ Батинѣ. Здѣсь пріемъ восторженный. Радуюсь занятію Беброва, жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій. Не забудь благодарить императора Вильгельма за золотой вѣнокъ къ ордену „pour le mérite", который онъ тебѣ посылаетъ".

Цесаревичъ, на запросъ Великаго Князя (текстъ коего мнѣ неизвѣстенъ) отвѣтилъ слѣдующей телеграммою:

„Когда поѣдемъ съ Владиміромъ, рѣшительно не знаю. Напишу тебѣ на-дняхъ. Очень желалъ бы знать, куда направится гвардейскій корпусъ и что̀ предполагаетъ предпринять. Мнѣ необходимо знать для собственныхъ соображеній и разсчета времени".

Телеграмму эту Великій Князь передалъ сегодня вечеромъ на храненіе, но что̀ отвѣтилъ—не сказалъ.

Сегодня же получены двѣ интересныхъ телеграммы агентства Гавасъ: 1) изъ Аѳинъ, отъ 4-го, о народной уличной манифестаціи въ пользу объявленія Турціи войны: участники разогнаны полиціей и жандармами; 2) изъ Константинополя, отъ 1-го декабря, черезъ Вѣну.

Обнародовано посланіе султана турецкому „парламенту" во вкусѣ и тонѣ англійскихъ тронныхъ рѣчей, очевидно, англійскаго издѣлія. Привожу переводъ съ французскаго текста депеши:

Султанъ, упомянувъ о войнѣ, начатой Россіею, добавилъ, что

нѣкоторая часть его подданныхъ возмутилась, не взирая на дарованіе имъ правъ, обезпечивающихъ равноправность всѣхъ національностей, вѣроисповѣданій и языковъ. Румынія объявила Турціи войну безъ всякаго законнаго повода и тѣмъ усугубила затруднительность положенія. Но, не взирая на все это, страна энергически защищается, патріотизмъ турокъ и храбрость войскъ вызываютъ удивленіе всего міра. Султанъ вновь обращается къ патріотизму и содѣйствію народа для защиты законныхъ правъ Порты. Образованіе ополченія будетъ вскорѣ закончено: немусульманскіе подданные султана сами выражаютъ желаніе принять участіе въ защитѣ отечества. Конституція даровала всѣмъ турецкимъ подданнымъ равныя права и налагаетъ на всѣхъ равныя обязанности. А посему весьма естественно, что немусульманскіе подданные султана должны быть привлечены къ воинской повинности, составляющей первый долгъ и основу равноправія: правительство уже рѣшило, что воинская повинность должна ложиться не на однихъ только мусульманъ, но на всѣхъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданія. Единственное спасеніе имперіи—въ конституціи: султанъ желаетъ, чтобы всѣ его подданные могли вкусить блага прогресса и современной цивилизаціи. Султанъ настаиваетъ на преобразованіи финансовъ съ цѣлью выполненія лежащихъ на Турціи обязательствъ; на правильномъ распредѣленіи и взиманіи податей; на пересмотрѣ системы администраціи, судоустройства и судопроизводства; на реформѣ землевладѣнія и вакуфовъ; наконецъ, на преобразованіи жандармеріи. Къ несчастью, осуществленіе всѣхъ этихъ реформъ задерживается войною. Масса беззащитныхъ женщинъ и дѣтей подверглась возмутительнымъ, варварскимъ насиліямъ. Но султанъ надѣется, что въ будущемъ ничто не помѣшаетъ правильному отправленію правосудія. Муниципальный законъ, изданный въ прошломъ году, уже приведенъ въ исполненіе. Новые законопроекты, выработанные государственнымъ совѣтомъ, будутъ предложены на обсужденіе палатъ: такъ, напр., законы о производствѣ выборовъ, о правахъ и обязанностяхъ министровъ, объ устройствѣ судовъ. Сверхъ того, палаты будутъ спрошены по вопросамъ объ устройствѣ вилайетовъ, о законахъ печати, о податяхъ. Будетъ доложено о положеніи дѣла разработки тѣхъ 16-ти законопроектовъ, которые обсуждались въ послѣднюю сессію. Султанъ обращаетъ особое вниманіе палатъ на смѣту предстоящихъ расходовъ и прибавляетъ: внутреннія преобразованія, уже совершенныя, несмотря на войну, служатъ доказательствомъ искренности нашихъ намѣреній; въ обезпеченной свободѣ преній палаты имѣютъ наи-

лучшее средство раскрыть истину по всѣмъ вопросамъ, предлагаемымъ на ихъ обсужденіе.

Въ заключеніе султанъ говоритъ:

Наши отношенія съ дружественными державами—самыя сердечныя.

Кому нужна эта постыдная комедія англійскаго сочиненія? Кого этими благоглупостями благоудивить хотятъ?

Великій Князь говорилъ, что въ Петербургѣ вчера только установился санный путь. У насъ снѣгъ идетъ почти ежедневно, но только увеличиваетъ и безъ того глубокую грязь. Все время легкій морозъ по ночамъ и до 3° тепла днемъ. Такъ какъ у насъ въ кибиткѣ выше 5° не бываетъ, то Левицкій все стремится переѣхать въ землянку, но встрѣчаетъ рѣшительное несогласіе съ моей стороны. Великій Князь забавляется этимъ разногласіемъ и подтруниваетъ надъ Левицкимъ, что я его притѣсняю.

6 декабря.—Сегодня Тотлебенъ съ княземъ Имеретинскимъ и всѣмъ бывшимъ штабомъ отряда обложенія Плевны ѣдутъ въ Брестовацъ, къ Цесаревичу.

Характерно, что офицеры генеральнаго штаба всегда стремятся уйти изъ главной квартиры куда угодно. Причина вполнѣ понятна: во всякомъ отрядѣ офицеръ генеральнаго штаба на виду и въ серьезной работѣ, а въ главной квартирѣ—совершенно заслоненъ адъютантами и ординарцами Великаго Князя. Имъ даются всѣ видныя и серьезныя порученія, а офицеры генеральнаго штаба или корпятъ надъ бумагами, или принуждены слоняться безъ дѣла.

Фрезе вчера вернулся отъ Ганецкаго, который отъ него въ такомъ восторгѣ, что приписываетъ ему успѣхъ сраженія 28-го ноября и хочетъ представить его къ георгіевскому кресту.

Сегодня съ ранняго утра началась адская снѣжная метель, продолжавшаяся весь день и не утихшая и къ ночи. Вѣтеръ такъ и рветъ, снѣгъ крутитъ, морозъ усиливается.

Вчера получены извѣстія отъ агентства Гавасъ: Мехмедъ-Али-паша замѣненъ Шакиромъ-пашой; первый уже прибылъ въ Константинополь. Турецкія газеты, отъ 2-го декабря, говорятъ уже въ менѣе воинственномъ тонѣ. Въ Пештѣ 2-го декабря былъ туркофильскій митингъ: собралось до 8.000 чел.; постановили требовать отъ правительства, чтобы оно положило предѣлъ развитію русскихъ успѣховъ, хотя бы силою оружія. Президентъ совѣта, которому была послана депутація, ее однако не

принялъ. Князь Миланъ 2-го декабря выѣхалъ изъ Бѣлграда въ Алексинацъ; моравскій отрядъ въ тотъ же день перешелъ границу и занялъ Сѣканицу и Топольницу. Всѣ эти свѣдѣнія сообщены сегодня Гурко въ Осиково телеграммою.

Государю донесено сегодня въ Бухарестъ, вслѣдъ:

„Деллингсгаузенъ донесъ, что непріятель отступилъ по всей линіи и наши войска заняли прежнее расположеніе: Джулунъ, Златарицу, Елену, имѣя авангарды въ Кесаревѣ, Бещи-Малѣ, Бебровѣ и Буйновцѣ. Ахмедли занято турецкимъ отрядомъ всѣхъ родовъ оружія. У Цесаревича все спокойно: Тотлебенъ съ Имеретинскимъ ѣдутъ туда сегодня. Арнольди донесъ отъ 3-го декабря, что 30-го ноября, 1-го и 2-го декабря турецкая пѣхота съ кавалеріей и двумя орудіями пыталась наступать изъ Берковца на Боровцы для овладѣнія мостомъ черезъ Клиссу, но отражена двумя эскадронами харьковскихъ уланъ. Отъ Гурко новаго ничего нѣтъ“.

Вслѣдъ за отправкою этой телеграммы, получена телеграмма Гурко, что, по донесенію изъ Врацы отъ 4-го декабря, турки, послѣ упомянутыхъ неудачныхъ попытокъ, оставили Берковацъ и отступили къ Софіи, бросивъ въ Берковцѣ одно орудіе. Вслѣдъ затѣмъ туда вступилъ разъѣздъ л.-гв. уланскаго его величества полка подъ командою флигель-адъютанта ротмистра графа Берга.

Объ этомъ тотчасъ же было донесено Государю, съ добавленіемъ, что дѣло отправки плѣнной плевнинской арміи приходитъ къ концу. Османъ-паша отправленъ вчера, двое пашей и 9.000 плѣнныхъ переданы румынамъ.

7 декабря.—Только сегодня, послѣ цѣлаго ряда напоминаній, получены точныя свѣдѣнія о нашихъ потеряхъ въ сраженіи при Марени и Еленѣ 22-го ноября, которыя и сообщены немедленно начальнику главнаго штаба слѣдующими двумя телеграммами:

1) „Убито и взято въ плѣнъ (отдѣлить эти цифры невозможно) всего: 24 офиц. и 658 нижн. чиновъ“.

2) „Ранено всего: 31 офиц. и 1.149 нижн. чиновъ“.

Въ виду неизвѣстности фамилій офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, Великій Князь телеграфировалъ Убри, нашему послу въ Берлинѣ, чтобы онъ попросилъ князя Рейсса (германскаго посла въ Константинополѣ) узнать и сообщить фамиліи плѣнныхъ, а также о состояніи здоровья тѣхъ изъ нихъ, которые ранены.

Сегодня у Великаго Князя было совѣщаніе: Непокойчицкій, М. Д. Скобелевъ и Левицкій. Рѣшено: 3-й стрѣлковой бригадѣ 9-го декабря выступать въ Ловчу, а 16-й пѣхотной дивизіи, 10-го декабря, въ Сельви.

Отъ Государя получена телеграмма со станціи Романъ, отъ 5 ч. пополудни:

„Прошу передать мое поздравленіе л.-гв. стрѣлковому баталіону императорской фамиліи съ ихъ праздникомъ и спасибо за молодецкую службу. Продолжаемъ путь благополучно“.

Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Въ отрядѣ Гурко новаго ничего нѣтъ. Вездѣ, особенно на Балканахъ, снѣжныя вьюги. Въ горахъ, занимаемыхъ войсками Гурко, такой туманъ, что въ пяти шагахъ ничего не видно. Все это сильно замедляетъ движеніе войскъ, но тѣмъ не менѣе всѣ колонны идутъ по назначенію“.

Гурко послана въ Осиково слѣдующая телеграмма:

„Нашъ греческій посланникъ телеграфируетъ изъ Аѳинъ: отъ султана скрываютъ неудачи въ Орханіи и окрестностяхъ, почему онъ настаиваетъ на наступленіи. 27-го ноября стараго стиля къ Мехмеду-Али подошли 12 баталіоновъ съ Шипки, что довело его армію до 43 баталіоновъ при 50 орудіяхъ. Значительная часть его войскъ—мобилизованная національная гвардія. Семь баталіоновъ было почти уничтожено, вѣроятно когда они атаковали московскій полкъ (21-го ноября) и отправлено въ Софію, гдѣ, кромѣ того, находятся только 1 баталіонъ, 2 эскадрона, 3 батареи. Армія, стоящая противъ васъ, деморализована“.

Великій Князь посылалъ какую-то собственноручную телеграмму Цесаревичу, отъ котораго и получилъ подъ вечеръ слѣдующій отвѣтъ:

„Благодарю сердечно за именинника и поздравляю тоже съ нашимъ баталіоннымъ праздникомъ. Пока лучше оставить конвой тамъ. Рѣшительно ничего не могу сказать, сколько времени останусь и куда поѣду. Переговоривши съ Тотлебеномъ, напишу тебѣ“.

Вторая часть телеграммы мнѣ непонятна. Можно лишь догадываться, что Государь передъ отъѣздомъ въ Россію о чемъ-то условился съ Наслѣдникомъ и притомъ отчасти по предварительному соглашенію съ Великимъ Княземъ, отчасти же и безъ вѣдома послѣдняго.

Уже ночью получена отъ Государя телеграмма изъ Яссъ:

„Радуюсь занятію Берковца. Надѣюсь, что кавалерія будетъ вскорѣ замѣнена подошедшею пѣхотою. Здѣсь также снѣгъ и довольно сильный морозъ. Прошу телеграфировать мнѣ завтра въ Бирзулу“.

М. Газенкампфъ.

ПЕРВЫЙ КЛІЕНТЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Черная медвѣжья шкура, украшающая полъ моего кабинета, напоминаетъ мнѣ кліента,—перваго кліента въ моей жизни. Обстоятельства сдѣлали меня случайнымъ адвокатомъ, а его—случайнымъ преступникомъ. Я не искалъ его, онъ не искалъ меня, но все сложилось такъ, что мы встрѣтились на жизненномъ пути, и я нечаянно оказалъ ему услугу.

Я живо помню перваго своего кліента.

Это былъ коренастый якутъ, съ широкимъ лицомъ, узкими, косыми глазами, выражающими сразу и робость, и недовѣрчивость, и лукавство. Черныя, сросшіяся на переносицѣ брови, орлиный носъ и бѣлые крѣпкіе зубы, сверкавшіе изъ-подъ рѣдкихъ усовъ, дѣлали его похожимъ на татарина. Слишкомъ выдающіяся скулы и низкій лобъ говорили о монгольскомъ происхожденіи. Въ общемъ, это былъ чистѣйшій представитель расы. Въ своей ушастой шапкѣ, кожаныхъ штанахъ, рубахѣ изъ оленьихъ шкуръ, въ сапогахъ изъ сыромятной кожи, съ загнутыми вверхъ носками и безъ каблуковъ—онъ былъ похожъ на воина Аттилы, изъ старинныхъ гравюръ. Недоставало только лука за плечами и аркана въ рукахъ.

И вотъ этотъ воинъ Аттилы, не понимавшій ни слова по-русски, очутился подъ судомъ и слѣдствіемъ.

Человѣкъ этотъ выросъ въ тайгѣ и зналъ только то, что

говорили ему вой пурги, грохотъ льдовъ на днѣ горной рѣчки, шумъ лѣсовъ, безлюдныхъ и безбрежныхъ, какъ небо, разстилающееся надъ ними, въ блескѣ звѣздныхъ ночей... Онъ зналъ хорошо, что говорятъ слѣдъ звѣря въ сугробахъ лѣсной опушки, крикъ птицы на вершинѣ старой сосны, вой волка на днѣ каменнаго ущелья, движенье облаковъ на тихой лазури лѣтняго дня, и многое другое. Но не зналъ онъ ничего о томъ, что говорятъ законы Россійской Имперіи.

„Но развѣ эти законы,—могъ бы спросить житель тайги,—выработанные культурными людьми для культурныхъ людей,—понятны для обитателя лѣсовъ, который чувствуетъ, думаетъ и страдаетъ иначе, чѣмъ обитатель селъ и городовъ?“

На этотъ вопросъ ему отвѣтили бы, что нельзя отговариваться невѣдѣніемъ законовъ, даже непонятныхъ и сложныхъ.

Такія мысли промелькнули у меня въ умѣ, когда я въ первый разъ увидѣлъ моего будущаго кліента, Петра Габышева, по-якутски Атасыка, передъ лицомъ судебнаго слѣдователя.

— Спроси его,—говорилъ слѣдователь переводчику, молодому якуту, только-что окончившему одноклассное училище,—признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что 15 сентября, на урочищѣ „Олбутъ“, онъ въ запальчивости и раздраженіи, однакоже не случайно, лишилъ жизни Ивана Сивцова, по прозванію Соймара, ударомъ палки по головѣ?

Переводчикъ, паренекъ лѣтъ четырнадцати, съ умнымъ и утомленнымъ отъ чрезмѣрнаго вниманія лицомъ,—повторилъ вопросъ по-якутски и, выслушавъ длиннѣйшую отповѣдь обвиняемаго, сказалъ:

— Не виноватъ, говоритъ... Это всѣ они по злобѣ на меня показываютъ, говоритъ... Они всѣ—родственники Соймара, говоритъ.... Торговали водкой, говоритъ, и боятся, какъ бы имъ за это не было худо... Потому неправду показываютъ... Врутъ все, говоритъ.

Слѣдователь слушалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Его доброе лицо, съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ, какъ-то нервно подергивалось; надъ бровями появлялись морщины, глаза загорѣлись огонькомъ досады.

— Кто же убилъ Соймара? Вѣдь свидѣтели видѣли его вмѣстѣ съ обвиняемымъ... Видѣли, какъ они водку пили, какъ ссорились. Самъ онъ себя убилъ, что-ли?..

— Не могу знать, говоритъ... Свидѣтели водкой торговали, оттого и показываютъ, говоритъ...

Слѣдователь быстро перелистываетъ толстое дѣло, начатое

еще засѣдателемъ и переданное ему, первому мировому судьѣ (онъ же слѣдователь и нотаріусъ) округа, гдѣ съ 1-го іюля 1897 года введена судебная реформа. Когда онъ открывалъ мировой судъ въ городѣ, въ присутствіи всѣхъ нотаблей округа и улуса,—онъ говорилъ, что отнынѣ будетъ дѣйствовать судъ гласный, скорый и милостивый, и вѣрилъ тому, что̀ говорилъ.

Но потомъ, когда отъ земскаго засѣдателя стали поступать кипы старыхъ дѣлъ—наслѣдіе дореформеннаго суда,—когда изъ этихъ дѣлъ выяснилось, что въ разныхъ пунктахъ округа, этакъ на разстояніи верстъ восьмисотъ, ждутъ вскрытія, во временныхъ могилахъ, нѣсколько труповъ,—онъ пересталъ вѣрить тому, что̀ говорилъ, и усомнился въ скорости новаго суда.

Одинъ изъ этихъ труповъ лежалъ уже мѣсяцевъ десять на урочищѣ Олбутъ и ждалъ вскрытія, во временной могилѣ. Чтобы добраться до него, нужно было переплыть одну огромную рѣку, одну средней величины рѣку и четыре малыхъ рѣчки; нужно было перевалить черезъ два „гольца“ или „камня“ и проѣхать черезъ сорокаверстную полосу „вѣковѣчной“ тайги, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни мостовъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ давнихъ и самыхъ дальнихъ труповъ, и потому первый мировой судья округа и рѣшилъ начать съ него свою слѣдовательскую дѣятельность.

Въ сопровожденіи окружного врача, своего письмоводителя, которымъ въ это время былъ я, и двухъ якутовъ проводниковъ мировой судья переплылъ всѣ встрѣчныя рѣки и рѣчки, перевалилъ черезъ всѣ встрѣчные гольцы и камни; проѣхалъ верхомъ на дикомъ пугливомъ конѣ, по еле замѣтной тропѣ, полосу тайги; добрался до урочища Олбутъ и приступилъ къ допросу свидѣтелей и обвиняемаго, такъ какъ вскрытія нельзя было произвести въ тотъ день.

Не имѣя возможности способствовать тому, чтобы судъ былъ скорый, судья хотѣлъ способствовать тому, чтобы судъ былъ милостивый, и старался подготовить для этого почву. При первыхъ же допросахъ онъ понялъ, что свидѣтели и обвиняемый мѣрятъ судъ новый мѣркою суда стараго. Они думали, что „судъ наѣхалъ“ не для того, чтобы выяснить дѣло и воздать каждому по заслугамъ, а для того, чтобы затемнить дѣло и завести волокиту лѣтъ на десять.

Поэтому они говорили неохотно и уклончиво. Они хотѣли убѣдить судью, что Соймаръ самъ себя убилъ, и говорили это для того, чтобы уменьшить размѣръ „дани“. Большого труда и немало дипломатическаго искусства понадобилось для того, чтобы заставить свидѣтелей говорить правду.

Правда заключалась въ томъ, что на урочище Олбутъ прибылъ русскій купецъ, культурный человѣкъ, для назиданія котораго преимущественно и были составлены законы и который еще менѣе могъ отговариваться незнаніемъ ихъ, чѣмъ якутъ.

Онъ прекрасно зналъ, что водку запрещено продавать въ „стойбищахъ" инородцевъ, однако продавалъ ее, чтобы при помощи ея выгоднѣе купить соболей.

Атасыка и Соймаръ продали купцу бѣлку, добытую ими въ лѣсахъ, купили водки и напились. Напившись, они повздорили, повздоривши—подрались, и вотъ—Соймаръ лежитъ во временной могилѣ съ расколотымъ черепомъ, а Атасыка отданъ подъ строжайшій надзоръ общества.

Когда „судъ наѣхалъ", общество засадило Атасыку въ пустой амбаръ, чтобы показать свою строгость.

Выпущенный изъ амбара, Атасыка впалъ въ мрачное настроеніе и не хотѣлъ признать очевидныхъ и доказанныхъ фактовъ.

— Скажи ему,—сказалъ судья переводчику,—что ему лучше всего сознаться. Тогда и наказаніе будетъ гораздо легче...

Переводчикъ переводилъ такъ усердно, что на лбу у него выступали капли пота, но Атасыка не сходилъ съ разъ занятой позиціи.

— Не могу знать... А только свидѣтели все врутъ на меня... Я не пилъ водки съ Соймаромъ, не ругался... Напрасно показываютъ...

Судью раздражало это упорство, лишившее его надежды способствовать тому, чтобы судъ былъ милостивый и чтобы возбудить довѣріе въ сердцахъ этихъ людей, привыкшихъ къ волокитѣ, наѣздамъ и поборамъ.

— Что дѣлать!—обратился онъ ко мнѣ.—Запишите то, что онъ говоритъ... Можетъ быть, до суда онъ одумается...

Сколько рѣкъ, горъ и лѣсовъ проѣхали мы, представители европейской культуры, для того, чтобы способствовать правильному ходу правосудія,—но врядъ ли этотъ ходъ былъ правиленъ, благодаря поведенію обвиняемаго, отягчавшему свое положеніе безъ всякой нужды, вопреки здравому смыслу. Упорство его происходило отъ традиціоннаго недовѣрія къ старому суду и къ законамъ, невѣдѣніемъ которыхъ онъ не могъ отговариваться.

II.

Вечеромъ, лежа на полу „лѣтника“ на душистомъ сѣнѣ, мы дѣлились впечатлѣніями дня. Упрямство Атасыки, не понимавшаго своей очевидной выгоды,—удивляло насъ. Судья склонялся къ тому мнѣнію, что виновный дѣйствовалъ съ умысломъ, сознательно, а не въ пьяномъ видѣ и въ запальчивости.

— Вѣроятно, между ними были какіе-нибудь старые счеты изъ-за промысла или женщинъ... Еслибы онъ дѣйствовалъ безъ умысла, то навѣрное признался бы. Дѣяніе слѣдуетъ квалифицировать не по 1455, а по 1454 статьѣ уложенія.

Врачъ, знающій лучше край и его населеніе, не соглашался съ этимъ.

— Нѣтъ, онъ нагрезилъ съ пьяныхъ глазъ... А не признается потому, что не имѣетъ довѣрія къ намъ, людямъ культурнымъ, которыхъ онъ считаетъ своими естественными врагами за то, что они хотятъ ему навязать свои обычаи, законы, языкъ и взгляды; за то, что они вносятъ чуждую струю въ его простую, несложную, почти дикую жизнь...

— Но вѣдь якуты все болѣе и болѣе входятъ въ сферу вліянія пріисковъ,—возразилъ я.

— Они берутъ сами то, что̀ имъ нравится въ укладѣ пріисковой жизни. А мы со своими обычаями, порядками и школами грозимъ имъ коренной ломкой устоевъ ихъ самобытной жизни, и они инстинктивно реагируютъ противъ культурнаго вліянія высшей расы... Что̀, батенька, пріиска̀! Якутъ везетъ туда свои продукты, получаетъ чистыя денежки, возвращается въ свои лѣса и горы и живетъ такъ, какъ жили дѣды. Это связь чисто экономическая... А мы, вотъ, хотимъ, чтобы эти инородцы переняли нашъ языкъ, нашъ укладъ жизни, хотимъ связать ихъ съ нами, такъ сказать, морально...

— Надо сказать правду, что прежній, дореформенный судъ не способенъ былъ внушить довѣріе къ себѣ...

— О, да!.. Что̀ это за судъ, гдѣ дѣла вершились ссыльными? Они занимались по вольному найму во всѣхъ канцеляріяхъ... Судили, собственно говоря, они, а начальство, занятое кутежами, лишь подписывало бумаги... Это былъ въ полномъ смыслѣ бумажный судъ. Только земскій засѣдатель, производившій слѣдствіе, могъ видѣть свидѣтелей, слышать живое слово...

При упоминаніи о старыхъ порядкахъ, мнѣ припомнились

дѣльцы суда до-реформеннаго. Это были уголовные ссыльные изъ привилегированныхъ, занимавшіеся въ судахъ по вольному найму. Жадные, искусившіеся въ крючкотворствахъ, они наводили страхъ на мирныхъ обывателей, и тѣ несли имъ дань при малѣйшемъ намекѣ на возможность имѣть дѣло съ судомъ.

— Похлопочите ужъ!—говорили они писцамъ. — Отъ роду не судился!.. сдѣлайте какъ-нибудь получше.

Конечно, эти „хлопоты" не мало стоили обывателямъ, отъ роду не судившимся, и отбивали охоту судиться даже у обиженныхъ.

Судья былъ искренно огорченъ упорствомъ Атасыки. Сколько трудовъ было употреблено на то, чтобы добраться до Олбута и произвести слѣдствіе при той же обстановкѣ, при какой было совершенно преступленіе!

Цѣлый день съ утра до вечера пришлось ѣхать верхомъ по невозможной дорогѣ. Не привыкшій къ верховой ѣздѣ судья упалъ съ коня и чуть не сломалъ себѣ ногу. Единственнымъ удовлетвореніемъ для него было то, что онъ, житель столицы, очутился вдругъ въ заправской „вѣковѣчной" сибирской тайгѣ, въ дикой безлюдной пустынѣ, о какой онъ мечталъ еще мальчикомъ, когда читалъ повѣсти Майнъ-Рида.

Въ тихій іюльскій вечеръ мы выѣхали изъ сельскаго управленія Нюректейскаго наслега, гдѣ судья разбиралъ дѣла (по пути) и направились къ большой рѣкѣ, первой изъ тѣхъ, которыя надо было переплыть, чтобы добраться до временной могилы безвременно погибшаго Соймара.

По берегу рѣки тянулись заливные луга. Туманы сизой пеленой стлались по травѣ, вились надъ сырыми равнинами, ползли, повисая сѣдыми клочьями на зеленыхъ кустахъ ольхи и тальника. Вокругъ насъ были ряды скошеннаго сѣна, топкія болота, косматыя кочки, стволы полусгнившихъ деревьевъ. Черныя стѣны горъ, окаймлявшихъ рѣчную долину по лѣвому берегу, казалось, давили насъ своею тѣнью и закрывали отъ насъ заходящее солнце. Горы праваго берега, которыя намъ предстояло перевалить, тоже чернѣли косматой гривой сосноваго бора. Все вокругъ было пасмурно, непривѣтливо и хмуро.

Вдругъ на поворотѣ дороги, заросшей кустами по краямъ, блеснула стальная лента рѣки, и видъ мгновенно измѣнился. Тѣ же хмурыя горы, казалось, ожили въ блескѣ угасающаго дня.

Хрустальная масса воды концентрировала въ себѣ и отражала отъ себя весь свѣтъ солнца и неба. Это была протока рѣки, омывающая большой островъ „Звѣриный".

На островѣ не было ни одного хищнаго звѣря, по крайней мѣрѣ четвероногаго. Огромный, верстъ пятнадцать въ длину, затопляемый ежегодно водою, онъ давалъ баснословные урожаи сѣна и хлѣба и былъ житницей той мѣстности. Когда-то онъ былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ, но кочевники, поселившись на немъ осѣдло, вырубили лѣсъ и превратили кочковатыя болота въ луга и нивы.

Селенія якутовъ были разбросаны по острову отдѣльными, разрозненными усадьбами, такъ что не оправдывали своего оффиціальнаго названія. На самомъ высокомъ, наименѣе подвергаемомъ наводненію мѣстѣ, возвышалась каменная церковь съ бѣлыми стѣнами и зеленымъ куполомъ, выстроенная подрядчикомъ-скопцомъ на средства богатаго якутскаго старшины, въ нѣкоторомъ родѣ владѣтельнаго князя острова. Тутъ же тянулось огороженное плетнемъ кладбище. Домà „князьцовъ“ (богатыхъ и вліятельныхъ людей) походили на помѣщичьи усадьбы. Это были просторныя и высокія деревянныя постройки съ крылечками, а иногда крытыми верандами, окруженныя двухъ-этажными амбарами для храненія товаровъ и продуктовъ, перевозкой которыхъ на пріискà, между прочимъ, также занимались жители острова „Звѣринаго“. Дома небогатыхъ обывателей были тоже русскаго типа; только кое-гдѣ виднѣлись ветхія національныя жилища якутовъ—юрты, съ покатыми стѣнами, съ земляными крышами, поросшими травою и бурьяномъ. Огромные стога только-что скошеннаго сѣна высились на ровныхъ зеленыхъ полянахъ. Желтыя нивы зрѣющаго хлѣба перемѣшались съ черными полосами пара. Пахло свѣжескошеннымъ сѣномъ и сыростью.

Едва только пріѣхалъ судья въ сельское управленіе острова „Звѣринаго“, гдѣ назначена была ночевка, послѣ переправы черезъ протоку, какъ явились тяжущіеся.

Тяжбы были одно изъ любимыхъ занятій почтенныхъ островитянъ, въ часы досуга. Обезпеченные хлѣбомъ, сѣномъ, звѣринымъ промысломъ (въ лѣсахъ за рѣкой) и извозомъ на пріискà, жители богатаго острова имѣли много свободнаго времени, которое, между прочимъ, употребляли на споры и домашнія дрязги. Потребности тѣла съ избыткомъ удовлетворяла суровая, но щедрая природа; потребности души—пирушки, споры и тяжбы.

Островитяне имѣли слишкомъ много досуга, и потому пользовались малѣйшимъ поводомъ, чтобы воспринимать высшій даръ навязанной имъ культуры — водку. Для этого справлялись именины всѣхъ живыхъ и мертвыхъ родственниковъ. На именинахъ пили за здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ зна-

комыхъ; пили за здоровье еще не родившихся дѣтей и за поминъ души еще не умершихъ стариковъ; пили по поводу „большой воды“ („теперь будемъ съ хлѣбомъ!“) и по поводу „малой воды“ („въ домахъ меньше сырости будетъ!“). Въ свободное отъ выпивокъ время ссорились, сплетничали и судились.

Пріѣздъ судьи и доктора взволновалъ всѣхъ почтенныхъ островитянъ. Они обрадовались случаю посудиться и полечиться.

Леченіе было не послѣднимъ дѣломъ въ ихъ жизни, такъ какъ рѣка, дававшая имъ богатство, заливая поля и нивы,— надѣляла ихъ болѣзнями.

Отъ рѣки, охватывающей островъ серебристымъ кольцомъ движущихся водъ, поднимались туманы и окутывали плодородныя нивы и заливные луга сырою мглою.

Въ лунныя весеннія ночи изъ болотъ, оставшихся отъ наводненія, нерѣдко затоплявшаго всѣ дома, кромѣ церкви,—выходили безчисленные безформенные призраки и висли на зеленыхъ кустахъ, и стлались, какъ дымъ выстрѣловъ, надъ плодородной землей, и прокрадывались въ жилища... Всю ночь стояли они сизыми тучками надъ лугами и съ проблескомъ зари обильною росой падали на травы.

Отъ сырости и гнили въ жилищахъ, выстроенныхъ на болотѣ и затопляемыхъ въ половодье, люди заболѣвали туберкулезомъ и лихорадкой.

Врачъ, единственный цѣлитель огромнаго округа, не имѣлъ времени часто пріѣзжать на островъ, и его мѣсто занималъ вольнопрактикующій шаманъ.

Пріѣзду судьи предшествовала молва о немъ, и много страннаго для туземцевъ было въ этой молвѣ. Молва гласила, что „первый судья—или очень хитрый человѣкъ, или очень добрый, необыкновенно добрый“.

— А можетъ быть, онъ совсѣмъ не судья, а тайно посланъ узнать, какъ живутъ люди въ нашей дальней сторонѣ!—говорили бравые островитяне.

— Слыханое ли дѣло, чтобы судья не судилъ, не кричалъ на виновныхъ, не стращалъ тюрьмой, а мирилъ? Раньше, бывало, пріѣдетъ засѣдатель, и первое дѣло — кричитъ и лупитъ ямщиковъ; второе — пьетъ съ „тойонами“ [1]), а третье — пишетъ и пишетъ“. Мы боимся, какъ бы онъ чего худо не написалъ, и говоримъ: „Эй, перестань писать и получи отступного“... Онъ перестаетъ и прячетъ дѣло въ дорожный ящикъ. Черезъ годъ

---

[1]) Тойонъ—господинъ, богачъ, знатный человѣкъ (як.).

опять пріѣзжаетъ и пишетъ... Лѣтъ черезъ пять дѣло такъ толстѣетъ, что еле помѣщается въ дорожномъ ящикѣ... А тамъ, глядишь, виноватый померъ и писать больше не о чемъ!.. А этотъ судья совсѣмъ мало пишетъ, а больше говоритъ... Говоритъ: „помиритесь, не ссорьтесь, грѣшно ссориться!"—и говоритъ лучше попа. Вотъ на Кочегарѣ двухъ враговъ помирилъ, двухъ братьевъ. Они уже лѣтъ двадцать судятся и другъ друга въ каторгу засудить не могутъ. Одинъ попроситъ засѣдателя, а другой—вдвое попроситъ... Такъ шло годами. А этотъ какъ заговорилъ, обоихъ слеза прошибла—и они помирились... Двадцать лѣтъ ссорились, а въ одинъ часъ помирились... Чудно!

Услышавъ такія рѣчи, островитяне захотѣли посмотрѣть необыкновеннаго судью, посудиться у него и увидѣть, какъ это онъ въ одинъ часъ ухитряется мирить людей, ссорившихся двадцать лѣтъ.

У сельскаго правленія встрѣтила пріѣзжихъ толпа народа. Впереди стояли культурные представители островного населенія, въ черныхъ сюртукахъ, съ медалями на толстыхъ шеяхъ, а подальше — воины Аттилы. Всѣ сняли шапки и привѣтствовали судью, который не пишетъ, а говоритъ, который не судитъ, а миритъ.

Всѣ были очень разочарованы, когда судья сказалъ, что онъ ѣдетъ на слѣдствіе, а потому мирить ихъ будетъ уже на обратномъ пути. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ письменныя прошенія, къ великой радости просителей, горѣвшихъ нетерпѣніемъ посудиться.

— Спасибо за привѣтствіе, господа!.. Надѣньте шапки, надѣньте... А дѣла разберу, когда вернусь съ Олбута.

— Спасибо, тойонъ!.. хорошо судилъ... учугей... [1]) по-божьи судилъ... мы слыхалъ... благоддары!—послышалось изъ толпы.

Тяжущіеся ушли по домамъ, а больные выразили твердое желаніе поговорить съ врачомъ. Это были такіе больные, страданій которыхъ не могъ облегчить вольно практикующій шаманъ.

— Судиться можно подождать, а лечиться—нельзя!—сказалъ, смѣясь, врачъ и пригласилъ больныхъ къ себѣ тотчасъ же.

Одинъ изъ этихъ злополучныхъ паціентовъ шамана, якутъ, довольно сносно объяснявшійся по-русски,—держалъ такую рѣчь къ врачу:

— Вотъ, ваше благородіе,—я много водки пью, шибко много. И не желалъ бы пить, хвораю отъ этого, а пью. Потому что

---

[1]) Учугей—ладно.

(онъ понизилъ голосъ), скажу вамъ прямо, во мнѣ сидитъ чортъ! Онъ меня худому и научаетъ. Я говорю: „Не буду пить водки!“ А онъ говоритъ: „Пей!“ Я говорю: „Ну, выпью!“ А онъ: „И я съ тобой!“ И громко такъ говоритъ, даже въ ушахъ звонъ стоитъ. А посторонніе люди говорятъ, что ничего не слышатъ. Я спрашиваю: „Слышите, вотъ онъ заговорилъ?“ Люди смѣются и отвѣчаютъ: „Не слышимъ“. Разъ я хотѣлъ его попугать и говорю: „Я пойду въ церковь!“ А онъ: „И я съ тобой!“—„Я буду исповѣдываться!“ А онъ: „И я съ то тобой!“ Ишь, язви тебя, думаю, даже церкви не боится! Ни молитвы, ни исповѣди... Я и сказалъ: „Я буду причащаться!“ Онъ и замолчалъ... Причастія побоялся. Вотъ онъ какой!

— Шаманъ не лечилъ тебя?—спросилъ врачъ.

— Какое не лечилъ? Лечилъ! Да не боится онъ шамана. Нѣсколько разъ шаманъ рычалъ по-медвѣжьи, лаялъ по-собачьи и кричалъ по-совиному и даже бубномъ его по головѣ лупилъ...

— Какъ его? Чорта, что-ли?..

— Ну, да... черезъ меня, то-есть. Онъ билъ меня по головѣ, а больно было тому, кто во мнѣ... Дай, пожалуйста, лекарства, чтобы его совсѣмъ выгнать, или чтобы хотя онъ сталъ смирнѣе.

Глаза больного выражали испугъ; руки тряслись. Видно, онъ черезчуръ часто справлялъ именины и поминки и дошелъ до галлюцинацій.

— Ничего не пожалѣю, только усмири его немного!—просилъ онъ, озираясь и ворочая воспаленными глазами.

Врачъ увелъ больного въ смежную комнату, чтобы осмотрѣть его и придумать, какъ усмирить „чорта“, котораго не могъ изгнать шаманъ.

III.

Урочище Олбутъ, гдѣ жила часть родовичей того же наслега, который обиталъ на островѣ „Звѣриномъ“, было совсѣмъ мало подвержено культурнымъ вліяніямъ. Отъ центра русской культуры данной мѣстности—окружного города—урочище было отдѣлено рѣками, горами и тайгой.

Какая это была дикая и величественная тайга!

Мощныя сосны, въ три-четыре обхвата, уходили высоко въ ясную лазурь неба своими косматыми вершинами. Онѣ стояли далеко одна отъ другой, давая бѣжище подъ своей тѣнью кустамъ. Цѣлыя поляны среди кустовъ синѣли отъ спѣлыхъ ягодъ

черники и голубицы; вѣтви шиповника, тянувшагося зеленой зубчатой стѣной, были усыпаны уже покраснѣвшими завязями.

Проѣзжая по этому бору, похожему на огромный храмъ съ бурыми колоннами, зелеными капителями и голубымъ куполомъ я вспоминалъ поэтическія строки Мицкевича и Ленартовича о литовскихъ лѣсахъ.

Я представлялъ себѣ этотъ дѣвственный, нетронутый топоромъ дровосѣка боръ—въ бурю. Я представлялъ себѣ, какъ перекликаются сосны черезъ горы и лощины, какъ мощный говоръ ихъ громовыми раскатами идетъ по рѣчной долинѣ, какъ тучи бросаютъ на серебристыя струйки горныхъ рѣчекъ свою хмурую тѣнь...

Еле замѣтная тропа вилась между стволовъ. Она была загромождена корнями деревьевъ и глыбами камней. Наши лошади то-и-дѣло спотыкались.

Верстъ пятнадцать дорога шла въ гору, а потомъ стала спускаться внизъ, къ рѣкѣ Чарѣ. День былъ ясный. Свѣтло-бирюзовое сибирское небо дышало тепломъ и лаской. Когда при спускѣ дорога стала ровнѣе, нашъ передовой ямщикъ пустилъ поводья и началъ пѣть. Рѣзкіе горловые звуки со странными переливами, и довольно монотонные, огласили тишину лѣса.

Якутъ пѣлъ про то, что̀ видѣлъ, про то, что̀ думалъ. Онъ выражалъ свои непосредственныя впечатлѣнія, и я понималъ то, что̀ онъ пѣлъ. Его пѣсня имѣла нѣкоторое отношеніе къ судебной реформѣ, только-что̀ введенной въ краѣ, и потому я ее запомнилъ:

День хорошій, солнце грѣетъ
И лѣсъ темный не шумитъ,
Ягоды уже краснѣютъ,
Ручей весело журчитъ.
Время лучшее настало:
Радуйся, соха-народъ! [1])
Мы судью тебѣ веземъ,
Сами весело поемъ!
Вѣкъ такого ты не видѣлъ.
Этотъ судья не обидѣлъ
Еще никого! Эге-кай, ого-кай!

Мы тоже испытывали среди этой дѣвственной природы подъемъ духа. Докторъ всю дорогу пѣлъ. Ему пріятно было вырваться изъ душной городской больницы въ тайгу, куда не могли за нимъ послѣдовать стаціонарные и амбулаторные боль-

[1]) Соха – якутъ.

ные, рецепты, отчеты, рапорты и отношенія, надоѣвшіе ему до смерти. Судья полной грудью вдыхалъ въ себя живительный ароматъ сосноваго бора.

Въ полдень былъ сдѣланъ привалъ на ровной полянкѣ, поросшей мягкой, точно бархатной муравой, подъ большимъ засохшимъ деревомъ. Нижнія вѣтви дерева и столбъ, вкопанный въ землю, для привязыванья лошадей,—были увѣшаны кусками ситца, кожи, пучками конскаго хвоста и гривы. Это были жертвы якутовъ „хозяину мѣста", властелину этой горы и бора, расположеннаго между двумя рѣками, Леной и Чарой.

Нѣкогда здѣсь было кладбище, воздушное кладбище шамановъ. Они были похоронены не въ землѣ, а надъ землей, на деревьяхъ. Настало иное время. Пришли русскіе люди—„нюча"—и уничтожили могилы на деревьяхъ. Деревянныя корыта, гдѣ были спрятаны покойники, были раскрыты или разсыпались...

„Нюча" уничтожили воздушныя кладбища, но не могли уничтожить шаманизма. И вотъ древнее сухое дерево служитъ своего рода лѣснымъ храмомъ, гдѣ приносятся убогія жертвы убогому, свергнутому съ престола, лѣсному богу.

Ямщики разложили костеръ. Пока они жарили шашлыкъ, мы собирали ягоду. Голубицы было такъ много, что можно было собирать ее горстями. Въ Европѣ ее утилизировали бы, сдѣлали бы даже изъ нея вино, а здѣсь она осыпалась, и некому, кромѣ медвѣдей, было ее собирать.

Было тихо и ясно въ лѣсу и на душѣ хорошо. Зеленые куполы сосенъ бросали на ярко освѣщенные ряды кустовъ причудливыя тѣни.

— Вотъ прелесть! — воскликнулъ судья, на берегу Чары, тихой, пустынной рѣки.—Какъ далеко отъ людей, отъ ихъ мелочной жизни! Какъ здѣсь славно: вверху небо, по обѣимъ сторонамъ—скалы и лѣсъ, и ни одного человѣческаго жилища!.. Идеальная пустыня!

За Чарой, которую мы переплыли на лодкѣ, опять начались сосновый боръ, луга, болота, рѣчки. Наконецъ, къ вечеру мы добрались до жилища „князьца", помѣщичьяго дома, окруженнаго березовой рощей, кладями хлѣба, конюшнями и амбарами (въ одномъ изъ которыхъ потомъ былъ посаженъ, усердія ради, строптивый Атасыка).

На слѣдующій день утромъ тѣло Соймара было вынуто изъ временной могилы, устроенной въ очень живописной мѣстности, на границѣ сосноваго бора, уходившаго по горамъ въ золотоносныя долины Витима, и огромнаго луга, спускавшагося по покатнымъ равнинамъ къ рѣкѣ.

Здѣсь въ лощинѣ, неподалеку отъ ручья, была могила Соймара. Бравый поселенецъ, Никита, долгое время занимавшійся спиртоношествомъ и видавшій виды, руководилъ работами по отрытію могилы и устройству операціоннаго стола. Онъ же за пять рублей и бутылку водки, обѣщанные старостой (князьцомъ тожъ), взялся исполнять обязанности фельдшера при вскрытіи. Помогалъ ему „подгородній“ якутъ, тоже вкусившій всѣхъ благъ культуры на пріискахъ.

Мѣстные же жители боялись подходить близко къ мѣсту производства вскрытія. Нѣсколько любопытныхъ рабочихъ, бывшихъ неподалеку на покосѣ, собрались въ кучку на пригорочкѣ и смотрѣли издалека на браваго Никиту и врача, которые, засучивъ рукава рубахъ, потрошили Соймара.

Трупъ прекрасно сохранился въ мерзлой почвѣ, только слегка покрылся цвѣлью, похожей на мохъ. Надо было дать тѣлу оттаять. Врачъ и слѣдователь закурили папиросы и усѣлись на травѣ, поодаль отъ сколоченнаго изъ кольевъ и досокъ операціоннаго столика, а бравый Никита разсказывалъ приличныя случаю воспоминанія изъ своихъ похожденій.

— Эге-ге!.. Я ужъ привыкъ къ этимъ покойничкамъ!.. Слава Богу! двадцать лѣтъ бродяжилъ по тайгѣ; по спиртоношеству чего не насмотришься!.. Идешь, къ примѣру, по тропѣ и видишь: изъ-подъ снѣга торчитъ обглоданная рука, али нога. „Кто бы это могъ быть?“—спросишь себя, и идешь дальше, и уже на зимовьѣ узнаешь, что тамъ Ивана Непомнящаго „пришили“... Разъ я даже лежалъ въ ямѣ съ такимъ покойничкомъ, только кислымъ. Козаки стали меня настигать, а при мнѣ золотишко было. Да не въ золотѣ дѣло, а въ жизни. Казаки нашего брата убиваютъ, чтобы не представлять золота въ казну. Если они меня живымъ возьмутъ, то и золото должны представить, потому что я и самъ могу заявить, что золото они отъ меня отобрали. Легче и проще убить спиртоноса.

— Чисто по-американски!—сказалъ врачъ.

— Вѣрнѣе, по-азіатски!—добавилъ судья.

— Уже два раза они въ меня стрѣляли, да мимо. Бѣгу что есть силы и вижу—этакъ въ сторонѣ—яма, наполовину прикрытая валежникомъ. Видно, яму вырыли хищники, золота искавши, а направо отъ ямы — чаща. Я сразу смекнулъ, какъ сдѣлать: поворотилъ въ чащу, такъ что казаки меня не видѣли, а потомъ упалъ на землю и поползъ назадъ къ ямѣ. Казаки вдарились въ чащу, а я доползъ до ямы и прыгнулъ туда. Уткнулся я во что-то мягкое, слизкое и вонючее. Что такое? — думаю. Поси-

дѣлъ съ четверть часа, закрывши глаза, чтобы привыкнуть къ темнотѣ, а потомъ сталъ щупать и осматривать то, на чемъ лежу. Нащупываю вродѣ какъ бы руки человѣка, потомъ лицо, по лицу ползаютъ черви... Одежда на ёмъ, на человѣкѣ, сгнила, духъ идетъ особенный... А дѣлать нечего, подвинуться некуда... Пришлось живому въ могилѣ сидѣть и благодарить Бога за удачу. Такъ пролежалъ я часа три, до ночи. Ночью вышелъ, и когда увидѣлъ свѣтъ луны и зеленый лѣсъ, то чуть съ ума отъ радости не сошелъ. Мнѣ уже казалось, что я тамъ въ ямѣ помру и останусь навѣки, съ золотомъ въ поясѣ и съ покойникомъ вмѣсто подушки... Перекрестившись, взялъ я свой кинжалъ и началъ землю копать около ямы и сыпать въ яму, чтобы прикрыть покойника... одёжей, похоронить, значитъ. Работалъ часа два и присыпалъ-таки немного. Копаю, а самъ думаю: „Вотъ какъ меня въ спину стрѣлятъ!“ Послѣ такихъ-то приключеніевъ, что значитъ для меня поработать при вскрытіи! Покойничекъ—свѣжій, какъ огурчикъ.

Свѣжаго покойничка положили на столъ. Врачъ вскрывалъ, а слѣдователь писалъ актъ вскрытія. Я фигурировалъ въ качествѣ понятого; Никита помогалъ врачу и балагурилъ, съ трубкою въ зубахъ; „подгородній“ якутъ носилъ воду, подавалъ инструменты и вообще прислуживалъ, завязавъ платкомъ носъ, хотя запаха не было. Зрители-якуты сидѣли на пригоркѣ поодаль и внимательно смотрѣли на работу „наѣхавшаго суда“. Съ тѣхъ поръ какъ основанъ былъ поселокъ на урочищѣ „Олбутъ“, обитатели его не видѣли такого страннаго зрѣлища.

Солнце ярко свѣтило; трава зеленѣла; сосны бросали на тѣло Соймара, группу дѣйствующихъ лицъ и группу зрителей свои узорчатыя золотистыя тѣни; ягодные кусты качали синими кистями. Пахло свѣжескошеннымъ сѣномъ и смолой. Все было тихо, полно мира и красоты.

Вдругъ рѣзкій крикъ ворона прозвучалъ надъ нашими головами. Судья вздрогнулъ и уронилъ перо; якуты посмотрѣли вверхъ; Никита выругался.

— Ишь, язви ихъ! чуютъ падаль за сто верстъ... Не хуже чѣмъ пріисковые казаки спиртоноса.

Воронъ покружился надъ нашими головами и опустился на вершину ближайшей сосны. На его крикъ прилетѣли еще три. Они сѣли на вѣтку и спокойно посматривали на необычайную сценку на опушкѣ лѣса, издавая рѣдкое и какъ бы насмѣшливое карканье.

— Это черти, а не вороны! — сказалъ тихо якутъ, обра-

щаясь къ Никитѣ. — Они хотятъ посмотрѣть на своего пріятеля...

„Подгородній“ якутъ указалъ глазами на покойника.

Окончивъ дѣло, мы вернулись въ домъ князьца, гдѣ еще надо было допросить послѣдняго свидѣтеля, бывшаго гдѣ-то на покосѣ. Судья написалъ священнику, прося отпѣть Соймара, поручилъ доставить неявившагося свидѣтеля на „Звѣриный“ островъ, и мы уѣхали обратно тою же дорогой: черезъ рѣку, гору и великолѣпный сосновый боръ.

На закатѣ солнца мы услышали сзади топотъ коня. Это ѣхалъ недопрошенный свидѣтель. Пріѣхавъ къ князьцу послѣ отъѣзда судьи, онъ поскакалъ за нимъ въ догонку и настигъ насъ недалеко отъ дерева шамановъ.

Онъ поговорилъ съ проводниками, и тѣ остановились.

— Господинъ!—сказалъ проводникъ судьѣ.—Этотъ человѣкъ свидѣтель и проситъ, нельзя ли его допросить сейчасъ же... Теперь горячее время, сѣнокосъ... Трудно ему будетъ ѣхать въ городъ. Спроси его. Я переведу.

Судья слѣзъ съ лошади, надѣлъ цѣпь, для пущей оффиціальности, и усѣлся на кочкѣ; подлѣ него поставили вмѣсто стола кожаную суму, снятую съ лошади. Судья раскрылъ дѣло и записывалъ то, что̀ говорилъ ему свидѣтель черезъ переводчика. По внѣшности и костюму это былъ такой же воинъ Аттилы, какъ Атасыка. Говорилъ онъ привѣтливо и смотрѣлъ на судью почтительно, но безъ робости. Онъ такъ торопился, что держалъ за поводъ свою лошадь, которая испуганно косилась на незнакомаго человѣка съ золотой цѣпью на шеѣ.

— Что онъ такъ торопится? — спросилъ судья у переводчика.

— А это отъ медвѣдей, господинъ!

— Какихъ медвѣдей?

— Тамъ около рѣки, недалеко отъ переправы на Олбутъ, есть мѣсто, гдѣ ходитъ медвѣдь. Дорога тамъ узкая. Онъ дорогу и запираетъ, такъ что приходится пережидать его или просить, чтобы онъ ушелъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ мы узнали, что когда медвѣдь „запираетъ дорогу“, то путешественники-аборигены боятся нападать на него, а пережидаютъ, пока онъ самъ не уйдетъ. Частью отъ скуки, частью по традиціи, они въ этихъ случаяхъ упражняются въ краснорѣчіи и убѣждаютъ медвѣдя уйти съ дороги и пропустить ихъ домой.

— Ну, какая тебѣ польза отъ того, что ты насъ не пу-

стишь?—говорятъ ораторы медвѣдю.—Съѣшь нашихъ лошадей? Такъ вѣдь онѣ—тощи, какъ весеннія щуки. Кости да кожа. Лучше тебѣ поискать добычи пожирнѣе и сдѣлать намъ одолженіе... Тогда люди о тебѣ будутъ говорить хорошо... Никто не станетъ тебя ругать и желать содрать съ тебя шкуру.

Качаясь на сѣдлѣ, на обратномъ пути на островъ, я думалъ объ этомъ своеобразномъ уголкѣ земли, гдѣ тѣла, подлежащія вскрытію, лежатъ по цѣлымъ годамъ во временныхъ могилахъ, гдѣ для того, чтобы произвести слѣдствіе, надо проѣзжать лѣса, горы, рѣки, рискуя сломать шею; гдѣ свидѣтели скачутъ въ догонку за судьями и допрашиваются подъ зеленымъ куполомъ сосны, гдѣ, наконецъ, медвѣди запираютъ дорогу и путешественники вступаютъ съ ними въ дипломатическіе переговоры...

IV.

Финалъ всѣхъ этихъ странствованій врача и слѣдователя черезъ лѣса и горы закончился въ камерѣ мирового судьи, гдѣ засѣдала первая выѣздная сессія окружного суда.

Это было первое гласное разбирательство дѣлъ (общей подсудности) въ захолустномъ городкѣ, и всѣмъ его обывателямъ было интересно узнать, что̀ изъ этого выйдетъ.

Открытія сессіи окружного суда всѣ ожидали съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ открытія суда мирового, о которомъ здѣсь никто, кромѣ ссыльныхъ, не имѣлъ понятія. Когда послѣ молебна о. протоіерей, а затѣмъ судья произнесли рѣчи, въ которыхъ порицали старый, дореформенный судъ за его медленность, всѣ присутствовавшіе удивились тому, что теперь открыто порицается то, передъ чѣмъ раньше надо было преклоняться. Еще не вышедшіе въ тиражъ дѣятели этого суда, земскій засѣдатель и бывшій столоначальникъ, иронически улыбались, какъ бы говоря: „Посмотримъ, будете ли вы судить скорѣе и милостивѣе“.

Пріѣздъ сессіи вызвалъ сенсацію въ захолустномъ городѣ и даже въ округѣ, въ особенности среди инородческаго населенія.

Жители ближайшихъ деревень и улусовъ съѣхались посмотрѣть на дебютъ суда скораго, милостиваго и праваго, о которомъ отецъ-протоіерей наговорилъ столько интересныхъ вещей. Онъ говорилъ рѣчь по-якутски, и якуты съ большимъ вниманіемъ слушали то, что̀ онъ говорилъ. Но слова его какъ-то не укладывались въ ихъ головахъ. Они не вѣрили, что новый судъ не будетъ дѣлать „наѣздовъ“ на улусы и тянуть дѣла до тѣхъ поръ, пока тяжущіеся помрутъ.

— Кто себѣ врагъ?—говорили они между собой.—Суды будутъ другіе, а будутъ ли люди другіе?.. Сколько ни было у насъ засѣдателей, всѣ—на одинъ ладъ. Одни уѣзжали, другіе пріѣзжали... одни были черные, другіе—рыжіе, третьи—русые, а дѣло вели одинаково...

И они скептически покачивали головами.

Первое же засѣданіе выѣздной сессіи суда значительно поубавило этотъ скептицизмъ: якуты убѣдились, что судъ судитъ скоро. Судились люди, совершившіе преступленіе мѣсяцевъ пять тому назадъ, между тѣмъ какъ при старыхъ судахъ они ждали бы суда по два, по три года. Публика чрезвычайно зорко слѣдила за процедурой суда и была поражена тѣмъ, что судъ не дѣлаетъ никакой разницы между людьми „черными“ и людьми „бѣлыми“. Исправника, бывшаго свидѣтелемъ по одному дѣлу, посадили на одну скамью съ другими свидѣтелями башкирами, которые раньше никогда не осмѣлились бы сѣсть въ присутствіи исправника.

— Эгэ!—говорили якуты шопотомъ.—Теперь исправникъ не тойонъ, а судъ—тойонъ!

Это былъ переломъ вѣками установившихся взглядовъ, своего рода потрясеніе основъ.

Народъ переставалъ бояться суда и начиналъ чувствовать къ нему довѣріе.

Люди, еще недавно переѣзжавшіе рѣки, лѣса и горы для того, чтобы укрыться отъ суда, теперь переѣзжали рѣки, лѣса и горы, чтобы посмотрѣть, какъ судятся другіе и, при случаѣ, посудиться и самимъ.

Медовый мѣсяцъ реформъ былъ продолжительнѣе въ этой далекой окраинѣ, чѣмъ въ центрахъ.

Атасыку привезло на судъ общество, которому онъ былъ отданъ подъ надзоръ. Онъ одѣлся чище: въ сѣрый суконный кафтанъ, посеребренный поясъ, такъ что смотрѣлъ благообразнѣе, чѣмъ во время слѣдствія, но былъ такъ же мраченъ и угрюмъ. Узкіе глаза его выражали подозрительность.

Я былъ назначенъ въ эту сессію защитникомъ отъ суда и читалъ дѣла въ канцеляріи, когда Атасыку привели на судъ.

— Не хотите ли взять на себя защиту и этого субъекта?—спросилъ меня товарищъ прокурора.—Мнѣ искренно жаль его: онъ отрицаетъ очевидные факты и тѣмъ отягчаетъ свою участь. Вы, можетъ быть, уговорите его признаться, что онъ дрался съ Соймаромъ и въ дракѣ нанесъ ему ударъ...

Но уговорить Атасыку было нелегко. Все, чего я могъ

добиться отъ него черезъ переводчика, это было обѣщаніе не порочить свидѣтелей и признать, что онъ пилъ водку съ Соймаромъ, но какъ вышла ссора и драка—онъ не помнитъ.

На скамьѣ подсудимыхъ онъ чувствовалъ себя очень неловко и смотрѣлъ исподлобья, какъ звѣрь въ клѣткѣ, на судей, сидѣвшихъ за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, на разодѣтыхъ городскихъ дамъ, занимавшихъ первыя скамьи, и сѣрую массу своихъ земляковъ, толпившихся у дверей, но съ интересомъ слѣдившихъ за переводчикомъ, образованнымъ якутомъ, переводившимъ суду показанія свидѣтелей и обвиняемаго.

Когда переводчикъ ошибался и переводилъ неточно, въ толпѣ якутовъ происходило движеніе. Это была весьма строгая и внимательная аудиторія, а главное, она понимала все, что̀ говорили свидѣтели, лучше, чѣмъ люди, принимавшіе активное участіе въ судоговореніи и рѣшавшіе судьбу обвиняемаго. По-якутски понимали только секретарь—порядочно, и я, защитникъ обвиняемаго—немного. Судьи и прокуроръ не понимали ни слова изъ того, что̀ говорили свидѣтели. Выходило, что они судили не на основаніи того, что̀ говорили очевидцы преступленія, а на основаніи того, что̀ говорилъ обо всемъ этомъ переводчикъ.

Переводчикъ выбивался изъ силъ, чтобы передать возможно точнѣе рѣчи свидѣтелей. При малѣйшей ошибкѣ, сзади него раздавался шопотъ аудиторіи:

— Невѣрно переводитъ!.. Не такъ онъ сказалъ... вотъ какъ надо перевести!—исправляла вполголоса аудиторія.

Иногда переводчикъ не понималъ вопроса, судьи не понимали отвѣта, свидѣтели не понимали, чего отъ нихъ требуютъ. Вслѣдствіе такого взаимнаго непониманія, допросъ свидѣтелей тянулся неимовѣрно долго.

Изъ этихъ показаній нельзя было понять, отчего возникла между Соймаромъ и подсудимымъ драка. По словамъ свидѣтелей, они жили мирно, выпивали дружно и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начали драться.

— Кто приказалъ имъ драться,—свидѣтельствовалъ одинъ якутъ,—я не знаю. Одинъ подумалъ нехорошо, другой подумалъ еще хуже... Оттого и начали драться... А раньше думали хорошо и никогда не дрались...

— Отчего же они вдругъ подумали нехорошо?—спросилъ я.—Отъ водки?

— Кто его знаетъ! Мы тоже водку пьемъ, а думаемъ такъ же хорошо, какъ трезвые... Водка говоритъ разно: одному скажетъ ладно, другому—неладно...

Экспертъ-врачъ нашелъ, что смерть Соймара произошла отъ здоровеннаго удара по головѣ, отъ котораго хотя мгновенной смерти не послѣдовало, но черепъ треснулъ.

На мой вопросъ, могъ ли поправиться потерпѣвшій при немедленной медицинской помощи—экспертъ не далъ положительнаго отвѣта.

Было очевидно, что роковой ударъ нанесъ не кто иной, какъ Атасыка.

Наконецъ, послѣ рѣчи прокурора, поддерживавшаго обвиненіе ex officio, настала моя очередь говорить, и вотъ въ общихъ чертахъ сущность того, что̀ я сказалъ.

Я не оспаривалъ самаго факта, т.-е. того, что мой кліентъ во время начавшейся безъ всякаго намѣренія на убійство драки, нанесъ Соймару удары, отъ которыхъ тотъ впослѣдствіи умеръ, хотя если бы было оказана ему своевременно медицинская помощь, то могло случиться иначе. Я построилъ защиту на общихъ причинахъ увеличенія преступности въ краѣ, на вліяніи культуры на инородцевъ, и, между прочимъ, сказалъ:

„Въ семидесятыхъ годахъ инородческое населеніе нашего округа отъ мирнаго пастушескаго образа жизни, отъ скотоводческаго хозяйства, безъ всякой постепенности въ ходѣ экономической эволюціи, перешло на службу пріисковъ, если такъ можно выразиться. Своеобразный укладъ пріисковой жизни, гдѣ главный стимулъ дѣятельности—это легкая нажива на счетъ ближняго,—не особенно благопріятно отразился на развитіи инородцевъ. Съ другой стороны, метрополія посылала и посылаетъ въ далекую колонію, въ землю якутовъ отребье своихъ городовъ, наводняя область уголовными ссыльными. Якуты переняли многія отрицательныя стороны нашей культуры: водку, карты, эксплоатацію человѣка человѣкомъ и проч. Они наивно подражаютъ своимъ учителямъ, уголовнымъ ссыльнымъ, до прихода которыхъ въ нашъ край жители не знали, что̀ такое замки“.

Затѣмъ я указалъ на то, что фактъ запирательства подсудимаго не можетъ быть истолкованъ въ невыгодномъ для него смыслѣ, по той простой причинѣ, что это происходитъ отъ недовѣрія къ старому, дореформенному суду. Это недовѣріе и мѣшаетъ подсудимому признать фактъ и принести чистосердечное раскаяніе. Въ частности, изъ сопоставленія свидѣтельскихъ показаній, я вывелъ заключеніе, что подсудимый не враждовалъ съ Соймаромъ, и потому не можетъ имѣть мѣста предположеніе, что подсудимый дѣйствовалъ съ намѣреніемъ. Нѣкоторые свидѣтели показали, что Соймаръ первый повалилъ Атасыку на землю,

а затѣмъ между ними началась драка палками. Опьяненіе обоихъ героевъ этой драки достаточно доказано. Водка имъ сказала, по выраженію одного изъ свидѣтелей, худое слово, а они разсердились другъ на друга, а не на водку.

Сгруппировавъ всѣ эти смягчающія вину обстоятельства, я ходатайствовалъ о возможно снисходительномъ отношеніи къ продукту культурнаго воздѣйствія пріисковъ...

Подсудимый, ободренный моей рѣчью, словъ которой онъ не понималъ, понимая лишь, что она клонилась къ его защитѣ,— смягчился и въ своемъ послѣднемъ словѣ сказалъ:

— Виноватъ я. Водку пилъ—не думалъ драться, а выпилъ— забылъ обо всемъ... Какъ дрался, чего дѣлалъ—не помню... Пожалѣйте меня праведные судьи и всѣ знатные люди.

Онъ поклонился суду и сѣлъ, повѣсивъ голову.

— А все равно уйдетъ въ каторгу!—сказалъ подошедшій ко мнѣ земскій засѣдатель.—Развѣ перемѣнятъ статью.

Человѣку, привыкшему къ бумажному формализму, привыкшему судить по статьямъ книги, а не обстоятельствамъ жизни, казалось, что злосчастный Атасыка не заслуживалъ снисхожденія.

Но судъ думалъ иначе: онъ приговорилъ Атасыку къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ и къ церковному покаянію по усмотрѣнію его духовнаго начальства. Мѣра пресѣченія была измѣнена: надзоръ общества былъ замѣненъ заключеніемъ подъ стражу, впредь до представленія залога въ сто рублей.

Осужденнаго окружили казаки и повели въ мѣстный „караульный домъ". Онъ бросалъ на меня умоляющіе взгляды.

— Дешево отдѣлался!—сказалъ мнѣ засѣдатель. — Видно, статью перемѣнили... Поздравляю!

Атасыка, котораго я посѣтилъ въ караульномъ домѣ, остался приговоромъ доволенъ, но такъ какъ „въ распутицу" его нельзя было отправить въ областной городъ для отбыванія наказанія, то ему приходилось сидѣть лишнихъ два мѣсяца до открытія навигаціи. Родственники Атасыки обрадовались тому, что его не засудили въ каторгу, достали денегъ и просили меня походатайствовать, чтобы его выпустили подъ залогъ.

Я отправился къ предсѣдателю, и черезъ часъ Атасыка очутился на волѣ.

V.

Торжество открытія школы въ деревнѣ Амга удалось на славу. Я былъ приглашенъ на это торжество въ числѣ городской знати.

Крестьяне деревни Амга—русскіе по племени, но почти якуты по языку—задумали, по иниціативѣ о. протоіерея, устроить у себя церковно-приходскую школу. Для того, чтобы добыть денегъ, они обложили самихъ себя, по общественному приговору, налогомъ. Налогъ брался по пяти копѣекъ съ каждаго пуда, доставляемаго крестьянами на пріиска, по такъ называемому общественному подряду. Годика черезъ три послѣ введенія налога, составился изрядный капиталецъ, на который и была открыта школа, пока въ наемномъ помѣщеніи.

На этотъ мѣстный праздникъ просвѣщенія собралась изъ города и окрестныхъ деревень и улусовъ вся „интеллигенція", какъ назвалъ гостей въ своей рѣчи о. протоіерей. Здѣсь были: исправникъ, земскій засѣдатель, священникъ, дьяконъ, псаломщики и учителя съ женами, и учительницы съ мужьями, словомъ—представители административной, духовной и педагогической сферъ.

День былъ праздничный и притомъ теплый.

Крестьянъ и якутовъ было такъ много, что негдѣ имъ было помѣститься въ зданіи, и многіе стояли на дворѣ и смотрѣли въ окна школьнаго зданія.

О. протоіерей говорилъ рѣчь.

Онъ говорилъ по-русски, а вновь назначенный учитель переводилъ эту рѣчь по частямъ на якутскій языкъ. Рѣчь на двухъ языкахъ тянулась очень долго, но крестьянамъ, похожимъ на якутовъ, и якутамъ, похожимъ на крестьянъ,—она очень понравилась. Не избалованы они были рѣчами, и потому внимательно слушали рѣчь о. протоіерея.

Протоіерей указалъ имъ на то, что они невѣжественны, темны, суевѣрны, не имѣютъ правильнаго понятія о религіи, не знаютъ ничего о томъ, что дѣлается въ другихъ земляхъ и странахъ и какъ живутъ другіе люди на свѣтѣ.

Съ этимъ всѣмъ слушатели охотно соглашались и говорили между собой вполголоса:

— Это правда!.. Онъ вѣрно говоритъ!..

О. протоіерей въ такомъ свѣтѣ выставилъ имъ блага, которыя сулитъ имъ школа, что слушатели пришли въ восторгъ и сказали въ одинъ голосъ:

— Спасибо, батюшка, что выхлопоталъ намъ школу! Теперь мы тоже будемъ какъ люди...

Послѣ рѣчи, волостной голова пригласилъ къ себѣ всѣхъ участниковъ торжества „хлѣба-соли откушать", и тогда вся знать, а за нею и народъ изъ селъ и улусовъ, повалили въ

домъ головы. Общество разбилось на двѣ половины и расположилось въ двухъ смежныхъ помѣщеніяхъ: такъ называемая интеллигенція (по платью!), въ залѣ, образовала нѣчто вродѣ „палаты господъ“ (какъ мы назвали шутя), а простой народъ, въ „черной“ половинѣ дома, рядомъ съ кухней, образовалъ „палату общинъ“.

Въ обѣихъ половинахъ за обильной закуской и выпивкой было мало рѣчей, зато было много веселья. Краткую рѣчь о пользѣ просвѣщенія и вредѣ невѣжества сказалъ (въ „палатѣ господъ“) исправникъ, передъ тѣмъ какъ предложить выпить за здоровье иниціаторовъ и жертвователей на школу. Еще болѣе краткую рѣчь на ту же тему сказалъ улусный писарь послѣ того, какъ всѣ выпили.

Ораторъ сравнилъ два учрежденія, которыя онъ почему-то назвалъ „казенными“—кабакъ и школу—и нашелъ, что открытіемъ послѣдней кабакъ посрамленъ и уничтоженъ.

— Ей Богу такъ!—сказалъ онъ въ заключеніе.—Еще ни разу столько народу не собиралось на открытіе кабака, какъ теперь собралось на открытіе школы... Много славныхъ кабаковъ открывалось на моей памяти: напримѣръ, кабакъ Савостьянова, кабакъ Кирибенскаго и другихъ почетныхъ людей, а народу не бывало столько... Говорю вамъ фактично!..

Ораторъ хотѣлъ говорить дальше, но супруга потянула его за полы сюртука, и онъ сѣлъ.

На другой половинѣ дома народъ проводилъ время веселѣе. Здѣсь не говорили рѣчей о пользѣ просвѣщенія, а пѣли пѣсни, старинныя русскія пѣсни. Дьяконъ, псаломщикъ, я, землемѣръ, проживавшій тогда въ Амгѣ по дѣламъ службы, и нѣсколько учителей и учительницъ предпочли пѣсни рѣчамъ и утвердились на той половинѣ, гдѣ былъ народъ.

Крестьяне, похожіе на якутовъ, говорили по-русски очень плохо, но пѣли настолько хорошо, что всѣмъ стало весело и всѣхъ потянуло присоединиться къ импровизированному хору.

Вся молодежь изъ „палаты господъ“ перебралась къ народу, и веселье полилось неудержимымъ потокомъ. Нашелся какой-то гармонистъ съ гармоніей „итальянкой“ и скрипачъ съ деревенской, чуть ли не самодѣльной скрипкой, и молодежь начала плясать русскую. Обитатели селъ и улусовъ плясали свои несложные танцы съ такимъ неудержимымъ весельемъ, пѣли свои простыя пѣсни съ такимъ заразительнымъ увлеченіемъ, что трудно было противостоять искушенію присоединиться къ хору или хороводу. Молодежь (изъ чистой половины), шутя, назвала это общее увеселеніе „сліяніемъ съ народомъ“.

Живя на далекихъ окраинахъ, я сдѣлалъ наблюденіе, что жители медвѣжьихъ угловъ, этихъ „станковъ", населенныхъ „государевыми" ямщиками, рыбачьихъ заимокъ, ютящихся на краю тундры, пріисковыхъ „зимовьевъ", — скорѣе страдаютъ избыткомъ веселья, чѣмъ недостаткомъ его. Праздновавшіе открытіе школы крестьяне слушали свои простыя пѣсни съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ большихъ, шумныхъ, но холодныхъ городахъ слушаютъ оперу... У нихъ были здоровые нервы, здоровые мускулы и здоровое воображеніе. Гдѣ не хватало реальныхъ красокъ, тамъ приходило на помощь воображеніе и раскрашивало неприглядную дѣйствительность въ радужные цвѣта.

— Вотъ это хорошо!—сказалъ интеллигентамъ, пришедшимъ изъ „палаты господъ", старикъ крестьянинъ.—Вы не брезгаете народомъ... Мы это шибко любимъ и поминать васъ станемъ... Хорошо.

О. діаконъ въ нѣсколько пріемовъ сумѣлъ дисциплинировать сначала нѣсколько нестройный хоръ.

— Споемте нашу сибирскую пѣсню!—предложилъ онъ, и затянулъ:

Славное море—священный Байкалъ!
Славный корабль—омулевая бочка!
Эй, Баргузинъ, пошевеливай валъ,
Молодцу плыть недалечко...

Въ это мгновеніе подошелъ ко мнѣ молодой якутъ и сказалъ ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Господинъ! къ тебѣ одинъ человѣка дѣло есть... Онъ тамъ, въ другой изба ожидаетъ.

Не желая заставлять ожидать человѣка и имѣя въ виду освѣжиться, я вышелъ вслѣдъ за якутомъ. Въ другой избѣ предсталъ передо мной Атасыка въ своемъ повседневномъ костюмѣ, дѣлавшемъ его такъ похожимъ на воина Аттилы изъ старинныхъ гравюръ.

Онъ смущенно поклонился по-якутски, кивнувъ головой подрядъ нѣсколько разъ и сказалъ переводчику, который меня привелъ, вполголоса нѣсколько словъ. Въ рукахъ у него была свернутая медвѣжья шкура. Между мной и переводчикомъ произошелъ такой діалогъ:

— Господинъ!—началъ переводчикъ.—Онъ говоритъ (переводчикъ указалъ на Атасыку): „Ты сдѣлалъ мнѣ добро. Когда ты пріѣзжалъ на Олбутъ съ судьей, я думалъ, что ты на меня сердитъ и говоришь обо мнѣ судьѣ худо. А теперь на судѣ ты говорилъ обо мнѣ судьямъ хорошо, и судьи не стали обо мнѣ

думать, что я послѣдній человѣкъ, и судили меня хорошо, какъ судитъ отецъ... Я человѣкъ бѣдный, но я такъ же честенъ, какъ и богатые: возьми отъ меня въ подарокъ шкуру медвѣдя... Пожалуйста, возьми!

— Я не могу взять,—возразилъ я, обращаясь къ переводчику.—Я его защищалъ даромъ, а не за деньги... Меня судъ назначилъ его защищать, и потому я не имѣю права брать платы...

Переводчикъ передалъ мои слова. По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, лицо Атасыки омрачалось.

— Зачѣмъ ты меня обижаешь?—сказалъ онъ, обращаясь прямо ко мнѣ.—Развѣ я послѣдній человѣкъ? Что̀ скажутъ обо мнѣ почетные люди нашего общества?!.. А можетъ быть, ты брезгаешь моимъ подаркомъ? Можетъ быть, этого мало?..

Дѣло принимало щекотливый оборотъ, и мнѣ теперь надо было доказывать, что этого вовсе не мало, а этого не нужно.

— Возьмите!—сказалъ мнѣ крестьянинъ, хозяинъ избы, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ.—Не отказывайтесь: этимъ вы его обижаете... Если бы онъ принесъ вамъ деньги, то, дѣйствительно, вы могли бы не взять... А это—подарокъ, самый настоящій ихній гостинецъ. Медвѣжину дарить они почитаютъ за честь.

Я согласился, и мой первый кліентъ просіялъ. На лицѣ его заиграла веселая улыбка.

— Благодары, господинъ, спасибо!

Онъ благодарилъ меня, точно я оказалъ ему большую услугу тѣмъ, что принялъ „гостинецъ“.

Я поручилъ хозяину избы уложить медвѣжину въ нашъ экипажъ и, побесѣдовавъ съ Атасыкой о его здоровьѣ и дѣлахъ,—ушелъ въ „палату „общинъ“.

Прошли года. Много кліентовъ, и „казенныхъ“, и платныхъ, записано въ мой алфавитный списокъ. Но ни одинъ изъ нихъ не оставилъ въ моей памяти такого воспоминанія, какъ этотъ кліентъ, первый въ моей жизни,—этотъ полудикарь, знавшій хорошо, что̀ говорятъ слѣды звѣря въ сугробахъ лѣсной опушки, вой волка на днѣ каменнаго ущелья, шумъ сосноваго бора, но не знавшій ничего о томъ, что̀ говорятъ законы Россійской Имперіи...

А. К—е.

ЕВРЕИ-ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЫ

— Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Т. I и II. Спб. 1904.

Несмотря на то, что еврейскій вопросъ не сходитъ со столбцовъ нашей періодической печати, дѣйствительное состояніе еврейскихъ массъ—экономическое и культурное, равно какъ и отношенія, въ чертѣ еврейской осѣдлости, между евреями и христіанами, выросшее на почвѣ ихъ ежедневныхъ дѣловыхъ и сосѣдскихъ сношеній, — извѣстны русскому обществу въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ. Помимо причинъ народно-психологическаго характера, извѣстную роль въ этомъ обстоятельствѣ играло отсутствіе систематическихъ изслѣдованій объ экономическомъ и культурномъ состояніи евреевъ. Этотъ пробѣлъ въ настоящее время заполненъ, благодаря указанному выше изданію еврейскаго колонизаціоннаго общества, заключающему въ себѣ сводку матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи, собранныхъ, главнымъ образомъ, черезъ посредство мѣстныхъ жителей, а не путемъ экспедиціоннымъ, и потому уже не свободныхъ отъ многихъ крупныхъ недостатковъ. Это изданіе должно быть разсматриваемо поэтому лишь какъ предварительный очеркъ экономическаго положенія русскихъ евреевъ, за которымъ должно слѣдовать спеціальное изслѣдованіе, детально выясняющее различныя стороны предмета. Весьма желательно, чтобы въ этомъ изслѣдованіи русскіе дѣятели соединились съ еврейскими. Это было бы полезно для самаго изслѣдованія, потому что земская статистика выработала и прекрасныя программы изученія экономическаго положенія народа, и кадры опытныхъ изслѣдователей.

I.

Хотя попытки изслѣдованія экономическаго положенія русскихъ евреевъ предпринимались неоднократно, но лишь новѣйшее изданіе колонизаціоннаго общества представляется настолько законченнымъ и доступнымъ, что каждый получаетъ возможность составить нѣкоторое понятіе о предметѣ и нарисовать, хотя, правда, лишь въ общихъ чертахъ, картину занятій (кромѣ торговли) еврейскаго населенія Россіи и характерныхъ чертъ его промышленной дѣятельности. На этотъ разъ мы ограничиваемся задачею — ознакомить читателей съ сельско-хозяйственной дѣятельностью еврейскаго населенія. Хотя это занятіе и не играетъ видной роли въ дѣлѣ экономическаго обезпеченія еврейскихъ массъ, но вопросъ о томъ, чего можно ожидать отъ еврея, какъ отъ земледѣльца, имѣетъ немаловажный интересъ, потому что одно время наше правительство энергично стремилось къ пріобщенію евреевъ къ земледѣлію, и что съ упраздненіемъ ограничительныхъ законовъ пятимилліонная еврейская масса, втиснутая въ настоящее время въ узкія рамки торгово-промышленной дѣятельности, не можетъ не предпринимать попытокъ расширить сферу приложенія своего труда и выступить на поле сельско-хозяйственной дѣятельности. Ознакомленіе съ земледѣльческими занятіями русскихъ евреевъ представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и особое удобство, заключающееся въ томъ, что по отношенію большей части еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ изслѣдованіи еврейскаго колонизаціоннаго общества примѣненъ былъ методъ подворнаго опроса населенія, доставляющій наиболѣе полныя и провѣренныя данныя. Статьи „Сборника“ по данному предмету принадлежатъ Б. Д. Бруцкусу и Я. Г. Этингеру.

Сельскимъ хозяйствомъ, какъ сказано выше, евреи занимаются мало. По приблизительному подсчету въ Царствѣ Польскомъ и 15 губерніяхъ черты еврейской осѣдлости,—сельско-хозяйственной дѣятельности отдаютъ свои силы до 9.000 семей въ земледѣльческихъ колоніяхъ, занимающихся, главнымъ образомъ, собственно хлѣбопашествомъ; около 8.000 лицъ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ отдѣльныхъ имѣній, дѣятельность которыхъ подробно изслѣдована не была; около 22.000, занимающихся различными спеціальными культурами, на площади около 20.000 десятинъ и до 13.000 человѣкъ, нанимающихся въ сельско-хозяйственные рабочіе. Считая и членовъ

земледѣльческихъ семей, можно положить, что отъ сельско-хозяйственныхъ занятій получаютъ средства существованія около 150.000 евреевъ.

Земледѣльческія занятія евреевъ слагались не только подъ вліяніемъ свободнаго ихъ стремленія къ той или другой дѣятельности, но и подъ давленіемъ законодательства и административныхъ распоряженій, поощрявшихъ или ограничивавшихъ приложеніе еврейскаго труда къ обработкѣ земли. Ограничительное вліяніе законодательства на земледѣльческія занятія евреевъ выражалось прежде всего въ томъ, что евреи имѣли право постояннаго пребыванія лишь въ опредѣленныхъ губерніяхъ, за предѣлы коихъ они могли отлучаться лишь для временныхъ надобностей. Въ границахъ этихъ губерній, въ первую половину истекшаго вѣка, евреи имѣли право арендовать и пріобрѣтать землю, и правительство даже стремилось къ тому, чтобы евреи пріобщились къ сельско-хозяйственному промыслу. Въ этихъ видахъ имъ было предоставлено право переходить въ земледѣльческое званіе и отводились для поселенія казенныя земли—сначала въ рѣдко-населенныхъ новороссійскихъ губерніяхъ, а затѣмъ—въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ. Правительство не только поощряло поселеніе евреевъ на казенныхъ земляхъ освобожденіемъ ихъ на 25 лѣтъ отъ подушной подати, на 10 лѣтъ отъ земскихъ повинностей и на время отъ 25 до 50 лѣтъ отъ рекрутской повинности, но и вынуждало евреевъ къ поселенію въ рѣдко-населенныхъ южныхъ степныхъ губерніяхъ мѣрами прямого насилія. Это послѣднее обстоятельство, въ совокупности съ такой приманкой для мирнаго еврейскаго племени, какъ льгота по воинской повинности, привели къ тому, что вновь устраиваемыя колоніи были заполнены жителями, совершенно неподготовленными къ сельско-хозяйственному промыслу и нечувствующими къ нему никакого влеченія. Евреи занялись поэтому въ колоніи, главнымъ образомъ, тѣми же промыслами, къ какимъ они привыкли на мѣстѣ первоначальнаго ихъ мѣстожительства, и мѣра пріученія ихъ къ хозяйству при посредствѣ поселенныхъ среди нихъ для образца хозяевъ-нѣмцевъ въ первое время давала очень мало положительныхъ результатовъ. Приспособленіе еврейскихъ колонистовъ къ совершенно новому для нихъ занятію происходило лишь медленно и постепенно. Въ западныхъ губерніяхъ, къ тому же, евреямъ отводились не совсѣмъ удобныя лѣсистыя угодья, требующія тяжелаго труда для приведенія ихъ въ культурное состояніе, и это еще болѣе отда-

ляло поселенцевъ отъ того, чтобы серьезно заняться обработкой земли.

Въ 1859 году прекращенъ былъ отводъ евреямъ казенныхъ земель, а въ 60-хъ годахъ было воспрещено перечисленіе евреевъ въ земледѣльческое званіе и дозволенъ обратный переходъ евреевъ-земледѣльцевъ въ мѣщане. Люстраціоннымъ коммиссіямъ, производившимъ въ 1872 г. окончательную нарѣзку надѣловъ государственнымъ крестьянамъ,—въ виду извѣстій о слабомъ развитіи сельскаго хозяйства въ колоніяхъ западныхъ губерній,—было предписано оставлять евреямъ лишь ту землю, которую они сами обрабатываютъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ еврейскія колоніи лишились, вслѣдствіе этого распоряженія, лишь участковъ отсутствующихъ семей, и потеряли, такимъ образомъ, 11% состоявшей при колоніяхъ земли. Но въ юго-западномъ краѣ, какъ общее правило, отъ евреевъ отбиралась вся пахотная и сѣнокосная земля. При этомъ основывались на показаніяхъ крестьянъ о занятіи евреевъ сельскимъ хозяйствомъ; а такъ какъ крестьяне полагали, что отрѣзанныя у евреевъ угодья будутъ переданы имъ, то ихъ показанія далеко не отличались должнымъ безпристрастіемъ. Значительная часть отобранной у евреевъ земли перешла даже въ собственность люстраторовъ. Всего изъ 47.000 десятинъ у колонистовъ было отрѣзано 29.000, или 62%. Оставленная у евреевъ (въ подворное владѣніе) земля обложена была выкупными платежами. Отрѣзка у юго-западныхъ колоній большей части земли привела къ тому, что нѣкоторыя колоніи совершенно опустѣли, а изъ другихъ ушла большая часть жителей. Введеніе въ 1874 г. всеобщей воинской повинности уничтожило послѣдній стимулъ, искусственно удерживавшій евреевъ при землѣ; изданіемъ же въ 1864 г. закона, запрещавшаго евреямъ (и полякамъ) пріобрѣтать землю въ девяти западныхъ губерніяхъ и „Временныхъ Правилъ“ 1882 г., запретившихъ аренду и покупку евреями земель во всемъ районѣ черты осѣдлости и не дозволявшихъ евреямъ даже селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ—создавались условія, прямо отвращавшія евреевъ отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ.

Ограничительные законы привели къ тому, что количество земли, состоявшей въ пользованіи евреевъ, значительно сократилось, но они не уничтожили совершенно того явленія, съ которымъ призваны были бороться. Судя по неполнымъ оффиціальнымъ даннымъ, можно полагать, что площадь земли, принадлежащей евреямъ (не считая колонистовъ) въ чертѣ еврейской осѣдлости, сократилась на 40%. На аренду „Временныя

Правила" 1882 г. повліяли, конечно, еще болѣе; тѣмъ не менѣе, и въ настоящее время въ пятнадцати губерніяхъ черты осѣдлости,—преимущественно въ бессарабской, черниговской, гродненской, могилевской, херсонской и минской,—евреи арендуютъ до 600.000 десятинъ земли. Противозаконная аренда евреями земли можетъ широко распространяться, конечно, подъ условіемъ крупной выгоды отъ того для собственниковъ арендуемыхъ угодій и при возможности для собственника оберечь арендатора отъ полицейскихъ преслѣдованій. Поэтому евреи арендуютъ по преимуществу имѣнія крупныхъ собственниковъ и нерѣдко даже лицъ, занимающихъ высокіе административные посты. Собственники, конечно, не безкорыстно позволяютъ себѣ нарушать законъ: они вознаграждаютъ себя за это выгодными условіями аренды. Интересно, что въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ права аренды, какъ и пріобрѣтеніе евреями земли, ограничены лишь запрещеніемъ совершенія сдѣлокъ на крестьянскія угодья, въ арендѣ у евреевъ находится менѣе 40.000 десятинъ. Въ собственности евреевъ здѣсь состоитъ около 300.000 дес., что составляетъ 5—6% всей частновладѣльческой земли этого района. Въ пятнадцати губерніяхъ черты осѣдлости евреи владѣютъ 450.000—500.000 десятинъ земли, или не болѣе 1,5% общей площади частнаго землевладѣнія. Около 3/4 еврейскихъ владѣній находятся въ новороссійскихъ губерніяхъ. Хотя большая, вѣроятно, половина имѣній, принадлежащихъ евреямъ и ими арендуемыхъ, имѣетъ мелкіе размѣры, но въ общемъ еврейское землепользованіе принадлежитъ къ разряду крупныхъ. Это видно изъ того, что 95% площади земли, состоящей во владѣніи и арендѣ у евреевъ, принадлежитъ имѣніямъ выше 100 дес., и средній размѣръ такого крупнаго имѣнія равняется 700 десятинамъ.

Точныхъ свѣдѣній о способахъ эксплоатаціи земель, находящихся въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, не имѣется. Можно только съ извѣстной степенью вѣроятности утверждать, что около 2/5 состоящей въ пользованіи евреевъ земли принадлежитъ лѣснымъ дачамъ, и что болѣе 1/5 собственныхъ и арендованныхъ евреями имѣній находится въ личномъ управленіи собственниковъ и арендаторовъ.

Эти свѣдѣнія относятся къ чертѣ еврейской осѣдлости. Въ остальной Россіи евреямъ принадлежитъ около 750.000—800.000 десятинъ, и 75% этой площади относятся на долю лѣсовъ. Такимъ образомъ, евреи пріобрѣтаютъ земельныя угодья во внутреннихъ губерніяхъ, какъ и въ чертѣ осѣдлости, главнымъ образомъ ради эксплоатаціи лѣсовъ, и потому-то ихъ земельная

собственность сосредоточивается въ нечерноземной полосѣ Россіи; $^2/_3$ этой собственности находятся въ смоленской (306.000 дес.) и псковской (190.000 дес.) губерніяхъ.

II.

Другую группу земельныхъ собственниковъ составляютъ еврейскіе колонисты. Слѣдуетъ отличать четыре различныхъ группы еврейскихъ колоній (кромѣ Царства Польскаго): въ новороссійскихъ губерніяхъ, въ сѣверо-западномъ краѣ, юго-западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ. Въ новороссійскомъ краѣ находится 21 колонія въ херсонской губерніи, 17 колоній въ екатеринославской губерніи и 6 колоній въ бессарабской. Начнемъ свой обзоръ съ херсонскихъ колоній, лучше всего изслѣдованныхъ.

Въ 21 херсонскихъ колоніяхъ числится 3.252 приписныхъ семьи; на мѣстѣ же, въ моментъ изслѣдованія, находилось 3.187 семей общей численностью въ 18.802 души. При колоніяхъ состоитъ 42,3 тыс. десятинъ надѣльной земли и 15,3 тыс. десятинъ запасной. Надѣльная земля была распредѣлена между домохозяевами, въ моментъ образованія колоній, по 30 десятинъ на дворъ; она отдана въ наслѣдственное владѣніе и распредѣлена между ними въ настоящее время крайне неравномѣрно: $^1/_5$ часть наличныхъ дворовъ колоній вовсе не имѣетъ земли; $^1/_4$ часть владѣетъ участками отъ 5 до 10 десятинъ; $^1/_4$ часть—участками отъ 10 до 20 десятинъ, $^1/_7$ часть—участками менѣе 5 десятинъ и $^1/_6$ часть—участками болѣе 20 десятинъ. Послѣдняя группа сохранила неподѣленными первоначальные тридцати-десятинные участки, и въ ея рукахъ сосредоточено 44% всей земли. Неравномѣрность землевладѣнія, рисуемая приведенными цифрами относительно распредѣленія земли между домохозяевами, покажется, впрочемъ, не столь значительной, если принять въ разсчетъ рабочій составъ семей. Почти всѣ безземельныя семьи имѣютъ по одному работнику-мужчинѣ, а въ двухъ многоземельныхъ группахъ $^1/_3$ часть семей имѣетъ по два такихъ работника. Въ самой многоземельной группѣ насчитывается, впрочемъ, много (13%) семей, не имѣющихъ вовсе мужчинъ рабочаго возраста. Что касается безземельныхъ, то нѣкоторая ихъ часть находится, вѣроятно, временно въ такомъ положеніи. Это—тѣ молодые колонисты, которые послѣ женитьбы отдѣлились отъ родителей. Современемъ они, вѣроятно, получатъ часть отцовской земли.

Состояніе сельскаго хозяйства въ общемъ итогѣ по колоніямъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

На 3.187 наличныхъ семей имѣется 42,3 тыс. десятинъ надѣльной и 17,7 тыс. десятинъ арендованной, всего 60.000 десятинъ земли или, въ среднемъ, 19 десятинъ на домохозяина. Засѣвается изъ этой площади 11 десятинъ, остальная земля находится подъ усадьбами, выгономъ и временнымъ сѣнокосомъ, подъ который запускается часть пашни. Въ системѣ хозяйства евреи подражаютъ хищническимъ пріемамъ русскихъ крестьянъ. Вспахиваютъ землю они не плугомъ, а преимущественно буккеромъ, который не взрыхляетъ, а лишь царапаетъ землю. Пашня засѣвается почти безпрерывно; для возстановленія производительныхъ силъ почвы не примѣняется ни смѣна между пашней и выгономъ, ни паровая обработка полей, ни ихъ удобреніе; 99% площади посѣвовъ заняты односторонне истощающими почву зерновыми хлѣбами. Жатва производится машинами, а молотьба — катками. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, появились признаки поворота къ болѣе раціональнымъ системамъ, выразившіеся пока въ томъ, что многіе домохозяева стали вспахивать землю плугомъ и притомъ осенью, — что имѣетъ важное значеніе для сохраненія въ почвѣ влаги при засушливомъ климатѣ Новороссіи. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ эти пріемы обработки примѣняются къ большей половинѣ пахотной земли. Средній сборъ хлѣба въ колоніяхъ равняется 34 пудамъ съ десятины; онъ на 3,5 пуда выше урожая крестьянскихъ полей и на 7 пудовъ менѣе, чѣмъ собираютъ со своей земли нѣмцы-колонисты того же района. Стоимость собраннаго зерна, за вычетомъ посѣвныхъ сѣмянъ и расхода зерна на кормъ лошадей, опредѣляется въ 600.000 руб., а за вычетомъ 100.000 руб. въ уплату за арендованную землю она составитъ 500.000 руб., или 155 руб. на наличную семью. Колонисты получаютъ еще доходъ отъ продуктивнаго скота, имѣющагося у нихъ въ количествѣ 1,6 коровы и 2,3 штукъ прочаго скота на семью. Доходъ этотъ не превышаетъ 60 руб. и общій доходъ отъ сельскаго хозяйства поднимается, такимъ образомъ, до 215 руб. на семью. Изъ этого дохода должны быть уплачены казенные, земскіе, сельскіе и страховые платежи, въ суммѣ 19 руб., и на содержаніе семьи останется около 200 руб., или 33 руб. на душу. Въ такомъ почти размѣрѣ Ѳ. А. Щербиной опредѣлены, какъ извѣстно, потребительныя нужды семьи воронежскаго крестьянина. При вполнѣ равномѣрномъ распредѣленіи между домохозяевами собственной и арендованной земли, херсонскіе еврейскіе колонисты получили бы поэтому отъ

сельскаго хозяйства средства для поддержанія своего существованія на уровнѣ средняго крестьянскаго двора черноземной Россіи. Но посѣвы отдѣльныхъ дворовъ крайне неравномѣрны. Тогда какъ 14% домохозяевъ засѣваютъ, въ среднемъ, по 44 десятины, а 16% по 15 десятинъ, т.-е. выше средней нормы (11 десятинъ на домохозяина),—20% имѣютъ въ посѣвѣ 8 десятинъ, 23%—3½ десятины, а 28% еврейскихъ колонистовъ вовсе не производятъ посѣвовъ. Нѣкоторые малосѣющіе домохозяева—при небольшой семьѣ—могутъ удовольствоваться доходомъ отъ сельскаго хозяйства; но большая часть ихъ должна прибѣгать къ промысловымъ заработкамъ.

Этими послѣдними—исключительно или наряду съ сельскимъ хозяйствомъ—занято въ херсонскихъ колоніяхъ 51% наличныхъ домохозяевъ, а 49% послѣднихъ довольствуются доходами отъ своего хозяйства или добываютъ средства существованія, нанимаясь въ сельскіе работники къ сосѣдямъ. Исключительно промысламъ отдаютъ свои силы 430 еврейскихъ семей, или 13,5% всего ихъ числа; комбинируютъ промысловыя занятія съ земледѣльческими 1.194 семьи, или 37,5% домохозяевъ. Интересно, что во всѣхъ земельныхъ группахъ колонистовъ распредѣленіе домохозяевъ между тѣми, кто занимается исключительно сельскимъ хозяйствомъ, исключительно промыслами или комбинируетъ оба занятія,—почти одинаково; около половины хозяевъ каждой группы знаютъ только земледѣліе, 1/6—1/9—только промыслы и отъ 1/3 до 2/5—соединяютъ оба занятія. Не составляютъ исключенія изъ этого правила даже дворы безземельные, половина которыхъ занимается только сельскимъ хозяйствомъ, а третья часть—хозяйствомъ и промыслами. Возможность для безземельныхъ колонистовъ спеціализироваться на сельскомъ хозяйствѣ объясняется тѣмъ, что имъ сдаются въ аренду на льготныхъ условіяхъ находящіеся при колоніяхъ запасные участки. Они пользуются этой льготой, и половина безземельныхъ арендуетъ, въ среднемъ, по 19 десятинъ на семью. Это соотвѣтствуетъ площади средняго хозяйственнаго участка еврейскаго колониста, на которомъ производится, какъ мы видѣли, посѣвъ, въ 11 десятинъ. Такъ какъ безземельныя семьи, судя по неполнымъ, впрочемъ, даннымъ нашихъ матеріаловъ, довольно мелки, то доходъ отъ посѣва 11-ти десятинъ можетъ оказаться достаточнымъ для содержанія семьи земледѣльца, и она не станетъ искать дополнительныхъ заработковъ. Кромѣ половины безземельныхъ домохозяевъ, ограничивающихся сельско-хозяйственной дѣятельностью, 34% безземельныхъ дворовъ прилагаютъ

свои силы къ землѣ наряду съ другими занятіями,—причемъ земледѣліемъ имъ приходится заниматься по преимуществу, конечно, въ качествѣ наемныхъ работниковъ. Исключительно же промысламъ отдаютъ свои силы лишь 15% безземельныхъ домохозяевъ еврейскихъ колоній.

Широкое участіе безземельнаго населенія еврейскихъ колоній въ сельско-хозяйственной дѣятельности служитъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ довольно распространеннаго у насъ мнѣнія, что евреи органически отвращаются отъ занятія земледѣліемъ. Если судить по этому одному признаку, то можно, пожалуй, утверждать, что евреи сильнѣе тянутся къ землѣ, нежели нѣмцы-земледѣльцы. По крайней мѣрѣ, изъ числа нѣмецкихъ колонистовъ бердянскаго уѣзда таврической губерніи, владѣющихъ землею подворно, какъ и херсонскіе евреи,—посѣвъ хлѣбовъ (на арендованной землѣ) наблюдается лишь у 37% безземельныхъ. Большой процентъ безземельныхъ посѣвщиковъ-евреевъ объясняется, впрочемъ, обычаемъ отдачи имъ въ аренду на льготныхъ условіяхъ запасныхъ общественныхъ участковъ.

Вышеприведенныя числа относятся къ цѣлымъ еврейскимъ семьямъ. Если же взять членовъ этихъ семей, то окажется, что изъ 9.092 лицъ обоего пола (обнимающихъ все рабочее населеніе колоній), назвавшихъ при переписи свою профессію, 73% занимались исключительно земледѣліемъ въ качествѣ хозяевъ, членовъ ихъ семей или наемныхъ работниковъ, 18,5% комбинировали земледѣліе съ промысломъ и 8,5% отдавали всѣ свои силы неземледѣльческимъ занятіямъ разнаго рода. Причастными къ сельско-хозяйственной дѣятельности оказались, такимъ образомъ, 81,5% жителей колоній. Этимъ также достаточно выражаются земледѣльческія склонности населенія колоній, отношенія котораго къ землѣ стѣснены разными ограничительными законами, вродѣ запрещенія аренды христіанскихъ земель, жительства въ христіанскихъ деревняхъ и т. п. Но имѣющіяся въ нашихъ матеріалахъ данныя, вмѣстѣ съ свѣдѣніями другихъ источниковъ о хозяйствѣ христіанъ, даютъ возможность провести довольно детально параллель между евреями и христіанами-земледѣльцами южнаго—степного—района и установить сравнительную хозяйственную состоятельность тѣхъ и другихъ. Матеріаломъ для насъ будутъ служить данныя таврической земской статистики (относящіяся, впрочемъ, къ срединѣ 80-хъ годовъ) относительно трехъ материковыхъ (мелитопольскаго, днѣпровскаго и бердянскаго) уѣздовъ вообще и удобно сгруппированныя для нашей цѣли свѣдѣнія, касающіяся $25^1/_3$ тысячъ русскихъ кре-

стьянъ-домохозяевъ днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ, и $7^1/_4$ тыс. семей нѣмцевъ-колонистовъ подворниковъ послѣдняго уѣзда [1]). При пользованіи этими матеріалами слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что земельныя и посѣвныя группы, принятыя въ таврической земской статистикѣ, не совсѣмъ совпадаютъ съ группами матеріаловъ о херсонскихъ еврейскихъ, и мы можемъ только приблизительно точно перевести однѣ группы въ другія.

III.

По размѣрамъ посѣвовъ еврейскіе-херсонскіе колонисты распадаются на нѣсколько въ количественномъ отношеніи различныхъ группъ. Съ посѣвомъ до 5 дес. въ колоніяхъ насчитываются $22^0/_0$ домохозяевъ, отъ 5 до 10 дес.—$20^0/_0$, отъ 10 до 20 дес.—$16^0/_0$, и болѣе 20 дес.—$14^0/_0$; $28^0/_0$ колонистовъ не имѣютъ самостоятельнаго посѣва. Изъ этихъ разсчетовъ слѣдуетъ заключеніе, что чѣмъ крупнѣе площадь посѣва, тѣмъ меньше число единицъ, входящихъ въ составъ группъ; мелкіе и средніе посѣвы здѣсь преобладаютъ надъ крупными. Въ русскихъ селеніяхъ материковыхъ уѣздовъ таврической губ. наблюдаются иныя отношенія. Посѣвы до 5 дес. имѣются у $^1/_8$ части домохозяевъ, отъ 5 до 10 дес.—почти у $^1/_4$ части, отъ 10 до 25 дес.—у $^2/_5$ домохозяевъ, и посѣвы выше 25 дес.—у $^1/_6$ части ихъ. Послѣдняя группа посѣвщиковъ представляетъ рѣзкое отклоненіе отъ прямой пропорціональности между площадью посѣвовъ и числомъ хозяевъ, ее примѣняющихъ. Это отклоненіе значительно уменьшится, если высшую группу посѣвщиковъ образовать, какъ это сдѣлано для еврейскихъ колоній, изъ хозяевъ, засѣвающихъ не 25, а 20 дес. и болѣе. Предполагая, что предпослѣдняя группа (10—25 дес.) потеряетъ вслѣдствіе этого въ пользу высшей $^1/_4$ часть своего состава, или $10^0/_0$ общаго числа домохозяевъ, мы будемъ имѣть въ этихъ двухъ группахъ $30^0/_0$ и $27^0/_0$ (въ высшей группѣ) общаго числа русскихъ земледѣльцевъ. Въ нѣмецко-болгарскихъ колоніяхъ даннаго района, владѣющихъ, какъ и херсонскіе евреи, землею наслѣдственно, не замѣчается и этого отклоненія. Тамъ существуетъ полный параллелизмъ между ростомъ посѣвной площади группъ и числомъ хозяевъ, входящихъ въ составъ послѣднихъ. Въ трехъ низшихъ группахъ (однородныхъ съ группами русскихъ посѣвщиковъ)

---

[1]) Сб. стат. свѣд. по таврической губ. Т II, V, IX.

число сѣющихъ составляетъ послѣдовательно 6%—7%—28%, а вмѣстѣ съ лицами непроизводящими посѣва (9%) это составитъ половину населенія колоній; другая его половина состоитъ изъ домохозяевъ, высѣвающихъ 25 дес. и болѣе. Кромѣ послѣдовательнаго возрастанія состава посѣвныхъ группъ, нѣмецко-болгарскія поселенія отличаются, какъ мы видимъ, отъ русскихъ и еврейскихъ также незначительнымъ процентомъ, падающимъ на низшія посѣвныя группы.

Преобладаніе крупныхъ посѣвовъ среди колонистовъ таврической губ. находитъ себѣ простое объясненіе въ условіяхъ ихъ землевладѣнія. Нѣмцы, составляющіе большую часть этой категоріи земледѣльцевъ, не допускаютъ свободнаго раздѣла отцовскаго участка между наслѣдниками и заботятся о томъ, чтобы первоначальные семейные участки, площадью въ 60 дес., дробились возможно менѣе. Благодаря такому обыкновенію, въ нѣмецкихъ колоніяхъ бердянскаго уѣзда, съ населеніемъ въ 7¼ тысячъ домохозяевъ, число семей, владѣющихъ до 10 дес. пашни, составляетъ лишь 10% общаго числа хозяевъ, владѣющіе 10—15 дес. образуютъ 17%, имѣющіе 15—30 дес. составляютъ 26% дворовъ, а домохозяева съ болѣе крупными участками составляютъ 37% населенія. Процентъ владѣльцевъ увеличивается здѣсь вмѣстѣ съ ростомъ площади владѣнія, между тѣмъ какъ въ еврейскихъ колоніяхъ среднія группы землевладѣльцевъ преобладаютъ надъ крайними. Послѣдняго рода отношенія наблюдаются и среди русскихъ крестьянъ материковыхъ уѣздовъ таврической губ. Такъ, 25⅓ тыс. домохозяевъ бердянскаго и днѣпровскаго уѣздовъ, для которыхъ имѣется надлежащая группировка данныхъ подворныхъ переписей, распредѣляются между четырьмя земельными группами такимъ образомъ, что на долю двухъ крайнихъ группъ приходится приблизительно по ⅙ части общаго числа поселянъ, а на долю двухъ среднихъ группъ (5—10 и 10—20 дес. пашни)—по ⅓ части. Въ еврейскихъ колоніяхъ крайнимъ группамъ принадлежитъ та же доля цѣлаго; но, благодаря большему числу безземельныхъ, на долю среднихъ группъ приходится не по ⅓, а по ¼ общаго числа дворовъ.

Несмотря на сходство русскихъ земледѣльцевъ и евреевъ въ отношеніи распредѣленія между ними земли, относительное число домохозяевъ, составляющихъ различныя посѣвныя группы, далеко у нихъ не одинаково. Распредѣленіе еврейскихъ колонистовъ по посѣвнымъ группамъ слѣдуетъ, какъ мы видѣли, такому порядку, что по мѣрѣ увеличенія посѣва уменьшается

(медленно) число хозяевъ, его практикующихъ. Среди русскихъ земледѣльцевъ наблюдается обратное явленіе; и во всякомъ случаѣ здѣсь существуетъ тенденція къ болѣе крупнымъ посѣвамъ, чѣмъ среди евреевъ.

Въ среднемъ, на одного домохозяина въ еврейскихъ колоніяхъ приходится 13 дес. надѣльной и 6 дес. арендованной, всего 19 дес.; изъ нихъ подъ посѣвъ отводится 11 дес., или около 60%. Средній русскій крестьянинъ материковыхъ уѣздовъ таврической губ. пользуется 19 дес. надѣльной и 3 дес. арендованной, всего 22 дес., изъ коихъ засѣвается 16 дес., или $^2/_3$. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ этого района засѣвается меньшая доля владѣній, чѣмъ въ русскихъ и даже въ еврейскихъ селеніяхъ. Мѣра эксплоатаціи земли, если ее выразить площадью, отводимою подъ посѣвъ, въ еврейскихъ и христіанскихъ обществахъ, какъ видитъ читатель, приблизительно одинакова. Въ направленіи хозяйственной дѣятельности христіанъ и евреевъ не усматривается, поэтому, существенныхъ различій, и если, тѣмъ не менѣе, мы наблюдаемъ рѣзкую разницу въ составѣ группъ, производящихъ мелкіе и крупные посѣвы, если мелкихъ посѣвщиковъ среди евреевъ больше, а крупныхъ — меньше, нежели среди русскихъ, если болѣе состоятельные евреи засѣваютъ относительно менѣе, а менѣе состоятельные—болѣе того, что наблюдается въ русскихъ селеніяхъ, то причину неодинаковой напряженности тамъ и здѣсь въ разныхъ земельныхъ группахъ хозяйственной энергіи можно искать во внѣшнихъ и во внутреннихъ условіяхъ хозяйственной дѣятельности населенія, облегчающихъ или затрудняющихъ доступъ къ землѣ малосостоятельнымъ лицамъ.

Въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ преобладаетъ общинное владѣніе землей, доступъ къ надѣльной землѣ открытъ почти для всего населенія, и это обстоятельство привело къ тому, что хотя малоземельныя семьи здѣсь почти вовсе устранены отъ аренды владѣльческихъ угодій, но дворовъ, не производящихъ посѣва, насчитывается здѣсь всего 8%, между тѣмъ какъ среди евреевъ неимѣющіе посѣва составляютъ 28% всего числа колонистовъ. Въ еврейскихъ колоніяхъ, зато, есть другое условіе, облегчающее хозяйственную дѣятельность малосостоятельныхъ семей: наличность запасныхъ участковъ, сдающихся малоземельнымъ (по крайней мѣрѣ, безземельнымъ) на льготныхъ условіяхъ. Участки эти составляютъ большую часть арендного фонда и ими обезпечивается возможность пополненія недостатка надѣльной земли именно для тѣхъ группъ населенія, которымъ всего труднѣе

конкуррировать—въ борьбѣ за арендуемыя угодья—съ болѣе состоятельными домохозяевами.

Но кромѣ этого соціальнаго условія, есть и индивидуально-хозяйственныя тенденціи, дѣйствующія въ томъ же направленіи; онѣ заключаются въ слабомъ, сравнительно, стремленіи болѣе крупныхъ еврейскихъ колонистовъ къ обработкѣ земли за свой страхъ. Эта тенденція проявляется, во-первыхъ, въ широкомъ развитіи сдачи многоземельными домохозяевами въ аренду своихъ угодій. Сравнивая въ этомъ отношеніи еврейскихъ колонистовъ и нѣмецкихъ, увидимъ, что въ еврейскихъ селеніяхъ сдача земли увеличивается вмѣстѣ съ ростомъ землевладѣній и число сдатчиковъ, начиная съ 17% числа домохозяевъ въ низшей земельной группѣ, доходитъ до 49% въ группѣ высшей; въ нѣмецкихъ колоніяхъ бердянскаго уѣзда всѣ земельныя группы (кромѣ первой) даютъ почти одинаковый (около 20) процентъ сдатчиковъ. Русскіе крестьяне бердянскаго и днѣпровскаго уѣздовъ не представляютъ такого рѣзкаго отличія отъ евреевъ. Процентъ сдатчиковъ у нихъ, какъ и у евреевъ, повышается отъ мелкихъ земельныхъ группъ къ крупнымъ, и въ каждой группѣ тамъ и здѣсь почти одинаковъ; исключеніе составляетъ высшая группа, дающая въ еврейскихъ селеніяхъ около половины сдатчиковъ, а въ русскихъ—около $^2/_5$. Во всякомъ случаѣ, оказывается, что тогда какъ у нѣмецкихъ колонистовъ бердянскаго уѣзда самая многоземельная группа домохозяевъ насчитываетъ 20% сдатчиковъ, а среди русскихъ крестьянъ днѣпровскаго и мелитопольскаго уѣздовъ 40%,—изъ многоземельныхъ домохозяевъ еврейскихъ колоній къ сдачѣ въ аренду своихъ угодій прибѣгаетъ цѣлая половина, и половина этой половины отчуждаетъ всю свою пахотную землю. О большемъ развитіи сдачи земли у еврейскихъ состоятельныхъ домохозяевъ сравнительно съ русскими и нѣмецкими свидѣтельствуетъ еще болѣе тотъ фактъ, что тогда какъ земля, сданная многоземельными еврейскими домохозяевами, составляетъ $^1/_4$ часть площади владѣній этой группы, у русскихъ она не превышаетъ $^1/_8$ части, а у нѣмцевъ—$^1/_{16}$.

Меньшая склонность къ земледѣльческимъ занятіямъ многоземельныхъ еврейскихъ колонистовъ сравнительно съ средне- и малоземельными, проявляется еще въ томъ фактѣ, что процентъ домохозяевъ, не производящихъ посѣвъ, во всѣхъ земельныхъ группахъ одинаковъ, несмотря на то, что обладаніе тридцатидесятиннымъ участкомъ, напр., составляетъ болѣе благопріятное условіе для этого промысла, нежели распоряженіе пятидесятиннымъ надѣломъ, и что естественнѣе было бы наблюдать обратную

пропорціональность между процентомъ домохозяевъ, не имѣющихъ посѣва, и площадью принадлежащихъ имъ угодій. Такая обратная пропорціональность наблюдается въ обществахъ русскихъ и нѣмецкихъ земледѣльцевъ. Полный отказъ отъ посѣва здѣсь, кромѣ того, распространенъ мало, и это указываетъ уже на бо̀льшую склонность къ сельскому хозяйству русскихъ и нѣмцевъ, сравнительно съ евреями вообще. Тогда какъ во всѣхъ земельныхъ группахъ еврейскихъ земледѣльцевъ приблизительно $^1/_4$ часть не производитъ посѣва хлѣбовъ, число не сѣющихъ домохозяевъ у крестьянъ днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ колеблется по земельнымъ группамъ между 1,5 (у высшей) и 17 (у низшей земельной группы) процентами.

Распредѣленіе между домохозяевами живого и мертваго инвентаря свидѣтельствуетъ о тѣхъ же явленіяхъ слабой хозяйственной организаціи евреевъ-земледѣльцевъ сравнительно съ христіанами и меньшей склонности къ сельскому хозяйству многоземельныхъ евреевъ-колонистовъ сравнительно съ малоземельными.

Число головъ рабочаго скота, приходящихся на одного домохозяина, колеблется по земельнымъ группамъ еврейскихъ колонистовъ очень мало: у самыхъ малоземельныхъ его находится 2 головы, а у наиболѣе многоземельныхъ—2,7 штуки на семью. У русскихъ крестьянъ днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ эти колебанія больше (отъ 2 до 4,5 головъ на хозяина), и въ двухъ многоземельныхъ группахъ обезпеченность рабочимъ скотомъ выше того, что̀ наблюдается въ еврейскихъ колоніяхъ: въ группѣ 10—15 дес. пашни на дворъ на одного домохозяина приходится 3,1 шт. рабочаго скота, а въ слѣдующей—4,5 штуки; тогда какъ въ еврейскихъ колоніяхъ соотвѣтствующіе показатели обезпеченности живымъ инвентаремъ суть: 2,3 и 2,7. Относительно нѣмецкихъ колоній придется повторить то же самое. Пахотныхъ орудій въ еврейскихъ колоніяхъ приходится, въ среднемъ, по 0,77 на одного сѣющаго хлѣбъ домохозяина; въ христіанскихъ колоніяхъ каждый сѣющій хозяинъ имѣетъ, въ среднемъ, по одному такому орудію. Въ еврейскихъ колоніяхъ пахотныя орудія находятся лишь у 37% всѣхъ домохозяевъ, причемъ у трехъ высшихъ группъ процентъ хозяевъ съ пахотными орудіями колеблется въ предѣлахъ 41—49%.

Въ христіанскихъ селеніяхъ бердянскаго и мелитопольскаго уѣздовъ пахотными орудіями владѣютъ 62% домохозяевъ; данныхъ о распредѣленіи этихъ орудій между хозяевами различныхъ земельныхъ группъ не имѣется.

Соотвѣтственно указанному различію евреевъ и христіанъ въ

отношеніи содержанія живого и мертваго инвентаря, эти группы земледѣльцевъ различаются и по числу домохозяевъ, обрабатывающихъ землю наемнымъ трудомъ. У евреевъ насчитывается въ $2^1/_2$ раза больше (27% всего числа сѣющихъ домохозяевъ) посѣвщиковъ, прибѣгающихъ къ этому труду, нежели у христіанскихъ земледѣльцевъ бердянскаго и мелитопольскаго уѣздовъ (11%). Число евреевъ, сѣющихъ наемнымъ трудомъ, по мѣрѣ роста землевладѣнія понижается съ 38 до 22%. Это служитъ доказательствомъ, что въ основѣ даннаго явленія лежитъ, главнымъ образомъ, недостатокъ собственнаго инвентаря.

Всѣ разсмотрѣнныя выше данныя приводятъ къ заключенію, что—какъ мелкіе земледѣльцы—евреи херсонской губерніи представляются болѣе слабыми въ хозяйственномъ отношеніи сравнительно съ христіанами. Въ средѣ самихъ еврейскихъ колонистовъ наблюдается больше равномѣрности въ распредѣленіи между домохозяевами положительныхъ и отрицательныхъ признаковъ хозяйственнаго порядка. Явленіе это обусловливается съ одной стороны наличностью арендпаго земельнаго фонда, назначеннаго преимущественно для малоземельныхъ поселянъ, съ другой — слабо выраженнымъ, сравнительно, стремленіемъ болѣе крупныхъ колонистовъ-землевладѣльцевъ къ обработкѣ за личный счетъ собственныхъ и арендованныхъ угодій. О причинахъ этого различія мы поговоримъ ниже; въ настоящій же моментъ остановимся ненадолго на другихъ районахъ еврейскихъ земледѣльческихъ поселеній. Здѣсь мы замѣтимъ, въ общемъ, тѣ же характерныя черты еврейскаго земледѣлія, хотя отсутствіе аналогичныхъ данныхъ для христіанскаго населенія не представляетъ возможности опредѣленныхъ сравнительныхъ заключеній.

Въ южной степной полосѣ имѣется другой районъ земледѣльческихъ еврейскихъ поселеній — въ маріупольскомъ и александровскомъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Подворнаго изслѣдованія этого района, обнимающаго 1.400 семей, произведено въ послѣднее время не было; но, судя по болѣе раннимъ изысканіямъ и по нѣкоторымъ общимъ даннымъ, собраннымъ для интересующаго насъ изданія, можно положить, что хозяйственное состояніе этого района, въ общемъ, сходствуетъ съ положеніемъ херсонскихъ колонистовъ.

Въ южной полосѣ есть еще шесть еврейскихъ колоній, состоящихъ изъ 800 домохозяевъ коренного населенія: это—районъ бессарабской губерніи, рѣзко отличающійся отъ двухъ предшествующихъ въ томъ отношеніи, что колоніи основаны не на казенной, а на купленной землѣ, и характеризуются поэтому

значительнымъ малоземельемъ. Всего земли въ этихъ колоніяхъ около 3.000 десятинъ, что соотвѣтствуетъ 5,5 дес. на земельный дворъ.

Незначительная площадь собственнаго владѣнія колонистовъ, при условіяхъ экстенсивнаго хозяйства южныхъ степей, составляетъ, конечно, весьма неблагопріятное условіе для серьезной хозяйственной дѣятельности. Правда, колоніи арендуютъ около 3.000 десятинъ чужихъ земель, совершая условіе на словахъ и притомъ на имя христіанъ. Но къ арендѣ прибѣгаютъ преимущественно зажиточные домохозяева, а при исключительно земледѣльческомъ характерѣ окрестнаго христіанскаго населенія малоземельные евреи и при болѣе сильномъ стремленіи къ занятію сельскимъ хозяйствомъ врядъ ли могли обезпечить себѣ достаточное для этого количество земли. Многіе изъ нихъ къ тому же, нуждаясь въ деньгахъ, вынуждены сдавать въ аренду и отдавать въ залогъ свои земельные участки. Бо̀льшая половина бессарабскихъ евреевъ имѣетъ менѣе 4 дес. земли на дворъ и всего 10% владѣютъ болѣе, чѣмъ 8-ю десятинами. При такихъ условіяхъ лишь немногіе колонисты лично исполняютъ всѣ операціи обработки посѣвовъ. Бо̀льшая ихъ часть вспахиваетъ землю чужимъ трудомъ, а при посѣвѣ пшеницы и ячменя (занимающихъ половину посѣвной площади) они рѣдко выполняютъ своимъ трудомъ и остальныя хозяйственныя операціи. Всего болѣе еврейскія семьи работаютъ при культурѣ кукурузы, занимающей почти половину еврейскихъ посѣвовъ. Настоящіе хлѣборобы находятся въ значительномъ числѣ, главнымъ образомъ, въ колоніи Домбровены, состоящей изъ 139 земельныхъ дворовъ, и гдѣ на земельнаго домохозяина приходится, въ среднемъ, 8,5 дес. земли. Этой колоніи принадлежитъ и болѣе $^2/_3$ арендованной колонистами земли.

При описанныхъ условіяхъ землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ еврейскихъ колоніяхъ бессарабской губерніи, не-земледѣльческіе промыслы должны составлять главный источникъ средствъ существованія колонистовъ, а среди этихъ промысловъ на первомъ мѣстѣ по числу лицъ слѣдуетъ поставить торговлю, которой отдаютъ свои силы — самостоятельно или наряду съ земледѣліемъ—36% еврейскихъ семей.

Второе мѣсто занимаютъ представители различныхъ отдѣловъ чернорабочихъ—по сельско-хозяйственному найму, извозу и т. д.,— привлекающихъ 22% колонистовъ, а третье мѣсто — ремесло (портные, сапожники, шорники), занимающіе силы 12% колонистовъ. Бо̀льшая половина торговцевъ занимается скупкою и под-

возомъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ мѣстныхъ земледѣльческихъ произведеній, и самое содержаніе рабочаго скота въ колоніяхъ имѣетъ въ виду болѣе промышленныя цѣли, чѣмъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ.

IV.

Въ десяти западныхъ губерніяхъ находится 248 земледѣльческихъ еврейскихъ поселеній съ 30,6 тыс. коренного населенія; сплошному подворному изслѣдованію изъ нихъ были подвергнуты 139 болѣе крупныхъ селеній съ 25,2 тыс. жителей. Въ виду того, что это изслѣдованіе обнимаетъ 82% евреевъ-колонистовъ—результаты его могутъ быть распространены на все земледѣльческое еврейское населеніе даннаго района.

Первоначально поселились въ этихъ колоніяхъ 3.250 семей, но окончательно основались здѣсь лишь 2.160 семей. Къ моменту переписи это первоначальное ядро колонистовъ разрослось почти до 6.000 семей; изъ нихъ около 2.000 семей оставило колоніи; на ихъ мѣсто, впрочемъ, прибыло 1.200 семей, и все населеніе 139 колоній составляютъ въ настоящее время 30.000 человѣкъ. Подворной переписи изъ нихъ подверглись лишь 25,2 тыс. душъ коренного населенія, изъ коихъ 1,7 тыс. душъ находилась во временной отлучкѣ. Изъ числа 139 поселеній, 95 основаны на надѣльной землѣ, 32 — на собственной и 12—на арендной. Въ шести сѣверо-западныхъ (литовскихъ и бѣлорусскихъ) губерніяхъ находится 93 колоніи съ 2.000 хозяйствъ и 14.000 населенія; въ четырехъ юго-западныхъ губерніяхъ—46 колоній съ 2.084 семействами и 11.000 жителей. Въ сѣверо-западномъ краѣ дѣйствительное число семей нѣсколько выше показаннаго, потому что при переписи за одинъ дворъ считались здѣсь двѣ или три семьи, владѣвшія сообща землей. Общее владѣніе земельными угодьями ведетъ, вѣроятно, происхожденіе отъ тѣхъ временъ, когда правительство искусственно соединяло двѣ мелкихъ еврейскихъ семьи въ одно хозяйство, руководствуясь соображеніемъ о большей выгодности крупныхъ семей.

Во владѣніи сѣверо-западныхъ колонистовъ находится 20.000 дес. земли, въ томъ числѣ 13,4 тыс., или 66%,—надѣльной, 29%—собственной и 5%—арендованной; колонисты юго-западныхъ губерній владѣютъ 11.000 дес., изъ коихъ надѣльная составляетъ всего 37%, собственная—56% и арендованная—7%. Еврейскія колоніи образованы были на землѣ, покрытой лѣсомъ; послѣдній постепенно выкорчевывался или самими евреями, или

крестьянами, которымъ земля отдавалась во временное пользованіе. Процессъ обращенія лѣсной площади подъ сельское хозяйство медленно совершался въ юго-западныхъ губерніяхъ, и здѣсь у еврейскихъ колонистовъ находится еще 15% лѣсовъ; подъ пашней здѣсь считается 38%, а подъ усадьбами и огородами — 10% общей площади. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ пашня занимаетъ 57%, а усадьбы и огороды — 4,5% площади колоніальныхъ владѣній. У крестьянъ этого района пахотная земля занимаетъ такую же площадь надѣла; что же касается юго-западнаго края, то крестьяне распахали гораздо болѣе земли, чѣмъ евреи: у послѣднихъ подъ пашней находится 38%, а вмѣстѣ съ огородами — 48% земли, а у крестьянъ распахано 66% ихъ надѣла.

Какъ новички въ сельскомъ хозяйствѣ, евреи западныхъ губерній подражали въ пріемахъ культуры крестьянамъ. Они ввели трехпольный сѣвооборотъ, пріобрѣли деревянныя бороны и сохи въ сѣверо-западныхъ, и плуги — въ юго-западныхъ губерніяхъ, молотятъ хлѣбъ цѣпами или лошадьми, и т. п. Впрочемъ, евреи не строго придерживаются трехполья съ свободнымъ паромъ, и если только представляется возможность арендовать выгоны, они не гоняютъ скотъ на свои пары и обезпечиваютъ себѣ такимъ образомъ, свободу посѣвовъ. Удобреніе полей практикуется вездѣ, даже въ черноземныхъ губерніяхъ; но по причинѣ малаго количества у колонистовъ скота примѣненіе его весьма ограничено. По свойству нечерноземныхъ почвъ, для надлежащаго удобренія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ слѣдуетъ держать $1\frac{1}{2}$ головы скота на десятину пашни; у колонистовъ же имѣется его лишь $\frac{1}{2}$ головы на десятину. При недостаткѣ удобренія для всей своей земли колонисты стараются лучше удобрить огороды и ближайшую пашню. А такъ какъ плохо удобряемая земля не обѣщаетъ сносныхъ урожаевъ, то худшіе участки пашни евреи не обрабатываютъ, а либо сдаютъ крестьянамъ изъ доли урожая, либо оставляютъ въ залежи. Евреи, вообще, съ большимъ разсчетомъ относятся къ хозяйству, чѣмъ крестьяне, и не обрабатываютъ того участка, который не обѣщаетъ достаточнаго, по ихъ мнѣнію, вознагражденія за трудъ (напр., 15 коп. за день). Промышленный характеръ націи, облегчающій примѣненіе силъ въ разныхъ другихъ занятіяхъ, позволяетъ евреямъ примѣнять къ хозяйству такія правила коммерческаго разсчета. Они умѣютъ использовать и выгоды расположенія своихъ владѣній близъ городовъ. Они получаютъ изъ города удобреніе и вводятъ интен-

сивное хозяйство, основанное на культурѣ картофеля и содержанія бо́льшаго количества скота.

Въ послѣднее время среди колонистовъ замѣчается стремленіе къ улучшенію хозяйства, въ видѣ распространенія травосѣянія, искусственныхъ удобреній, замѣны сохи плугомъ и т. п.

Въ обслѣдованныхъ колоніяхъ сѣверо-западныхъ губерній на одинъ дворъ коренного населенія приходится, въ среднемъ, 8 дес., а въ юго-западныхъ колоніяхъ—4 дес. земли. Если же исключить безземельныхъ (13% коренного населенія въ первомъ районѣ и 17% — во второмъ), то средній земельный участокъ возрастетъ, приблизительно, на десятину. По разсчету на мужскую душу (вмѣстѣ съ безземельными) это составитъ 2,3 дес. въ сѣверо западныхъ и 1,4 дес. въ юго-западныхъ губерніяхъ. Приблизительно такое же количество надѣльной земли (нѣсколько развѣ болѣе) имѣетъ въ своемъ пользованіи и крестьянское населеніе соотвѣтствующаго района [1]). Что касается основного земельнаго фонда, то еврейское населеніе западныхъ губерній, въ отношеніи занятія сельскимъ хозяйствомъ, находится, слѣдовательно, въ одинаковомъ положеніи съ своими сосѣдями-христіанами. Но оно рѣзко отличается отъ нихъ въ томъ отношеніи, что оно лишилось законной возможности дополнять этотъ фондъ путемъ покупки или аренды земли. Фактически, впрочемъ, евреи не эксплоатируютъ и всей той земли, какая находится въ ихъ владѣніи. Хотя нѣкоторая часть колонистовъ и арендуетъ чужія угодья, но другая, бо́льшая часть сдаетъ свою землю въ аренду. Покрывая сдачу арендой и наоборотъ, все-таки окажется, что въ арендѣ у окрестныхъ крестьянъ находится 1/10, а вмѣстѣ съ землей отсутствующихъ колонистовъ — 20% еврейскихъ пахотныхъ угодій. Сдача евреями въ аренду своихъ угодій отчасти объясняется указаннымъ выше отношеніемъ къ хозяйству евреевъ, учитывающихъ сравнительныя выгоды, какія они могутъ получить отъ занятія земледѣліемъ и промысломъ; отчасти же это зависитъ отъ большой задолженности колонистовъ окрестному населенію, причемъ обезпеченіемъ долга служатъ отдаваемые ими въ закладъ сѣнокосные и пахотные участки. „Вопреки установившимся предразсудкамъ объ экономическомъ преобладаніи евреевъ, — говоритъ по этому предмету „Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ“,—колонисты обычно бываютъ кругомъ въ долгу у сосѣднихъ крестьянъ, которымъ они

---

[1]) См. „Матеріалы по вопросу о движеніи благосостоянія сельскаго населенія“.

часто вынуждены за безцѣнокъ закладывать свои поля и особенно сѣнокосы" (стр. 148 — 9). Для должной оцѣнки описываемаго явленія сдачи колонистами въ аренду своихъ земель слѣдуетъ имѣть въ виду тотъ фактъ, что $^4/_5$ сданной пахотной земли находится въ испольной арендѣ, при которой хозяинъ участка получаетъ арендную плату не деньгами, а урожаемъ. Это даетъ ему хотя часть зерна для прокормленія семьи и солому для его скота.

Въ соотвѣтствіи съ фактомъ сдачи еврейской земли въ аренду крестьянамъ находится и явленіе меньшей, сравнительно съ крестьянами, обезпеченности колонистовъ рабочимъ скотомъ. Основываясь на данныхъ военно-конскихъ переписей и мѣстнаго изслѣдованія еврейскихъ колоній, разсматриваемое нами изданіе показываетъ, что процентъ безлошадныхъ домохозяевъ у колонистовъ сѣверо-западныхъ губерній вдвое выше, а число лошадей на дворъ—въ $1^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ у крестьянъ.

Подворное распредѣленіе рабочаго скота колонистовъ обнаруживаетъ еще тотъ интересный фактъ, что число лошадей, приходящихся на дворъ, мало зависитъ отъ того, сколько у домохозяевъ находится земли. Это служитъ доказательствомъ, что лошадь еврейскій колонистъ содержитъ не только для полевыхъ работъ, но и ради промышленныхъ цѣлей. И дѣйствительно, значительная часть евреевъ занимается извозомъ и скупкою крестьянскихъ произведеній, которыя доставляются затѣмъ на лошадяхъ покупателей на станціи желѣзныхъ дорогъ.

Распредѣленіе земли между домохозяевами-колонистами весьма неравномѣрно. $^1/_8$ часть въ сѣверо-западныхъ и $^1/_6$ — въ юго-западныхъ губерніяхъ вовсе не имѣютъ земли, а 10% въ первомъ районѣ и 44% во второмъ—имѣютъ ея не болѣе 2,5 дес. на дворъ. Безземельные и совершенно малоземельные домохозяева составляютъ, такимъ образомъ, больше 60% колонистовъ юго-западныхъ губерній, и въ виду такихъ данныхъ неудивительно, если половина евреевъ послѣдняго района не ведетъ хозяйства за свой счетъ; впрочемъ, почти третья часть этихъ безхозяйныхъ сдаетъ свою землю исполу, и имѣетъ, такимъ образомъ, собственное зерно и солому. Въ литовскихъ губерніяхъ, гдѣ колонисты лучше обезпечены землею, сельскимъ хозяйствомъ за свой страхъ занимаются 76% домохозяевъ коренного населенія. Посѣвы еврейскихъ колонистовъ невелики: въ ковенской губерніи они составляютъ, въ среднемъ, 4,2 дес., въ юго-западныхъ губерніяхъ—2,3 дес. на сѣющаго домохозяина (объ остальныхъ губерніяхъ свѣдѣній не имѣется). Въ ковенской губерніи

средній посѣвъ домохозяина находится въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ площадью его надѣла и колеблется по различнымъ земельнымъ группамъ отъ 0,7 (у колонистовъ, владѣющихъ до 2,5 дес.) до 8 дес. (у хозяевъ, имѣющихъ болѣе 20 дес.) на сѣющій дворъ. Въ юго-западныхъ колоніяхъ эти колебанія очень незначительны (отъ 1,9 до 3,7 дес.). Малоземельные домохозяева въ юго-западныхъ колоніяхъ засѣваютъ (по разсчету на сѣющаго домохозяина) въ два-три раза болѣе земли сравнительно съ малоземельными колонистами ковенской губерніи. Это представляется возможнымъ потому, что черноземная почва земли въ юго-западномъ краѣ допускаетъ отведеніе подъ посѣвъ почти всей площади владѣнія. Въ отношеніи многоземельныхъ хозяевъ обоихъ районовъ наблюдается совершенно обратное явленіе: многоземельные колонисты въ юго-западныхъ губерніяхъ засѣваютъ вдвое меньшую площадь, нежели въ ковенской губерніи. Незначительное развитіе запашекъ среди многоземельныхъ колонистовъ юго-западнаго края доказываетъ слабое стремленіе этихъ колонистовъ къ сельско-хозяйственному промыслу.

Характернымъ для еврейскаго хозяйства въ западныхъ губерніяхъ является фактъ большого числа лицъ, вспахивающихъ землю подъ посѣвъ при помощи наемнаго инвентаря. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ къ найму постороннихъ лицъ (преимущественно окрестныхъ крестьянъ) прибѣгаютъ 40% сѣющихъ домохозяевъ, а въ юго-западныхъ — 69%. Къ найму пахарей въ одинаковой почти мѣрѣ прибѣгаютъ и мелкіе, и болѣе крупные землевладѣльцы. Эти факты приводятъ насъ къ заключенію, что даже для большей части сѣющихъ колонистовъ юго-западныхъ губерній сельское хозяйство не представляется настолько выгоднымъ или интереснымъ занятіемъ, чтобы ему стоило отдавать трудъ главнаго работника, который поэтому, можетъ быть, и не научился управлять сохою. Правда, больше, чѣмъ хлѣбопашествомъ, еврейскіе колонисты западныхъ губерній занимаются огородничествомъ, и огороды находятся у $^{9}/_{10}$ земельныхъ домохозяевъ. Но это занятіе, которому отдаетъ свои силы женская часть населенія колоніи, не имѣетъ промышленнаго характера, и овощи (преимущественно картофель, затѣмъ свекла, морковь, брюква, фасоль, лукъ, мало огурцовъ, еще меньше капусты) выращиваются лишь для собственнаго потребленія. Той же цѣли, въ большинствѣ случаевъ, служатъ и посѣвы колонистами хлѣбовъ; а принимая во вниманіе, что, судя по размѣру запашекъ, полное обезпеченіе продовольствія имѣетъ съ своихъ полей лишь $^{1}/_{5}$ часть домохозяевъ ковенской губерніи и $^{1}/_{4}$ часть колони-

стовъ юго-западнаго края, мы получимъ ясное понятіе о томъ, какое важное значеніе въ хозяйственной жизни евреевъ западнаго края должны играть неземледѣльческія занятія. И дѣйствительно, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ лишь $^1/_5$ часть домохозяевъ коренного населенія колоній,—а въ юго-западныхъ губерніяхъ всего $^1/_{14}$—часть занимаются исключительно сельскимъ хозяйствомъ; остальное же коренное населеніе колоній, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ въ каждомъ районѣ, имѣетъ какое-либо другое занятіе неземледѣльческаго характера, или участвуетъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ качествѣ наемныхъ работниковъ въ экономіяхъ черноземнаго края. Сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, впрочемъ, насчитывается въ обоихъ районахъ всего 115: „конкурренція крестьянъ дѣлаетъ наемъ на сельско-хозяйственныя работы евреевъ невыгоднымъ". Промыслами занимается большая половина трудоспособнаго (18—60 лѣтъ) населенія обоего пола. $^1/_5$ промышленниковъ занята чернорабочимъ трудомъ — вродѣ сплава лѣса, грузки товаровъ, каменныхъ ломокъ и т. п., $^1/_6$ — тяжелыми работами ремесленнаго характера — плотничествомъ, кузнечествомъ, каменными работами и др., и $^1/_{12}$ — извозомъ. Тяжелымъ работамъ, слѣдовательно, отдаютъ свои силы 45% промышленниковъ. Ремесла другого характера, какъ-то: портновство, сапожничество и другія, привлекаютъ къ себѣ $^1/_5$ часть промышленниковъ. Есть цѣлыя колоніи плотниковъ, каменьщиковъ, гонтовщиковъ, странствующихъ деревенскихъ портныхъ; есть кустари, зимой приготовляющіе шапки, шорныя издѣлія и др., а лѣтомъ развозящіе ихъ по ярмаркамъ. 160 евреевъ имѣютъ небольшія мельницы, кожевенные, смолокуренные и др. заводы. Болѣе $^1/_4$ части промышленниковъ занимаются торговлей, преимущественно скупкою продуктовъ крестьянскаго хозяйства. 400 человѣкъ въ обоихъ районахъ находятся на службѣ или учительствуютъ въ еврейскихъ школахъ.

За отсутствіемъ подворнаго изслѣдованія крестьянскаго хозяйства соотвѣтствующихъ районовъ, мы не можемъ произвести сравненія промышленныхъ занятій евреевъ и христіанъ. Если же обратиться къ ближайшей къ сѣверо-западному району смоленской губерніи, для которой (6 уѣздовъ) существуетъ подробное изслѣдованіе 80-хъ гг., то окажется, что по числу домохозяевъ, имѣющихъ заработокъ внѣ собственнаго сельскаго хозяйства, эта губернія почти не отличается отъ района еврейскихъ колоній: въ послѣднихъ исключительно земледѣлію отдаютъ свои силы нѣсколько менѣе $^1/_5$ части (19%) домохозяевъ, въ первой — нѣсколько болѣе $^1/_5$ части (22%). Что же касается состава

промысловъ, привлекающихъ русскихъ и евреевъ, то существенное различіе между ними заключается въ томъ, что среди смоленскихъ крестьянъ, работающихъ внѣ своего хозяйства, насчитывается не мало (7—8%) сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, что они даютъ очень небольшой процентъ кустарей и ремесленниковъ въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова (портныхъ и т. п.), и, главное, что лишь очень небольшая ихъ часть занимается торговлей.

Для полноты нашего обзора земледѣльческихъ еврейскихъ колоній будетъ нелишнимъ сообщить, что евреи-колонисты, въ числѣ 2,5 тыс. семей, находятся еще въ различныхъ губерніяхъ Царства Польскаго; что въ пользованіи этихъ семей состоитъ до 15 тыс. десятинъ земли, изъ коихъ 1/6 часть принадлежитъ арендованнымъ угодьямъ, а 5/6 состоятъ изъ надѣльной и купленной земли. Свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи этихъ колонистовъ крайне скудны и отрывочны.

V.

До сихъ поръ мы вели рѣчь о занятіяхъ евреевъ хлѣбопашествомъ, — но не меньшее, если не большее число евреевъ отдаетъ свои силы спеціальнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Число такихъ лицъ (не считая крупныхъ предпринимателей и простыхъ арендаторовъ садовъ ради сбора готоваго урожая) въ чертѣ еврейской осѣдлости, на основаніи отвѣтовъ корреспондентовъ колонизаціоннаго общества, опредѣляется въ 13—14 тыс., изъ коихъ 4/5 занимаются огородничествомъ и садоводствомъ, а 1/8—табаководствомъ. Подъ всѣми спеціальными культурами занято около 20 тыс. десятинъ земли, изъ коихъ 75%—арендованной. Только 2/5 всей земли находится въ чертѣ городовъ и мѣстечекъ, а 3/5 ея состоитъ въ сельскихъ районахъ. Такое положеніе, когда хозяину, для занятія своимъ дѣломъ, приходится начать съ нарушенія закона и вѣчно находиться подъ дамокловымъ мечомъ естественныхъ юридическихъ послѣдствій этого акта, не можетъ не отражаться на доходахъ хозяина, находящагося во вредной зависимости отъ землевладѣльца и мѣстной администраціи, и на пріемахъ самой культуры.

Болѣе половины евреевъ, занимающихся спеціальными культурами, и болѣе трети земли, состоящей подъ этими послѣдними, находится въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, гдѣ широко

распространено еврейское огородничество. Огородничество преобладаетъ надъ садоводствомъ и въ юго-западныхъ губерніяхъ; занятіе же садоводствомъ распространено среди евреевъ преимущественно въ хотинскомъ уѣздѣ бессарабской губерніи, славящемся высокимъ состояніемъ этой отрасли хозяйства. На бессарабскую губернію приходятся и $^3/_4$ евреевъ-виноградарей, изъ общаго числа таковыхъ около 800 человѣкъ, а также бо́льшая половина евреевъ-табаководовъ.

Пріемы культуры евреевъ невысоки, такъ какъ во всѣхъ отрасляхъ,—кромѣ развѣ табаководства, которымъ евреи занимаются издавна,—они подражаютъ пріемамъ окрестныхъ крестьянъ. Работы исполняются или наемнымъ, или семейнымъ трудомъ. Въ табачныхъ плантаціяхъ въ Малороссіи или на виноградникахъ бессарабской губерніи примѣняется, въ большинствѣ случаевъ, трудъ наемныхъ рабочихъ; табачныя плантаціи Бессарабіи воздѣлываются почти исключительно трудомъ женщинъ и дѣтей самихъ плантаторовъ. Примѣненіе къ данному дѣлу труда мужчины-хозяина зависитъ отъ того, сколь великъ ожидаемый доходъ и стоитъ ли отказаться ради него отъ другого, выгоднаго занятія.

Несмотря на скромныя абсолютныя числа евреевъ, занятыхъ спеціальными отраслями хозяйства, соотвѣтствующая дѣятельность евреевъ не можетъ считаться ничтожной, если ее разсматривать съ мѣстной точки зрѣнія. Такъ, мелкое промышленное огородничество въ Литвѣ и Бѣлоруссіи находится почти исключительно въ рукахъ евреевъ; табаководство въ бессарабской губерніи, да и во всемъ приднѣстровскомъ районѣ, находится, главнымъ образомъ, въ ихъ же рукахъ. Точно также и молочное хозяйство, коимъ въ чертѣ еврейской осѣдлости занимается около 8 тыс. евреевъ, во многихъ мѣстностяхъ находится въ исключительномъ вѣдѣніи евреевъ; многіе корреспонденты колонизаціоннаго общества изъ сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго сообщаютъ, что всѣ землевладѣльцы ихъ районовъ сдаютъ свой молочный скотъ въ аренду евреямъ.

Заключеніе, естественно вытекающее изъ того, что было выше говорено о земледѣльческой дѣятельности евреевъ, состоитъ въ томъ, что общій характеръ отношенія евреевъ къ сельскохозяйственному промыслу отличается отъ характера отношеній къ нему со стороны крестьянъ. Послѣдніе всѣмъ своимъ прошлымъ подготовлялись для занятія хозяйствомъ, и устраненіе ихъ отъ этого промысла связано съ ломкою ихъ быта. Поэтому, если у крестьянина есть земля, или если, не имѣя своей собственной

земли, онъ можетъ нанять чужую, то, какъ общее правило, онъ станетъ ее обрабатывать, не производя предварительнаго разсчета о томъ, что̀ онъ можетъ получить отъ нея въ вознагражденіе за свой трудъ. Еврей историческимъ своимъ прошлымъ подготовлялся къ другому отношенію къ дѣлу. Это прошлое вырабатывало въ немъ коммерческаго человѣка, разсчитывающаго расходы и доходы предпріятія, и этотъ элементъ разсчета онъ вноситъ въ свою сельско-хозяйственную дѣятельность. Не пріобрѣтя спеціальной привычки и любви къ хозяйству, имѣя зато коммерческія способности вообще, онъ прилагаетъ свои силы и средства къ земледѣлію по разсчету того, получитъ ли онъ отъ этого промысла столько же, сколько онъ можетъ добыть, занимаясь другимъ, доступнымъ ему дѣломъ, и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на вопросъ, отдаетъ земледѣлію только часть своихъ силъ и средствъ, или предпочитаетъ, вмѣсто собственной обработки, сдать свой участокъ въ аренду. Смѣна нѣсколькихъ поколѣній земледѣльцевъ выработаетъ, можетъ быть, и у евреевъ-колонистовъ отношеніе къ земледѣльческому промыслу, сходное съ отношеніемъ къ нему русскаго крестьянина. Этого можно ожидать въ особенности потому, что пріобрѣтеніе болѣе или менѣе обезпеченныхъ средствъ существованія на полѣ торгово-промышленной дѣятельности, вслѣдствіе конкурренціи растущей массы безземельныхъ въ Россіи, становится болѣе и болѣе затруднительнымъ. Но въ прошедшемъ въ районахъ еврейскихъ поселеній имѣли мѣсто обратныя отношенія. Бѣдность этихъ районовъ представителями промышленнаго труда открывала первымъ евреямъ-поселенцамъ поле выгоднаго приложенія силъ въ области ремесла и торговли. Въ томъ же направленіи развитія торгово-промышленныхъ занятій толкали еврейскихъ колонистовъ и вынесенныя ими изъ города формы матеріальной культуры. Евреи не знали домотканой одежды и должны были покупать многое изъ того, что̀ исконная крестьянская семья производила дома, а для пріобрѣтенія средствъ для этихъ покупокъ свободные члены семьи должны были прибѣгать къ подсобнымъ неземледѣльческимъ занятіямъ. Подсобныя занятія имѣли и крестьянскія семьи, но тогда какъ, благодаря натуральному хозяйству, русскіе земледѣльцы производили холсты, сукна, овчины для собственнаго потребленія—евреи покупали для себя подобные предметы, а продавали продукты своего промышленнаго труда или самый этотъ трудъ, и еврейскія колоніи пріобрѣтали, поэтому, характеръ земледѣльческо-промышленныхъ поселеній. Въ настоящее время это выражается тѣмъ, что цѣлая половина, напримѣръ,

семей херсонскихъ колонистовъ отдается промышленнымъ занятіямъ, но изъ нихъ лишь $^1/_4$ часть, или 13,5% всего числа колонистскихъ семей, занимается исключительно промыслами и торговлей, а 37% всѣхъ колонистовъ соединяютъ промыселъ съ земледѣліемъ. Этимъ достаточно характеризуется серьезность, такъ сказать, земледѣльческаго характера херсонскихъ евреевъ-колонистовъ, и совершенно правильнымъ слѣдуетъ признать мнѣніе нашихъ „Матеріаловъ", что эти колонисты „совершенно освоились съ земледѣльческимъ трудомъ", и что „обсуждать нынѣ, спустя много десятковъ лѣтъ послѣ поселенія евреевъ, хозяйственную жизнь колоній съ точки зрѣнія способности евреевъ къ земледѣлію, представляется несообразнымъ" (стр. 50).

Какъ на важный факторъ, вліявшій на отношеніе евреевъ къ земледѣльческому промыслу въ прошедшемъ, и который будетъ оказывать соотвѣтствующее вліяніе въ будущемъ—„Сборникъ Матеріаловъ" о евреяхъ указываетъ на степень производительности земледѣльческаго труда. Въ настоящее время эта производительность, какъ извѣстно, очень низка, и чтобы удовольствоваться обычнымъ доходомъ мелкаго земледѣльца, нужно обладать довольно низкимъ уровнемъ потребностей. Уровень этотъ въ сельскихъ мѣстностяхъ ниже, нежели въ городахъ, и еврей, какъ представитель городской культуры, чувствуетъ на землѣ стѣсненіе при такомъ доходѣ, который удовлетворяетъ исконнаго сельскаго жителя. Расходы евреевъ превышаютъ расходы крестьянъ еще въ силу нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ первыхъ. Евреи много тратятъ денегъ на леченіе; обученіе ихъ дѣтей обходится въ 9—10 р. въ годъ на каждаго мальчика. Расходъ этотъ тѣмъ тяжелѣе для бѣдной еврейской семьи, что обученіе ребенка продолжается очень долго (около восьми лѣтъ), что спеціальная еврейская школа не даетъ учащемуся никакихъ знаній, помогающихъ въ борьбѣ за существованіе, и что она скорѣе уменьшаетъ шансы побѣды въ этой борьбѣ, потому что долголѣтнее безпрерывное пребываніе ребенка въ отвратительной обстановкѣ хедерской школы значительно подрываетъ его здоровье и физическія силы. Крупный расходъ еврейской семьи связанъ съ выдачею дѣвушки замужъ. Еврейская невѣста простыхъ классовъ должна имѣть приданое въ нѣсколько сотъ рублей, потому что еврейская женщина не имѣетъ, подобно русской крестьянкѣ, самостоятельной цѣнности, какъ работница, или потому что на это приданое разсчитываютъ какъ на средство образованія самостоятельнаго хозяйства новобрачныхъ.

По всѣмъ указаннымъ выше причинамъ, средняя еврейская

семья должна имѣть больше денегъ, чѣмъ средняя семья крестьянская. Согласно изслѣдованіямъ Ѳ. А. Щербины, воронежскій крестьянинъ расходуетъ 35 руб. въ годъ на душу. По наблюденіямъ въ виленской губ., еврей-земледѣлецъ тратитъ 55 руб. на душу. Этой разницей личныхъ расходовъ еврея и крестьянина объясняется и тотъ фактъ, что, при одинаковомъ доходѣ, крестьянинъ-земледѣлецъ можетъ больше затратить на производительныя цѣли и окажется поэтому болѣе устойчивымъ въ хозяйственномъ отношеніи, чѣмъ еврей. Отъ той же причины зависитъ и бо́льшая задолженность еврейскихъ колонистовъ ихъ сосѣдямъ-крестьянамъ.

В. В.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО

въ

РОССІИ

I.

Переселеніе на Руси—явленіе старое, самобытное. Оно было извѣстно во всѣ эпохи исторической жизни нашего государства и составляло одну изъ видныхъ страницъ въ лѣтописяхъ его, служа первымъ пособникомъ въ дѣлѣ „собиранія земли русской". Переселеніемъ росло и крѣпло государство русское и созидалось единство народности на всемъ пространствѣ его; переселеніемъ вносились въ далекія пустынныя окраины начала мирнаго земледѣльческаго труда и насаждались гражданскія формы быта. О колонизаціонныхъ способностяхъ русскаго народа правительство хорошо было освѣдомлено, и только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, что оно всегда шло на встрѣчу событіямъ, закрѣпляя за „высокою государевой рукою" одну окраину за другой и расширяя предѣлы государства.

Переселеніе изстари держалось главнѣйшаго направленія—съ запада на востокъ и частью съ сѣвера на югъ и выражалось въ двоякой формѣ,—въ формѣ правительственной колонизаціи и колонизаціи самовольной. Первая, однако, не имѣла въ прежнее время постояннаго характера, являясь скорѣе случайною и незначительною по размѣрамъ. Всѣ распоряженія московскаго правительства сводились въ этомъ отношеніи обыкновенно

къ частичнымъ отправкамъ небольшого числа „пашенныхъ“ крестьянъ въ новый край. Дѣлу правительственной колонизаціи помогали преимущественно служилые, ратные люди, покорявшіе край. Эти ратные люди, по завоеваніи края, большею частью оставались въ немъ, выписывали свои семьи и садились на пашню сами, или селили на пожалованныхъ земляхъ своихъ крѣпостныхъ. Но главную роль въ исторіи заселенія окраинъ играла колонизація самовольная. Эта послѣдняя въ народномъ сознаніи шла всегда рука объ руку съ правительственною колонизаціею и обыкновенно значительно опережала ее какъ по времени, такъ и по достигнутымъ результатамъ. Передъ размѣрами этой колонизаціи переселеніе „по прибору“, „вызову“ и „по указу“ отъ правительства представлялось иногда совершенно ничтожнымъ.

Не всегда, однако, переселеніе имѣло мирныя колонизаціонныя цѣли. Объ этомъ можно судить по многочисленнымъ челобитнымъ инородческихъ племенъ, которыя слались московскимъ государямъ о выдачѣ имъ оберегательныхъ грамотъ „оттѣхъ русскихъ людей отъ насильства“. Но инородческія племена были слабы, чтобы оберечь себя „отъ насильства“ русскихъ людей; слабо было и правительство прежняго времени, чтобы остановить движеніе „вольныхъ, охочихъ людей“ въ новый край.

Вторая половина XVI-го и XVII-ое столѣтіе особенно замѣчательны въ исторіи заселенія приволжскихъ окраинъ и Зауралья. Туда массами приливали бѣглецы со всѣхъ концовъ Россіи, гонимые различными побужденіями. Иной шелъ какъ ослушникъ „царевой воли“, прикрѣплявшей его къ землѣ; другой въ далекихъ лѣсахъ и степяхъ разсчитывалъ сохранить неприкосновенною свою „старую вѣру“; иному хотѣлось избавиться отъ записи въ рекрутскій наборъ или отъ „насильства“ воеводъ. Особенно всякаго рода „сходцевъ“ много было въ нижнемъ Поволжьѣ и Оренбургскомъ краѣ. Въ докладѣ тайнаго совѣтника Неплюева отъ 1774 г. указывается сенату: „всѣ крестьяне, что ихъ ни есть въ Исетской Провинціи, не суть тамошніе природные, но сходцы изъ разныхъ мѣстъ... почему всѣ тѣ слободы такими гулящими людьми, и какъ чаятельно и не безъизвѣстно, по большей части или едва не всѣ помѣщичьими населены“. Въ указѣ сената отъ 22 ноября 1784 г. сообщается, что при ревизіи, производившейся въ Астрахани, явились „изъ подлыхъ людей, объявляющихъ о себѣ, что не знаютъ они своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родилися, которыхъ по указамъ и ревизіи высылать оттоль велѣно въ Петербургъ на поселеніе, а они по привычкѣ жить кругомъ Астрахани, отъ той высылки бѣгутъ въ Персію

и басурманятся, такожъ въ степи на Кубанскую сторону, на рѣку Куму и на Бухарскую сторону, за Яикъ, и тамъ промысломъ звѣринымъ питаяся, звѣрски въ отчаяніи живутъ".

Роль правительства въ дѣлѣ самовольнаго заселенія окраинъ бѣжавшимъ туда тяглымъ населеніемъ была не изъ легкихъ. Съ одной стороны, интересы закрѣпленія этихъ окраинъ и объединеніе ихъ съ коренною Россіею требовали направленія туда русскаго земледѣльца; съ другой, различныя внутреннія причины и нерѣдко соображенія, что „въ государеву казну съ тѣхъ крестьянъ (бѣглыхъ) оброковъ и никакихъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ нейдетъ", обязывали отрицательно относиться къ подобному способу ухода крестьянъ съ насиженныхъ мѣстъ и принимать противъ этого ухода строгія запретительныя мѣры. „И ты бъ въ Перми Великой и въ Чердыни, и у Соликамской, и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ пристойно, — говорится въ грамотѣ 1683 г. на имя стольника и воеводы Барятинскаго, — велѣлъ поставить заставы крѣпкія, чтобы съ Руси въ Сибирь никакого чину людей конныхъ и пѣшихъ, безъ Нашихъ Государскихъ проѣзжихъ грамотъ никого не пропустить, для того что изъ поморскихъ и русскихъ городовъ многіе люди вышли и нынѣ идутъ въ Сибирь; а буде которые люди какого чина нибудь на заставахъ, безъ Нашихъ Государскихъ грамотъ, объявятся, и ихъ отсылать на прежнія ихъ мѣста, кто откуда пришелъ". Почти полстолѣтія спустя, по поводу проникшаго въ населеніе слуха о дозволеніи по Высочайшему указу селиться около Царицынской линіи и обнаружившагося бѣгства туда „по такому злому вымышленному разглашенію изъ многихъ мѣстъ" однодворцевъ и крестьянъ, состоялся именной указъ 1728 г., въ которомъ выражено, чтобы „во всѣхъ городахъ и уѣздахъ публиковать печатными листами изъ сената, что такого позволительнаго указа не токмо никогда не бывало, но и многими другими указами такіе побѣги чинить запрещено, и для поимки тѣхъ бѣглецовъ заставы учинены, которыхъ велѣно ловить и, чиня наказаніе, бивъ кнутомъ, отсылать на прежнія жилища, а пущихъ заводчиковъ и подговорщиковъ казнить смертью".

Несомнѣнно однако, что подобныя запрещенія не приводили къ ожидаемымъ результатамъ, и первыми нарушителями этихъ распоряженій были тѣ же царскіе воеводы, о чемъ достаточно было освѣдомлено и центральное правительство. Воеводы понимали, какъ дорого обходится казнѣ и народу переселеніе, предпринимаемое самимъ правительствомъ, и какіе ничтожные результаты давало оно. По поводу отправки въ Сибирь изъ Соль-

вычегодска 30-ти хлѣбопашныхъ семей въ 1590 г. наказомъ воеводѣ поставлялось въ обязанность наблюдать, напр., чтобы „у каждаго хозяина было три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по два гуся, да по пятеру куровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха совсѣмъ для пашни, да телѣга, да сани и всякая житейская рухлядь“ и сверхъ того на каждую семью указано было выдать по 25 руб. Заготовленіе подобнаго имущества и сборъ денежныхъ средствъ на подъемъ переселенцевъ возлагались нерѣдко, въ видѣ повинности, на мѣстное населеніе. При такихъ условіяхъ и при нежеланіи иногда самого населенія слѣдовать на новыя мѣста даже по вызовамъ правительства, когда переселяющимся давались казенныя подводы и корма и на мѣстахъ водворенія предоставлялись различныя льготы, трудно было ожидать скораго заселенія окраинъ путемъ правительственныхъ мѣропріятій; а между тѣмъ на окраинахъ надо было и „государеву пашню“ пахать, и „государевы издѣлія“ выполнять, надо было набирать и ратныхъ людей, и стрѣльцовъ. Поэтому воеводы, вопреки строгимъ указамъ о высылкѣ бѣглыхъ и препровожденіи „съ ихъ крестьянскими животы и съ хлѣбомъ на прежнія жилища“, обыкновенно не выдавали ихъ и оставляли на пашнѣ, а правительство, отчасти изъ нежеланія подрывать развивавшуюся колонизацію, отчасти изъ сознанія, что „такое большое число бѣглецовъ трудно выслать безъ огромныхъ конвоевъ“, мирилось съ подобнымъ явленіемъ и въ концѣ концовъ узаконяло пребываніе самовольныхъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Вышеприведенный указъ сената характерно опредѣляетъ судьбу бѣглыхъ, объявившихся при ревизіи въ Астрахани: „а по разсмотрѣніи дѣла можетъ быть за потребно разсуждено будетъ тамъ въ Астрахани ихъ въ перепись написать и поселить по рѣкѣ Волгѣ на пустыхъ мѣстахъ, которыя никакой пользы, будучи пустыми, не приносятъ, а поселенные во всякомъ случаѣ потребны“. По докладу т. с. Неплюева сенатомъ также испрошено было Высочайшее повелѣніе, чтобы крестьянъ, поселившихся въ Исетской Провинціи до ревизіи 1719 г., и бѣглыхъ, записавшихся въ казаки, „хотя помѣщики и другіе владѣли и крѣпости на нихъ имѣютъ, для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ, и чтобъ той Провинціи не опустошить... изъ тѣхъ слободъ не высылать и никому не отдавать, а быть тѣмъ всѣмъ крестьянамъ въ той Провинціи вѣчно“, записавшимся же въ казаки „быть имъ, какъ оные нынѣ есть, въ казакахъ“.

Въ такихъ запрещеніяхъ самовольнаго ухода крестьянъ и

въ періодическихъ признаніяхъ совершившагося факта переселенія проходитъ почти вся исторія нашего законодательства и распоряженій правительства по части переселенія до самаго послѣдняго времени, когда сооруженіе сибирской желѣзной дороги и сознанная необходимость усиленнаго заселенія Сибири побудили правительство широко раскрыть двери послѣдней для пріема новыхъ насельниковъ и тѣмъ отвѣтить потребностямъ земледѣльческаго населенія въ переселеніи. А потребности эти были всегда значительными и по размѣрамъ своимъ почти никогда не укладывались въ рамки создававшихся правительствомъ условій для переселенія. Въ этомъ кроется объясненіе причинъ, которыя вызывали постоянно самовольный массовый уходъ крестьянъ со старины.

II.

Главнѣйшія побужденія, заставлявшія населеніе стремиться на новыя мѣста, въ различныя историческія эпохи жизни государства были неодинаковы; неодинаковымъ поэтому представляется и отношеніе къ нимъ и къ самому переселенію правительства. Въ прежнее время уходъ крестьянъ въ окраины вызывался чисто внутренними политическими обстоятельствами, — прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, возникновеніемъ раскола, установленіемъ рекрутской повинности и т. п., — а при такихъ условіяхъ правительство никоимъ образомъ не могло мириться и создавать для переселенія надлежащую, болѣе широкую организацію, такъ какъ оно не желало, чтобы крестьянство путемъ переселенія избавлялось отъ подчиненія тому укладу народно-государственной жизни, который былъ установленъ самимъ правительствомъ. Съ теченіемъ времени, однако, причины эти начали постепенно утрачивать свое значеніе, и въ послѣднее полустолѣтіе, съ отмѣною крѣпостной зависимости, почти совершенно отпали. Взамѣнъ ихъ выросталъ и окрѣпъ для земледѣльческаго населенія новый, не менѣе существенный и сильный поводъ къ переселенію, обусловливавшійся „утѣсненіемъ въ землѣ“, которое начало испытываться у крестьянъ, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и высокаго поднятія арендныхъ цѣнъ на сосѣднія частно-владѣльческія земли. Съ безошибочностью можно утверждать, что въ настоящее время означенная чисто экономическая причина является, за незначительными исключеніями, главнѣйшимъ двигателемъ, побуждающимъ крестьянъ переселяться; и данныя опроса новоселовъ, производившагося въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ Сибири, вполнѣ подтверждаютъ это положеніе, указывая, что до 75—80% всѣхъ переселяющихся идутъ отъ недостаточности земельныхъ надѣловъ, плохихъ качествъ ихъ или отъ случающагося мѣстами недорода хлѣбовъ. И по мѣрѣ того, какъ полнѣе и шире выяснялось значеніе этой причины, правительство все болѣе отрѣшалось отъ установившагося взгляда на переселеніе, какъ явленіе только терпимое, и все чаще стало дѣлать попытки, направленныя къ упорядоченію крестьянскихъ переселеній и къ цѣлесообразной постановкѣ переселенческаго дѣла, согласно пользамъ и нуждамъ населенія и видамъ и цѣлямъ самого правительства. Однако, дѣятельность его въ этомъ отношеніи долгое время не могла принять опредѣленнаго выраженія и характеризовалась постоянными колебаніями почти до послѣднихъ лѣтъ истекшаго столѣтія.

Уже въ концѣ XVIII-го столѣтія встрѣчаются отдѣльныя распоряженія правительства, которыя по смыслу представляются какъ бы первообразомъ взглядовъ и началъ, положенныхъ въ основаніе послѣдующихъ мѣропріятій по части переселеній. Такъ, указъ сената отъ 17-го октября 1776 г. опредѣляетъ переселеніе 2.000 душъ малоземельныхъ экономическихъ крестьянъ на земли, „оставшіяся отъ волжскихъ казаковъ" по астраханской дорогѣ, „въ такія селенія, гдѣ людей мало, а земель съ большимъ излишествомъ". Въ этомъ указѣ приведены и соотвѣтственные объяснительные мотивы состоявшагося распоряженія о переселеніи. „Какъ за симъ переводомъ,—говорится въ немъ, — оставшіе на прежнихъ жилищахъ крестьяне воспользуются оставшею отъ тѣхъ переведенныхъ землею и имѣть оной будутъ въ своемъ владѣніи безъ недостатка, а съ тѣмъ купно минуютъ въ земляхъ утѣсненія". Именной Высочайшій указъ, данный сенату 25 іюня 1781 г., о добровольномъ переводѣ до 44.000 душъ экономическихъ крестьянъ въ юго-восточныя и южныя губерніи, какъ на основанія для такого перевода, указываетъ на „пространство, плодоносіе и положеніе въ одномъ изъ лучшихъ климатовъ" земель тѣхъ губерній и, сверхъ того, на размноженіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ „людей, жителей разныхъ селеній, паче же экономическіе крестьяне не имѣютъ достаточно земли".

Съ теченіемъ времени подобныя попытки направлять малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ въ мѣстности, обильныя землями, все болѣе учащаются, отдѣльныя распоряженія по этому предмету въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ приводятся въ связь и въ 1842—1843 г. пріобрѣтаютъ въ „Уставѣ о благо-

устройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ" и дополнительныхъ къ нему правилахъ цѣльный характеръ широкой общегосударственной мѣры. Такая постановка дѣла о переселеніяхъ обязана главнѣйшимъ образомъ первому по времени министру государственныхъ имуществъ графу Киселеву, который въ заботахъ о хозяйственномъ преуспѣяніи казенныхъ крестьянъ, поступившихъ въ вѣдѣніе вновь учрежденнаго министерства государственныхъ имуществъ, обратилъ особенное вниманіе на дѣло переселенія. Признавая дѣйствовавшія ранѣе постановленія по этому предмету недостаточно обезпечивающими интересы переселяющихся, онъ въ измѣненіе и дополненіе ихъ выработалъ новыя правила, удостоенныя Высочайшаго утвержденія 8 апрѣля 1843 г.

По мысли графа Киселева, положенной въ основаніе правилъ, переселеніемъ государственныхъ крестьянъ преслѣдовалась двоякая цѣль: „чтобы сельскимъ обществамъ, нуждающимся въ землѣ, предоставить, съ выходомъ переселенцевъ, потребное количество оной на остальныя души, и чтобы излишнія руки въ однихъ мѣстахъ обратить къ воздѣлыванію пространствъ, впустѣ лежащихъ". При такихъ условіяхъ переселеніе допущено было только изъ малоземельныхъ обществъ, гдѣ угодій приходилось менѣе пяти десятинъ на душу, и съ такимъ разсчетомъ, чтобы цифра оставшагося населенія не превышала указаннаго отношенія къ земельному надѣлу. Переселеніе въ многоземельныя губерніи Европейской Россіи производилось съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, а въ сибирскія губерніи— мѣстныхъ палатъ, но въ томъ и другомъ случаѣ не иначе, какъ по просьбѣ самихъ переселяющихся и съ согласія общества. Для водворенія назначались мѣстности, въ которыхъ имѣлось достаточно свободныхъ земель. Въ такихъ мѣстностяхъ заранѣе нарѣзывались участки, площадью отъ 4 до 5 тысячъ десятинъ, къ осмотру которыхъ допускались довѣренные отъ лицъ, уже получившихъ разрѣшеніе на переселеніе, а въ Сибири — и до полученія этого разрѣшенія. Земли отводились въ общинное пользованіе, съ надѣломъ по 15 десятинъ на душу, но въ извѣстныхъ случаяхъ допускалось образованіе и семейныхъ участковъ, отъ 30 до 60 десятинъ на дворъ. Желающимъ до выхода съ мѣста жительства не воспрещалось отказаться отъ переселенія и удержать за собою прежнія земли. Сельскія общества, въ пользу которыхъ отходили земельные участки переселявшихся, обязывались въ вознагражденіе за то выдавать послѣднимъ пособія на передвиженіе, по взаимному соглашенію. Продажа имущества на старинѣ допускалась только по полученіи разрѣшенія

на переселеніе, причемъ выходящіе члены общества сохраняли за собою право снять хлѣбъ, посѣянный на своихъ участкахъ, и изъ общественныхъ магазиновъ получить все количество зерна, какое по числу ихъ душъ причиталось изъ наличныхъ запасовъ.

Къ мѣстамъ водворенія переселенцы отправлялись подъ надзоромъ особыхъ проводниковъ и во время пути должны были получать готовое продовольствіе отъ обывателей, склонявшихся къ тому окружными начальниками, могли пользоваться безвозмездно квартирами въ придорожныхъ селеніяхъ и правомъ пастьбы скота на общественныхъ пастбищахъ и безплатнаго перевоза черезъ рѣки. Заболѣвшіе въ пути доставлялись въ ближайшіе города и лечились на счетъ казны. Палаты государственныхъ имуществъ обязаны были оказывать переселяющимся „всевозможныя пособія и ограждать ихъ отъ притѣсненій всякаго рода".

На мѣстахъ водворенія переселенцы размѣщались по квартирамъ въ сосѣднихъ селеніяхъ; для нихъ заранѣе отправленными членами семей своевременно производились запашки и посѣвы хлѣбовъ на участкахъ и заготовлялось въ потребномъ количествѣ сѣно, а казна закупала рабочій скотъ и земледѣльческія орудія. Послѣднихъ выдавалось безплатно не менѣе одного плуга на восемь домохозяевъ, а рабочаго скота—по парѣ воловъ на семью. На домообзаведеніе отпускался безвозмездно лѣсъ по сто корней на каждую семью, и сверхъ того выдавалось безвозвратно денежное пособіе въ размѣрѣ 20 рублей, или при неотпускѣ лѣса—35 рублей; затѣмъ ссужались сѣмена для посѣва въ поляхъ, съ условіемъ возврата ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ случаѣ недостатка воды на участкѣ или отсутствія близлежащихъ мельницъ, на счетъ хозяйственнаго капитала министерства государственныхъ имуществъ устраивались для новоселовъ колодцы и возводились мельницы. Переписка о перечисленіи переселенцевъ возлагалась на палаты государственныхъ имуществъ, которыя обязывались всѣ требуемые для такого перечисленія документы представлять въ казенныя палаты.

Переселенцамъ предоставлялась шестилѣтняя льгота отъ воинскаго постоя, освобожденіе на три набора отъ рекрутской повинности и на восемь лѣтъ отъ платежа всѣхъ податей и денежныхъ и натуральныхъ повинностей, кромѣ оброчной подати, которая въ послѣдніе четыре года взималась въ половинномъ размѣрѣ; наконецъ, съ переселившихся слагались всѣ личныя недоимки въ государственныхъ податяхъ, недоимки же по земскимъ повинностямъ перелагались на прежнія общества.

Кромѣ переселенія на свободныя казенныя земли, дѣйство-

вавшими правилами допускался переходъ отдѣльныхъ семей въ другія, хотя бы и малоземельныя общества, причемъ соблюдался порядокъ, который перешелъ затѣмъ въ „Положеніе“ 19 февраля 1861 г. Изъ многоземельныхъ губерній переселеніе на казенныя земли разрѣшалось только въ особо уважительныхъ случаяхъ и притомъ въ однѣ сибирскія губерніи.

Въ приведенномъ законодательномъ актѣ нельзя не видѣть всей опекунской заботливости, которую проявило министерство государственныхъ имуществъ по отношенію къ переселенцамъ, за время управленія казенными крестьянами. Постановленія „Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“ и распоряженія министерства при графѣ Киселевѣ входили во всѣ подробности устройства переселенцевъ и старались оградить ихъ отъ всѣхъ неблагопріятныхъ случайностей. Произведенныя въ 80-хъ и 90-хъ годахъ хозяйственно-статистическія изслѣдованія Сибири выяснили, между прочимъ, тотъ фактъ, что дѣло переселенія при графѣ Киселевѣ было весьма удовлетворительно и прочно поставлено. Если и встрѣчались случаи неудачныхъ переселеній, когда нѣкоторыя изъ новыхъ поселеній приходили въ разстройство и даже совсѣмъ распадались, то случаи эти, сравнительно, были нечасты и обусловливались главнымъ образомъ отводомъ плохихъ мѣстъ подъ водвореніе.

Съ 1831 по 1866 г., т.-е. въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ, слѣдовавшихъ преимущественно за учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, переселилось на изложенныхъ выше основаніяхъ 57.442 семьи, въ количествѣ 320.000 душъ обоего пола, изъ которыхъ значительнѣйшее большинство, почти до 93%, вышли изъ центральныхъ губерній Россіи. Вначалѣ переселенцы направлялись въ южныя губерніи: воронежскую, харьковскую, тамбовскую, затѣмъ въ юго-восточныя: саратовскую, астраханскую, оренбургскій край и области сѣвернаго Кавказа, а въ 50-хъ годахъ преимущественно въ Западную Сибирь и енисейскую губернію. Въ одной Западной Сибири водворилось такимъ образомъ до 100.000 душъ казенныхъ крестьянъ.

На нужды переселенческаго дѣла ежегодно отпускались въ распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ, начиная съ 1839 и по 1865 г., особые кредиты, размѣръ которыхъ составлялъ около 142.000 руб. въ годъ.

III.

Хотя „Уставомъ“ строго воспрещалось самовольное переселеніе казенныхъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе оно не прекращалось и шло обычнымъ порядкомъ наряду съ правительственною колонизаціею. Въ самовольномъ переселеніи участвовали крестьяне всѣхъ наименованій, и этотъ видъ переселенія давалъ окраинамъ, надо думать, еще бо́льшее число насельниковъ, чѣмъ уходившихъ съ предварительнаго разрѣшенія правительства. Оффиціальными данными установлено, что въ началѣ 40-хъ годовъ изъ тамбовской губерніи самовольно высѣлялось, напр., до 1.000 душъ ежегодно, изъ полтавской за семь лѣтъ ушло свыше 2.000 душъ. Распоряженіями правительства, которое находило, что возвращеніе на родину самовольныхъ переселенцевъ „привело бы ихъ къ совершенному разстройству, не принося при этомъ никакой пользы казнѣ“, всѣ подобные переселенцы обыкновенно оставлялись на мѣстахъ новаго жительства. Нѣкоторымъ изъ нихъ отводились казенныя земли, однако безъ предоставленія льготъ и пособій; инымъ предоставлялось причисляться къ обществамъ старожиловъ, съ переводомъ на нихъ недоимокъ по прежнимъ обществамъ и съ обязательствомъ отбывать рекрутскую повинность на новыхъ мѣстахъ. Въ 1845 г. на такихъ основаніяхъ устроены, напр., были всѣ самовольные переселенцы, прибывшіе безъ соблюденія требованій „Устава“ въ губерніи оренбургскую, самарскую, тобольскую и томскую.

При широкой организаціи правительственной помощи переселенцамъ, существованіе подобнаго явленія надо приписать, несомнѣнно, тому обстоятельству, что „Уставъ“, будучи продуктомъ своего времени, касался только одной группы крестьянъ—государственныхъ. Всѣ владѣльческіе крестьяне стояли внѣ дѣйствія этого „Устава“ и составляли, какъ извѣстно, едва ли не самое главное ядро лицъ, самовольно уходившихъ съ родины. Такими выходцами изъ крѣпостныхъ почти исключительно былъ заселенъ, напр., въ то время міусскій округъ Области Войска Донского и нѣкоторыя другія мѣстности Новороссійскаго края. По отношенію къ крѣпостнымъ роль правительства всецѣло замѣнялась властью и усмотрѣніемъ помѣщиковъ, которымъ и предоставлялось право переселять своихъ людей. Помѣщики, въ случаѣ надобности, переводили своихъ людей изъ имѣній въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ въ малолюдныя помѣстья или на купленныя для этой цѣли пустопорожнія земли, а иногда и прямо прода-

вали крѣпостныхъ „на свозъ“, для водворенія на земляхъ, принадлежащихъ постороннимъ владѣльцамъ. Для такого переселенія со стороны помѣщиковъ достаточно было одного заявленія въ земскій судъ и соблюденія правила, чтобы переселяемыми были внесены подати и исполнена рекрутская повинность за текущій годъ. По отношенію къ крѣпостнымъ законъ допускалъ вмѣшательство правительственной власти только въ двухъ случаяхъ: онъ не дозволялъ самовольнаго переселенія владѣльческихъ крестьянъ и требовалъ обязательнаго перевода ихъ помѣщиками въ другія вотчины, когда земли у нихъ приходилось менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу. Какъ переселяли своихъ крѣпостныхъ помѣщики, на какихъ основаніяхъ устраивали ихъ на новыхъ мѣстахъ и, наконецъ, какое мѣсто въ общемъ колонизаціонномъ движеніи занималъ этотъ видъ переселенія,—свѣдѣній объ этомъ не имѣется. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что подобные переводы крестьянъ въ нѣкоторыя мѣстности, особенно на Уралъ и въ южныя новороссійскія губерніи, производились въ довольно широкихъ размѣрахъ. Въ этомъ случаѣ допускалась также предварительная отправка работниковъ на новыя мѣста для заготовки земли подъ пашню и постройки избъ и отъ односельцевъ давалась „подмога“, при отправкѣ переселяющихся, натурою или деньгами.

Болѣе широкое право въ дѣлѣ переселенія владѣльческихъ крестьянъ правительство оставило за собою лишь по отношенію къ небольшой группѣ такъ называемыхъ половниковъ вологодской губерніи. Эти послѣдніе переселялись правительствомъ на свободныя казенныя земли или приписывались къ многоземельнымъ обществамъ государственныхъ крестьянъ, съ согласія таковыхъ, когда окажется, что они не заключили установленныхъ закономъ условій съ владѣльцами половническихъ земель. Въ томъ и другомъ случаѣ переселенцы получали извѣстныя льготы и пособія примѣнительно къ установленнымъ для переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ. Приписку къ многоземельнымъ обществамъ казенныхъ крестьянъ съ надѣломъ землею и безъ согласія обществъ законъ допускалъ также для лицъ, обязанныхъ избрать родъ жизни.

Такимъ образомъ, въ дореформенное время, когда до половины земледѣльческаго населенія Россіи было несвободнымъ, законодательство наше признавало за крестьянами всѣхъ категорій, не исключая и помѣщичьихъ, право на переселеніе, а въ извѣстныхъ случаяхъ это переселеніе даже вмѣняло въ обязанность имъ. Право же это исключительно основывалось на соот-

ношеніи размѣровъ душевого надѣла къ нормамъ его, которыя признавались необходимыми для хозяйственнаго обезпеченія семьи. Такое положеніе дѣла побуждало какъ правительство, такъ и самихъ землевладѣльцевъ постоянно заботиться, по мѣрѣ сгущенія населенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, о переселеніи избытка его на новыя свободныя земли. Это цѣлесообразное начало, положенное въ основаніе земельной политики государства въ прежнее время, въ значительной степени способствовало поднятію и упроченію того благосостоянія, которымъ пользовалось сельское населеніе временъ императора Николая I. Но вскорѣ въ направленіи переселенческаго дѣла произошелъ существенный поворотъ и впервые рѣзкое отступленіе отъ указанныхъ руководящихъ началъ допустилъ великій освободительный актъ 19 февраля 1861 года.

IV.

По „Положенію" 19 февраля крестьяне получали личную свободу и обязывались выкупать въ собственность предоставленные имъ земельные надѣлы, становясь, такимъ образомъ, крестьянами-собственниками и выходя изъ-подъ опеки помѣщиковъ. Вмѣстѣ съ такимъ выходомъ они, однако, не сливались съ остальнымъ населеніемъ крестьянъ государственныхъ, такъ какъ у этихъ послѣднихъ земли считались принадлежащими казнѣ. При такихъ условіяхъ ни помѣщики, ни правительство не считали болѣе своею обязанностью заботиться о судьбѣ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и весь приростъ населенія ихъ долженъ былъ находить удовлетвореніе уже безъ всякаго правительственнаго воздѣйствія. Всѣ законоположенія объ устройствѣ лицъ сельскаго состоянія, изданныя въ дополненіе и развитіе „Положенія" 19 февраля, не содержатъ никакихъ указаній относительно переселенія крестьянъ, оставаясь, такимъ образомъ, вѣрными началамъ, выраженнымъ въ этомъ „Положеніи". „Положеніе" же это устанавливало только правила для перехода крестьянъ изъ одного общества въ другое и нигдѣ не говорило о переселеніи.

Другимъ существеннымъ отступленіемъ отъ прежде принятыхъ основаній въ дѣлѣ обезпеченія населенія землею являлось допущеніе для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, такихъ земельныхъ надѣловъ, размѣръ которыхъ, при существующихъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства, совсѣмъ не отвѣчалъ представленію о такомъ обезпеченіи. Противъ надѣла, бравшагося въ дореформенное время за норму при устройствѣ лицъ

сельскаго состоянія, крестьянскіе душевые надѣлы во многихъ черноземныхъ губерніяхъ ограничены были 2—3 дес. на ревизскую душу, затѣмъ допущены были несоотвѣтственно малые надѣлы, какъ четвертные, дарственные, и, наконецъ, цѣлыя группы лицъ, устройство которыхъ закономъ не было предусмотрѣно, остались совсѣмъ безъ земли. Къ числу таковыхъ относились батраки и бобыли, не пользовавшіеся, въ мѣстностяхъ съ подворнымъ владѣніемъ, усадебнымъ или полевымъ надѣломъ въ селеніяхъ крестьянъ, бывшіе вольные люди, проживавшіе на помѣщичьихъ земляхъ, неполучившіе надѣла дворовые люди и др.

Столь существенныя отступленія, указывая на безповоротное рѣшеніе правительства снять съ себя хозяйственныя заботы и попеченія о сельскомъ населеніи, не замедлили повести за собой и дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи. Въ 1866 г. государственные крестьяне были переданы въ вѣдѣніе общихъ крестьянскихъ учрежденій и къ нимъ примѣнены были основныя начала „Положенія“ 19 февраля. Такимъ образомъ „Уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“, хотя и не отмѣненный послѣдующими законоположеніями, фактически пересталъ дѣйствовать, какъ законъ. Съ того времени для крестьянъ всѣхъ наименованій закрылся доступъ къ законному переселенію и все понятіе о немъ свелось къ простому переходу крестьянъ изъ одного общества въ другое, на основаніи ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ“. Исключеніе допущено было только для государственныхъ крестьянъ, въ случаѣ, если при производствѣ поземельно-устроительныхъ работъ оказался бы у нихъ недостатокъ въ землѣ или выяснились неудобства землевладѣнія. Право на переселеніе сохранено было также за половниками вологодской губерніи и лицами, обязанными избрать родъ жизни, или установлено въ позднѣйшіе 1861—1868 годы по спеціальнымъ узаконеніямъ для нѣкоторыхъ немногихъ видовъ сельскаго состоянія, какъ для крестьянъ мелкопомѣстныхъ имѣній, горнозаводскихъ мастеровыхъ, однодворцевъ западныхъ губерній, отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ и нѣкоторыхъ другихъ. Хотя законоположеніями объ этихъ послѣднихъ лицахъ переселяющимся на казенныя земли предоставлялись извѣстныя льготы и пособія, тѣмъ не менѣе точныхъ и опредѣленныхъ правилъ о порядкѣ переселенія ихъ нигдѣ не указывалось и на практикѣ примѣненіе этихъ частныхъ узаконеній должно было представлять значительныя затрудненія.

Такимъ образомъ, послѣдствіемъ освободительной реформы явилось то общее положеніе, что крестьяне, получившіе тѣ или

иные земельные надѣлы, лишены были права на переселеніе на казенныя земли. Хотя въ періодъ времени отъ 1858 до 1866 г. правительство принимало мѣры къ заселенію нѣкоторыхъ окраинныхъ мѣстностей Россіи, какъ Приамурскаго края, сѣверныхъ предгорій западнаго Кавказа и Черноморскаго округа, но мѣры эти, какъ частныя, притомъ вызванныя особыми соображеніями политическаго свойства, не говорили за возбужденіе общаго вопроса о переселеніяхъ. Съ характеромъ болѣе общаго значенія являлось узаконеніе 30 іюля 1865 г., которымъ допускалось переселеніе государственныхъ крестьянъ на земли Кабинета Его Величества и водвореніе ихъ, съ разрѣшенія алтайскаго горнаго правленія, на свободныхъ участкахъ, но и оно было издано лишь по соображеніямъ, главнымъ образомъ, выгодности такого переселенія для нуждъ и потребностей горныхъ заводовъ. Между тѣмъ, постоянные случаи самовольнаго ухода крестьянъ изъ мѣстъ приписки указывали, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи существовали побудительныя причины, которыя приводили къ необходимости переселеній. Въ одномъ положеніи малоземелья, вслѣдствіе изложенныхъ выше причинъ, оказалось послѣ выдачи уставныхъ грамотъ до 1.000.000 душъ крестьянъ. Отводъ земельныхъ надѣловъ не на наличныя, а на ревизскія души привелъ, равнымъ образомъ, къ тому, что весь естественный приростъ населенія со времени послѣдней ревизіи 1857 г. и до 1861 г., т.-е. до времени составленія уставныхъ грамотъ, земли не получилъ. Если, сверхъ того, принять во вниманіе, что нѣкоторыя категоріи безземельныхъ крестьянъ остались совсѣмъ неустроенными въ поземельномъ отношеніи и въ то же время размѣры установленнаго податного обложенія оказались по многимъ мѣстностямъ неотвѣчающими доходности крестьянскихъ земель, то тяготѣніе крестьянства къ переселенію станетъ совершенно понятнымъ. „Есть мѣстности,—говорилось въ запискѣ о переселеніяхъ рязанскаго губернскаго предводителя дворянства, представленной въ 70-хъ годахъ министру внутреннихъ дѣлъ,—въ которыхъ крестьяне дѣйствительно пришли въ крайнюю нищету отъ недостатка полевыхъ и другихъ угодій, и неисходное положеніе отдѣльныхъ семействъ и даже цѣлыхъ обществъ заставляетъ ихъ искать гдѣ бы то ни было средствъ къ существованію. Эти исключительныя несчастныя семьи, поселки и деревни зародились вслѣдствіе допущенныхъ при введеніи Положенія 19 февраля 1861 г. безобразныхъ надѣловъ“. Но рядомъ съ этими чисто экономическими причинами на переселеніе вліяли также и вся совокупность бытовыхъ условій жизни русскаго на-

рода, вытекавшихъ изъ его исторіи, и изстари сложившееся стремленіе его къ разселенію по окраинамъ.

Поэтому послѣ освобожденія крестьянъ переселенія не только не прекратились, но подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, вызванныхъ изданіемъ Положенія 19 февраля, которое кореннымъ образомъ измѣнило патріархально-вотчинный строй быта населенія, и вслѣдствіе постояннаго уменьшенія размѣровъ крестьянскаго душевого владѣнія, приняли еще болѣе широкіе размѣры. Однако правительство, озабоченное осуществленіемъ великихъ реформъ, долгое время не хотѣло считаться съ этимъ явленіемъ, и если принимало тѣ или иные мѣры, направленныя къ упорядоченію переселенія, то мѣры эти не говорили за ясно сознанное убѣжденіе въ государственномъ и экономическомъ значеніи переселенія, а скорѣе за временную потребность распутать годами нарождавшійся хаосъ въ переселенческомъ дѣлѣ по какой-либо мѣстности.

При такихъ условіяхъ въ теченіе почти трехъ десятилѣтій, считая отъ начала 60-хъ годовъ, крестьяне въ исканіи новыхъ мѣстъ были предоставлены самимъ себѣ и предпринимали переселеніе на собственный рискъ и страхъ. Броженіе, выразившееся въ формѣ ухода съ насиженныхъ мѣстъ, все увеличивалось и незамѣтно охватывало всю коренную крестьянскую Россію, продолжавшую самостоятельно выполнять свою важную историческую миссію разселенія населенія по огромной территоріи государства. Стѣсняемые выполненіемъ требованій ст. 130 Общ. Пол., крестьяне, подъ видомъ ухода на заработки, выправляли паспорта, распродавали свое имущество, забирали семью и въ наскоро сколоченной повозкѣ отправлялись въ путь, иногда украдкой по ночамъ, изъ опасенія встрѣчи съ начальствомъ. Многіе, не зная назначенія путей, ведущихъ къ намѣченной цѣли, и не смѣя спросить кого-либо, подолгу блуждали въ дорогахъ, и бывали случаи, что вмѣсто одной мѣстности или даже губерніи—попадали совершенно въ другую. Придорожные обыватели, боясь отвѣта за „страннихъ людей", рѣдко давали пріютъ имъ; поэтому остановки по ночамъ дѣлались въ открытомъ полѣ, въ лѣсу или за околицей селеній. При истощеніи средствъ, переселенцы двигались „Христовымъ именемъ" или нанимались въ работы къ крестьянамъ. Цѣлые мѣсяцы, иногда годы проходили въ такомъ передвиженіи до новыхъ мѣстъ, куда семьи новоселовъ приходили нерѣдко совершенно обезсилѣвшими, обнищавшими и неспособными не только къ устройству собственнаго хозяйства, но даже къ труду.

Шестидесятые и семидесятые годы отмѣчены особенно сильнымъ движеніемъ переселенцевъ въ Оренбургскій край, который являлся тогда первымъ этапомъ по пути въ Сибирь. Молва о земельныхъ богатствахъ этого края, послужившая поводомъ къ изданію особыхъ льготныхъ законовъ для пріобрѣтенія башкирскихъ земель, побудила крестьянъ искать себѣ земельнаго простора и приволья тамъ же, гдѣ это приволье продавалось всѣмъ, желавшимъ воспользоваться изданіемъ сказанныхъ законовъ. Переселенцы пошли и какъ бы сознательно отвѣтили на призывъ уфимскаго дворянства, возбуждавшаго въ это время вопросъ объ искусственномъ привлеченіи крестьянъ-переселенцевъ на ихъ пустовавшія бездоходныя земли. Въ Оренбургскомъ краѣ осѣдали не только направлявшіеся сюда выходцы изъ другихъ губерній, но нерѣдко и шедшіе въ далекую Сибирь и остановившіеся здѣсь, вслѣдствіе утомленія отъ продолжительнаго пути или истощенія средствъ. Къ концу семидесятыхъ годовъ число такихъ переселенцевъ по оренбургской и уфимской губерніямъ насчитывалось до 118.000 душъ. За крайне ограниченнымъ количествомъ казенныхъ земель, нарѣзавшихся для цѣлей поселенія, и плохимъ качествомъ участковъ, переселенцы устраивались преимущественно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и частью на земляхъ башкиръ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1883 г., изъ всего числа выходцевъ, прибывшихъ въ уфимскую губернію, до 75% оказалось, такимъ образомъ, водворившимися на частновладѣльческихъ земляхъ и до 19% въ дачахъ башкиръ-вотчинниковъ, и только около 6% осѣло на казенныхъ земляхъ или приписалось къ обществамъ старожиловъ. Землевладѣльцы съ охотою уступали переселенцамъ свои участки, купленные за безцѣнокъ на льготныхъ условіяхъ и остававшіеся большею частью безхозяйными. Являясь на дѣвственныя, плодородныя земли, новоселы наскоро совершали съ владѣльцами ихъ договорныя условія и приступали къ постройкамъ. Условія эти носили самый разнообразный характеръ, до домашнихъ и словесныхъ актовъ включительно. Для переселенцевъ прежде всего нужна была земля, а не эти условія, смыслъ которыхъ для нихъ былъ мало понятенъ, и они вѣрили въ силу хотя бы и словесныхъ договоровъ. Послѣдствія, однако, показали, насколько легковѣрны были новоселы, когда многіе изъ нихъ, уплативъ за приторгованную землю значительную часть договоренной суммы и обзаведясь прочною домашнею осѣдлостью, въ концѣ концовъ, по настоянію владѣльцевъ, должны были уходить съ участковъ, какъ лишенные правъ на нихъ, бросать имущество и почти совершенно разоряться.

Съ такимъ же легковѣріемъ отнеслись переселенцы и къ водворенію на башкирскихъ земляхъ. Владѣльцы обширныхъ вотчинныхъ дачъ — башкиры не отставали отъ частныхъ владѣльцевъ въ желаніи наиболѣе выгоднымъ образомъ использовать свои земли, и это желаніе доходило до того, что они, въ нарушеніе всѣхъ правилъ и распоряженій правительства, позволили новоселамъ приселяться къ себѣ „на умершія души" или устраиваться цѣлыми колоніями на своихъ душевыхъ надѣлахъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, оренбургскій генералъ-губернаторъ сообщалъ министерству внутреннихъ дѣлъ, что на башкирскихъ земляхъ „существуютъ цѣлыя селенія изъ переселенцевъ, состоящія болѣе чѣмъ изъ 800 душъ. Подобныя селенія, какъ учредившіяся безъ разрѣшенія правительства, остаются безъ общественнаго управленія, безъ приписки къ волостямъ и безъ начальства". Новоселы, хотя и сознавали отчасти все безправіе своего положенія, тѣмъ не менѣе, продолжали строиться и селиться въ смутной надеждѣ, что, обзаведясь осѣдлостью, они явятся тѣми же припущенниками башкиръ-вотчинниковъ, какими явились осѣвшіе въ прежнее время переселенцы.

Такое положеніе дѣла побудило администрацію уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ сдѣлать попытку къ упорядоченію крестьянскихъ переселеній въ Оренбургскій край. По соглашенію съ министерствомъ государственныхъ имуществъ были выработаны особыя правила о переселеніи въ оренбургскую [1]) и самарскую губерніи и сообщены для руководства губернаторамъ въ циркулярѣ отъ 13-го апрѣля 1868 г.

На основаніи этихъ правилъ, желающіе поселиться въ одной изъ названныхъ губерній допускались мѣстнымъ управленіемъ государственными имуществами къ осмотру казенныхъ участковъ и, по выборѣ таковыхъ, снабжались отъ управленія особыми разрѣшительными свидѣтельствами, которыя служили замѣною пріемныхъ приговоровъ. Избранные участки зачислялись за переселенцами на одинъ годъ со дня выдачи упомянутыхъ свидѣтельствъ. Отводъ земель возлагался на мѣстныя управленія государственными имуществами и производился по перечисленіи переселенцевъ по мѣсту новаго водворенія. Для этого послѣдняго требовалось представленіе ими въ мѣстную казенную палату увольнительнаго свидѣтельства отъ волостного старшины и свидѣтельства на право водворенія на казенномъ участкѣ.

Означенный порядокъ былъ установленъ для крестьянъ „всѣхъ

---

[1]) Оренбургская губернія въ то время была еще нераздѣльною съ уфимскою.

наименованій", которые желали переселиться „единично или, по крайней мѣрѣ, не въ большомъ числѣ" семей, но для переселенія „цѣлыми обществами и вообще большими массами" требовалось предварительное разрѣшеніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ томъ же циркулярѣ указывалось на полезность разсылки его въ волостныя правленія, дабы „распоряженіе это, облегчивъ крестьянскому населенію ознакомленіе съ порядкомъ и условіями переселенія, тѣмъ самымъ содѣйствовало бы къ воздержанію желающихъ переселиться отъ напраснаго отправленія въ такія мѣстности, гдѣ водвореніе ихъ, по неимѣнію тамъ свободныхъ казенныхъ земель, невозможно".

Обнародованіе циркуляра, устанавливавшаго новыя правила въ дѣлѣ переселенія, какъ и можно было ожидать, послужило толчкомъ еще къ большему броженію въ умахъ крестьянъ, которое замѣчалось въ то время, вслѣдствіе ходившихъ среди населенія различныхъ слуховъ о „новой волѣ", „общемъ передѣлѣ земель" и т. п. Указаніе на „переселеніе" понято и истолковано было многими, какъ вызовъ и даже принужденіе къ выселенію. Были случаи, что иные подавали прошенія объ оставленіи ихъ на старыхъ мѣстахъ. Пошли толки о „земляхъ царицы", о „степяхъ Тавріи", куда, будто бы, переселяютъ народъ, и движеніе повсемѣстно стало разрастаться. Усиленію этого движенія немало способствовалъ также неурожай, охватившій нѣкоторыя изъ западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній.

Въ виду этого, не далѣе, какъ черезъ три недѣли, былъ опубликованъ новый циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 4-го мая 1868 г., который хотя и не отмѣнялъ изданныхъ правилъ о переселеніи, но дополнительными разъясненіями о неуклонномъ соблюденіи дѣйствующихъ правилъ объ увольненіи изъ прежнихъ обществъ и требованіемъ недопущенія самовольнаго ухода со старины, подъ угрозою строгой отвѣтственности не только самихъ переселяющихся, но и должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія, въ значительной степени затруднилъ и сократилъ примѣненіе ихъ на дѣлѣ. Мѣстною администраціею приняты были экстренныя мѣры, въ видѣ разъясненія циркулярныхъ распоряженій на сходахъ, невыдачи паспортовъ на отлучку и разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на поселеніе въ Оренбургскомъ краѣ, даже возвращенія переселенцевъ съ пути и т. п. Путемъ принятыхъ мѣръ движеніе стало ослабѣвать, но въ то же время опасеніе новаго усиленія его побудило почти совсѣмъ прекратить на дѣлѣ примѣненіе правилъ 13-го апрѣля 1868 года.

V.

При такомъ направленіи дѣла, дальнѣйшія мѣры правительства по части переселенія сводятся, главнымъ образомъ, къ узаконенію и устройству быта уже осѣвшихъ на новыхъ мѣстахъ переселенцевъ.

Послѣдствіемъ хлопотъ и ходатайствъ мѣстнаго управленія Оренбургскимъ краемъ объ обезпеченіи быта водворившихся въ немъ переселенцевъ явились два, одинъ за другимъ слѣдовавшіе, закона: 9-го апрѣля 1869 г. „о мѣрахъ къ водворенію въ оренбургской губерніи издавна проживающихъ тамъ переселенцевъ изъ другихъ губерній“ и 6-го февраля 1871 г.—о распространеніи этихъ мѣръ на губернію уфимскую и на проживающихъ въ ней, а также въ оренбургской губерніи, горнозаводскихъ мастеровыхъ казенныхъ и частныхъ заводовъ и бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Законъ 9-го апрѣля 1869 г. касается проживающихъ въ оренбургской губерніи крестьянъ, бывшихъ государственныхъ, которые, слѣдуя по полученнымъ разрѣшеніямъ въ Сибирь и на Амуръ, остановились въ названной губерніи или издавна водворились въ ней и арендуютъ казенныя или частныя земли, и крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ съ дарственнымъ надѣломъ. Тѣмъ и другимъ онъ предоставляетъ, въ случаѣ заявленнаго желанія, перейти въ разрядъ мѣстныхъ крестьянъ, съ причисленіемъ къ одному изъ ближайшихъ обществъ, съ согласія послѣдняго, или къ волости, и съ переводомъ на ихъ личную отвѣтственность числившихся по прежнимъ обществамъ недоимокъ въ податяхъ и рекрутской повинности. Переписка по дѣламъ о подобныхъ перечисленіяхъ возлагалась на губернское присутствіе. Тѣмъ же закономъ предоставлялось означеннымъ переселенцамъ образовывать изъ себя отдѣльныя общества, при условіи пріобрѣтенія ими въ собственность участковъ земли, въ размѣрѣ не менѣе $^1/_4$ высшаго или указнаго надѣла по той мѣстности, гдѣ они проживаютъ. Такое устройство переселенцевъ допускалось только для лицъ, прибывшихъ въ губернію до дня обнародованія закона, а согласно позднѣйшему узаконенію—до 6-го февраля 1871 г.

Приведенныя постановленія, однако, не достигли своей цѣли, такъ какъ переселенцы продолжали попрежнему прибывать и увеличивать собою неустроенный элементъ въ краѣ. По сообщенію оренбургскаго генералъ-губернатора, въ теченіе менѣе, чѣмъ двухъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за изданіемъ законовъ, прибыло въ

край „до 10.000 душъ бродячаго безземельнаго населенія, состоящаго изъ крестьянъ, которые остаются безъ приписки къ обществамъ и не имѣютъ средствъ выйти изъ края обратно". Въ свою очередь, хотя значительное число изъ ранѣе прибывшихъ переселенцевъ получило законное право считаться жителями оренбургской и уфимской губерній, тѣмъ не менѣе оно лишено было прочнаго земельнаго устройства и осталось въ томъ же неопредѣленномъ положеніи, какъ и до изданія упомянутыхъ законовъ. Окончательно устроенными могли считаться только тѣ немногія лица, которыя получили пріемные приговоры отъ сельскихъ обществъ или же участки казенной земли. Такое положеніе дѣла въ связи съ наплывомъ новыхъ переселенцевъ и невозможностью безъ окончательнаго разоренія и значительныхъ ущербовъ для казны возвращать ихъ обратно на родину ставило въ затруднительное положеніе мѣстную администрацію, вынужденную силою вещей допускать дальнѣйшее пребываніе на новыхъ мѣстахъ всѣхъ пришельцевъ и возбуждать передъ правительствомъ рядъ вопросовъ и отдѣльныхъ ходатайствъ объ устройствѣ ихъ.

Въ виду всего этого, въ 1873 г. при министерствѣ государственныхъ имуществъ была учреждена особая коммиссія изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ для обсужденія вопросовъ, касающихся устройства переселенцевъ въ Оренбургскомъ краѣ. На основаніи заключеній этой коммиссіи, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ внесено было представленіе въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, удостоенное Высочайшаго утвержденія 28 января 1876 г.

Новое „Положеніе" шло значительно далѣе предшествовавшихъ постановленій и опредѣляло устройство въ оренбургской и уфимской губерніяхъ всѣхъ „прибывшихъ туда изъ другихъ губерній переселенцевъ". Изъ числа таковыхъ, согласно I-й статьѣ, оно разрѣшало водвореніе на свободныхъ казенныхъ земляхъ кромѣ лицъ, имѣвшихъ уже право на это водвореніе по существующимъ узаконеніямъ: безземельнымъ крестьянамъ, не воспользовавшимся надѣломъ по уставнымъ грамотамъ и владѣннымъ записямъ, бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, принадлежавшимъ къ обществамъ, которые получили въ даръ $^1/_4$ высшаго или указнаго надѣла, бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, уволеннымъ изъ своихъ обществъ до выдачи владѣнныхъ записей, и затѣмъ изъ прочихъ переселенцевъ тѣмъ, которые, получивъ увольненіе изъ прежнихъ обществъ, прибыли въ Оренбургскій край до обнародованія „Положенія".

Остальнымъ переселенцамъ, которые проживали по увольнительнымъ свидѣтельствамъ или срочнымъ паспортамъ на земляхъ, купленныхъ или нанимаемыхъ у башкиръ и другихъ частныхъ владѣльцевъ, съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдлости, и пожелали бы окончательно водвориться въ краѣ, предоставлено причислиться къ ближайшей волости безъ испрошенія пріемнаго приговора или же составить изъ себя отдѣльныя сельскія общества. Такое образованіе обществъ допускалось для всѣхъ переселенцевъ какъ при условіяхъ, опредѣленныхъ уже закономъ 9 апрѣля 1869 г., т.-е. при покупкѣ въ собственность участка земли не менѣе 1/4 высшаго или указнаго на душу надѣла, такъ и при условіяхъ арендованія земли. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ требовалось, чтобы крестьяне держали въ кортомѣ по письменнымъ договорамъ, на сроки не менѣе 12-ти лѣтъ, земельный участокъ, составляющій на каждую душу не менѣе одного высшаго или указнаго надѣла, установленнаго по той мѣстности „Положеніями" 19 февраля. Сверхъ того, всякое образованіе обществъ законъ обусловливалъ наличностью не менѣе сорока душъ мужескаго пола.

Относительно той группы переселенцевъ, которые, получивъ разрѣшеніе на переселеніе въ Сибирь, остались въ краѣ, за истощеніемъ средствъ къ дальнѣйшему слѣдованію, и не пріобрѣли осѣдлости, постановлено, что они должны приписаться къ мѣстнымъ сельскимъ или городскимъ обществамъ, или къ волостямъ, въ 6-ти-мѣсячный срокъ со дня обнародованія закона, а лица, пришедшія послѣ обнародованія его,—со дня заявленія желанія остаться въ краѣ, съ тѣмъ, чтобы всѣ неисполнившіе этого требованія были приписаны по мѣсту своего настоящаго жительства распоряженіемъ начальства.

Переписка по дѣламъ о перечисленіи переселенцевъ Оренбургскаго края возлагалась, какъ и предшествовавшимъ закономъ, на мѣстныя губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; при этомъ разрѣшалось также состоявшія за перечисленными недоимки въ казенныхъ платежахъ и сборахъ переводить на нихъ долгомъ по мѣсту новаго жительства, съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой за переселенцевъ отвѣтственности.

Такимъ образомъ, хотя разсматриваемый законъ не имѣлъ общаго для всѣхъ заселяемыхъ мѣстностей значенія, но по отношенію къ Оренбургскому краю значеніе его сказалось уже въ томъ, что онъ расширялъ кругъ лицъ, которымъ предоставлялось право на отводъ надѣловъ изъ казенныхъ оброчныхъ ста-

тей. Для осуществленія этого права, по точному смыслу закона, признавалось достаточнымъ только факта „прибытія“ въ край перечисленныхъ въ ст. 1-й крестьянъ, причемъ время этого прибытія для большинства изъ нихъ не обусловливалось какими-либо сроками и, слѣдовательно, они не лишались правъ на казенную землю и въ случаѣ фактическаго переселенія послѣ изданія закона 28 января. Но, допуская водвореніе на казенныхъ земляхъ, „Положеніе“ не опредѣляло, однако, ближайшаго порядка, какимъ это водвореніе могло происходить. При такомъ положеніи дѣла и при несоотвѣтственно-маломъ запасѣ свободныхъ земель, предназначавшихся для цѣлей поселенія, трудно было разсчитывать, чтобы всѣ предусматриваемыя закономъ лица были обезпечены казенною землею, и въ дѣйствительности значительная часть ихъ хотя и была перечислена по мѣсту новаго жительства, но оказалась неустроенною въ поземельномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, приведенное „Положеніе“, устанавливая тотъ или иной порядокъ устройства всѣхъ переселенцевъ оренбургской и уфимской губерній, представляется серьезною попыткою въ разрѣшеніи переселенческаго вопроса въ краѣ.

По тѣмъ же соображеніямъ усиленнаго наплыва переселенцевъ и необходимости устройства ихъ быта на новыхъ мѣстахъ послѣдовало изданіе двухъ позднѣйшихъ узаконеній—9 ноября 1876 г. и 13 мая 1878 г., изъ которыхъ первое касалось переселенцевъ тобольской и томской губерній, „водворившихся тамъ съ давняго времени“, а второе—проживавшихъ въ самарской губерніи на нанимаемыхъ удѣльныхъ земляхъ крестьянъ другихъ губерній. Тѣмъ и другимъ предоставлено было въ порядкѣ, установленномъ для переселенцевъ Оренбургскаго края, перечислиться по мѣсту новаго жительства, а арендаторамъ удѣльныхъ земель самарской губерніи, сверхъ того, и образовать изъ себя отдѣльныя сельскія общества, съ переводомъ на личную отвѣтственность перечисляемыхъ недоимокъ по прежнимъ обществамъ и съ разсрочкою уплаты таковыхъ для переселенцевъ тобольской и томской губерній на четыре года.

Въ довершеніе мѣръ, принятыхъ по Оренбургскому краю, въ концѣ 70-хъ годовъ возбужденъ былъ вопросъ, по ходатайству оренбургскаго генералъ-губернатора, объ облегченіи способовъ устройства переселенцевъ на башкирскихъ и частновладѣльческихъ земляхъ оренбургской губерніи путемъ выдачи имъ денежныхъ ссудъ для покупки означенныхъ земель изъ особыхъ суммъ, которыя, въ размѣрѣ 250.000 руб., предположено было позаимствовать изъ продовольственнаго капитала башкиръ оренбург-

ской губерніи. Предположенія эти вмѣстѣ съ проектомъ правилъ о выдачѣ ссудъ были внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и удостоены Высочайшаго утвержденія 22-го мая 1879 г.

Положеніе это предоставляло право на полученіе ссудъ тѣмъ переселенцамъ, которые пожелали бы пріобрѣсти въ собственность земли, арендуемыя ими въ оренбургской губерніи у башкиръ или частныхъ лицъ, съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдлости и учрежденіемъ отдѣльнаго общественнаго управленія. Для полученія ссудъ требовалось, чтобы арендуемыя земли покупались цѣлымъ обществомъ крестьянъ-переселенцевъ, въ количествѣ не свыше одного высшаго или указнаго на каждую душу мужского пола надѣла, опредѣленнаго для той мѣстности „Положеніемъ" 19 февраля, и по цѣнѣ не свыше установлявшейся съ этою цѣлью оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ. Размѣръ ссудъ опредѣлялся въ 95% покупной цѣны участка,—остальную часть покупщики должны были внести въ казначейство изъ своихъ средствъ. Ссуды погашались въ теченіе двадцати-шести лѣтъ платежемъ ежегодно изъ 7% съ суммы капитальнаго долга. Обезпеченіемъ ссудъ служили наложеніе запрещенія на купленный участокъ земли, круговая порука членовъ общества и установленіе порядка увольненія отдѣльныхъ членовъ его до окончательнаго погашенія долга на условіяхъ, соблюдаемыхъ относительно состоящихъ на выкупѣ обществъ. Ссуды испрашивались чрезъ мѣстныя крестьянскія учрежденія, на основаніи приговора, постановленнаго съ участіемъ всѣхъ полноправныхъ домохозяевъ общества, и утверждались еще оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

За семидесятые годы, о которыхъ по отчетамъ губернаторовъ имѣются болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, переселенцы выходили главнымъ образомъ изъ густо населенныхъ земледѣльческихъ губерній центральной полосы Россіи: орловской, тульской, рязанской, тамбовской, пензенской, воронежской и курской. Меньшее, но тѣмъ не менѣе значительное число ихъ дали также среднія и восточныя губерніи, расположенныя по рѣкамъ Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Наиболѣе слабое движеніе замѣчалось изъ губерній западныхъ, юго-западныхъ и малороссійскихъ. Весь размѣръ движенія, направлявшагося въ однѣ южныя и юго-восточныя степныя губерніи Европейской Россіи, указывается за упомянутый періодъ времени въ огромной цифрѣ — 182.000 душъ обоего пола. Если имѣть въ виду, что цифра эта не обнимаетъ движенія, происходившаго въ шестидесятые годы, и что значительное число переселенцевъ одновременно слѣдовало также въ Сибирь

и на сѣверный Кавказъ, то можно съ безошибочностью утверждать, что за оба разсматриваемыя десятилѣтія размѣры всего выселенія должны превышать приведенную цифру, по крайней мѣрѣ, втрое или вчетверо.

Переселеніе держалось двухъ направленій: восточнаго и южнаго. Первое—сильнѣйшее въ предѣлахъ Европейской Россіи—шло въ губерніи оренбургскую и уфимскую (118 т. д.) и частью въ самарскую и астраханскую; второе—болѣе слабое—въ губерніи новороссійскія и въ область Войска Донского, гдѣ за семидесятые годы водворилось также до 50.000 душъ обоего пола. Изъ числа сибирскихъ губерній главнымъ пріёмникомъ земледѣльческаго населенія служила томская губернія и преимущественно Алтайскій округъ ея. Съ 1870 по 1880 г. водворившихся и перечисленныхъ переселенцевъ насчитывалось въ ней свыше 17.000 душъ обоего пола, но, несомнѣнно, цифра эта не обнимала всего дѣйствительнаго размѣра вселенія, такъ какъ по учету, произведенному въ 1880 г., только въ двухъ южныхъ округахъ губерніи оказалось до 24.000 переселенцевъ, которые оставались безъ перечисленія. Усиленно двигались переселенцы также и въ области сѣвернаго Кавказа. Здѣсь они мѣстомъ для водворенія избирали отчасти западную часть ставропольской губерніи, но преимущественно Кубанскую Область. Только на однѣ войсковыя территоріи послѣдней ежегодно направлялось свыше 20.000 душъ, и въ началѣ 80-хъ годовъ цифра пришлаго населенія, осѣвшаго въ качествѣ арендаторовъ войсковыхъ земель, опредѣлялась до 270.000 душъ обоего пола.

Всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ устанавливаютъ, что главнымъ двигателемъ, заставлявшимъ крестьянъ переселяться, являлось, съ одной стороны, возрастающее малоземелье, съ другой—непомѣрное возвышеніе наемныхъ и продажныхъ цѣнъ на земли. Оба эти обстоятельства, въ связи съ несовершенною техникою земледѣлія у крестьянъ, въ свою очередь указывали, что при настоящихъ экономическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ многія мѣстности во внутреннихъ губерніяхъ Россіи прокормить населеніе не могли. Этою причиной объясняется и первенствующая роль во всѣхъ выселеніяхъ центральной полосы Россіи, такъ какъ въ этой полосѣ оказывались и наименьшіе средніе надѣлы у крестьянъ, и наиболѣе высокія арендныя и покупныя цѣны на землю. Что касается губерній степныхъ и полустепныхъ, то значительное выселеніе изъ нихъ обусловливалось главнымъ образомъ разспространенностью здѣсь крестьянскихъ хозяйствъ съ недостаточными четвертными и дарствен-

ными надѣлами и сверхъ того мѣстными природными особенностями, неблагопріятно вліявшими иногда на урожаи хлѣбовъ. Послѣдствія неурожаевъ, напр., особенно сильно отражались на самарской губерніи, гдѣ послѣ неурожайныхъ годовъ движеніе всегда замѣтно возрастало и ослабѣвало послѣ годовъ урожайныхъ. Выселеніе изъ губерній промысловыхъ и нечерноземныхъ представлялось совершенно ничтожнымъ и по весьма понятнымъ причинамъ. Въ губерніяхъ этихъ многоземелье и малоземелье не играютъ существенной роли въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и недостатки земельнаго надѣла и плохія качества его крестьяне восполняютъ уходомъ на заработки, который является такимъ образомъ какъ бы особымъ видомъ временнаго переселенія. Значительнымъ препятствіемъ къ выселенію служило здѣсь также обремененіе малоцѣнной крестьянской земли податями и налогами, вслѣдствіе чего сельскія общества старались препятствовать выселенію своихъ односельцевъ, не желая принимать на себя бремя новыхъ повинностей, оставляемыхъ на надѣлахъ.

Совокупность изложенныхъ обстоятельствъ показываетъ, что законоположенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, опредѣляя незначительный кругъ лицъ, которымъ дозволялось водвореніе и устройство на казенныхъ земляхъ, не обнимали всего существа переселенческаго дѣла. Данныя того времени свидѣтельствуютъ, что изъ числа переселявшихся только ничтожная часть могла, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, водворяться на казенныхъ земляхъ. Всѣ же остальные лишены были этого права и вынуждены были подчиняться всѣмъ невыгодамъ непрочнаго водворенія на частновладѣльческихъ, башкирскихъ и иныхъ земляхъ и оставлять незанятыми заготовлявшіеся для цѣлей водворенія казенные участки. Почти изъ 300.000 десятинъ, предназначенныхъ подъ водвореніе переселенцевъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи за время производства систематической нарѣзки участковъ, съ 1868 и по 1880 г. было отведено только 127.000 десятинъ, что при надѣлѣ отъ 5-ти до 15-ти десятинъ доставило устройство не болѣе 14 тысячамъ душъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что при наплывѣ переселенцевъ не всѣ считавшіеся незаселенными казенные участки на дѣлѣ оказывались таковыми и, напр., въ 1880 г. обнаружено было, что значительное число свободныхъ оброчныхъ статей, расположенныхъ въ екатеринославской, таврической и херсонской губерніяхъ, было занято самовольными переселенцами, которые проживали тамъ по частнымъ условіямъ съ съемщиками земель и успѣвали устроиться цѣлыми поселеніями иногда по нѣскольку десятковъ дворовъ.

VI.

Такимъ образомъ, основнымъ положеніемъ для всего разсмотрѣннаго періода слѣдуетъ признать отсутствіе общихъ организаціонныхъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію крестьянскихъ переселеній. Отъ принятія подобныхъ мѣръ удерживало правительство главнымъ образомъ господствовавшее въ то время воззрѣніе, что устроенное въ поземельномъ отношеніи населеніе не должно болѣе нуждаться въ правительственныхъ заботахъ о его благосостояніи. Къ этому присоединялось еще опасеніе возбудить среди крестьянъ превратные толки о значеніи этихъ мѣръ и несбыточныя надежды на дополнительную прирѣзку земли. Характернымъ выраженіемъ такого взгляда на переселенческій вопросъ является отзывъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, Валуева, по поводу ходатайства черниговскаго губернскаго земства о предоставленіи нуждающимся крестьянамъ черниговской губерніи правъ водворенія на казенныхъ земляхъ оренбургской и уфимской губерній. Въ отзывѣ этомъ указывалось на необходимость относиться къ поступающимъ ходатайствамъ о переселеніи на казенныя земли „съ величайшею осторожностью, дабы тѣмъ внушить населенію, что правительство, разъ устроивъ поземельный бытъ сельскаго населенія, не считаетъ себя обязаннымъ продолжать это устройство и раздавать цѣнныя казенныя земли для удовлетворенія временныхъ и случайныхъ потребностей“. Вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялось, что отклоненіе подобныхъ ходатайствъ имѣетъ особое значеніе еще „вслѣдствіе повсемѣстно наблюдаемаго настроенія сельскаго населенія, которое на основаніи ложныхъ слуховъ и злонамѣренныхъ толкованій вездѣ ожидаетъ новой нарѣзки земли, въ видахъ дополненія надѣловъ“. Между тѣмъ въ дѣйствительной жизни наблюдалось теченіе, показывавшее, что приступали къ переселенію на новыя мѣста и водворялись—самовольно или съ участіемъ правительственныхъ лицъ и учрежденій—не одни крестьяне тѣхъ разрядовъ, которымъ по закону предоставлялось право переселенія, а преимущественно другія лица, относительно которыхъ въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ не содержалось никакихъ опредѣленныхъ правилъ и указаній. Въ теченіе пяти почти лѣтъ, съ 1876 по 1881 г., въ министерство государственныхъ имуществъ поступило однихъ прошеній болѣе, чѣмъ отъ 4.000 семей, объ отводѣ участковъ казенной земли, но большинство этихъ ходатайствъ, за отсутствіемъ, будто бы, законныхъ основаній къ ихъ

удовлетворенію, оставлено было безъ послѣдствій. Нерѣдко случалось, что и имѣвшіе право на переселеніе крестьяне, не выжидая результатовъ просьбъ своихъ, а иногда и безъ подачи прошеній, распродавали свое имущество на родинѣ и уходили на новыя мѣста, водворяясь на казенныхъ, башкирскихъ, казачьихъ или частно-владѣльческихъ земляхъ, или приселяясь къ обществамъ старожиловъ. Къ началу 80-хъ годовъ ежегодный размѣръ переселенческаго движенія на востокъ достигалъ уже 40.000 душъ, и въ этомъ движеніи самостоятельное переселеніе всегда преобладало надъ правительственнымъ, превосходя его въ нѣсколько разъ. Такой характеръ и размѣры переселенія указывали на необходимость дальнѣйшаго упорядоченія переселенческаго движенія и пополненія существующихъ законоположеній правилами, которыя устранили бы несоотвѣтствіе между законодательствомъ и требованіями жизни.

Въ связи съ этимъ нѣкоторые изъ губернаторовъ среднихъ и южныхъ губерній Россіи, ссылаясь на недостатокъ и недоброкачественность земельныхъ надѣловъ у крестьянскаго населенія и указывая на затруднительность однѣми запретительными мѣрами сдержать попытки этого населенія къ переселенію, возбуждали передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ходатайства объ облегченіи условій и способовъ перехода на новыя мѣста нуждающихся въ землѣ лицъ. Подобныя же заявленія и соображенія были высказаны во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи орловской губерніи за 1880 годъ, и по поводу ихъ состоялась Высочайшая отмѣтка: „Обратить серьезное вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ“.

Въ виду этого въ маѣ 1881 г. состоялся указъ объ учрежденіи особой коммиссіи для составленія проекта общаго закона о переселеніяхъ. Находя, однако, что выработка соотвѣтственныхъ предположеній по этому предмету потребуетъ значительнаго времени, министерство признало нужнымъ ограничиться предварительно изданіемъ, по взаимному соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, временныхъ по настоящему вопросу правилъ. Съ этою цѣлью въ комитетъ министровъ были представлены предположенія названныхъ вѣдомствъ о порядкѣ разрѣшенія переселеній и упорядоченіи движенія переселенцевъ.

Представленіе это выражаетъ значительную перемѣну во взглядахъ на переселенческій вопросъ и на отношеніе къ нему администраціи. Наряду съ заявленіемъ о невозможности оставлять долѣе переселенческое дѣло „въ его настоящемъ неопре-

дѣленномъ положеніи", въ представленіи высказывалось желаніе „удовлетворить безъ особой огласки выразившейся потребности отдѣльныхъ группъ земледѣльческихъ классовъ къ водворенію на новыхъ мѣстахъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ поясненіе должнаго порядка и основаній удовлетворенія такой потребности, указывалось на несовершенства прежней системы обозначенія въ законѣ категорій крестьянъ, которые имѣли бы право на переселеніе, а также заявлялось о неудобствахъ предварительно намѣчать мѣста выхода переселенцевъ или допускать переходъ таковыхъ на основаніи цифровыхъ соотношеній между числомъ переселяющихся и остающихся въ обществѣ. Установленіе подобныхъ нормъ, по мнѣнію министровъ, при отсутствіи точныхъ и подробныхъ изслѣдованій, явилось бы совершенно произвольнымъ и, лишая возможности перехода на новыя мѣста иногда дѣйствительно нуждающихся лицъ, привело бы къ необходимости прибѣгать къ постояннымъ отступленіямъ отъ принятыхъ правилъ. Въ виду такихъ соображеній и во избѣжаніе превратныхъ толкованій крестьянъ о значеніи проектируемыхъ мѣръ, было признано наиболѣе цѣлесообразнымъ сохранить выдачу разрѣшеній на переселеніе за центральными органами, и въ основаніе такой выдачи полагать производство черезъ мѣстныя крестьянскія учрежденія изслѣдованій экономическаго быта просителей. При этомъ для лицъ, получившихъ право на переселеніе, предположено было допустить нѣкоторыя облегченія, по примѣру предоставленныхъ оренбургскимъ переселенцамъ, и освободить ихъ отъ стѣснительныхъ формальностей представленія пріемныхъ приговоровъ отъ обществъ, куда они переходили, и обязательной уплаты, при выходѣ со старины, числящихся на семействѣ увольняемаго податей и недоимокъ.

Составленныя въ такомъ опекунскомъ духѣ предположенія были утверждены 10-го іюля 1881 г. и получили силу временныхъ правилъ, не подлежавшихъ обнародованію.

Согласно сказаннымъ правиламъ, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ было предоставлено разрѣшать, по взаимному ихъ соглашенію, ходатайства о переселеніи крестьянъ, „хотя и неимѣющихъ по дѣйствующему закону на то права, но экономическое положеніе коихъ къ тому вынуждаетъ". Для водворенія переселенцевъ назначались ранѣе образованные участки, а равно предположенные къ образованію изъ оброчныхъ статей въ многоземельныхъ губерніяхъ: херсонской, екатеринославской, таврической, саратовской, самарской, оренбургской и уфимской. Участки эти подлежали отводу въ кратко-

срочное, отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ, пользованіе, въ размѣрѣ не болѣе высшаго или указнаго по мѣстности надѣла и во всякомъ случаѣ не свыше восьми десятинъ на душу, съ уплатою оброка, сообразно дѣйствительному доходу, получавшемуся казною съ земель до водворенія на нихъ переселенцевъ. Всѣ недоимки въ казенныхъ податяхъ и выкупныхъ платежахъ, числившіяся за переселенцами по прежнимъ обществамъ, разрѣшалось переводить на личную ихъ отвѣтственность, съ разсрочкою уплаты этихъ недоимокъ и текущихъ поземельныхъ платежей на такое число лѣтъ, въ теченіе которыхъ признано будетъ возможнымъ взыскать ихъ.

Для содѣйствія переселенцамъ, направлявшимся въ юго-восточныя губерніи и въ Западную Сибирь, министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено образовать, въ видѣ опыта, переселенческую контору при одномъ изъ перевозовъ черезъ Волгу, въ составъ которой должны были входить представители отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и земствъ самарскаго и симбирскаго. На обязанность конторы возлагалось сообщеніе переселенцамъ свѣдѣній о свободныхъ участкахъ, назначенныхъ подъ заселеніе, о продажныхъ цѣнахъ на частновладѣльческія земли, указаніе маршрутовъ до мѣстъ водворенія, призрѣніе заболѣвшихъ въ пути и посредничество между переселенцами и частными землевладѣльцами при покупкѣ земель.

Независимо отъ того, правила коснулись и оренбургскихъ переселенцевъ. Дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 28 января 1876 г. положенія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія относительно лицъ, получившихъ право водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ оренбургской и уфимской губерній, при условіи законнаго увольненія изъ прежнихъ обществъ и прибытія въ край до обнародованія закона, было распространено на всѣхъ переселенцевъ, которые, имѣя таковое увольненіе, прибыли въ названныя губерніи до 1 января 1882 г.

Приведенныя правила установили такимъ образомъ право переселенія не для отдѣльныхъ разрядовъ крестьянъ, а для всѣхъ лицъ, „коихъ экономическое положеніе къ тому вынуждаетъ“. Такое опредѣленіе явилось естественнымъ слѣдствіемъ того положенія вещей, что хозяйственное обезпеченіе крестьянской семьи не всегда обусловливалось наличностью и величиною одного только душевого владѣнія крестьянъ, а нерѣдко различными экономическими особенностями, присущими данной мѣстности. До крестьянской реформы, при слабомъ развитіи среди населенія мѣстныхъ

и отхожихъ промысловъ, благосостояніе этого населенія основывалось и зависѣло почти исключительно отъ одной земли, и поэтому только количествомъ этой послѣдней, состоявшей во владѣніи крестьянъ, опредѣлялись права ихъ на переселеніе. Въ позднѣйшее время, хотя значеніе надѣльной земли, какъ основы крестьянскаго благосостоянія, не утратилось по прежнему, тѣмъ не менѣе все чаще стали встрѣчаться случаи, когда, при существованіи побочныхъ занятій и арендѣ постороннихъ земель, душевой надѣлъ пересталъ уже являться главнымъ и единственнымъ средствомъ для содержанія семьи.

Приведенными основными положеніями временныхъ правилъ создавался такимъ образомъ общій канцелярскій порядокъ для всего крестьянскаго населенія въ дѣлѣ переселенія, и въ этомъ отношеніи въ правилахъ этихъ нельзя не усматривать внутренней связи съ руководящими началами, положенными въ основаніе дѣйствовавшихъ въ дореформенное время законовъ о переселеніи. Эта связь проходитъ еще далѣе, если принять во вниманіе, что правительство рѣшилось одновременно вступить и на практическій путь оказанія помощи переселенцамъ, открывая особую переселенческую контору въ главномъ пунктѣ остановокъ и скопленія переселенцевъ при Волгѣ—въ Батракахъ, переведенную впослѣдствіи въ г. Сызрань.

Придавая существенное значеніе дѣятельности названной конторы, министерство внутреннихъ дѣлъ въ томъ же году испросило на учрежденіе ея особый кредитъ изъ средствъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ 60 тыс. руб. Цѣлью и назначеніемъ этого кредита, по предположеніямъ министерства, должно было служить, кромѣ устройства и содержанія конторы, оказаніе медицинской и продовольственной помощи переселенцамъ во время остановокъ ихъ въ Батракахъ и облегченіе способовъ къ дальнѣйшему передвиженію неимущихъ изъ нихъ путемъ выдачи денежныхъ пособій. Дѣятельности конторы въ этомъ отношеніи придавался „чисто благотворительный характеръ“, ибо, по мнѣнію министерства, „своевременно оказанная помощь даетъ возможность сберечь много силъ, пропадающихъ иначе безслѣдно“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, объ образованіи конторы поставлены были въ извѣстность всѣ подвѣдомственныя министерству внутреннихъ дѣлъ учрежденія (циркуляръ 29 сент. 1881 г.) и имъ вмѣнено „въ непремѣнную обязанность безотлагательное исполненіе всѣхъ могущихъ къ нимъ поступить законныхъ требованій конторы“; уѣздной же полиціи поручалось освѣдомлять контору о всѣхъ проходящихъ переселенческихъ партіяхъ и на-

правлять тѣ изъ нихъ, которыя слѣдовали въ восточныя губерніи или въ Сибирь безъ опредѣленно-намѣченной цѣли, за указаніями къ ней.

Учрежденная на приведенныхъ основаніяхъ и снабженная особою инструкціею контора открыла свои дѣйствія въ концѣ 1881 г. Уже въ слѣдующемъ 1882 г. число всѣхъ прошедшихъ черезъ Батраки переселенцевъ зарегистровано было ею свыше 15 тыс. душъ. Хотя въ послѣдующіе годы размѣры движенія замѣтно возрастали, тѣмъ не менѣе удаленное положеніе конторы отъ главныхъ центровъ выселенія и отъ другихъ значительныхъ пунктовъ переправы черезъ Волгу лишало ее возможности выполнять во всемъ объемѣ, сообразно выяснявшимся требованіямъ и нуждамъ дѣла, возлагавшіяся на нее задачи. Поэтому еще въ 1883 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ возбуждался вопросъ о переводѣ названной конторы въ Оренбургъ, какъ конечный пунктъ желѣзной дороги, гдѣ скоплялись сходившіеся съ разныхъ мѣстъ переселенцы, но вопросъ этотъ, будучи поставленъ въ связь съ происходившею разработкою основного закона о переселеніяхъ, не получилъ разрѣшенія въ то время. Вскорѣ за проведеніемъ уральской желѣзной дороги до Тюмени и отклоненіемъ главнаго направленія переселенческаго движенія въ Сибирь воднымъ путемъ на Пермь, значеніе сызранской конторы сильно упало и съ средины 80-хъ годовъ она дѣйствовала въ составѣ всегда почти одного только члена, расходуя на нужды переселенческаго дѣла самыя незначительныя средства изъ отпускавшагося ей кредита, рѣдко превышавшія 1—2 тыс. руб. въ годъ.

По точному смыслу временныхъ правилъ дѣйствіе ихъ распространялось только на многоземельныя губерніи Европейской Россіи, вслѣдствіе чего Сибирь оказалась въ числѣ мѣстностей, не регулированныхъ никакими законодательными нормами въ отношеніи переселенія. Между тѣмъ, съ самаго начала 80-хъ годовъ стало замѣчаться усиленное движеніе туда переселенцевъ, достигавшее въ первую половину десятилѣтія 10—12 тыс. душъ въ годъ. Всѣ эти переселенцы слѣдовали въ Сибирь исключительно по паспортамъ или другимъ документамъ безъ разрѣшенія правительства и устраивались на новыхъ мѣстахъ самостоятельно или путемъ приписки къ обществамъ старожиловъ. Только водвореніе въ Алтайскомъ округѣ производилось по правиламъ 30-го іюля 1865 г., спеціально относившимся до него. Съ 1886 г. движеніе въ Сибирь начинаетъ еще болѣе усиливаться и достигаетъ 15—38 тыс. въ годъ. Въ виду этого, по хода-

тайству нѣкоторыхъ губернаторовъ, было признано возможнымъ примѣнять въ отдѣльныхъ случаяхъ и къ переселенцамъ, направлявшимся въ Сибирь, правила 10-го іюля 1881 г. Однако подобнымъ разрѣшеніемъ, послѣдовавшимъ во второй половинѣ десятилѣтія, воспользовались лишь немногія, сравнительно, группы крестьянъ,—большинство же лицъ, о которыхъ своевременныхъ ходатайствъ не было возбуждаемо, продолжали слѣдовать самостоятельно.

VII.

Въ числѣ „самовольно" переселявшихся или возбуждавшихъ ходатайства о разрѣшеніи переселенія встрѣчалось значительное число лицъ, которымъ ни временныя правила, ни другія дѣйствовавшія постановленія не предоставляли правъ водворенія на казенныхъ земляхъ, по той лишь причинѣ, что они носили званіе мѣщанъ, хотя по роду своихъ занятій нерѣдко ничѣмъ не отличались отъ окружающаго крестьянскаго населенія. Послѣдовательность въ проведеніи установленныхъ началъ, однако, требовала, чтобы новый законъ могъ одинаково примѣняться ко всему вообще земледѣльческому населенію, а не къ отдѣльнымъ сословнымъ группамъ его. Поэтому Высочайше утвержденнымъ 17-го февраля 1884 г. положеніемъ комитета министровъ дѣйствіе временныхъ правилъ было распространено также на „лицъ, хотя и не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, но издавна занимающихся хлѣбопашествомъ, какъ главнымъ источникомъ средствъ къ пропитанію себя и семействъ, и по быту своему не отличающихся отъ крестьянъ".

Одновременно съ изданіемъ временныхъ правилъ, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ выработкѣ общаго закона о крестьянскихъ переселеніяхъ, согласно упомянутому выше указу 1881 г. Съ этою цѣлью была образована особая коммиссія изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ.

По разсмотрѣніи вопроса, коммиссія пришла къ убѣжденію, что обнаружившееся въ послѣдніе годы среди крестьянъ стремленіе къ переходу на новыя мѣста составляетъ „явленіе не случайное, а вполнѣ естественное, вызванное совокупностью экономическаго положенія и поземельныхъ отношеній крестьянъ на стародавнихъ мѣстахъ ихъ жительства". Признавая поэтому, что правильная организація переселеній можетъ „сохранить не только немало народныхъ капиталовъ отъ непроизводительной затраты,

но и множество человѣческихъ жизней", коммиссія высказала, что переселеніе всецѣло должно быть подчинено руководительству государственной власти. Такое соображеніе положено было въ основаніе трудовъ коммиссіи и проектировавшихся ею правилъ по настоящему вопросу.

Въ дѣлѣ переселенія, по мнѣнію коммиссіи, слѣдуетъ различать губерніи малонаселенной степной и нечерноземной полосы, въ которыхъ, за отсутствіемъ общаго малоземелья или существованіемъ обезпечивающихъ населеніе мѣстныхъ и отхожихъ заработковъ, особой надобности въ выселеніи не испытывается. Въ этихъ губерніяхъ могутъ встрѣтиться только отдѣльныя мѣстности, гдѣ при недостаткѣ удобныхъ для хлѣбопашества земель замѣчается недостатокъ и въ заработкахъ. Въ такихъ случаяхъ надлежитъ прибѣгать не къ переселенію, а къ разселенію въ предѣлахъ тѣхъ же губерній на остатки свободныхъ казенныхъ земель или на земли частныхъ владѣльцевъ, которые пожелали бы принять къ себѣ переселенцевъ.

Иное положеніе представляютъ густонаселенныя черноземныя и центральныя губерніи, въ которыхъ земледѣліе составляетъ главное и почти исключительное занятіе населенія. Для этихъ губерній, въ виду испытываемаго малоземелья и невозможности устранить или ослабить значеніе его мѣстными средствами, является необходимою организація дальнихъ переселеній. Соображаясь, однако, съ тѣмъ, что запасъ свободныхъ казенныхъ земель, сравнительно съ числомъ сельскихъ обывателей, нуждающихся въ переселеніи, довольно ограниченъ, коммиссія полагала право на таковое предоставить, подъ условіемъ выраженнаго желанія, лишь „наиболѣе стѣсненнымъ въ землѣ крестьянамъ безъ различія ихъ наименованій", которые получили недоброкачественныя земли или имѣютъ не болѣе $^1/_3$ высшаго или указнаго надѣла на наличную душу. Въ послѣднемъ случаѣ выселеніе предполагалось разрѣшать до той степени, пока количество земли у оставшихся членовъ общества не достигнетъ на наличную душу $^2/_3$ высшаго или указнаго надѣла. Затѣмъ возможнымъ считалось допускать переселеніе и крестьянъ съ надѣлами отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ дес., но лишь въ случаѣ признаннаго стѣсненнаго ихъ экономическаго положенія.

При распредѣленіи переселенцевъ между губерніями водворенія, коммиссія проектировала большинство изъ нихъ, приблизительно около $^3/_4$ всего числа, направлять въ Западную Сибирь и около $^1/_4$ въ губерніи Европейской Россіи, съ предоставленіемъ участковъ въ общинное или, по усмотрѣнію пере-

селенцевъ, въ подворное владѣніе и съ отводомъ надѣла въ Сибири отъ 8 до 15 дес. на наличную мужескаго пола душу, а во внутреннихъ губерніяхъ—примѣнительно къ размѣрамъ высшаго по мѣстности надѣла, установленнаго „Положеніемъ“ 19-го февраля. За оставляемые въ пользу обществъ земельные надѣлы признавалось справедливымъ обязывать эти общества къ выдачѣ переселяющимся особыхъ „выводныхъ платъ“, по опредѣленію уѣздныхъ земскихъ собраній, и сверхъ того, если переселеніе совершалось съ согласія общества, къ уплатѣ всѣхъ числящихся за выходящими членами недоимокъ и текущихъ податей и повинностей, а если согласія на увольненіе не послѣдовало, то только къ уплатѣ послѣднихъ, съ оставленіемъ недоимокъ на личной отвѣтственности переселенцевъ.

Водворяющимся на казенныя земли предполагалось предоставить извѣстныя льготы при передвиженіи и устройствѣ на новыхъ мѣстахъ, заключающіяся въ перевозкѣ переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ по воинскому тарифу и въ освобожденіи ихъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по водвореніи отъ платежа всѣхъ казенныхъ сборовъ и въ теченіе трехъ послѣдующихъ—отъ взноса половины этихъ сборовъ. Независимо отъ того, къ содѣйствію переселенцамъ проектировалось привлечь и земства тѣхъ губерній, въ которыя направлялось переселеніе, путемъ предоставленія новоселамъ разсрочки въ земскихъ сборахъ и заимообразнаго отпуска хлѣба и сѣмянъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей. Наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ желательнымъ признавалось выдавать нуждающимся семьямъ правительственныя пособія на передвиженіе и устройство на новыхъ мѣстахъ.

По вопросу объ организаціи переселенія коммиссія полагала ближайшее завѣдываніе этимъ дѣломъ на мѣстахъ возложить на соединенныя присутствія изъ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ. Уѣздныя присутствія обязывались, по проекту, составленіемъ списковъ всѣхъ сельскихъ обществъ, подходящихъ по размѣрамъ своихъ надѣловъ подъ вышеуказанныя условія, и приведеніемъ въ извѣстность числа душъ, имѣющихъ право ходатайствовать объ устройствѣ ихъ на казенныхъ земляхъ. Свѣдѣнія эти должны были доставляться въ министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, по соглашенію съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, зависѣло затѣмъ распредѣленіе между губерніями запаса свободныхъ земель, предназначенныхъ въ данномъ году для заселенія, и увѣдомленіе о причитающемся на

каждую губернію количествѣ участковъ, съ точнымъ обозначеніемъ размѣра ихъ и мѣстности, гдѣ они расположены. Земли эти, въ свою очередь, распредѣлялись губернскими присутствіями между уѣздами и соотвѣтствующія сельскія общества извѣщались о числѣ лицъ, подлежащихъ переселенію. Въ случаѣ численнаго перевѣса желающихъ переселиться, на сельскіе сходы возлагалось опредѣленіе дворовъ, которымъ предоставлялось право перехода на новыя мѣста. Объ излишкѣ или недостаткѣ переселенческихъ душевыхъ участковъ по уѣзду сообщалось губернскимъ присутствіямъ, которыя передавали нераспредѣленные участки въ другіе уѣзды. Въ такомъ же порядкѣ поступали министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ по отношенію къ цѣлымъ губерніямъ.

По распредѣленіи земель между переселенцами, уѣздныя присутствія составляли изъ послѣднихъ особыя партіи, снабжавшіяся „выходными свидѣтельствами“ на предметъ передвиженія до участковъ и водворенія на нихъ; при этомъ означеннымъ партіямъ предоставлялось отправлять предварительно своихъ выборныхъ для осмотра будущихъ мѣстъ поселенія. Передъ отправкою переселенцевъ, уѣздныя присутствія сообщали имъ подробный маршрутъ пути, входили въ сношеніе съ мѣстными по пути слѣдованія властями объ оказаніи имъ, „въ случаѣ нужды, всякаго содѣйствія и покровительства“ и, наконецъ, выдавали нуждающимся семьямъ назначенныя отъ казны пособія.

Озабочиваясь упорядоченіемъ переселеній на казенныя земли, коммиссія усматривала вмѣстѣ съ тѣмъ, что и въ многоземельныхъ сельскихъ обществахъ встрѣчается немало домохозяевъ съ надѣлами въ одну и менѣе десятины, не подходящихъ подъ предположенныя ею условія, но въ то же время испытывающихъ крайнюю нужду въ улучшеніи своего положенія. Для такихъ лицъ и въ потребныхъ случаяхъ также для крестьянъ малонаселенныхъ губерній она признавала полезнымъ организовать переселенія на частно-владѣльческія земли. Однако, предположенія ея въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе закончившейся въ то время разработки проекта учрежденія крестьянскаго поземельнаго банка, ограничились лишь установленіемъ нѣкоторыхъ положеній, касавшихся самостоятельныхъ долгосрочныхъ арендъ сельскими обывателями владѣльческихъ земель, съ правомъ выкупа ихъ и съ облегченіемъ нотаріальныхъ формальностей при покупкѣ. По мнѣнію коммиссіи, правительство могло принимать на себя посредничество въ дѣлѣ переселенія крестьянъ на владѣльческія земли лишь въ случаѣ, если владѣлецъ изъявитъ со-

гласіе отдать свою землю въ арендное содержаніе переселенцамъ на срокъ отъ 12 до 36 лѣтъ, съ правомъ досрочнаго выкупа ея во всякое время по заранѣе опредѣленной цѣнѣ. Заявленія лицъ, предоставляющихъ свои земли подъ водвореніе переселенцевъ на указанныхъ условіяхъ, должны были разсматриваться въ уѣздныхъ соединенныхъ присутствіяхъ, которыя входили въ предварительное соглашеніе съ владѣльцами относительно главнѣйшихъ основаній найма и выкупа земель. Окончательные договоры объ арендованіи земли составлялись по приходѣ переселенцевъ на мѣсто, и затѣмъ на участокъ налагалось запрещеніе. Въ случаѣ желанія крестьянъ воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ выкупа арендуемой земли, они представляли въ крестьянскія учрежденія постановленный по этому предмету общественный приговоръ и квитанцію мѣстнаго казначейства во взносѣ всей причитающейся за землю покупной суммы.

Переселявшіеся на владѣльческія земли никакими пособіями, по проекту, не пользовались. Желательнымъ признавалось только допущеніе для нихъ 2-хъ-лѣтней льготы отъ платежа подушной подати, считая со дня водворенія. Затѣмъ для всѣхъ вообще переселенцевъ коммиссія полагала установить порядокъ, который облегчалъ бы стѣснительныя условія выхода изъ прежнихъ обществъ, и съ этою цѣлью проектировала отмѣну представленія пріемныхъ приговоровъ отъ обществъ, куда переходили переселенцы, обязательства уплаты состоящихъ на нихъ при увольненіи недоимокъ и оклада текущаго года и, наконецъ, по отношенію къ крестьянамъ-собственникамъ, отмѣну статей 173 и 174 Пол. о выкупѣ, какъ затрудняющихъ выходъ отдѣльныхъ членовъ требованіемъ ручательства обществъ въ исправномъ взносѣ выкупной ссуды за участокъ увольняемаго.

VIII.

Послѣ канцелярской разработки изложенныхъ предположеній, признано было полезнымъ передать вопросъ на обсужденіе особаго совѣщанія изъ лицъ, близко ознакомленныхъ съ положеніемъ переселенческаго дѣла на мѣстѣ. Совѣщаніе это было созвано въ томъ же 1881 г. и извѣстно подъ названіемъ „совѣщанія свѣдущихъ людей“. При разсмотрѣніи упомянутаго проекта, оно въ значительной мѣрѣ разошлось съ заключеніями коммиссіи какъ по основнымъ воззрѣніямъ на существо переселенче-

скаго вопроса, такъ и относительно практической постановки дѣла.

Совѣщаніе находило, что дѣйствовавшее доселѣ законодательство о переселеніяхъ предоставляло право перехода на новыя мѣста извѣстнымъ группамъ крестьянъ лишь при условіи послѣдовавшаго на то разрѣшенія правительственной власти и обязательнаго отвода казенной земли подъ поселеніе. Изъ такихъ же основаній исходила и правительственная коммиссія, при обсужденіи настоящаго вопроса. По проекту коммиссіи, только для крестьянъ, водворяющихся на частно-владѣльческихъ земляхъ, допускалось свободное переселеніе по паспортамъ, когда непосредственное участіе правительства въ судьбахъ ихъ замѣнялось простымъ посредничествомъ для заключенія сдѣлокъ съ частными землевладѣльцами. Но этотъ видъ переселенія ограниченъ въ своихъ размѣрахъ, и поэтому вся тяжесть вопроса перенесена коммиссіею на переселеніе, совершаемое съ помощью и по указаніямъ правительства, т.-е. на тотъ видъ его, гдѣ вопросъ о переселеніи постоянно смѣшивается съ вопросомъ о водвореніи на казенныхъ земляхъ и понятіе о личной свободѣ крестьянъ—съ представленіемъ объ опекѣ, соотвѣтствовавшей эпохѣ 60-хъ годовъ. Между тѣмъ, переселеніе и водвореніе, хотя имѣютъ ближайшую связь между собою, однако совсѣмъ не тождественны и за каждымъ переселяющимся нельзя еще признавать права на отводъ казенной земли, такъ какъ онъ можетъ водвориться и не на казенныхъ земляхъ. Такое смѣшеніе понятій, по мнѣнію совѣщанія, имѣло послѣдствіемъ, что переселеніе, какъ таковое, представляется явленіемъ, не предусмотрѣннымъ закономъ, и остается невыясненнымъ, какъ относиться къ нему: какъ къ дѣйствію дозволенному, терпимому, или какъ прямо противозаконному. Однако переселеніе, умалчиваемое въ законѣ, съ каждымъ годомъ все болѣе разрастается и принимаетъ размѣры, небывалые въ дореформенное время. Очевидно, явленіе это создается условіями самой жизни, и отсутствіе законныхъ нормъ, въ которыя укладывалось бы оно, порождаетъ все большую неурядицу въ жизни. При такомъ положеніи законъ не можетъ хранить долѣе молчаніе, „а долженъ высказаться“ и въ положительномъ для переселенія смыслѣ, такъ какъ всякое воспрещеніе его „было бы равносильно закрѣпленію крестьянъ къ землѣ“ и, не достигая цѣли, принесло бы существенный вредъ государству какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Но, высказываясь опредѣленно, законъ не можетъ исходить изъ представленія, „что крестьянинъ

лишенъ права располагать собою, что всякое его дѣйствіе становится правомѣрнымъ только по полученіи санкціи отъ власти, на которую возложена надъ нимъ опека". Подобное представленіе о крестьянахъ упразднено „Положеніемъ" 19 февраля, установившимъ начала его личной свободы и снявшимъ тяготѣвшую надъ нимъ опеку. Возстановленіе этой опеки являлось бы поэтому несправедливымъ и, кромѣ того, послужило бы въ ущербъ интересамъ государства, поведя къ значительному сокращенію переселеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не вызывалось бы и особою надобностью, такъ какъ совершающееся нынѣ переселеніе, лишенное всякой правительственной опеки и даже, наоборотъ, обставленное различными стѣсненіями и препятствіями, достаточно показываетъ, что „крестьяне вполнѣ способны безъ всякихъ попечителей и опекуновъ благополучно совершать самыя рискованныя предпріятія, требующія большой отваги и рѣшительности".

По приведеннымъ соображеніямъ совѣщаніе признавало, что въ основу переселенческаго законодательства должно быть положено признаніе права каждаго лица на переселеніе, но съ такими лишь ограниченіями, чтобы осуществленіе этого права не нарушало правильнаго и свободнаго теченія жизни. Однако, допуская свободу переселеній, оно находило въ то же время, что государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ переселенческаго движенія, такъ какъ для него не безразлично, какъ крестьяне будутъ устраиваться на новыхъ мѣстахъ, т.-е. съ затрудненіями, когда имъ пришлось бы подолгу бродить въ безплодныхъ поискахъ осѣдлости, или безъ затрудненій, когда это устройство достигалось бы тотчасъ же по приходѣ въ новый край. Поэтому на государствѣ должна лежать обязанность оказывать содѣйствіе всѣмъ переселенцамъ, безотносительно къ ихъ имущественному состоянію и къ избранному ими направленію на тѣ или иныя земли. Съ государственной и экономической точки зрѣнія должно оправдываться переселеніе лицъ всѣхъ состояній и во всѣхъ его видахъ, коль скоро оно возникаетъ изъ потребностей жизни. Для неимущихъ переходъ на новыя мѣста является однимъ изъ наилучшихъ средствъ обезпеченія ихъ быта, а лица состоятельныя представляютъ наиболѣе сильныхъ и надежныхъ колонизаторовъ, устраиваясь въ то же время на мѣстахъ водворенія безъ всякаго пособія отъ казны и оставляя на родинѣ достаточный земельный просторъ, вслѣдствіе уменьшенія спроса на арендную землю, снимаемую ими въ болѣе значительномъ противъ неимущихъ количествѣ.

Но содѣйствіе, по мнѣнію совѣщанія, не можетъ быть обращаемо въ поощреніе, т.-е. въ прямое вмѣшательство государства въ дѣло переселенія, съ цѣлью искусственнаго усиленія его путемъ установленія особыхъ льготъ. Размѣры движенія опредѣляются потребностями самого населенія, и нѣтъ основанія нарушать это естественное начало, особенно при той крупной цифрѣ переселяющихся, какой достигло движеніе послѣдняго времени. Поощреніе можетъ быть оправдываемо только исключительными обстоятельствами, какъ необходимостью по политическимъ соображеніямъ скорѣйшаго заселенія окраинъ и потребностью въ улучшеніи экономическаго положенія крестьянъ, въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, при невозможности дать имъ полезное примѣненіе на мѣстѣ. Имѣя въ виду, однако, что обезсилѣвшіе въ хозяйственномъ отношеніи крестьяне часто не въ состояніи предпринять переселеніе на собственныя средства, представлялось бы согласнымъ съ государственными пользами оказывать имъ, въ случаѣ надобности, матеріальную помощь. Подобная помощь оправдывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что она выводитъ неимущаго крестьянина изъ обстановки, обусловливающей его бѣдность, и даетъ ему возможность вновь поставить прочно свое хозяйство, чѣмъ обезпечиваетъ исправное выполненіе лежащихъ на немъ повинностей.

Исходя изъ изложенныхъ соображеній, совѣщаніе пришло къ заключенію, что законодательство, касаясь переселенія, съ одной стороны, „какъ факта жизни народной“, и съ другой—„какъ орудія въ рукахъ правительства для достиженія извѣстныхъ государственныхъ цѣлей“, должно распадаться: на а) общій законъ, который, устраняя всѣ существующія нынѣ препятствія къ переселенію, установлялъ бы порядокъ правительственнаго содѣйствія всѣмъ переселяющимся на свой счетъ и страхъ, и б) законъ спеціальный о льготномъ переселеніи, совершаемомъ съ помощью и по указаніямъ правительства, съ цѣлью улучшенія экономическаго быта крестьянъ и для достиженія другихъ государственныхъ цѣлей.

Признавая затѣмъ, что переселеніе представляется полезнымъ для государства только при условіи прочнаго водворенія крестьянъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе находило, что такому условію, кромѣ случаевъ приселенія къ существующимъ обществамъ, наиболѣе всего отвѣчаютъ казенныя земли. Но, имѣя въ виду незначительный запасъ этихъ земель въ предѣлахъ Европейской Россіи, оно полагало направлять сюда исключительно лицъ, совершающихъ переселеніе съ пособіемъ отъ правительства, пре-

доставляя всѣмъ остальнымъ водворяться на казенныхъ земляхъ Сибири, Средней Азіи или Закавказья, или на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій. При этомъ по отношенію къ частновладѣльческимъ землямъ, въ видахъ прочнаго устройства переселенцевъ, совѣщаніе высказалось за установленіе такихъ правилъ водворенія, которыя ограждали бы новоселовъ „отъ произвола" владѣльцевъ и „отъ полной экономической зависимости отъ нихъ".

Обращаясь къ вопросу объ организаціи переселеній на основаніи общаго закона, совѣщаніе находило цѣлесообразнымъ для облегченія и устройства переселенцевъ, снабжать ихъ при выходѣ особымъ „переселенческимъ свидѣтельствомъ", которое, замѣняя паспортъ и увольнительное свидѣтельство, заключало бы въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для приписки къ мѣсту новаго водворенія. Выдачу подобнаго свидѣтельства предположено было производить чрезъ волостного старшину, на сроки не свыше двухъ лѣтъ, и подъ условіемъ выполненія требованій ст. 130 „Общаго Положенія о крестьянахъ", кромѣ обязательства уплаты недоимокъ по казеннымъ податямъ и повинностямъ, которыя могли зачисляться долгомъ на переселенцѣ и записываться въ этомъ случаѣ въ выдаваемое ему свидѣтельство. Душевой надѣлъ переселяющагося сдавался въ общество, обязывавшееся платить за землю всѣ причитающіеся сборы, и оставался въ пользованіи его, впредь до перечисленія однообщественника или возвращенія его обратно, когда онъ снова вступалъ въ прежнія права по владѣнію мірскою землею.

Содѣйствіе лицамъ, предпринявшимъ переселеніе на свой счетъ и страхъ, должно было выражаться, по мысли совѣщанія, въ освобожденіи отъ сборовъ на переправахъ, мостахъ и шоссейныхъ дорогахъ, въ устраненіи случайныхъ препятствій при передвиженіи, въ сообщеніи свѣдѣній о предстоящемъ пути и объ условіяхъ водворенія на новыхъ мѣстахъ и въ поданіи помощи при заболѣваніяхъ. Обязанности по оказанію такого содѣйствія возлагались на правительственныя, земскія и городскія учрежденія.

Подводя подъ понятіе переселенія всѣ случаи выхода крестьянъ изъ общества и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ, совѣщаніе проектировало рядъ правилъ для водворенія переселенцевъ, какъ на земляхъ различныхъ наименованій, такъ въ городскихъ и сельскихъ обществахъ. По проекту, водвореніе считалось законнымъ, если оно производилось на основаніи пріемнаго приговора городского, сельскаго или станичнаго общества, разрѣшенія, даннаго казною или кабинетомъ на занятіе свободной земли, или особаго акта, дозволяющаго устройство на землѣ

частнаго лица или учрежденія или утверждающаго за переселенцемъ право собственности на земельный участокъ. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ переселенцы могли водворяться путемъ приселенія къ существующимъ городамъ и селеніямъ, а также устройства отдѣльныхъ хуторовъ, поселковъ и деревень, съ причисленіемъ къ мѣстному обществу или волости, или съ образованіемъ особаго общественнаго управленія, если селеніе состояло не менѣе, какъ изъ сорока наличныхъ душъ мужского пола. Лицамъ, поселившимся законнымъ порядкомъ, предоставлялась трехлѣтняя льгота отъ платежа казенныхъ сборовъ и зачисленныхъ по свидѣтельству недоимокъ прежнихъ лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія взимались съ разсрочкою въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Водвореніе на казенныхъ земляхъ допускалось только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи и не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей власти, вѣдающей землями, и по ходатайству самихъ крестьянъ, указывавшихъ въ прошеніяхъ мѣсто будущаго своего поселенія. Съ этою цѣлью казенныя земли приводились въ извѣстность и годныя изъ нихъ нарѣзались участками, не свыше какъ на 500 душъ, и предоставлялись переселенцамъ съ отводомъ надѣла, размѣръ котораго въ Средней Азіи и Закавказскомъ краѣ опредѣлялся по соглашенію министерства государственныхъ имуществъ съ главнымъ начальствомъ края, а въ Западной и Восточной Сибири—по 15 дес. на наличную душу мужского пола и сверхъ того по 6 дес. на прибылое и ссыльное населеніе. Переселенцы облагались государственною оброчною податью и не могли выкупать и отчуждать надѣльную землю, составлявшую „неотчуждаемую собственность мірского общества". Такой же порядокъ устанавливался для водворенія на земляхъ Кабинета Его Величества, съ тѣмъ лишь различіемъ, что оброчная подать отчислялась въ доходъ Кабинета.

Водвореніе на казачьихъ земляхъ могло производиться только путемъ приписки къ мѣстнымъ обществамъ крестьянъ-собственниковъ или зачисленія по пріемному приговору въ казачье сословіе, или же, наконецъ, устройства на земляхъ частныхъ лицъ, съ припискою къ ближайшей крестьянской волости.

Водвореніе на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій допускалось въ предѣлахъ губерній оренбургской, уфимской, ставропольской и въ областяхъ казачьихъ войскъ, а въ случаѣ оказавшейся надобности, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Переселенцы считались законноводворившимися, если пріобрѣли въ собственность

участокъ земли не менѣе высшаго, по мѣстности, душевого надѣла на каждую наличную мужского пола душу или сняли въ аренду такой же участокъ на девятилѣтній срокъ, съ правомъ поселенія и выкупа его въ этотъ срокъ. Для такого выкупа они обязывались внести въ мѣстное казначейство всю причитающуюся за землю сумму или часть ея, если съ владѣльцемъ вошли въ соглашеніе относительно разсрочки уплаты денегъ. Право на выкупъ арендуемой земли прекращалось, за истеченіемъ девятилѣтняго срока. Въ случаѣ водворенія переселенцевъ безъ соблюденія установленныхъ правилъ, если они прожили осѣдло на арендуемой землѣ болѣе двухъ лѣтъ и къ нимъ не было предъявляемо владѣльцемъ требованій о выселеніи, какъ къ самовольно поселившимся, за ними признавалось право на аренду и выкупъ земли.

По вопросу о переселеніи, предпринимаемомъ съ содѣйствіемъ правительства, совѣщаніе находило, что означенное переселеніе является особенно необходимымъ для улучшенія быта крестьянъ, экономическое положеніе которыхъ при малоземельи пришло въ упадокъ, вслѣдствіе высокихъ арендныхъ цѣнъ на сосѣднія земли и отсутствія мѣстныхъ и отхожихъ заработковъ. Но, считая толкованіе, данное правительственною коммиссіею понятію о малоземельи, слишкомъ узкимъ, оно полагало наиболѣе цѣлесообразнымъ воздержаться отъ опредѣленія въ законодательномъ порядкѣ нормъ надѣла, какъ основаній для разрѣшенія и содѣйствія переселенію. Для водворенія неимущихъ переселенцевъ совѣщаніемъ предполагалось назначать казенныя земли въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ центральнымъ, густонаселеннымъ губерніямъ, съ нарѣзкою участковъ примѣнительно къ среднему надѣлу окрестныхъ государственныхъ крестьянъ. Водворившимся проектировалось предоставить льготу въ податяхъ, одинаковую съ установленною для государственныхъ крестьянъ, при переселеніи ихъ въ порядкѣ поземельнаго устройства, и заключающуюся въ освобожденіи въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ отъ платежа всѣхъ казенныхъ сборовъ и отъ взноса половины этихъ сборовъ въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ. Въ случаѣ надобности, признано было необходимымъ выдавать нуждающимся семьямъ денежныя пособія на передвиженіе и устройство на новыхъ мѣстахъ, въ размѣрѣ, соображаемомъ съ дальностью разстоянія участковъ и хозяйственными условіями ихъ. Выдачу означенныхъ пособій совѣщаніе не находило возможнымъ, однако, ставить въ зависимость отъ усмотрѣнія земствъ или сельскихъ обществъ. По мнѣнію совѣщанія, расходы по оказанію денежной помощи переселенцамъ должны всецѣло отно-

ситься на средства казны, такъ какъ переселеніе имѣетъ не мѣстное, а обще-государственное значеніе и, независимо отъ устройства нуждающихся въ землѣ лицъ, направлено также къ поднятію благосостоянія остающихся въ прежнихъ обществахъ крестьянъ, съ каковой цѣлью, между прочимъ, было бы несогласно установленіе для послѣднихъ обязательнаго сбора въ пользу выходящихъ односельчанъ. Размѣромъ денежныхъ ассигнованій и количествомъ предназначаемыхъ подъ водвореніе земельныхъ участковъ должны опредѣляться и размѣры переселенія съ пособіемъ отъ правительства.

Находя предположенную организацію переселеній связанною главнымъ образомъ съ нарѣзкою и отводомъ казенныхъ земель, совѣщаніе признавало необходимымъ сосредоточить это дѣло въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, возложивъ на него обязанности по проектированной правительственною коммиссіею разверсткѣ участковъ между губерніями и назначенію ихъ для переселенцевъ. Ближайшее завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ въ губерніяхъ выхода крестьянъ оно полагало поручить губернскимъ земскимъ управамъ, какъ учрежденіямъ постояннымъ и сосредоточивающимъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи населенія, а въ уѣздахъ—уѣзднымъ земскимъ управамъ, съ участіемъ одного изъ членовъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и съ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ въ соединенныхъ засѣданіяхъ управы и присутствія. Въ видахъ достиженія большаго единства въ дѣйствіяхъ уѣздныхъ учрежденій и съ цѣлью оказанія матеріальной помощи переселенцамъ и содѣйствія при передвиженіи, совѣщаніе находило полезнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ командировать въ означенныя губерніи особыхъ временныхъ уполномоченныхъ отъ министерства государственныхъ имуществъ.

Общее завѣдываніе дѣломъ устройства переселенцевъ въ губерніяхъ водворенія предполагалось возложить, при участіи особыхъ членовъ отъ упомянутаго министерства, на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, какъ несущія близкія уже обязанности по припискѣ и образованію изъ переселенцевъ новыхъ сельскихъ обществъ. Наконецъ, въ конечныхъ пунктахъ переселенческихъ трактовъ предположено было учредить конторы, по образцу сызранской, для сообщенія свѣдѣній объ участкахъ земли и объ условіяхъ поселенія на нихъ и для оказанія медицинской помощи проходящимъ переселенцамъ.

Въ заключеніе, совѣщаніе высказалось за полезность обнародованія закона о переселеніяхъ, съ цѣлью ослабить броженіе,

которое можетъ быть вызвано въ населеніи превратнымъ толкованіемъ его, но съ пріуроченіемъ времени этого обнародованія къ осеннимъ мѣсяцамъ или къ рѣшенной правительствомъ отмѣнѣ подушной подати или къ пониженію выкупныхъ платежей, когда у многихъ лицъ отпало бы желаніе подняться на переселеніе. Такая отсрочка, по мнѣнію совѣщанія, оправдывается и необходимостью принятія со стороны министерства государственныхъ имуществъ подготовительныхъ мѣръ, вызываемыхъ закономъ о переселеніи.

Всѣ вышеприведенныя предположенія совѣщанія, однако, не составляли единогласнаго сужденія всѣхъ членовъ его, а лишь мнѣніе большинства. По окончаніи занятій въ 1882 г., совѣщаніе представило три проекта правилъ о переселеніи, сообразно тремъ группамъ, на которыя распалось оно, при обсужденіи разсматриваемаго вопроса. Всѣ члены совѣщанія единогласно признавали только необходимость изданія правилъ, регулирующихъ крестьянскія переселенія, но въ отношеніи подробностей этихъ правилъ расходились не только съ проектомъ правительственной коммиссіи, но и въ мнѣніяхъ между собой. Разногласіе это касалось даже самыхъ основныхъ сторонъ дѣла, какъ вопроса о существѣ льготъ для переселяющихся, о правѣ водворенія различныхъ категорій крестьянъ на казенныхъ земляхъ, о порядкѣ опредѣленія этого права и т. п. Въ виду этого выработанныя совѣщаніемъ свѣдущихъ людей предположенія были переданы на заключеніе губернаторовъ.

IX.

По полученіи отзывовъ и по сношеніи съ подлежащими министерствами, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой представилъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ о главнѣйшихъ началахъ для положенія ихъ въ основаніе переселенческаго закона.

Въ докладѣ этомъ графъ Толстой указывалъ, что потребность выселенія части крестьянъ въ другія мѣстности представляется настоятельною лишь въ двѣнадцати главнымъ образомъ среднихъ, частью южныхъ и средневолжскихъ губерніяхъ. Что касается прочихъ губерній, то въ однѣхъ изъ нихъ, за достаточнымъ количествомъ надѣльной земли, потребности въ выселеніи не замѣчается, а въ другихъ, при обиліи свободныхъ земель, переселеніе нуждающихся въ землѣ лицъ можетъ быть замѣняемо разселеніемъ въ предѣлахъ тѣхъ же губерній. То же раз-

селеніе является желательнымъ и въ западныхъ губерніяхъ Россіи, откуда выселеніе не можетъ быть допущено по политическимъ соображеніямъ, чтобы „не дать усилиться въ тѣхъ мѣстностяхъ враждебнымъ Россіи элементамъ". Далѣе министръ внутреннихъ дѣлъ заявлялъ, что обнародованіе общаго закона о переселеніяхъ, которымъ предоставлялись бы крестьянамъ различныя льготы, неминуемо вызоветъ среди населенія сильное броженіе и „подниметъ на переселеніе массы крестьянъ, вовсе не нуждающихся въ томъ", вслѣдствіе чего такое движеніе причинитъ администраціи „чрезвычайныя затрудненія", тѣмъ болѣе, что правительство не располагаетъ еще достаточнымъ запасомъ заготовленныхъ и годныхъ для поселенія участковъ казенныхъ земель.

Признавая при такихъ условіяхъ допущеніе свободы переселенія не только „вреднымъ, но и прямо невозможнымъ", графъ Толстой наиболѣе цѣлесообразнымъ полагалъ разрѣшать выходъ крестьянъ на новыя мѣста лишь въ мѣрѣ дѣйствительно назрѣвшей потребности, и для этого проектировалъ принять слѣдующія мѣры.

Въ губерніяхъ Европейской Россіи всѣ освобождающіяся казенныя земли, которымъ не будетъ дано другого назначенія, обращать подъ водвореніе переселенцевъ исключительно изъ наиболѣе нуждающихся крестьянъ, по выбору администраціи. Означеннымъ переселенцамъ предоставить „возможно широкія" льготы въ денежныхъ платежахъ и облегченія при передвиженіи и отбываніи воинской повинности, а наиболѣе нуждающимся выдавать денежныя ссуды на путевые расходы и первоначальное обзаведеніе, съ разсрочкою уплаты этихъ ссудъ на десять лѣтъ и съ отпускомъ на этотъ предметъ ежегодно потребныхъ суммъ изъ средствъ государственнаго казначейства.

Относительно Западной Сибири предоставить министру государственныхъ имуществъ принять мѣры къ приведенію въ извѣстность годныхъ для водворенія земель и къ образованію изъ нихъ такого количества участковъ, которое могло бы „удовлетворить постоянно возрастающей на нихъ потребности". Для переселяющихся въ Сибирь допустить извѣстныя льготы, опредѣленіе которыхъ, за невозможностью выяснить предварительно существо ихъ, предоставить соглашенію подлежащихъ министерствъ, въ зависимости отъ ходатайства мѣстной власти. Для содѣйствія переселенцамъ, направляющимся въ Сибирь, образовать на главныхъ путяхъ переселенческаго движенія, а также въ гг. Томскѣ и Тобольскѣ, особыя переселенческія конторы, сна-

бженныя для исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей денежными средствами.

Для единообразнаго направленія переселенческаго дѣла и для принятія всѣхъ необходимыхъ въ этомъ дѣлѣ мѣръ образовать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особое учрежденіе изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ, съ предоставленіемъ этому учрежденію болѣе или менѣе широкихъ исполнительныхъ правъ. Завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ на мѣстахъ возложить на учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, кромѣ губерній, гдѣ представится надобность въ образованіи особыхъ учрежденій. Для упорядоченія движенія переселенцевъ предоставить администраціи право воспрещать выдачу паспортовъ и распродажу крестьянскаго имущества и останавливать переходъ на новыя мѣста во всѣхъ случаяхъ, когда она убѣдится, что „переселеніе предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли“.

26 апрѣля 1884 года повелѣно было разсмотрѣть докладъ этотъ въ особомъ совѣщаніи изъ министровъ: императорскаго двора, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и путей сообщенія.

Вполнѣ раздѣляя основные взгляды, выраженные во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Толстого, совѣщаніе нашло лишь необходимымъ внести въ него нѣкоторыя исправленія, исключивъ слова: „возможно широкія“, при опредѣленіи льготъ, даруемыхъ переселенцамъ, и „на десять лѣтъ“, предположенныхъ срокомъ уплаты выданныхъ ссудъ. Сверхъ того, признано было болѣе цѣлесообразнымъ, вмѣсто учрежденія переселенческихъ конторъ, командировать на мѣста особыхъ довѣренныхъ лицъ, снабженныхъ надлежащими инструкціями, и общее завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ возложить на министерство внутреннихъ дѣлъ, при участіи представителей отъ министерствъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, не учреждая для этого особаго центральнаго органа.

17 мая 1884 года приведенныя общія положенія были Высочайше одобрены, какъ планъ дѣйствій подлежащихъ министерствъ, причемъ было выражено, чтобы переселенія были всецѣло направляемы правительствомъ.

Л. Чарушинъ.

ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ

РОМАНЪ.

Flammen. Roman von Wilhelm Hegeler. Berlin, 1905.

II *).

Художникъ Гебгардъ, какъ было условлено, явился въ назначенный день къ Грабаусу, чтобы вмѣстѣ отправиться на журфиксъ, гдѣ имъ предстояло встрѣтиться съ госпожею Маріею-Луизою Платенъ.

— Какъ фамилія хозяйки?—спросилъ Грабаусъ художника.

— Графиня Борке. Предупреждаю, что большинство людей, собирающихся у нея, немножко помѣшаны, такъ что ты не удивляйся.

Электрическій трамвай останавливалась почти у самаго дома графини, и черезъ минуту они уже были у цѣли. На вѣшалкѣ въ узкой передней висѣло уже множество пальто, цилиндровъ и дамскихъ шляпъ. Когда они вошли, Гебгардъ сейчасъ же подвелъ Грабауса къ хозяевамъ, которые стояли въ первой комнатѣ, представилъ его и затѣмъ, обмѣнявшись съ графомъ нѣсколькими словами, внезапно исчезъ. Слегка разсердившись на его безцеремонность, Грабаусъ оглянулся на исчезнувшаго проводника, и почти не разслышалъ вопроса графини, когда она

---

*) См. выше: іюнь, стр. 637.

очень любезно, но нѣсколько боязливо подвела его къ одной изъ группъ.

— Вы позволите мнѣ познакомить васъ кое съ кѣмъ?— спросила она и назвала нѣсколько именъ, но такъ неразборчиво, что Грабаусъ ни одного не разслышалъ.

— Вы уже часто бывали на нашихъ вечерахъ?—спросила его дама, съ которой его только-что познакомили.

— Нѣтъ, сегодня первый разъ. Я уже шесть лѣтъ какъ не былъ въ Берлинѣ.

— Эти вечера у графини для меня настоящій праздникъ духа. Тутъ можно встрѣтить столь рѣдкое сочетаніе интеллигентности и красоты, граціи и почтенности.

Нѣсколько удивленный—не столько самыми словами, сколько тѣмъ тономъ, какимъ они были сказаны,—Грабаусъ посмотрѣлъ въ лицо своей собесѣдницы. По своей внѣшности она не могла претендовать ни на одно изъ названныхъ ею качествъ. Съ виду это была или старая дѣва, или несчастная въ замужествѣ женщина. На ея неуклюжемъ, жалкомъ тѣлѣ висѣло платье изъ легкаго чернаго шолка, составленное изъ безчисленныхъ складокъ и сборокъ. Самонадѣянная, слащавая и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливая улыбка казалась непріятной гримасой на ея очень обыденномъ, грязновато-румяномъ лицѣ. При этомъ ея тусклые глаза съ вызывающимъ кокетствомъ разглядывали его въ лорнетъ.

— Мы слушали здѣсь чтеніе самыхъ знаменитыхъ представителей искусства и науки,—продолжала она.—Можетъ быть, и вы артистъ?

— Нѣтъ. Но не будете ли вы любезны сообщить, кого мы сейчасъ услышимъ!

— Сегодня баронъ фонъ-Толь будетъ читать на тему: „Ницше, великій пробудитель сердецъ“. Вы вѣдь знаете барона фонъ-Толя?

— Не знаю.

— Онъ очень извѣстенъ въ высшемъ обществѣ. Необыкновеннаго ума человѣкъ—и притомъ чрезвычайно изященъ.—Но вотъ онъ, посмотрите.

Она указала на высокаго, довольно полнаго господина съ круглымъ лицомъ. На нѣсколько сдавленномъ носу его торчало пенснэ безъ оправы. Сверкающія стекла, огромный бѣлый воротникъ, пестрый галстухъ и къ тому еще черные усики, причесанные вверхъ волосокъ къ волоску,—все это настолько бросалось въ глаза, что остальныя черты лица казались какъ бы пустымъ фономъ для всѣхъ этихъ достопримѣчательностей. Ба-

ронъ прислонился къ двери и, постукивая золотымъ карандашомъ объ зубы, покровительственно смотрѣлъ сверху внизъ на стоявшаго передъ нимъ стараго господина.

— А кто тотъ, съ кѣмъ онъ говоритъ?—спросилъ Грабаусъ.

— Это графъ Страквистъ, родственникъ знаменитаго поэта. Онъ славится своей благотворительностью—никогда не пройдетъ мимо нищаго, не подавъ ему.

Въ эту минуту къ нимъ подошла хромая, очень немолодая барышня съ осунувшимся, болѣзненно-блѣднымъ лицомъ, дернула собесѣдницу Грабауса за рукавъ и сказала:

— Здравствуйте, Пшютъ.

— Здравствуйте, милая, какъ поживаете?

— Благодарю. Я читала вашу послѣднюю статью. Страшно умно написано.

— Вы находите? Позвольте вамъ представить доктора—простите, я не разслышала вашей фамиліи,—обратилась она къ Грабаусу.

Когда Грабаусъ назвалъ себя, барышня опять прошла, прихрамывая, дальше, и Грабаусъ спросилъ, кто она такая.

— Это замѣчательно интересный человѣкъ. Представьте, она уже двадцать лѣтъ больна злѣйшей чахоткой. Всѣ врачи давно отказались отъ нея, а все-таки она жива, бодра, весела и восхищаетъ всѣхъ своей любезностью.

— Ее зовутъ „трупомъ въ отпуску", — прибавилъ вполголоса толстый, гладко выбритый актеръ, который съ улыбкой поклонился, проходя мимо нихъ въ сосѣднюю комнату.

— Какъ вамъ не стыдно!—крикнула ему вслѣдъ Пшютъ.—Его-то вы навѣрное знаете—это нашъ знаменитый актеръ на характерныя роли. Онъ недавно перешелъ въ христіанство по убѣжденію. Графиня была его крестной матерью. На рѣдкость добрый человѣкъ. Но я хотѣла разсказать вамъ про фрейлейнъ Палдову,—представьте себѣ, она продолжаетъ жить только благодаря своей магнитической силѣ. Иногда она лежитъ по цѣлымъ днямъ какъ въ столбнякѣ, съ запрокинутымъ языкомъ, не ѣстъ, не пьетъ и не дышетъ. А послѣ того она иногда начинаетъ пророчествовать. А васъ уже представили молодой графинѣ?

— Нѣтъ еще.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте это сдѣлать мнѣ. Но, простите мое невѣжество,—невозможно знать всѣхъ знаменитостей,—на какомъ поприщѣ вы прославились?

— Я приватъ-доцентъ философіи въ Іенѣ,—но совершенно не знаменитость.

— Ваше имя, однако, мнѣ такъ знакомо. Я вѣроятно гдѣ-нибудь читала о васъ. А вотъ и графиня.

Въ это время молодая графиня, худенькая молодая дѣвушка, съ болѣзненнымъ лицомъ и красивыми волосами, подходила къ матери. Направляясь къ ней, Грабаусъ заглянулъ въ большую комнату рядомъ, и тамъ замѣтилъ въ углу Гебгарда; онъ наклонился и говорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ изъ-за стоявшихъ вокругъ людей. Около него стоялъ пожилой господинъ съ сѣдыми волосами и черными усами, очень стройный, съ мужественнымъ и въ то же время добрымъ лицомъ. Это былъ первый человѣкъ, который показался интереснымъ Грабаусу среди всѣхъ присутствующихъ. Тѣмъ временемъ они приблизились къ молодой графинѣ.

— Позвольте вамъ представить, дорогая графиня, доктора Гарауса—знаменитаго профессора изъ Іены,—сказала Пшютъ.

Грабаусъ поклонился и прибавилъ:

— Фрейлейнъ Пшютъ ошиблась. Меня зовутъ не Гараусъ, а Грабаусъ. Я вовсе не знаменитый профессоръ, а самый обыкновенный приватъ-доцентъ.

— Вы изъ Іены? —спросила молодая графиня съ застывшимъ выраженіемъ лица.—Значитъ, вы живете въ одномъ городѣ съ моимъ смертельнымъ врагомъ—профессоромъ Геккелемъ?

— Геккель? Что̀ онъ вамъ сдѣлалъ дурного?

— Онъ пишетъ отвратительныя книги — онъ невѣжественный и дерзкій человѣкъ; я его ненавижу.

Она произнесла это чрезвычайно спокойно и заложила руки за спину. Помолчавъ двѣ, три секунды и не давая времени Грабаусу придти въ себя отъ удивленія, она продолжала:

— Не удивляйтесь, господинъ докторъ, моей односложности и дикости. Я все еще не могу привыкнуть къ западной культурѣ.

— А гдѣ же вы прежде жили, графиня?

— Я два года прожила на Цейлонѣ — отчасти для поправленія здоровья, отчасти для изученія буддизма и теософіи. Боже, какъ тамъ хорошо, среди благородной тишины храмовъ!—Вамъ уже дали чаю?

Она подошла къ столу, на которомъ стояли чашки съ чаемъ и корзинки съ печеньемъ.

— Это настоящій цейлонскій чай—единственное, что̀ мнѣ здѣсь кажется роднымъ.—Вамъ дать рому или молока?

— Нѣтъ, только сахару.

Грабаусъ обратилъ вниманіе на то, что какъ только онъ хотѣлъ взять изъ рукъ молодой дѣвушки чашку чаю, она быстро

поставила чашку на столъ. Въ это время къ ней приблизился одинъ изъ гостей, и она отошла, разговаривая съ нимъ. Грабаусъ едва успѣлъ отпить глотокъ чаю, какъ къ нему снова подскочила Пшютъ и спросила.

— Ну, что, вы очарованы графиней? Не правда ли, она замѣчательный человѣкъ? Замѣтили вы ея руки?

— Она ихъ всегда держитъ за спиной.

— Вы это замѣтили? Какой вы наблюдательный! Она никому—даже родителямъ—не даетъ руки, — развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что изъ рукъ ея исходятъ магнитическіе лучи. Она можетъ исцѣлять ими.

— Да неужели? — сказалъ Грабаусъ, придя въ дурное настроеніе отъ столькихъ чудесъ.

— Клянусь вамъ. Я сама это испытала. Я пришла сюда со страшной головной болью, и нѣсколько самыхъ слабыхъ пассовъ совершенно излечили меня. Но каждый разъ, когда графиня исцѣляетъ кого-нибудь, она страшно слабѣетъ. Говорила она вамъ о Цейлонѣ? Ее туда послали—она вѣдь совсѣмъ, совсѣмъ больна. Но при этомъ она—поразительный человѣкъ. Пойдемте, сядемъ впереди.

Въ это время раздался слабый звукъ колокольчика, и всѣ двинулись впередъ. Только нѣсколько стариковъ расположились поудобнѣе въ креслахъ въ первой комнатѣ. Грабаусъ, волей-неволей, сѣлъ рядомъ съ Пшютъ, на одномъ изъ стоявшихъ полукругомъ плетеныхъ стульевъ.

На маленькой до смѣшного каѳедрѣ стояла графиня и озиралась вокругъ себя съ застѣнчивой улыбкой; отъ времени до времени она звонила въ маленькій колокольчикъ, точно надѣясь, что это положитъ конецъ шопоту и передвиганію стульевъ. Когда наконецъ всѣ сѣли, она сказала:

— Я объявляю нашъ сегодняшній вечеръ — или, вѣрнѣе, имѣя въ виду, что собираемся днемъ,—наше сегодняшнее собраніе открытымъ, и передаю слово — ахъ, нѣтъ, я должна еще что-то объявить.

Она сообщила, что черезъ нѣсколько дней состоится концертъ одного слѣпого органиста при участіи нѣсколькихъ знакомыхъ обществу мужчинъ и дамъ, и выразила надежду, что всѣ посѣтятъ этотъ концертъ, на который можно у нея получить билеты. Затѣмъ, она еще дала отчетъ о прошедшемъ четвергѣ, выразила увѣренность, что всѣ вынесли изъ тогдашняго собранія много отрадныхъ впечатлѣній, и наконецъ—передала слово барону фонъ-Толю.

Когда она кончила, всѣ опять задвигали стульями. Пшютъ все время совершенно безцеремонно болтала со своимъ сосѣдомъ и показывала ему разныхъ знаменитостей. Она была очень щедра въ своемъ распредѣленіи лавровъ, и каждый разъ удивлялась тому, что Грабаусъ не знаетъ называемыхъ ею именъ.

— Взгляните туда, позади,—тамъ сидитъ красавица фрау Платенъ. Находите вы, что она дѣйствительно такъ красива? Вонъ тамъ въ углу, рядомъ съ господиномъ Гебгардомъ.

Грабаусъ могъ только очень смутно разглядѣть сидѣвшую на указанномъ мѣстѣ женщину: часть ея лица скрывалась широкими полями шляпы.—Марія-Луиза, Марія-Луиза!—прозвучало въ немъ, какъ отголосокъ вчерашняго дня, но уже замирающимъ, потерявшимъ волшебную силу тономъ. Онъ поглядѣлъ въ уголъ съ почти холоднымъ любопытствомъ.

— Красивы у нея собственно только глаза, — шептала Пшютъ.—Или, можетъ быть, вамъ нравятся такія лица?

Грабаусъ только нахмурилъ лобъ въ отвѣтъ, и указалъ глазами на барона; взглянувъ въ послѣдній разъ въ зеркало и поправивъ на галстухѣ золотую булавку, изображавшую черепъ, лекторъ вошелъ на каѳедру. Онъ небрежно облокотился рукой на нее, вынулъ карандашъ изъ кармана, поглядѣлъ на него, какъ бы ища вдохновенія, потомъ вдругъ сталъ выпаливать цѣлые потоки словъ.

Въ высшей степени раздраженный всѣмъ видѣннымъ, Грабаусъ сталъ осматривать общество. Всѣ эти люди вокругъ него были заняты исключительно собой, тѣмъ чтобы сѣсть поудобнѣе, чтобы изобразить на лицѣ глубокомысліе или заманить кого-нибудь кокетствомъ. Никогда еще онъ не наблюдалъ такого яснаго отраженія внутренней лживости на лицахъ и въ движеніяхъ, какъ на этотъ разъ. „Что это за люди?—думалъ онъ съ истиннымъ возмущеніемъ.—Ничего въ нихъ нѣтъ подлиннаго. Даже ихъ глупое увлеченіе, ихъ безсмысленная вѣра въ чудеса—напускная“. Онъ взглянулъ на барона, который, повидимому, хотѣлъ изобразить изъ себя не оратора, а causeur'а. Онъ дѣлалъ видъ, что импровизируетъ, и потому нарочно колебался, какъ бы подыскивалъ слова, даже слегка заикался,—хотя для Грабауса не было сомнѣнія въ томъ, что онъ знаетъ каждое слово своего доклада наизусть. При этомъ онъ каждую фразу начиналъ съ „я“ и продолжалъ съ „Ницше“. Все, что онъ говорилъ, было ни умно ни глупо. Но даже еслибы онъ говорилъ самыя поразительныя вещи, изъ его суетныхъ устъ и Платоновская мудрость звучала бы обезьяничаньемъ.

„Господи!—подумалъ Грабаусъ съ возрастающимъ гнѣвомъ,—и вотъ ради чего Ницше всю свою жизнь избѣгалъ людей. Вотъ къ чему сводятся безсмертіе и слава! Сдѣлаться достояніемъ умничающихъ фатовъ — вотъ участь самыхъ великихъ людей. Но нѣтъ, это вѣдь только карикатуры. Настоящіе люди не здѣсь".

Налетѣвшій порывъ вѣтра прошумѣлъ у окна и, улетѣвъ, унесъ съ собой мысли Грабауса. Ему мучительно захотѣлось очутиться въ лѣсу, вздохнуть на просторѣ полной грудью и помечтать объ ожидавшемъ его новомъ дѣлѣ. Еслибы изъ этого что-нибудь вышло, еслибы ему дѣйствительно дали каѳедру въ польскомъ университетѣ? Стать нравственнымъ завоевателемъ враждебно настроенной націи—вотъ это истинная радость! „Еслибы это осуществилось, я извѣдалъ бы величайшее счастье на землѣ.—Да, она, можетъ быть, дѣйствительно красива,—промелькнуло у него вдругъ въ головѣ, когда взглядъ его упалъ на тонкій профиль фрау Платенъ, — но какое мнѣ дѣло до красоты? Любовь, женщины—пусть этимъ развлекаются люди, у которыхъ ничего другого нѣтъ въ жизни. Она, дѣйствительно, красива. Марія-Луиза, Марія-Луиза! Но какая при этомъ кокетка, какъ медленно она стягиваетъ шведскую перчатку и гладитъ свою бѣлую ручку. Все-таки моя жена лучше ихъ всѣхъ. Она, по крайней мѣрѣ, откровенна и не ломается. Зарабатывай деньги, доставай хлѣбъ и платья—больше ничего ей не нужно. Ну, да теперь можно надѣяться, что обстоятельства ихъ будутъ хороши.—Теперь дѣти идутъ спать. Малютка молится обо мнѣ. А какъ было бы хорошо сидѣть теперь дома и ѣсть на ужинъ картофель собственной посадки!.."

Баронъ закончилъ свой короткій докладъ, и по общему восторгу можно было бы подумать, что всѣ присутствующіе не только впервые узнали отъ него о Ницше, но и что слова его были для всѣхъ откровеніемъ новой истины. Дамы, которыя все время разсѣянно слушали, занятыя кокетничаньемъ, теперь бѣшено апплодировали. Нѣкоторыя повскакали съ мѣстъ отъ чрезмѣрнаго возбужденія и окружили барона. Даже въ сосѣдней комнатѣ проснулись спавшіе во время доклада старички и тоже стали апплодировать. Кругъ людей вокругъ барона все увеличивался. Пшютъ стояла въ первомъ ряду, но и самые отдаленные единодушно хвалили докладчика.

Оставшись вдругъ одинъ среди пустоты, такъ какъ всѣ устремились къ барону, Грабаусъ подошелъ къ художнику, который остался въ своемъ углу съ фрау Платенъ и нѣсколькими незнакомыми Грабаусу людьми.

— А вѣдь онъ замѣчательно читалъ,—сказалъ Гебгардъ.— Такая манера чтенія подъ стать любому профессору.

— Хороша похвала, нечего сказать,—возразилъ Грабаусъ.

— Во всякомъ случаѣ мы узнали еще кое-что новаго. Я уже такъ много слышалъ чтеній и разсужденій о Ницше, что никогда не могъ собраться читать его самого. Но позвольте, фрау Платенъ, представить вамъ моего друга, доктора Грабауса.

Грабаусъ поклонился Маріи-Луизѣ, не поглядѣвъ на нее болѣе внимательно. Потомъ его познакомили еще съ нѣсколькими господами, въ томъ числѣ съ тѣмъ, который уже раньше обратилъ на себя его вниманіе своей привлекательной наружностью; это былъ майоръ, фамилію котораго онъ не разслышалъ.

Оставшись опять одинъ, онъ сталъ внимательно разглядывать Марію-Луизу. На ней была шляпа съ широкими полями, украшенная страусовыми перьями. Бархатный лифъ оранжеваго цвѣта былъ покрытъ тяжелымъ желтоватымъ кружевомъ, еще болѣе смягчавшимъ мягкій тонъ бархата—цвѣта осенней листвы. Черное шолковое платье, падавшее широкими трубчатыми складками, придавало ея стройной фигурѣ граціозную медлительность движеній. Весь этотъ туалетъ произвелъ на Грабауса только впечатлѣніе чего-то темнаго и свѣтлаго, блѣдно-золотистаго, очень красиваго и драгоцѣннаго. Онъ только сразу обратилъ вниманіе, хотя тоже вскользь, что она держится очень прямо и даже слегка выгибается назадъ. Такимъ образомъ она, хотя и не была выше ростомъ, чѣмъ Гебгардъ, все-же смотрѣла на него нѣсколько сверху внизъ и какъ бы ограждалась отъ него. Но выраженіе ея при этомъ не было высокомѣрнымъ. Напротивъ того, у нея было очень открытое лицо и живые, блестящіе глаза. Грабаусъ чувствовалъ, глядя на нее, прежде всего, крайнее изумленіе—до того ея красота была другой, чѣмъ онъ ожидалъ. Въ ней не было ничего ослѣпительнаго или поражающаго. Красота лица создавалась прежде всего гармоніей чертъ, ихъ одухотворенной живостью, которая въ свою очередь была порождена глубокой тихой замкнутостью. Грабаусу казалось очаровательнымъ это соединеніе естественности и унаслѣдованной, безсознательно проявлявшейся старой культуры. Въ общемъ она казалась ему болѣе обаятельной, нежели красивой.

Онъ еще внутренно подыскивалъ окончательное опредѣленіе для ея красоты, когда майоръ, имени котораго онъ не разслышалъ, обратился къ нему и сказалъ:

— Я преклоняюсь передъ всякимъ, кто умѣетъ свободно говорить. Я этимъ даромъ не обладаю, хотя пора бы къ старости ужъ научиться этому. У насъ былъ разъ полковой командиръ, который, какъ и я, совершенно не былъ ораторомъ. Блестящій офицеръ, пріятный собесѣдникъ, а когда приходилось— ну, хоть тостъ произнести въ день рожденія императора—кончено! Послѣ первыхъ же двухъ-трехъ словъ начиналъ путаться, умолкалъ, и наступала томительная тишина. Мы не знали, куда дѣваться: командиръ блѣднѣлъ, вытиралъ потъ съ лица, начиналъ съизнова, опять останавливался—и наконецъ долженъ былъ все-таки вынуть изъ кармана приготовленную бумажку и читать по ней. Да, краснорѣчіе—истинный даръ божій.

— Люди дѣйствія—плохіе ораторы, это ужъ давно замѣчено. Въ сущности, это странно. Рѣшимость въ дѣйствіи и на словахъ—одного и того же происхожденія. Но, конечно, сильно чувствовать — вовсе не значитъ болтать о своихъ чувствахъ.

Майоръ кивнулъ головой въ знакъ согласія и, слегка нагнувшись къ Грабаусу, спросилъ довѣрчивымъ тономъ:

— Скажите, Ницше — это писатель, котораго необходимо знать? Я не варваръ, но фронтовая служба такъ утомляетъ за день, что потомъ трудно читать и вникать въ серьезное чтеніе. Теперь-то у меня побольше времени—но у меня ужъ составился кругъ писателей, которыхъ я перечитываю вновь отъ времени до времени. И я рѣдко когда прибавляю кого-нибудь новаго къ ихъ числу. Можетъ быть, это признакъ старости.

— Почему? Когда имѣешь старыхъ друзей, незачѣмъ искать новыхъ.

Майоръ кивнулъ головой, какъ-то особенно обрадовавшись этимъ словамъ, и продолжалъ оживленнымъ голосомъ:

— Да, лѣтъ двадцать-пять тому назадъ я учился здѣсь въ академіи и жилъ вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ; мы оба тогда бредили Шопенгауэромъ. Мы много гуляли тогда Подъ-Липами, но вовсе не въ настроеніи, подобающемъ молодцоватымъ поручикамъ, а съ глубокимъ отчаяніемъ въ душѣ. Мы даже собирались выйти въ отставку. Но на это суровая дѣйствительность наложила свое veto. Служи или помирай — другого выхода не было.

Онъ улыбнулся, и вокругъ его сѣрыхъ стальныхъ глазъ обрисовались глубокія гусиныя лапки, а изъ-подъ темныхъ усовъ сверкнули крѣпкіе, красивые зубы. Это придавало его загорѣлому, мужественному лицу выраженіе большой искренности и доброты; Грабаусъ чувствовалъ къ нему все бо̀льшую симпатію.

— Все-таки это было хорошее время,—продолжалъ майоръ.— Мы чувствовали себя очень ничтожными, и въ то же время какими-то великанами. Во всякомъ случаѣ жизнь не была будничной. А въ нашемъ пессимизмѣ былъ виноватъ, главнымъ образомъ, нашъ сидячій образъ жизни. Когда вскорѣ послѣ того меня отрядили на маневры въ кавалерійскій полкъ, я былъ самъ пораженъ, до чего мнѣ вдругъ сдѣлалось весело на душѣ. Свѣжій осенній воздухъ и постоянная ѣзда верхомъ излечили меня— тѣмъ болѣе, что лошадь, которая мнѣ досталась отъ эскадроннаго начальника, была довольно породистая.

Во время разговора майоръ нѣсколько разъ переглянулся съ Маріей-Луизой и разъ даже кивнулъ ей. Въ выраженіи его лица Грабаусъ прочелъ заботливость и гордость отца, который радуется успѣху своей дочери. Онъ сравнилъ ихъ лица, и нашелъ даже фамильное сходство—только не въ глазахъ, потому что глаза Маріи-Луизы казались ему въ эту минуту совершенно особенными, похожими на росистые цвѣтки, озаряющіе своимъ блескомъ все лицо; но тонкій прямой носъ и въ особенности мягкія очертанія губъ могли быть наслѣдіемъ отъ отца. Теперь, когда заходящее солнце освѣтило полнымъ свѣтомъ ея задумчивое лицо, она дѣйствительно выдѣлялась какимъ-то свѣтлымъ видѣніемъ среди другихъ женщинъ, казалась совершенствомъ среди всѣхъ половинчатыхъ существъ въ залѣ. Отъ нея вѣяло такой нетронутостью, что ее трудно было принять за замужнюю женщину. Во всякомъ случаѣ она, вѣроятно, очень недавно вышла замужъ,—но Грабаусъ тщетно искалъ среди окружающихъ ея мужа.

Вмѣсто мужа около нея стоялъ художникъ, слегка склонивъ голову впередъ, съ сверкающими глазами и почти боязливо-напряженными чертами, явно свидѣтельствующими, что онъ пустилъ въ ходъ весь свой запасъ пламенности, ума и сообразительности, чтобы выказать себя съ выгодной стороны передъ женщиной, которой онъ поклонялся. Отъ времени до времени онъ бросалъ на Грабауса быстрый взглядъ, который говорилъ:— Вѣдь красива она, красива?

Такъ какъ майоръ заговорилъ въ это время съ какой-то дамой, то Грабаусъ приблизился къ группѣ около Маріи-Луизы, оставаясь, однако, скромно позади. Но Гебгардъ тотчасъ же повернулся къ нему:

— Представь себѣ,—сказалъ онъ,—фрау Платенъ не нравится Берлинъ. Она находитъ его скучнымъ, прозаичнымъ, непривѣтнымъ, уродливымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого я не сказала. Я только сказала, что онъ—другой, нежели я ожидала. Онъ дѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ. Можетъ быть, это и хорошо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

— Вы такъ говорите потому, что вращаетесь среди слишкомъ трезвыхъ людей, въ придворныхъ и военныхъ кругахъ. Если бы вы побывали въ обществѣ художниковъ, вы вынесли бы другое впечатлѣніе. Вѣдь въ Берлинѣ есть очень интересное артистическое общество

— Нѣтъ, не хочу. Я хочу наслаждаться искусствомъ, а не знакомиться съ художниками. Не то я и въ нихъ разочаруюсь. Мы одинъ разъ были на первомъ представленіи въ театрѣ—во второй разъ я уже не пойду.

— Почему?

— Марія-Луиза, подойди сюда, дитя мое!—подозвалъ ее въ эту минуту майоръ.

— Простите, на минутку...

Она съ улыбкой вышла изъ разступившагося передъ нею круга, а художникъ увелъ своего друга въ уголъ и спросилъ его, упоенный видомъ любимой женщины:

— Ну, что̀, хороша она? Теперь ты меня понимаешь? Или все еще считаешь меня варваромъ за то, что я ее люблю? Да что̀ любовь!—я ее обожаю, я ею восторгаюсь, какъ художникъ, любуюсь ея линіями и красками. Я хотѣлъ бы написать ее въ костюмѣ à la Гэнсборо, съ левреткой, идущей рядомъ съ ней,—на фонѣ мечтательнаго осенняго парка. Молодость, сладкая грусть, благородное изящество, все это сливающееся въ одно общее настроеніе—и падающая золотисто-багровая листва, а въ воздухѣ серебристый тонъ—нѣжный и въ то же время красочный. Боже, Боже! Она вѣдь уѣзжаетъ.

Онъ вскочилъ, увидавъ, что̀ майоръ прощается.

— Мы ее проводимъ. Пойди и ты съ нами. Я ни на шагъ не отойду отъ нея. Но ты скажи еще поскорѣе графинѣ нѣсколько любезностей относительно ея вечера. Что-нибудь о духовномъ наслажденіи—и какъ можно расплывчатѣе. Чѣмъ меньше она пойметъ, тѣмъ болѣе будетъ довольна.

Прошло еще нѣсколько времени, прежде чѣмъ дѣйствительно стали расходиться. Грабаусъ поблагодарилъ графиню въ крайне запутанныхъ восторженныхъ выраженіяхъ, съ замысловатыми сравненіями и открывающими горизонты періодами, изъ которыхъ онъ самъ едва смогъ выпутаться. Графиня дала ему гектографированную записку съ программой чтенія въ слѣдующій четвергъ, и онъ ушелъ изъ дома графини въ гораздо лучшемъ

настроеніи, чѣмъ ожидалъ. Симпатичный майоръ и Марія-Луиза примирили его со всѣми прочими гостями. На опустѣвшей улицѣ уже горѣли фонари. Вся компанія пошла пѣшкомъ по направленію къ „Тиргартену"; Марія-Луиза шла впереди, по ея правую руку—Фрицъ Гебгардъ, по лѣвую—Грабаусъ, а сзади—майоръ съ нѣсколькими знакомыми. Общество уже дошло до „Тиргартена", а никакого общаго разговора не завязывалось. Всѣ трое молча наслаждались ночной прохладой, мягкимъ свѣтомъ звѣздъ и прянымъ ароматомъ блекнущихъ листьевъ. Но позади загорѣлся оживленный споръ. Вдругъ чей-то голосъ воскликнулъ:

— Это намъ лучше всего сможетъ разъяснить Гебгардъ... Гебгардъ! будьте любезны, можно васъ попросить къ намъ на минуту? Намъ нужно ваше компетентное мнѣніе.

Гебгарду пришлось послѣдовать зову.

— На какой премьерѣ вы были?—спросилъ Грабаусъ, продолжая идти вдвоемъ съ Маріей-Луизой.

Она назвала пьесу.

— Въ такомъ случаѣ я вполнѣ понимаю ваше разочарованіе. Пьеса вѣдь провалилась.

— Дѣло не въ этомъ,—быстро возразила она.—Мнѣ пьеса скорѣе понравилась. Но непріятно мнѣ было скорѣе по причинѣ—до нѣкоторой степени личнаго характера.

— Васъ оскорбила самая борьба между недоброжелательствомъ публики и силой таланта? Такъ ли я васъ понялъ?

— Да. И особенно по отношенію къ этому автору. Я его знала, читала его произведенія и воображала его сильнымъ и гордымъ. И вдругъ я увидѣла его передъ толпой: онъ стоялъ такой блѣдный и несчастный, съ такимъ выраженіемъ отчаянія на лицѣ!.. Въ этомъ и состояло мое разочарованіе. Мнѣ поэтому бы и не хотѣлось лично знать художника, произведенія котораго мнѣ нравятся. Такимъ, каковъ онъ среди творческой работы, я его все равно не увижу. А пустой глиняный сосудъ—на что онъ мнѣ? Впрочемъ, я, кажется, напрасно говорю вамъ все это. Вы сочтете меня очень ужъ наивной. Если бы вы были берлинцемъ, я бы съ вами ни за что не говорила объ этомъ. Но вашъ другъ сказалъ, что вы пріѣхали изъ Іены,—поэтому я и довѣрилась вамъ. Въ Іенѣ вы почти нашъ сосѣдъ. Мы вѣдь тоже пріѣхали сюда только погостить. Мы живемъ въ Веймарѣ.

Грабаусъ остановился и сказалъ:

— Не поразительно ли это? Я пробылъ здѣсь четыре дня и велъ самые разнообразные разговоры съ разными людьми,—а первый человѣкъ, который говоритъ моимъ языкомъ, языкомъ

моей духовной родины—именно вы. Вы живете въ Веймарѣ? Сколько разъ я тамъ бывалъ, и никогда васъ не встрѣчалъ. И познакомились мы именно въ Берлинѣ.

Грабаусъ услышалъ голосъ майора, который крикнулъ Маріи-Луизѣ, что она идемъ слишкомъ длинной дорогой.

— Кажется, вашъ отецъ зоветъ васъ,—сказалъ Грабаусъ своей спутницѣ.

Но она уже обернулась и крикнула въ отвѣтъ майору:

— Когда я иду впереди, всегда выходитъ длиннѣе. Но теперь такъ пріятно ходить, что не бѣда.

Майоръ указалъ палкой, куда слѣдуетъ повернуть.

— Направо,—сказалъ онъ.

Марія-Луиза и Грабаусъ повернули направо. Потомъ Марія-Луиза повернулась къ своему спутнику и спросила:

— Что̀ вы сказали: мой отецъ?..

— Ну, да—развѣ майоръ...

По его растерянности она поняла, что онъ дѣйствительно считалъ майора ея отцомъ. Она разсмѣялась тихо и весело, какъ совсѣмъ молоденькая дѣвушка.

— Неужели же у меня столь мало внушительная наружность? А между тѣмъ у меня есть сынъ, который скоро пріѣдетъ изъ кадетскаго корпуса,—сынъ шестнадцати лѣтъ.

— Простите, я скорѣе бы повѣрилъ, что вамъ шестнадцать лѣтъ, чѣмъ тому, что у васъ сынъ такихъ лѣтъ.

— Хорошо, я не буду хвастать. Это не мой сынъ, а пасынокъ—сынъ мужа отъ перваго брака. Но то, что вы приняли меня за дочь моего мужа, я могу объяснить только темнотой.

— Нѣтъ, уже раньше, въ освѣщенной залѣ...

Но она какъ будто не слышала его словъ,—можетъ быть, не хотѣла слышать, и продолжала оживленно говорить.

— Мой сынъ тоже иногда недостаточно почтителенъ ко мнѣ. Недавно, когда онъ былъ въ отпуску дома, онъ нашелъ у меня одну книгу,—очень невинную естественно-научную книгу—и удивился: „Неужели ты собираешься это читать, мама? Ты не поймешь. У нашего учителя естественной исторіи тоже есть эта книга, но намъ онъ ее не даетъ—говоритъ, что не поймемъ: „оставайтесь при Моисеевой исторіи творенія, господа, это по крайней мѣрѣ нѣчто твердое“. Ну, а если мы, кадеты старшаго класса, не можемъ понять, то гдѣ ужъ тебѣ!“ И мальчишка сказалъ это мнѣ съ самымъ чистосердечнымъ выраженіемъ лица.

— Что̀ же вы отвѣтили?

— Я стала, конечно, на материнскую точку зрѣнія,—ска-

зала ему, чтобы онъ остерегался мужского самомнѣнія. Не то ему плохо придется, если онъ случайно женится на умной женщинѣ.

Грабаусъ шелъ рядомъ съ Маріей-Луизой, испытывая такое глубокое блаженство, что ему было почти больно отъ напряженности чувства. Каждое ея слово казалось ему прекраснымъ, правдивымъ, очаровательнымъ, и онъ чувствовалъ, что въ ней еще скрыты цѣлыя сокровища ума и красоты. Онъ точно глядѣлъ сквозь разрывающійся покровъ облаковъ на снѣжныя высоты, то надѣясь, что солнце освѣтитъ вершину горы, то боясь, что облака стянутся и все скроютъ. Прислушиваясь къ голосамъ позади, трепеща, чтобы кто-нибудь изъ остальной компаніи не присоединился къ нимъ, онъ, самъ того не замѣчая, все ускорялъ шаги, и Марія-Луиза бодро шла, не отставая отъ него.

— Какъ пріятно,—сказала она,—вдыхать ясный осенній воздухъ!.. Вотъ видите, я пробыла въ Берлинѣ цѣлый мѣсяцъ, а самое пріятное впечатлѣніе за все время—это наша теперешняя прогулка по „Тиргартену". А это удовольствіе я могла имѣть и дома, гуляя въ нашемъ паркѣ. Теперь я знаю, что, живя въ тишинѣ у себя дома, я ничего не теряла—и это сознаніе меня очень радуетъ. Мой мужъ считаетъ нашу жизнь въ Веймарѣ слишкомъ однообразной для меня. У насъ довольно ограниченный кругъ знакомыхъ,—и онъ полагаетъ, что нехорошо для меня видѣть всегда только однихъ и тѣхъ же людей, что нужны новыя впечатлѣнія. Онъ такъ часто это повторялъ, что я повѣрила. И чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе, онъ взялъ меня съ собой въ Берлинъ. Я дѣйствительно видѣла здѣсь много прекраснаго. Но уже мнѣ хочется скорѣе вернуться домой... Многое, казавшееся мнѣ издали большимъ, теперь представляется маленькимъ. Я вполнѣ увѣрилась въ томъ, что̀ собственно всегда знала,—что истинное счастье—въ тишинѣ и уединеніи, въ томъ, чтобы быть какъ можно дальше отъ всего, что̀ люди называютъ жизнью.

Но Грабаусъ прервалъ ее съ такой горячностью, точно что-то давно затаенное и давившее его душу съ силой вырвалось, наконецъ, на свободу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не въ этомъ счастье!—взволнованно говорилъ онъ.—То, что̀ вы говорите—самообманъ. Къ чему жить, если убѣгать отъ жизни? Если не пользоваться своими силами, то на что̀ онѣ? Зачѣмъ тогда чувствовать ихъ напоръ? Нѣтъ, не слѣдуетъ сторониться отъ жизни и прикрывать свою убогость словами о томъ, что все—суета. Я тоже укрылся въ своемъ

гнѣздѣ, и мнѣ кажется, что я проспалъ всѣ эти долгіе годы и только теперь проснулся. А между тѣмъ я не жилъ въ праздности. Но я часто ложился спать, утомленный только будничностью жизни и тѣмъ, что въ ней не было ничего яркаго. И какъ часто я просыпался съ чувствомъ: зачѣмъ вставать, вѣдь сегодня такой же день, какъ вчера? Проклятое, безплодное, пустынное время! И послѣ того, какъ я работалъ, читалъ, думалъ до того, что у меня голова кружилась, мной овладѣвалъ безумный страхъ: мнѣ казалось, что все это продѣлываетъ не я, и даже не частица меня. Мнѣ казалось, что я похороненъ. Но теперь я проснулся. Теперь я увидѣлъ, что міръ полонъ красоты и чудесъ, и что жизнь—великое благо. Я хочу жить всѣми фибрами души. Я никогда не паду духомъ, всѣ дороги будутъ мнѣ открыты, всѣ возможности будутъ использованы. И если я даже при этомъ погибну,—что̀ за бѣда! Все-таки я не поддался, все-таки боролся. Только бы выплыть въ море на всѣхъ парусахъ! И въ тысячу разъ лучше погибнуть среди океана, чѣмъ сгнить въ гавани!

Онъ кончилъ и они молча пошли дальше по блѣдно освѣщенной дорогѣ. Прохладный ночной вѣтеръ раскачивалъ деревья и кусты, разсыпалъ у ногъ ихъ золотистые листья и покрывалъ рябью темную воду, въ которую глядѣли звѣзды, сверкая какъ расплавленное серебро. Все вокругъ было мягко и тихо. А впереди, за мощными верхушками деревьевъ, высилось небо, побагровѣвшее отъ безчисленныхъ огней большого города.

Послѣ долгаго молчанія, Марія-Луиза, наконецъ, сказала:

— Вы такъ говорите, имѣете право такъ говорить, потому что вы—мужчина. Женщины же не могутъ сами создавать свою жизнь. Онѣ ее принимаютъ готовой, и должны быть благодарны, если ихъ жизнь направляетъ добрая, заботливая рука.

Грабаусъ остановился и, глядя на темную воду, изъ глубины которой какъ бы всплывали вверхъ серебристыя искры, сказалъ:

— Знаете, мы едва ли увидимся еще когда-нибудь. Поэтому лучше въ эти немногія минуты говорить все до конца. То, что̀ я сказалъ—все это... Еще часъ тому назадъ, я проклиналъ общество людей. Я жаждалъ одиночества, какъ вы. Въ одиночествѣ такъ хорошо. Чувствуешь себя свободнымъ и сильнымъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, становишься бѣднымъ. Перестаешь вѣрить, потому что не видишь. Дверь, которую всегда держатъ на запорѣ, скрипитъ, когда ее открываютъ. И сердце, которое перестаетъ раскрываться, сжимается. Оно пусто и все-же въ немъ нѣтъ мѣста.

Онъ замолчалъ, потомъ, поглядѣвъ въ лицо Маріи-Луизы,

продолжалъ такимъ голосомъ, точно говорилъ не онъ, а что-то болѣе мощное въ немъ:

— Все дѣло въ томъ, чтобы въ надлежащій моментъ найти надлежащаго человѣка. Одинъ часъ—столь мимолетный—можетъ стать путеводной звѣздой для всей жизни.

Она ничего не отвѣтила, но остановилась, и они стояли другъ противъ друга, не глядя въ лицо, пока остальная часть общества не нагнала ихъ. И когда послѣ этого всѣ стали прощаться, Марія-Луиза протянула ему руку молча.

Грабаусъ получилъ письмо отъ жены, въ которомъ она сообщала, что дома всѣ здоровы, и удивлялась, что мужъ ничего не пишетъ объ ея матери и сестрахъ. Что онъ былъ у нихъ сейчасъ же по пріѣздѣ—въ этомъ она не сомнѣвалась. А между тѣмъ Грабаусъ все время откладывалъ этотъ непріятный визитъ, а потомъ просто забылъ о немъ. Теперь необходимо было исправить свою оплошность.

Его тесть, бывшій пѣвецъ королевской оперы, или, вѣрнѣе, его теща, Констанція Бухбиндеръ, — мужъ ея въ сущности не игралъ никакой роли въ семьѣ, — жила на Шенебергской набережной. У нея были не только собственныя четыре дочери, изъ которыхъ только старшая была замужемъ, но всегда еще жили на полномъ пансіонѣ нѣсколько барышенъ изъ зажиточныхъ провинціальныхъ семей, пріѣхавшихъ въ Берлинъ заниматься музыкой, живописью или чѣмъ-нибудь другимъ, или же просто пріятно провести зиму въ столицѣ. Такимъ образомъ, домъ всегда былъ полонъ дамъ.

Бывшему пѣвцу было около пятидесяти лѣтъ; онъ былъ одутловатъ, страдалъ одышкой и очень медленно двигался. Деспотъ по натурѣ, онъ все-таки былъ подъ башмакомъ у своей жены. Собственно говоря, онъ былъ почти посторонній человѣкъ въ этой семьѣ, единственный мужчина въ этомъ царствѣ амазонокъ, и доставлялъ только лишнія хлопоты своимъ присутствіемъ. Онъ очень блестяще началъ свою карьеру, но его талантъ постепенно заглохъ среди будничной жизни. Онъ разжирѣлъ и обрюзгъ. Его музыкальность служила ему теперь только для того, чтобы давать уроки пѣнія пансіонеркамъ жены и по воскреснымъ вечерамъ играть для танцевъ. Плата за уроки и маленькая пенсія изъ какого-то фонда—вотъ все, что онъ со своей стороны вносилъ въ хозяйство. Вся тяжесть заботъ о семьѣ всегда лежала на его женѣ. Въ девятнадцать лѣтъ она была красивой дѣвушкой

съ маленькимъ приданымъ, съ сентиментальными мечтами о счастьи, и вышла замужъ по любви за пѣвца, имѣвшаго тогда большой успѣхъ. Но любовь, приданое, сентиментальность—все это было поразительно быстро уничтожено суровой дѣйствительностью. Констанція сама еще едва вышла изъ полудѣтскаго возраста, когда поняла, что отецъ ея дѣтей — самъ большое дитя. Такъ какъ онъ по своей артистической беззаботности очень быстро спустилъ всѣ деньги, то ей пришлось бороться съ нуждой, и она, наконецъ, рѣшилась взять въ домъ пансіонерокъ. Дочери подростали и, благодаря ея вліянію, становились очень благоразумными и практичными дѣвушками. Три старшія, Елена, затѣмъ вторая, жена Грабауса, и третья, Берта, сдали экзаменъ на учительницъ, а самая младшая, которая была и красивѣе, и легкомысленнѣе старшихъ, была только фребеличкой. Необходимость заботиться о себѣ развила во всѣхъ сестрахъ преждевременную самостоятельность. Онѣ еще признавали до нѣкоторой степени авторитетъ матери, но отцу не выказывали ни малѣйшаго уваженія. И это пренебрежительное отношеніе къ отцу онѣ переносили на всѣхъ мужчинъ. Онѣ хотя и гнались за женихами, но въ глубинѣ души считали мужчинъ безсердечными эгоистами и низшими существами, которые, по какому-то недоразумѣнію, въ силу какого-то предразсудка, занимаютъ первенствующее положеніе, которое въ сущности должны были бы занимать женщины.

Грабаусъ пошелъ къ нимъ обѣдать въ воскресенье. Вся семья уже сидѣла за столомъ въ длинной и мрачной столовой. Въ широкое окно во дворъ глядѣлись пасмурныя, грустныя сумерки, смѣшиваясь съ желтоватымъ свѣтомъ висячей лампы. Подали супъ. Пѣвецъ, засунувшій салфетку за воротникъ, отложилъ ложку и сказалъ:

— Вашъ супъ...

— Чѣмъ тебѣ супъ не нравится? — довольно нелюбезно спросила жена.

— Ваша Аугуста, вѣрно, опять влюбилась?

— Ахъ, папа, Аугусты уже нѣтъ съ перваго числа! Теперешнюю горничную зовутъ Линой! — поправила отца младшая дочь, Френцхенъ.

— Аугуста или Лина, не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, супъ слишкомъ солонъ. Послушай, Генрихъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ зятю, — на дняхъ со мной случился смѣшной анекдотъ. Я долженъ тебѣ его разсказать.

Но при словѣ „разсказать", жена его сдѣлала ему знакъ

замолчать. Его разсказы обыкновенно не годились для ушей молодыхъ дѣвушекъ.

— Ну, я разскажу тебѣ это въ другой разъ.—Да вѣдь ты ужъ, кажется, достаточно нарѣзала мяса, мама. Вотъ этотъ кусочекъ недуренъ,—можешь дать его мнѣ.

Ему положили на тарелку облюбованный имъ кусокъ, и онъ, наконецъ, замолчалъ.

Ближе къ концу стола сидѣли молодыя дѣвушки—три дочери дома и четыре пансіонерки. Лена разсказала о своемъ катаньи на велосипедѣ въ это утро, въ компаніи нѣсколькихъ знакомыхъ. Она говорила, что было очаровательно, что листья дубовъ по дорогѣ сверкали какъ золото, и что всѣ мчались, какъ безумные.

— Горнеманъ тоже ѣздилъ съ вами? — спросила Берта, вторая сестра.

— Конечно.

— Почему конечно? Ему могло вѣдь что-нибудь помѣшать.

— Ну, знаешь ли!..—съ упрекомъ возразила Лена.—Мы съ нимъ ѣздили взапуски. Страшно устала, — такъ что дыханіе захватило.

Она весело засмѣялась своимъ широкимъ ртомъ, и темные добродушные глаза засверкали отъ удовольствія. Сегодня жизнь ей улыбалась; завтра, быть можетъ, она будетъ чувствовать себя несчастной въ зависимости отъ того, — за нею или за другой будетъ ухаживать интересующій ее въ данное время молодой человѣкъ.

— Ты тоже ѣздишь на велосипедѣ? — спросилъ Грабаусъ свою belle-soeur Берту.

— Нѣтъ!—отвѣтила она съ нѣсколько злобной усмѣшкой.— Я нахожу это неженственнымъ.

— Ты просто не умѣешь,—въ этомъ все дѣло,—дерзко возразила ей Френцхенъ.

— Вотъ какъ! Грабовскій десять разъ предлагалъ научить меня, но мнѣ не хочется. Вообще, ѣзда на велосипедѣ выходитъ теперь изъ моды для дамъ.

— Кто это Грабовскій?

— Очень милый и порядочный человѣкъ,—объяснила Грабаусу его теща. — Ассистентъ доктора Лейснера. Ты увидишь его сегодня вечеромъ.

— Какъ можно интересоваться зубнымъ врачомъ?—сказала Лена, качая головой.

— Почему же не интересоваться? Вы какъ думаете, фрейлейнъ Рикхенъ?

Берта обратилась при этомъ съ злой улыбкой къ одной изъ пансіонерокъ, некрасивой дѣвушкѣ, которая покраснѣла и смущенно улыбнулась, показывая криво разставленные зубы.

— Все дѣло въ томъ, каковъ человѣкъ, а не въ томъ, чѣмъ онъ занимается.

— А по-моему, самое главное, сколько у него денегъ,— сказала Френцхенъ.

— Ну и взгляды!—замѣтилъ Грабаусъ полушутливо, полувозмущенно; другія сестры объяснили ему, что Френцхенъ, вообще, настоящая американка по своей практичности.

— Да развѣ я не права?—защищалась Френцхенъ.— Воздухомъ и любовью нельзя прожить. Выйти замужъ съ тѣмъ, чтобы опять терпѣть нужду—благодарю покорно!

Она скорчила презрительную и возмущенную гримасу.

— Ну, да, квартира окнами на улицу, въ лучшей части города, и не меньше пяти комнатъ,—на меньшее ты не согласна, не правда ли?—спросила Берта.

— И чтобы непремѣнно было электрическое освѣщеніе. Электрическая лампа надъ постелью—какой восторгъ!

— Нѣтъ, послушайте-ка эту дѣвчонку!—Старый пѣвецъ громко расхохотался.—О томъ, кто рядомъ...

— Тссъ!..—остановила его жена.

И барышни приняли возмущенный видъ и сидѣли съ серьезными, неподвижными лицами. Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ возстановился общій разговоръ.

Послѣ обѣда Грабаусъ поговорилъ еще спокойно съ тещей около часа. Она разспросила его про жену и дѣтей, и потомъ сама навела разговоръ на искусство. Гдѣ-то въ уголкѣ ея озабоченной души жила еще любовь къ искусству. У нея не было денегъ, чтобы посѣщать театры, концерты и выставки, не было времени читать книги, но она любила, по крайней мѣрѣ, говорить обо всемъ этомъ.

Къ вечеру въ гостиную снова вошли барышни, которыя тѣмъ временемъ переодѣлись. Черезъ нѣсколько времени стали раздаваться непрерывные звонки, и гостиная наполнилась молодежью.

Вечеръ начался по обыкновенію съ музыки. Пансіонеркамъ, которыя брали уроки пѣнія, хотѣлось, конечно, показать, какіе онѣ сдѣлали успѣхи. Потомъ стали разносить чай и бутерброды, а послѣ того начались танцы.

Странное настроеніе нашло на Грабауса, когда онъ сѣлъ поодаль отъ другихъ и сталъ глядѣть на танцующія пары. Къ

мыслямъ о Маріи-Луизѣ примѣшивались, сначала понемногу, потомъ все сильнѣе, воспоминанія о давно минувшихъ дняхъ. Въ памяти ожили воскресные вечера, которые и онъ проводилъ студентомъ въ этомъ домѣ. Развѣ все не осталось здѣсь по старому? Теперь, какъ и тогда, старый пѣвецъ сидѣлъ у рояля, барабаня танцы, и сосалъ кончикъ потухшей сигары, а его жена суетливо бѣгала взадъ и впередъ, какъ насѣдка вокругъ своихъ цыплятъ; какъ и тогда, дѣвушка вносила поочередно то подносъ съ бутербродами, то подносъ съ стаканами пива и зельтерской воды. А этотъ Грабовскій! Тогда, кажется, тоже бродилъ по комнатѣ элегантный зубной врачъ съ такимъ элегическимъ лицомъ, точно онъ чувствовалъ на себѣ боль, которую выносили его паціенты. А эти два вольноопредѣляющіеся, которые шептались другъ съ другомъ и отъ времени до времени утирали потъ съ лица. А этотъ господинъ изъ провинціи! Теперь его зовутъ Горнеманомъ, и онъ—инженеръ. Тогда онъ былъ врачъ, и носилъ другое, столь же прекрасное имя. Но другой разницы между ними не было. У этого такой же видъ, какъ у его предшественника, такіе же широкіе сапоги, и онъ танцуетъ вальсъ съ такимъ же напряженнымъ серьезнымъ лицомъ, точно танцы—тяжкая работа, а не удовольствіе. И когда онъ отдыхалъ, обмахиваясь платочкомъ, и при этомъ слѣдилъ глазами за Леной, которая танцовала съ другимъ, то на его нахмуренномъ лицѣ ясно выражалась мысль: сдѣлать предложеніе или не сдѣлать? Увы, и онъ, вѣроятно, рѣшитъ не дѣлать... „Бѣдная Лена!—подумалъ Грабаусъ.—Она единственная между ними, у которой есть живыя чувства. Другія сестры умѣютъ только считать“.

Но имъ овладѣлъ искренній ужасъ, когда онъ вдругъ увидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ Берту, поглощенную разговоромъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Они сидѣли въ самомъ отдаленномъ, тихомъ углу, между книжнымъ шкапомъ и столикомъ для цвѣтовъ, въ тѣни того же араукарія, подъ которымъ онъ часто сидѣлъ со своей невѣстой. У собесѣдника Берты были свѣтлые волосы, красивые мечтательные глаза и лицо его было совсѣмъ другое, чѣмъ у остальныхъ суетливыхъ и шумныхъ молодыхъ людей.

Грабаусъ глядѣлъ на нихъ, и ему казалось, что онъ ясно слышитъ ихъ разговоръ: молодой человѣкъ говорилъ взволнованно, дрожащимъ голосомъ, точно изъ души его выливались давно затаенныя въ ней слова; а Берта слушала его, дѣлая видъ, что она очень заинтересована разговоромъ, и все-таки отъ времени до времени бросала скучающій взглядъ на танцующихъ,

точно жалѣя, что она не среди нихъ. И чѣмъ дольше Грабаусъ глядѣлъ на нихъ, тѣмъ больше ему казалось, что это онъ самъ сидитъ на мѣстѣ незнакомаго юноши и разсказываетъ любимой дѣвушкѣ, что̀ онъ думалъ и пережилъ наединѣ. Неужели же все въ жизни повторяется, неужели всѣ должны пережить тѣ же надежды и тѣ же разочарованія?

Онъ почувствовалъ странную симпатію къ незнакомому юношѣ,—ему казалось, что его долгъ придти ему на помощь, открыть ему глаза и предостеречь его.

Танцы кончились. Всѣ стали искать, гдѣ сѣсть. Берта и ея собесѣдникъ встали и вскорѣ были отдѣлены другъ отъ друга. Черезъ нѣсколько времени Берта вошла въ сосѣднюю комнату и присѣла къ Грабаусу.

— Ты, кажется, молча наблюдаешь?—спросила она.

— Что̀ тебѣ разсказывалъ молодой человѣкъ, съ которымъ ты такъ оживленно говорила?

— Представь себѣ, онъ мнѣ стихи читалъ.

— Стихи? Съ которыхъ это поръ ты стала любить стихи?

— Я очень люблю стихи, — особенно такіе. Они мнѣ посвящены.

— Вотъ какъ. Кто этотъ молодой человѣкъ?

— Студентъ-юристъ. Онъ изучаетъ, главнымъ образомъ, политическую экономію—можетъ быть, будетъ готовиться къ профессурѣ. На это, конечно, нужны средства. Своихъ денегъ у него нѣтъ, но у него очень богатые родственники.

Грабаусъ съ удивленіемъ взглянулъ на Берту.

— Ты, кажется, серьезно интересуешься имъ?

Она нѣсколько смущенно разсмѣялась и вскочила.

— А ты бы хотѣлъ знать?

„Значитъ, я не ошибся“,—подумалъ Грабаусъ. И ему представилось, что и Констанція вѣроятно въ свое время говорила о немъ въ томъ же тонѣ, какъ теперь Берта, что она разсчитывала, какіе шансы на успѣхъ можетъ имѣть философія. У него тоже не было своего состоянія, но имѣлась стипендія. Это, вѣроятно, и побудило ее выйти за него замужъ.

„Бѣдный наивный юноша,—подумалъ онъ,—неужели и тебѣ предстоитъ то же, что̀ и мнѣ? Неужели и ты отдашь свое сердце этому ограниченному существу и захочешь сдѣлать изъ ея жалкой душонки душу святой Варвары? Проклятіе нашему невѣдѣнію, нашей молодости! Чѣмъ мы чище, тѣмъ беззащитнѣе. И къ тебѣ, какъ и ко мнѣ, явится твой будущій тесть, грубо коснется твоего нѣжнаго чувства и дастъ тебѣ непрошенное благословеніе“.

Грабаусу бросилась кровь въ лицо, когда онъ вспомнилъ объ этомъ посѣщеніи: старикъ явился въ его маленькую студенческую комнату съ торжественнымъ выраженіемъ на своемъ въ обычное время плутовскомъ веселомъ лицѣ и былъ похожъ на „каменнаго гостя“ въ „Донъ-Жуанѣ“. Онъ сталъ говорить о соблазнахъ столичной жизни и о пользѣ ранняго брака. Сначала слова его не имѣли успѣха, потому что молодой студентъ не чувствовалъ за собой никакихъ грѣховъ; онъ сталъ говорить въ виду этого все яснѣе, пока наконецъ Грабаусъ не выдалъ ему своей тайны. Тогда онъ простеръ руку и сказалъ:

— Вы сдѣлали хорошій выборъ. Старшая лучше всѣхъ. Пойдите, поговорите съ ней. Вы не будете обмануты въ вашихъ надеждахъ. Я знаю, что Лена васъ любитъ. — Онъ даже не зналъ хорошенько, о которой дочери идетъ рѣчь.

Гнѣвное чувство стыда и возмущенія снова загорѣлось въ сердцѣ Грабауса. Онъ все простилъ своему тестю—кромѣ этого посѣщенія. Уже тогда его первой мыслью было: бѣжать, скорѣе бѣжать! Теперь все прекрасное и поэтичное загрязнено. Въ ту минуту въ душу его закралось подозрѣніе, но потомъ—потомъ именно это посѣщеніе и побудило его сдѣлать предложеніе.

Около полуночи Грабаусъ случайно сѣлъ рядомъ съ тещей и Френцхенъ. Черезъ нѣсколько времени къ нимъ подсѣла и Берта.

— Ты тоже хочешь отдохнуть?—спросилъ Грабаусъ.

— Мнѣ кажется некрасивымъ, когда слишкомъ разгорячишься.

— Она думаетъ, что блѣдность ей больше къ лицу,—сказала Френцхенъ.

— Не говори глупостей!

— Что у тебя вышло съ фрейлейнъ Рикхенъ?—спросила мать.—Вы, кажется, опять повздорили?

— Зачѣмъ она бѣгаетъ за Грабовскимъ?—рѣзко сказала Френцхенъ.—Это такъ смѣшно!

— Конечно, смѣшно,—сказала Берта,—тѣмъ болѣе, что ему она совсѣмъ не нравится. Онъ ей сказалъ сегодня, чтобы она пришла къ нему на пріемъ,—что онъ починитъ ей зубы—безвозмездно.

— Когда онъ это сказалъ? Все это ты выдумала.

— Что ты, Френцхенъ! Да вѣдь это только доказываетъ, что онъ ею не интересуется. Когда нравится молодая барышня, ей не предлагаютъ починить зубы,—это было бы безтактно.

Берта сказала это съ такимъ невинно-убѣжденнымъ видомъ,

что трудно было рѣшить, говоритъ ли она серьезно, или только дразнитъ сестру.

Когда незнакомый молодой блондинъ подошелъ къ Бертѣ и пригласилъ ее танцовать, Грабаусъ спросилъ:

— Что же, наклевывается, кажется, женихъ?

— Какъ знать?—со вздохомъ сказала фрау Бухбиндеръ.— Этого молодого человѣка никакъ нельзя разгадать.

— Да развѣ можно разгадать мужчинъ? Они такъ глупы, что намъ ихъ не понять,—прибавила Френцхенъ.

— Онъ уже вторую зиму бываетъ у насъ. Меня все это очень безпокоитъ. Берта такъ привязалась къ нему.

— Почему же тебѣ не послать къ нему папу?

— Ахъ, дитя мое, я такъ неохотно прибѣгаю къ этому средству.

— Для меня тебѣ этого дѣлать не придется. Если онъ самъ не захочетъ, такъ Богъ съ нимъ. Но Берта совсѣмъ помѣшалась—до того ей хочется выйти за него замужъ. Да оно, дѣйствительно, звучитъ недурно: Берта фонъ-Элленъ.

— Что? Какъ его зовутъ?—спросилъ Грабаусъ совершенно, опѣшивъ.

— Вольфъ фонъ-Элленъ.

— Изъ Веймара?

— Да.

— Значитъ, я сегодня познакомился съ его сестрой.

— Его сестра замужемъ за майоромъ.

— Ну, да, значитъ, это онъ.

Грабаусъ быстро поднялся, подошелъ къ брату Маріи-Луизы, поздоровался съ нимъ и уже весь вечеръ не отходилъ отъ него.

— Хотите, пойдемте въ кафе и поболтаемъ еще часокъ?— предложилъ Грабаусъ брату Маріи-Луизы, котораго мысленно называлъ уже „братомъ Вольфомъ“, до того ему понравился молодой человѣкъ. — Какъ это поразительно! — сказалъ онъ.— Вчера я познакомился съ вашей сестрой, а сегодня—съ вами. Это что-нибудь да значитъ. Нужно непремѣнно понять—что.

Въ кафе Вольфъ фонъ-Элленъ сидѣлъ значала задумчивый и смущенный. Прежняя его разговорчивость въ обществѣ Берты смѣнилась полнымъ молчаніемъ. Но Грабаусъ не унывалъ, увѣренный, что сможетъ поспорить съ Бертой въ умѣньи расположить къ себѣ человѣка. Дѣйствительно, ему удалось своимъ дружелюбіемъ побѣдить сдержанность молодого человѣка. Онъ сталъ

говорить—сначала еще нерѣшительно, потомъ все болѣе довѣрчиво—о своей жизни и о борьбѣ, которую ему пришлось уже выдержать въ жизни. Видно было, что онъ жаждалъ открыть свою душу, и теперь обрадовался, встрѣтивъ теплое отношеніе къ себѣ. Грабаусу онъ все болѣе нравился и казался достойнымъ братомъ Маріи-Луизы.

Вольфъ фонъ-Элленъ учился въ Берлинѣ уже два года, и сначала велъ такую же беззаботно-веселую жизнь, какъ другіе знакомые ему студенты. Но отчасти случайно, отчасти по внутреннему побужденію онъ ближе ознакомился съ соціальнымъ вопросомъ, и это сразу измѣнило всю его жизнь. Онъ отошелъ отъ всѣхъ прежнихъ друзей и знакомыхъ, поселился въ бѣдномъ кварталѣ, въ сѣверной части Берлина, въ очень маленькой бѣдной комнаткѣ, сырой и полутемной. Онъ долгое время избѣгалъ встрѣчаться съ прежними знакомыми, которые смѣялись надъ его планами общественнаго переустройства, и почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ, кромѣ своей квартирной хозяйки, простой работницы, привлекавшей его своей жаждой образованности. Онъ хотѣлъ жить какъ пролетарій и упрямо искоренялъ въ себѣ всѣ привычки прежней избалованной жизни. Его угнеталъ страшный открытый вопросъ о нуждѣ рабочаго класса. Онъ ходилъ на рабочія собранія и въ рабочіе клубы, но все, что онъ тамъ слышалъ, не удовлетворяло его, — онъ не видѣлъ никакой надежды освѣтить окружавшій его мракъ. Такъ онъ прожилъ болѣе года; иногда только на него нападали приступы острой жажды радости, жизни для себя. Онъ отправлялся тогда куда-нибудь за городъ или уходилъ въ „Тиргартенъ", шелъ слѣдомъ за какой-нибудь молодой дѣвушкой, смѣхъ которой звучалъ для него гимномъ освобожденія. Или же онъ открывалъ заколоченный ящикъ, вынималъ книгу, и когда онъ читалъ ее, ему представлялось, что въ немъ просыпается другой человѣкъ,—плѣнникъ, рвущійся на свободу. И ему казалось, что этотъ плѣнникъ—онъ самъ, его жаждущая свободы душа.

Годъ тому назадъ, зимой, одинъ знакомый ввелъ его къ Бухбиндерамъ. Воскресные вечера у нихъ были его единственнымъ развлеченіемъ, единственной связью съ міромъ, отъ котораго онъ прежде такъ тщательно сторонился. Но поѣздки въ аристократическую часть Берлина были въ его глазахъ измѣной его убѣжденіямъ. Болѣе изящный сюртукъ, который онъ надѣвалъ, отправляясь въ гости, казался ему украденнымъ у неимущихъ. И теперь онъ все еще терзался сомнѣніями, мучился вопросомъ, имѣетъ ли онъ право на удовольствіе, когда столько людей голодаетъ.

Грабаусъ сталъ ему доказывать, что горе и нужда всегда будутъ въ мірѣ, но что это не должно уничтожать радость, которая имѣетъ полное право на существованіе. Въ каждую данную минуту кто-нибудь на землѣ страдаетъ, но это не должно лишать насъ способности наслаждаться всѣмъ, что̀ есть радостнаго въ мірѣ. Здоровый человѣкъ долженъ умѣть и выносить безропотно страданія, и наслаждаться счастьемъ. Это нужно, чтобы сохранять силы для борьбы.

— Въ наше время,—говорилъ Грабаусъ,—болѣе, чѣмъ когда-либо нужны бодрые, радостные люди, ибо только въ радостномъ сердцѣ могутъ возникнуть творческая сила и энергія. Достаточно на землѣ жалобъ и возмущенія. А гдѣ добрые, отважные люди, которые дѣйствительно сдѣлали бы что-нибудь для улучшенія условій жизни? Неужели вы думаете, что, надрывая силы плохимъ питаніемъ и жизнью въ полутьмѣ, вы этимъ поможете людямъ? Вы только грабите себя, никого не обогащая. Вы думаете, что можно отбросить всѣ привычки воспитанія, не принося этимъ ущерба своимъ духовнымъ силамъ? Поймите, я вовсе не осуждаю васъ: хорошо, что вы вняли голосу, звавшему васъ помогать страждущимъ и голодающимъ. Теперь вы уже никогда не пройдете равнодушно мимо чужого страданія, никогда не будете относиться съ насмѣшкой къ борьбѣ обездоленныхъ. Но голосъ, который громко говоритъ въ васъ: въ тебѣ есть еще нѣчто бо̀льшее—тоже правъ. Это—голосъ вашей души, вы обязаны внять ему.

Молодой человѣкъ сначала мрачно смотрѣлъ на Грабауса, погруженный въ свои мысли, потомъ взоръ его все свѣтлѣлъ, и онъ весь раскраснѣлся отъ радости. Онъ долго молчалъ, потомъ сказалъ:

— Все, что̀ вы говорите, я тоже чувствовалъ, и часто говорилъ себѣ. Но я не вѣрилъ своимъ собственнымъ доводамъ—мнѣ нуженъ былъ толчокъ извнѣ. Я все надѣялся, что встрѣчу человѣка,—такого, какъ вы,—который оправдаетъ меня передъ самимъ собой. И какъ странно, что я познакомился съ вами именно въ столь важную для меня минуту жизни.

— Я вѣдь говорилъ, что это болѣе чѣмъ простая случайность,—весело сказалъ Грабаусъ.—И у меня къ тому же такое чувство, точно мы ужъ Богъ вѣсть какъ давно знакомы. Бываютъ часы, которые исчисляются не минутами, бываютъ люди, которые... Ну, словомъ, если вы ничего противъ этого не имѣете,—я бы очень охотно сталъ вашимъ другомъ.

— Я этого желаю всей душой,—отвѣтилъ Вольфъ, схвативъ

руку Грабауса и крѣпко пожимая ее. Счастливая улыбка, вдругъ озарившая его лицо, придавала ему поразительное сходство съ сестрой.—Когда я выходилъ отъ Бухбиндеровъ,—сказалъ онъ,—я предчувствовалъ, что меня ожидаетъ сегодня еще большая радость.

Грабаусъ пошелъ проводить своего новаго друга, и когда онъ простился съ нимъ у его дома, Вольфъ пошелъ въ свою очередь провожать его. Это они продѣлали нѣсколько разъ. Все возникало еще что-нибудь новое, о чемъ имъ хотѣлось поговорить. Уже начинало свѣтать, когда они, наконецъ, разошлись. Грабаусъ уговаривалъ молодого фонъ-Эллена не только выѣхать изъ своей прежней комнатки, но и покинуть Берлинъ. Зачѣмъ томиться въ этой каменной пустынѣ, гдѣ такъ трудно найти, среди милліоновъ, нѣсколькихъ настоящихъ людей? Онъ убѣждалъ его переѣхать въ Іену, гдѣ при его содѣйствіи Вольфъ сможетъ кромѣ юридическихъ занятій слушать общенаучныя лекціи. Это предложеніе было принято молодымъ человѣкомъ съ радостью, и когда они разстались, переѣздъ Вольфа въ Іену былъ дѣломъ окончательно рѣшеннымъ. О Бертѣ и о всей семьѣ Бухбиндеровъ они оба не упомянули ни словомъ, но Грабаусъ чувствовалъ, что въ этомъ и не было надобности, что его другъ самъ высвободится изъ разставленныхъ ему сѣтей.

Но зато Грабаусъ узналъ еще нѣчто весьма для него интересное. Вольфъ ему разсказалъ, что его сестра съ мужемъ собираются быть въ ближайшее воскресенье на общественномъ балу въ рейхстагѣ. Грабаусъ собирался уѣхать уже во вторникъ, но теперь твердо рѣшилъ остаться и поглядѣть на Марію-Луизу хоть издали въ воскресенье.

Когда онъ легъ и потушилъ свѣчу, то послѣдняя картина, мелькнувшая передъ нимъ, когда онъ засыпалъ, была связана съ Маріей-Луизой. Онъ видѣлъ передъ собой большую мраморную залу, толпу людей, оркестръ музыки и сверкающіе огни. И среди всего этого самой прекрасной и сіяющей была она—Марія-Луиза. Самъ же онъ, прислонившись къ колоннѣ, стоялъ, погруженный въ созерцаніе ея лица,—какъ бѣдный уличный мальчикъ, который стоитъ на темной улицѣ и глядитъ въ окна освѣщенной праздничной залы, томясь желаніемъ радости, едва не плача и все-таки испытывая жгучую радость.

На слѣдующее утро Грабаусъ получилъ письмо такого содержанія: „Дорогой другъ, приходите ко мнѣ сегодня днемъ вы-

пить чашку чая. Я покинута всѣми и страшно несчастна. Привѣтъ. Ваша Магги Тёнъ.—Пожалуйста, приходите, не обманите!"

Около пяти часовъ Грабаусъ направился на Кирхштрассе. Когда онъ позвонилъ, старуха Марушка осторожно открыла только щелку въ двери и сердито оглядѣла его своими недовѣрчивыми цыганскими глазами, прежде чѣмъ впустить.

— Ахъ, это вы! Я пойду, скажу барышнѣ. Можетъ быть, она тогда встанетъ.

— Развѣ она еще въ постели?

— Она ужъ два дня какъ не вставала. Говоритъ, что не для чего. Мы ужъ и доктора звали.

— Развѣ она больна?

— Не то чтобы больна, но у нея былъ сердечный припадокъ. Докторъ говоритъ, что сердце здоровое, только переутомленное. Да и не удивительно!

Старуха провела его въ гостиную, гдѣ были спущены шторы. Она зажгла свѣтъ и снисходительно пододвинула ему кресло.

— Присядьте пока. Барышня, вѣрно, скоро выйдетъ.

Прошло, однако, еще довольно много времени, прежде чѣмъ открылась дверь и вошла Магги. Она безмолвно остановилась у порога, вытерла платочкомъ послѣднюю слезу изъ глазъ и медленно опустила узкую руку на свое лиловое платье. Углы ея рта устало опустились, лицо было блѣдное, цвѣта пожелтѣвшаго шолка; глаза, окруженные черными тѣнями, казались огромными и черными какъ уголь. Несмотря на всю свою печаль, она была чрезвычайно красива въ эту минуту. Растроганный чуть не до слезъ ея скорбнымъ видомъ, Грабаусъ подошелъ къ ней и, передавая ей букетъ розъ, сказалъ:

— Магги, не приходите въ такое отчаяніе!

— Ахъ, милый другъ, какъ я вамъ благодарна за то, что вы пришли! Теперь, по крайней мѣрѣ, у меня есть передъ кѣмъ излить мое горе. Зачѣмъ я еще жива? Я уже четыре дня не встаю съ постели, лежу въ темнотѣ и не могу никого видѣть. Ахъ, какъ у меня болитъ сердце! Я такъ устала! Я такъ больна!

Она опустилась на стулъ у маленькаго столика, отирая платочкомъ слезы, которыя не переставали литься у нея изъ глазъ. Грабаусъ нѣжно гладилъ ея руку, стараясь успокоить ее. Марушка безмолвно вошла и принесла чай.

— Принесите и рому для доктора Грабауса.

Но такъ какъ Грабаусъ не пилъ рома, то Магги влила двѣ ложечки себѣ въ чай. Она глубоко вздохнула съ искренней душевной мукой и, глядя на своего гостя затуманенными отъ слезъ глазами, сказала:

— Какъ можно быть такимъ жестокимъ! Онъ въ двухъ словахъ сообщаетъ мнѣ, что между нами все кончено, что онъ меня больше не любитъ. И онъ полагаетъ, что я тоже сейчасъ же разлюблю его. Я даже не порвала его письма. Оно лежитъ у меня на столѣ. Я лишилась чувствъ.

— Магги, онъ недостоинъ вашей любви!

— Недостоинъ! Развѣ любовь объ этомъ спрашиваетъ? Любишь человѣка—вотъ и все. И въ этомъ счастье. Есть на свѣтѣ человѣкъ, ради котораго живешь. Вѣдь и въ отсутствіи мнѣ все-таки казалось, что онъ здѣсь, въ моей комнатѣ. Я не была одна. А теперь я чувствую себя такой одинокой! Какая мука лежать въ постели безъ сна и все время—днемъ и ночью—слушать тиканье часовъ! И сердце тоже стучало все время въ тактъ часамъ. Ужасно, ужасно! Отъ этого не умираешь, но чувствуешь, какъ постепенно точно разбиваешься на кусочки. Я такъ устала, такъ пала духомъ! И какъ продолжать жить въ такомъ состояніи?

— Магги! Грѣшно приходить въ такое отчаяніе. Вы такъ молоды, прекрасны, очаровательны...

— Это вы говорите, чтобы утѣшить меня. На самомъ дѣлѣ, я сдѣлалась уродомъ.

— Нѣтъ,—искренно возразилъ онъ.—Вы менѣе всего уродъ. Когда вы вотъ стояли тамъ,—я даже былъ пораженъ,—вы были истинно очаровательны. Страданіе сдѣлало васъ еще болѣе красивой.

— Неужели?

Ея лицо невольно озарилось счастливой улыбкой. Она налила себѣ еще чашку чая, влила въ нее три ложечки рома и выпила почти залпомъ.

— Дѣйствительно, не стоитъ горевать,—сказала она вдругъ измѣнившимся голосомъ.—Нужно быть веселой, легкомысленной,—вѣдь жизнь такъ коротка! Ну, а теперь разскажите что-нибудь о себѣ. Какъ это случилось, что вы еще въ Берлинѣ?

Грабаусъ сталъ разсказывать. Такъ какъ ему, однако, не хотѣлось говорить Магги о Маріи-Луизѣ, то онъ объяснилъ отсрочку своего отъѣзда тѣмъ, что обѣщалъ сдѣлать докладъ въ одномъ литературно-научномъ обществѣ; это была правда. Онъ назвалъ тему своего доклада, распространился объ основной идеѣ. Магги слушала его очень невнимательно; слезы все обильнѣе катились изъ ея глазъ, и чѣмъ дольше онъ говорилъ, тѣмъ болѣе она нервно двигалась и вздыхала. Наконецъ, она схватила его за руку.

— Я даже не поблагодарила васъ за розы,—сказала она.— Онѣ такъ дивно пахнутъ. Но зачѣмъ вы меня такъ балуете? Розы теперь не для меня. Мнѣ больше къ лицу вѣнокъ изъ иммортелей. Мнѣ часто за это время снилось, что я лежу въ гробу. И мнѣ было такъ хорошо. Смерть вѣдь прекрасна.

— Что̀ вы говорите, Магги? Неужели вы серьезно хотите умереть?—съ ужасомъ спросилъ Грабаусъ.

— Вы мнѣ не вѣрите? Если бы вы знали, какъ часто я думаю о смерти. Уже въ дѣтствѣ мнѣ хотѣлось умереть; я предчувствовала, что жизнь моя будетъ печальная. Какія у меня радости въ жизни? Родителей у меня нѣтъ. Всѣ кругомъ мнѣ измѣняютъ. Будь теперь зима, я бы выбѣжала и легла въ снѣгъ. Говорятъ что это такая пріятная смерть... А вы еще не вѣрите, что я дѣйствительно хочу умереть!

Возмущенная его недовѣріемъ, она налила себѣ еще чашечку—наполовину чая, наполовину рома—и быстро выпила ее.

— Неужели вы считаете меня легкомысленной—такой, какъ другія актрисы? Вы думали, что я говорю на вѣтеръ! Вотъ увидите, я скоро умру, и вамъ же будетъ жалко меня. Докторъ меня изслѣдовалъ—и такимъ тономъ сказалъ, что причина моей болѣзни не въ сердцѣ, что я поняла его: у меня легочная болѣзнь. Я навѣрное скоро умру отъ чахотки,—тогда вы ужъ не станете говорить, что я не серьезно говорю о смерти.

Она стала громко рыдать, какъ безутѣшный ребенокъ, и Грабаусу стоило большого труда успокоить ее. Наконецъ она поддалась его уговорамъ, осушила слезы и сказала, вдругъ возвысивъ голосъ:

— Хорошо, я не буду больше плакать,—да у меня ужъ и слезъ нѣтъ. И зачѣмъ плакать? Его любовь дала мнѣ много радости,—можетъ быть, даже больше, чѣмъ ему—моя. А теперь—ха-ха-ха!—теперь я буду смѣяться.

Она засмѣялась нѣсколько неестественнымъ смѣхомъ и прихлебнула изъ чашки, въ которой было больше рома, нежели чая.

— Да что̀, собственно, случилось? Кому какое дѣло до того, что разбито сердце у несчастной дѣвушки,—что ея бѣдное, молодое сердце глубоко страдаетъ? Но неужели ему все равно, что онъ разлюбилъ меня? Какъ онъ меня не пожалѣетъ?! Меня, которая такъ горячо его полюбила и теперь осуждена на безъисходную муку?

Сказавъ это, она вдругъ вскочила и, сдѣлавъ отстраняющій жестъ рукой, неожиданно заговорила совсѣмъ другое.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы онъ меня жалѣлъ. Не хочу!

Совершенно растерявшись отъ изумленія, Грабаусъ молча глядѣлъ на нее. Ея слова казались ему такими знакомыми. Онъ все это уже слыхалъ,—только не могъ припомнить теперь, отъ кого и гдѣ. Магги продолжала страстныя изліянія своей скорби. Теперь она уже не только говорила, но дѣлала разные жесты, то складывала руки на груди, то закрывала и открывала глаза и лицо ея поражало выразительностью мимики. Все это было очаровательно, но очень удивляло Грабауса, казалось ему наполовину правдой, наполовину комедіантствомъ. И слова ея странно противорѣчили одни другимъ. Они звучали то цитатой изъ Гёте, то тирадой изъ Сарду. Потомъ она стала постепенно успокаиваться, сѣла на диванъ рядомъ со своимъ новымъ другомъ и уже только потихоньку рыдала.

— Будьте добры ко мнѣ!—Я говорю отъ души.—Будьте мягки и милы со мной! Мнѣ нужно, чтобы меня любили. Я такъ одинока!—Дайте мнѣ еще чашечку чая.

Онъ налилъ ей еще чашку и сталъ поить ее, какъ ребенка. Потомъ она опустила голову ему на грудь, едва слышно вздохнула нѣсколько разъ и закрыла глаза. Грабаусъ сидѣлъ почти не двигаясь и прислушиваясь къ ея ровному дыханію, доказывавшему, что она заснула. Такъ прошло минутъ десять. Тогда онъ осторожно положилъ ея голову на подушку и хотѣлъ тихонько выйти изъ комнаты. Но когда Магги услышала легкій скрипъ двери, она приподнялась и съ изумленіемъ спросила:

— Развѣ вы уже собираетесь уходить?

— Я долженъ, Магги. Пора.

— Подождите еще минутку. Вы еще не попрощались со мной.

Онъ снова подошелъ къ ней и участливо спросилъ:

— Вамъ лучше теперь?

Она протерла глаза, зѣвнула и сказала довольно веселымъ голосомъ:

— Я, кажется, глубоко заснула.—Но послушайте, завтра я играю. Приходите въ театръ. Обѣщаете?

— Я условился съ однимъ пріятелемъ провести вечеръ вмѣстѣ,—сказалъ Грабаусъ.

— Такъ приведите и его. Я пришлю два билета. Потомъ мы вмѣстѣ поужинаемъ и поболтаемъ еще. Мнѣ не хотѣлось бы поѣхать домой сейчасъ же послѣ спектакля.

— Я съ удовольствіемъ приду, если вы позволите привести моего пріятеля. Онъ очень милый молодой человѣкъ.

— Неужели есть милые люди—среди мужчинъ?—элегическимъ тономъ спросила Магги. Но потомъ она вскочила и

восторженно воскликнула:—Конечно есть! Вѣдь вотъ вы такой хорошій! Вы такъ славно утѣшили меня. Я вамъ истинно благодарна. Вы отнеслись ко мнѣ серьезно,—и я въ этомъ очень нуждаюсь. Всѣ обращаются со мной какъ съ легкомысленнымъ ребенкомъ. Но вѣдь вы—вы вѣрите глубинѣ моихъ чувствъ?

— Да,—отвѣтилъ Грабаусъ, едва удерживаясь отъ улыбки.

Магги протянула ему руку, и онъ ушелъ.

Никогда еще Грабаусъ не занимался такъ тщательно своимъ туалетомъ, какъ въ этотъ разъ, и никогда не былъ такъ неувѣренъ въ себѣ. Онъ расчесалъ волосы и бороду, въ третій разъ вымылъ руки, и осмотрѣлъ себя въ зеркалѣ, какъ молодая дѣвушка, держа высоко въ рукѣ свѣчу. Потомъ онъ вдругъ отставилъ свѣчу и сѣлъ на стулъ въ глубокомъ раздумьи.

„Что все это означаетъ?—подумалъ онъ.—Неужели я сдѣлался фатомъ и надѣюсь ей больше понравиться, если я наряжусь какъ обезьяна? Зачѣмъ мнѣ вообще идти на этотъ балъ? То, что было хорошо разъ, не повторяется. Она окружена толпой людей, должна исполнять свою роль свѣтской женщины, а я—я навѣрное буду держаться натянуто, замкнуто и уйду глубоко разочарованный. Тотъ единственный моментъ внезапно отдѣлилъ насъ отъ всѣхъ окружающихъ, отъ всякихъ условностей. И если я хочу видѣть ее такой, какова она въ дѣйствительности, лучше пойти въ „Тиргартенъ“ или смотрѣть на звѣзды.

Раздался стукъ въ дверь, и въ комнату вошелъ молодой фонъ-Элленъ.

— Какъ, уже во всемъ парадѣ?

— Да. Я не могъ въ точности разсчитать, сколько времени нужно, чтобы добраться сюда,—это такъ далеко отъ меня. А я хотѣлъ придти лучше слишкомъ рано, чѣмъ опоздать. Но вы, пожалуйста, не торопитесь. У насъ еще много времени.

Онъ снялъ пальто, и такъ какъ оба соломенныхъ стула были заняты платьемъ и книгами, то усѣлся на краю кровати. Эти нѣсколько дней уже измѣнили его. Лицо его расцвѣло и казалось особенно свѣжимъ послѣ того, какъ онъ провелъ цѣлый день, гуляя по потсдамскому парку.

— Какъ вы себя чувствуете во фракѣ? — спросилъ Грабаусъ.—Нѣсколько не по себѣ съ непривычки?

— Да, немножко. Удивительно, до чего мы зависимъ отъ всего внѣшняго. Я вѣдь съ моей хозяйкой въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Считаюсь какъ бы членомъ семьи. Она обо

всемъ мнѣ разсказываетъ, совѣтуется со мной. Когда я былъ боленъ, она за мной ухаживала. Ея дѣти считаютъ мою комнатку своимъ царствомъ, играютъ въ ней, карабкаются ко мнѣ на колѣни. Но сегодня все измѣнилось. Передъ уходомъ я хотѣлъ еще закусить и позвонилъ. Хозяйка вошла. Увидавъ меня во фракѣ, она съ испугомъ поставила лампу на столъ. Младшій ребенокъ по привычкѣ подбѣжалъ ко мнѣ, но старшая сестра остановила его. „Ты съ ума сошелъ!—крикнула она.—Ты запачкаешь господина фонъ-Эллена". Всегда меня называли „дядей", теперь я вдругъ сдѣлался господиномъ фонъ-Элленомъ. И самое глупое то, что и я въ эту минуту смотрѣлъ на нихъ другими глазами. Никогда дѣтишки не казались мнѣ до такой степени грязными и запущенными. Потомъ мнѣ даже стало стыдно.

— Такова природа человѣка. Мы постепенно становимся дѣйствительно таковы, какими кажемся.

Среди разговора Грабаусъ кончилъ свой тщательный туалетъ, и такъ какъ дѣйствительно было еще рано, то заказалъ еще бутылку вина и бутербродовъ. Пока они подкрѣплялись, они сразу завели разговоръ, увлекшій ихъ очень далеко отъ предстоящаго вечера. Когда Вольфъ взглянулъ на часы, оказалось, что прошелъ уже цѣлый часъ, и что нужно торопиться. Они уже надѣли пальто, когда Грабаусъ вдругъ сказалъ:

— А что, если бы совсѣмъ не пойти? Не лучше ли отыскать какое-нибудь тихое кафе и продолжать тамъ нашъ разговоръ?

— Но я обѣщалъ сестрѣ придти, и кромѣ того—я хотѣлъ бы повидать еще разъ фрейлейнъ Тёнъ.

— Развѣ она тамъ будетъ?

— Она, по крайней, мѣрѣ обѣщала...

— Въ такомъ случаѣ, конечно, дѣло другое,—со смѣхомъ сказалъ Грабаусъ.

— Да вѣдь это только... мы говорили о Грильпарцерѣ въ тотъ вечеръ послѣ театра. И я теперь хотѣлъ бы подѣлиться съ ней одной мыслью, которая пришла мнѣ въ голову.

— Идемте же скорѣе. Я только пошутилъ. Само собой разумѣется, что мы будемъ на вечерѣ.

Они быстро добѣжали до конца улицы и сѣли въ конку. Очень внушительные осанистые лакеи отобрали у нихъ билеты при входѣ въ рейхстагъ. На вѣшалкахъ въ передней уже почти не было свободнаго мѣста.

— Развѣ уже началось?—спросилъ Грабаусъ.

— Нѣтъ, но сейчасъ начнутъ,—отвѣтила женщина, которой они вручили наконецъ свои пальто и шляпы.

Они быстро взбѣжали по лѣстницѣ. Передъ ними открылся залъ съ мраморными колоннами и стѣнами. Толпа людей почти исчезала въ этомъ огромномъ пространствѣ. Грабауса охватило чувство своего ничтожества. Въ разныхъ мѣстахъ стояли группы разговаривающихъ людей, старыхъ дамъ, старавшихся замѣнить пышностью туалетовъ и длиной шлейфовъ отсутствіе красоты и молодости, молодыхъ женщинъ съ нѣжно-розовыми лицами и плечами, мужчинъ во фракахъ, съ напускнымъ выраженіемъ интересности на лицахъ, офицеровъ въ парадной формѣ. Въ первый разъ общественный балъ устраивался въ залахъ рейхстага. Но вся эта болтающая, свободно двигающаяся толпа чувствовала себя здѣсь повидимому какъ дома. Изрѣдка только кто-нибудь говорилъ:—„Очень мило, очень красиво. Не мало, вѣрно, денегъ стоило". Но большинство было, повидимому, гораздо болѣе занято собой, чѣмъ видомъ залъ. Въ одномъ углу Грабаусъ неожиданно увидѣлъ директора департамента, Вальбольда. Онъ казался совершенно невзрачнымъ среди блестящихъ мундировъ. Какъ всегда, одна его рука была засунута въ карманъ панталонъ, и Грабаусу ясно представлялся огромный ключъ, которымъ онъ игралъ. Вальбольдъ оживленно говорилъ съ какимъ-то человѣкомъ, повидимому о дѣлахъ, и глаза его были полузакрыты. Только когда по близости проходила красивая женщина въ глубокомъ декольтэ, взоръ его оживлялся, какъ у гастронома, которому неожиданно попался въ ротъ лакомый кусокъ.

Вдругъ кто-то хлопнулъ Грабауса по плечу.

— Здравствуй, здравствуй. Ты еще здѣсь? А я думалъ, что ты давно вернулся въ свое гнѣздо.

Грабаусъ узналъ Гебгарда, пожалъ ему руку, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, художникъ уже куда-то исчезъ.

— Мы, надѣюсь, еще увидимся,—крикнулъ онъ ему вслѣдъ.

Грабаусъ взялъ подъ руку Вольфа, и они врѣзались вдвоемъ въ толпу, озираясь по сторонамъ. Вдругъ Грабаусъ увидѣлъ Марію-Луизу.

— Ваша сестра вонъ тамъ, въ первыхъ рядахъ,—сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Кого вы увидали? Фрейлейнъ Тёнъ?

Грабаусъ отрицательно покачалъ головой. Онъ чувствовалъ, какъ кровь прилила ему къ сердцу и онъ весь похолодѣлъ.

— Вонъ тамъ стоитъ ваша сестра. Развѣ вы не хотите подойти къ ней?

— Конечно хочу, я только не зналъ, гдѣ она,—равнодушно отвѣтилъ Вольфъ.

Имъ пришлось сдѣлать большой кругъ, чтобы дойти туда. Много рядовъ стульевъ, много людей, прорывавшихся впередъ, раздѣляли ихъ отъ группы, среди которой находилась Марія-Луиза. Наконецъ Вольфъ тоже увидалъ сестру и направился къ ней. Грабаусъ медленно пошелъ за нимъ, не замѣчая ничего вокругъ себя, видя только впереди высокую, стройную фигуру. Съ каждымъ шагомъ, приближавшимъ его къ ней, сердце его сильнѣе стучало.

Въ послѣдніе дни онъ часто останавливался на улицѣ передъ витринами большихъ магазиновъ, гдѣ выставлены были бальные туалеты. Прежде онъ бы прошелъ мимо нихъ совершенно равнодушно, но теперь витрины съ нарядами привлекали его взоры съ магической силой. Его фантазіи рисовался образъ Маріи-Луизы во всѣхъ этихъ бѣлыхъ, розовыхъ, кремовыхъ и другого цвѣта платьяхъ. Но когда онъ ее увидѣлъ теперь въ туалетѣ изъ бирюзоваго шолка, изъ котораго выступали ея нѣжныя, бѣлыя какъ мраморъ плечи, и въ качествѣ единственнаго украшенія—тонкую бархатку на шеѣ съ большимъ брилліантомъ по срединѣ, онъ ясно почувствовалъ, что только это платье она и могла надѣть.

Вольфъ поздоровался съ сестрой и шуриномъ. Марія-Луиза протянула руку Грабаусу. Онъ ей низко поклонился, но не могъ произнести ни слова. Майоръ съ искренней радостью пожалъ ему руку.

— Какъ это хорошо, что вы здѣсь! Мы сможемъ выразить вамъ сейчасъ же нашу благодарность. Но, скажите, есть у васъ мѣсто? Хорошо бы намъ сидѣть всѣмъ рядомъ. Только позвольте...

Майоръ сталъ называть множество именъ, обремененныхъ титулами и почетными званіями, и Грабаусу долгое время приходилось все только кланяться направо и налѣво.

— Вольфъ, ты бы постарался раздобыть нѣсколько стульевъ, — обратился майоръ къ своему шурину, окончивъ представленія.

Въ то время какъ Вольфъ услужливо пошелъ исполнить порученіе майора, Марія-Луиза обратилась къ Грабаусу. Едва замѣтное смущеніе слышалось въ ея тонѣ, когда она сказала послѣ короткаго колебанія:

— Какъ странно, что вы встрѣтились съ моимъ братомъ!

— Да, странно! — отвѣтилъ онъ, едва рѣшаясь взглянуть на нее.

Съ галереи раздались звуки трубъ, и публика стала быстро

занимать мѣста. Вольфъ нашелъ только одинъ стулъ и приставилъ его къ концу ряда. На него сѣлъ Грабаусъ, очутившись такимъ образомъ очень близко отъ Маріи-Луизы; ихъ раздѣляли только четыре человѣка, но все-таки онъ не могъ ее видѣть. Въ то время какъ бурные звуки музыки, какъ гнѣвно вздымающіяся волны, ударялись о мраморныя стѣны, его охватила безграничная душевная мука. Ему казалось, что Марія-Луиза на вѣки отдалена отъ него, и что всѣ люди, громкія имена которыхъ ему называли,—люди ея, а не его круга,—стоятъ между ними какъ стѣна. Что онъ такое, и чѣмъ онъ могъ стать? Если будущее ему улыбнется, то его имя будетъ окружено почетомъ. Онъ можетъ стать выдающимся ученымъ, и тогда она будетъ относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ, можетъ быть будетъ интересоваться его книгами, но все-же ихъ будетъ раздѣлять глубокая пропасть. Онъ будетъ всегда для нея человѣкомъ другого міра.

Послѣдній трубный звукъ отзвучалъ, какъ угасаетъ послѣдній знойный лучъ солнца. Наступила тишина. Слышался только легкій шумъ электричества, и отъ времени до времени стукъ передвигаемаго стула. Тишина становилась все болѣе и болѣе глубокой. Съ мраморныхъ колоннъ, съ бѣлоснѣжныхъ стѣнъ, съ высокаго купола лились потоки благоговѣйнаго трепета, и свѣтская зала преобразилась сама собой въ храмъ. Раздались звуки Бетховенскаго: „Небеса славятъ Господа“. Мощно и въ то же время съ какой-то трепетной робостью, съ ликованіемъ и нѣжностью понеслись звуки мужскихъ голосовъ, наполняя огромную залу волнами свѣта, побѣды и радости. Сердце Грабауса воспрянуло при этихъ звукахъ, уносившихъ его ввысь. Ему казалось, что ликующій хоръ возвѣщаетъ славу Маріи-Луизы. Пусть она витаетъ въ недосягаемыхъ для него даляхъ, — достаточное блаженство уже знать ее и глядѣть на нее, какъ на далекую сіяющую звѣзду.

Пѣніе гимновъ и кантатъ длилось, однако, слишкомъ долго, чтобы удержать вниманіе публики. Всѣ уже стали поглядывать на программу, и нѣкоторыя дамы съ неудовольствіемъ задвигались на стульяхъ, очевидно думая, что вѣдь не ради этого почтеннаго хора онѣ надѣли столько бриллiантовъ.

Всѣ вздохнули свободнѣе, когда выступила солистка. Ея пѣніе вызвало шумные апплодисменты. Но все-таки, когда одинъ господинъ сказалъ своему сосѣду: „Не апплодируйте слишкомъ настойчиво, а то она еще вздумаетъ биссировать“, то эти слова вполнѣ выражали общее настроеніе.

Но она все-таки биссировала, и публика выслушала ее съ корректнымъ вниманіемъ. Но когда замеръ послѣдній звукъ, вся толпа хлынула въ сосѣднюю комнату, гдѣ разставлены были буфеты. Марія-Луиза и ея компанія сѣли за столикъ, приготовленный для нихъ Гебгардомъ. Лакей принесъ шампанское и холодныя закуски. Около Маріи-Луизы сидѣлъ старый генералъ, который говорилъ съ восторгомъ о великомъ прошломъ, когда еще Бисмаркъ произносилъ рѣчи въ рейхстагѣ. Молодой блѣдный графъ съ женственнымъ лицомъ и тонкимъ голосомъ рѣзко критиковалъ архитектуру рейхстага.—Это изобиліе мрамора и эти гигантскія дорическія колонны подходятъ для людей въ пестрыхъ декоративныхъ костюмахъ,—говорилъ онъ,—а не для современныхъ нѣмцевъ.

Вольфъ, который все еще безпокойно искалъ глазами Магги, съ трудомъ поддерживалъ разговоръ съ молодой барышней изъ Потсдама.

— Я сегодня провелъ цѣлый день въ Потсдамѣ,—сказалъ онъ ей.

— Въ Потсдамѣ?—отвѣтила барышня.

— Я бродилъ по паркамъ. Конечно, я заходилъ и въ замки. Больше всего мнѣ понравился Санъ-Суси.

— Санъ-Суси?—отвѣтила барышня.

— Тамъ все еще сохранилось въ старомъ видѣ. Тамъ вѣетъ еще духъ стараго Фрица.

— Стараго Фридриха Великаго?—отвѣтила барышня.

— Вы вѣдь, конечно, знаете Санъ-Суси?

— Санъ-Суси—да, снаружи. Я была съ мамой въ новомъ дворцѣ.

Мама, старая толстая маленькая генеральша, съ копной фальшивыхъ сѣдыхъ волосъ на головѣ, была гораздо разговорчивѣе. Она точно освѣдомилась, кто онъ и откуда, и потомъ сказала:

— Удивительно, до чего изъ газетъ ничего нельзя узнать. Постоянно читаешь о томъ, что въ рейхстагѣ всѣ спорятъ и не соглашаются съ мнѣніемъ другъ друга. А вотъ о томъ, что у нихъ такой прекрасный хоръ, въ газетахъ не пишутъ. Мнѣ было очень пріятно слушать, какъ они согласно поютъ.

Разубѣдить генеральшу въ томъ, что хоръ состоитъ не изъ членовъ парламента, было очень трудно, и Грабаусъ оставилъ ее при ея убѣжденіи. Ко всему, что говорилось и происходило вокругъ него, онъ былъ почти глухъ и слѣпъ,—до того вся душа его была преисполнена близостью Маріи-Луизы. Она спросила

его черезъ весь столъ, какъ ему понравилось пѣніе хора,—и звуки ея голоса долго продолжали звучать въ его ушахъ. Какое ему дѣло до хора? Онъ только зналъ, что ея голосъ поразительно звучитъ, что ея глаза все освѣщаютъ и все затмеваютъ собой, какъ солнце.

Изъ большой залы раздались звуки вальса. Всѣ поднялись. Марія-Луиза тоже встала и ушла подъ-руку со старымъ генераломъ, который ступалъ на цыпочкахъ и шелъ еще молодцоватымъ шагомъ, какъ боевая лошадь, заслышавшая знакомые звуки марша. Маленькая, толстая генеральша обратилась къ Грабаусу и сказала:

— А теперь покажите мнѣ знаменитостей. Меня очень интересуютъ знаменитые люди.

— Простите,—отвѣтилъ Грабаусъ, — я не могу вамъ быть полезнымъ, потому что не знаю никого изъ знаменитостей. Я вообще здѣсь знаю двухъ-трехъ людей, но вамъ можетъ показать всѣхъ мой другъ.

Быстро рѣшившись, онъ схватилъ художника за руку, представилъ его генеральшѣ и объяснилъ ему ея желаніе. Гебгардъ услужливо предложилъ ей руку и пошелъ съ ней по заламъ.

Когда Грабаусъ вошелъ въ танцовальную залу, его остановилъ Вольфъ.

— Уже одиннадцать часовъ, а я ея все еще не видѣлъ,— прошепталъ онъ съ отчаяніемъ въ голосѣ, поглядывая при этомъ съ страдальческимъ видомъ на свою сосѣдку, которая стояла подлѣ него съ равнодушнымъ лицомъ хорошо воспитанной дѣвушки.

Грабаусъ прислонился къ одной изъ колоннъ, и въ то время, какъ то вблизи, то вдали мелькало бирюзовое платье Маріи-Луизы, выдѣлявшееся своимъ изысканнымъ цвѣтомъ среди всѣхъ другихъ пестрыхъ туалетовъ, настроеніе у него было такое, какого онъ ожидалъ: томительное, близкое къ рыданіямъ и все-же блаженное. Онъ былъ убѣжденъ, что оно останется такимъ же до конца вечера. Окруженная столькими людьми, развѣ она удѣлитъ ему хоть немного времени? Но когда онъ ее увидѣлъ среди маленькой группы, рядомъ съ мужемъ, и замѣтилъ, что она отказала офицеру, подошедшему пригласить ее танцовать, онъ быстро направился къ ней черезъ толпу. У него было такое чувство, какъ у человѣка, который бросается въ горящій домъ, чтобы во что бы то ни стало вынести оттуда самое дорогое ему существо. При видѣ его, майоръ протянулъ ему руку.

— Мы все время искали васъ,—сказалъ онъ.—Уже скоро

полночь, а мы совсѣмъ не говорили съ вами. А моя жена весь день твердила мнѣ о томъ, какъ мы должны быть вамъ благодарны. Скажи же, что̀ ты хотѣла сказать! Но не будь такой застѣнчивой, какъ иногда, когда ты не рѣшаешься сказать то, что̀ нужно.

— Я полагаю, что докторъ Грабаусъ хорошо знаетъ, что̀ я ему хочу сказать,—отвѣтила Марія-Луиза,—и понимаетъ также, что я не могу говорить, когда каждую минуту мѣшаютъ посторонніе люди. Пойдемте, сядемъ.

Она подошла къ стулу, сѣла и попросила его сѣсть подлѣ нея.

— Я васъ прошу, — сказалъ Грабаусъ,—не говорите мнѣ о благодарности. За что̀ меня благодарить?

— Мы вамъ чрезвычайно обязаны — я въ особенности. Вы мнѣ вернули брата.

— Я ничего для этого не сдѣлалъ,—только сказалъ ему то, что̀ онъ самъ давно чувствовалъ. Все случилось бы и безъ меня.

— Мы всѣ его уговаривали. Намъ онъ не вѣрилъ. Меня, свою сестру, онъ прямо чуть не выгналъ въ прошломъ году.

— Тогда, можетъ быть, было еще слишкомъ рано?

— Можетъ быть. Но вы не представляете себѣ, до чего я безпокоилась о немъ. Можетъ быть, даже совершенно напрасно. Но таковы мы, женщины: то, что̀ намъ кажется въ другихъ прекраснымъ и достойнымъ подражанія, пугаетъ насъ, когда это касается близкихъ людей, за которыхъ мы чувствуемъ себя отвѣтственными.

— Вы, дѣйствительно, напрасно тревожились.

— Я уже говорила это себѣ. Теперь, когда онъ вернулся къ намъ, я это ясно вижу. Но подумайте, что̀ было бы, еслибы онъ навсегда обрекъ себя на такую жалкую участь!

— Навсегда!—вотъ въ чемъ все дѣло,—возразилъ Грабаусъ. —Когда люди дѣлаютъ что-либо необыкновенное, ихъ сейчасъ же пугаютъ этимъ словомъ. Къ нимъ являются боязливые и говорятъ: теперь-то еще ничего, но что̀ если это будетъ продолжаться? А дѣло въ томъ, что ничего не остается неизмѣннымъ, что всегда сама собой приходитъ реакція. Природа достигаетъ гармоніи посредствомъ контрастовъ. И если только поступки человѣка порождаются здоровыми инстинктами, всегда слѣдуетъ ему простить односторонность и чрезмѣрное увлеченіе. Но относительно близкихъ людей намъ всегда хочется, чтобы они не сходили съ прямой дороги, не ушиблись и не пострадали. А между тѣмъ вѣдь мы знаемъ, что нормальные люди всегда были только подражателями и ничего порядочнаго не сдѣлали.

— Какой серьезный разговоръ среди бала!—произнесъ чей-то голосъ.

За ними стоялъ Гебгардъ. Марія-Луиза обернулась къ нему нѣсколько нетерпѣливымъ, нервнымъ жестомъ.

— Простите, фрау Платенъ, что я прерываю вашъ разговоръ. Но я такъ удивленъ, что мой другъ еще въ Берлинѣ, и не могу не высказать ему этого.

— У меня завтра докладъ въ одномъ научномъ обществѣ,— отвѣтилъ Грабаусъ.

— Такъ это наука задержала тебя въ Берлинѣ?

— Кто эта красивая дама, которая танцуетъ съ моимъ братомъ?—спросила Марія-Луиза Грабауса.

— Эта дама—фрейлейнъ Тёнъ, актриса нѣмецкаго театра. Вашего брата познакомилъ съ нею я, а меня познакомилъ вотъ этотъ мой другъ.

Художникъ тоже съ удивленіемъ взглянулъ на танцующую парочку, видимо очень занятую другъ другомъ. Они никого не замѣчали и быстро приближались, вальсируя, къ разглядывающей ихъ группѣ.

— Да, дѣйствительно—фрейлейнъ Тёнъ. Но простите меня, фрау Платенъ, я какъ разъ вижу тамъ...

Гебгардъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и постарался какъ можно скорѣе исчезнуть. Грабаусъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Вольфъ и Магги провальсировали мимо нихъ съ раскраснѣвшимися лицами, сверкающими глазами и, повидимому, очень увлеченные другъ другомъ.

— Какъ они очаровательно танцуютъ! — сказала Марія-Луиза.—Я такъ рада видѣть его снова танцующимъ. Я бы не повѣрила, что это возможно. И какой онъ веселый, сіяющій!

— Вы, кажется, тоже любите танцовать?

— Да, очень люблю,—отвѣтила она и быстро поднялась.

— Ахъ, а я такой плохой танцоръ!

— Все-таки попытайтесь. Вы навѣрное сможете протанцовать вальсъ, въ особенности этотъ, мой любимый. Вы вѣдь его знаете?

— Я долженъ сознаться, къ моему стыду...

— Какъ, вы не знаете вальса изъ „Фрейшюца“? Не знаете очаровательной исторіи о томъ, какъ Веберъ его сочинилъ?

— Нѣтъ.

— Вся опера была уже у него готова, недоставало только вальса, и ему не приходилъ въ голову ни одинъ тактъ. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ очень раздраженный, и въ

это время вошла къ нему его хозяйка, м-мъ Нудельбекенъ. Вдругъ у него прозвучала въ ушахъ мелодія вальса,—онъ схватилъ толстую даму за талію, сталъ вертѣть ее и при этомъ напѣвать: „Мадамъ Нудельбекенъ... мадамъ Нудельбекенъ... мадамъ Нудельбекенъ“... Это и была мелодія вальса. Попробуйте и вы.

Она ловкимъ движеніемъ приподняла шлейфъ платья, въ то время какъ онъ трепетно обнялъ ее за талію. Онъ былъ плохимъ танцоромъ, но еслибы въ эту минуту Марія-Луиза потребовала отъ него, чтобы онъ прошелся по канату, протянутому на высотѣ башни, онъ бы исполнилъ это съ совершенствомъ. Онъ уже не былъ самимъ собой, а существомъ съ неограниченной силой и чувствовалъ себя способнымъ на все, что угодно. Они скользили по гладкому и въ то же время мягкому, поддающемуся движенію ногъ, мраморному полу. Марія-Луиза слегка наклонила голову на правое плечо и съ улыбкой на полу-открытыхъ губахъ напѣвала въ полголоса: „Мадамъ Нудельбекенъ, мадамъ Нудельбекенъ, мадамъ Нудельбекенъ“. Онъ крѣпко обхватилъ ее за талію, и у него было такое чувство, точно онъ не кружится на твердой почвѣ, а поднимается все выше и выше съ этимъ легкимъ существомъ, и что люди исчезаютъ все глубже и глубже внизу. Онъ бы не могъ остановиться самъ, и когда музыка оборвалась, онъ продолжалъ нестись, пока Марія-Луиза не низвела его медленно на землю, остановившись подлѣ мужа.

— А!—произнесла она, глубоко вздохнувъ.—Это вы называете быть плохимъ танцоромъ?

— Дитя, дитя! — сказалъ маіоръ:—какой это былъ нескончаемый танецъ!

Грабаусъ поблагодарилъ ее глубокимъ поклономъ и — случайно ли это было, или ему показалось — онъ почувствовалъ, отпуская ея руку, короткое пожатіе. Въ эту минуту подошли еще нѣсколько людей, и онъ смогъ незамѣтно уйти. Онъ прошелъ мимо толпы людей, миновалъ сосѣднюю залу, гдѣ лакеи убирали опустѣвшіе столы, затѣмъ комнату, гдѣ у зеленыхъ столовъ сидѣли въ удобныхъ позахъ группы разговаривающихъ, еще одну комнату, гдѣ вспугнулъ занятую нѣжнымъ разговоромъ влюбленную парочку, и вошелъ въ темную, освѣщенную только нѣсколькими свѣчами, залу. Это была зала засѣданій рейхстага. Онъ сѣлъ на первый попавшійся стулъ, какъ разъ тамъ, гдѣ обыкновенно сидѣли члены оппозиціи. Большая полутемная зала, слабо освѣщенная сверху матовымъ свѣтомъ, дрожащіе блики на полированномъ дубовомъ деревѣ, пустыя галереи и множество пустыхъ мѣстъ, при этомъ тишина, въ которой слышались отго-

лоски взволнованныхъ рѣчей, — все это было очень странно и почти таинственно. Онъ сѣлъ, опираясь на руки, и обхватилъ руками голову. Такъ онъ глядѣлъ въ пространство, въ сильномъ волненіи; бушующія въ его сердцѣ силы грозили устойчивости всего его существа.

Говорятъ, что всемірная выставка въ Чикаго была открыта тѣмъ, что рука ребенка нажала электрическую кнопку. Въ тотъ моментъ, когда слабый дѣтскій палецъ соединилъ провода, задвигались машины, заходили колеса, полилась потоками вода—и проснулись милліоны дремлющихъ человѣческихъ чувствъ.

То же произошло и съ Грабаусомъ. Пожатіе руки Маріи-Луизы воспламенило всю его душу; все, что̀ казалось незыблемымъ, пришло въ движеніе. Для него не было теперь ничего твердаго, невозможнаго, недостижимаго. Его честолюбіе, его дѣятельность, его жена и дѣти, Марія-Луиза и ея мужъ,—все это столь устойчивое еще такъ недавно—расплывалось, какъ туманъ, какъ дымъ. Возникъ новый міръ, съ новыми неясными образами. Грабаусъ откинулся назадъ, вытянулъ впередъ руки и едва слышно произнесъ ея имя. Въ этой залѣ, въ которой звучало много громкихъ и знаменательныхъ рѣчей, быть можетъ, никогда еще не раздавались слова, исходящія изъ такого пламеннаго сердца.

III.

— Знаете, братъ Вольфъ,—сказалъ Грабаусъ молодому фонъ-Эллену, взявъ его подъ руку,—изъ васъ должно выйти что-нибудь путное. Имѣя такую сестру, какъ ваша, и пользуясь ея любовью,—ну, продолжайте разсказывать. Такъ что̀ же ваша сестра сдѣлала послѣ смерти отца?

Оба друга предприняли въ субботній день длинную прогулку изъ Іены, и теперь бодро шагали по глинистой дорожкѣ, которая вела въ расположенный по близости лѣсъ. Была уже осень. Послѣдніе лучи заходящаго солнца пробивались сквозь сѣрый туманъ, и верхушки виднѣвшейся издали вишневой аллеи пламенѣли какъ горящіе кусты.

— Да, послѣ смерти отца,—началъ Вольфъ, но сейчасъ же остановился и спросилъ:—Вамъ не скучно? Я вѣдь уже разъ разсказывалъ вамъ все это.

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не скучно,—нетерпѣливо сказалъ Грабаусъ.

— Отецъ мой умеръ какъ разъ когда долженъ былъ занять постъ министра. Онъ уже давно управлялъ дѣлами министер-

ства и назначеніе ожидалось со дня на день, какъ вдругъ, въ придачу къ его астмѣ, онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и черезъ недѣлю умеръ. Вы не можете себѣ представить, что это значитъ для маленькой резиденціи. Только-что мы были первыми людьми въ городѣ—и вдругъ превратились въ ничто. Положеніе такое, точно затушили въ домѣ огни и сидишь въ потемкахъ. Я самъ, хотя еще былъ тогда глупымъ мальчишкой, замѣтилъ разницу отношеній къ намъ. Разъ я сказалъ сестрѣ о томъ, что все измѣнилось, и она мнѣ тогда отвѣтила: „Послушай, Вольфъ, научись смотрѣть на все открытыми глазами. Намъ придется еще много терпѣть. Отецъ намъ ничего не оставилъ и мы бѣдны. Но все-таки держи голову высоко и гордись своимъ отцомъ—онъ былъ первымъ человѣкомъ въ городѣ. Но для мамы это ужасно, и потому не дай Богъ, чтобы она что-нибудь замѣтила. Мы должны разыгрывать передъ нею комедію“.—Какъ же это сдѣлать?—„Ужъ это я устрою,—отвѣтила она.—Ты мнѣ только помоги. Прежде всего, будь дома всегда веселымъ и бодрымъ, угождай мамѣ, радуй ее хорошими отмѣтками и т. д. Было бы даже хорошо, еслибы ты берегъ свое платье. Объ остальномъ ужъ я позабочусь“. И она стала вести хозяйство прямо на диво. Иногда мнѣ казалось, что она не знаетъ, какъ свести концы съ концами, но никто ничего не замѣчалъ. Она продолжала быть веселой, какъ будто ничего не случилось. Разъ мать мнѣ сказала: „Еслибы я не знала Лизу, я могла бы подумать, что она безсердечная дѣвушка. Ходитъ въ траурныхъ платьяхъ, а съ виду совершенно не грустная“.—Вотъ мы и стали ограничивать себя, насколько только могли, но такъ, чтобы мама не замѣчала. Когда она иногда удивлялась сокращеніямъ въ хозяйствѣ, сестра смѣялась и говорила, что такъ гораздо уютнѣе. Лакея она сейчасъ же разсчитала, на что мама охотно согласилась. Но ей трудно было рѣшиться отпустить камеристку. Тогда сестра сама стала причесывать ее каждое утро. И такъ она во всемъ поступала. Я прежде бралъ частные уроки французскаго языка—теперь она мнѣ ихъ стала давать. Она иногда сама варила и гладила. Затѣмъ пришлось сдать внаймы первый этажъ. Еслибы мама знала, что это дѣлается ради денегъ, она была бы страшно несчастна. Но Марія-Луиза сказала ей, что ей жутко жить въ большомъ домѣ одной съ матерью, безъ мужчинъ. Я еще тогда былъ мальчикомъ, и мама сама подала мысль о сдачѣ внаймы. И когда послѣ того явился мой зять, съ которымъ Лиза уже давно вела переговоры, то мама была совершенно счастлива и была твердо увѣрена, что все устроено ею.

— Вашъ зять долго былъ съ вами знакомъ, прежде чѣмъ сдѣлался женихомъ вашей сестры?

— Почти цѣлый годъ. Это было замѣчательно пріятное время. Я помню, какъ онъ въ первый разъ былъ торжественно приглашенъ къ чаю. Потомъ онъ сталъ бывать все чаще и чаще. Мнѣ онъ очень нравился. Онъ всегда относился ко мнѣ какъ къ взрослому, и это, конечно, очень располагало меня къ нему. Разъ сестра меня спросила, какъ мнѣ собственно нравится майоръ? Я разсмѣялся и сказалъ:—Неужели ты думаешь, что я ничего не замѣчаю? Я все знаю.—Она покраснѣла и сказала: „Что же ты знаешь, глупый мальчикъ?"—Да вѣдь совершенно ясно,—отвѣчалъ я,—что майоръ—мы его всегда звали между собой майоромъ—хочетъ жениться на мамѣ.—Сестра вздрогнула, сказала: „Ты съ ума сошелъ!" и выбѣжала изъ комнаты. Я нѣсколько смутился, но все-таки ничего не понялъ. Черезъ два дня послѣ того, мнѣ сестра сказала тономъ, котораго я никогда въ жизни не забуду: „Вольфъ, майоръ просилъ моей руки; я къ нему очень хорошо отношусь и дала ему согласіе".

— Ну, а что же вы сказали?

— Я? Все это было такъ неожиданно, что я растерялся, бросился на шею сестрѣ и разрыдался, а потомъ выбѣжалъ изъ комнаты. У насъ въ саду было великолѣпное грушевое дерево. Я часто взбирался на него. Но въ тотъ день я влѣзъ на самый верхъ и сталъ раскачиваться. Слечу внизъ, такъ слечу, думалъ я. Но я не слетѣлъ,—только груши посыпались на землю и дерево сотряслось до самыхъ корней. Мысль о томъ, что кто-нибудь можетъ жениться на моей сестрѣ, казалась мнѣ ужасной. И къ тому еще—майоръ. Я былъ тогда еще глупымъ мальчикомъ, но у меня уже было смутное чувство рискованности, почти неестественности такого брака. Мой зять вѣдь на тридцать лѣтъ старше сестры. Ну, а все-таки имъ хорошо живется. Они совершенно счастливы.

Грабаусъ и Вольфъ дошли до вершины. Узкая тропинка вела вдоль лѣса. На далекомъ горизонтѣ плылъ среди сѣрыхъ облаковъ темно-красный полный мѣсяцъ; въ эту минуту онъ какъ разъ стоялъ надъ одинокой сосной и казался краснымъ макомъ. Передъ нимъ открывался далекій видъ черезъ глубокія долины къ далекой опушкѣ лѣса. Дорога вела въ лѣсъ, гдѣ было такъ темно, что они едва могли видѣть другъ друга. Тогда Грабаусъ вдругъ сказалъ, точно отвѣчая самъ себѣ на сложныя, противорѣчивыя мысли:

— А все-таки это очень странно.

— Ахъ!—отвѣтилъ Вольфъ съ наивной убѣжденностью:— это странно только для стоящихъ далеко, для людей, которые видятъ только фактъ, только то, что человѣкъ пятидесяти-двухъ лѣтъ женится на дѣвушкѣ двадцати-одного года. Но кто знаетъ обоихъ, кто знаетъ, какъ еще внутренно молодъ зять, и каковъ характеръ моей сестры, тому ясно, что они должны быть счастливы. У сестры моей удивительно счастливая натура. Собственно говоря, у нея нѣтъ никакихъ желаній. Когда она попадаетъ въ общество веселыхъ людей, она веселится болѣе, чѣмъ кто-либо. Вы вѣдь видѣли ее на балу? Но она не нуждается въ праздникахъ,—дома, въ тишинѣ, она чувствуетъ себя также хорошо. Собственно говоря, она—человѣкъ, всецѣло живущій для другихъ. Единственная ея слабость—та, что она всегда о комъ-нибудь хлопочетъ. Даже тогда, послѣ смерти отца, когда мы должны были разсчитывать каждый грошъ, у нея была еще масса бѣдняковъ, которымъ она помогала. Мы взяли къ себѣ въ домъ одного моего школьнаго товарища, который потерялъ родителей. Потомъ она еще хлопотала цѣлую недѣлю, чтобы пристроить служившую у насъ прежде дѣвушку. Какъ теперь вижу ея радостное лицо, когда ей удавалось что-нибудь сдѣлать для другихъ.

Они молча продолжали путь, пока не пришли къ опушкѣ лѣса. Мѣсяцъ тѣмъ временемъ поднялся выше и серебрился сквозь покровъ облаковъ. Откуда-то изъ глубины долинъ раздавался отъ времени до времени вечерній звонъ. Изъ невидимой глубины виднѣлся слабый свѣтъ огней, покрывавшихъ небо красноватымъ отблескомъ.

Грабаусъ указалъ туда пальцемъ.

— Это, вѣрно, Веймаръ?

Они оба стояли, погруженные въ созерцаніе. Вдругъ раздался издалека ликующій звукъ, нарушившій тишину сумерекъ; это былъ свистъ локомотива. Передъ ними вспыхнула красная змѣйка въ облакѣ бѣлыхъ клубовъ дыма, быстро взвилась и исчезла за горой. Но издали она еще нѣсколько разъ повторила ликующій звукъ.

Точно увлеченный вдаль этимъ призывомъ, Грабаусъ въ одну секунду мысленно перенесся въ Веймаръ. Онъ открылъ дверь большого дома, вошелъ въ комнату, гдѣ у стола, при свѣтѣ лампы, сидѣла Марія-Луиза. Она поднялась и съ удивленіемъ посмотрѣла на поздняго гостя. Онъ подошелъ къ ней, смиренно взялъ ее за руку и сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Я тоскую по вашей близости, Марія-Луиза. Я хотѣлъ бы быть однимъ изъ бѣдняковъ, къ которымъ вы такъ добры.

Но она протянула ему руки, посмотрѣла на него съ любовью и усадила его около себя.

Грабаусъ уже двѣ недѣли какъ вернулся въ Іену. Наружно все вошло въ прежнюю колею, но внутренно пламя, зажегшееся въ его груди, продолжало горѣть все ярче и ярче и освѣщало всю его жизнь. Прежде въ жизни его смѣнялись чувства и свѣтлые часы, смотря по тому, складывались ли обстоятельства по его желанію, или противъ него; теперь же его окружало вѣчное сіяніе.

Все ему удавалось превыше мѣры. Онъ нѣсколько боялся свиданія съ женой, но Констанція измѣнилась послѣ его возвращенія. То, что всемогущій „тайный совѣтникъ" обѣщалъ похлопотать о ея мужѣ, было для нея вѣрнымъ залогомъ его будущей успѣшной карьеры. Когда же черезъ нѣсколько дней пришло письмо отъ отца Грабауса, который писалъ, что Вальбольдъ отозвался очень мило о Генрихѣ и намекалъ на какой-то сюрпризъ, Констанція стала считать назначеніе мужа профессоромъ въ Пруссію дѣломъ вполнѣ рѣшеннымъ. Укачивая на колѣняхъ своихъ дѣтей и поочередно лаская ихъ, она внутренно соображала, сколько онъ будетъ получать жалованья, сколько получитъ подъемныхъ, а потомъ и пенсіи. Человѣкъ, имѣющій право на пенсію, былъ въ ея глазахъ идеаломъ совершенства. Папочка сдѣлался теперь первымъ человѣкомъ въ семьѣ, и даже Малютка, со свойственной ей чуткостью, поняла, что произошла перемѣна, и стала болѣе осторожно относиться къ рукописямъ отца, которыя прежде такъ безцеремонно пачкала чернилами.

У Грабауса было чувство, что именно теперь, когда онъ внутренно отошелъ отъ своей жены, онъ долженъ болѣе заботиться о ея благополучіи. Онъ поэтому набросился на работу съ торопливостью крестьянина, который, видя издали приближеніе грозы, торопится убрать въ амбары остатокъ жатвы. И въ немъ тоже незамѣтно поднялась въ тишинѣ минувшихъ годовъ богатая жатва; онъ чувствовалъ это въ своей расширяющейся отъ полноты ощущеній груди. Кромѣ многочисленныхъ маленькихъ работъ, которыя должны были дать ему непосредственный заработокъ, онъ предпринялъ теперь большую работу, къ которой долго не рѣшался приступать. Теперь же онъ храбро взялся за нее, и такъ быстро и твердо писалъ, какъ будто его направляла чья то незримая рука.

Въ университетѣ его тоже ждалъ пріятный сюрпризъ. Хотя

назначенный имъ курсъ былъ далекъ отъ общихъ интересовъ, все-же на него записалось большое число студентовъ. И Грабаусъ началъ читать съ такимъ жаромъ, внесъ такъ много общечеловѣчнаго въ свою ограниченную область, что слушатели не только шумно апплодировали ему каждый разъ, но и являлись на каждую лекцію все въ большемъ количествѣ. Такъ протекали дни среди работы, но при этомъ душа Грабауса была переполнена блаженствомъ. Все его существо было охвачено пламенемъ, которое увеличивало полноту его силъ и пожирало до самаго основанія все темное, смутное въ немъ, всѣ его сомнѣнія и колебанія.

Грабаусъ въ первый разъ поѣхалъ къ Платенамъ въ Веймаръ съ Вольфомъ. Констанція была нездорова, и Грабаусъ не очень настаивалъ на томъ, чтобы и она поѣхала съ ними. Они застали майора больнымъ. Онъ лежалъ на диванѣ; у него былъ опять припадокъ ишіасъ. Эта болѣзнь мучила его уже нѣсколько лѣтъ и въ свое время была причиной его выхода въ отставку. Кромѣ майора и его жены, они застали брата майора, врача, который жилъ вмѣстѣ съ ними.

Докторъ Платенъ, или дядя Рудольфъ, какъ его звали въ семьѣ, имѣлъ только кое-какія общія семейныя черты съ братомъ, но ихъ можно было замѣтить только при близкомъ знакомствѣ. Въ остальномъ же онъ совершенно былъ не похожъ на майора. Вздернутыя губы надъ жесткой сѣдой бородой придавали его лицу ворчливое выраженіе. Глубокія поперечныя морщины прорѣзывали его мощный лобъ, и казалось, что стѣнки его лба состоятъ изъ болѣе твердыхъ и крѣпкихъ костей, чѣмъ у другихъ людей. Онъ былъ меньше ростомъ, чѣмъ майоръ, держался нѣсколько сутуло. Когда онъ ходилъ или стоялъ, то большей частью закладывалъ руки за спину и глядѣлъ на кончики сапогъ. Если же онъ смотрѣлъ кому-нибудь въ лицо, то съ такой проницательностью и силой, что становилось жутко отъ взора этого нѣмого наблюдателя.

Когда посѣтители вошли въ комнату, дядя Рудольфъ поднялся съ своего кресла, стоявшаго въ самомъ темномъ углу комнаты, крѣпко сжалъ при представленіи руку Грабауса, чуть не раздавивъ ему пальцы, и затѣмъ опять безмолвно усѣлся въ своемъ креслѣ. За все время до обѣда и за столомъ онъ сказалъ всего нѣсколько словъ, и то скорѣе промычалъ что-то нечленораздѣльное. Но отъ времени до времени Грабаусъ чувствовалъ на себѣ его пронизывающій тяжелый взглядъ, и это портило его радость отъ близости любимой женщины. Онъ тщетно

старался быть веселымъ. Все время его не оставляла мысль: что̀ за непріятный человѣкъ! И чего онъ хочетъ? Что̀ въ немъ происходитъ? Какъ Марія-Луиза можетъ выносить его общество?

Послѣ обѣда пошли гулять. Иней покрывалъ деревья и кусты, и широкій лугъ разстилался серебристо-сѣрымъ плюшевымъ ковромъ. Послѣ долгихъ стараній Грабаусу удалось очутиться съ Маріей-Луизой позади другихъ вдвоемъ. Онъ поспѣшилъ сказать то, что̀ все время было у него на языкѣ:

— Какой странный человѣкъ вашъ деверь!

— Къ нему нужно привыкнуть, — съ улыбкой отвѣтила Марія-Луиза. — Онъ сразу не можетъ понравиться. Но чѣмъ больше его знаешь, тѣмъ больше начинаешь его цѣнить.

— Можетъ быть. Но пока я не могу его понять. Его молчаніе прямо пугаетъ.

— Онъ по природѣ замкнутый человѣкъ и къ тому же испыталъ много тяжелаго въ жизни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у него умерли отъ дифтерита его двое дѣтей. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ заниматься медициной.

— Онъ вдовецъ,—я этого не подумалъ бы,—сказалъ Грабаусъ.—Я былъ увѣренъ, что онъ закоренѣлый холостякъ.

— Онъ развелся съ женой. Это тоже подѣйствовало на него подавляющимъ образомъ. Онъ—драгоцѣнный человѣкъ въ тяжелыя минуты жизни. Тогда только узнаешь, какой онъ преданный, добрый человѣкъ. Но въ другіе часы, конечно...

Она не докончила, но, пройдя нѣсколько шаговъ, вернулась къ той же темѣ; видно было, что она немало думала о Рудольфѣ, старалась понять его.

— Мнѣ кажется,—сказала она,—что люди, которые сами несчастны, не могутъ и дать счастья другимъ. Его же главное несчастіе въ томъ, что разсудокъ заглушилъ въ немъ сердце. Вы понимаете меня?

— Кажется, понимаю.

— У разсудка, по моему, злой взглядъ. Если смотрѣть на жизнь только глазами разсудка, то ничего другого въ ней не увидишь, кромѣ разсчета, низости, нужды—и въ концѣ жалкую смерть. Чувство скрашиваетъ эту картину. Мы, женщины, уступаемъ мужчинамъ въ умственномъ отношеніи. Но мы вникаемъ въ жизнь душевно, это—наше преимущество. Мы судимъ не такъ рѣзко,—но въ общемъ, можетъ быть, болѣе правильно. Вы не согласны со мной?

— Развѣ мы судимъ о чемъ-либо однимъ только разсудкомъ? Сердце всегда принимаетъ участіе въ сужденіяхъ. Разсудокъ

даетъ неокрашенныя понятія—и образы становятся темными или свѣтлыми, пріобрѣтаютъ краски и оттѣнки только подъ вліяніемъ чувства.

— И это вѣрно,—возразила Марія-Луиза.—Зачѣмъ, въ сущности, описывать вамъ такъ пространно моего деверя! Составьте себѣ сами представленіе о немъ. Какъ бы я радовалась, еслибы вы современемъ подружились съ нимъ. Это было бы большимъ облегченіемъ для него—онъ такъ одинокъ,—а также...

— Облегченіемъ для васъ?—спросилъ Грабаусъ.

— Откровенно говоря—да. Это было бы хорошо для моего мужа и для меня. Онъ оказываетъ на насъ—вамъ, быть можетъ, даже трудно этому повѣрить—очень большое и странное вліяніе. Онъ хоть и сдержанъ и такъ скупъ на слова, все-же однимъ своимъ присутствіемъ производитъ впечатлѣніе постояннаго вопрошающаго ко всему отношенія. Иногда вернешься домой въ веселомъ настроеніи духа послѣ чего-нибудь пріятнаго, чувствуешь даже какую-то вызывающую радость, а взглянешь на его неподвижное лицо, увидишь его недовѣрчивый взглядъ—и всякая радость становится сомнительной, блѣдной. Онъ приводилъ насъ обоихъ въ подавленное состояніе духа. Мы долгое время молчали объ этомъ, потомъ одновременно сознались другъ другу въ отношеніи къ Рудольфу. Это и было причиной нашей поѣздки въ Берлинъ.

— Но теперь его вліяніе можетъ возобновиться.

— Никогда,—возразила Марія-Луиза.—Теперь, когда я знаю, въ чемъ заключается его вліяніе, я знаю и какъ ему противодѣйствовать. Я просто смѣюсь надъ нимъ.

Въ тотъ же вечеръ Грабаусъ имѣлъ случай ближе познакомиться съ докторомъ Платеномъ, затѣявъ съ нимъ споръ. Когда они вернулись домой съ прогулки, Грабаусъ сталъ хвалить изящную обстановку дома Платеновъ. Особенно понравился ему салонъ Маріи-Луизы въ стилѣ empire, и когда онъ узналъ, что большая часть мебели—наслѣдство отъ дѣда Маріи-Луизы, а нѣкоторые предметы найдены и куплены ею самой на аукціонахъ, его восторгъ еще усилился. И до того ему нравилось все связанное съ любимой женщиной, что онъ уже сталъ восхищаться всѣмъ безъ разбора. Увидавъ висѣвшую въ углу миніатюру, онъ и ее нашелъ очаровательной, хотя опытный глазъ, разглядѣвъ ее при свѣтѣ, понялъ бы, что работа довольно плохая. Дядю Рудольфа, повидимому, раздражалъ чрезмѣрно восторженный гость. Когда потомъ всѣ перешли въ комнату майора и Марія-Луиза зажгла свѣчи въ бронзовыхъ канделябрахъ, Грабаусъ сталъ снова восхищаться.

— Какъ хорошо, что у васъ не газовое освѣщеніе! По моему—естественный свѣтъ куда красивѣе.

Въ отвѣтъ на это, докторъ Платенъ, сидѣвшій уже нѣсколько времени насупившись въ своемъ креслѣ, сказалъ вдругъ довольно сердито:

— Не все ли равно, чортъ возьми, какое освѣщеніе въ домѣ!

Но Грабаусъ, очень возбужденный всѣми ощущеніями и воинственно настроенный противъ доктора Платена, набросился на него:

— По-вашему это безразлично? Да развѣ хоть что бы то ни было на свѣтѣ безразлично?

Докторъ Платенъ еще болѣе нахмурилъ брови и отвѣтилъ насмѣшливымъ тономъ:

— Ваши слова можно съ тѣмъ же успѣхомъ перевернуть и сказать, что все, что бы то ни было, безразлично.

— Ты такъ привыкъ считать все неважнымъ, — сказала Марія-Луиза, обращаясь къ Рудольфу,—что на твоемъ надгробномъ памятникѣ когда-нибудь сдѣлаютъ такую надпись: „Мнѣ совершенно все равно, живъ ли я, или умеръ“.

— Это совершенно вѣрно.

— Что жъ,—сказалъ Грабаусъ, — противъ такого взгляда на жизнь трудно спорить. Но счастья это не даетъ.

— Счастья? Да развѣ кто-нибудь на свѣтѣ счастливъ?

— Я!—воскликнулъ Вольфъ, вскакивая съ мѣста.

— Ты имѣешь теперь на это основаніе, вернувшись къ сытой жизни.

— Однако...

— Да и вообще—сколько тебѣ, собственно, лѣтъ?

— Меня ты не можешь упрекнуть въ чрезмѣрной молодости,—сказалъ майоръ, вмѣшиваясь въ разговоръ.—Но и я долженъ сказать, оглядываясь на жизнь: были грустные дни, было много печальныхъ годовъ,—но все же я былъ бы неблагодаренъ, если бы сказалъ, что былъ несчастенъ въ жизни.

— Это ты говоришь совершенно искренно?

Завязался горячій споръ Всѣ сплотились и стали защищать жизнь противъ нападокъ доктора Платена: Вольфъ—съ увѣренностью молодости, которая видитъ настоящее озареннымъ своими свѣтлыми надеждами на будущее, майоръ—несмотря на физическія страданія и затаенное грустное настроеніе—изъ чувства справедливости, а Марія-Луиза—изъ женской потребности видѣть во всемъ хорошую сторону и утѣшать: ей хотѣлось внести свѣтъ

своими словами въ мрачную душу Рудольфа.. Но горячѣе всѣхъ говорилъ Грабаусъ. Въ немъ послѣ долгаго сна пробудилась полнота душевныхъ силъ; во всякомъ несчастіи онъ видѣлъ теперь только преграду, которую считалъ себя способнымъ побѣдить, и ненавистническое отношеніе къ жизни казалось ему поэтому безуміемъ. Онъ спорилъ страстно и также впадалъ въ крайности, какъ и его противникъ. Вся душа его была полна Маріей-Луизой, и онъ восхвалялъ красоту міра, какъ человѣкъ, стоящій въ свѣту, говорилъ бы, обращаясь къ другому, притаившемуся въ темнотѣ и моргающему глазами, жалуясь на темноту и стужу. Но всѣ его слова были напрасны. Докторъ Платенъ разрушалъ своими озлобленными словами всѣ образы, приводимые Грабаусомъ. Красота природы—какъ бы не такъ! Кто наблюдаетъ природу вблизи—видитъ въ ней только борьбу за существованіе. Жизнерадостность здоровыхъ людей—какъ бы не такъ! А болѣзни? А старость? Счастье производительной работы—ну да! А тупое рабство милліоновъ, работающихъ изъ-за сухой корки хлѣба? Счастье дружбы, идеаловъ, любви, самопожертвованія—пышныя фразы! Въ дѣйствительности все—обманъ, зависть, ненависть, эксплоатація.

Споръ уже утратилъ первоначальную объективность. Сами того не замѣчая, спорщики стали говорить грубости другъ другу. Одинъ нападалъ на безплодный пессимизмъ, другой—на оптимистическое вранье. Майоръ тщетно пытался ихъ примирить. Наконецъ онъ налилъ вина въ стаканы и предложилъ разгоряченнымъ спорщикамъ чокнуться и выпить. Но прежде чѣмъ выпить, докторъ Платенъ сказалъ съ раскраснѣвшимся отъ гнѣва лицомъ:

— Я могу только сказать, что въ моей жизни не было ни одного дня, который я хотѣлъ бы снова пережить. И если бы людей не удерживалъ низменный инстинктъ жизни...

Грабаусъ отставилъ стаканъ и возразилъ:

— А я говорю: если бы я теперь заболѣлъ, если бы на меня обрушились всѣ несчастія жизни, я бы все-таки продолжалъ славить жизнь, которая влечетъ человѣка къ невѣдомой цѣли.

Наконецъ споръ прекратился. Но, прощаясь другъ съ другомъ, оба, Грабаусъ и докторъ Платенъ, почувствовали, что они—непримиримые враги, и что имъ лучше не встрѣчаться.

Съ нѣм. З. В.

ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКА

по

МЕЧНИКОВУ

На природу человѣка могутъ быть двѣ точки зрѣнія. Наиболѣе яркими представителями первой изъ нихъ были древніе греки. Человѣческая природа представлялась имъ идеаломъ красоты и совершенства. Эта точка зрѣнія нашла себѣ у нихъ наиболѣе полное выраженіе въ томъ, что они представляли себѣ боговъ въ образѣ людей. То же самое направленіе мы видимъ,— говоритъ И. И. Мечниковъ,—и въ греческой философіи, когда послѣдняя стремилась найти обоснованіе для морали въ свойствахъ человѣческой природы. „Метріопатіей" называлась такая научная доктрина, задача которой заключалась въ томъ, чтобы разрѣшить, что̀ такое нравственная жизнь, основываясь на свойствахъ человѣческой природы. Трудность въ томъ и заключалась, чтобы узнать, что̀ же именно свойственно человѣческой природѣ.

Полною противоположностью первой точкѣ зрѣнія на природу человѣка является другая, нашедшая наиболѣе полное себѣ выраженіе въ буддійской и христіанской религіяхъ. Согласно этой точкѣ зрѣнія, человѣческая природа является чѣмъ-то крайне несовершеннымъ. Согласно буддійскимъ или христіанскимъ воззрѣніямъ, человѣческое тѣло есть нѣчто презрѣнное, нечистое, жалкое, оно—темница для духа. Эти двѣ точки зрѣнія можно прослѣдить въ продолженіе всей исторіи человѣчества. Въ періоды его расцвѣта, какъ, напр., во время эпохи Возрожденія, верхъ беретъ первая — греческая точка зрѣнія. Ее можно видѣть у философовъ XVIII-го вѣка, энциклопедистовъ; наконецъ, эту точку зрѣнія можно отмѣтить у Дарвина и Спенсера. Точно также

до настоящаго времени можно прослѣдить и противоположную точку зрѣнія. Посмотримъ,—задаетъ себѣ вопросъ И. И. Мечниковъ,—какъ же смотритъ на природу человѣка современная наука?

Мечниковъ раздѣляетъ живыя существа на виды совершенные, гармонично организованные, приспособленные къ условіямъ своего существованія, и на виды неудовлетворительно организованные. Примѣромъ перваго ему служатъ чудныя приспособленія цвѣтовъ, служащія къ опыленію ихъ насѣкомыми, а также организація и нравы осъ-землекопателей. Примѣромъ несовершенства организаціи ему служитъ непреодолимое стремленіе нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и перелетныхъ птицъ къ свѣту, влекущее за собою для этихъ живыхъ существъ самыя гибельныя послѣдствія. Какъ извѣстно, вокругъ полей для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ зажигаютъ костры, въ которыхъ массы послѣднихъ и погибаютъ. Общеизвѣстный также фактъ, насколько гибельными для перелетныхъ птицъ являются огни большихъ маяковъ: перелетныя птицы неудержимо стремятся къ нимъ и падаютъ, разбившись о рѣшетки и толстыя стекла маячныхъ фонарей. Той или другой организаціи должно соотвѣтствовать и психическое состояніе этой организаціи. Такъ, Мечниковъ предполагаетъ, что существо вродѣ пчелы, прекрасно приспособленное къ собиранію меда, должно быть оптимистомъ, а какой-нибудь неуклюжій жукъ, который не въ состояніи пробраться въ цвѣтокъ къ пыльцѣ и сладкому соку, по крайней мѣрѣ, въ этотъ моментъ долженъ быть пессимистично настроенъ. Въ природѣ недостаточное приспособленіе къ условіямъ существованія не представляетъ рѣдкости. Выраженное въ достаточно сильной степени, оно ведетъ вѣдь къ вымиранію соотвѣтственнаго вида живыхъ существъ, а изъ исторіи жизни на землѣ мы знаемъ, какое громадное количество видовъ исчезло съ лица земли. „Задолго до появленія человѣка на землѣ,—говоритъ Мечниковъ,—существовали существа счастливыя, прекрасно приспособленныя къ условіямъ обстановки, въ которой имъ приходилось жить, и существа несчастныя, которыя слѣдовали влеченію своихъ вредныхъ инстинктовъ и кончали тѣмъ, что или портили, или даже окончательно губили свою жизнь. Еслибы эти существа могли мыслить и сообщить намъ свои размышленія по этому поводу, то очевидно, что хорошо приспособленныя, какъ, напр., орхидеи или осы-землеройки, оказались бы въ рядахъ оптимистовъ. Они объявили бы, что міръ устроенъ самымъ совершеннымъ образомъ, что достаточно только слѣдовать своимъ природнымъ инстинктамъ,

чтобы добиться удовлетворенія и полнаго счастья. Наоборотъ, существа неудовлетворительно организованныя, плохо приспособленныя къ условіямъ своего существованія, высказались бы опредѣленными пессимистами. Помилуйте, вотъ божья коровка, которую ея пристрастіе къ меду и голодъ заставляютъ лѣзть въ цвѣтокъ, и которая наталкивается только на неудачи. Или вотъ насѣкомыя, которыхъ инстинктъ ихъ направляетъ прямо въ огонь, и которыя сжигаютъ свои крылья и должны погибнуть. Очевидно, что они заявили бы намъ, что міръ сотворенъ самымъ возмутительнымъ образомъ, и что лучше всего было бы, еслибы онъ совсѣмъ не существовалъ. Въ какую же изъ этихъ двухъ группъ живыхъ существъ мы должны помѣстить человѣка? Соотвѣтствуетъ ли его природа тѣмъ условіямъ, въ которыхъ онъ долженъ жить, существуетъ ли гармонія между отдѣльными отправленіями его организма?"

Разрѣшенію этой-то задачи и посвящена послѣдняя большая работа И. И. Мечникова.

Тщательное изслѣдованіе строенія человѣка и животныхъ окончательно доказало тѣсное родство его съ высшими или человѣкообразными обезьянами. Разница въ строеніи костей, мышцъ, зубовъ, внутреннихъ органовъ, которую мы находимъ между человѣкомъ и высшими обезьянами, не столь значительна, сколько разница между тѣми же самыми высшими обезьянами (гориллой, шимпанзе, орангъ-утангомъ) и другими обезьянами. За послѣднія сорокъ лѣтъ каждое новое изслѣдованіе, какъ, напр., изслѣдованіе развитія высшихъ обезьянъ, подтверждало этотъ выводъ. Въ самое послѣднее время изученіе кровяныхъ сыворотокъ дало новые факты, подтверждающіе то же самое.

Свѣже выпущенная кровь человѣка и животныхъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ скоромъ времени свертывается, то-есть изъ жидкаго состоянія переходитъ въ студнеобразное; благодаря этому и происходитъ, главнымъ образомъ, остановка кровотеченій. Эта красная студенистая масса, получившаяся отъ свертыванія крови, такъ называемый кровяной сгустокъ, въ скоромъ времени начинаетъ сморщиваться и выдѣлять изъ себя капли прозрачной жидкости соломенно-желтаго цвѣта. Это и есть, такъ называемая, кровяная сыворотка, получившая въ послѣднее время такую извѣстность, такъ какъ кровяныя сыворотки отъ спеціально-подготовленныхъ животныхъ пріобрѣли такое значеніе при леченіи заразныхъ болѣзней. При изученіи сыворотокъ выяснился слѣдую-

щій интересный фактъ. Если мы какому-нибудь животному, напр. кролику, будемъ впрыскивать подъ кожу сыворотку, полученную отъ другого животнаго, напр. отъ морской свинки, то послѣ нѣсколькихъ повторныхъ впрыскиваній сыворотка перваго животнаго—кролика—получитъ совершенно новое свойство, которымъ до того она не обладала. А именно, отъ прибавленія первой сыворотки къ сывороткѣ второго животнаго получается бѣлый осадокъ, т.-е. отъ смѣшиванія двухъ прозрачныхъ жидкостей получается мутная смѣсь, при отстаиваніи дающая, какъ мы сказали уже, осадокъ. Это свойство сыворотки перваго животнаго—совершенно новое, такъ какъ если мы возьмемъ сыворотку отъ кролика, не подвергавшагося предварительнымъ впрыскиваніямъ сыворотки отъ морской свинки, то такая сыворотка никакого осадка не дастъ. Смѣсь получится такая же прозрачная, какой была и сыворотка до смѣшиванія. Это новое свойство сыворотки потому получаетъ большой интересъ, что оно очень специфично, т.-е. сыворотка приготовленнаго животнаго даетъ осадокъ обыкновенно только съ сывороткой того животнаго, впрыскиванію котораго оно подвергалось. Такъ, если мы впрыскивали, напр., козѣ сыворотку человѣка, то сыворотка такой козы будетъ давать осадокъ только съ сывороткой, добытой отъ людей, но не съ сывороткой другихъ животныхъ, какъ, напр., лошади, собаки и т. д. Этотъ опытъ имѣетъ въ томъ смыслѣ большое значеніе, что даетъ возможность отличать сыворотку опредѣленнаго животнаго отъ другихъ. Пріемъ этотъ уже получилъ практическое примѣненіе въ судебной медицинѣ. Этотъ способъ изслѣдованія интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность узнавать близкое родство между видами. Такъ, сыворотка, полученная отъ впрыскиванія животному человѣческой сыворотки, не дастъ осадка при прибавленіи къ ней сыворотки не только отъ животныхъ вообще, но и отъ большинства обезьянъ. Съ сывороткой же человѣкообразныхъ обезьянъ такой осадокъ получится. Грюнбаумъ, который производилъ въ Ливерпулѣ многочисленные опыты въ этомъ направленіи, говоритъ, что ему было совершенно невозможно отличить осадокъ, получаемый отъ прибавленія сыворотки человѣкообразныхъ обезьянъ, отъ того осадка, который получается отъ прибавленія человѣческой сыворотки. Эти осадки не разнились ни по своему качеству, ни по количеству. Это явленіе доказываетъ, что между организмами человѣка и высшихъ обезьянъ существуютъ не только поверхностныя аналогіи въ строеніи, но и глубокое внутреннее сродство.

„Такимъ образомъ, — говоритъ Мечниковъ,—нельзя сомнѣ-

ваться въ томъ, что человѣкъ есть животное, принадлежащее къ группѣ высшихъ обезьянъ (приматовъ) и связанное тѣснымъ родствомъ съ нынѣ живущими обезьянами этой группы".

Интереснымъ является то обстоятельство, что человѣкъ имѣетъ болѣе общихъ чертъ съ зародышами обезьянъ, чѣмъ со взрослыми обезьянами. Точно также молодыя обезьянки имѣютъ болѣе чертъ сходства съ человѣкомъ, чѣмъ взрослые. Человѣкъ въ отношеніи строенія тѣла представляетъ какъ бы остановку развитія по сравненію съ обезьянами. Въ то время какъ у человѣка и у молодыхъ обезьянокъ та часть черепа, которая является вмѣстилищемъ мозга, больше по сравненію съ лицомъ,—у взрослыхъ обезьянъ сильно развиваются челюсти и вообще кости лица. То же найдено недавно и по отношенію къ волосамъ, покрывающимъ тѣло обезьянъ и человѣка. Какъ извѣстно, все тѣло человѣка, за исключеніемъ опредѣленныхъ мѣстъ, покрыто короткими маленькими волосками, причемъ особенно бѣдна ими спина. По изслѣдованіямъ послѣдняго времени (Деникера), оказалось такое же расположеніе волосъ и у зародышей обезьянъ (гориллы), и только въ послѣднее время утробной жизни зародышъ гориллы покрывается такими же длинными волосами на спинѣ, какъ и у взрослаго животнаго. Такимъ образомъ, человѣкообразныя обезьяны уклонились, пошли въ извѣстномъ направленіи впередъ отъ того первоначальнаго типа, которому человѣкъ остался, такъ сказать, болѣе вѣренъ. „Изъ всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ,—говоритъ Мечниковъ,—можно заключить, что человѣкъ представляетъ изъ себя остановку въ развитіи высшей обезьяны предыдущей эпохи, нѣчто вродѣ обезьяньяго „урода",—конечно, не съ эстетической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія исключительно зоолога. На человѣка можно смотрѣть какъ на ребенка-„чудо" высшей обезьяны, ребенка, родившагося съ мозгомъ и умственными способностями, гораздо болѣе развитыми, чѣмъ у его родителей".

Подтвержденіе этому Мечниковъ находитъ въ новыхъ теоріяхъ, которыми объясняется происхожденіе видовъ, а именно въ такъ-называемой мутаціонной теоріи Гуго де-Вриса. Согласно этой теоріи, происхожденіе новыхъ видовъ объясняется внезапнымъ появленіемъ среди живыхъ существъ опредѣленнаго вида рѣзкихъ отклоненій отъ ихъ сородичей. Отклоненія эти передаются по наслѣдству, и если они окажутся полезными, то обладатели этихъ новыхъ свойствъ окажутся побѣдителями въ борьбѣ за существованіе,—и такимъ образомъ возникнетъ новый видъ живыхъ существъ. Мечниковъ отмѣчаетъ появленіе такихъ рѣзкихъ

отклоненій и у человѣка. Какъ примѣръ, онъ приводитъ появленіе людей, одаренныхъ феноменальною способностью къ счисленію, въ самой неинтеллигентной средѣ. Первые люди,—говоритъ онъ, — были, по всей вѣроятности, геніальными дѣтьми, родившимися отъ высшихъ обезьянъ.

Нѣмецкій анатомъ Видерсгеймъ подвелъ такой итогъ нашимъ современнымъ знаніямъ о строеніи человѣка. Онъ нашелъ, что пятнадцать органовъ человѣка представляютъ собою значительный шагъ впередъ по сравненію съ соотвѣтственными органами человѣкообразныхъ обезьянъ. Наряду съ этими прогрессирующими органами, Видерсгеймъ нашелъ семнадцать органовъ, представляющихъ явленія регресса, и не менѣе ста-семи органовъ рудиментарныхъ, т.-е. представляющихъ собою остатки органовъ, бывшихъ когда-то полезными отдаленнымъ предкамъ человѣка, теперь же не имѣющихъ для него никакого значенія.

Человѣческое тѣло, съ точки зрѣнія внѣшней формы, является идеаломъ красоты. Искусство не могло придумать ничего болѣе красиваго. Но, — говоритъ Мечниковъ, — невозможно обобщать этотъ выводъ относительно всей природы человѣка. Красивымъ тѣло бываетъ только во время молодости и зрѣлаго возраста. Въ старости же и мужчина, и женщина, дѣлаются болѣе или менѣе безобразными.

Затѣмъ, Мечниковъ приступаетъ къ подробному перечисленію тѣхъ крупныхъ недостатковъ, которые онъ находитъ въ организаціи человѣка.

Все тѣло человѣка покрыто маленькими волосками. Эти волоски, конечно, не могутъ защищать насъ отъ холода и представляютъ остатокъ того обильнаго волосяного покрова, которымъ были когда-то одѣты наши очень отдаленные животные предки. Этотъ волосяной покровъ, не принося существенной пользы, можетъ въ то же время явиться источникомъ значительнаго вреда. Эти маленькіе волоски задерживаютъ пыль и грязь. Особенно чехлы, окружающіе ихъ корешки, являются прибѣжищемъ для множества иногда вредоносныхъ микробовъ. Такимъ образомъ, эти волоски являются исходнымъ пунктомъ для чирьевъ и нагноеній.

Послѣдняя пара коренныхъ зубовъ, такъ-называемые зубы мудрости, точно также не являются необходимыми для жеванія и отсутствуютъ у значительнаго числа людей. Появляются они поздно, очень скоро послѣ своего прорѣзыванія они подвергаются порчѣ. А между тѣмъ эти почти безполезные органы

являются источникомъ заболѣваній, страданій, и описаны даже случаи смерти, причиной которой были нагноенія, источникомъ которыхъ были эти зубы.

Особенно рѣзкимъ примѣромъ вреда рудиментарныхъ органовъ является червовидный отростокъ. У нѣкоторыхъ животныхъ, особенно у грызуновъ, онъ достигаетъ большихъ размѣровъ и участвуетъ въ пищевареніи, но у человѣка онъ столь незначительныхъ размѣровъ, что его роль не можетъ быть значительна, а между тѣмъ онъ является мѣстомъ возникновенія опаснаго заболѣванія—воспаленія червовиднаго отростка, которое въ 9—10 проц. даетъ смертельный исходъ.

Но не только рудиментарные органы, какъ зубы мудрости и червовидный отростокъ, или органы регрессирующіе, какъ, напр., слѣпая кишка, которая у человѣка значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ у нѣкоторыхъ животныхъ,—нужно считать за излишніе. Мало того, даже тѣ части кишечнаго канала, которыя отличаются своими размѣрами и развитіемъ, и ихъ считаетъ Мечниковъ безполезнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ намъ нашими предками-животными. „Можно утверждать, — говоритъ Мечниковъ,—что не только червовидный отростокъ и слѣпая кишка, но и вся толстая кишка человѣка, т.-е. очень значительная часть всѣхъ кишекъ вообще, является излишнею для нашего организма, и удаленіе ея повлекло бы за собою очень счастливые результаты. Толстая кишка особенно сильно развита у травоядныхъ животныхъ. Безполезная для перевариванія пищи животнаго происхожденія, она несомнѣнно полезна при усвоеніи пищи растительной. Съ другой стороны, толстая кишка играетъ роль, соотвѣтствующую роли мочевого пузыря. Какъ въ мочевомъ пузырѣ скопляется моча, такъ толстыя кишки служатъ мѣстомъ, гдѣ накапливаются непереваренные остатки пищи. Толстая кишка развита въ значительной степени только у млекопитающихъ. Большая часть млекопитающихъ представляютъ собою животныхъ быстро передвигающихся. Это для нихъ необходимо или ради того, чтобы догнать добычу, или ради того, чтобы избѣжать преслѣдованія. Въ виду этого имъ было бы крайне неудобно, во время бѣгства отъ врага или во время преслѣдованія добычи, останавливаться для испражненія. Возможность задерживать испражненія въ объемистомъ резервуарѣ являлась очень важной выгодой въ борьбѣ за существованіе. Что касается птицъ,—говоритъ Мечниковъ,—то онѣ живутъ, такъ сказать, въ воздухѣ, не нуждаются въ остановкахъ для выбрасыванія непереваренныхъ остатковъ отъ пищеваренія. Но

толстая кишка является органомъ не только безполезнымъ, но и прямо вреднымъ. Застаивающіяся въ ней большія количества непереваренныхъ остатковъ отъ пищи являются почвой, на которой развиваются массы бактерій. Послѣднія развиваютъ въ толстыхъ кишкахъ вредные продукты, которые всасываются организмомъ и отравляютъ его. Кромѣ того, толстыя кишки являются мѣстомъ развитія такихъ опасныхъ болѣзней, какъ дизентерія. Злокачественныя опухоли точно также часто развиваются въ толстыхъ кишкахъ.

Однимъ изъ тѣхъ органовъ, которые особенно часто поражаются злокачественными опухолями, является желудокъ. А между тѣмъ, люди могутъ обойтись безъ желудка. Извѣстно нѣсколько случаевъ полнаго удаленія желудка посредствомъ операціи, и эти люди оставались живы и удовлетворительно питались. Точно также извѣстны случаи удаленія двухъ-третей толстой кишки безъ дурныхъ послѣдствій для больныхъ. Особенно поучителенъ одинъ случай, въ которомъ оказалось, что старуха жила долгіе годы послѣ того, какъ у нея атрофировалась толстая кишка, совсѣмъ не участвовавшая въ пищевареніи. Вполнѣ понятно,— говоритъ Мечниковъ, — почему органы пищеваренія человѣка представляютъ такъ много примѣровъ ненужныхъ и исчезающихъ частей. Человѣкъ когда-то употреблялъ болѣе грубую и менѣе питательную пищу. Вотъ къ перевариванію такой грубой пищи и приспособлены наши органы пищеваренія. Между тѣмъ съ успѣхами культуры люди стали ѣсть болѣе питательную и, благодаря кулинарнымъ процедурамъ, уже подготовленную къ усвоенію пищу. Въ виду этого извѣстныя части пищеварительныхъ органовъ оказались ненужными и находятся въ настоящее время на пути къ уничтоженію. Подобное же мы видимъ и у нѣкоторыхъ животныхъ, поставленныхъ въ исключительно благопріятныя условія для питанія. Такъ, ленточныя глисты живутъ въ кишечномъ каналѣ другихъ животныхъ и со всѣхъ сторонъ окружены питательною жидкостью, содержащею уже переваренныя вещества, которыя достаточно для глисты всосать черезъ стѣнки своего тѣла. И дѣйствительно, у этихъ глистъ нѣтъ совсѣмъ пищеварительныхъ органовъ. Въ томъ же направленіи идетъ процессъ и у человѣка, но, конечно, находится въ другой стадіи.

Наконецъ, Мечниковъ упоминаетъ, какъ неудовлетворительно дѣйствуютъ тѣ инстинкты, которые должны были бы руководить человѣкомъ при выборѣ пищи. Какъ только ребенокъ начинаетъ ползать, онъ подбираетъ съ полу всѣ предметы, какіе только

можетъ забрать, и тотчасъ отправляетъ ихъ въ ротъ. Въ виду этого и случаи отравленія—не рѣдкость. Наконецъ, рѣзкимъ примѣромъ заблужденій инстинкта можетъ служить стремленіе людей отравлять себя алкоголемъ, эѳиромъ, опіумомъ и морфіемъ. Алкоголизмъ можетъ служить лучшимъ примѣромъ, насколько гибельны противорѣчія между инстинктомъ, руководящимъ нами въ выборѣ пищевыхъ веществъ, и инстинктомъ сохраненія жизни.

Точно также долго останавливается Мечниковъ на несовершенствахъ, наблюдаемыхъ въ органахъ размноженія. Какъ извѣстно, всякія кровотеченія считаются болѣзненнымъ явленіемъ. Между тѣмъ женщины подвержены ежемѣсячнымъ періодическимъ кровотеченіямъ. Мечниковъ утверждаетъ, что эти періодическія кровотеченія есть результатъ отклоненій условій нашей жизни отъ условій жизни первобытныхъ людей. Тогда, нужно предполагать, женщина дѣлалась беременной до появленія мѣсячныхъ и во всю ея жизнь мѣсячныя не могли проявиться, такъ какъ періодъ кормленія грудью непосредственно смѣнялся новой беременностью.

Половые органы человѣка особенно богаты рудиментами, такъ какъ человѣкъ происходитъ отъ двуполыхъ животныхъ, и половые органы каждой особи заключаютъ въ себѣ недоразвившіеся зачатки половыхъ органовъ другого пола.

Наконецъ, мучительность родового акта является крупнымъ недостаткомъ организаціи половой сферы.

Особенно же Мечниковъ останавливается на тѣхъ отклоненіяхъ, которыя представляетъ собою половой инстинктъ. Появляется онъ у мальчиковъ еще тогда, когда половые органы не достигли своего полнаго развитія, что является причиной болѣзненныхъ проявленій—онанизма. Остается этотъ инстинктъ уже послѣ того, какъ половые органы атрофировались. Особенно современныя условія жизни вносятъ много ненормальнаго въ половую жизнь человѣка. Въ то время какъ половая зрѣлость наступаетъ еще тогда, когда организмъ не достигъ своего полнаго развитія, между двѣнадцатью и четырнадцатью годами (у мужчинъ), средній возрастъ вступленія въ бракъ у культурныхъ народовъ отодвигается до двадцати-четырехъ—двадцати-девяти лѣтъ. Изъ этихъ цифръ видно, насколько расходится время вступленія въ бракъ и время появленія полового чувства.

Далѣе Мечниковъ отмѣчаетъ извращеніе инстинкта сохраненія своего рода въ видѣ такого широкаго распространенія мѣръ для избѣжанія дѣторожденія.

У первобытныхъ народовъ большую роль играетъ убиваніе

или бросаніе на произволъ дѣтей. Несомнѣнно, то же явленіе, конечно въ замаскированномъ видѣ, распространено и у болѣе культурныхъ расъ.

Одна изъ самыхъ интересныхъ главъ въ книгѣ Мечникова,— это та, которая посвящена измѣненіямъ, которымъ подвергается инстинктъ сохраненія жизни въ разные возрасты. Мечниковъ отмѣчаетъ, что въ молодые годы инстинктъ этотъ слабо развитъ. Молодые люди мало дорожатъ жизнью, легко жертвуютъ ею. Пессимистическія теоріи точно также созданы главнымъ образомъ молодыми людьми. Такъ, Шопенгауэръ, когда онъ опубликовалъ свою знаменитую теорію пессимизма, былъ всего тридцати-одного года, а Гартманъ, будучи всего двадцати-шести лѣтъ отъ роду, заявилъ, что жизнь есть зло, и чѣмъ скорѣе мы отъ нея освободимся, тѣмъ лучше. Наоборотъ, представители оптимистическихъ теорій—люди болѣе или менѣе престарѣлые. Чѣмъ люди болѣе подвигаются къ преклонному возрасту, тѣмъ они болѣе начинаютъ цѣнить жизнь, и, наконецъ, въ извѣстный моментъ, это стремленіе къ жизни, эта любовь къ жизни смѣняется инстинктивнымъ страхомъ смерти.

„Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ Мечниковъ,—что среди другихъ инстинктовъ человѣкъ обладаетъ однимъ, который заставляетъ его цѣнить жизнь и ужасаться передъ смертью. Этотъ инстинктъ постепенно развивается вмѣстѣ съ годами. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко и удивительнымъ образомъ отличается отъ всѣхъ другихъ инстинктовъ. Послѣ того какъ голодъ, жажда, половой инстинктъ удовлетворены, появляется ощущеніе сытости, которое можетъ достигнуть степени пресыщенія и даже усталости. Такое состояніе длится нѣкоторое время, чтобы потомъ смѣниться новымъ пробужденіемъ этихъ инстинктовъ. Совсѣмъ не то наблюдается по отношенію къ инстинкту жизни. Этотъ инстинктъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ развивается поздно и постепенно усиливается въ продолженіе всего теченія жизни: дѣти и юноши всегда стремятся скорѣе сдѣлаться взрослыми. Но, достигнувъ зрѣлаго возраста, человѣкъ никогда не стремится состарѣться. Съ тяжелымъ чувствомъ замѣчаютъ появленіе первыхъ морщинъ и сѣдыхъ волосъ. Вмѣсто того, чтобы испытывать удовлетвореніе по поводу того, что значительная часть жизненнаго пути пройдена, люди ощущаютъ большую печаль, видя себя ближе къ смерти. Старость—такая, какою она обыкновенно проявляется—характеризуется безобразностью и чѣмъ-то отталкивающимъ и даже устрашающимъ. И несмотря на все, что дѣлаетъ старость ужасной, безполезной и въ самой лучшей обста-

новкѣ только терпимой, несмотря на ослабленіе и души, и тѣла у стариковъ, инстинктъ жизни сохраняется у нихъ съ полной силой. Мечниковъ часто посѣщалъ богадельни, и ему пришлось убѣдиться, что всѣ обитатели ихъ желаютъ еще долго жить. Въ Сальпетріэръ очень много женщинъ преклоннаго возраста: семидесятилѣтнія—почти на положеніи молодыхъ. Все честолюбіе девяностолѣтнихъ старухъ заключается въ томъ, чтобы достигнуть ста лѣтъ. Стремленіе жить замѣчается у всѣхъ.

Яркій расцвѣтъ стремленія жить въ тотъ моментъ, какъ приближается смерть, ощущается особенно мучительно. Смерть тогда кажется еще непонятнѣе и ужаснѣе. Въ виду этого человѣчество съ незапамятныхъ временъ стремилось отыскать ключъ къ этой загадкѣ. Вопросъ о смерти есть главное содержаніе и религіи, и философіи. „Религія,—говоритъ Гюйо,—есть главнымъ образомъ размышленіе о смерти. Еслибы мы не должны были умирать, среди людей, конечно, были бы распространены суевѣрія, но не было бы ни суевѣрій, возведенныхъ въ систему, ни религіи“. Точно также, дальше говоритъ Мечниковъ, уже нѣкоторые философы древности высказали мысль, что философія есть не что̀ иное, какъ размышленіе о смерти.

Такимъ образомъ, по словамъ Мечникова, нельзя не признать, что человѣческая природа, столь замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, представляетъ многочисленныя и глубокія несовершенства, которыя являются источникомъ столькихъ несчастій. Человѣкъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ живыхъ существъ, которыя прекрасно приспособлены къ условіямъ своего существованія, какъ приспособлены, напр., орхидеи къ оплодотворенію ихъ насѣкомыми, или осы-землеройки къ выращиванію своего потомства. Наоборотъ, человѣческая природа напоминаетъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыхъ инстинктъ толкаетъ ихъ летѣть на огонь и которыя обжигаютъ себѣ крылья.

Что̀ же человѣчество сдѣлало, чтобы примирить несовершенства своей природы?

Какъ было сказано выше, главное содержаніе и религіи, и философіи заключается въ томъ, чтобы найти исходъ изъ того безвыходнаго положенія, въ которое человѣкъ поставленъ несовершенствами своей природы. Двѣ главы своей книги посвящаетъ Мечниковъ изложенію и критикѣ этихъ попытокъ. Всѣ религіи, начиная съ самыхъ первобытныхъ, для того, чтобы примирить человѣка съ неизбѣжностью смерти, имѣютъ только одинъ доводъ, а именно—вѣру въ загробную жизнь. Доводъ, который совершенно не удовлетворяетъ Мечникова. Нельзя привести ни одного убѣдительнаго факта въ подтвержденіе возможности для

духа существовать независимо отъ тѣла;—въ виду этого число людей изъ образованныхъ классовъ, не признающихъ существованія загробной жизни, все увеличивается,—говоритъ онъ.

За исключеніемъ своего главнаго назначенія, которое заключается въ томъ, чтобы дать утѣшеніе человѣчеству, осужденному на сознаніе неизбѣжности смерти, религіи занимались еще рядомъ другихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ несовершенствъ человѣческой природы. Во всѣ времена они пытались регулировать вопросы питанія и размноженія человѣчества, а также предупреждать и лечить всевозможныя болѣзни. Что касается этихъ гигіеническихъ предписаній, то для нѣкоторыхъ изъ нихъ можно найти раціональныя основанія, но большинство изъ нихъ имѣетъ только историческій интересъ.

Попытки религіозныхъ ученій предлагать мѣры къ борьбѣ съ заразными болѣзнями легко объясняются тѣмъ, что сами болѣзни большинствомъ религіозныхъ ученій признаются за навожденіе злыхъ духовъ. Такъ, даже Мартинъ Лютеръ признавалъ сверхъестественное происхожденіе болѣзней: „Вотъ уже вопросъ, относительно котораго,—говоритъ онъ,—не можетъ быть сомнѣній, что чума, лихорадка и другія тяжелыя болѣзни суть дѣло рукъ дьявола“. Но религіозныя предписанія, направленныя къ борьбѣ съ заразными болѣзнями, замѣнены нынѣ научно-обоснованными предписаніями медицины и гигіены.

Наконецъ, и всѣ попытки философіи примирить человѣка со смертью не могутъ удовлетворить Мечникова, такъ какъ они всѣ сводятся къ одному совѣту, а именно: примириться съ неизбѣжнымъ.

Единственно, отъ чего можно ждать помощи, это—наука. И успѣхи науки въ XIX-мъ вѣкѣ грандіозны. Особенно велики успѣхи науки въ вопросѣ борьбы съ болѣзнями, а именно существованіе болѣзней и было главнымъ факторомъ, способствовавшимъ выработкѣ пессимистическаго міровоззрѣнія. Конечно, остается еще очень много сдѣлать, но то, что уже достигнуто, является громаднымъ результатомъ, а главное, мы въ состояніи на основаніи уже достигнутаго предвидѣть еще новыя завоеванія науки.

Но на это возражаютъ: „Да, наука въ состояніи помочь человѣку, когда онъ страдаетъ отъ той или другой болѣзни, но вопросъ не въ этомъ. Болѣзнь есть только эпизодъ въ жизни человѣка, въ то время какъ основные вопросы ея не разрѣшены наукой. Недостаточно вылечить человѣка отъ дифтеріи или болотной лихорадки. Нужно разрѣшить вопросъ, что его ожидаетъ и почему онъ долженъ старѣться и умереть въ тотъ моментъ, когда у него наибольшая потребность жить. Вотъ тутъ,

говорятъ противники науки, выступаетъ съ полной ясностью безсиліе ея и здѣсь начинается благодѣтельная роль религіи и философіи. А такъ какъ наука постоянно вноситъ сомнѣніе къ догмамъ вѣры и постоянно критикуетъ философскія системы, то въ виду этого, говорятъ противники науки, наука не только не полезна, но вредна". Нападки на науку начались давно. Первымъ блестящимъ противникомъ науки былъ Руссо, а теперь наиболѣе выдающимся является гр. Л. Н. Толстой. Мечниковъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ выводы Толстого: „Наука не можетъ разрѣшить вопроса, въ чемъ заключается истинный смыслъ жизни". Въ виду того, что столько и въ томъ числѣ такіе выдающіеся люди нападаютъ на науку, невольно является вопросъ, — дѣйствительно, не вредна ли наука на самомъ дѣлѣ. Можетъ это стремленіе людей къ свѣту знанія быть такъ же гибельно для человѣческаго рода, какъ для бѣдныхъ ночныхъ бабочекъ гибельно ихъ стремленіе къ огню.

Но Мечниковъ не можетъ примириться съ такимъ рѣшеніемъ и думаетъ, что наука въ состояніи дать отвѣтъ на самые роковые вопросы человѣческаго существованія. Что же извѣстно современной наукѣ о старости и о смерти?

Неизбѣжность смерти для всего живого является одной изъ самыхъ банальныхъ истинъ, а между тѣмъ за послѣднее время являются голоса, которые высказываютъ сомнѣніе въ возможности обобщать это положеніе на всѣхъ живыхъ существъ. Ученымъ, впервые высказавшимъ это сомнѣніе, былъ Вейсманъ. Живыя существа можно раздѣлить на двѣ большихъ группы: на существа одноклѣточныя и существа, состоящія изъ множества клѣтокъ. Что касается второй группы живыхъ существъ, къ которой принадлежитъ и человѣкъ, то для нея неизбѣжность смерти несомнѣнна; не то для первой группы, къ которой принадлежатъ микроскопическія существа, состоящія всего изъ одной клѣтки. Является вопросомъ, существуетъ ли для такого существа естественная, не насильственная смерть. Если мы будемъ наблюдать за жизнью такого существа, то увидимъ, что оно двигается, поглощаетъ пищу, а черезъ нѣкоторый промежутокъ времени увидимъ, что такое существо раздѣлилось на два новыхъ — тождественныхъ съ нимъ — существа. Какъ индивидуальность, прежнее одноклѣточное существо перестало существовать, распавшись на два новыхъ, но ничего похожаго на смерть мы тоже не найдемъ, такъ какъ и послѣ дѣленія тѣло этого существа продолжаетъ существовать, только раздѣленное на двѣ части. Такимъ образомъ, смерть, съ этой точки зрѣнія, является привилегіей существъ болѣе высокаго и сложнаго строенія.

То же самое разсужденіе мы можемъ распространить и на старость. Каждому извѣстны проявленія старости, какъ они выражаются на человѣкѣ. Тѣ же самыя проявленія мы можемъ констатировать у высшихъ животныхъ, даже у птицъ; наконецъ, даже у деревьевъ мы можемъ видѣть явленія, которыя мы можемъ отождествлять съ дряхлостью. Но если мы обратимся къ одноклѣточнымъ существамъ-инфузоріямъ, амебамъ или бактеріямъ, то намъ будетъ трудно найти такія явленія, которыя мы могли бы отождествить со старостью. Мы увидимъ, какъ такое существо живетъ, размножается дѣленіемъ, и такъ повторяется многое число разъ. Но затѣмъ можно наблюдать, какъ послѣ ряда послѣдовательныхъ дѣленій инфузоріи дѣлаются все меньше и меньше по величинѣ,—онѣ вырождаются, но онѣ обладаютъ средствомъ опять возвратить себѣ прежніе размѣры и здоровье. Для этого два существа должны слиться въ одно; процессъ этотъ называется копуляціей и за нимъ слѣдуетъ опять быстрое размноженіе простымъ дѣленіемъ этихъ инфузорій, вернувшихъ себѣ такимъ способомъ прежніе размѣры и молодость. Ничего подобнаго не существуетъ для существъ многоклѣточныхъ, и всѣ они обречены на постепенное увяданіе—старость.

Мечниковъ ставитъ себѣ задачей бороться со старостью. Но для того чтобы бороться съ чѣмъ-нибудь, надо знать то, съ чѣмъ приходится бороться. Что же такое старость съ точки зрѣнія современной науки?

Давно уже замѣчено, что мясо старыхъ животныхъ отличается жесткостью. Про него говорятъ, что оно какъ подошва. И въ этомъ сравненіи есть большая доля правды. Мясо оттого дѣлается такимъ жесткимъ, что въ немъ развивается много той же самой ткани, изъ которой состоитъ подошва. Характерное свойство старости заключается въ томъ, что при ней самые цѣнные, благородные элементы организма атрофируются, а ихъ мѣсто занимаетъ развившаяся соединительная ткань. Каждый важный для жизни органъ состоитъ изъ особенныхъ характерныхъ для него клѣтокъ, которыя и выполняютъ лежащую на этомъ органѣ работу: такъ мозгъ состоитъ изъ нервныхъ клѣтокъ, печень изъ печеночныхъ клѣтокъ, и эти важные для жизни элементы заложены въ основу, состоящую изъ соединительной ткани. Послѣдняя играетъ роль скелета, опоры, которая поддерживаетъ и охраняетъ отъ механическихъ поврежденій болѣе важные элементы. Но при старости число благородныхъ элементовъ уменьшается, а ихъ мѣсто занимаетъ разросшаяся соединительная ткань. Интересно, что тотъ же самый процессъ мы имѣемъ и при хроническихъ воспаленіяхъ,—и при нихъ благородные эле-

менты исчезаютъ и замѣняются разросшейся соединительной тканью. И это является подтвержденіемъ мысли Мечникова, что та старость, которую мы видимъ вокругъ насъ, есть болѣзненное явленіе, а смерть, которою умираетъ громадное большинство современныхъ намъ людей, есть смерть насильственная.

Всѣмъ извѣстна теорія Мечникова, объясняющая явленія старости. Въ человѣческомъ организмѣ есть цѣлый классъ клѣтокъ, напоминающихъ своей формой и строеніемъ свободно живущихъ одноклѣточныхъ существъ. Назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, защищать организмъ отъ проникающихъ въ него бактерій, съ другой—чтобы пожирать умершія клѣтки организма. И вотъ старость, по Мечникову, объясняется тѣмъ, что эти клѣтки начинаютъ нападать на ослабленныя разными вредными вліяніями благородныя клѣтки организма, на тѣ клѣтки, безъ которыхъ мы не можемъ существовать. Въ подтвержденіе этого Мечниковъ приводитъ свои наблюденія и наблюденія его учениковъ надъ тѣмъ, какъ въ центральной нервной системѣ, въ почкахъ онъ видѣлъ благородные элементы органовъ, пожираемые этими блуждающими клѣтками.

Онъ даже предлагаетъ бороться съ явленіями старости, приготовивъ такую сыворотку, которая вредно дѣйствовала бы на эти блуждающія клѣтки и уменьшала бы ихъ энергію, направленную въ столь невыгодномъ для насъ направленіи.

Но если блуждающія клѣтки нападаютъ на самыя драгоцѣнныя клѣтки нашего организма, то это потому, что послѣднія ослаблены вслѣдствіе различныхъ вредныхъ вліяній. Что же это за вредныя вліянія? Наиболѣе частой причиной какъ перерожденія клѣтокъ внутреннихъ органовъ, такъ и развитія на ихъ мѣстѣ соединительной ткани, являются алкоголизмъ и сифилисъ. На ихъ долю приходится около половины рѣзкихъ измѣненій внутреннихъ органовъ, аналогичныхъ измѣненіямъ происходящимъ отъ старости, но только констатированныхъ въ болѣе ранніе года. Сифилисъ и алкоголь дѣйствуютъ на благородные элементы организма какъ яды и ослабляютъ ихъ, а блуждающія клѣтки, какъ не такіе нѣжные элементы, менѣе страдаютъ отъ этихъ ядовъ, и этимъ объясняется побѣда ихъ надъ болѣе благородными элементами. Въ остальныхъ же случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ явленія гибели важныхъ для жизни элементовъ и замѣны ихъ разросшейся соединительной тканью и гдѣ не было ни сифилиса, ни алкоголизма,—причина другая.

Эта причина, по Мечникову, заключается въ громадной массѣ бактерій, развивающихся въ ненужной толстой кишкѣ человѣка. Эти бактеріи, развиваясь на счетъ непереваренныхъ

остатковъ пищи, размножаются въ громадныхъ количествахъ и производятъ вредныя, отравляющія насъ вещества, которыя изъ кишечника всасываются въ кровь и разносятся по всему организму. Правда, пытались доказать, что эти обитатели нашего кишечнаго канала необходимы для пищеваренія и такимъ образомъ являются полезными гостями для насъ. Но эти доводы, по мнѣнію Мечникова, не доказательны, а между тѣмъ фактъ, что они являются источникомъ вредныхъ для организма веществъ—несомнѣненъ. Развитіе толстой кишки имѣло своимъ послѣдствіемъ нѣкоторыя выгодныя стороны для млекопитающихся животныхъ; но это развитіе толстой кишки сопровождалось сокращеніемъ срока жизни. Птицы, у которыхъ нѣтъ толстой кишки и у которыхъ бактеріальная флора кишечника значительно болѣе бѣдна, чѣмъ у млекопитающихъ,—соотвѣтственно этому обладаютъ значительно большей продолжительностью жизни. Между птицами есть одно очень знаменательное исключеніе: страусы отличаются отъ другихъ птицъ значительнымъ развитіемъ толстой кишки и соотвѣтственно съ этимъ обильной бактеріальной флорой кишечнаго канала. Сообразно съ этимъ и продолжительность жизни страусовъ значительно короче, чѣмъ другихъ птицъ, значительно меньшихъ его по размѣрамъ.

Разъ выяснено, въ чемъ заключается причина преждевременной болѣзненной старости, мы должны бороться съ этими вредными факторами. Конечно, несмотря на всѣ успѣхи современной хирургіи, мы не можемъ разсчитывать на то, чтобы вредная для человѣчества толстая кишка удалялась хирургическимъ путемъ, но возможенъ еще другой путь борьбы съ тѣмъ вредомъ, который человѣку приносятъ размножающіяся въ кишечномъ каналѣ бактеріи. Эти бактеріи попадаютъ въ нашъ кишечникъ безъ нашего вѣдома вмѣстѣ съ непрокипяченной водой или съ плохо вымытыми сырыми фруктами. Это, такъ сказать, дикія бактеріи,—и является чрезвычайно страннымъ, что человѣкъ, который съ такимъ стараніемъ удаляетъ всякихъ вредныхъ существъ изъ окружающаго, не обращаетъ никакого вниманія на цѣлый міръ живыхъ существъ, населяющихъ его внутренности. Безусловно необходимо замѣнить этихъ бактерій, подчасъ прямо опасныхъ, а по мнѣнію Мечникова—вредныхъ, другими бактеріями—полезными, такъ сказать, домашними. Такими бактеріями являются бактеріи молочнокислаго броженія, развивающіяся при закисаніи молока. Вслѣдствіе ихъ жизнедѣятельности молоко закисаетъ въ простоквашу. Полезное свойство этихъ бактерій заключается въ томъ, что онѣ производятъ изъ молочнаго сахара, заключеннаго въ молокѣ, кислоты, а послѣдняя мѣшаетъ вред-

нымъ бактеріямъ развиваться. Съ этой точки зрѣнія употребленіе кислаго молока является въ высшей степени полезнымъ.

Въ виду всего этого, говоритъ Мечниковъ, можно признать, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ удастся видоизмѣнить старость. Вмѣсто болѣзненной и отталкивающей она будетъ физіологическимъ увяданіемъ, которое можно будетъ выносить. Удастся также увеличить и продолжительность жизни. Но этого мало. Можно предполагать, что когда людямъ сдѣлается доступной физіологическая старость, измѣнится и ихъ отношеніе къ смерти. Выше мы видѣли, какъ мѣняются инстинкты живого существа съ измѣненіемъ его возраста. Смерть, которою теперь умираютъ люди, есть смерть насильственная. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда теперь мы видимъ старика, тихо скончавшагося безъ какихъ бы то ни было страданій, все-таки на вскрытіи обыкновенно находятъ рѣзкое измѣненіе, разрушеніе того или другого органа. Для насъ понятнымъ является трагическое противорѣчіе между разрушающимся тѣломъ и жаждой жизни. Мы можемъ предполагать, что когда смерть будетъ результатомъ равномѣрнаго увяданія организма, вмѣстѣ съ ослабѣваніемъ жизненныхъ процессовъ будетъ ослабѣвать и инстинктъ стремленія жить, этотъ инстинктъ замѣнится другимъ, а именно стремленіемъ умереть. Мечниковъ приводитъ примѣръ насѣкомыхъ, называемыхъ эфемерами, которыя въ состояніи личинки энергично защищаютъ свою жизнь, въ состояніи же взрослаго насѣкомаго, все назначеніе котораго заключается въ томъ, чтобы положить яйца, никакого стремленія избѣжать опасности не замѣчается. Можно себѣ представить, что на исходѣ физіологической старости человѣкъ будетъ съ такимъ же спокойствіемъ и удовлетвореніемъ ждать смерти, съ какимъ ежедневно онъ ожидаетъ наступленія сна.

Мечниковъ рисуетъ такую идиллическую картину будущности человѣчества. Жизнь будетъ раздѣляться на два періода: одинъ посвященный размноженію и своей семьѣ, и другой, когда способность воспроизведенія заглохнетъ, цѣликомъ посвященный на благо человѣчества. Старики будутъ сохранять всю свою интеллектуальную мощь и будутъ драгоцѣнными руководителями общественной жизни.

Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе книги Мечникова. Перейдемъ теперь къ обсужденію его основныхъ выводовъ.

Прежде всего остановимся на его раздѣленіи живыхъ существъ на два отдѣла—на виды прекрасно, гармонично органи-

зованные и на виды неудовлетворительно организованные; къ послѣднимъ, по его мнѣнію, относится и человѣкъ. По нашему мнѣнію, нѣтъ возможности согласиться съ такимъ раздѣленіемъ. Среди живыхъ существъ мы можемъ найти виды процвѣтающіе въ данный моментъ и виды вымирающіе, но чтобы среди живыхъ существъ мы могли найти такихъ, которыя представляли бы грубые недостатки и ошибки въ своемъ строеніи, это представляется маловѣроятнымъ. Если какой-нибудь видъ вымираетъ, это еще не значитъ, чтобы въ его организаціи открылась какая-нибудь ошибка; это обозначаетъ только, что въ данной мѣстности появился другой видъ животныхъ, имѣющій передъ первымъ преимущество въ борьбѣ за существованіе. При этомъ не нужно думать, что побѣждающій видъ лучше организованъ, чѣмъ побѣждаемый. Приведемъ слѣдующій примѣръ: какъ извѣстно, на небольшихъ островахъ, расположенныхъ среди океана, не существуетъ обыкновенно летающихъ насѣкомыхъ, а только ползающія. Это обусловливается тѣмъ, что на такихъ островахъ вѣтеръ сноситъ въ море всѣхъ насѣкомыхъ, пытающихся летать, и оттого выжить на такомъ островѣ могутъ только ползающія.

Примѣръ, приводимый Мечниковымъ, показываетъ, до какой степени гибельный факторъ можетъ быть по отношенію къ жизни извѣстнаго вида случайнымъ и совсѣмъ несвязаннымъ съ той или другой степенью совершенства въ организаціи. Мечниковъ ничего не говоритъ про несовершенства въ организаціи птицъ, онъ даже ставитъ ихъ въ примѣръ человѣку и млекопитающимъ, такъ какъ онѣ не обладаютъ толстой кишкой. Однако эти существа гибнутъ тысячами, привлекаемыя роковымъ для нихъ свѣтомъ маяковъ. То обстоятельство, что электрическій свѣтъ, зажигаемый для своихъ цѣлей людьми, оказывается гибельнымъ для птицъ, не доказываетъ нисколько несовершенства природы птицъ.

Не нужно забывать, до какой степени на шаткой почвѣ находимся мы, когда говоримъ о тѣхъ или другихъ несовершенствахъ организаціи. Мечниковъ часто останавливается на вопросѣ о ненужности того или другого органа. Какіе же доводы можемъ мы привести, чтобы судить объ этой ненужности? Первый доводъ, которымъ обосновываютъ ее, состоитъ въ томъ, что въ настоящее время намъ неизвѣстны функціи, которыя органъ выполняетъ. Шаткость довода сама бросается въ глаза: изъ того, что намъ ничего неизвѣстно о томъ, для чего служитъ какой-нибудь органъ, можно сдѣлать только одинъ выводъ—о несовершенствѣ нашихъ знаній. Особенно открытія послѣдняго времени поучительны въ этомъ отношеніи. Такъ, цѣлый рядъ железъ могъ считаться совершенно ненужнымъ,—оказалось, однако, что онѣ

безусловно необходимы для жизни. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ примѣръ щитовидной железы: функція ея была совершенно неизвѣстна, и поэтому можно было заключать о совершенной ея ненужности. Изслѣдованія показали, что если ее удалить, то наступаетъ рядъ крайне тяжелыхъ болѣзненныхъ явленій. Особенно неудобно самому Мечникову основываться на подобномъ доводѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ много сдѣлалъ для выясненія роли блуждающихъ кровяныхъ шариковъ (фагоцитовъ), а между тѣмъ еще недавно роль ихъ была совершенно неизвѣстна, и ихъ можно было бы считать за совершенно безполезныя образованія.

На первый взглядъ кажется, что относительно рудиментарныхъ органовъ, какъ, напр., червовидный отростокъ и др., мы можемъ съ большимъ правомъ отрицать какое бы то ни было ихъ значеніе, такъ какъ относительно ихъ ясно, что они не выполняютъ той роли, какую они выполняли когда-то у предковъ животнаго. Но и въ этомъ отношеніи дѣло усложняется тѣмъ, что какой-нибудь органъ можетъ быть рѣзко уменьшеннымъ по сравненію съ тѣмъ, какимъ онъ былъ у предковъ этого животнаго; къ тому же, можетъ быть ясно, что этотъ органъ уже не выполняетъ той роли, какую онъ когда-то выполнялъ, но это не исключаетъ возможности того, чтобы онъ взялъ на себя другое назначеніе.

Другой доводъ, на который опирается часто Мечниковъ, желая доказать безполезность извѣстнаго органа, заключается въ томъ, что этотъ органъ, безъ рѣзко замѣтнаго вреда для организма, можно удалить. Всякому, кто нѣсколько болѣе знакомъ съ патологическими явленіями, вполнѣ ясна поспѣшность такого заключенія. Организмъ устроенъ такимъ образомъ, что въ случаѣ, если въ немъ какой-либо органъ перестаетъ работать, роль его обыкновенно въ значительной степени берутъ на себя другіе органы. Такъ, въ случаѣ вырѣзыванія желудка большую часть его работы берутъ на себя кишки. Въ случаѣ заболѣванія почекъ роль ихъ берутъ на себя кожа и кишки. Такимъ образомъ, если послѣ удаленія какого-нибудь органа мы не замѣтимъ, сколько-нибудь значительныхъ разстройствъ, то это зависитъ не оттого, что этотъ органъ излишенъ и ненуженъ организму, а оттого, что прекрасно выработанъ аппаратъ, замѣщающій этотъ органъ, въ случаѣ недостаточной его дѣятельности. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить намъ селезенка. Мечниковъ первый не будетъ утверждать, что это—излишній органъ, такъ какъ селезенка состоитъ изъ блуждающихъ клѣтокъ, которымъ такое большое значеніе придаетъ онъ; однако, селезенку много разъ вырѣзывали безъ какого-либо

ущерба для организма. Изъ всего этого можно заключить, насколько мало имѣютъ подъ собой почвы всѣ утвержденія объ излишности и ненужности тѣхъ или другихъ органовъ.

Другимъ крупнымъ доводомъ, служащимъ Мечникову для доказательства несовершенства человѣческой природы, являются неправильности и извращенія инстинктовъ, наблюдаемыхъ у человѣка. Но не нужно забывать, насколько измѣнчивы, непрочны инстинкты въ зависимости отъ измѣненія тѣхъ условій, въ которыхъ находится животное. Инстинктъ дѣйствуетъ правильно обыкновенно только до тѣхъ поръ, пока не измѣняется обстановка, въ которомъ находится животное. Особенно долго въ этомъ отношеніи Мечниковъ останавливается на отклоненіяхъ, представляемыхъ половымъ инстинктомъ у человѣка. Для сравненія мы можемъ привести слѣдующее: какъ извѣстно, въ неволѣ слоны перестаютъ размножаться. Животное осталось въ томъ же климатѣ, въ той же странѣ. Разница только въ томъ, что оно находится въ неволѣ, и этого достаточно для того, чтобы половой инстинктъ исчезъ совсѣмъ. Какъ извѣстно, люди необыкновенно рѣзко мѣняютъ условія своего существованія при переходѣ изъ города въ деревню, отъ сельскаго хозяйства къ работѣ на фабрикахъ, отъ условій первобытной жизни къ культурѣ. Такъ что надо скорѣе удивляться прочности инстинктовъ человѣка, чѣмъ тому, что встрѣчаются тѣ или другія отклоненія. Тѣмъ болѣе, что многое, что въ жизни первобытныхъ народовъ мы считаемъ за уродливыя отклоненія, является неизбѣжнымъ результатомъ тѣхъ условій, въ которыхъ они живутъ, и въ этихъ условіяхъ—цѣлесообразно.

Такимъ образомъ, мы не можемъ признать обоснованными тѣ доводы, которые приводятся въ пользу несовершенства человѣческой природы. Болѣе вѣрной и плодотворной является точка зрѣнія, признающая человѣческую природу за идеалъ совершенства. По крайней мѣрѣ для нашего современнаго пониманія ничего не можетъ быть прекраснѣе и совершеннѣе человѣка.

Намъ пришлось самимъ слышать, какъ Мечниковъ на публичной лекціи въ „Свободномъ русскомъ университетѣ“ въ Парижѣ излагалъ свои взгляды о природѣ человѣка, вошедшіе потомъ въ книгу, которой и посвящена эта статья. Мы не запомнимъ, чтобы намъ пришлось слушать болѣе блестящаго лектора, чѣмъ И. И. Мечниковъ. Вся лекція была прочитана необыкновенно ярко, образно, съ огнемъ. Къ слову сказать, намъ не пришлось и видѣть нигдѣ такой симпатичной аудиторіи, какъ въ парижскомъ русскомъ университетѣ. И, несмотря на весь ея блескъ, эта лекція оставила во мнѣ неудовлетворительное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что эта лекція не удовлетворяла требованіямъ,

которыя мы, ученики русской научной школы, предъявляемъ къ такимъ лекціямъ. Когда маститый ученый-естественникъ читаетъ передъ аудиторіей молодежи, то мы прежде всего ждемъ, что онъ представитъ въ своей лекціи образецъ строгаго, послѣдовательнаго логическаго мышленія, который навсегда врѣзался бы въ память слушателя. Это есть самое дорогое, что онъ можетъ вынести изъ аудиторіи. Лекція И. И. Мечникова была необыкновенно блестяща, но изъ нея можно было извлечь все, что угодно, только не примѣръ строгаго и послѣдовательнаго мышленія. Эта лекція, также какъ и книга, представляетъ собой блестящій букетъ, — цѣлый фейерверкъ гипотезъ. Только-что выдвинута одна гипотеза, какъ за ней тотчасъ же выдвигается вторая, третья. На первой, еще недостаточно обоснованной гипотезѣ строится еще новая. Клодъ Бернаръ однажды сказалъ, что ученый, для того, чтобы объяснить и связать факты, можетъ дѣлать совсѣмъ маловѣроятныя предположенія во время своей работы, только бы эти предположенія позволили ему подвинуться впередъ въ его изслѣдованіи. Но это далеко не заставляетъ ученаго дѣлиться со всѣми своими зачастую крайне неосновательными предположеніями, возникающими въ его головѣ во время изслѣдованія.

Конечно, нѣкоторыя гипотезы Мечникова крайне интересны, какъ, напр., его теорія старости, по которой послѣдняя зависитъ оттого, что блуждающія клѣтки нападаютъ на самые цѣнные элементы нашего организма, или теорія преждевременнаго одряхлѣнія, зависящая отъ вреднаго вліянія многочисленнаго бактеріальнаго населенія нашего кишечника. Но цѣна такихъ теорій заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, насколько онѣ окажутся полезными для дальнѣйшаго хода изслѣдованія. Если онѣ явятся исходнымъ пунктомъ новыхъ работъ, если онѣ поведутъ къ открытію новыхъ фактовъ и обобщеній, значеніе ихъ будетъ велико, въ противномъ случаѣ—нѣтъ. Пока же, какъ ни блестящи эти теоріи, по поводу ихъ можно сказать, что онѣ еще далеко не достаточно обоснованы.

Но чѣмъ дальше мы слушали лекцію, тѣмъ ярче для насъ выступала другая ея сторона—чувство протеста и возмущенія противъ того, съ чѣмъ тысячи и милліоны мирятся, какъ съ чѣмъ-то неотвратимымъ и неизбѣжнымъ. Мы говоримъ о той старости и той смерти, жертвами которыхъ являются современные люди. Мы говорили уже, что центральнымъ, самымъ важнымъ выводомъ книги Мечникова является утвержденіе, что наша старость есть неестественное, болѣзненное явленіе, а наша смерть есть смерть насильственная. Конечно, это не есть новый вы-

водъ,—наоборотъ, онъ вытекалъ неизбѣжно изъ всѣхъ работъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ, и его высказывали болѣе или менѣе ясно всѣ, кому только ни приходилось заниматься этими вопросами. Особенно поражаетъ то, когда умираетъ великій человѣкъ въ полномъ разгарѣ своей общественной или научной дѣятельности, хотя бы и въ преклонныхъ годахъ по нашей современной мѣркѣ. Вѣдь смерть отъ воспаленія легкихъ или отъ кровоизліянія въ мозгъ отъ разорвавшейся артеріи въ тотъ моментъ, когда человѣкъ не только хочетъ жить, но и весь преисполненъ стремленіемъ осуществить рядъ неисполненныхъ плановъ, является въ такой же мѣрѣ насильственной, какъ и смерть отъ удара дубиной по головѣ.

По поводу протеста Мечникова противъ старости и смерти невольно приходитъ на память другая крупная личность, выдвинутая русской жизнью—Л. Н. Толстой. Его философскія и публицистическія произведенія находятъ откликъ во всемъ мірѣ. Когда онъ выступаетъ съ протестомъ противъ какого-либо изъ проявленій общественной жизни, то та философская система, на которой онъ его обосновываетъ, можетъ вызвать противъ себя много крупныхъ возраженій. Когда же дѣло доходитъ до тѣхъ мѣръ, которыя, по мнѣнію Толстого, необходимы, чтобы побороть зло, то уже онѣ обыкновенно совершенно не выдерживаютъ критики. И несмотря на все это, вліяніе Толстого на современное человѣчество громадно и все болѣе и болѣе сказывается. Пускай его философская система неудовлетворительна, пускай средства, которыя онъ предлагаетъ для борьбы со зломъ, таковы, что не могутъ имѣть успѣха,—самое главное заключается въ яркости и силѣ его протеста противъ такихъ явленій жизни, съ которыми человѣчество мирится какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ и неотвратимымъ. Толстой толкаетъ и будитъ людей. Каждый вмѣсто тѣхъ причинъ, которыми Толстой объясняетъ зло, найдетъ свои обоснованія. Отыскивая выходъ, каждый пойдетъ по своей дорогѣ, сообразно своему кругозору и своимъ силамъ. Значеніе же Толстого заключается въ томъ, что оно открываетъ людямъ глаза, вселяетъ въ нихъ энергію и силу.

Совершенно такъ же представляешь себѣ и значеніе той стороны дѣятельности Мечникова, которая вылилась въ послѣдней его книгѣ. Какъ мы говорили выше, самымъ важнымъ въ ней является утвержденіе, что старость—такая, какую мы видимъ вокругъ насъ,—есть болѣзнь, а смерть, которая постигаетъ окружающихъ насъ, есть смерть насильственная. И раньше Мечникова высказывались эти взгляды, значеніе же его заключается въ томъ, что книга его способна распространить эту точку зрѣнія въ

широкихъ кругахъ, вселить въ нихъ стремленіе бороться съ этими печальными явленіями и вѣру въ успѣшность этой борьбы.

Какъ мы говорили выше, мы не считаемъ твердо установленной теорію Мечникова относительно происхожденія старости и дѣйствительными—средства борьбы съ нею, предлагаемыя имъ. Вредное вліяніе толстой кишки на организмъ человѣка и гибельное значеніе населяющихъ ее микробовъ не доказаны. Поэтому мы не можемъ придавать такого рѣшающаго значенія попыткамъ видоизмѣнить населеніе нашихъ кишекъ, какъ это предлагаетъ Мечниковъ. Съ болѣзненными проявленіями старости и преждевременною смертью нужно бороться, но только эта борьба должна быть направлена не въ томъ направленіи, въ какомъ думаетъ Мечниковъ. Какъ ни интересны проявленія старости, нужно думать, что непосредственное изученіе ихъ самихъ по себѣ врядъ ли обѣщаетъ большіе практическіе результаты. Самъ Мечниковъ указываетъ, какую большую роль среди причинъ, вызывающихъ преждевременное одряхлѣніе и смерть, занимаютъ заразныя болѣзни. Современная наука придаетъ имъ первенствующее значеніе среди другихъ болѣзненныхъ факторовъ, и остальные отступаютъ далеко на второй планъ. Такимъ образомъ, борьба съ заразными болѣзнями и уничтоженіе послѣднихъ близко приблизили бы насъ къ той цѣли, которую ставитъ И. И. Мечниковъ. А тутъ мы подходимъ къ вопросу объ общихъ соціальныхъ проблемахъ. Ни одинъ отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ, ни отдѣльная небольшая группа людей не могутъ быть счастливы, если рядомъ существуютъ обездоленныя группы. Каждый новый шагъ по пути изученія причинъ развитія заразныхъ болѣзней, а также по пути проведенія въ жизнь гигіеническихъ мѣропріятій, все болѣе выясняетъ ту связь, которая существуетъ между интересами отдѣльныхъ лицъ и всего человѣчества. Солидарность интересовъ отдѣльныхъ людей является необходимостью не только съ точки зрѣнія требованій нравственности, но и съ точки зрѣнія вѣрно понятыхъ интересовъ самой отдѣльной личности. Нелѣпо думать, что можно какимъ-либо образомъ оградиться отъ болѣзней, когда рядомъ живутъ въ униженіи и нищетѣ народныя массы, среди которыхъ возбудители заразы находятъ себѣ удобное поле для распространенія.

Но не только равномѣрное распространеніе благосостоянія и просвѣщенія имѣетъ значеніе въ этомъ вопросѣ,—дальнѣйшій прогрессъ и здѣсь сводится къ всестороннему гармоническому росту человѣческой личности.

Александръ Яроцкій.

ДЖОНЪ ТАЛЬБОТЪ

изъ

САНТА-УРСУЛЫ

РАЗСКАЗЪ.

— Gertrude Atherton. The bell in the fog and other stories. London, 1905.

I.

Какъ всегда, сенора прислала поутру Джону Тальботу оффиціальное приглашеніе отобѣдать у нея въ „Оливковомъ Ранчо", по случаю дня его рожденія. Хотя онъ круглый годъ бывалъ у сеноры разъ въ недѣлю, и предлагаемое ею угощеніе состояло исключительно изъ чашки шоколада или освѣжающаго питья, но для этого дня у нея рѣзали индѣйку, и старая кухарка приготовляла такое множество горячихъ блюдъ и старинныхъ сладостей, что Тальботъ чувствовалъ себя несчастнымъ человѣкомъ въ теченіе трехъ дней. Но онъ скорѣе согласился бы страдать въ теченіе цѣлой недѣли, чѣмъ отказаться отъ этого празднества и связаннаго съ нимъ представленія о семейной жизни.

Сенора и завѣдующій миссіей священникъ—были единственными друзьями Тальбота въ Санта-Урсулѣ, хотя, вслѣдствіе причинъ политическаго характера, онъ часто бывалъ въ гостиныхъ мѣстечка и обсуждалъ съ ихъ разноплеменными обитателями разныя дѣла и злобы дня, доходившія до этого отдаленнаго уголка Калифорніи. А между тѣмъ, за исключеніемъ кратковре-

менныхъ поѣздокъ въ Санъ-Франциско, Сакраменто и въ южные города, онъ прожилъ въ Санта-Урсулѣ ровно двадцать-три года.

Почему же и послѣ того какъ онъ сталъ богатымъ человѣкомъ, онъ все еще оставался въ этой забытой Богомъ норѣ? Прогуливаясь взадъ и впередъ по корридорамъ миссіи, Тальботъ не безъ юмора спрашивалъ себя объ этомъ на сороковомъ году отъ рожденія, какъ онъ уже и ранѣе неоднократно спрашивалъ себя о томъ же.

Для нѣкоторыхъ людей глубокое спокойствіе, теплая, дремотная красота всей окружающей картины—послужили бы положительнымъ отвѣтомъ. Два монаха, въ коричневыхъ рясахъ, проходили мимо него, перебирая четки. Вдали, за аркадами корридора, съ возвышенности, на которой стояло длинное бѣлое зданіе миссіи, открывался видъ на необозримую долину съ запада и съ юга, перерѣзываемую съ сѣверной стороны горнымъ хребтомъ Санта-Барбары. Солнце казалось мѣдно-краснымъ на темной синевѣ небесъ, и подъ его лучами обширныя, покрывавшія долину оливковыя плантаціи—напоминали серебряное море. Листва деревьевъ искрилась и отливала серебромъ, сливаясь съ синевою горизонта, рѣзко оттѣняемой темною массою горъ. Тальботъ увидѣлъ, какъ птица словно окунулась въ море зелени, и когда она снова поднялась вверхъ, ему подумалось, что съ крыльевъ ея должны упасть блестящія капли. Онъ невольно вздохнулъ, подумавъ, что тамъ, въ тѣни деревьевъ и темныхъ гротовъ, должно быть очень прохладно, гораздо прохладнѣе, чѣмъ во время переѣзда въ восемь миль подъ жгучими лучами полуденнаго калифорнскаго солнца... Но тутъ онъ вспомнилъ, что „зала“ въ ранчо сеноры — также темная и прохладная, и что предстоящій ему путь пролегаетъ отчасти вдоль рѣки, мимо ивъ и хлопчато-бумажныхъ плантацій. Большая доза философіи была солью его жизни въ Санта-Урсулѣ.

Одна изъ отдаленныхъ отъ кряжа высокихъ горныхъ вершинъ, находившаяся на разстояніи одной мили отъ миссіи, густо поросла лѣсомъ; узкая, извивающаяся тропинка вела на верхъ ея, и мало кто зналъ объ ея существованіи. Джону Тальботу была хорошо извѣстна тропинка и то, къ чему она вела: озеро на самой вершинѣ горы, такое прозрачное и свѣтлое, что въ немъ отражалась каждая игла окружавшихъ его сосенъ.

А на востокѣ отъ миссіи, за рѣкою, окаймленною бахромою ивъ и плантаціями хлопка, въ концѣ длинной пыльной дороги, пролегавшей по полямъ и холмамъ, находился старинный домъ, именуемый „Оливковымъ Ранчо“.

Тальботъ былъ современнымъ дѣловымъ человѣкомъ. Ему принадлежали оливковыя плантаціи, миніатюрный отель на горѣ, земля, на которой возникло мѣстечко съ единственною лавкою, общественнымъ „салономъ", почтовою конторою и домами гражданъ, изъ которыхъ далеко не всѣ могли назваться почтенными. Тальботъ былъ также и общественнымъ дѣятелемъ, такъ какъ онъ уже два года состоялъ представителемъ своего округа и о немъ говорили какъ о будущемъ сенаторѣ. Нельзя сказать, чтобы люди, среди которыхъ онъ жилъ такъ долго, любили его, такъ какъ онъ былъ сдержанъ и никого не похлопывалъ по плечу. Кромѣ того, предполагалось, что онъ подписывается въ Санъ-Франциско на газету, которую не раскладываетъ у себя на столѣ, и что въ одной изъ комнатъ миссіи у него имѣется обширная библіотека. Что же до сосѣдей — всѣ могли видѣть, что онъ близокъ лишь съ однимъ падре. И несмотря на это, онъ пользовался общимъ довѣріемъ и уваженіемъ въ качествѣ человѣка, который въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ ни разу не измѣнилъ своему слову и не воспользовался правомъ сильнѣйшаго; даже тѣ, кого обижало его уклоненіе отъ всякой фамильярности, чувствовали, что достоинство и интересы ихъ штата будутъ сохранны въ его рукахъ. Не исключая и наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ очередного начала, всѣ пришли къ убѣжденію, что было бы недурно провести его въ конгрессъ. Пускай сначала онъ пробудетъ два-три срока въ палатѣ депутатовъ, а затѣмъ, если онъ оправдаетъ ихъ ожиданія и окажется полезнымъ, они употребятъ всѣ усилія для того, чтобы провести его въ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ Санта-Урсулѣ имѣлась лишь одна улица, но ея „салонъ" былъ центромъ на сто миль въ окружности. Когда первый гражданинъ мѣстечка сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ „Тальботъ изъ Санта-Урсулы" — имя, полученное имъ въ отличіе отъ двоихъ, носившихъ ту же фамилію, сотоварищей-депутатовъ, — обитатели мѣстечка безмѣрно возгордились имъ. Мѣстныя газеты поспѣшили упрочить за нимъ это званіе, которое онъ сохранилъ до конца своей жизни.

Послѣ избранія Тальбота въ сенатъ, округъ его впервые узналъ изъ газетнаго интервью о томъ, что именитый гражданинъ его былъ по рожденію англичаниномъ. Онъ эмигрировалъ съ родителями въ Америку, когда ему было всего четырнадцать лѣтъ, а такъ какъ въ этой мѣстности часть населенія состояла изъ нѣмцевъ, ирландцевъ, шведовъ, мексиканцевъ и итальянцевъ, національность его не играла въ его жизни никакой роли. Кромѣ

того, если не считать оказанной ему дядею поддержки, онъ самъ составилъ себѣ состояніе и былъ американцемъ съ ногъ до головы.

Англія осталась для него мирнымъ сномъ, долиною отдохновенія, которая бываетъ обыкновенно на закатѣ жизни, но у него она страннымъ образомъ оказалась на зарѣ ея. У него сохранился въ памяти лишь одинъ, относившійся къ тому времени, эпизодъ, но этотъ эпизодъ страннымъ образомъ повліялъ на всю его жизнь.

Сегодня онъ вновь пришелъ ему на память, хотя казалось бы, что подобныя воспоминанія были неумѣстны въ это жаркое утро въ длинномъ бѣломъ зданіи миссіи, серебристые колокола котораго сзывали когда-то сотни индѣйцевъ на молитву. Они громко звонили и теперь, но немногіе отзывались на ихъ призывъ. И тѣмъ не менѣе, онъ задумался о прошломъ. Мать его, вдова, держала лавку въ своей родной деревнѣ. Съ пяти лѣтъ онъ ходилъ въ школу и болѣе интересовался книжками, нежели борьбою съ товарищами на лужайкѣ; онъ быстро росъ и былъ слабаго здоровья, покуда Новый Свѣтъ не сдѣлалъ изъ него другого человѣка. Но онъ любилъ книжки, мальчики были добры къ нему, и въ общемъ онъ былъ доволенъ своею жизнью до того дня, какъ мать его однажды велѣла ему надѣть его праздничное платье и пойти съ нею въ церковь—посмотрѣть свадьбу.

Онъ презрительно фыркнулъ, такъ какъ у него была въ рукахъ интересная книга; но онъ привыкъ слушаться приказаній матери, поэтому онъ кое-какъ одѣлся наскоро и послѣдовалъ за нею и нѣсколькими пожилыми ея пріятельницами въ каменную церковь, находившуюся на другомъ концѣ деревни. Выходила замужъ дѣвица изъ знатнаго дома, и по этому случаю всѣ маленькія дѣвочки, которыхъ зналъ Джонъ, были одѣты въ бѣлыя платья и усыпали цвѣтами дорогу вплоть до воротъ замка. Джону показалось все это „вздоромъ“ и тратою цвѣтовъ, но все-же онъ не безъ любопытства остановился въ толпѣ у церковной ограды.

Невѣста была одною изъ замѣчательнѣйшихъ красавицъ своего времени, но не одна красота ея заставила Джона разинуть ротъ и вытаращить глаза, когда она подъѣхала въ открытомъ экипажѣ, а затѣмъ, выйдя изъ него, прошла пѣшкомъ отъ воротъ до храма. Онъ и раньше видѣлъ красавицъ, но никогда не видѣлъ онъ такого взгляда и осанки, какіе бываютъ лишь у существъ высшей природы, такого непередаваемаго выраженія гордости, такой стройной, изящной фигуры, такого поворота головы, на которой, вмѣсто подвѣнечнаго вѣнка, словно сіяла

звѣзда. Ничто подобное не снилось ему и во снѣ, а между тѣмъ она была не ангеломъ, а человѣкомъ. Онъ глубоко перевелъ духъ и окинулъ взглядомъ деревенскихъ красавицъ, напомнившихъ ему красныя ядреныя яблоки. И мать его, увы, ничѣмъ не отличалась отъ нихъ.

По окончаніи обряда, когда невѣста двинулась къ выходу, онъ снова впился въ нее глазами, и замѣтилъ, что въ ея свитѣ были и другія подобныя ей созданія. Это открытіе наполнило его сердце изумленіемъ и страннымъ чувствомъ надежды. Онъ вырвался отъ матери и четверть мили бѣжалъ за коляскою, стараясь наглядѣться досыта. Невѣста замѣтила его и, улыбаясь, кинула ему розу изъ своего букета. Она и до сихъ поръ у него хранилась.

Прошло болѣе недѣли, прежде чѣмъ онъ сознался матери, что намѣренъ, когда выростетъ, жениться на „лэди". Но когда нѣсколько дней спустя онъ въ часъ вечерняго отдыха повторилъ это заявленіе, мать рѣшительно приказала ему выкинуть подобныя мысли изъ головы: люди въ ихъ положеніи не женятся на „лэди". И когда съ рѣзкою прямотою, которую она считала въ данномъ случаѣ полезною, она объяснила ему почему этого не бываетъ, Джонъ былъ такъ огорченъ, какъ только можетъ быть огорченъ четырнадцатилѣтній мальчуганъ. Вскорѣ, однако, рѣшивъ эмигрировать въ Америку, мать объявила ему объ этомъ намѣреніи и прибавила полу-шутя:

— А можетъ быть, твое желаніе и исполнится. Тамъ, говорятъ, всѣ люди равны, и если ты будешь умнымъ мальчикомъ и заработаешь много денегъ, то можешь жениться или не жениться на комъ захочешь.

Она, конечно, сейчасъ же забыла о своихъ словахъ,— но Джонъ не забылъ ихъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Нью-Іоркъ, м-ссъ Тальботъ умерла, а выписавшій ихъ братъ ея помѣстилъ Джона на два года въ школу. Однажды онъ приказалъ ему уложиться: они отправлялись въ Калифорнію въ качествѣ золотоискателей. Купивъ удобную переселенческую повозку, они присоединились къ партіи золотоискателей, готовившейся отправиться въ долины на поиски Эльдорадо. Во время этого достопамятнаго путешествія Джонъ чувствовалъ себя героемъ романа,—у нихъ было не менѣе трехъ стычекъ съ индѣйцами и двое изъ бѣлыхъ оказались скальпированными. Вспоминая это время, Тальботъ молодѣлъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ жизни эпизодовъ, когда все случается именно такъ, какъ должно было случиться.

Онъ пробылъ съ дядею въ домикѣ Санъ-Іоакимо цѣлый годъ, и хотя имъ не такъ везло, какъ другимъ, они все-же вернулись въ Санъ-Франциско съ нѣсколькими лишними тысячами въ карманѣ. Тамъ мистеръ Квикъ открылъ игорный домъ, при помощи котораго разбогатѣлъ быстрѣе, чѣмъ на своемъ пріискѣ, гдѣ, говоря по правдѣ, онъ зачастую проигрывалъ ночью болѣе, нежели успѣлъ заработать днемъ. Но въ качествѣ добраго дяди, если и не совсѣмъ добродѣтельнаго гражданина, онъ скоро отослалъ Джона въ Санта-Урсулу, съ тѣмъ, чтобы тотъ присмотрѣлъ ранчо по близости отъ миссіи. Молодой человѣкъ такъ и не узналъ, что собственность эта была выиграна на зеленомъ полѣ у донъ-Роберто Ортега, одного изъ самыхъ отчаянныхъ игроковъ въ Калифорніи. Его доля состояла изъ пятидесяти тысячъ акровъ, среди которыхъ были небольшія оливковыя плантаціи; онъ засадилъ оливковыми деревьями и двѣнадцать тысячъ акровъ, составившихъ собственность дяди. Они рѣшили стать компаньонами, причемъ старшій назначилъ младшаго своимъ наслѣдникомъ. Наслѣдовать ему не пришлось, однако, ничего, такъ какъ дядя его женился на мексиканкѣ, зарѣзавшей своего супруга и сбѣжавшей съ деньгами, отложенными на непредвидѣнный случай. Но Джонъ упорно работалъ, закупалъ товаръ въ Санъ-Франциско, снабжалъ чуть ли не весь штатъ оливками и масломъ, и въ концѣ концовъ—разбогатѣлъ.

А идеалъ его? Одни лишь индѣйцы временно изгнали его изъ памяти молодого человѣка. Ни золотые пріиски, ни краткій, но бурный періодъ жизни въ Санъ-Франциско, ни тяжелый трудъ среди оливковыхъ плантацій, ни возрастающія богатство и популярность—не изгнали изъ его памяти желанія, родившагося въ церковной оградѣ его родной деревни. Женщина съ серебристымъ смѣхомъ нанесла смертельный ударъ этому желанію, и вотъ почему красивый, мужественный, мало поддавшійся вліянію времени, онъ въ сорокъ лѣтъ былъ холостякомъ.

Въ первые годы по пріѣздѣ въ миссію, онъ не встрѣчалъ такой женщины; мѣстечка еще не существовало, а единственное ранчо въ окрестностяхъ стояло запертымъ. Онъ охотно работалъ цѣлыми днями и съ пользою проводилъ вечера въ обществѣ образованныхъ священниковъ, подъ руководствомъ которыхъ онъ изучалъ законовѣдѣніе и свою любимую науку—политическую экономію. Хотя юноша былъ очень красивъ, съ загорѣлымъ, тонкоочерченнымъ лицомъ и стройною фигурою, священникамъ никогда не приходило въ голову, что въ немъ—наряду съ любознательнымъ мозгомъ—уживается самое романтическое сердце.

Онъ никогда не говорилъ о женщинахъ и только однажды выразилъ друзьямъ свое удовольствіе по поводу того, что онъ больше не увидитъ этихъ ужасныхъ созданій изъ Санъ-Франциско, и добродушнымъ падре не приходило въ голову, что онъ цѣлыми часами мечтаетъ объ изящной женщинѣ, которая вознаградитъ его впослѣдствіи за всѣ его труды и сдѣлаетъ его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Ему было двадцать лѣтъ и ранчо уже принадлежало ему, когда онъ встрѣтилъ Дельфину Карильо. Донъ-Роберто Ортега своевременно умеръ, не успѣвъ спустить въ карты вторую половину своего имѣнія, и бывшая слабаго здоровья вдова его покинула ихъ ранчо въ окрестностяхъ Монтерэ, съ тѣмъ, чтобы снова отогрѣться на жгучемъ солнцѣ юга. Съ нею пріѣхалъ и сынъ ея, донъ-Энрико,—и Джонъ видѣлъ, какъ онъ днемъ и ночью постоянно куда-то скакалъ во весь опоръ и порою забѣгалъ по дорогѣ въ миссію, чтобы выпить стаканъ вина.

Это былъ блестящій кабаллеро, стройный и смуглый, съ большими миндалевидными глазами и длинными волосами на небольшой головѣ. Онъ носилъ костюмы изъ яркаго шолка, рубашки съ кружевными жабо и серебряные шнуры на своемъ сомбреро. Его длинные желтые сапоги были тоже съ серебряною шнуровкой и сѣдло такъ изукрашено тѣмъ же металломъ, что лишь мѣстный конь могъ выдерживать подобную тяжесть. Джонъ презрительно поглядывалъ на разряженнаго кабаллеро, мысленно сравнивая его съ комедіантомъ и наѣздникомъ изъ цирка; тѣмъ не менѣе, ему было очень интересно взглянуть на жизнь калифорнскихъ аристократовъ, о которой онъ много слышалъ. Когда падре Ортега, кузенъ вдовы, сообщилъ ему, что недѣли черезъ двѣ въ домѣ ея состоится большой съѣздъ и онъ уже просилъ позволенія привезти на балъ, которымъ открываются празднества, своего молодого друга,—Джонъ принялся мечтать съ юношескою радостью о предстоящихъ увеселеніяхъ.

Онъ воспользовался отсрочкою для того, чтобы съѣздить въ Санъ-Франциско, гдѣ пріобрѣлъ себѣ необходимый въ свѣтскомъ обществѣ гардеробъ; это были не мѣстныя, но выписанныя изъ Америки вещи, и еслибы Джонъ обладалъ всѣмъ богатствомъ сѣвернаго края, онъ и тогда бы не рѣшился вырядиться въ шолкъ и кружева.

Почтовая карета не доходила до Санта-Урсулы, но за двадцать миль отъ дому его встрѣтилъ слуга съ лошадью для него самого и кабріолетомъ для его вещей. Выкупавшись въ заливѣ, чтобы смыть съ себя дорожную грязь, онъ вскочилъ на свою

крупную сѣрую кобылу и поѣхалъ легкимъ галопомъ по направленію къ своему ранчо. Онъ готовъ былъ пѣть отъ удовольствія, такъ какъ утро было чудесное, онъ сидѣлъ на одномъ изъ лучшихъ коней въ цѣломъ краю и на сердцѣ у него было такъ легко, какъ у юноши, которому только-что улыбнулось счастье. Онъ безъ страха готовился къ вступленію въ общество, такъ какъ къ этому времени онъ уже усвоилъ присущую американцамъ независимость и самоувѣренность; онъ могъ считать себя человѣкомъ образованнымъ, былъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ и намѣревался завоевать богатство и успѣхъ. Не мудрено, что ему хотѣлось пѣть.

Джонъ уже проѣхалъ миль восемь-десять, не встрѣтивъ ни души въ этой пустынѣ, какъ вдругъ онъ сдержалъ лошадь и прислушался. Онъ спускался въ узкое ущелье, среди котораго протекала горная рѣчка. Съ наружной стороны ущелья шла дорога, и изъ-за холмовъ, составлявшихъ стѣны ущелья, до слуха Джона доносились звуки веселыхъ, молодыхъ, беззаботныхъ голосовъ.

Онъ вспомнилъ, что гости донны-Мартины уже должны были съѣзжаться, и сейчасъ же угадалъ, что это, по всей вѣроятности, нѣкоторые изъ нихъ. Въ тѣ времена калифорнская молодежь ѣздила не иначе какъ верхомъ, и переѣздъ въ сорокъ миль подъ жгучими лучами полуденнаго солнца былъ для нея ни почемъ. Джонъ, бывшій наименѣе самоувѣреннымъ изъ смертныхъ, порадовался, что на немъ новый сѣрый костюмъ изъ лѣтней матеріи, и что онъ смылъ съ себя въ заливѣ дорожную пыль.

Показавшаяся на вершинѣ холма компанія начала спускаться въ ущелье. Джонъ приподнялъ фуражку, и кабаллеро сняли свои сомбреро. Покуда они подъѣзжали—Джонъ залюбовался блестящею картиною. Онъ потерялъ сознаніе дѣйствительности, забылъ о своихъ оливкахъ, ему вспомнились разсказы священниковъ объ увеселеніяхъ и великолѣпіи калифорнскихъ „доновъ“, прежде чѣмъ американцы завладѣли ихъ страною.

Кабаллеро были разодѣты въ шолкъ, и разнообразіе его оттѣнковъ напоминало іюньскій садъ въ полномъ цвѣту. Ихъ бѣлье и серебро были ослѣпительны, а золотистая масть коней казалась отраженіемъ солнца. Лошади съ серебристыми хвостами и гривами казались нарочно созданными для этихъ блестящихъ всадниковъ. Дѣвушки менѣе поражали великолѣпіемъ костюмовъ,—на нихъ были платья болѣе нѣжныхъ оттѣнковъ, а на головахъ онѣ носили вмѣсто сомбреро—шолковыя покрывала. Зато увидѣвъ ихъ вблизи, Джонъ позабылъ о кабаллеро: длинныя черныя

косы, большіе темные глаза и бѣлая кожа—дѣлали, буквально, всѣхъ женщинъ красавицами; но хотя Джонъ любилъ красоту даже въ видѣ оливковыхъ деревьевъ и пурпурныхъ гранатовъ, не красота испанокъ взволновала его кровь и заставила забиться его сердце. Едва ли не въ первый разъ послѣ достопамятнаго дня свадьбы, ему пришлось увидать вблизи изящныхъ, благовоспитанныхъ женщинъ, и убѣжденіе, что часъ его насталъ, наполнило его одновременно и торжествомъ, и страхомъ, покуда онъ слѣдилъ за кавалькадою, спускавшеюся съ холма среди золотистой травы и густой зелени ущелья. Вскорѣ онъ узналъ донъ-Энрико Ортега, любезно съ нимъ заговорившаго при встрѣчѣ. Молодой человѣкъ въѣхалъ въ воду и далъ своей лошади напиться. Они уже видались въ миссіи, и хотя донъ-Энрико смотрѣлъ на завоевателей какъ на низшую расу, Джонъ былъ въ его глазахъ не хуже всякаго другого; притомъ Ортега не желалъ ни съ кѣмъ ссориться и былъ хорошо воспитанъ.

— А, донъ-Жуанъ!—воскликнулъ онъ:—вы ѣздили въ Эрба-Буэна—теперь вы называете его Санъ-Франциско, не такъ ли? А я встрѣчаю нашихъ гостей, пожелавшихъ сдѣлать намъ честь своимъ посѣщеніемъ. Если позволите, я познакомлю васъ съ ними, такъ какъ вы—другъ моего кузена—падре Ортега.

Общество разсѣялось вдоль рѣки; костюмы всадниковъ казались пестрою, извивавшеюся по ущелью лентою. Донъ-Энрико съ торжественностью представилъ Джона поочередно всѣмъ своимъ гостямъ. Кабаллеро поспѣшили съ пылкою неискренностью завѣрить его въ своей дружбѣ.

Дѣвушки весело сверкнули глазами и показали свои ослѣпительные зубы при видѣ голубоглазаго американца, сохраняя, однако, всю недоступность, свойственную ихъ полу и расѣ.

Въ ихъ жилахъ текла лучшая испанская кровь, и какъ бы на него ни было пріятно смотрѣть, американецъ всегда оставался для нихъ американцемъ.

Дѣвушки казались очень похожими другъ на друга въ ребозо, обрамлявшихъ ихъ лица, и Джонъ сразу влюбился во всѣхъ. Позднѣе онъ сдѣлаетъ между ними выборъ; въ эту минуту онъ былъ слишкомъ счастливъ для того, чтобы загадывать о бракѣ, но онъ рѣшилъ покорить сердце одной изъ нихъ.

Онъ выѣхалъ изъ ущелья вмѣстѣ съ ними, всѣ онѣ были съ нимъ любезны и болтали о предстоящихъ въ „Оливковомъ Ранчо“ увеселеніяхъ.

Джонъ замѣтилъ, что донъ-Энрико упорно держался около одной изъ молодыхъ дѣвушекъ и даже ѣхалъ съ нею нѣсколько

впереди. Она была очень высока, стройна и такъ граціозна, что пригибалась почти къ самой шеѣ лошади, когда имъ попадались на пути черезчуръ низко растущія вѣтви деревъ. Джону захотѣлось увидѣть ея лицо.

— Это Дельфина Карильо,—сказала ѣхавшая съ нимъ рядомъ сенорита, слѣдя за направленіемъ его взгляда,—кажется, она выходитъ за него замужъ. Онъ очень влюбленъ и ей тоже нравится, но, впрочемъ, это еще не рѣшено.

Быть можетъ, именно потому, что этотъ очаровательный цвѣтокъ труднѣе всего было сорвать, мысли Джона сосредоточились на прекрасной дѣвушкѣ, и онъ принялся разспрашивать о ней свою спутницу. Оказалось, что красавица была дочерью богатаго ранчеро изъ Санта-Барбары и покорительницею всѣхъ сердецъ въ краю.

— Она смѣнила Хуаниту Итурби-и-Монкада, и многіе кабаллеро сватаются за нее, но она ни на кого не обращаетъ вниманія; мнѣ кажется, что ей нравится донъ-Энрико. Онъ такъ чудно поетъ, сеноръ,—не удивительно, если она любитъ его. Онъ каждую ночь даетъ ей серенады, а она любитъ музыку.

„Такъ оно и должно быть, — подумалъ Джонъ, — вѣдь у него совсѣмъ пустая голова“.

Ему не пришлось увидѣть ее до вечера. Падре Ортега явился на балъ въ своей коричневой рясѣ, а Джонъ—во фракѣ, и оба казались не у мѣста среди этихъ ярко оперенныхъ птицъ.

Донья-Мартина, толстая, смуглая, съ усиками, вся увѣшанная алмазами, сидѣла у стѣны съ другими сенорами ея лѣтъ. На нихъ были тяжелыя красныя и желтыя атласныя платья, а на сеноритахъ—легкія шолковыя ткани, развѣвавшіяся при каждомъ ихъ движеніи.

Донья-Мартина поздоровалась съ нимъ, и онъ сразу обратилъ свое вниманіе на танцы, въ которыхъ не могъ принять участія.

Въ эту минуту по срединѣ залы танцовала дѣвушка, и Джонъ инстинктивно почувствовалъ, что это была Дельфина Карильо. Подобно другимъ дѣвицамъ, она носила волосы зачесанными наверхъ подъ высокимъ гребнемъ, и ея бѣлое платье было отдѣлано испанскимъ кружевомъ. Ноги ея были, конечно, очень малы; онѣ виднѣлись изъ-подъ ея слегка приподнятаго платья, и она танцовала, какъ бы носимая легкимъ вѣтеркомъ, колеблющимъ вѣтку вьющагося растенія. При входѣ Джона она только-что начала танецъ, и зрители молча стояли вдоль стѣнъ, но черезъ нѣсколько минутъ среди молодыхъ людей пробѣжалъ рокотъ

восторга,—они принялись хлопать въ ладоши и притопывать, и наконецъ, не помня себя, запустили руки въ карманы и стали, по мексиканскому обычаю, бросать къ ея ногамъ золотыя монеты. Но она, ничего не замѣчая, продолжала носиться, какъ существо, сотканное изъ свѣта и воздуха, и только ноздри ея слегка раздувались.

Красота ея была поразительна. Джонъ, какъ ни былъ онъ молодъ, понялъ, что онъ едва ли увидитъ еще когда-нибудь подобную красавицу. Лицо ея не было одухотвореннымъ, но въ смыслѣ очертаній и колорита оно было безупречно. Громадные черные глаза оттѣнялись такими шелковистыми и длинными рѣсницами, что можно было удивляться, какъ онѣ не путаются. Бѣлизна кожи гармонировала съ нѣжнымъ румянцемъ щекъ и яркою окраскою губъ тонко очерченнаго подвижнаго рта; въ совершенныхъ линіяхъ всей ея фигуры, въ ея плечахъ, рукахъ и ногахъ была та выразительность, которой, быть можетъ, недоставало ея лицу. Джонъ замѣтилъ ея короткую верхнюю губу, надменный вырѣзъ ноздрей, ея осанку, полную затаенной гордости.

И Джонъ полюбилъ ее разъ и навсегда. Она явилась ему живымъ воплощеніемъ мечтаній его романтическаго сердца. Въ первую минуту онъ похолодѣлъ при мысли о преградахъ, стоявшихъ между нимъ и этимъ исключительнымъ существомъ, но онъ былъ юнымъ завоевателемъ и жизнь до сихъ поръ милостиво улыбалась ему. Онъ собрался съ духомъ и попросилъ, чтобы его представили ей.

Глаза ея безучастно скользнули по его лицу, но глубина его восхищенія невольно привлекла ея вниманіе, и хотя, очевидно, она не любила разговаривать, она раза два улыбнулась, а когда она улыбалась, лицо ея, буквально, ослѣпляло своею красотой.

— Какъ вы удивительно танцуете, сенорита! Но неужели вы не устали?

— Нѣтъ.

— Вамъ было пріятно доставить намъ такое громадное удовольствіе?

— Да.

— Вы такъ привыкли къ комплиментамъ—я знаю, какъ ваши кабаллеро умѣютъ ихъ говорить, но все-таки вы позволите мнѣ сказать вамъ, что ничего прекраснѣе я не видалъ,—а я порядочно постранствовалъ на своемъ вѣку.

— Да?

— Мнѣ хотѣлось бы умѣть танцовать для того, чтобы я могъ танцовать съ вами.

— Вы не танцуете?—Тонъ ея выражалъ вѣжливое презрѣніе, хотя слова были едва слышны.

— Можетъ быть... можетъ быть, вы не откажетесь просидѣть со мной этотъ танецъ?

— О, нѣтъ!

Она казалась такою же изумленною, какъ еслибы Джонъ предложилъ ей запереться съ нею на весь вечеръ въ ея комнатѣ, и, медленно отвернувшись отъ него, она опустила руку на плечо донъ-Энрико. Черезъ минуту она уже кружилась по комнатѣ въ его объятіяхъ, и Джонъ замѣтилъ, что румянецъ на ея щекахъ сгустился.

„Не можетъ быть, чтобы она влюбилась въ эту куклу,—подумалось ему,—нѣтъ, это невозможно!“

Въ теченіе слѣдующихъ дней онъ убѣдился, однако, что ему предстоитъ горячая борьба.

Онъ принималъ участіе во всѣхъ увеселеніяхъ; общество танцовало каждый вечеръ; среди плантацій хлопка и въ горахъ постоянно устраивались „меріенды“. Скачки, бои быковъ, всевозможныя игры, посѣщенія миссіи—смѣняли другъ друга. Джону также выпало на долю удовольствіе—дать у себя балъ при лунномъ свѣтѣ въ тѣни оливковыхъ деревьевъ.

Вниманіе донъ-Энрико къ его прекрасной гостьѣ было очевидно и упорно. Каждую ночь онъ давалъ ей серенады. Джонъ, которому не спалось, разъѣзжая ночью въ окрестностяхъ ранчо, слышалъ эти сладкія теноровскія клятвы, раздававшіяся подъ окномъ Дельфины, и начиналъ такъ ругаться, что пугалъ ночныхъ птицъ.

Онъ тоже старался быть какъ можно чаще съ Дельфиною; Энрико хмурился порою, но онъ слишкомъ презиралъ всѣхъ американцевъ для того, чтобы опасаться серьезнаго соперничества со стороны одного изъ нихъ. Джону удалось нѣсколько разъ поговорить съ нею наединѣ, и онъ убѣдился, что природа мало позаботилась о внутреннемъ содержаніи этой прекрасной оболочки. Она почти ничего не читала и думала не болѣе чѣмъ читала. Умъ ея занимался исключительно конкретными предметами; она была кротка, несмотря на свою гордость, и не эгоистична, не взирая на богатство и успѣхъ, но въ качествѣ товарища, она врядъ ли могла дать многое человѣку. Тѣмъ не менѣе, Джонъ, будучи натурою пылкою и цѣльною, отнесся къ этому безразлично; притомъ она была его первою любовью. Еслибы вмѣсто того, чтобы держать себя съ достоинствомъ, она глупо хихикала,—онъ и тогда бы не разочаровался. Въ своей

красотѣ и обаятельности она воплощала его идеалъ, второю половиною котораго было честолюбіе.

Его оливковыя деревья были забыты, и онъ проводилъ часы разлуки въ безумной ѣздѣ по окрестностямъ, причемъ онъ такъ же не жалѣлъ лошадей, какъ еслибы онъ былъ калифорнцемъ по происхожденію. Иногда, тронутая юношескимъ восторгомъ, свѣтившимся въ его глазахъ, Дельфина предлагала ему два-три относившихся къ нему вопроса: поразительная милость со стороны такой скупой на слова дѣвушки. Однажды, когда въ тѣни деревьевъ онъ снялъ ее съ лошади, она подарила его взглядомъ, отъ котораго Джонъ бѣжалъ безъ оглядки—изъ опасенія разыграть передъ всѣми дурака. Несмотря на весь пылъ своей страсти, онъ не чувствовалъ себя несчастнымъ, находя волненія любви, надежды и опасенія столь же сладостными, какъ и необычайными.

Но кризисъ наступилъ.

Дельфина выразила желаніе увидѣть озеро на вершинѣ одиноко стоящей горы. Его открыли индѣйцы, но избалованные калифорнцы ничего не знали о немъ. Общество, собравшееся въ длинной галереѣ „Каза Ортега", очень удивилось, когда Дельфина приказала донъ-Энрико проводить ихъ нынче вечеромъ на гору.

— Но, senorita mia!—воскликнулъ Энрико, поблѣднѣвъ отъ страха при мысли, что его богиня можетъ разсердиться: —туда нѣтъ тропинки, и я не знаю дороги, и она такая же отвѣсная, какъ башня миссіи...

Джонъ выступилъ впередъ.

— Существуетъ тропинка, проложенная индѣйцами,—я не разъ взбирался по ней. Она очень узка и крута, конечно...

Глаза Дельфины, только-что гнѣвно сверкнувшіе на Энрико, улыбнулись Джону.

— Мы ѣдемъ съ вами,—объявила она,—сегодня же, потому что будетъ луна. И я поѣду съ вами впереди.

И теперь, двадцать лѣтъ спустя, Тальботъ, глядя на пустынную, какъ прежде, гору, говорилъ себѣ, что это была счастливѣйшая ночь въ его жизни. Они опередили прочихъ на нѣсколько саженъ и имъ пришлось ѣхать очень близко другъ къ другу—плечомъ къ плечу. Стояла полная луна, но сквозь вѣтви деревьевъ лишь по временамъ проникалъ одинокій серебряный лучъ. Еслибы не веселые, раздававшіеся позади голоса, они могли бы подумать, что ихъ окружаетъ первобытная тишь.

Никогда Дельфина не была такъ обаятельна; она даже понемногу разговорилась, но ея утонченное кокетство не нужда-

лось въ словахъ. Однимъ наклоненіемъ головы, интонаціей голоса она могла выразить больше, чѣмъ любая женщина, въ распоряженіи которой имѣются мозги и цѣлый словарь словъ. Джонъ чувствовалъ, что голова у него идетъ кругомъ, но еще сохранилъ достаточно разсудка, чтобы сдержаться, ожидая той минуты, когда они останутся наединѣ.

Озеро казалось увеличеннымъ отраженіемъ самой луны, такъ какъ темныя деревья бросали тѣнь лишь у берега.

Красота окружающаго была такъ изумительна, что въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ общество безмолвно созерцало ее и на вершинѣ горы царила прежняя вѣковая тишина. Наконецъ кто-то воскликнулъ: „Ay, yi“—и затѣмъ поднялся цѣлый хоръ восклицаній: „Dios de mi alma!“—„Dios de mi vida!“—„Ay de mi, de mi, de mi!..“

Всѣ, даже Энрико—были поглощены зрѣлищемъ. Джонъ, схвативъ лошадь Дельфины за поводья, увлекъ ее въ лѣсъ. И тутъ слова его полились потокомъ.

— Я долженъ, долженъ говорить, — шепталъ онъ безумно, съ трудомъ сдерживая голосъ:—у меня почти не было ни случая, ни возможности завоевать вашу любовь, но я не могу ждать долѣе, я долженъ сказать, что я люблю васъ. Я люблю васъ... Я хочу на васъ жениться! О, я задыхаюсь!

Онъ рванулъ себя за воротникъ; ему казалось, что гора подъ нимъ колеблется.

— Ай! — проговорила Дельфина, откинувъ голову назадъ. Затѣмъ она засмѣялась.

Она не имѣла намѣренія быть жестокой, но Джонъ, при звукѣ ея смѣха, поблѣднѣлъ и задрожалъ съ головы до ногъ. Даже въ лѣсномъ сумракѣ можно было видѣть, до какой степени онъ блѣденъ. Она перестала смѣяться и ласково заговорила съ нимъ.

— Бѣдный юноша, мнѣ жаль, что я заставила васъ страдать, но я не могу быть вашею женою. Никогда я не могла бы полюбить американца, они не похожи на нашихъ мужчинъ—такихъ красивыхъ, ловкихъ, нарядныхъ. Вы мнѣ нравитесь, потому что вы—очень милый мальчикъ, но я выхожу замужъ за Энрико. Поэтому не думайте больше обо мнѣ.

Затѣмъ, такъ какъ онъ все еще стоялъ съ застывшимъ взоромъ, дѣвушка, тронутая юношескою агоніей страданія въ его лицѣ, нагнулась къ нему, ласково проговоривъ:

— Можете поцѣловать меня одинъ разъ. Вы для меня—еще мальчикъ, поэтому я вамъ и позволяю!

И онъ поцѣловалъ ее съ такою силою отчаянія и страсти, что дѣвушка была изумлена, и никогда уже впослѣдствіи ей не пришлось переживать ничего подобнаго.

Джонъ не вернулся въ „Каза Ортега"; онъ скрывался у себя въ рощѣ, покуда кавалькада неслась по направленію къ миссіи.

Въ концѣ недѣли Дельфина уѣхала домой, а три мѣсяца спустя вернулась сюда—женою Энрико Ортега.

Тальботъ слегка улыбнулся, вспоминая эти давно погребенныя юношескія страданія. Вслѣдъ за мѣсяцами безумнаго отчаянія потянулись долгіе унылые годы, полные отвращенія ко всему въ жизни, за исключеніемъ работы. Онъ не могъ рѣшиться продать ранчо и бѣжать отъ этихъ мѣстъ, гдѣ его постигъ тяжелый ударъ,—онъ былъ молодъ, и ему доставляло болѣзненное удовольствіе бередить свою рану.

Онъ не видѣлъ Дельфину въ продолженіе трехъ лѣтъ. За это время она имѣла уже троихъ дѣтей и начала полнѣть. Но она все еще была очень хороша, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Джонъ тщательно избѣгалъ ея.

Но годы шли съ необычайною быстротою. Донья-Мартина умерла. Умерли шестеро изъ цѣлаго десятка дѣтей Дельфины. Умеръ наконецъ и донъ-Энрико, оставивъ свое значительно уменьшившееся помѣстье, вдову и четырехъ дѣвочекъ—на попеченіе Джона Тальбота. Это произошло послѣ четырнадцатилѣтняго супружества и шестилѣтнихъ дружескихъ отношеній, завязавшихся между Тальботомъ и хозяевами „Оливковаго Ранчо". Однажды Энрико, приведенный въ отчаяніе захватами его земель нѣкоторыми „скваттерами", вспомнилъ объ американцѣ, ставшемъ теперь самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ краѣ, и обратился къ нему за совѣтомъ. Тальботъ пріискалъ ему адвоката, одолжилъ нужную сумму, и скваттеры были выселены. Признательность Энрико не знала границъ; онъ затащилъ его къ себѣ, и съ теченіемъ времени они стали друзьями.

Ортега съ Дельфиною хорошо ужились. Она оказалась примѣрною женою, любящею матерью и прекрасною хозяйкою, какъ это полагалось по традиціямъ. Изъ него вышелъ добрый, снисходительный мужъ, и хотя у нихъ было немного предметовъ для разговора, бесѣды ихъ всегда отличались дружелюбіемъ. Съ годами Энрико не поумнѣлъ, но онъ остался радушнымъ хозяиномъ, хорошимъ игрокомъ на билліардѣ, и даже слегка интересовался политикой. Скоро Джонъ пріобрѣлъ привычку проводить по два вечера въ недѣлю въ „Оливковомъ Ранчо",

и никогда не забывалъ привозить сластей для дѣвочекъ, полюбившихъ его едвали не болѣе, чѣмъ отца.

А любовь его? Онъ часто думалъ, что она погребена подъ мавзолеемъ изъ жира, образовавшимся вокругъ Дельфины Карильо. Она вѣсила двѣсти фунтовъ, и ея черные волосы и бѣлые зубы являлись единственными остатками ея былой красоты. Лицо у нея было широкое, смуглое, и хотя она сохранила свою величественную осанку и двигалась съ лѣнивою граціей былыхъ временъ, все-же она казалась тѣмъ, чѣмъ была: испанкою среднихъ лѣтъ, матерью многихъ дѣтей. Перемѣна совершалась постепенно, и Джонъ не страдалъ отъ нея. Памятью онъ обладалъ хорошею, и когда порою ему вспоминалась молодость и единственная страсть его жизни, въ груди у него поднималось рыданіе—отголосокъ пережитой имъ агоніи, но это былъ именно отголосокъ. Иногда онъ удивлялся: почему онъ не полюбилъ другую, почему его честолюбивое желаніе взять въ жены женщину знатнаго рода—умерло вмѣстѣ съ первою его страстью? Онъ заключалъ изъ этого, что его способность сильно чувствовать—перегорѣла на медленномъ огнѣ страданій, и онъ уже сталъ неспособенъ къ новой любви. Бракъ безъ любви не привлекалъ его, судя по тѣмъ наблюденіямъ, какія ему приходилось дѣлать.

Иногда, прощаясь съ толстою, смуглою женщиною, посылавшею ему привѣтъ рукою, стоя въ амбразурѣ двери, которую она всю занимала своею особою, онъ со вздохомъ вспоминалъ очаровательное видѣніе своей юности. Но вздохи становились все рѣже и рѣже; могила въ его сердцѣ не только поросла травою, но сенора Ортега сдѣлалась для него самымъ близкимъ и необходимымъ другомъ. Она восполняла сердечностью все то, чего ей недоставало по умственной части, хотя съ годами она и въ этомъ отношеніи значительно развилась. Мало-по-малу у него вошло въ привычку говорить съ нею о своихъ честолюбивыхъ замыслахъ и надеждахъ, въ особенности теперь, послѣ смерти Энрико, когда они проводили вдвоемъ цѣлые часы. Послѣ смерти Энрико, Тальботъ принялъ на себя управленіе имѣніемъ, и вдова не входила ни въ какія подробности относительно получаемаго съ него весьма крупнаго дохода. Одна за другою дочери ея вышли замужъ, и Тальботъ далъ имъ всѣмъ приданое. Онѣ были хорошенькія, и Тальботъ любилъ ихъ, такъ какъ каждая изъ нихъ наслѣдовала какую-нибудь черту Дельфины Карильо, и если онѣ напоминали ему горе его юности, то напоминали

вмѣстѣ съ тѣмъ и ея восторги. Сенора не помнила ни того, ни другого.

Въ этомъ году она осталась совсѣмъ одинокой. Двѣ дочери ея жили въ столицѣ Мексики, одна вышла замужъ за испанскаго консула и уѣхала съ нимъ въ Испанію; послѣдняя жила въ Санъ-Франциско и собиралась, какъ только домашнія обстоятельства позволятъ ей, навѣстить своихъ сестеръ. Тальботъ, когда онъ не былъ въ отъѣздѣ, разъ въ недѣлю навѣщалъ сенору и каждый разъ привозилъ ей романъ или иллюстрированный журналъ.

— Въ чемъ трагедія?—говорилъ себѣ Тальботъ, расхаживая по корридорамъ миссіи въ утро своего сорокалѣтія,—въ томъ ли, что я не могъ жениться на ней въ то время, когда сходилъ по ней съ ума, или въ томъ, что я могу жениться на ней теперь, когда я уже не хочу этого?

Онъ зналъ, что сенора была очень одинока въ своемъ большомъ домѣ, и, можетъ быть, въ тайникахъ ея существа смутно шевелилось желаніе имѣть добраго и преданнаго спутника жизни.

Индѣецъ-слуга подвелъ ему коня; онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на прохладную галерею въ зданіи миссіи и вышелъ на солнце.

Тальботъ былъ немногимъ тяжелѣе, чѣмъ въ дни своей юности, но онъ ѣхалъ медленнѣе, такъ какъ его любимая сѣрая лошадь была уже немолода. Для него прошли тѣ дни, когда онъ объѣзжалъ дикихъ мустанговъ, и онъ любилъ животное, которое вело себя именно такъ, какъ полагалось четвероногому спутнику его жизни.

Дорога, шедшая среди блѣднозеленыхъ плантацій хлопка и плакучихъ ивъ, окаймлявшихъ берега рѣки—почти пересохшей, была сравнительно прохладна и тѣниста, но послѣ поворота ему пришлось сдѣлать болѣе пяти миль подъ палящимъ солнцемъ по холмамъ, выжженнымъ отъ зноя и казавшимся желтыми, какъ чеканное золото. Небо походило на темносиній металлъ съ отверстіемъ по срединѣ для огненнаго озера. Въ сожженныхъ поляхъ чуялось трепетаніе зноя и горы млѣли въ пурпурной дымкѣ. Тальботъ держалъ во рту виноградный листъ, онъ уже давно закалился на солнцѣ, но все-же онъ желалъ теперь, какъ желалъ этого и ранѣе, чтобы рожденіе его было зимою.

Часа черезъ полтора онъ достигъ полей, окружавшихъ „Каза Ортега". Тутъ онъ поѣхалъ быстрѣе, такъ какъ по пути встрѣчалось много старыхъ дубовъ, и атмосфера была на двадцать градусовъ прохладнѣе. Слуга-мексиканецъ вышелъ къ нему навстрѣчу. Тальботъ сошелъ съ лошади и прошелъ нѣсколько остававшихся до дому саженъ пѣшкомъ. Онъ вздохнулъ, вспо-

мнивъ, какъ въ прошломъ году, въ день его рожденія, здѣсь еще была младшая изъ дѣвушекъ—Эрминія, которая ждала его на этомъ мѣстѣ, чтобы поздравить и поцѣловать его. Ему захотѣлось вернуть ихъ всѣхъ четырехъ, и онъ пожалѣлъ о томъ, что теперь онѣ ушли навсегда изъ его жизни.

„Каза Ортега" былъ очень длинный домъ; сенора ежегодно приказывала бѣлить его, и недостающія красныя черепицы на кровлѣ постоянно возобновлялись,—поэтому онъ не имѣлъ того вида грусти и запустѣнія, который свойственъ большинству старыхъ домовъ.

Длинная, со столбами веранда прилегала къ переднему фасаду; на ней были разставлены цвѣтные стулья, придававшіе ей веселый видъ; но она была пуста, и Тальботъ прошелъ прямо въ залу—тоже длинную комнату, строго меблированную въ старинномъ стилѣ. Напротивъ двери висѣлъ портретъ Дельфины Карильо.

Тальботъ рѣдко позволялъ себѣ глядѣть на него, и если бы только смѣлъ—онъ попросилъ бы, чтобы его убрали. Могила въ его сердцѣ поросла травою, но онъ зналъ, что существуютъ призраки.

Сенора сидѣла въ углу полутемной прохладной залы и сейчасъ же поднялась съ мѣста. Она двинулась къ нему на встрѣчу съ тою же граціей и величественнымъ видомъ, которыми онъ до сихъ поръ не могъ не восхищаться. Но она была очень смугла и прежняя чарующая улыбка затерялась среди широкихъ щекъ и двойного подбородка. Она носила свою полноту такъ же непринужденно, какъ легкій черный кашемиръ—зимою и кисею—лѣтомъ, причемъ единственнымъ украшеніемъ ея костюма была брошка—миніатюрный портретъ ея мужа. Даже глаза ея уже не казались громадными, а пушистыя рѣсницы выпали отъ пролитыхъ ею слезъ, такъ какъ на кладбищѣ миссіи было шесть дѣтскихъ могилокъ, а сенора нѣжно любила своихъ дѣтей. Ей исполнилось всего тридцать-девять лѣтъ, но она не сохранила никакихъ слѣдовъ молодости; все ея существо выражало собою, что жизнь ея была кончена, и какое-то спокойное примиреніе съ этимъ фактомъ. Тальботъ часто спрашивалъ себя: не тяготитъ ли ее по временамъ ея одиночество? Но она ничѣмъ этого не выказывала, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что посѣщеніе церкви и чтеніе книгъ—наполняютъ ея жизнь.

— Очень жарко, не такъ ли? — проговорила она своимъ нѣжнымъ, очень тихимъ голосомъ.—Вы очень красны, но черезъ нѣсколько времени это пройдетъ. Здѣсь прохладно, не правда ли?

— Да, я чувствую себя на десять лѣтъ моложе противъ того, какъ чувствовалъ себя четверть часа тому назадъ. Увы, было время, когда и я могъ шесть часовъ подъ-рядъ выдерживать ѣзду подъ калифорнскимъ солнцемъ, но теперь...

— Да, съ каждымъ годомъ мы старѣемся. Прошло уже двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я гостила въ этомъ домѣ и мы устраивали меріенды и танцовали ночи напролетъ. И вы были тогда худощавымъ юношей съ длинными руками и ногами и пробивающимися усиками.

Еще въ первый разъ она упомянула объ ихъ молодости, и онъ изумленно поглядѣлъ на нее. Но лицо ея было такъ же спокойно, какъ если бы она предлагала ему цыплятъ подъ чилійскимъ соусомъ. Онъ взглянулъ на портретъ, казавшійся въ полутемной комнатѣ живымъ, и ему почудилось въ глазахъ его— почти трагическое выраженіе.

„Какъ она *можетъ* это выносить?“ — подумалъ онъ невольно.

— Вы похорошѣли,—продолжала она любезно;—американцы не старѣются, какъ испанцы или женщины, имѣвшія десять человѣкъ дѣтей. Толстѣешь, опускаешься... Горя было немало.

— Вы хорошо сохранились, сенора! — воскликнулъ Тальботъ, запнувшись на первомъ комплиментѣ, сдѣланномъ имъ за эти двадцать лѣтъ.

Она спокойно улыбнулась и слегка повела головою,—слово: покачала—было бы для нея черезчуръ рѣзко.

— Передо мною—зеркало и—мой портретъ. И я объ этомъ не горюю, донъ-Жуанъ. Когда женщина схоронила шестерыхъ дѣтей, ей все равно: стара она или нѣтъ. Чѣмъ скорѣе я состарѣюсь, тѣмъ скорѣе умру и увижу крошекъ... Я люблю и Энрико,—прибавила она,—хотя въ молодости я больше его любила. Онъ былъ всегда очень добръ, но онъ, какъ и я, состарѣлся и растолстѣлъ. Только вы похорошѣли, мой другъ. И это— одна изъ причинъ, почему я всегда такъ бываю рада видѣть васъ... Вы напоминаете мнѣ то время, когда всѣ мы были молоды и счастливы...

Старый Марсіа доложилъ, что обѣдъ поданъ, и Тальботъ, поднявшись съ чувствомъ облегченія, предложилъ руку сенорѣ. Во время превосходнаго и очень пикантнаго обѣда она не упоминала о прошломъ, но говорила объ урожаѣ, и съ глубокимъ интересомъ выслушивала политическія соображенія Тальбота. Она знала, что политика становится главною цѣлью жизни ея друга, и хотя она предчувствовала, что современемъ эта политика отни-

метъ его у нея, сенора все-же поощряла его въ этомъ направленіи: она уже давно перестала жить для себя.

Покончивъ со сладкими блюдами, они прошли на веранду и лѣниво перебрасывались замѣчаніями, покуда не задремали оба въ своихъ креслахъ.

Вначалѣ тяжелый обѣдъ какъ-то одурманилъ мозги Тальбота, но затѣмъ ему приснилась его молодость, и сцены, героиней которыхъ была Дельфина Карильо, выступили изъ своихъ поблекшихъ рамъ на яркій свѣтъ его воспоминаній: онъ снова переживалъ восторги и муки тѣхъ дней.

Тальботъ проснулся сразу. Сенора все еще спала, и лицо ея было во снѣ такъ же спокойно-безмятежно, какъ и на яву. Она казалась такою смуглою, толстою и широкою, что Тальботъ, еще находившійся подъ впечатлѣніемъ сна, рѣшительно поднялся и, войдя въ залу, остановился передъ портретомъ. Онъ былъ написанъ талантливымъ художникомъ,—фигура словно отдѣлялась отъ полотна, алый, обольстительно изогнутый ротъ улыбался, глаза сіяли торжествомъ молодости и побѣдъ, кожа была такою же бѣлою, какъ цвѣтъ луны ночью на поляхъ...

Тальботу вспомнилась ночь, когда онъ держалъ ее въ объятіяхъ,—ее, не ту женщину, что дремлетъ на верандѣ,—и онъ невольно простеръ руки къ портрету.

— А я думалъ, что все прошло!—вырвалось у него испуганнымъ шопотомъ;—но я отдалъ бы душу и все, чего добился въ жизни, для того, чтобы она на одинъ часъ вышла изъ рамы и полюбила меня...

— Что вы говорите?—произнесъ тихій голосъ.—Я заснула, не правда ли? Не позвоните ли вы въ маленькій колокольчикъ, чтобы Марсіа принесъ намъ шоколадъ? Здѣсь не будетъ слишкомъ жарко, или лучше на верандѣ?

— Лучше на верандѣ. Теперь стало прохладнѣе, и мнѣ какъ-то недостаетъ воздуху...

Ему хотѣлось уѣхать, но онъ прихлебывалъ шоколадъ и слушалъ разсказы о своихъ пріемныхъ дочеряхъ. Сенора безконечно гордилась внучатами и въ домѣ была масса ихъ фотографій. Около шести часовъ онъ пожалъ ей руку и вскочилъ въ сѣдло. Проѣзжая по аллеѣ, онъ, какъ всегда, оглянулся съ полдороги. Она все еще стояла на верандѣ и, ласково улыбаясь ему, махала смуглою рукою.

Это было послѣднее его свиданіе съ сенорой.

II.

Черезъ день Тальботу пришлось уѣхать въ Санъ-Франциско, а когда онъ вернулся, сенора лежала въ постели; она заболѣла сильною простудою. Онъ послалъ ей кипу книгъ и газетъ, ящикъ шоколадныхъ конфектъ, и въ разгаръ выборной борьбы временно забылъ объ ея существованіи. Была осень 1868 года, и онъ считался въ числѣ пламенныхъ сторонниковъ Гранта. Интересъ его къ политикѣ все возрасталъ по мѣрѣ успѣховъ знаменитаго генерала, и наконецъ онъ заявилъ, что приметъ участіе въ слѣдующихъ выборахъ въ конгрессъ. Дня два спустя, умеръ представитель ихъ округа, и Тальботу сейчасъ же предложили занять его мѣсто.

Когда въ концѣ ноября онъ отправился въ Вашингтонъ, сенора все еще лежала въ постели, страдая отъ сильнаго кашля и простуды. Онъ заѣхалъ узнать объ ея здоровьи и передать ей привѣтъ черезъ старика Марсіа. Книгопродавцу въ Санъ-Франциско было приказано постоянно снабжать сенору книгами.

Во время пребыванія въ Вашингтонѣ, полнаго захватывающаго интереса, Тальботъ лишь изрѣдка вспоминалъ о ней. Убѣдившись, что нашелъ свое настоящее призваніе, онъ рѣшилъ посвятить политикѣ остатокъ своей жизни. Волненіе въ странѣ было велико, пылкая южная кровь взывала о возмездіи, и ходили слухи, что Грантъ будетъ убитъ южанами въ самый день избранія его президентомъ. Этого не случилось, и Тальботъ радовался, что ему удалось быть въ этотъ день въ Вашингтонѣ. Онъ написалъ сенорѣ подробный отчетъ о воинственномъ настроеніи города и о блестящихъ празднествахъ въ сенатѣ, но она уже перестала быть для него чѣмъ-то необходимымъ въ его жизни.

Будучи холостымъ, красивымъ и богатымъ человѣкомъ, онъ скоро пустился на всѣхъ парусахъ по общественному морю. Въ первый разъ со времени увеселеній въ „Оливковомъ Ранчо", ему пришлось бывать въ обществѣ. Санъ-Франциско былъ въ сущности пародіей на свѣтскость, но Вашингтонъ представилъ для него большой интересъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ не одну женщину, напомнившую ему его первый полудѣтскій идеалъ, вывезенный изъ Англіи и не походившій на Дельфину Карильо; другой Дельфины Карильо не существовало въ цѣломъ мірѣ.

Сессія была тяжелая, продолжительная, и онъ отдавалъ всѣ силы своего ума на великое дѣло организаціи страны, но при этомъ зачастую спрашивалъ себя: не пора ли ему жениться, не

долгъ ли его по отношенію къ самому себѣ — исполнить свое задушевное желаніе? Красивая, изящная, хорошо воспитанная жена могла быть большою радостью въ его жизни. За послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ, онъ могъ жениться на любой красивой дѣвицѣ въ Санъ-Франциско, но промежутокъ между пылкою любовью молодости и представлявшимися ему затѣмъ „партіями", внушилъ ему отвращеніе къ такъ называемымъ „подходящимъ бракамъ". Теперь Калифорнія была далеко, въ Вашингтонѣ жизнь складывалась иначе; ему исполнилось всего сорокъ лѣтъ, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ умственныхъ и физическихъ силъ. Неужели онъ не сможетъ снова полюбить? Оставаясь наединѣ съ красивою женщиною въ ея будуарѣ, любуясь прелестною дѣвушкою среди блѣднаго освѣщенія оранжереи, онъ тщетно старался вызвать въ себѣ прежній трепетъ надежды и страха. Онъ рѣшилъ, что объяснится при первомъ же признакѣ зарождающагося чувства, но онъ былъ заинтересованъ и — только. Ничто не могло вызвать въ немъ желаннаго прилива страсти: море ушло въ свои берега.

Отъ сеноры нельзя было ждать писемъ,—она ненавидѣла перья и чернила, и писала одинъ разъ въ мѣсяцъ коротенькія письма своимъ дочерямъ.

Падре Ортега былъ слишкомъ старъ для того, чтобы заниматься перепиской,—поэтому Тальботъ имѣлъ извѣстіе изъ Санта-Урсулы лишь отъ своего майордома, ежемѣсячно посылавшаго ему отчетъ объ оливковыхъ плантаціяхъ и дѣлахъ по дому. Къ сожалѣнію, онъ не былъ многорѣчивъ, и Тальботъ, несмотря на то, что дважды освѣдомлялся о состояніи здоровья сеноры, ни разу не получилъ отъ него отвѣта до самаго конца сессіи. Около этого времени майордомъ прислалъ свой отчетъ, въ концѣ котораго находилась слѣдующая приписка: „Сенора умираетъ. У нея чахотка—скоротечная, по всей вѣроятности. Можете застать ее въ живыхъ, а можете и не застать. Мы всѣ очень о ней жалѣемъ, такъ какъ она со всѣми ладила и была очень добра".

Оставалось еще три недѣли до окончанія сессіи, но комитетъ Тальбота, въ сущности, уже закончилъ свое дѣло, и онъ могъ считать себя свободнымъ. Онъ передалъ бразды правленія одному изъ своихъ сотоварищей-демократовъ и выѣхалъ въ Калифорнію въ тотъ же день, какъ получилъ извѣстіе. Онъ забылъ красивыхъ вашингтонскихъ дамъ, всѣ свои планы. Стремленіе поспѣть къ смертному одру стараго друга оказалось самымъ сильнымъ, не терпящимъ отлагательства... Ему казалось, что поѣздъ еле тащится.

Воспоминанія, преслѣдовавшія его во время долгаго жаркаго пути, не были сентиментальнаго характера. Будь они такими, онъ отогналъ бы ихъ, такъ какъ они не вязались бы съ печальною дѣйствительностью. Умиралъ его старый другъ—самый необходимый, самый симпатичный, какого онъ когда-либо имѣлъ.

Онъ понялъ, что она все-же незамѣнима для него, что съ ея смертью онъ будетъ очень одинокъ. Память его постоянно возвращалась къ сенорѣ, къ ея доброму, широкому, смуглому лицу, и онъ смигнулъ съ рѣсницъ не одну слезу, думая, что ему не придется болѣе обращаться къ ней за сочувствіемъ, и онъ уже не станетъ скрашивать своими посѣщеніями ея одинокую жизнь. Менѣе всего онъ былъ подготовленъ къ тому, что̀ ожидало его въ „Оливковомъ Ранчо".

Тальботъ пріѣхалъ ночью. Падре Ортега оказался въ отъѣздѣ, и за исключеніемъ того, что сеньора еще жива, онъ ничего не могъ узнать о ней, и сейчасъ же послалъ къ ней нарочнаго съ письмомъ, извѣщая ее, что будетъ завтра въ одиннадцать часовъ утра.

Снова длинный, утомительный переѣздъ по выжженнымъ солнцемъ полямъ и холмамъ. До дня его рожденія оставалось всего недѣли три. Подъѣзжая къ дубовой аллеѣ, онъ замѣтилъ висѣвшій на верандѣ гамакъ, въ которомъ кто-то лежалъ: очевидно, женщина, такъ какъ изъ гамака свѣшивалась до самаго полу тяжелая черная коса.

„Навѣрное это не сенора,—подумалъ онъ, — сенора въ гамакѣ?.."

И тутъ онъ внезапно вспомнилъ, что за время болѣзни она должна была похудѣть.

Руки его дрожали, покуда онъ слѣзалъ съ лошади и привязывалъ ее, и, сознавая свою блѣдность, онъ долго съ этимъ возился. Но онъ привыкъ владѣть собою, и черезъ минуту уже твердо шелъ впередъ и поднимался по ступенямъ веранды. Тѣмъ не менѣе, подойдя къ гамаку, онъ убѣдился, что долженъ призвать на помощь все свое самообладаніе.

Сеноры не было,—вмѣсто нея въ гамакѣ лежала Дельфина Карильо. Это не была великолѣпная, полная силъ красавица прежнихъ лѣтъ, но некрасивая смуглость кожи исчезла вмѣстѣ съ жиромъ, кожа ея побѣлѣла, на щекахъ горѣли алыя пятна. Глаза казались громадными и ротъ пріобрѣлъ прежнюю выразительность и тонкія очертанія, хотя углы губъ и опустились. На ней былъ бѣлый капотъ съ массою кружевъ у шеи, и, будучи

тѣнью самой себя, она все-же была прекрасна и казалась женщиною лѣтъ двадцати-шести.

— Дельфина!—прошепталъ онъ.—Дельфина!

Онъ долженъ былъ присѣсть—колѣни его дрожали. Кровь шумѣла у него въ головѣ, и послѣ первой минуты захватывающаго блаженства имъ овладѣло острое чувство сожалѣнія, вызванное утратою добраго стараго друга—сеноры. Онъ невольно оглядѣлся вокругъ. Куда дѣвалась она, эта другая женщина? Даже душа, глядѣвшая изъ большихъ глазъ лежавшей въ гамакѣ женщины, была прежняя.

Дельфина молча глядѣла на него нѣсколько секундъ, затѣмъ она проговорила со вздохомъ:—А вѣдь это Жуанъ!

Она приподнялась и быстро заговорила:

— Слушайте, я сначала не узнала васъ, я по временамъ забываюсь, и тогда Марсіа все говоритъ мнѣ, что я—та, прежняя Дельфина. И даже въ то время, когда я бываю въ полной памяти, мнѣ также это кажется, можетъ быть, потому, что я одна; мнѣ нечего вспоминать, и мнѣ пріятны такія мечты... Когда я заболѣла, ко мнѣ пріѣзжала Эрминія, но затѣмъ я написала ей, что поправляюсь, такъ какъ она съ мужемъ хотѣла ѣхать въ Мексико. И чѣмъ хуже мнѣ становится, тѣмъ болѣе я радуюсь, что моихъ дѣвочекъ нѣтъ здѣсь. То, что̀ мнѣ представляется въ забытьи — такъ отрадно; оно возвращаетъ меня къ молодымъ, счастливымъ годамъ. Я радуюсь, что умираю не такъ, какъ всѣ старые люди, а именно такимъ образомъ... Вы не можете себѣ представить, Жуанъ, какъ я бываю иногда счастлива! Помните, какъ вы бывали здѣсь за два мѣсяца до моей свадьбы? Я вижу васъ, Энрико, всѣхъ друзей моихъ и себя—такою веселою, красивою, вспоминаю, какъ всѣ кабаллеро сходили по мнѣ съ ума... И блестящіе костюмы, и чудныхъ коней—все вспоминаю...

Она остановилась, но затѣмъ продолжала:

— И часто я думаю о васъ, часто... Какъ странно, вѣдь я въ то время любила Энрико, но когда вы уѣхали въ Вашингтонъ, я очень по васъ скучала и все читала и перечитывала, что̀ о васъ писали въ газетахъ... Энрико уже давно умеръ, а любовь моя умерла еще ранѣе,—я говорю о той любви, изъ-за которой я вышла за него замужъ;—конечно, я любила его, потому что любить мужа — моя обязанность. Но когда вернулась моя молодость, я почему-то больше всего думаю о васъ. И я такъ хотѣла, такъ хотѣла васъ видѣть, но не звала васъ потому, что вы очень заняты и честолюбивы, и я знала, что черезъ годъ вы пріѣдете, и потому была счастлива. Не плачьте, другъ

мой,—видите, я не плачу,—отрадно быть снова молодой... Часто я не понимаю, какъ я могла тогда не полюбить васъ? Вы—такой теперь красавецъ, но въ то время вы были мальчикомъ, а я восхищалась нашими кабаллеро; они—такіе нарядные, любезные, и мы не знаемъ другихъ мужчинъ. Въ то время я мало думала, затѣмъ у меня было много дѣтей и горя, но въ глубинѣ души я всегда чувствовала, что у меня чего-то нѣтъ, чего-то самаго главнаго. Часто я вздыхала, сама не зная: отчего? Но теперь, передъ смертью, я много думаю, и теперь я знаю, что еслибы я дѣйствительно была молода и здорова, я полюбила бы васъ и была бы съ вами вполнѣ счастлива, и умъ былъ бы у меня настоящій. Въ дѣйствительности, *я никогда не жила.* И теперь я это знаю...

Она откинулась назадъ, задыхаясь; ея тихій голосъ сталъ почти неслышнымъ. Она указала на бутылку съ питьемъ. Джонъ приподнялъ больную въ своихъ объятіяхъ и поднесъ стаканъ къ ея губамъ. Легкая краска выступила на ея щекахъ, она подняла руки и обвилась ими вокругъ его шеи.

— Жуанъ,—прошептала она умоляюще,—вы когда-то любили меня и плакали, такъ какъ я принесла вамъ горе... Повѣрьте въ то, что я стала прежнею дѣвушкою, и полюбите меня, какъ тогда! Я скоро умру, а это сдѣлаетъ меня невыразимо счастливою.

— Мнѣ будетъ нетрудно повѣрить въ это,—отвѣтилъ онъ,—слишкомъ нетрудно. Не было ли все прошедшее, дѣйствительно, сномъ, а настоящая жизнь начинается лишь теперь—на порогѣ вѣчности?..

Съ англ. О. Ч.

ПРЕЗИДЕНТЪ РУЗЕВЕЛЬТЪ

и

ВНУТРЕННЯЯ ЕГО ПОЛИТИКА

Ровно полстолѣтія тому назадъ, когда принципіальная разница между двумя тогдашними политическими партіями Сѣверо-Американскаго Союза, вигами и тори, сошла на ничто, и „платформы“ (программы) этихъ партій, различествуя въ изложеніи, представляли въ сущности одно и то же,—возникла третья партія, съ уничтоженіемъ рабства какъ главнымъ ея лозунгомъ, и произошло совершенное распаденіе прежнихъ аффиліацій, съ возникновеніемъ двухъ новыхъ партій—на совершенно новыхъ началахъ. Такое же положеніе, повидимому, переживаетъ политическая жизнь Соединенныхъ-Штатовъ и въ настоящую минуту. За пятьдесятъ лѣтъ существованія современныхъ республиканской и демократической партій, послѣ рѣшеннаго навсегда войной 1861—1865 годовъ вопроса о рабствѣ, между ними возникали серьезныя принципіальныя различія, по временамъ существенно обострявшіяся; въ 1896 году эти различія болѣе или менѣе стушевались, зато появился на сценѣ вопросъ серебряный;—въ 1900 году къ нему присоединился и новый вопросъ объ имперіалистской политикѣ, вызванный результатами испано-американской войны. Событія шли своимъ чередомъ, и за послѣднее четырехлѣтіе и эти два вопроса,—такіе жгучіе, такіе, казалось, всеобъемлющіе—восемь и четыре года тому назадъ,—успѣли совершенно

выдохнуться и потерять всякое практическое значеніе настолько, что въ національныхъ платформахъ обѣихъ партій въ послѣдней выборной кампаніи по обоимъ этимъ вопросамъ не оказалось никакой разницы—слова и фразы различны, но сущность совершенно одинакова.

Республиканская партія стоитъ на той же политической почвѣ, что и восемь, и четыре года тому назадъ, а демократы, отказавшись формально и отъ своихъ воззрѣній на вышеупомянутые вопросы, и отъ своихъ вожаковъ того времени, не выставили ни одной новой идеи, такъ что въ эту кампанію 1904 года вопросъ шелъ уже не о принципахъ, а только о личностяхъ претендентовъ на должности президента и вице-президента Союза. Предварительные пути обѣихъ партій, прежде чѣмъ онѣ пришли къ однимъ и тѣмъ же выводамъ, существенно различествовали между собою, и кампанія изобиловала разными необычными инцидентами, вродѣ кандидатуры Хёрста и телеграммы Паркера національной демократической конвенціи, такъ что хроникеру кампаніи остается только выяснить и очертить эту разницу въ путяхъ;—что же касается разницы въ принципахъ, то она исчезла, и заурядный избиратель просто подавалъ голосъ за наиболѣе симпатичнаго ему кандидата—Рузевельта или Паркера. Вся суть свелась, въ концѣ-концовъ, къ ихъ личностямъ. Такова была наружная, показная сторона этого послѣдняго американскаго политическаго конфликта. Онъ не обладаетъ ни интересомъ, ни живостью: разъ такой конфликтъ принимаетъ исключительно личный характеръ, онъ теряетъ свое общее значеніе, какъ для самой страны, такъ и для остального міра. Но, помимо этой наружной стороны, кампанія имѣла и другую, внутреннюю, которая, на мой взглядъ, чрезвычайно многозначительна и заключается въ томъ, что консервативные элементы страны оказались въ такомъ большинствѣ въ обѣихъ партіяхъ, что успѣли устранить всѣ болѣе или менѣе радикальныя вліянія отъ какого бы то ни было активнаго воздѣйствія и на кампанію, и на выборъ кандидатовъ. Въ средѣ республиканской партіи не было организованной оппозиціи такому результату, но въ демократической ему предшествовала многосторонняя и серьезная борьба. Поэтому я и скажу предварительно нѣсколько словъ объ этой президентской кампаніи 1904-го года, и начну именно съ этой послѣдней партіи.

I.

Съ безповоротнымъ рѣшеніемъ вопросовъ о рабствѣ негровъ и степени независимости отдѣльныхъ штатовъ относительно общегосударственныхъ, федеральныхъ дѣлъ,—главной принципіальной разницей между республиканцами и демократами оставался протекціонизмъ первыхъ и фритрэдерство—вторыхъ. Въ 1892 г., съ вторичнымъ выборомъ въ президенты Кливелэнда и безусловнаго большинства демократовъ въ обѣ палаты конгресса, они получили полную возможность осуществлять свои фритрэдерскія тенденціи на практикѣ въ какой бы то ни было степени. Принимая національную платформу демократовъ въ президентскую кампанію 1892 г. въ серьёзъ, страна была готова къ всевозможнымъ экспериментамъ въ фритрэдерскомъ направленіи,—на пути къ нимъ не было ни малѣйшихъ препятствій, и многія отрасли промышленности, основанныя на покровительственныхъ пошлинахъ, ожидали съ покорностью смертельнаго для себя удара. Теперь уже установлено, что именно страхъ такого удара и вызвалъ финансовый и промышленный кризисъ 1893—1896 годовъ, такъ какъ въ рѣшительную минуту демократы абсолютно спасовали, и, отмѣнивъ тарифъ Макъ-Кинлэя, ввели тарифъ Вильсона-Гормана, отличавшійся отъ перваго только деталями, а никакъ не сущностью. Получивъ въ свои руки управленіе страной на платформѣ прямого обязательства введенія свободы торговли и парализовавъ промышленность страны, они оставили въ силѣ тотъ же протекціонный тарифъ, слегка понизивъ пошлины въ нѣкоторыхъ отрасляхъ и даже возвысивъ ихъ въ другихъ, какъ, напр., въ сахаро-рафинадной. Во всей исторіи американскаго тарифнаго законодательства нѣтъ другого примѣра такой непонятной непослѣдовательности, такой больше чѣмъ странной игры съ торжественными, всенародными обязательствами. Едвали подлежитъ сомнѣнію, что этотъ фактъ надолго устранилъ съ политической арены Соединенныхъ-Штатовъ борьбу между протекціонистами и фритрэдерами какъ серьезный факторъ;—страна поняла, что какъ бы извѣстная политическая партія ни ратовала за „открытіе дверей“ иностраннымъ мануфактурамъ, въ ея средѣ всегда найдутся достаточно сильные элементы, которые, въ союзѣ съ открытыми протекціонистами, всегда будутъ въ состояніи разбить дѣйствительныхъ сторонниковъ свободы торговли. Весь политико-экономическій строй страны долженъ

существенно измѣниться, прежде чѣмъ эти послѣдніе могутъ разсчитывать на введеніе хоть сколько-нибудь радикальныхъ измѣненій въ существующихъ тарифахъ, не говоря уже о свободѣ торговли въ широкомъ смыслѣ. Благодаря этому, къ президентской кампаніи 1896 г. демократы остались бы совершенно на мели въ принципіальномъ смыслѣ, безъ какого бы то ни было серьезнаго разногласія съ республиканцами, еслибъ не внезапное появленіе на политической аренѣ Брайяна и его серебрянаго вопроса. Вопросъ этотъ по своему существу—чисто-финансовый и былъ навязанъ странѣ какъ политическое яблоко раздора совершенно насильно. Въ исторіи Союза не было другого такого рѣзкаго и остраго перехода отъ благосостоянія и общаго довольства къ финансово-промышленному кризису, безработицѣ и поѣданію долголѣтнихъ сбереженій, какъ тѣ, которыми ознаменовалась администрація Кливелэнда 1892—1896 годовъ; бывшимъ у кормила правленія демократамъ было необходимо объясненіе такого небывалаго феномена, и серебряный вопросъ явился козломъ отпущенія, несмотря на серьезнѣйшія предостереженія наиболѣе интеллигентныхъ и знающихъ людей всѣхъ партій. Страстность и стремительность натиска „сильверитовъ" прямо отуманила страну;—они успѣли не только перетасовать самымъ существеннымъ образомъ личный составъ всѣхъ партій, расколоть ихъ навсегда, хотя и въ неравной степени, но и убѣдить почти половину націи, что воспослѣдуетъ чуть ли не всемірный политико-экономическій и политическій потопъ, если ихъ идеи не будутъ приняты страной. Несмотря на жестокое пораженіе 1896 г., они оказались въ состояніи поддерживать серебряный гипнозъ и въ теченіе всего слѣдующаго четырехлѣтія, такъ что и въ 1900 году тотъ же насильственный биметаллизмъ оказался „гвоздемъ" національной платформы демократовъ, успѣвшихъ тѣмъ временемъ поглотить популистовъ какъ третью партію, и тотъ же Брайянъ былъ опять назначенъ кандидатомъ совершенно объединенной на этотъ разъ оппозиціи въ президенты Союза. Между тѣмъ, за четырехлѣтіе 1896—1900 гг. произошла испано-американская война, и появился новый, чрезвычайно важный и дѣйствительно чисто политическій вопросъ о вполнѣ опредѣлившейся къ началу президентской кампаніи 1900 года имперіалистской политикѣ республиканской партіи. Вопросъ этотъ, конечно, не имѣлъ ничего общаго съ вопросомъ о биметаллизмѣ,—тѣмъ не менѣе, національная конвенція демократовъ поставила ихъ на одну доску, такъ что сознательный политическій анти-имперіалистъ вынужденъ былъ вотировать въ то

же время и за свободную чеканку серебра. Подсчетъ и анализъ поданныхъ въ президентскую кампанію 1900 года голосовъ доказали безусловно, что свыше милліона избирателей не могли переварить этого требованія и отказались отъ подачи голоса,—а въ результатѣ Брайянъ и его платформа были побиты еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ 1896 году. Съ этими-то двумя яркими уроками въ своемъ самомъ непосредственномъ прошломъ, демократическая партія приступила къ послѣдней президентской кампаніи 1904 года.

За восемь лѣтъ — 1896 — 1904 гг. — весьма значительное число демократовъ перешло въ ряды республиканской партіи. Въ 1896 году „золотые" демократы, т.-е. противники серебра въ средѣ демократической партіи, имѣли свою платформу и тикетъ; въ 1900 году они открыто голосовали за Макъ-Кинлэя. Эта фракція, не столько многочисленная, какъ вліятельная, особенно во всѣхъ сѣверныхъ и западныхъ штатахъ, вотировала за Рузевельта и въ 1904 году. Опасность принятія страной серебряной валюты, какъ ни отдаленна она была въ дѣйствительности, пересилила въ ихъ глазахъ всѣ другія чисто-политическія соображенія, аффиліаціи и традиціи всего ихъ прошлаго. Я довольно хорошо знакомъ съ личнымъ составомъ этой фракціи— люди переходили въ ряды своего недавняго непріятеля совершенно открыто, обыкновенно мотивируя этотъ переходъ въ газетахъ, и хотя въ этомъ составѣ не было выдающихся политикановъ съ національной репутаціей, онъ, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно заключалъ въ себѣ наиболѣе интеллигентныхъ и независимо думающихъ людей — судей, адвокатовъ, мануфактуристовъ, купцовъ,—во многихъ мѣстностяхъ безспорную соль ихъ демократической партіи. Я лично думаю, что эта потеря была для нея до-нельзя чувствительной, во многихъ случаяхъ прямо незамѣнимой, какъ ни старались партійные вожаки умалить ея значеніе. Утрата демократической партіей этихъ самостоятельныхъ элементовъ въ президентскія кампаніи 1900 и 1904 годовъ имѣла на ихъ исходъ то же рѣшающее вліяніе, что и утрата республиканской партіей въ 1884 году фракціи мюгвюмповъ, принесшая за собою пораженіе Блэна Кливелэндомъ. Интеллигентный избиратель, лично извѣстный въ своей мѣстности какъ лицо независимое отъ своей партійной организаціи, смѣло объявляющій о своемъ добровольномъ переходѣ въ непріятельскій дотолѣ политическій лагерь, имѣлъ обыкновенно въ этой мѣстности гораздо больше вліянія, чѣмъ цѣлая дюжина прямо заинтересованныхъ въ раздѣлѣ общественнаго пирога про-

фессіональныхъ политикановъ. Въ подсчетѣ голосовъ такіе переходы всегда даютъ себя чувствовать болѣе или менѣе осязательно, и, будучи особенно частыми въ теченіе президентской кампаніи 1900 года, они, тѣмъ не менѣе, открыли глаза вожакамъ демократовъ, только когда положеніе сдѣлалось уже совершенно безнадежнымъ относительно исхода этой кампаніи,—зато они уже немедленно послѣ этихъ выборовъ взялись за работу, дабы одолѣть, наконецъ, сильверитовъ въ своей собственной средѣ, и, повидимому, успѣли въ этомъ къ началу президентской кампаніи 1904 года. Ошеломленный своимъ вторичнымъ, еще болѣе рѣшительнымъ пораженіемъ, Брайянъ вынужденъ былъ заявить публично, что не будетъ болѣе искать назначенія демократической партіей въ кандидаты въ президенты, и хотя не отказался лично отъ своихъ сильверитскихъ вожделѣній, но не препятствовалъ, по крайней мѣрѣ публично, начавшейся въ средѣ демократовъ реорганизаціи партіи на новыхъ началахъ. Политиканы штата Нью-Іорка сразу стали во главѣ этой реорганизаціи. Штатъ этотъ, по числу принадлежащихъ ему голосовъ въ избирательной коллегіи, всегда имѣлъ рѣшающее значеніе въ президентскихъ выборахъ—безъ него демократы не могутъ разсчитывать на побѣду, и потому на нѣсколькихъ національныхъ совѣтахъ партіи это главенство и было ему безмолвно предоставлено. Къ сожалѣнію, въ средѣ демократической партіи Нью-Іорка царствовалъ совершеннѣйшій разладъ, и одолѣли, въ концѣ-концовъ, самые нежелательные въ ней элементы въ смыслѣ ихъ популярности въ народныхъ массахъ:—Огюстъ Бельмонтъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ денежныхъ воротилъ Wall Street'а, экс-губернаторъ и экс-сенаторъ Дэвидъ Хиллъ, чрезвычайно беззастѣнчивый и безпринципный политиканъ, когда-то очень успѣшный, но за послѣднее время сданный-было въ политическій архивъ, наконецъ—представители Таммани-Голла. Мнѣ всегда казалось, что одной этой комбинаціи было совершенно достаточно, дабы безповоротно утопить любую платформу и любого кандидата. Тѣмъ не менѣе, она оказалась живучей и очень дѣятельной, и уже на созванной очень рано демократической конвенціи штата Нью-Іорка успѣла дать тонъ всей послѣдующей національной кампаніи. Принятая этой конвенціей платформа является замѣчательнымъ документомъ по своей крайней неопредѣленности, по тому искусству, съ которымъ ея составители сумѣли обойти всѣ безъ исключенія серьезные вопросы — о трёстахъ, объ имперіализмѣ, о валютѣ, объ отношеніяхъ капитала къ труду. Громкія, но ничего не значащія,

ничего не опредѣляющія фразы,—толкуйте ихъ въ какую угодно сторону, выводите изъ нихъ какія угодно заключенія! И Богу свѣча, и чорту кочерга! И тѣмъ не менѣе, очевидная необходимость въ реорганизаціи и объединеніи партіи была настолько сильна, что всѣ консервативные элементы демократической партіи всѣхъ оттѣнковъ, противные Брайяну и радикализму, весьма быстро сплотились по всему Союзу подъ этимъ вновь выкинутымъ знаменемъ неопредѣленности и безсодержательности,—и элементы эти оказались въ огромномъ большинствѣ почти вездѣ.

Двукратное пораженіе Брайяна, очевидная недостижимость на практикѣ его серебряныхъ теорій, рѣзкость и опредѣленность другихъ его требованій, утрата партіей многихъ самыхъ вліятельныхъ и уважаемыхъ ея членовъ,—все это неотвратимо дѣйствовало на демократическія массы, и толкало ихъ на противоположный всему этому путь, который оказался искусно подготовленнымъ Бельмонтомъ, Хилломъ и К°, и давалъ, повидимому, нѣкоторую надежду на успѣхъ. Надежда эта подогрѣвалась и тѣмъ обстоятельствомъ, что было извѣстно, что энергично подготовленный консервативными элементами демократической партіи за все послѣднее четырехлѣтіе въ кандидаты въ президенты Союза, судья верховнаго суда штата Нью-Іорка Альтонъ Паркеръ вполнѣ одобрилъ принятую демократической конвенціей этого штата платформу. Кандидатура эта подготовлялась чрезвычайно искусно, послѣдовательно и энергично, хотя и трудно понять, почему былъ выставленъ именно онъ. За исключеніемъ чисто судебныхъ сферъ своего штата, Паркеръ былъ почти совершенно неизвѣстенъ. Кто такой Паркеръ? Почему именно Паркеръ? Такіе вопросы слышались вездѣ и всюду въ теченіе всей кампаніи. Всю свою жизнь онъ сначала занималъ мелкіе судебные посты въ своемъ графствѣ, затѣмъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, былъ назначенъ однимъ изъ верховныхъ судей штата—никогда не принималъ никакого видимаго участія ни въ конвенціяхъ своей партіи, ни въ политическихъ кампаніяхъ, никогда ничего не писалъ, никогда не говорилъ публично, и въ политическомъ, и во всякомъ другомъ отношеніи былъ абсолютнымъ сфинксомъ для народныхъ массъ. Что онъ думаетъ о трёстахъ, объ имперіализмѣ, о золотой валютѣ, о рабочемъ вопросѣ? Было извѣстно, что онъ оба раза голосовалъ за Брайяна—и только. Горсть личныхъ друзей—людей почти безъ исключенія съ неособенно чистыми политическими репутаціями—выдвинула его впередъ, восхваляя его гражданскія доблести, но только таинственно пожимала плечами, когда ихъ спрашивали

о его политическомъ credo. И до, и послѣ назначенія, Паркеръ хранилъ самое упорное молчаніе—даже его знаменитая телеграмма конвенціи въ Санъ-Луисѣ не открыла публикѣ, что̀ именно онъ самъ думаетъ о золотѣ и серебрѣ, а только констатировала всѣмъ извѣстный фактъ. Общественное мнѣніе страны не могло не придти, въ концѣ-концовъ, къ тому заключенію, что Паркеръ не что̀ иное, какъ оппортунистъ чистѣйшей воды, готовый идти по теченію согласно обстоятельствамъ, что онъ, какъ и демократическая партія вообще въ настоящую кампанію, не представляетъ собою чего-либо хоть сколько-нибудь опредѣленнаго. Я склоненъ думать, что именно этотъ фактъ и былъ главной причиной его феноменальнаго пораженія на выборахъ 8-го ноября. Онъ сумѣлъ захватить формальную организацію своей партіи, ея политикановъ и слѣпо слѣдующіе за ними во всякомъ конфликтѣ элементы, но ея болѣе или менѣе самостоятельно мыслящее и дѣйствующее меньшинство, на этотъ разъ очень значительное, отказалось слѣдовать за подобной неопредѣленностью, и или совсѣмъ воздержалось отъ подачи голоса, или голосовало за Рузевельта.

Вожаки радикальныхъ элементовъ демократической партіи, конечно, сообразили все вышеизложенное и оцѣнили тенденціи большинства еще задолго до того, какъ все это было уяснено себѣ массами. Помимо Брайяна и его приверженцевъ, въ средѣ демократической партіи на этотъ разъ появилась новая радикальная фракція съ новымъ предводителемъ. Вильямъ Хёрстъ, молодой, сравнительно, человѣкъ—ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ — пожелалъ сдѣлаться президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ, какъ представитель демократовъ. Въ политической исторіи Союза значится немало выскочекъ, по временамъ игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль—Хёрстъ, на мой взглядъ, далеко превосходитъ ихъ всѣхъ своей наглостью, своей откровенностью. Судя по всѣмъ даннымъ, весь его умственный и нравственный багажъ состоитъ исключительно изъ ненасытнаго честолюбія и поразительнаго самомнѣнія. Онъ не умѣетъ ни говорить, ни писать, никогда не выдался хоть чѣмъ-либо на общественномъ поприщѣ, неспособенъ къ какой-либо серьезной усидчивой работѣ, по своимъ личнымъ привычкамъ—не что̀ иное, какъ снобъ, свѣтскій хлыщъ, ведущій роскошную, пріятную свѣтскую жизнь въ Вашингтонѣ. Два года назадъ, въ одномъ изъ наиболѣе продажныхъ дистриктовъ города Нью-Іорка, онъ былъ выбранъ въ федеральную палату представителей, какъ демократъ, но посѣщалъ конгрессъ только очень рѣдко, на нѣ-

сколько минутъ,—очевидно, только для того, чтобы заявлять время отъ времени о своемъ существованіи. Его покойный отецъ, экс-сенаторъ отъ штата Калифорніи въ федеральномъ сенатѣ, оставилъ ему огромное состояніе, оцѣнивавшееся въ 30—40 милліоновъ долларовъ и сдѣланное имъ во время золотой и первой желѣзно-дорожной горячки тихоокеанскаго побережья; молодой Хёрстъ сначала очень успѣшно прожигалъ жизнь на разные манеры въ Санъ-Франциско, Нью-Іоркѣ и въ Европѣ, потомъ, въ одинъ прекрасный день, когда это времяпрепровожденіе ему надоѣло, вздумалъ сдѣлаться журналистомъ и или купилъ, или основалъ большія ежедневныя газеты въ городахъ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, Чикаго, Санъ-Франциско и Лосъ-Анжелесѣ. Его можно смѣло назвать отцомъ „желтаго журнализма" въ Америкѣ. Неизвѣстно, насколько газеты эти оплачивались — милліоновъ Хёрста хватило на многіе годы и убыточнаго издательства,—но несомнѣнно то, что сотни и даже тысячи обыкновенныхъ газетъ не могутъ надѣлать ничего подобнаго тому шуму, который ежедневно производили изданія Хёрста. Ихъ motto—сенсаціонализмъ, сенсаціонализмъ во что бы то ни стало. Завѣдуютъ ими всегда очень талантливые, хотя и безусловно безпринципные люди—у нихъ наилучше оплачиваемые редакторы и репортеры по всѣмъ отраслямъ, свои собственныя телеграфныя и телефонныя проволоки по всему Союзу, спеціальные корреспонденты во всѣхъ большихъ центрахъ Стараго Свѣта—управленіе не останавливается ни передъ какими расходами, не ограничено никакою моралью, ни даже страхомъ уголовнаго суда. Ему ничего не стоитъ выдумать самую грязную, самую непозволительную исторію, оклеветать публично самаго невиннаго человѣка или учрежденіе. Если на земномъ шарѣ не происходитъ ничего изъ ряда вонъ выходящаго, Хёрстовская газета не стѣснится изобрѣсти цѣликомъ какую-нибудь мѣстную сенсацію, убійство, похищеніе, растрату. Американская „Associated Press" обыкновенно очень сдержанна и обстоятельна—Хёрстъ давно уже разстался съ ея услугами для своихъ изданій и наполнялъ ихъ исключительно собственными „спеціальными" извѣстіями и новостями.

Послѣдніе два года передъ выборами газеты эти выставили кандидатуру Хёрста въ президенты—и начали предварительную кампанію. Онѣ нападали на всѣхъ и на все, — въ особенности на болѣе или менѣе опредѣленныя фракціи въ средѣ своей собственной демократической партіи, пытаясь разбить такъ или иначе начинавшіе объединяться консервативные элементы; един-

ственнымъ лозунгомъ было—набирать себѣ сторонниковъ гдѣ бы то ни было и какой бы то ни было цѣной. Помимо разнообразныхъ, большею частью ультра-радикальныхъ заявленій по разнымъ политическимъ вопросамъ и безусловнаго поддерживанія трэдъюньонизма, Хёрстъ не предложилъ странѣ никакой опредѣленной платформы, ничего такъ или иначе оформленнаго и точнаго, — это было просто осужденіе всего существующаго, и призывъ къ выбору именно его въ президенты — наглая, ничѣмъ не прикрытая пропаганда отдѣльной личности.—Выберите меня, — а затѣмъ хоть трава не рости!—На эту пропаганду Хёрстъ извелъ до двухъ милліоновъ долларовъ, его агенты ревниво слѣдили за выборами делегатовъ, покупали ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, гдѣ только это было возможно, и добились-таки того, что ко времени открытія національной конвенціи до двухсотъ ея членовъ оказались купленными, — они обошлись Хёрсту приблизительно въ десять тысячъ долларовъ за голосъ. До чего открыто велась эта покупка—было доказано демократической конвенціей штата Калифорніи. Конвенція эта засѣдала два дня,—въ первый была принята платформа и выбрано бюро, причемъ оказалось, что у приверженцевъ Хёрста не хватило около десяти голосовъ, такъ какъ кандидатъ противниковъ былъ выбранъ въ предсѣдатели именно такимъ большинствомъ. За ночь эти недостающіе голоса были найдены и куплены—по десяти долларовъ каждый,—и на слѣдующій день полная делегація въ пользу Хёрста на національную конвенцію была выбрана именно этимъ недостававшимъ наканунѣ числомъ голосовъ. Это былъ самый откровенный, самый вопіющій политическій скандалъ,—тѣмъ не менѣе, делегація была допущена національной конвенціей, такъ какъ всѣ требуемыя формальности были соблюдены, и голосовала единогласно за Хёрста.

Независимая демократическая пресса сначала относилась къ этой куплѣ съ пренебреженіемъ и насмѣшками, затѣмъ назвала ее непозволительной дерзостью, оскорбленіемъ чести американскаго народа, но къ концу кампаніи стала обнаруживать прямо страхъ передъ возможностью назначенія Хёрста;—конечно, вся „желтая пресса“ удесятерила дѣйствительныя силы его сторонниковъ и число купленныхъ делегатовъ; передъ самой конвенціей въ демократическихъ массахъ произошло нѣчто вродѣ паники—такъ сильно пресса эта кричала о вполнѣ, якобы, уже обезпеченномъ ею успѣхѣ. Даже серьезные, вполнѣ, казалось бы, освѣдомленные люди покачивали головами и остерегались высказываться опредѣленно — такую массу пыли успѣли напу-

стить въ глаза американской публики Хёрстовскія газеты. Ничто не могло такъ блистательно доказать поразительную политическую и общественную деморализацію американскаго народа, вызванную торговопромышленнымъ кризисомъ 1893—1896 годовъ и испано-американской войной, какъ этотъ комическій страхъ цѣлой націи передъ возможностью откровенной, нахальной покупки мѣста въ Бѣломъ-Домѣ за наличныя деньги беззастѣнчивымъ, смѣлымъ билліонеромъ-претендентомъ, не имѣвшимъ на это абсолютно никакихъ правъ, кромѣ безграничной власти золота надъ современными политическими дѣльцами. Это былъ какой-то гипнозъ,— и страна вздохнула спокойно только тогда, когда телеграфъ разнесъ вѣсть о томъ, что изъ тысячи делегатовъ конвенціи оказались купленными Хёрстомъ только около двухсотъ!

Хотя въ исторіи президентской кампаніи 1904 года фракцію Хёрста и принято называть радикальной, но едвали подлежитъ сомнѣнію, что она отнюдь не заслуживаетъ такой чести. Въ ея составѣ было не больше двухъ-трехъ десятковъ наивныхъ искреннихъ людей,—остальные были просто наемники, которые едвали стѣснились бы продать свои голоса тому же Паркеру, еслибъ онъ счелъ ихъ покупку желательной. Тѣмъ не менѣе, кандидатура Хёрста несомнѣнно и разъединила, и ослабила тѣ радикальные элементы демократической партіи, которые, подъ предводительствомъ Брайяна, руководили ею за послѣднія восемь лѣтъ. Элементы эти, за отказомъ Брайяна выступить кандидатомъ, остались и безъ организаціи, и безъ предводителя. Фракція Хёрста держалась вмѣстѣ только его золотомъ; она не имѣла ничего общаго ни съ фракціей Брайяна,—къ тому же очень, сравнительно, немногочисленной,—ни съ судьбами демократической партіи вообще. Они были за Хёрста,—а затѣмъ, если онъ не могъ быть назначенъ кандидатомъ, подавали голосъ по собственному усмотрѣнію — ихъ организація не шла дальше кандидатуры одного Хёрста. Еслибъ они могли соединиться съ другими элементами принципіальной радикальной оппозиціи, они могли бы затормазить всю работу національной конвенціи демократовъ, собравшейся 4-го іюля въ городѣ Санъ-Луисѣ. Включая фракцію Хёрста, такихъ радикальныхъ элементовъ было нѣсколько больше одной трети всей конвенціи, и они могли бы, дѣйствуя заодно, продиктовать и платформу партіи, и даже кандидатовъ—или сдѣлать конвенцію недѣйствительной и необязательной для партіи, требующей большинства двухъ-третей голосовъ для законности какого-либо рѣшенія. Но Хёрстъ нисколько

не интересовался исходомъ помимо своей собственной кандидатуры, и потому его фракція не сыграла абсолютно никакой роли. Ея безсиліе было опредѣлено первымъ же голосованіемъ, и послѣ него консервативное большинство не обращало на нее ни малѣйшаго вниманія, сосредоточивъ всѣ свои усилія на то, чтобы привлечь Брайяна и его фракцію въ пользу Паркера;—такой союзъ обезпечивалъ ему нужное большинство двухъ третей голосовъ всей конвенціи. Передъ нею, въ нѣсколькихъ публичныхъ рѣчахъ, Брайянъ открыто и энергично высказался противъ кандидатуры Паркера,—и для того, чтобы заручиться его согласіемъ на эту кандидатуру, консервативному большинству пришлось поступиться заготовленной имъ платформой и сгладить ее согласно требованіямъ Брайяна.

Этотъ характерный эпизодъ—борьба одного человѣка съ значительнымъ большинствомъ всей конвенціи, продолжавшаяся двое сутокъ и окончившаяся безусловной его побѣдой—поднялъ весьма существенно упавшій-было довольно низко престижъ Брайяна и доказалъ, что и въ этой конвенціи, почти поголовно ему враждебной, онъ все-таки оказался первенствующимъ лицомъ. Достигнутый, такимъ образомъ, компромиссъ окончательно обезличилъ всю платформу, причемъ вопросъ о валютѣ былъ совершенно упущенъ,—вопросы же о тарифѣ, о трёстахъ, объ имперіализмѣ получили такую редакцію, что ничѣмъ въ сущности не отличались отъ положеній относительно ихъ платформы республиканской партіи. Брайянъ, не будучи въ состояніи провести свои завѣтныя идеи, не допустилъ и противниковъ до чего-либо опредѣленнаго,—онъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ обезличилъ консервативное большинство настолько, что и вся платформа оказалась не чѣмъ инымъ, какъ ничего не значащимъ фарсомъ. На мой взглядъ, Брайянъ оказался гораздо дальновиднѣе своихъ противниковъ: согласившись на ихъ кандидата, онъ въ то же время окончательно дискредитировалъ консервативное большинство въ глазахъ массъ своей партіи и принудилъ его собственными руками вырыть свою же политическую могилу. Бельмонтъ, Хиллъ и К° получили свое дѣтище Паркера, но при условіи неизбѣжнаго пораженія, благодаря той платформѣ, на которую его поставилъ Брайянъ.

Въ такомъ видѣ платформа была принята конвенціей, единогласно,—какъ единогласно же, на первомъ же голосованіи, былъ назначенъ кандидатомъ и Паркеръ.

Будучи извѣщенъ о текстѣ платформы и о своемъ назначеніи въ кандидаты, Паркеръ немедленно прислалъ конвенціи слѣ-

дующую телеграмму: „Я полагаю, что золотая валюта установлена твердо и безповоротно, и буду дѣйствовать соотвѣтственно, если буду избранъ. Такъ какъ платформа не упоминаетъ объ этомъ вопросѣ, конвенція должна быть освѣдомлена о моемъ къ нему отношеніи, и если оно не одобряется большинствомъ, прошу принять мой отказъ отъ назначенія, дабы другое лицо могло быть назначено, прежде чѣмъ конвенція закончится". Послѣ долгаго совѣщанія вожаковъ, конвенція отвѣтила на эту телеграмму слѣдующимъ образомъ:

„Платформа, принятая конвенціей, не упоминаетъ о валютѣ, потому что вопросъ этотъ не можетъ играть никакой роли въ настоящей кампаніи,—а только такіе вопросы и перечислены въ платформѣ. Поэтому во взглядѣ, изложенномъ въ вашей телеграммѣ, нѣтъ ничего, что̀ могло бы препятствовать человѣку, его раздѣляющему, принять назначеніе на этой платформѣ".

Такимъ образомъ, и волки оказались сыты, и овцы остались цѣлы. Ни національная демократическая конвенція 1904 г., ни Паркеръ не одобрили золотой валюты;—первая просто признала ее неподлежащей обсужденію въ настоящую кампанію, а второй—только твердо установленной, хотя прежде оба дважды голосовали противъ нея.

Эпизодъ съ этими телеграммами создалъ у насъ цѣлую огромную литературу предмета. Нѣтъ во всей странѣ ни одного журнала, ни одной газеты, которые не обсуждали бы его съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Сторонники Паркера провозгласили его чуть ли не величайшимъ человѣкомъ всего міра за его твердость и прямодушіе. На меня же лично эпизодъ этотъ произвелъ самое непріятное, самое тяжелое впечатлѣніе, какъ блистательный образчикъ того отвратительнаго лицемѣрія, которое царствуетъ у насъ вездѣ и всюду. Это какая-то недостойная игра въ прятки, обморачиваніе и публики, и самихъ себя, по поводу самыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ.

Развѣ прилично національной конвенціи великой политической партіи великой и свободной страны, подобно глупому страусу, прятать свою голову въ кустъ? Развѣ прилично кандидату въ президенты умышленно молчать нѣсколько лѣтъ относительно всего, что̀ касается предполагаемаго имъ управленія страной, дабы уловить нѣсколько лишнихъ голосовъ, и, когда лицемѣріе верховнаго совѣта партіи приперло его наконецъ къ стѣнѣ, ссылаться не на свое собственное мнѣніе, а на „твердо установленное" кѣмъ-то положеніе?

„Въ многоглаголаніи нѣсть спасенія"—къ сожалѣнію, въ

настоящую кампанію обѣ партіи совершенно упустили изъ виду эту истину. Платформа демократической партіи состоитъ изъ 28 параграфовъ и занимаетъ собою $7^1/_2$ страницъ убористой печати,—а республиканской 26 параграфовъ и 6 страницъ. Демократическая платформа длиннѣе, потому что партія не у дѣлъ, и посвятила около двухъ страницъ уличеніямъ своихъ политическихъ противниковъ въ разныхъ преступленіяхъ по должности. Это, впрочемъ, обычное явленіе въ американской политикѣ—партія не у дѣлъ всегда уличаетъ въ чемъ-нибудь партію въ силѣ.

Въ кандидаты въ вице-президенты былъ назначенъ безъ всякой оппозиціи Дэвисъ, архи-милліонеръ изъ штата Западной Вирджиніи, желѣзнодорожникъ, дѣлецъ и открытый другъ капитала и трёстовъ. Ему 82 года; онъ ничѣмъ никогда не выдавался на общественномъ поприщѣ, кромѣ своихъ безспорныхъ дѣловыхъ успѣховъ, и его назначеніе было сдѣлано въ надеждѣ, что онъ щедро удѣлитъ отъ своихъ богатствъ въ пользу фонда кампаніи. Паркеръ—человѣкъ хотя и состоятельный, но далеко не богатый въ современномъ американскомъ смыслѣ этого понятія, а политическія кампаніи стоятъ теперь огромныхъ денегъ, и изысканіе необходимыхъ средствъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ успѣха.

Такъ какъ платформы партій въ сущности тождественны,—личности кандидатовъ получаютъ особенное значеніе. Какъ уже было упомянуто выше, о судьѣ Паркерѣ американскій народъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго понятія, и его предшествовавшія аффиліаціи въ политическомъ мірѣ сыграли немалую роль въ мало-по-малу образовывавшихся о немъ представленіяхъ нашего общественнаго мнѣнія. По моимъ наблюденіямъ, заурядный американецъ относится очень безразлично къ тому, что думаетъ извѣстный кандидатъ по поводу разныхъ отвлеченныхъ, такъ сказать, этическихъ вопросовъ. Такъ, напр., вопросъ объ имперіализмѣ никогда не интересовалъ наши массы — только самое незначительное меньшинство сознаетъ его значеніе. Наоборотъ, вопросъ объ отношеніи извѣстнаго кандидата къ трёстамъ, къ организованному труду, къ правительственному регулированію желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ тарифовъ занимаетъ эти массы до чрезвычайности. Правильно или нѣтъ, о Паркерѣ очень скоро сложилось такое мнѣніе, что онъ—врагъ юньонизма и другъ трёстовъ и всякихъ другихъ монополій. Какъ предсѣдателю верховнаго суда штата Нью-Іорка, ему пришлось рѣшить нѣсколько крупныхъ принципіальныхъ дѣлъ.

по поводу правоспособности рабочихъ союзовъ—въ этихъ рѣшеніяхъ публика усмотрѣла односторонность, стремленіе ограничить союзы, осудить нѣкоторые изъ наиболѣе чувствительныхъ ихъ средствъ къ самообороне. Огромное распространеніе въ прессѣ и народныхъ массахъ получило сдѣланное имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ публичное заявленіе о томъ, что чернорабочій долженъ бы былъ довольствоваться заработной платой не свыше одного доллара въ день. Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе укоренялось убѣжденіе и въ томъ, что онъ въ душѣ союзникъ трёстовъ, такъ какъ всѣ его политическіе друзья, въ особенности же люди, хлопотавшіе о его назначеніи въ кандидаты, являются представителями различныхъ монополій и, конечно, не хлопотали бы о немъ такъ усердно, еслибъ не были увѣрены въ его дѣйствительныхъ симпатіяхъ. Говорили много и объ его холодности, неотзывчивости къ человѣческимъ слабостямъ; утверждали, что если онъ, вѣроятно, и нелицепріятный судья, то долгое судейство зачерствило его душу, и сдѣлало его сухимъ формалистомъ. Вообще, его личность не только не возбуждала энтузіазма, но не могла принести ему даже и заурядной популярности.

Національныя демократическія конвенціи никогда не отличались особеннымъ порядкомъ—въ нихъ обыкновенно преобладаютъ южане, а они отличаются и своей неукротимостью, и предубѣжденіемъ противъ всякихъ формальностей. Описываемая конвенція не только не составляла исключенія въ этомъ отношеніи, но и отличалась особеннымъ безпорядкомъ. Ея предсѣдателемъ былъ выбранъ Шарпъ Вильямсъ, вожакъ демократовъ въ федеральной палатѣ представителей, членъ ея отъ штата Миссисипи, человѣкъ очень образованный, находчивый и остроумный, но физически очень слабый и совсѣмъ безголосый—онъ не былъ въ состояніи справиться съ буйными элементами въ зрительныхъ трибунахъ, и они своимъ безпрестаннымъ вмѣшательствомъ, своими свистками, шиканьемъ и апплодисментами обратили конвенцію въ какой-то Бэдламъ. Къ сожалѣнію, среди тысячи делегатовъ не оказалось ни одного первокласснаго оратора—Брайянъ былъ очень утомленъ, его голосъ надорванъ, и вся конвенція прошла очень вяло и не дала ни одной вспышки энтузіазма или увлеченія. Вообще, демократы, повидимому, работали спустя рукава,—у нихъ съ самаго начала не было серьезной надежды на возможность побѣды.

II.

За послѣднее десятилѣтіе республиканская партія упрочила и усилила свою партійную организацію до небывалаго еще въ исторіи американской политики совершенства въ смыслѣ централизаціи власти. Національная конвенція 1900 года, назначившая на второй тэрмъ покойнаго Макъ-Кинлэя, была лишена всякаго интереса, такъ какъ и платформа, и кандидатъ, были окончательно предрѣшены до ея собранія, нисколько и ни въ чемъ не зависѣли отъ ея усмотрѣнія, и она была въ сущности только ратификаціонной формальностью, требуемой политическими обычаями страны. Единственнымъ ея актомъ, не вполнѣ предопредѣленнымъ національной партійной организаціей, оказалось назначеніе въ вице-президенты Рузевельта. Федеральные сенаторы отъ штата Пенсильваніи — Квэй и отъ штата Нью-Іорка—Платтъ, давніе политическіе союзники и единомышленники, не пожелали въ то время окончательно стушеваться, и достигли своей цѣли—удаленія Рузевельта съ политической арены штата Нью-Іорка, въ которомъ онъ былъ губернаторомъ и яблокомъ партійнаго раздора, наперекоръ желаніямъ Макъ-Кинлэя и его друзей. Партійная организація уступила имъ не потому, что не могла одолѣть ихъ вліянія, а потому, что не считала вопроса существеннымъ; только благодаря неожиданной смерти Макъ-Кинлэя, конфликтъ этотъ получилъ такое серьезное значеніе и для исторіи Союза, и для будущаго республиканской партіи. Рузевельтъ еще болѣе скрѣпилъ и усилилъ ея организацію,—мало-по-малу онъ одолѣлъ одинъ за другимъ всѣ оппозиціонные ему элементы и, къ іюню 1904 года, ко времени созыва новой національной конвенціи, оказался абсолютнымъ диктаторомъ своей партіи. Никогда еще ея организація не была такъ компактна, такъ эффектна,—никогда еще Бѣлый-Домъ въ Вашингтонѣ не бывалъ такимъ всестороннимъ, такимъ абсолютнымъ хозяиномъ политическаго положенія страны.

Еще задолго до созыва національной конвенціи республиканской партіи 1904 года ея личный составъ былъ намѣченъ едвали не до послѣдняго человѣка, платформа была составлена и оба кандидата назначены—ни той, ни имъ не предвидѣлось ни малѣйшей оппозиціи. Вожаки партіи, такъ называемые у насъ политическіе „боссы“, предрѣшили и покончили заблаговременно всю эту работу, которая предполагалась быть результатомъ совѣщанія

именно свободной національной конвенціи выбранныхъ партіей делегатовъ. Въ дѣйствительности же, делегаты эти съѣзжались только чтобы ратификовать совершившіеся факты, уже вполнѣ готовую работу другихъ людей, безъ какой бы то ни было возможности возраженія противъ нея или принятія въ ней активнаго участія. Хуже всего было то, что все это было досконально извѣстно не только вожакамъ и делегатамъ, но и всей странѣ. Конвенція не возбуждала ни малѣйшаго интереса съ чьей бы то ни было стороны. Было извѣстно, что платформа составлена и формулирована окончательно федеральнымъ сенаторомъ отъ штата Массачузетса, Лоджемъ, и что предназначенный свыше быть предсѣдателемъ конвенціи бывшій военный министръ Рутъ въ своей первой рѣчи обрисуетъ положеніе республиканской партіи и обоснуетъ и освѣтитъ предлагаемую платформу. Лоджъ и Рутъ—самые выдающіеся, самые талантливые современные американскіе политиканы—и оба закадычные друзья Рузевельта и его самые вліятельные совѣтники. Программа эта и была разыграна какъ по нотамъ. Не было ни возраженій, ни свободнаго обсужденія — все шло какъ по маслу, подготовленное и предрѣшенное. „Гвоздемъ" и платформы, и рѣчи Рута оказались успѣхи республиканской политики: народное благосостояніе, престижъ Союза въ международныхъ дѣлахъ—весьма краснорѣчивое славословіе настоящему режиму и мудрости и честности президента Рузевельта. Для всего этого имѣлись нѣкоторыя основанія; тѣмъ не менѣе, читая протоколы конвенціи и всѣ произнесенныя на ней хвастливыя рѣчи, невольно приходишь къ тому заключенію, что весь этотъ театральный эффектъ сильно отдаетъ и преувеличеніемъ, и мишурой,—дѣйствительно великіе люди въ американской исторіи никогда прежде не прибѣгали къ подобнымъ банальнымъ пріемамъ. Говорили только отборнѣйшіе ораторы, царствовалъ во всемъ изумительный порядокъ, не приключилось ни одной вспышки, ни малѣйшей задоринки; каждое слово, произнесенное съ трибуны, было предварительно обдумано, взвѣшено и одобрено синклитомъ вожаковъ; это было театральное представленіе, превосходно разученное и разыгранное опытными первоклассными артистами. Даже время открытія, перерывовъ и закрытія было опредѣлено заранѣе въ точности. Это была самая короткая, самая безцвѣтная изъ всѣхъ національныхъ конвенцій, когда-либо происходившихъ въ американскомъ Союзѣ.

Всякій независимый избиратель, не состоящій въ партійномъ рабствѣ, долженъ былъ неизбѣжно глубоко призадуматься надъ

рѣзкой разницей между республиканской и демократической національными конвенціями 1904 года. Первая поражаетъ своей безполезностью, своей абсолютной ненужностью. Зачѣмъ было съѣзжаться на конвенціи графствъ и штатовъ, выбирать делегатовъ, интриговать и входить во всѣ эти огромные расходы, если дюжина вожаковъ предрѣшила все напередъ самымъ безапелляціоннымъ образомъ? Делегаты оказались не только несвободными, но и съ герметически завязаннымъ ртомъ. Даже многія республиканскія газеты отозвались на это политическое рабство самыми злыми каррикатурами. Появилось и немало серьезныхъ сомнѣній въ томъ, не устарѣла ли настоящая система организаціи партій и не утратили ли національныя конвенціи—этотъ выработанный почти столѣтнимъ опытомъ, практическій, неписанный методъ приведенія американской конституціи въ исполненіе—свое первоначальное значеніе? Не исключаетъ ли онъ, при современной обстановкѣ, свободное народное участіе въ руководствѣ партійной дѣятельности, и если да, то какъ его замѣнить или исправить?

Демократическая конвенція была несомнѣнно свободной—но, можетъ быть, только по наружности. Въ ней, кромѣ назначенія Паркера, и то лишеннаго практическаго значенія, ничто не произошло такъ, какъ предполагало большинство. Зато въ ней царствовалъ хаосъ, и результаты ея работы были, пожалуй, еще менѣе удовлетворительны въ практическомъ смыслѣ. Демократическая партія очевидно раскололась на непримиримыя фракціи;—стремленіе объединить ихъ, найти общую почву и такимъ образомъ водворить между ними гармонію обезличило ихъ и привело къ безсильной, практически никуда негодной и ничего не выражающей платформѣ.

Платформа республиканцевъ не выдвинула ни одного новаго вопроса, не освѣтила ни одного серьезнаго принципа. Возникшее-было въ рядахъ партіи въ нѣсколькихъ западныхъ штатахъ, въ особенности въ Эйоуэ, недовольство нѣкоторыми статьями слишкомъ высокаго протекціоннаго тарифа было подавлено съ большой суровостью еще до конвенціи, и передовой адвокатъ этого недовольства, губернаторъ Куммингсъ, оставленъ не у дѣлъ. Платформа просто восхваляла дѣла своей партіи, пѣла благодарственный гимнъ Рузевельту и просила націю оставить власть въ его рукахъ и на слѣдующее четырехлѣтіе на тѣхъ же основаніяхъ, которыя выразились его управленіемъ въ теченіе прошлаго тэрма. Она была принята конвенціей безъ малѣйшихъ возраженій, и такъ же единогласно были назначены

въ кандидаты—въ президенты Рузевельтъ и въ вице-президенты Фэрбанксъ, федеральный сенаторъ отъ штата Индіаны.

Говорятъ, что сначала назначеніе кандидата въ вице-президенты предполагалось оставить на благоусмотрѣніе конвенціи, дабы самостоятельнымъ рѣшеніемъ хотя бы этого второстепеннаго вопроса хоть сколько-нибудь признать ея дѣйствительную законную юрисдикцію. Но еще задолго до ея созыва стало выясняться, что въ такомъ случаѣ окажется весьма вѣроятнымъ назначеніе въ кандидаты члена федеральной палаты представителей отъ штата Иллинойса, Хитта, человѣка лично непріятнаго Рузевельту. Тогда программа эта была измѣнена, и делегаціи отъ штата Нью-Іорка внушено высказаться публично за Фэрбанкса, чѣмъ и было окончательно предрѣшено его назначеніе. Фэрбанксъ — человѣкъ съ долгимъ и серьезнымъ политическимъ прошлымъ, и хорошо извѣстенъ всему Союзу,—но и онъ страдаетъ непримиримымъ партизанствомъ и считается однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ Рузевельта.

Теодоръ Рузевельтъ давно стоитъ въ первомъ ряду самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Союза, и мнѣ уже много разъ приходилось писать о немъ. Проведенные имъ въ Бѣломъ-Домѣ три съ половиною года не даютъ никакихъ основаній къ тому, чтобы хоть сколько-нибудь измѣнить уже данную мною его характеристику. Онъ прежде всего—человѣкъ импульса, и почти невозможно предвидѣть, какъ онъ поступитъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Однако уже выяснилось окончательно то, что онъ гораздо лучшій политиканъ въ практическомъ смыслѣ, чѣмъ это предполагалось. Сдѣлавшись президентомъ, онъ не только бросилъ свою роль политическаго enfant terrible и пересталъ антагонизировать вожакамъ своей собственной партіи,—что онъ дѣлалъ постоянно, будучи губернаторомъ штата Нью-Іорка,—но и очень искусно заслужилъ ихъ довѣріе и даже благорасположеніе, несмотря на непримиримыя различія въ ихъ личностяхъ во многихъ случаяхъ. Это умѣнье ладить съ ними, добиться ихъ общей поддержки и съ ихъ помощью подавлять время отъ времени появляющіеся оппозиціонные элементы—доказало неподозрѣвавшіяся въ немъ доселѣ организаціонныя способности и гибкость характера. Рузевельтъ довольно часто мѣняетъ своихъ министровъ, иногда довольно неожиданно для публики, и его назначенія нерѣдко кажутся эксцентричными,—тѣмъ не менѣе, всѣ эти перемѣны несомнѣнно укрѣпляли партійную организацію и въ этомъ отношеніи всегда были очень цѣлесообразны. Зато сравнительная независимость самихъ министровъ несомнѣнно

значительно уменьшилась,—за исключеніемъ министра иностранныхъ дѣлъ Хэя, сумѣвшаго удержать за собою свое англофильское вліяніе, которымъ онъ широко пользовался еще при Макъ-Кинлэѣ,—современные министры перестали представлять собою извѣстную програму или систему, тѣмъ болѣе, что Рузевельтъ часто дѣлаетъ самостоятельныя распоряженія, особенно въ дѣлѣ личныхъ назначеній.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Рузевельтъ безусловно честный человѣкъ, повидимому, вполнѣ искренно стремящійся къ искорененію многочисленныхъ злоупотребленій въ сложной федеральной правительственной машинѣ, и что въ этихъ видахъ онъ по временамъ мало передъ чѣмъ останавливается,—тѣмъ не менѣе, хотя сколько-нибудь значительнаго успѣха въ этомъ направленіи онъ не имѣлъ, такъ какъ такой успѣхъ не подъ силу одному человѣку обыкновеннаго калибра, хотя бы и президенту Союза, при современномъ общемъ упадкѣ дѣловой и всякой другой морали въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ дѣятельности Рузевельта, какъ президента, ярко выдѣляются три эпизода, каждый изъ которыхъ, на мой взглядъ, ясно доказываетъ, что онъ, во-первыхъ, человѣкъ почти исключительно импульса, а во-вторыхъ, что онъ серьезно склоненъ къ диктаторству, къ попранію законныхъ ограниченій его власти и общепринятыхъ общественныхъ требованій.

Когда углекопная стачка 1902 года упорно не поддавалась обычнымъ въ такихъ случаяхъ мѣропріятіямъ и грозила сдѣлаться серьезнымъ государственнымъ бѣдствіемъ, онъ остановилъ ее и внезапно и прямо по-диктаторски, создавъ ни однимъ закономъ не установленную спеціальную коммиссію съ правомъ разрѣшить споръ обязательно для обѣихъ сторонъ. Мѣра эта удалась только въ томъ отношеніи, что работа немедленно возобновилась и угольный кризисъ благополучно миновалъ,—но не только прочнаго, а и какого бы то ни было дѣйствительнаго рѣшенія спора не послѣдовало, такъ какъ обѣ стороны остались недовольны рѣшеніями коммиссіи и не подчинились ея требованіямъ, такъ что все дѣло и до сихъ поръ тянется въ разнообразныхъ судахъ и отнюдь не можетъ считаться законченнымъ. Тѣмъ не менѣе, острый кризисъ былъ успѣшно устраненъ, также какъ и казавшееся неизбѣжнымъ кровопролитіе;—Рузевельтъ взялъ на себя отвѣтственность дѣйствія внѣ закона, и эта смѣлость только подняла его репутацію въ глазахъ массъ,—хотя и была, и останется осужденной какъ диктаторство въ глазахъ всѣхъ почитателей законности.

Сознавая все значеніе трёстовъ и монополій въ нашей современной экономической и политической жизни, Рузевельтъ постоянно пытается ограничить нѣкоторыя, наиболѣе опасныя, стороны ихъ дѣятельности. Дабы организовать постоянное надъ ними правительственное наблюденіе, онъ создалъ новое министерство—промышленности и торговли—и назначилъ очень способныхъ и ловкихъ людей и министромъ, и начальниками департаментовъ въ немъ. Но министерство это, само по себѣ, совершенно безсильно, и, повидимому, покуда по крайней мѣрѣ, довольствуется ролью отлично обставленнаго статистическаго бюро. Безъ энергичной помощи министерства юстиціи оно не можетъ завести ни одного дѣла, — а это послѣднее безспорно хромаетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Рузевельтъ перемѣнилъ уже нѣсколькихъ министровъ юстиціи—но всѣ они, не исключая и настоящаго, не проявляютъ большого желанія выступить открыто противъ трёстовъ. Было начато нѣсколько изслѣдованій и судебныхъ дѣлъ, разрѣшено окончательно верховнымъ судомъ Союза только одно—о компаніи сѣверныхъ бумажныхъ цѣнностей—„Northern Securities Company“— и то только на бумагѣ. Дѣло это, очень у насъ громкое, состоитъ въ незаконной консолидаціи двухъ сѣверо-западныхъ трансконтинентальныхъ дорогъ, „Northern Pacific“ и „Great Northern“, съ нѣсколькими восточными желѣзнодорожными линіями, и хотя верховный судъ и призналъ ее противозаконной и подлежащей упраздненію на практикѣ, она все еще существуетъ во всей своей первоначальной цѣлостности, и, по всѣмъ видимостямъ, такъ и останется въ дѣйствіи. Преслѣдованіе мясного трёста, не въ мѣру жаднаго, окончательно провалилось во всѣхъ инстанціяхъ—публика прямо обвиняетъ оба министерства—и юстиціи, и промышленности и торговли—не только въ вялости и неумѣлости этого преслѣдованія, но и въ умышленности ихъ ошибокъ и пораженій. Въ настоящее время идетъ очень громкое преслѣдованіе—и федеральное, и нѣсколькихъ штатовъ, въ особенности Канзаса и Тексаса—противъ отца всѣхъ американскихъ трёстовъ, знаменитой „Standard Oil Company“. Штаты, можетъ быть, и выживутъ его на нѣкоторое время изъ своихъ предѣловъ, хотя и это болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ успѣшная чисто экономическая конкурренція съ нимъ останется прямо невозможной вслѣдствіе его громадныхъ промышленныхъ и торговыхъ преимуществъ на общемъ рынкѣ страны, преимуществъ, съ которыми ни одна отдѣльная мѣстность не въ состояніи бороться; простое же признаніе закономъ неправильности его дѣйствій не можетъ имѣть

никакого практическаго результата. Федеральное же преслѣдованіе окажется еще болѣе смѣшнымъ фарсомъ, чѣмъ покойное уже преслѣдованіе мясного трёста.

Не довольствуясь этими дѣлами, Рузевельтъ взялся и за правительственное регулированіе нѣкоторыхъ междуштатныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ и приданіе спокойно спящей уже около десятилѣтія „Interstate Commerce Commission“ болѣе активнаго значенія. Но и это его начинаніе встрѣтило упорное противодѣйствіе и въ федеральномъ сенатѣ, и даже въ министерствѣ;—его настоящій морской министръ и близкій личный другъ Поль Мортонъ оказался лично виновнымъ въ самыхъ нахальныхъ дискриминаціяхъ въ пользу большихъ грузоотправителей на контролируемой имъ желѣзнодорожной системѣ „Atchison, Topeka & Santa Fe“, одной изъ значительныхъ въ Америкѣ, а приглашенные Рузевельтомъ для личныхъ совѣщаній президенты нѣсколькихъ самыхъ крупныхъ дорогъ единогласно высказались противъ — не только цѣлесообразности, но и практической возможности ограниченія ихъ свободы дѣйствій.

И въ эпизодѣ преслѣдованія „Northern Securities Company“, какъ и въ эпизодѣ углекопной стачки, Рузевельтъ лично руководилъ дѣломъ, и также не разъ преступалъ прямые законы и въ своемъ нетерпѣніи игнорировалъ очень многое. Партизанская пресса восхваляла его храбрость, и не подлежитъ сомнѣнію, что его личная популярность въ народныхъ массахъ постоянно подогрѣвалась этими его донъ-кихотскими экскурсіями въ міръ трёстовъ и монополій. Но въ практическомъ смыслѣ результаты оказывались въ каждомъ случаѣ только плачевными.

Третьимъ выдающимся эпизодомъ въ дѣятельности Рузевельта, какъ президента, оказалось приглашеніе на обѣдъ въ Бѣлый Домъ директора негритянской технической школы въ штатѣ Алабамѣ, въ мѣстечкѣ Тускеджи, негра Букера Вашингтона. Приглашеніе это вызвало во всей странѣ настоящую бурю, которая, хотя нѣсколько и поулеглась теперь, черезъ два года послѣ эпизода, тѣмъ не менѣе, все еще часто даетъ о себѣ знать весьма чувствительно, и, по моему мнѣнію, не успокоится окончательно, пока Рузевельтъ не умретъ. Русскому читателю, въ особенности либеральному, невозможно понять все значеніе этого пустого, повидимому, эпизода, во всей его полнотѣ. Негръ и до сихъ поръ составляетъ яблоко раздора между Сѣверомъ и Югомъ. Этотъ послѣдній вполнѣ примирился съ его освобожденіемъ и экономическими его послѣдствіями, но, повидимому, никогда не примирится съ идеей равенства негра съ бѣлымъ, какъ политиче-

скаго, такъ и, въ особенности, общественнаго. Теперь негръ безусловно лишенъ избирательныхъ правъ на Югѣ и, какъ общественный дѣятель, какъ чиновникъ, немыслимъ тамъ почти повсемѣстно. Сѣверъ ворчалъ и ворчитъ и теперь противъ этого узаконеннаго беззаконія, но ничего не предпринялъ, да, по всѣмъ видимостямъ, ничего не предприметъ и въ будущемъ. Дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ улучшеніе отношеній между Сѣверомъ и Югомъ признается обѣими сторонами не только желательнымъ, но и необходимымъ для дальнѣйшаго процвѣтанія Союза. Поколѣніе, вынесшее на своихъ плечахъ междоусобную войну 1861—1865 годовъ, почти совсѣмъ сошло уже со сцены, и настоящіе дѣятели, и, въ особенности, молодежь, уже не пропитаны горечью пораженія на Югѣ и чувствомъ превосходства на Сѣверѣ; имъ легче понимать другъ друга, легче столковаться и работать за-одно. Испано-американская война и искусная политика Макъ-Кинлэя въ теченіе ея и послѣ нея чрезвычайно способствовали этому постепенному примиренію, облегчили и ускорили его; можно было надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ всѣ слѣды этой жестокой и кровавой распри исчезнутъ и страна опять окончательно объединится. Нужно знать кипучую, неукротимую натуру настоящаго американскаго южанина, его нервность, подозрительность и предразсудки, дабы понимать всю ту осторожность, даже утонченную деликатность, которую необходимо было проявлять федеральнымъ общественнымъ дѣятелямъ республиканской партіи для того, чтобы не портить этого сближенія, такъ важнаго для всей страны. Макъ-Кинлэй отлично понималъ все это, постоянно дѣйствовалъ соотвѣтственно этому и несомнѣнно довелъ бы дѣло сближенія до благополучнаго конца, еслибы не былъ убитъ. Своимъ приглашеніемъ Букера Вашингтона къ обѣду Рузевельтъ опять отдалилъ это сближеніе на неопредѣленное время и, въ то же время, несомнѣнно повредилъ дѣлу негритянской расы въ Америкѣ вообще, возбудивъ противъ нея самое острое чувство на всемъ Югѣ и отчасти и на Сѣверѣ. Югъ принялъ это за вызовъ, хуже—за пощечину. Въ политическомъ смыслѣ этотъ обѣдъ былъ грандіознѣйшей безтактностью, непростительной импульсивностью, чрезвычайно опасною въ такомъ крупномъ общественномъ дѣятелѣ. Что Рузевельтъ сознаетъ это и самъ, ясно изъ того, что съ нѣкоторыхъ поръ упорно распространяется новая версія всего эпизода, идущая прямо изъ Бѣлаго-Дома и состоящая въ томъ, что никакого предварительнаго приглашенія къ обѣду не было, а что президентъ, заинтересовавшись завязавшимся разговоромъ и не имѣя возможности

отложить его до другого раза, за близкимъ отъѣздомъ Вашингтона изъ столицы, желалъ тогда же окончить этотъ разговоръ и необдуманно оставилъ его къ обѣду, который былъ, между тѣмъ, поданъ, такъ какъ это былъ единственный путь къ достиженію цѣли. Дабы освѣтить этотъ эпизодъ вполнѣ, необходимо прибавить, что Букеръ Вашингтонъ не только не пользуется симпатіями интеллигентныхъ негритянскихъ сферъ въ Америкѣ, но и, наоборотъ, рѣзко осуждается ими за всю его дѣятельность. Его открыто обвиняютъ въ томъ, что онъ продался бѣлымъ, играетъ въ ихъ руку; что, проповѣдуя исключительно ремесленное образованіе для негровъ, какъ рѣшеніе расовой проблемы Америки, онъ сознательно ставитъ ихъ въ положеніе низшей расы, способной только на ручной трудъ, и тѣмъ лишаетъ ихъ по справедливости принадлежащаго имъ мѣста въ человѣческой семьѣ народовъ. Пригласивъ его обѣдать съ собой, Рузевельтъ не угодилъ ни бѣлымъ, ни чернымъ, и только вызвалъ ненужную, вредную рознь, броженіе, которое не можетъ не задержать весьма существенно излеченія старыхъ ранъ, изнурительныхъ для всего государственнаго организма. Я лично никогда не симпатизировалъ Югу, но, будучи врагомъ всякаго насилія, всякой централизаціи, признаю за нимъ безусловное право на его обычаи и даже предразсудки, и нисколько не удивляюсь, что онъ счелъ себя кровно обиженнымъ.

Популисты, какъ третья политическая партія, со времени ихъ несчастной коалиціи съ демократами въ кампанію 1896 года, постепенно утратили всякое значеніе; въ настоящую кампанію они имѣли самостоятельный тикетъ далеко не во всѣхъ штатахъ. Ихъ кандидатомъ въ президенты былъ Ватсонъ, изъ штата Джорджіи, бывшій въ 1896 году самостоятельнымъ кандидатомъ популистовъ въ вице-президенты, человѣкъ энергичный и искренній, но и онъ не только не могъ вдохнуть душу въ мертвое тѣло популизма, но и даже придать своей кампаніи хоть какой-нибудь, хоть мѣстный интересъ. Онъ свирѣпо возставалъ противъ Паркера, представлялъ его прямымъ кандидатомъ интересовъ Wall Street'а и трёстовъ, и если и не успѣлъ привлечь избирателей въ свою пользу,—несомнѣнно уменьшилъ, болѣе или менѣе существенно, число поданныхъ за Паркера голосовъ. Интересно то, что остатки популистовъ, повидимому, ничего не имѣли противъ Рузевельта и республиканской партіи, но проявили удивительную злобу къ своимъ недавнимъ союзникамъ—демократамъ.

Прогибиціонисты также участвовали въ кампаніи съ своимъ обычнымъ кандидатомъ въ президенты Сваллоу, и по обыкновенію не играли никакой роли, благодаря крайней односторонности и непрактичности своей платформы.

Соціалисты выставили два тикета — соціально-рабочій и соціалистическій, съ извѣстнымъ Юджиномъ Дебсомъ, какъ кандидатомъ въ президенты. Послѣ крайне неудачной великой желѣзнодорожной стачки 1894 года, Дебсъ основалъ соціалистическую земледѣльческую колонію въ штатѣ Юго, тоже окончившуюся въ скоромъ времени полнымъ распаденіемъ и большими убытками основателямъ и участникамъ. Затѣмъ онъ довольно долго не появлялся на общественной аренѣ—и выплылъ опять, какъ кандидатъ въ президенты, на соціалистическомъ тикетѣ, послѣ того какъ назначеніе Паркера оттолкнуло отъ нея радикальные элементы демократической партіи.

III.

Прошлая политическая кампанія была безспорно самой вялой и безцвѣтной изъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ мнѣ пришлось принимать участіе за четверть вѣка моей жизни въ Америкѣ. Отсутствіе какихъ-либо дѣйствительныхъ принципіальныхъ различій между партіями дѣлало какой-либо серьезный споръ невозможнымъ; воображаемые противники, разъ они обладали достаточнымъ развитіемъ, не могли не видѣть, что спорить можно было только о формѣ, а отнюдь не о существѣ. Поэтому ни обычной народной борьбы, ни даже сколько-нибудь замѣтнаго возбужденія въ народныхъ массахъ совсѣмъ не было,—публичные митинги не посѣщались, было гораздо меньше дебатовъ, даже обычная на всякихъ выборахъ спеціальная партійная пресса выпускалась въ гораздо меньшихъ размѣрахъ и не находила обычныхъ читателей. Борьба была, и довольно свирѣпая, но почти исключительно между партійными организаціями, между профессіональными политиканами и кандидатами на разныя должности,—она не отзывалась замѣтно на народонаселеніи страны. Исключеніе составляли тѣ штаты и мѣстности, гдѣ національные выборы совпадали съ мѣстными; во многихъ мѣстахъ эти послѣдніе были даже чрезвычайно оживлены, какъ читатель усмотритъ ниже, именно благодаря безцвѣтности и безсодержательности національныхъ платформъ.

Единственный, нѣсколько оживившій кампанію, инцидентъ случился въ самомъ ея концѣ, недѣли за двѣ до выборовъ.

Предсѣдателемъ исполнительнаго комитета республиканской партіи былъ Кортелью, сначала личный секретарь президентовъ Макъ-Кинлэя и Рузевельта, затѣмъ назначенный послѣднимъ министромъ вновь учрежденнаго министерства торговли и промышленности, молодой человѣкъ очень способный и бойкій, необычайно быстро поднявшійся изъ простыхъ клерковъ въ министры. Когда въ теченіе кампаніи выяснилось, что республиканцы гораздо лучше снабжены деньгами для успѣшной политической работы, чѣмъ демократы, Паркеръ выступилъ въ газетахъ съ открытымъ обвиненіемъ Кортелью въ томъ, что онъ, пользуясь, какъ министръ, своимъ знаніемъ дѣлъ разныхъ сомнительныхъ трёстовъ, вынуждаетъ ихъ на пополненіе своего кампанейскаго фонда по мѣрѣ надобности. Обвиненіе это, вѣроятно, имѣло нѣкоторыя основанія,—но доказать его, конечно, не было возможности, и самъ Рузевельтъ немедленно выступилъ съ самымъ энергичнымъ публичнымъ же его опроверженіемъ. Эпизодъ этотъ вызвалъ очень горячую полемику между крайними партизанами,—но врядъ ли имѣлъ какое-либо вліяніе на исходъ кампаніи. Взяточничество всякаго рода теперь такъ распространено въ Америкѣ, не только въ политической, но и въ частной жизни, что имъ у насъ никого не удивишь, а въ политикѣ давно уже все рѣшительно считается дозволительнымъ. Что въ массахъ партій господствовало недовольство работой національныхъ конвенцій, что массы эти всевозможными способами пытались выразить свое неодобреніе диктаторству вожаковъ республиканцевъ и непрактичному и неудачному компромиссу вожаковъ демократовъ—было блистательно доказано результатами выборовъ. Серьезный анализъ выборной статистики, дѣйствительно, даетъ нѣкоторые чрезвычайно интересные выводы, которые и являются единственнымъ поучительнымъ факторомъ настоящей кампаніи.

Общее число поданныхъ во всей странѣ голосовъ равняется на этотъ разъ только 13.508.496—на цѣлыхъ 460.078 голосовъ меньше, чѣмъ было подано въ президентскую кампанію 1900 года, четыре года тому назадъ, и на 405.998 меньше, чѣмъ въ президентскую кампанію 1896 года, восемь лѣтъ тому назадъ. Высчитывали, что въ 1900 г. свыше милліона избирателей воздержались отъ подачи голоса, благодаря непримиримому недовольству платформами обѣихъ партій,—нынче это число больше чѣмъ удвоилось и по той же причинѣ. Ростъ народонаселенія шелъ за эти восемь лѣтъ своимъ чередомъ, и еслибъ свойственная всѣмъ прежнимъ президентскимъ выборамъ пропорція роста въ числѣ подаваемыхъ каждые четыре года го-

лосовъ была удержана, число поданныхъ въ 1904 году голосовъ должно бы было быть не менѣе 16½ милліоновъ, т.-е на 3 милліона больше, чѣмъ было подано въ дѣйствительности. Эти 3 милліона гражданъ воздержались отъ голосованія, потому что не одобряли ни самохвальства республиканцевъ, ни безсодержательности демократовъ. Это тѣ самостоятельно мыслящіе элементы, не состоящіе въ партійной крѣпостной зависимости, которые выжидаютъ подходящаго времени для того, чтобы выступить съ новыми, самостоятельными требованіями, съ новой платформой, которой связанныя по рукамъ и по ногамъ старыя партіи неспособны дать;—такое же точно явленіе замѣчалось и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, передъ распаденіемъ виговъ и тори и организаціей современныхъ политическихъ партій. Теперь и эти партіи впали въ рутину и все больше и больше перестаютъ давать удовлетвореніе мыслящимъ людямъ, для которыхъ не существуетъ партійный бичъ;—господствующая партія, республиканская, осталась у дѣлъ, но и за нее подано было значительно меньше половины всѣхъ избирательныхъ голосовъ, которыхъ, какъ уже было упомянуто выше, должно бы было быть около 16½ милліоновъ. За республиканца Рузевельта было подано 7.627.632 голоса; за демократа Паркера—5.080.054; за соціалиста Дебса—391.587; за прогибиціониста Сваллоу—260.303; за популиста Ватсона—114.637; за рабочаго соціалиста Корреганa—33.453. Извѣстно, что за Дебса голосовало около 300.000 демократовъ-радикаловъ, отнюдь не соціалистовъ по своимъ убѣжденіямъ, но не могшихъ переварить Паркера и голосовавшихъ за Дебса, чтобы выразить свой протестъ.

Рузевельтъ выбранъ 33 штатами съ 336 членами въ избирательной коллегіи,—тогда какъ за Паркера подали голоса 13 штатовъ съ 140 членами. Въ 1900 г. Макъ-Кинлэй былъ выбранъ 28 штатами съ 292 голосами противъ Брайяна съ 17 штатами съ 155 голосами. Въ настоящую кампанію избирательная коллегія увеличилась на 29 голосовъ, согласно новому распредѣленію между штатами представителей въ коллегіи, вызванному всеобщей переписью 1900 года. Исключительно штаты Юга голосовали за Паркера—весь остальной Союзъ высказался за Рузевельта.

Что личная популярность Рузевельта, особенно между молодежью, популярность, не имѣющая ничего общаго съ платформой республиканской партіи, сыграла главную роль на выборахъ 8-го ноября—доказывается тѣмъ фактомъ, что въ цѣлыхъ пяти штатахъ, давшихъ ему, въ общемъ, 335.000 большинства, губер-

наторами и другими штатными чинами выбраны демократы большинствомъ, въ общемъ, превышающимъ 100.000 голосовъ. Въ той же приблизительно пропорціи идутъ большинства, поданныя въ его пользу, сравнительно съ большинствами штатныхъ тикетовъ почти во всѣхъ штатахъ, гдѣ происходили штатные выборы, начиная съ штата Нью-Іорка, гдѣ большинство республиканскаго губернатора было слишкомъ на 100.000 голосовъ меньше большинства Рузевельта. Однѣ мѣстныя причины не могутъ объяснить этого явленія, такъ какъ оно, при разныхъ мѣстныхъ условіяхъ, проявилось, однакоже, вездѣ одинаково.

Выборы штатныхъ легислатуръ, избирающихъ новыхъ сенаторовъ въ федеральный сенатъ, были, въ общемъ, такъ же благопріятны республиканской партіи, какъ и прямые выборы въ федеральную палату представителей, такъ что въ будущую сессію конгресса почти двѣ-трети членовъ обѣихъ его палатъ будутъ республиканцы. Въ конгрессѣ не осталось ни одного члена третьихъ партій, и господство республиканцевъ въ обѣихъ отрасляхъ управленія—законодательной и исполнительной—вполнѣ обезпечено.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ весьма прискорбный фактъ въ современной американской политикѣ, вполнѣ выясненный послѣдними выборами,—это то, что вліяніе федеральнаго сената въ совѣтахъ обѣихъ партій сдѣлалось въ сущности всесильнымъ. Рузевельтъ сдѣлался диктаторомъ именно благодаря тому, что всецѣло соединился съ сенатомъ и манипулируетъ партійной организаціей при его посредствѣ и помощи. Прежніе президенты имѣли обыкновеніе не только мѣшаться лично въ партійную политику въ штатныхъ дѣлахъ, но и ссорились о вліяніи въ нихъ съ мѣстными федеральными сенаторами—Рузевельтъ предоставилъ ихъ вполнѣ въ распоряженіе этихъ послѣднихъ, и этимъ заручился ихъ безусловной поддержкой во всѣхъ національныхъ дѣлахъ. Національная конвенція республиканской партіи и оказалась такой ручной именно потому, что признанные Рузевельтомъ политическіе „боссы“ въ каждомъ штатѣ выбрали составы делегацій сообразно этому соглашенію; единственнымъ исключеніемъ былъ штатъ Висконсинъ, гдѣ губернаторъ-реформаторъ Лафоллетъ боролся за вліяніе съ федеральными сенаторами штата и прислалъ и свою делегацію на національную конвенцію. Хотя она и была правильной въ смыслѣ законности, ее, однако, не допустили до участія—это былъ единственный конфликтъ въ средѣ республиканской партіи, ярко подчеркнувшій систему Рузевельта править политикой своей партіи посредствомъ федеральныхъ се-

наторовъ. Съ теоретической точки зрѣнія такая система казалась бы и желательной, и благоразумной, такъ какъ, повидимому, препятствуетъ излишней централизаціи,—но на практикѣ она вызвала тотъ порядокъ, что, благодаря контролю федеральнаго патронажа въ своихъ штатахъ,—патронажа многочисленнаго и чрезвычайно выгоднаго,—федеральные сенаторы сдѣлались въ сущности такими же диктаторами въ дѣлахъ штатныхъ, какимъ оказался президентъ въ дѣлахъ національныхъ. А почти всѣ современные федеральные сенаторы—адвокаты съ огромной корпоративной практикой, то-есть, другими словами, представляютъ собою мозгъ нашихъ трёстовъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ законодательной борьбѣ противъ этихъ послѣднихъ американскій народъ имѣетъ противъ себя въ сущности весь федеральный сенатъ—и его же абсолютное вліяніе и на штатныя легислатуры. По моему крайнему разумѣнію, одного этого факта совершенно достаточно, дабы уничтожить значеніе Рузевельта, какъ возможнаго реформатора и нашихъ современныхъ политическихъ методовъ, и все возрастающаго вліянія трёстовъ и всевозможныхъ монополій. Безъ энергичной, искренней помощи федеральной законодательной власти, конгресса, президентъ совершенно безсиленъ,—а онъ самъ же укрѣпилъ и усилилъ значеніе сената и сдѣлалъ изъ него надежнѣйшаго покровителя и защитника власти капитала. Съ самаго занятія Рузевельтомъ поста президента Союза, стали ходить упорные слухи о томъ, что „Wallstreet“ и трёсты вообще будутъ всячески противодѣйствовать его назначенію въ кандидаты въ 1904 г.; утверждали даже, что кандидатура Паркера была именно дѣтищемъ этой оппозиціи,—но я никогда не придавалъ никакого значенія этимъ слухамъ и толкамъ, считая ихъ только ширмой, отводомъ глазъ;—наши денежные воротилы гораздо дальновиднѣе всѣхъ подобныхъ наивностей,—они давно поняли Рузевельта и отлично знаютъ, что его имъ нечего бояться. Онъ самъ побьетъ всякое свое же начинаніе, именно благодаря неспособности обнять сразу всѣ стороны даннаго предмета и воздѣйствовать на него послѣдовательно и систематично, обезпечивъ своевременно фланги и тылъ.

П. А. Тверской.

Апрѣль 1905 г.
Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

НАШЕ ЗЕМСТВО

и

ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКІЯ МѢРОПРІЯТІЯ

ОЧЕРКЪ.

Экономическія мѣропріятія земствъ расширялись и постепенно расширяются, что̀ видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ. Въ 1896 году на содѣйствіе экономическому благосостоянію назначалось 671.000 рублей, а это составляло 1,0 % всего земскаго бюджета. Въ 1900 году цифра ассигнованій возросла до 2.301.000 (2,6% бюджета) [1]), а въ 1903 году ассигновано 3.564.000 рублей, что̀ составляло уже 3,4% бюджета [2]).

Больше всего расходовалось на улучшеніе производительности въ сельскомъ хозяйствѣ (около 50%), затѣмъ слѣдуетъ ассигновка на развитіе кустарныхъ промысловъ (19%), на содержаніе агрономическаго персонала (13%) и на улучшеніе естественныхъ условій сельскаго хозяйства (11%). Оборотные капиталы земства, предназначенные на осуществленіе коммерческихъ предпріятій, имѣющихъ своей задачей содѣйствіе сельско-хозяйственной промышленности, и выдачу всякаго рода ссудъ, составляли въ 1895 году 678.000 руб., а въ 1902 году—5.598.000 рублей.

---

[1]) Доходы и расходы 34-хъ губерній по смѣтамъ на 1900 г. Изд. Департ. окладн. сборовъ.

[2]) Расходы земствъ 34-хъ губерній по смѣтамъ на 1903 г. Сарат. Зем. Нед. 1904 г. № 4.

Всѣ эти цифры до нѣкоторой степени показываютъ, какое значеніе пріобрѣтаютъ въ земской дѣятельности экономическія мѣропріятія.

Путемъ долгаго опыта выработанъ существующій типъ земской школы; земская медицина такимъ же долгимъ путемъ постепенно выработала наиболѣе цѣлесообразныя формы помощи заболѣвшимъ обывателямъ. Работа эта еще далеко не закончена. Жизнь движется впередъ, усложняется, а отсюда рождается потребность въ постоянныхъ пересмотрахъ существующей организаціи, дабы не отстать отъ жизни, отъ ея потребностей. Почти ежегодно въ той или другой земской губерніи происходятъ съѣзды врачей, учащихся и т. д. Намѣчаются новые пути, систематизируются указанія накопившагося опыта, пересматриваются съ точки зрѣнія вновь возникшихъ интересовъ существующія мѣропріятія.

Экономическія мѣропріятія—молодая отрасль земскаго хозяйства. Приходится прокладывать новые пути, идти подчасъ ощупью. Промахи и даже крупныя ошибки поэтому неизбѣжны. Тѣмъ не менѣе, за послѣднія 10—15 лѣтъ земствомъ сдѣлано немало, и экономическія мѣропріятія ждутъ своего изслѣдователя, который безпристрастно разсмотрѣлъ бы судьбу ихъ, значеніе для народнаго благосостоянія и условія для устойчиваго и успѣшнаго проведенія въ жизнь въ связи съ мѣстными особенностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось бы, какія изъ мѣропріятій обречены заранѣе на прозябаніе и представляютъ увлеченіе тѣмъ или другимъ моднымъ теченіемъ. Не менѣе важно выяснить, какое положеніе должно занять земство по отношенію къ вновь возникающимъ кооперативнымъ организаціямъ,—мелкимъ сельскохозяйственнымъ обществамъ, сельскимъ потребительскимъ лавкамъ, ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, кредитнымъ товариществамъ и производительнымъ товариществамъ разнаго рода. Не слѣдуетъ ли земствамъ нѣкоторыя изъ своихъ мѣропріятій, особенно коммерческаго характера, передать этимъ добровольнымъ союзамъ, или же, напротивъ, развивать эти мѣропріятія за страхъ и рискъ собранныхъ со всего населенія капиталовъ? Подобнаго рода вопросы требуютъ тщательнаго и объективнаго разсмотрѣнія. Матеріалъ о земскихъ мѣропріятіяхъ чрезвычайно обширенъ. Кромѣ журналовъ, докладовъ и отчетовъ, въ которыхъ имѣется иногда прекрасно разработанный матеріалъ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ издало „Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству“ (три огромныхъ тома), составленный Г. П. Сазоновымъ. Обзоръ содержитъ свѣдѣнія за 1865—1895 годы. В. А. Крандіевскимъ составленъ обзоръ земскихъ мѣропріятій въ области сельскаго хозяйства за 1892—1893 гг. Полтавская губернская управа выпустила въ свѣтъ „Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній

Россіи (1865—1892 гг.). Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ издавало періодически обстоятельные обзоры дѣятельности земствъ. Мы не говоримъ уже о цѣломъ рядѣ статей какъ въ общей, такъ и въ спеціальной печати.

Не задаваясь широкими задачами использовать весь этотъ матеріалъ, мы попытаемся разсмотрѣть лишь нѣкоторыя изъ указанныхъ мѣропріятій.

Значеніе экономическихъ мѣропріятій не слѣдуетъ преувеличивать. Причины оскудѣнія крестьянскаго хозяйства лежатъ глубоко. Область воздѣйствія земства крайне ограничена.

Въ сводѣ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ—въ книгѣ „Крестьянскій правопорядокъ"—ярко очерчены тѣ причины, которыя тормозятъ проявленіе хозяйственной предпріимчивости, а слѣдовательно и улучшеніе земледѣльческой культуры. Подавляющее число комитетовъ признало, что главной причиной отсталости является крестьянское право, проникнутое началами административнаго попечительства и сословной обособленности, которое рѣзко отдѣляетъ преобладающее большинство населенія страны отъ прочаго, сравнительно незначительнаго меньшинства. Въ докладѣ подготовительной коммиссіи лохвицкаго уѣзднаго комитета слѣдующими правдивыми словами обрисовано существующее положеніе: „Безпристрастное изслѣдованіе современной сельской жизни съ полной убѣдительностью указываетъ, что при такихъ порядкахъ оставаться невозможно. Экономическое положеніе и хозяйство такъ же безотрадно, какъ и неразрывно съ нимъ связанная и въ сильной мѣрѣ его обусловливающая личность крестьянина, какъ гражданина. Внимательное наблюденіе за крестьянской жизнью убѣждаетъ въ томъ, что вся существующая нынѣ опека надъ хозяйственной, бытовой и правовой жизнью деревни загнала ее внутрь—и только. Нужды села и волости, выражаемыя въ приговорахъ, контролируемыхъ начальствомъ и часто имъ же внушаемыхъ, вовсе не выражаютъ тѣхъ потребностей и нуждъ, которыя сложились и живутъ въ населеніи. О нуждѣ можно заставить не говорить, но этимъ уничтожить ее нельзя. И въ крестьянской средѣ, загнанной всякой опекой, выработалась привычка молчать и чувствовать и думать втихомолку. Это влечетъ за собой усиленіе розни между крестьянами и болѣе полноправными, сравнительно съ ними, классами и порождаетъ озлобленіе. Трудно себѣ представить, къ какимъ затрудненіямъ это можетъ повести. Реформа существенно необходима, и не въ видѣ частныхъ поправокъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ, а широкая, способная исправить разомъ всѣ недостатки теперешняго положенія, обновивъ сельскую общественную жизнь". Въ этой области земство безсильно,

если не считать довольно призрачнаго права доводить до свѣдѣнія центральнаго правительства о ненормальномъ положеніи вещей.

Не менѣе сильное вліяніе на хозяйственное благополучіе населенія имѣетъ экономическая политика государства, обусловленная, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вовлеченіемъ Россіи въ міровой обмѣнъ товаровъ.

Земство не въ состояніи остановить повсемѣстнаго перехода отъ обычныхъ натуральныхъ формъ къ денежнымъ. Обольщенія на этотъ счетъ были бы крайне печальны. Необходимо трезво взглянуть на положеніе и по возможности смягчать тѣ болѣзненные подчасъ процессы, которые сопровождаютъ нарожденіе новаго строя. Здоровому организму роды не опасны. Не слѣдуетъ затрачивать народныхъ средствъ на предпріятія, которыя заранѣе обречены на гибель. Важно и необходимо каждую копѣйку использовать возможно цѣлесообразнѣе, поддерживая, развивая и вызывая къ жизни тѣ мѣры, которыя не противорѣчатъ новому строю хозяйства. Слѣдуетъ не задерживать роды, чѣмъ истощается организмъ, а, напротивъ, ускорять ихъ. Задача земства—идти не противъ требованій жизни, а за ними. Развитіе самосознанія и самодѣятельности—одно изъ главнѣйшихъ условій для прочнаго проведенія въ жизнь экономическихъ мѣропріятій. Съ этой точки зрѣнія народное образованіе должно быть поставлено на первое мѣсто. Значеніе его, какъ фактора экономическаго преуспѣянія, безспорно [1]). Взаимодѣйствіе между степенью развитія народнаго образованія и высотой благосостоянія населенія—самое тѣсное. Они относятся другъ къ другу одновременно—какъ причина и слѣдствіе. Но опять-таки не слѣдуетъ преувеличивать значенія образованія, или, лучше сказать, той грамотности, которая пріобрѣтается въ народной школѣ. Воспитываетъ и развиваетъ весь укладъ жизни. Весьма важно поддерживать возникающія организаціи, которыя развиваютъ самодѣятельность и иниціативу, т.-е. такія качества, которыя, вслѣдствіе многовѣковой опеки, отсутствуютъ въ населеніи. Такими организаціями являются мелкія сельско-хозяйственныя общества, потребительскія лавки, кредитныя товарищества и другіе виды свободно возникающихъ союзовъ. Несмотря на кратковременность своего существованія, мелкія сельско-хозяйственныя общества развили крайне полезную и разностороннюю дѣятельность. Многія изъ нихъ если не открыли, то проектируютъ организовать потребительскія лавочки, кредитныя операціи и т. д. Практическія мѣропріятія показываютъ, что нужды деревни ясно сознаны. Вообще, въ дѣятельности обществъ чувствуется біеніе пульса живой общественной жизни.

[1]) См. Янжулъ. Экономическая оцѣнка народн. образованія.—Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ: „Нужды деревни“, изд. Н. Н. Львова и А. А. Стаховича.

Въ послѣднее время многія земства приступили къ устройству телефонныхъ сообщеній. Значеніе этого мѣропріятія трудно учесть и выразить въ цифрахъ. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того, что это—вполнѣ культурное начинаніе, имѣющее немалое экономическое значеніе. Въ остзейскихъ губерніяхъ и въ Финляндіи никто не считаетъ телефонное сообщеніе ненужной роскошью. При теперешнемъ денежномъ строѣ хозяйствъ особое значеніе пріобрѣтаютъ пути сообщенія и быстрая и своевременная освѣдомленность о положеніи рынка. Земство находится въ постоянномъ общеніи съ населеніемъ. Общеніе это происходитъ при посредствѣ цѣлаго ряда служащихъ—врачей, агрономовъ, фельдшеровъ, учителей и т. д. Облегченіе способовъ сношеній ихъ съ управой, несомнѣнно, должно отразиться и на интересахъ населенія. Деревня наша полна всякаго рода нестроеній. При существованіи телефона случаи грубаго произвола должны уменьшиться: всякій по телефону можетъ сообщить въ городъ о происшедшемъ случаѣ. Современная обстановка деревни не удовлетворяетъ потребностямъ даже невзыскательнаго человѣка. Изъ деревни бѣгутъ всѣ, кто только можетъ. Деревня бѣдна мѣстными силами, что̀, разумѣется, отражается и на дѣятельности земства. Заботы о благоустройствѣ деревни—ближайшая задача земства: культурность деревни привлечетъ силы и разовьетъ жизнь, и въ общемъ отразится на экономическомъ благополучіи населенія. Появленіе телефона въ деревнѣ, какъ намъ кажется, не должно пройти безслѣдно. Противники телефона обыкновенно указываютъ на народное образованіе, медицину, дорожное дѣло и т. д., какъ на отрасли, которыя далеко еще не приведены въ блестящій видъ. Если стать на эту точку зрѣнія, то земство должно сначала идеально поставить народное образованіе, а тогда только взяться за медицину, затѣмъ приняться за устройство дорогъ и т. д. Едвали кто будетъ защищать подобную точку зрѣнія. Земство углубляетъ и расширяетъ существующія мѣропріятія и въ то же время проводитъ въ жизнь новыя начинанія. И въ общей, и въ спеціальной печати („Русск. Вѣд.", „Сар. Зем. Нед.") вопросъ о земскихъ телефонахъ подвергся обсужденію. Новое начинаніе расширяетъ сферу вліянія земства и заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія.

Земледѣліе—главнѣйшее занятіе нашего населенія, но способы обработки и эксплоатаціи земли далеко не совершенны. Крупные землевладѣльцы въ большинствѣ случаевъ ведутъ вполнѣ раціональное хозяйство, крестьяне же придерживаются устарѣлыхъ „прадѣдовскихъ" пріемовъ, крайне невыгодныхъ, а то и прямо хищническихъ. Въ результатѣ поля все болѣе и болѣе истощаются и засоряются негод-

ными травами. Какъ общее правило, наблюдается крайне печальный фактъ: урожаи съ крестьянскихъ полей на 25—30% ниже экономическихъ.

Созданіе агрономической организаціи, какъ показалъ опытъ многихъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, весьма плодотворно. Устройство показательныхъ полей, демонстративныхъ опытовъ борьбы съ вредителями сельскаго хозяйства, чтеній и т. д., не проходитъ для населенія безслѣдно. Намъ лично извѣстны факты, какъ послѣ бесѣды о раціональномъ садоводствѣ, сопровождавшейся демонстраціей пріемовъ посадки, обрѣзки, прививки и т. д., въ населеніи пробудился живѣйшій интересъ; старые сады были приведены въ порядокъ и началось усиленное развитіе новыхъ.

Мѣропріятія экономическаго характера, какъ мы говорили выше, требуютъ крайней осторожности. Поэтому весьма полезно учрежденіе экономическихъ совѣтовъ. Въ составъ послѣднихъ должны входить какъ гласные, по выбору собранія, такъ и всѣ наличные представители агрономическихъ силъ губерніи, практики-хозяева и выборные отъ крестьянъ. Подобный составъ является наиболѣе желательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ извѣстнымъ коррективомъ недостатковъ существующей системы земскаго представительства и отсутствія мелкой земской единицы. Приглашеніе спеціалистовъ по садоводству, скотоводству, пчеловодству (гдѣ послѣднее развито) является вполнѣ продуктивной затратой.

Въ оффиціальномъ изданіи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ мы находимъ слѣдующія строки: „Земство представляетъ собою организацію, которая сама по себѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она предусмотрѣна общимъ земскимъ положеніемъ, мало приспособлена къ разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ оказаніемъ воспособленія сельскому хозяйству въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ, и къ осуществленію относящихся сюда мѣропріятій. Поэтому постоянно расширяющіеся размѣры дѣятельности земства въ данной области потребовали спеціальной для того, иногда очень сложной, организаціи, получившей названіе агрономической. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ такую организацію можно признать вполнѣ уже сформировавшеюся. Въ другихъ она только формируется и переживаетъ ту или другую переходную стадію. Наконецъ, имѣются земства, которыя въ подобной организаціи вовсе пока не ощущаютъ надобности, такъ какъ задачи, для выполненія которыхъ она служитъ, еще не выдвинуты на очередь, или же объемъ ихъ крайне незначителенъ. Въ составъ вполнѣ сформировавшихся агрономическихъ организацій обыкновенно входятъ: коллегіальные органы совѣщательнаго характера по сельско-хозяйственной части (сельско-хозяйственные или экономиче-

скіе совѣты, комитеты, бюро, правильные періодическіе съѣзды сельскихъ хозяевъ и агрономовъ и т. п.), такіе же коллегіальные исполнительные органы (экономическія или сельско-хозяйственныя бюро, коммиссіи и т. п.) и приглашаемые на службу земствами агрономы и спеціалисты по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. При многихъ общихъ чертахъ, функціи перечисленныхъ органовъ въ отдѣльныхъ случаяхъ весьма разнообразны. Такъ, задача коллегіальныхъ совѣщательныхъ органовъ заключается преимущественно въ обсужденіи и разработкѣ различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ мѣръ на пользу сельскаго хозяйства. Самый, однако, объемъ подобнаго рода функцій далеко не всегда одинаковъ. При своемъ зарожденіи коллегіальные совѣщательные органы лишь содѣйствуютъ управамъ въ подготовкѣ докладовъ, касающихся воспособленія сельскому хозяйству, для земскихъ собраній. Поэтому, при слабыхъ размѣрахъ такого воспособленія и несложности относящихся сюда мѣръ, учрежденные совѣщательные коллегіальные органы сплошь и рядомъ впослѣдствіи ничѣмъ не проявляютъ своего существованія и даже фактически вовсе не существуютъ, за невыборомъ въ составъ ихъ членовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ объ ихъ существованіи, повидимому, забываютъ, и земскія собранія дѣлаютъ новыя постановленія объ учрежденіи коллегіальныхъ совѣщательныхъ органовъ подъ новымъ наименованіемъ. Рядомъ же съ этимъ, въ другихъ случаяхъ, функціи совѣщательныхъ органовъ постепенно расширяются, равно какъ и ихъ составъ. Можно лишь сказать, что значеніе ихъ въ этомъ отношеніи усиливается по мѣрѣ расширенія объема дѣятельности земства въ области воспособленія сельскому хозяйству. Точно также увеличивается и число земствъ, располагающихъ подобнаго рода коллегіальными органами. Къ 1901 г. изъ 34 губернскихъ земствъ не располагали ими только 7 земствъ (въ 1898 г.—9)—бессарабское (учрежд. въ 1902 г.), владимірское, воронежское, калужское, рязанское, тверское (упраздн. въ 1898 г.) и таврическое. Въ періодъ съ 1898 г. по 1901 г. они учреждены олонецкимъ и полтавскимъ земствами. Коллегіальныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ при уѣздныхъ земствахъ въ 1898 г. было 149, а къ 1901 г.—199. Наибольшее число вновь учрежденныхъ коллегіальныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ приходится на губерніи: черниговскую—6, харьковскую—5, екатеринославскую, калужскую и нижегородскую—по 4 [1]).

Изъ другихъ мѣропріятій для улучшенія сельскаго хозяйства крестьянъ слѣдуетъ упомянуть объ отдачѣ сельско-хозяйственныхъ

---

[1]) Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Выпускъ 5. Изд. министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

машинъ и орудій—куколеотборниковъ, сѣялокъ и т. д. въ арендное пользованіе населенія. Земство не несетъ никакихъ тратъ—стоимость орудій погашается платой за пользованіе ими.

Скотоводство повсемѣстно падаетъ. Причинъ—много; отсутствіе выпасовъ и хроническія голодовки—главнѣйшія изъ нихъ. Въ Малороссіи волъ замѣняется лошадью. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ охотно приходило на помощь земству, но приплодъ отъ сименталовъ, швицовъ и породистыхъ украинскихъ производителей быстро вырождается въ мѣстную „тосканскую" породу. Сименталa трудно прокормить полугнилой соломой съ крышъ. Очевидно, что производителями могутъ пользоваться болѣе или менѣе зажиточные классы населенія, рядовой же крестьянинъ не польстится на казеннаго бугая. Когда распространится многопольная система и населеніе перейдетъ къ стойловому содержанію скота, тогда сименталы окажутся на своемъ мѣстѣ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Теперь нерѣдко земство расходуетъ крупныя суммы на улучшеніе скотоводства и коневодства, собранныя со всего населенія,—фактически же эти мѣропріятія нужны болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ.

При недостаткѣ и дороговизнѣ земли, особенно въ губерніяхъ густо-населенныхъ, особое значеніе пріобрѣтаетъ приведеніе въ культурное состояніе песчаныхъ и неудобныхъ пространствъ, укрѣпленіе овраговъ и осушеніе заболоченныхъ пространствъ.

Правильная организація кредита чрезвычайно важна какъ для крупныхъ, такъ и для мелкихъ хозяйствъ. Въ нѣкоторыхъ земствахъ выдаются ссуды на покупку земли. Какъ извѣстно, крестьянскія надѣльныя и потомственныя казачьи земли могутъ переходить лишь въ руки однообщественниковъ. На этой почвѣ возникаютъ крайне ненормальныя явленія. Переселенецъ можетъ продать свою землю ограниченному кругу покупателей. Большинство принадлежитъ къ „голотѣ", а потому земля переходитъ къ „панъ-отцу" по сильно пониженной цѣнѣ. Въ данныхъ случаяхъ помощь земства ничѣмъ не замѣнима. Операціи этого рода полтавскаго уѣзднаго земства заслуживаютъ вниманія. Ссуды начали выдавать съ 1894 года; до января настоящаго года выдано 379 ссудъ на сумму 57.965 руб., на которые пріобрѣтено 570 десятинъ земли. Разумѣется, оборотный капиталъ далеко не можетъ удовлетворить всей потребности, но, къ сожалѣнію, рессурсы земства крайне ограничены. Полтавское губернское земство обладаетъ такъ называемымъ Александровскимъ капита-

ломъ въ 330 тысячъ рублей, но значеніе этого капитала—по тѣмъ же причинамъ—незначительно. Всего за счетъ этого капитала пріобрѣтено 2.802 десятины земли.

Большое, сравнительно, распространеніе имѣютъ мелкопромышленныя ссуды за счетъ кредита государственнаго банка, ссуды подъ залогъ хлѣба и кредитъ вещный при покупкѣ сельско-хозяйственныхъ орудій изъ земскихъ складовъ. Обыкновенно всѣ эти операціи не объединены, для каждаго рода ссудъ существуютъ особые капиталы, образованные самымъ разнообразнымъ путемъ; одни—изъ займа страхового капитала за 4% годовыхъ; другіе оперируютъ за счетъ суммъ, отпускаемыхъ государственнымъ банкомъ за 6% годовыхъ; третьи, наконецъ, образованы путемъ отчисленія прибылей и внесеніемъ извѣстныхъ ассигновокъ въ смѣту. Одна изъ ближайшихъ задачъ земства — объединить всѣ эти операціи. Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности выработало проектъ земскихъ кассъ съ довольно широкими функціями. Образцовые уставы до настоящаго времени не опубликованы, и потому трудно судить, насколько широкъ будетъ просторъ для дѣятельности кассъ. Нѣкоторые земскіе дѣятели находятъ, что открытіе кассы свяжетъ руки, тогда какъ операціи за счетъ собственныхъ капиталовъ на существующихъ началахъ позволятъ слѣдовать за потребностями жизни, ибо измѣненія достигаются простымъ постановленіемъ земскаго собранія, тогда какъ въ первомъ случаѣ необходимо руководствоваться существующимъ уставомъ.

Сельское населеніе занято полевыми работами 5—6 мѣсяцевъ въ году. Использовать наиболѣе выгоднымъ способомъ свободное время весьма важно. Въ фабричномъ районѣ, вблизи большихъ городовъ можно найти работу. Въ долгую осень и зиму крестьяне занимаются всякаго рода *домашними промыслами*: ткутъ полотно, чинятъ мертвый инвентарь и т. д. При благопріятныхъ условіяхъ развивается изъ домашнихъ промысловъ такъ называемая *кустарная промышленность*, т.-е. производство издѣлій на рынокъ. До послѣдняго времени лишь земство, болѣе или менѣе близкое населенію и знакомое съ его нуждами, помогало развитію этого рода промышленности. Все вниманіе государства поглощено развитіемъ фабричной промышленности, для поддержанія которой приносились и приносятся колоссальныя жертвы. Къ сожалѣнію, помощь земства не всегда направлена на тѣ производства, которыя, при современныхъ условіяхъ, являются жизненными и могутъ конкуррировать съ фабричной промышленностью. Полагать, что всѣ виды кустарныхъ производствъ могутъ конкуррировать съ фабричными—большое заблужденіе, которое въ области практическихъ мѣропріятій можетъ принести одни лишь горькія разочарованія.

Въ такомъ именно положеніи находится ткачество, которое почти повсемѣстно распространено какъ домашній промыселъ. Нерѣдко можно услышать и въ земскихъ собраніяхъ, и въ литературѣ указаніе на то, что въ Англіи, въ странѣ, по преимуществу крупной текстильной промышленности, существуютъ кустари-ткачи,—что извѣстныя брюссельскія кружева производятся кустарями, что ліонскій бархатъ выдѣлывается кустарями же и т. д. Очевидно, что въ данномъ случаѣ кроется крупное недоразумѣніе, если не простое незнаніе. Нашъ ткачъ—человѣкъ въ большинствѣ случаевъ неграмотный, незнакомый съ техникой своего производства, безъ всякаго художественнаго чутья. Ліонскій ткачъ работаетъ дома на станкѣ, пользуясь при этомъ электрической энергіей. Англійскіе кустари удовлетворяютъ изысканнымъ вкусамъ лордовъ. Ихъ издѣлія высокой художественности и доброты разсчитаны на опредѣленный, ограниченный сбытъ и оплачиваются высоко. Ничего подобнаго нельзя сказать о нашихъ ткачахъ, побывавшихъ даже въ мастерскихъ. Извѣстный профессоръ и общественный дѣятель г. Туганъ-Барановскій помѣстилъ въ „Экономической газетѣ“ (№ 17 за текущій годъ) интересное письмо изъ Лохвицы—„Кустари и земство“. Бывшій правовѣрный марксистъ, г. Туганъ-Барановскій въ настоящее время принимаетъ дѣятельное участіе въ мѣстномъ кустарномъ комитетѣ и живо интересуется кустарными промыслами.

„Для сѣраго деревенскаго ткача роскошная ткацкая школа полтавскаго губернскаго земства (въ Дегтяряхъ) является совершенно чуждымъ учрежденіемъ.

„Такихъ ткацкихъ школъ, хотя менѣе роскошно обставленныхъ, въ полтавской губерніи нѣсколько. Несмотря на это, масса ткачей не имѣетъ никакого представленія объ усовершенствованныхъ пріемахъ ткачества и никогда не слыхала, напр., о станкѣ-самолетѣ.

„Техническія школы, конечно, дѣло полезное. Но однѣхъ ихъ, очевидно, мало. И если земство не сдѣлаетъ дальнѣйшаго шага и не позаботится о созданіи организаціи, долженствующей распространять техническія знанія за предѣлами школы и непосредственно знакомить массу населенія, самихъ кустарей, съ улучшенными пріемами производства, то всѣ эти школы будутъ больше служить для украшенія земскихъ отчетовъ, чѣмъ для дѣйствительной пользы народа. Между тѣмъ, именно мѣстное деревенское ткачество заслуживаетъ того, чтобы о поднятіи его техники позаботилось земство.

„Мнѣ казалось, что прежде всего нужно направить усилія на распространеніе среди ткачей стана-самолета. Земство могло бы пригласить инструкторовъ по ткацкому дѣлу, которые, разъѣзжая изъ села въ село со станомъ-самолетомъ (и иными усовершенствованными

орудіями ткачества), знакомили бы мѣстныхъ ткачей съ новыми пріемами ткачества. Для облегченія пріобрѣтенія ткачами новыхъ орудій производства, земство могло бы открывать ткачамъ соотвѣтствующій кредитъ.

„Лохвицкая земская управа согласилась съ этими предложеніями, и земское собраніе ассигновало нужныя средства. Дѣло началось. Первоначально я пригласилъ въ инструкторы уже состоявшую на земской службѣ мастерицу, кончившую курсъ въ школѣ губернскаго земства. Она умѣла хорошо ткать ткани изъ фабричной пряжи, но къ работѣ на грубой деревенской пряжѣ не привыкла. Вѣроятно, по этой причинѣ ткачи отнеслись къ работѣ на новомъ станѣ съ большимъ недовѣріемъ.

„Моя инструкторша объѣздила нѣсколько селъ безъ всякаго успѣха: ткачи признали станъ-самолетъ никуда негоднымъ, и ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ завести таковаго у себя.

„Тогда мнѣ пришла въ голову счастливая мысль оставить ученыхъ мастерицъ и выбрать инструкторомъ какого-нибудь смышленаго ткача-кустаря. Мой выборъ оказался удачнымъ. Правда, приглашенный въ инструкторы ткачъ первоначально плохо справлялся со станомъ-самолетомъ; но такъ какъ эта наука немудреная, то скоро онъ вполнѣ освоился съ новымъ станомъ и, будучи человѣкомъ очень неглупымъ, сдѣлалъ цѣлый рядъ улучшеній въ станѣ, въ смыслѣ приспособленія его къ тканью крестьянской пряжи. Я назначилъ ему небольшую премію за распространеніе среди ткачей становъ-самолетовъ и металлическихъ ткацкихъ бердъ. Дѣло пошло въ ходъ.

„Кромѣ становъ-самолетовъ, мой инструкторъ распространялъ также металлическія ткацкія берда. Таковыхъ у насъ былъ выписанъ большой запасъ, и ткачи раскупали ихъ очень охотно—всего ихъ было куплено на наличныя деньги 34 штуки.

„Кромѣ стана-самолета и металлическаго берда, ткацкій инструкторъ можетъ знакомить населеніе и съ другими вспомогательными орудіями ткачества—какъ, напр., съ вращающимися сновальнями, которыя чрезвычайно ускоряютъ и облегчаютъ снованье; онъ можетъ продавать ткачамъ фабричную пряжу, давать ткачамъ рисунки скатертей и другихъ узорчатыхъ тканей, знакомить съ пріемами работы этихъ тканей и т. д., и т. д. Вообще такой инструкторъ, если онъ человѣкъ сколько-нибудь толковый, можетъ оказать очень большое вліяніе на характеръ и технику ткацкаго промысла. Болѣе интеллигентные и грамотные ткачи обнаруживаютъ большую готовность учиться. Въ хату, куда пріѣзжаетъ инструкторъ, набирается масса народа, и всѣ съ величайшимъ интересомъ смотрятъ на работу на новомъ станѣ.

„Мой непродолжительный опытъ привелъ меня къ убѣжденію въ крайней важности, въ ряду другихъ земскихъ мѣропріятій по помощи кустарной промышленности, организаціи разъѣзжающихъ земскихъ кустарныхъ инструкторовъ. Но дѣло это можетъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если оно не приметъ бюрократическаго характера и если инструкторъ будетъ близко стоять къ кустарямъ; всего лучше, если онъ будетъ самъ изъ кустарей. Только въ живой связи съ народной массой земство можетъ успѣшно выполнять свое великое дѣло. Никакой чиновникъ—все равно, будетъ ли онъ получать жалованье изъ земской или государственной казны—не поможетъ деревнѣ, если онъ не будетъ участвовать въ ея жизни. Всякая земская организація, имѣющая въ виду помощь кустарямъ, должна прежде всего позаботиться о томъ, чтобы привлечь къ участію въ ней самихъ кустарей. Кустари были бы самыми полезными членами всякихъ кустарныхъ комитетовъ, экономическихъ бюро и прочихъ земскихъ и неземскихъ учрежденій, вѣдающихъ кустарную промышленность; они внесли бы въ эти учрежденія ту живую струю, которой недостаетъ многимъ изъ этихъ комитетовъ и бюро, подчасъ напоминающихъ департаментскія канцеляріи. Вообще, большая ошибка думать, что бюрократическій духъ свойственъ только государственнымъ учрежденіямъ“.

Намъ кажется, что опытъ г. Туганъ-Барановскаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Созданіе школъ съ дорогой администраціей не достигаетъ цѣли. Полтавское уѣздное земство затратило большія средства на ткацкія школы и послѣ пятилѣтняго опыта пришло къ грустному результату. Собраніе постановило реорганизовать Руновщинскую мастерскую, по возможности упростивъ ее.

Нѣкоторые земскіе дѣятели полагаютъ, что въ ткацкія школы можно вдохнуть жизнь. Такой живой водой является, по мнѣнію полтавской губернской управы, введеніе національныхъ рисунковъ, орнаментировка издѣлій въ малорусскомъ духѣ. Не отрицая извѣстной практичности подобнаго направленія дѣла, все-же можно выразить сомнѣніе, чтобы мастерскія бюрократическаго характера, далекія отъ населенія, проявили признаки жизнеспособности.

Ткачъ-инструкторъ могъ бы съ успѣхомъ пропагандировать и малорусскій орнаментъ.

Во всякомъ случаѣ ткацкія мастерскія далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, и слѣдуетъ обстоятельно обсудить вопросъ, прежде чѣмъ открывать мастерскія подобнаго типа.

Иначе населеніе относится къ рукодѣльнымъ мастерскимъ. Жизненность ихъ—внѣ сомнѣнія. Мастерскія не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. Обыкновенно мастерскія являются дополнительными классами земской школы. Принимаются лишь окончившіе курсъ послѣд-

нихъ. Число учащихся достигаетъ нерѣдко до 40 и больше человѣкъ. Организація несложна, расходы небольшіе. Плата мастерицы рѣдко превышаетъ 300 руб., оборудованіе несложно. Такимъ образомъ, при наличности помѣщенія содержаніе обходится 400—500 рублей, а то и значительно дешевле. Крупнымъ недостаткомъ является отсутствіе занятій по общеобразовательнымъ предметамъ. Желательны, въ крайнемъ случаѣ, вечернія дополнительныя занятія раза три въ недѣлю, организація чтеній и т. д. Крестьяне цѣнятъ эти мастерскія за то, что въ нихъ пріобрѣтается умѣнье, необходимое въ каждомъ хозяйствѣ. Для болѣе талантливыхъ ученицъ портняжно-швейное мастерство является профессіональнымъ занятіемъ, обезпечивающимъ существованіе.

Корзиночныя мастерскія даютъ вѣрный заработокъ своимъ бывшимъ ученикамъ. Къ сожалѣнію, постановка дѣла не всегда правильна. Очень часто земскія мастерскія носятъ характеръ частныхъ, гдѣ ученики, присматриваясь къ работѣ мастера, постепенно пріобрѣтаютъ необходимый навыкъ. Мастеръ и ученики получаютъ издѣльно плату и не столько заботятся объ ученьи, какъ о томъ, чтобы возможно больше заработать. Такая постановка едва ли желательна. Результаты весьма плачевны. Ученики уходятъ, научившись кое-какъ дѣлать корзины и простѣйшія вещи. Работы часто неудовлетворительны и бракуются покупателями. Изъ другихъ спеціальныхъ и правильно организованныхъ заведеній необходимо упомянуть о сельско-хозяйственныхъ школахъ, практическихъ школахъ садоводства, маслодѣлія и т. д., находящихся въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, ремесленныхъ школахъ (вѣдомства министерства финансовъ) и т. п. Всѣ эти школы субсидируются правительствомъ, и все-таки содержаніе ихъ обходится земству довольно дорого. Окончившіе прилагаютъ свои знанія въ крупныхъ экономіяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. д. Въ крестьянскую среду рѣдко кто изъ нихъ возвращается. Школы эти вызваны запросами болѣе или менѣе крупнаго землевладѣнія и промышленной буржуазіи. Разумѣется, отрицать пользы этихъ школъ нельзя. Профессіональное техническое образованіе развито у насъ слабо. Весь вопросъ заключается въ томъ, слѣдуетъ ли земству открывать ихъ, или обязанность эта должна быть возложена на государство.

Такъ называемыя „крестьянскія“ земства—пермское и вятское—произвели интересный опытъ пріурочить спеціальныя знанія къ земской школѣ. По нашему мнѣнію, опытъ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

„Поднять качество работника, повысить его смѣтливость и энергію, снабдить необходимыми сподручными знаніями, дать ему возможность

производительно использовать пропадающій даромъ зимній досугъ,— говоритъ статсъ-секретарь А. Н. Куломзинъ въ своей книгѣ: „Доступность начальной школы въ Россіи",—все это важнѣйшія коренныя мѣры, какими только и можно вызвать дѣйствительный прочный подъемъ любой отрасли хозяйственной дѣятельности". Земскія школы въ этомъ отношеніи могутъ сыграть немалую роль, но необходимо только, чтобы преподаваніе ремеслъ и сельско-хозяйственной техники было отдѣлено отъ обученія грамотѣ и составило особый дополнительный классъ".

Большинство мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности высказалось за присоединеніе „техническихъ" классовъ къ общеобразовательной школѣ, за школьныя хозяйства, сады, огороды и пасѣки, за снабженіе школьныхъ библіотекъ соотвѣтствующими сочиненіями, а также за сельско-хозяйственную подготовку учителей и учительницъ народныхъ школъ въ учительскихъ семинаріяхъ, а равно на дополнительныхъ лѣтнихъ курсахъ при спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ школахъ и образцовыхъ хозяйствахъ. По поводу послѣдняго пожеланія слѣдуетъ замѣтить, что подготовка учителей къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ, садомъ, огородомъ, пчелами, могла бы сдѣлать ихъ людьми болѣе нужными и болѣе „своими" въ деревнѣ, сблизила бы ихъ съ учениками, иногда, при умѣломъ веденіи школьныхъ хозяйствъ, могла бы служить даже къ улучшенію матеріальнаго положенія учащихъ. Но едва ли возможно каждаго сельскаго учителя, а тѣмъ болѣе каждую учительницу, обязать къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ: такое дѣло требуетъ любви, доброй воли и знанія.

Для спеціальнаго же обученія дѣтей сельскому хозяйству, а тѣмъ болѣе ремеслу, нужны, во всякомъ случаѣ, особые классы, особые учителя; для ремеслъ—и особыя помѣщенія. Разсчитывать, какъ нѣкоторые комитеты, на преподаваніе сельскаго хозяйства и ремеслъ мимоходомъ, при помощи ариѳметическихъ задачниковъ, въ которыхъ задачамъ дано „сельско-хозяйственное" содержаніе, или на урокахъ объяснительнаго чтенія, подбирая тексты, рисующіе „картины жизни крестьянской семьи, раціонально ведущей свое хозяйство", врядъ ли возможно. Серьезному практическому дѣлу и учить надо серьезно и практически, въ спеціальной школѣ или въ хорошо поставленныхъ дополнительныхъ классахъ общей начальной школы. Если спеціальная школа имѣетъ преимущества въ смыслѣ большей прочности профессіональнаго обученія, то спеціальные классы при начальныхъ школахъ стоятъ дешевле и доступны несравненно большему числу дѣтей.

Тогда не будетъ основаній опасаться, что обученіе мастерству

только будетъ отнимать время у общеобразовательныхъ предметовъ и окажется призрачнымъ.

Въ пермской губерніи подобнаго рода отдѣленія начали открываться лѣтъ семь тому назадъ. Эти отдѣленія съ теоретическими и практическими въ нихъ занятіями учащихся все болѣе и болѣе начинаютъ привлекать къ себѣ симпатіи крестьянскаго населенія. Теперь встрѣчаются даже такіе факты, что приходится нѣкоторымъ желающимъ поступить въ четвертыя отдѣленія отказывать „за недостаткомъ мѣстъ".

Курсъ обученія въ четвертыхъ сельско-хозяйственныхъ отдѣленіяхъ двухлѣтній. Въ этихъ отдѣленіяхъ проходится курсъ естествознанія и сельскаго хозяйства, какъ главный основной предметъ, и кромѣ того Законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ, исторія и географія, какъ повторительный курсъ народной школы, съ нѣкоторыми пополненіями.

Всѣ преподаватели четвертыхъ отдѣленій имѣютъ среднее сельско-хозяйственное образованіе. При отдѣленіяхъ учреждены должности помощниковъ преподавателей, замѣщенныя лицами, имѣющими званіе народнаго учителя.

Дополнительныя отдѣленія находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и открываются съ разрѣшенія послѣдняго. Въ текущемъ году оканчивающимъ предоставлено право на пользованіе льготой 2-го разряда по воинской повинности.

Четвертыя отдѣленія при начальныхъ училищахъ могутъ положить прочное начало популяризаціи научныхъ знаній въ деревнѣ. Учителя дополнительныхъ отдѣленій въ пермской губерніи имѣютъ право устраивать систематическія чтенія по естествознанію для деревенскаго населенія въ формѣ живыхъ бесѣдъ, не стѣсненныхъ ни выборомъ матеріала, ни формою изложенія.

Знанія, почерпнутыя въ дополнительныхъ отдѣленіяхъ, будутъ примѣнены въ собственномъ хозяйствѣ, какъ бы мало оно ни было.

Это—не „спеціалистъ", котораго рѣшился пригласить частный владѣлецъ. Эти же отдѣленія разрѣшаютъ вопросъ о высшемъ типѣ земской школы: центръ тяжести дополнительныхъ отдѣленій—въ общеобразовательныхъ предметахъ.

Склады сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ и желѣза въ ряду экономическихъ мѣропріятій занимаютъ особое мѣсто. Каждое отдѣльное мѣропріятіе только тогда можетъ правильно развиваться, когда ясно сознано, къ чему должны быть направлены всѣ усилія. Открывая склады, земство руководствовалось желаніемъ рас-

пространить среди населенія улучшенныя сельско-хозяйственныя машины и сѣмена при помощи возможно льготнаго кредита. Интересы массы населенія стояли на первомъ мѣстѣ. Крестьяне не умѣютъ разобраться въ предлагаемыхъ въ частныхъ складахъ орудіяхъ, не знаютъ, откуда выписать ихъ. Крупные хозяева менѣе нуждаются въ услугахъ складовъ. Каждый изъ нихъ знаетъ, какія орудія ему нужны, знаетъ, откуда и выписать ихъ. Земскій складъ приноситъ и имъ значительную пользу—регулируя и понижая цѣны. Несмотря на отсутствіе коммерческихъ задачъ, послѣднія иногда постепенно начинаютъ играть преобладающую роль въ дѣятельности складовъ. Такое направленіе въ корнѣ противорѣчитъ основнымъ задачамъ складовъ. Земскіе склады оперируютъ за счетъ земскихъ суммъ, собранныхъ со всего населенія. Общественныя суммы требуютъ особенно тщательнаго къ себѣ отношенія. Земскіе склады, пока обороты ихъ невелики, легко поддаются отчету и контролю. По мѣрѣ своего развитія, когда въ предпріятіе завязываются все большіе и большіе капиталы, увеличивается и рискъ. Въ торговомъ дѣлѣ безъ послѣдняго обойтись, разумѣется, нельзя. Затрудненія при контролѣ (фактическомъ, а не бумажномъ) возрастаютъ. Приходится создавать цѣлые штаты служащихъ, основывать все дѣло на довѣріи, такъ какъ выборный персоналъ не настолько великъ, чтобы значительную часть времени удѣлять складамъ. Довѣріе необходимо въ каждомъ дѣлѣ, но несомнѣнно также, что земская денежка подлежитъ строгому учету и контролю. Тамъ, гдѣ является отвѣтственность за десятки тысячъ рублей, нельзя обойтись общимъ наблюденіемъ и направленіемъ дѣла. Необходимо вникать въ каждую мелочь. И мы нерѣдко видимъ, что складамъ удѣляется масса времени и вниманія въ ущербъ другимъ весьма важнымъ отраслямъ земскаго хозяйства.

Гарантіей могущихъ быть убытковъ, всегда возможныхъ въ коммерческихъ мѣропріятіяхъ, является начисленіе прибылей на продаваемые товары. Изъ этихъ же поступленій отчисляется необходимая сумма на содержаніе складовъ. Администрація обходится дорого. Такъ, намъ извѣстенъ складъ, обороты котораго простираются до 80 тысячъ рублей, а на содержаніе расходуется 2.200 рублей, при чемъ оплата труда служащихъ собственно въ канцеляріи управы и почти всецѣло занятыхъ дѣлопроизводствомъ и счетоводствомъ складовъ не посчитана въ эту сумму.

Слишкомъ высокій процентъ прибыли подрывалъ бы значеніе склада, ибо одна изъ главныхъ его задачъ—создать спросъ, вызвать частную иниціативу, регулировать и понижать цѣны. Вообще, задача склада—распространеніе орудій за возможно пониженную цѣну.

Наряду съ земскими складами обыкновенно возникаютъ и частные,

гдѣ населеніе пользуется такими же льготами, какъ и въ земскихъ. Большое заблужденіе думать, что земскіе склады убьютъ частные. Вотъ почему стремленіе увеличивать обороты не должно входить въ кругъ прямыхъ задачъ земскихъ складовъ. Все вниманіе необходимо сосредоточить на самомъ тщательномъ выборѣ сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ и т. д. и отпускѣ по возможно пониженной цѣнѣ. При этомъ главное вниманіе должно быть сосредоточено на массовомъ покупателѣ—крестьянахъ. Словомъ, складъ долженъ носить характеръ агрономическаго, а не коммерческаго мѣропріятія.

Для распространенія машинъ и орудій среди населенія недостаточно еще открыть складъ. Цѣны на орудія слишкомъ высоки. Небольшіе, сравнительно, земскіе склады всецѣло зависятъ отъ извѣстныхъ крупныхъ фирмъ и поставщиковъ. Послѣдніе диктуютъ условія, и волей-неволей приходится соглашаться съ ними. Заводы игнорируютъ мелкихъ заказчиковъ, предпочитая имѣть дѣло съ фирмами, ведущими дѣло на широкую ногу. Зачастую земскіе склады получаютъ меньшую скидку, чѣмъ торговцы. Отдѣльные склады безсильны и не могутъ бороться съ этими неблагопріятными условіями.

Объединеніе въ одну организацію многихъ земскихъ складовъ можетъ сильно измѣнить дѣло. При большихъ оптовыхъ заказахъ заводы охотно пойдутъ на уступки и предоставятъ земствамъ тѣ выгоды, которыми теперь пользуются лишь крупныя фирмы. Въ этихъ видахъ при орловской губернской управѣ уже нѣсколько лѣтъ функціонируетъ посредническое бюро. Въ послѣднее время вопросъ о совмѣстной закупкѣ орудій, желѣза и сѣмянъ обсуждался въ Москвѣ, а затѣмъ, въ іюлѣ этого года, въ Орлѣ. На совѣщаніи выработанъ проектъ устава, который, надо думать, при теперешнемъ направленіи внутренней политики, будетъ утвержденъ. Въ газетахъ сообщался слухъ, что на соединенныя средства предположено открыть земскій заводъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Если слухъ окажется вѣрнымъ, то цѣны на орудія должны значительно понизиться. Къ сожалѣнію, таможенная политика, искусственно повышая стоимость чугуна, желѣза и стали, тѣмъ самымъ поднимаетъ значительно цѣны и на издѣлія изъ нихъ. И въ данномъ случаѣ нашъ многострадальный крестьянинъ платитъ обильную дань на поддержаніе и развитіе отечественной крупной промышленности.

Весьма благодарной задачей является стремленіе нѣкоторыхъ земствъ развить кустарное производство сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Такъ, въ вятской и пермской губерніяхъ развито производство вѣялокъ, боронъ и т. д. Къ сожалѣнію, лишь немногія земства обратили на это серьезное вниманіе. Зачастую выписываются такіе

предметы, производство которыхъ легко можно было бы организовать на мѣстѣ.

Мы коснулись лишь немногихъ и, какъ намъ кажется, наиболѣе типичныхъ экономическихъ мѣропріятій. Болѣе или менѣе исчерпывающее разсмотрѣніе потребовало бы цѣлаго изслѣдованія. Такъ, мы прошли молчаніемъ ссыпку хлѣба, поставку обуви и мѣшковъ интендантству, организацію хлѣбныхъ ломбардовъ, покупку лошадей для безлошадныхъ хозяйствъ и т. д.

Изученіе экономическихъ мѣропріятій показываетъ, что земство въ теперешнемъ его видѣ мало приспособлено для продуктивной работы въ этой области. Сословная организація, недовѣріе правительства къ дѣятельности земствъ, ограниченность средствъ, подавленность и темнота населенія парализуютъ зачастую то или другое начинаніе или придаютъ ему своеобразную окраску. Весьма немногія земства обратили вниманіе на положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, на улучшеніе условій переселеній. На мѣропріятія другого характера иногда затрачиваются приличныя суммы. Такъ, одно изъ земствъ (если не ошибаемся, тамбовское) ассигновало 40 тысячъ рублей на улучшеніе коневодства.

Впрочемъ, нужно оговориться, что большинство земствъ не заслуживаетъ упрека въ проведеніи мѣръ, необходимыхъ главнымъ образомъ для крупнаго землевладѣнія.

Второй причиной, обусловливающей неуспѣхъ многихъ экономическихъ мѣръ, является отчужденность земства отъ населенія. Въ данной области съ наибольшей остротой ощущается потребность въ мелкой земской единицѣ. Записка 18-ти членовъ московскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности утверждаетъ,—и съ этимъ согласится каждый, кто близко знакомъ съ дѣйствительностью,—что населеніе считаетъ земство чѣмъ-то стоящимъ внѣ его. „Чтобы пріобщить весь русскій народъ къ общественной самодѣятельности и органически связать его съ земствомъ, необходимо приблизить земскія учрежденія къ деревнѣ, сдѣлать такъ, чтобы дѣятельность ихъ протекала на глазахъ сельскаго населенія и при ближайшемъ участіи возможно бо̀льшаго числа уполномоченныхъ этого послѣдняго; необходимо создать мелкую земскую единицу. Созданіе мелкой земской единицы вызывается многочисленными запросами жизни, все болѣе выдвигаемыми земскою дѣятельностью и настоятельно требующими своего разрѣшенія. Необходимость болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, земской единицы ощущается рѣшительно во всѣхъ областяхъ земскаго дѣла—школьной, санитарной, медицинской, ветеринар-

ной и т. д.,—и нигдѣ не проявляется съ такою настоятельностью, какъ въ области экономическихъ мѣропріятій".

Политика „недовѣрія" съ особенной силой проводилась по отношенію къ сельскимъ сословіямъ. Всякое проявленіе иниціативы, самодѣятельности считалось опаснымъ. Полагали, что опека земскихъ начальниковъ можетъ замѣнить всѣ эти качества. Развитіе коопераціи, союзовъ, встрѣчало прямо-таки непреодолимыя препятствія. „Можно признать вполнѣ несомнѣннымъ, что сколько-нибудь широкое содѣйствіе населенію въ его экономическихъ нуждахъ невозможно безъ организаціи разнаго рода кредитовъ (подъ залогъ хлѣба, на покупку скота, меліоративнаго, кустарнаго и т. п.), устройства артелей и товариществъ потребительныхъ, производительныхъ и т. д.; съ другой стороны, несомнѣнно также и то, что всѣ эти очень сложныя и новыя въ нашей жизни мѣропріятія могутъ получить успѣшное осуществленіе на практикѣ только въ томъ случаѣ, если будутъ существовать на мѣстахъ такія организаціи, которыя съ любовью отнесутся къ этому дѣлу, сочтутъ его своимъ и будутъ неослабно слѣдить за его развитіемъ" [1]).

Если вся Россія, по словамъ князя Евгенія Трубецкого, спала по приказанію начальства, то наша деревня покоилась мертвымъ сномъ. Частныя мѣропріятія, читаемъ мы въ новгородскомъ докладѣ, техническія, агрономическія и т. п., которыя предлагаются и могутъ быть предложены, сами по себѣ весьма благожелательныя, разумныя и, повидимому, цѣлесообразныя, но не разсчитанныя на устраненіе причинъ, вызывающихъ тѣ или иныя неблагопріятныя явленія, окажутся палліативами, примѣненіе которыхъ, въ концѣ концовъ, разочаруетъ самихъ авторовъ такихъ мѣропріятій, а въ населеніи, кромѣ того, укрѣпитъ и разовьетъ горькое чувство недовѣрія къ заботамъ о его благѣ...

Для того, чтобы дѣйствительно помочь нуждамъ деревни, необходимо устранить тѣ общія условія, на почвѣ которыхъ они возникаютъ,—и, прежде всего, необходимо устранить—наряду съ народнымъ невѣжествомъ—режимъ безграничнаго усмотрѣнія, царящій въ деревнѣ.

Тамъ, гдѣ правовой порядокъ почти отсутствуетъ, а господствуетъ произволъ, невозможна правильная экономическая дѣятельность, и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно и прочное благосостояніе населенія. Произволъ въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ въ кре-

---

[1]) Записка 18 членовъ московск. губернск. комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Стр. 35.

стьянскомъ быту тормазитъ всякую энергію и не даетъ развиваться личной предпріимчивости [1]).

Провозглашенное „довѣріе“ къ общественнымъ силамъ заставляло надѣяться, что общія условія нашей жизни должны измѣниться Поставленныя правильно земскія учрежденія совмѣстно съ кооперативными организаціями сумѣютъ развить и правильно поставить экономическія мѣропріятія. И теперь безпристрастный изслѣдователь можетъ сказать, что земство сдѣлало все возможное *при данной обстановкѣ*. Пріобрѣтенный опытъ не пропалъ даромъ. Земство уяснило тѣ причины, которыя тормазили начинанія, а въ будущемъ этотъ же опытъ укажетъ, что слѣдуетъ предпринять для поднятія благосостоянія населенія.

Различныя начинанія въ области экономическихъ мѣропріятій убѣдили земство, что „первымъ и самымъ существеннымъ условіемъ для предотвращенія окончательнаго упадка деревни должно служить обезпеченіе *свободы личности* (т.-е. неприкосновенности личныхъ правъ) въ интересахъ развитія иниціативы, предпріимчивости и хозяйственной самостоятельности населенія“.

Эти начинанія только подтвердили справедливость извѣстнаго изреченія Монтескьё: „Les pays ne sont pas cultivés en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté“.

Идеи свободы и твердаго, правильнаго порядка однѣ могутъ оказать благотворное вліяніе на подъемъ народнаго благосостоянія. Лишь въ этихъ условіяхъ возможна плодотворная работа и въ области экономическихъ мѣропріятій.

Дм. Ярошевичъ.

---

[1]) Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ с.-х. промышленности. Т. I. Стр. 42—43.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1905.

Историческій день 6-го іюня.—Рѣчь кн. С. Н. Трубецкого и комментаріи къ ней.—Рефератъ П. А. Некрасова о „Новой Палатѣ“.—Финляндія и государственная дума.—Министерство полиціи.—Характерное дѣло.—„Московская Недѣля“ и тульская брошюра.—Послѣднія положенія комитета министровъ.

6-ое іюня навсегда останется памятнымъ днемъ въ исторіи Россіи. Государемъ Императоромъ были приняты и выслушаны люди, уполномоченные—не формально, но фактически—говорить отъ лица значительной части русскихъ гражданъ. Они принесли съ собою петицію на Высочайшее имя, составленную, 25-го мая, въ Москвѣ и одобренную, два дня спустя, с.-петербургскою городскою думою. Вотъ текстъ этого замѣчательнаго документа, заимствуемый нами изъ № 153 „Русскихъ Вѣдомостей“.

„Ваше Императорское Величество.

Въ минуту величайшаго народнаго бѣдствія и великой опасности для Россіи и самаго престола Вашего мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ, отложивъ всякую рознь и всѣ различія, насъ раздѣляющія, движимые одной пламенной любовью къ отечеству. Государь, преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіями Вашихъ совѣтниковъ Россія ввергнута въ гибельную войну. Наша армія не могла одолѣть врага, нашъ флотъ уничтоженъ и, грознѣе опасности внѣшней, разгорается внутренняя усобица. Увидавъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Вашимъ всѣ пороки ненавистнаго и пагубнаго приказнаго строя, Вы положили измѣнить его и предначертали рядъ мѣръ, направленныхъ къ его преобразованію. Но предначертанія эти были искажены и ни въ одной области не получили надлежащаго исполненія. Угнетеніе личности и общества, угнетеніе слова и всякій произволъ множатся и растутъ. Вмѣсто предуказанной Вами отмѣны усиленной охраны и административнаго произвола полицейская власть усиливается и получаетъ неограниченныя полномочія, а подданнымъ Вашимъ преграждается путь, открытый Вами, дабы голосъ правды могъ восходить до Васъ. Вы

положили созвать народныхъ представителей для совмѣстнаго съ Вами строительства земли, и слово Ваше осталось безъ исполненія донынѣ, несмотря на все грозное величіе совершающихся событій; а общество волнуютъ слухи о проектахъ, въ которыхъ обѣщанное Вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказный строй, замѣняется сословнымъ совѣщаніемъ. Государь, пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими. Пусть рѣшатъ они, въ согласіи съ Вами, жизненный вопросъ государства, вопросъ о войнѣ и мирѣ, пусть опредѣлятъ они условія мира, или, отвергнувъ его, превратятъ эту войну въ войну народную. Пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную болѣе, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи и сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго. Пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй. Государь! Въ рукахъ Вашихъ честь и могущество Россіи, ея внутренній миръ, отъ котораго зависитъ и внѣшній миръ ея, въ рукахъ Вашихъ держава Ваша, Вашъ престолъ, унаслѣдованный отъ предковъ. Не медлите, Государь. Въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша предъ Богомъ и Россіей".

Первымъ обратился съ рѣчью къ Государю Императору кн. С. Н. Трубецкой, профессоръ философіи въ московскомъ университетѣ, одинъ изъ ближайшихъ друзей покойнаго Влад. Серг. Соловьева.

„Позвольте выразить Вашему Величеству,—сказалъ онъ,—нашу глубокую искреннюю благодарность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ—общественныхъ и земскихъ дѣятелей—чуть ли не измѣнниками престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство—любовь къ отечеству и сознаніе долга передъ Вами.

Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычной формѣ, то вѣрьте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознаніе общей опасности, которая велика, Государь.

Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и въ несокрушимое могущество Россіи; но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ Царя. И когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что Царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое

убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово „измѣна“ произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ,— и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ „господахъ“ вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплоатируется. Одни натравляютъ народъ на помѣщиковъ, другіе—на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и растетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что вначалѣ облекается въ патріотическія формы,—тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій—это путь, указанный Вами, Государь,—созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія и, наконецъ, оно должно служить „преобразованію государственному“, какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ идти по намѣченному Вами пути.

Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные—равно и безъ различія—чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое Отечество, въ Васъ—своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ Русскій Царь—не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій,— а Царь всея Руси, такъ и выборные люди отъ всего населенія, призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе.

Далѣе, народное представительство должно служить дѣлу „преобразованія государственнаго“. Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а „приказный строй“. Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ

державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между имъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами.

Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо открыть самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь.

Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи".

Гласный с.-петербургской городской думы М. П. Федоровъ высказалъ слѣдующее:

„Позвольте, Ваше Величество, присоединить къ тому, что̀ сейчасъ было высказано княземъ Трубецкимъ, еще и то, что̀ тревожитъ и волнуетъ города. Городъ и деревня такъ близки другъ другу, что всякая невзгода деревни отражается и на благосостояніи города; бѣднѣетъ деревня, и мы страдаемъ.

Мы не можемъ не безпокоиться о задачахъ ближайшаго будущаго: какъ бы Ваше Величество ни разрѣшили вопросъ войны и мира, война все-таки когда-нибудь кончится, и тогда настанетъ необходимость залечивать нанесенныя ею раны—экономическія и финансовыя; мы предвидимъ, что нашъ бюджетъ долженъ будетъ увеличиться ради этого на много милліоновъ въ годъ. Чтобы достать эти милліоны, чтобы найти источникъ для покрытія этихъ расходовъ, нужно начать огромную культурную работу, нужно озаботиться о подъемѣ производительныхъ силъ страны, а это только возможно тогда, когда будетъ призвано къ жизни все, что̀ есть даровитаго и талантливаго въ народѣ, и возбуждена широкая самодѣятельность общества.

У Вашего Величества есть, правда, люди и люди талантливые, но ихъ немного, и они могутъ присматриваться къ потребностямъ и нуждамъ народнымъ только изъ своихъ кабинетовъ и канцелярій, тогда какъ предстоящая работа потребуетъ людей, стоящихъ у самой жизни. Вотъ почему и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей, мысли которыхъ передалъ здѣсь князь Трубецкой".

Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣтить:

„Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви къ Родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко Мнѣ.

„Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ Моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

„Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля—воля Царская—созывать выборныхъ отъ народа — непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.

„Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.

„Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія.

„Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

„Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ“.

Кромѣ кн. Трубецкого и М. П. Федорова, въ представленіи участвовали земскіе гласные: московскіе—Ѳ. А. Головинъ (предсѣдатель московской губернской земской управы) и кн. Пав. Д. Долгоруковъ, псковской—гр. П. А. Гейденъ, саратовскій—Н. Н. Львовъ, тамбовскій—Ю. А. Новосильцовъ, тверскіе—И. И. Петрункевичъ и Ф. И. Родичевъ, тульскій—кн. Г. Е. Львовъ (предсѣдатель тульской губернской земской управы), харьковскій—Н. Н. Ковалевскій, ярославскій—кн. Д. И. Шаховской, и с.-петербургскіе городскіе гласные бар. П. Л. Корфъ и А. Н. Никитинъ. „Въ составѣ этой исторической депутаціи“—справедливо замѣчаетъ „Русь“—„находилось нѣсколько лицъ, обычно подвергающихся самымъ грубымъ нападкамъ реакціонной печати... Земля избрала и верховная власть приняла людей высокодостойныхъ этого двойного довѣрія, но чьи имена съ наглостью, свойственною ободряемымъ и натравляемымъ рептиліямъ, трепали еще очень и очень недавно „Московскія Вѣдомости“ и союзные имъ органы клеветничества... Со столбцовъ газетъ злобныя и лживыя аттестаціи въ весьма недавнее еще время, при В. К. Плеве, поднимались гораздо выше, въ административныя сферы, и неразборчивая рука фанатика бюрократіи давила аттестованныхъ, чѣмъ только могла давить. Менѣе года назадъ поднадзорные, политически неблагонадежные, они вчера приняты были въ Фермерскомъ дворцѣ... Черезъ многое пришлось пройти многимъ земскимъ дѣятелямъ, отстаивавшимъ правду и законъ въ русской землѣ противъ безпардоннаго, нечестнаго беззаконія русской бюрократіи“.

Глубокое, потрясающее впечатлѣніе произвела въ широкихъ кругахъ столь же продуманная, сколько и прочувствованная рѣчь князя С. Н. Трубецкого. Ярко, въ немногихъ, но вѣскихъ словахъ обрисовавъ причины зла, отъ котораго страдаетъ Россія, онъ указалъ путь, ведущій впередъ, къ добру и свѣту. Отсюда тревога, поднявшаяся среди сторонниковъ тьмы и неправды. Сначала они пустили въ ходъ „пріемъ ироніи", приписывая князю Трубецкому и его товарищамъ страхъ передъ *земской* неурядицей, осужденіе „вреднаго направленія", принятаго нѣкоторыми земскими и городскими учрежденіями [1]). Убѣдясь, что слишкомъ ужъ очевидна искусственность и фальшь подобнаго пріема, они перешли въ открытое нападеніе, соединенное съ самозащитой (говоримъ: *самозащитой*, потому что все, противъ чего возставалъ кн. Трубецкой, поддерживала, одобряла или вдохновляла реакціонная печать). Какъ ведется нападеніе, къ какимъ средствамъ прибѣгаетъ защита—этому достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Слова кн. Трубецкого: „предначертанія верховной власти урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ"—истолковываются исключительно въ смыслѣ упрека министру внутреннихъ дѣлъ, медлящему созывомъ представителей, и затѣмъ дѣлается попытка доказать, что этотъ упрекъ не заслуженъ, что работа первостепенной важности не могла быть закончена въ болѣе короткое время. Всѣ эти аргументы бьютъ мимо цѣли. Дѣло не столько въ томъ, допущена или не допущена медленность въ созывѣ представителей,—сколько въ томъ, въ чьи руки попадаетъ исполненіе реформъ —въ руки искреннихъ ихъ друзей или въ руки враговъ, тайныхъ, а иногда и явныхъ? На этотъ вопросъ, прямо и ясно поставленный кн. Трубецкимъ, не можетъ быть двухъ различныхъ отвѣтовъ: достаточно припомнить, сколько совершилось въ послѣднее время, на бумагѣ, отступленій отъ системы, почти четверть вѣка сряду господствовавшей въ нашемъ оффиціальномъ мірѣ—и какъ мало измѣнился до сихъ поръ личный составъ этого міра. Кн. Трубецкой безусловно правъ—и доказательствомъ его правоты служитъ, между прочимъ, именно эскамотажъ, производимый надъ его мыслью.

„Страшное слово: *измѣна*"—читаемъ мы дальше въ рѣчи кн. Трубецкого—„произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ—и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ *господахъ* вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплоатируется. Одни натравляютъ народъ на помѣщиковъ, другіе—на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы". Неправда—возражаетъ московская газета,—„неправда, что народъ ищетъ измѣнни-

[1]) См. „Московскія Вѣдомости", №№ 154 и 156.

ковъ среди генераловъ и чиновниковъ; среди нихъ стараются найти измѣнниковъ только радикалы. Народъ инстинктивно ищетъ измѣнниковъ среди людей, умышленно создающихъ правительству всевозможныя затрудненія въ видѣ стачекъ, открытыхъ бунтовъ, подрыва кредита, сношеній съ непріятелемъ... Народъ дѣйствительно натравливаютъ на помѣщиковъ; но кто это дѣлаетъ? Кто совѣтовалъ—поправъ всѣ законы собственности,—отнять землю у помѣщиковъ и раздать крестьянамъ? Кто, какъ не слушатели этихъ совѣтовъ, ходятъ по деревнямъ, благо у нихъ много свободнаго времени, и подстрекаютъ населеніе къ грабежамъ? Кто натравливаетъ общество на учителей, какъ не либеральная печать, представляющая учителя какимъ-то извергомъ, пожирающимъ дѣтей живьемъ"?—Претендуя на возстановленіе правды, вся эта тирада представляетъ собою сплошное ея нарушеніе. Печать, какъ радикальная, такъ и либеральная—въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между тою и другою—нигдѣ не искала и не ищетъ измѣны и измѣнниковъ: она констатировала и констатируетъ неспособность, легкомысліе, отсутствіе чувства долга, злоупотребленіе властью — но винитъ въ этомъ не столько отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, сколько режимъ, на почвѣ котораго они воспитались и подъ покровомъ котораго они дѣйствовали... или бездѣйствовали. Не ищетъ измѣнниковъ и народъ, даже въ своихъ стихійныхъ эксцессахъ; не вѣрятъ въ измѣну и „черныя сотни", когда предпринимаютъ избіеніе евреевъ, студентовъ или гимназистовъ. Пропагандою этой вѣры занимается одна лишь реакціонная печать. Образецъ пріемовъ, къ которымъ она при этомъ прибѣгаетъ, мы видѣли выше. Одинъ изъ нихъ—сваливанье въ одну кучу самыхъ разнородныхъ обвиненій: стачки, фактически даже у насъ переставшія считаться преступленіемъ, ставятся рядомъ съ открытымъ бунтомъ, отказъ въ поддержкѣ правительства приравнивается... къ сношеніямъ съ непріятелемъ! Слѣдуя принципу: calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose, обвинители разсчитываютъ на то, что изъ нагромождаемыхъ подозрѣній западетъ хоть что-нибудь въ душу довѣрчивыхъ читателей... Другой полемическій пріемъ — смѣшеніе небольшой доли истины съ очень крупной долей вымысла. Въ публичныхъ чтеніяхъ, въ печати, на съѣздахъ говорилось, въ послѣднее время, о необходимости выкупа части помѣщичьихъ земель, для увеличенія крестьянскихъ надѣловъ: и вотъ, подъ перомъ самозванныхъ „охранителей" это предложеніе, прямо примыкающее къ крестьянской реформѣ 1861 года, превращается въ „попраніе права собственности", въ стремленіе *отнять* землю у помѣщиковъ. Третій пріемъ—это намекъ, отъ котораго можно, въ случаѣ надобности, и отречься. Кого имѣетъ въ виду газета, когда говоритъ о „слушателяхъ совѣтовъ", ходящихъ

по деревнямъ, „*благо у нихъ много свободнаго времени*“, и подстрекающихъ населеніе къ „грабежамъ“? Для насъ не существуетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подчеркнутыя слова направлены противъ студентовъ: студенты—обычные слушатели профессоровъ; студенты, вслѣдствіе прекращенія занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣютъ много свободнаго времени. Но прямо они не названы — и для беззастѣнчиваго обвинителя остается открытой лазейка, черезъ которую онъ можетъ уйти отъ отвѣтственности... Четвертый пріемъ можетъ быть названъ сознательнымъ недоразумѣніемъ. Совершенно очевидно, что, говоря о натравливаніи *народа* на учителей, кн. Трубецкой имѣлъ въ виду исключительно учителей начальной школы, которые одни только непосредственно соприкасаются съ народомъ. Не можетъ быть, чтобы этого не понимала московская газета; но ей нужно было взвести новое обвиненіе на либеральную печать—и вотъ, она замѣняетъ слово *народъ* словомъ *общество*, и сказанное о народныхъ учителяхъ примѣняетъ къ учителямъ средней школы, о которыхъ вовсе не помышлялъ кн. Трубецкой. И на послѣднихъ, впрочемъ, никогда никого не натравливала либеральная печать, очень хорошо понимая, что недостатки учителей всецѣло зависятъ отъ недостатковъ учебной системы.

Предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ о способѣ образованія и порядкѣ дѣйствій народнаго представительства, разсматриваемыя, со второй половины мая, въ совѣтѣ министровъ, будутъ утверждены, повидимому, безъ передачи на обсужденіе особаго совѣщанія, проектированнаго Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля. Обнародованіе закона, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ Россія, состоится, по всей вѣроятности, весьма скоро. Излишне было бы, поэтому, входить въ подробный разборъ проекта, составленнаго гофмейстеромъ Булыгинымъ — тѣмъ болѣе излишне, что о содержаніи его нѣтъ до сихъ поръ достовѣрныхъ свѣдѣній. Любопытно отмѣтить, какъ долго и упорно держалась, въ извѣстныхъ сферахъ, надежда на то, что все или почти все останется попрежнему. Характернымъ проявленіемъ этой надежды служитъ отвѣтъ, данный однимъ изъ членовъ сформировавшагося въ Москвѣ „союза русскихъ людей“, П. А. Некрасовымъ, на вопросъ, сдѣланный ему по выслушаніи его реферата на современную тему [1]). Вопросъ былъ поставленъ такъ: нужна ли „Новая Палата“, т.-е., по терминологіи г. Некрасова, собраніе выборныхъ, имѣющее стать рядомъ съ „Старой Палатой“ (государственнымъ совѣтомъ). „Я думаю“,—сказалъ г. Некрасовъ,—„что хорошая

---

[1]) См. фельетонъ въ № 10514 „Новаго Времени“.

палата, съ доблестнымъ большинствомъ, нужна и желательна, а плохая —конечно нѣтъ. Судя по нынѣшней спутанности взглядовъ и понятій, скорѣе можно ожидать образованія палаты послѣдняго типа, чѣмъ добропорядочной". Достаточно ясной представляется уже первая часть отвѣта: если желательна только *хорошая* палата—хорошая, конечно, на вкусъ говорящаго, — а возможна и *плохая*, то лучше обойтись вовсе безъ палаты. Вторая часть отвѣта идетъ еще дальше, находя избраніе плохой палаты, въ настоящую минуту, не только *возможнымъ*, но и *вѣроятнымъ*. И такъ смотритъ на дѣло членъ „союза русскихъ людей", не отрицающаго, въ принципѣ, ни необходимости, ни даже своевременности реформъ! Если въ словахъ г. Некрасова отразился взглядъ „союза", въ засѣданіи котораго онъ читалъ свой рефератъ, то болѣе послѣдовательными, чѣмъ члены этого союза, должны быть признаны единомышленники г. Грингмута, рекомендующіе отложить реформы (*какія* реформы — это вообразить себѣ нетрудно!) до окончанія войны. „Союзъ", столь мало довѣряющій русскому народу и русскому обществу, не имѣетъ права именовать себя союзомъ *русскихъ людей*, точно также какъ партія, отстаивающая неограниченность произвола, не въ правѣ называться *монархическою* партіею. Подходящее прозвище для послѣдней найдено уже давно: она была и остается партіей *реакціонной*, а соприкасающійся, но не сливающійся съ нею „союзъ русскихъ людей" представляетъ собою, быть можетъ, зерно будущей *консервативной* партіи.

Заслуживаетъ вниманія еще одна черта въ рефератѣ г. Некрасова. Отвѣчая на вопросъ, одна ли нужна палата или нѣсколько, референтъ высказался за нѣсколько палатъ — центральную и мѣстныя, причемъ послѣднія должны рѣшать тѣ вопросы, которые по закону будутъ признаны относящимися къ компетенціи провинціальныхъ учрежденій. Мѣстныя *законопроективныя* (!) палаты, по мнѣнію г. Некрасова, „необходимы для закономѣрной децентрализаціи законодательства. У центра есть важныя нужды — интересы цѣлаго; мѣстныя нужды кажутся ему микроскопическими, являясь въ его глазахъ пылью, по законамъ перспективы". Еслибы подъ именемъ мѣстныхъ палатъ разумѣлись здѣсь губернскія земскія учрежденія, противъ мысли г. Некрасова нельзя было бы возразить ни слова; существованіе центральнаго народнаго представительства, конечно, не устраняетъ надобности въ мѣстныхъ органахъ самоуправленія, а наоборотъ, можетъ только способствовать широкому ихъ развитію и плодотворной дѣятельности. Согласиться съ г. Некрасовымъ можно было бы и въ такомъ случаѣ, еслибы онъ имѣлъ въ виду созданіе областного представительства, въ районахъ болѣе крупныхъ, чѣмъ губернія, и вмѣстѣ съ тѣмъ объединенныхъ сходствомъ этнографическаго состава или общностью

интересовъ, матеріальныхъ или духовныхъ. Съ земскими учрежденіями, однако, „мѣстныя палаты“ г. Некрасова, очевидно, не совпадаютъ, потому что въ сферу дѣйствій земства функціи *законодательныя* не входятъ и входить не могутъ. Объ автономіи областей, хотя бы и заключенной въ сравнительно тѣсные предѣлы, г. Некрасовъ, столь же очевидно, не помышляетъ: она шла бы въ разрѣзъ съ основными взглядами „русскихъ людей“, въ специфическомъ смыслѣ этого слова. Что же такое, въ концѣ концовъ, „мѣстныя законопроективныя палаты“, что такое ожидаемая отъ нихъ „закономѣрная децентрализація законодательства“? Единственнымъ возможнымъ разрѣшеніемъ этой загадки кажется намъ раздробленіе законодательной иниціативы между нѣсколькими собраніями, дѣйствующими независимо одно отъ другого и отъ центральной палаты и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе зависимыми отъ администраціи. „Децентрализація законодательства“, такимъ образомъ понимаемая — то же самое, что централизація власти. Нельзя же было бы, въ самомъ дѣлѣ, допустить совмѣстное существованіе нѣсколькихъ законодательствъ, несогласованныхъ между собою—и согласующая, т.-е. рѣшающая роль оказалась бы въ рукахъ правительства. Измѣнилась бы форма, но содержаніе осталось бы прежнее. По истинѣ данаевыми были бы дары, уготовляемые для Россіи ораторомъ „союза русскихъ людей“. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мысль г. Некрасова отстаетъ даже отъ законодательныхъ актовъ, плохо соблюдаемыхъ, но все-же не отмѣненныхъ. „Всѣмъ конституціямъ, требующимъ независимости суда отъ верховной власти, можно сказать: судьи, не заслоняйте солнца правды того государства, которому вы служите!“. Въ этомъ восклицаніи г. Некрасова воскресаетъ точка зрѣнія, надъ которою почти полвѣка тому съумѣли возвыситься составители нашихъ судебныхъ уставовъ.

Извѣстный афоризмъ о соприкосновеніи крайностей нашелъ недавно неожиданное подтвержденіе въ различныхъ взглядахъ на отношеніе Финляндіи къ переустроенной Россіи. Проектъ гофмейстера Булыгина допускаетъ участіе въ государственной думѣ представителей отъ финляндскаго сейма (по три отъ каждаго сословія) при разсмотрѣніи законопроектовъ, общихъ для имперіи и великаго княжества финляндскаго, а также законопроектовъ, относящихся къ одной Финляндіи, но затрогивающихъ и общегосударственные интересы. Право имѣть представителей въ всероссійскомъ государственномъ учрежденіи признаютъ за Финляндіей, съ другой стороны, и резолюціи собиравшагося недавно въ Петербургѣ съѣзда журналистовъ, предоставляющія Финляндіи „опредѣлить свои отношенія къ Россіи на тѣхъ началахъ,

какія счелъ бы нужнымъ выработать финляндскій сеймъ, избранный на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія половъ". Противъ обоихъ мнѣній, сходящихся между собою на одномъ пунктѣ и далеко расходящихся по всѣмъ остальнымъ, возражаетъ профессоръ Вреде, въ интересной статьѣ, помѣщенной въ № 22 „Права". Останавливаясь сначала на резолюціи съѣзда журналистовъ, онъ напоминаетъ, что Финляндія имѣетъ свою старинную конституцію, измѣненіе которой, хотя бы и къ лучшему, возможно только въ порядкѣ, установленномъ основными законами великаго княжества. Финляндія—продолжаетъ г. Вреде—„находится, въ этомъ отношеніи, въ совершенно иныхъ условіяхъ, нежели имперія. Россія не имѣетъ конституціоннаго строя, вслѣдствіе чего народное представительство можетъ быть организовано въ ней почти любымъ способомъ. Въ Финляндіи сеймъ, избранный на тѣхъ началахъ, о которыхъ говорится въ резолюціи съѣзда журналистовъ, или вообще иначе, чѣмъ предписываютъ основные законы края, не имѣлъ бы никакой законной власти и не могъ бы принимать рѣшеній, обязательныхъ для финскаго народа". Столь же категорически г. Вреде высказывается и противъ участія представителей Финляндіи въ русской государственной думѣ. Потребность въ законахъ, общихъ для имперіи и для великаго княжества, встрѣчается весьма рѣдко, да и въ этихъ исключительныхъ случаяхъ обязательную силу для Финляндіи законы могутъ получить лишь по утвержденіи ихъ въ обычномъ порядкѣ. Возможна, пожалуй, совмѣстная подготовка такихъ законовъ, но самое принятіе ихъ должно происходить особо для каждой страны, согласно ея конституціи. На участіе въ разрѣшеніи тѣхъ немногихъ вопросовъ, по которымъ неизбѣжно согласіе между имперіей и великимъ княжествомъ (напр. порядокъ престолонаслѣдія, внѣшняя политика), Финляндія, по словамъ г. Вреде, никогда не претендовала и не претендуетъ: ихъ всегда рѣшала самостоятельно имперія. „Финляндцы надѣются"—такъ заканчивается статья г. Вреде,—„что обновленная Россія будетъ уважать финляндскую конституцію". Мы раздѣляемъ эту надежду и продолжаемъ думать, что участіе представителей Финляндіи въ общеимперской государственной думѣ сдѣлается желательнымъ и возможнымъ только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда прочно, на широкихъ началахъ, установится новый порядокъ въ Россіи и приблизится къ нему, безъ принужденія извнѣ, политическій строй великаго княжества. Недостатки этого строя хорошо сознаются въ самой Финляндіи; коренное преобразованіе его—вопросъ времени. Необходимо только, чтобы иниціатива перемѣны шла отъ тѣхъ, кто въ ней непосредственно заинтересованъ. Для диктовки, хотя бы заимствованной изъ самыхъ лучшихъ прописей,

здѣсь не должно быть мѣста. Навязывать финляндцамъ формулу, модную, въ данный моментъ, среди русскаго общества, значило бы забывать поговорку: „въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ".

Чаще, чѣмъ когда-либо, повторяются въ послѣднее время случаи изданія важныхъ законодательныхъ актовъ внѣ установленнаго закономъ порядка. Мы видѣли, мѣсяцъ тому назадъ, что именно такъ было упразднено министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ; теперь намъ приходится занести въ нашу хронику другую аналогичную мѣру—учрежденіе министерства полиціи. Въ Высочайшемъ указѣ 21-го мая нѣтъ этого слова, но несомнѣнно имѣется на лицо соотвѣтствующее ему содержаніе. Разъ что товарищу министра, завѣдующему полиціей, предоставлено разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, входящихъ, по закону, въ кругъ власти министра, разъ что ему дано и право всеподданнѣйшаго доклада, и право непосредственнаго сношенія со всѣми правительственными мѣстами и лицами, онъ несомнѣнно является министромъ, если не по имени, то на самомъ дѣлѣ. Обыкновенный товарищъ министра исполняетъ указанія своего принципала, замѣняя его только во время его отсутствія или болѣзни; всѣ отрасли управленія, образующія компетенцію министерства, остаются въ вѣдѣніи и распоряженіи министра, хотя бы ближайшее руководство нѣкоторыми изъ нихъ и было возлагаемо на одного изъ товарищей. Совсѣмъ не то мы видимъ въ данномъ случаѣ: полиція, продолжая составлять предметъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, не только фактически, но и юридически изъята изъ вѣдѣнія министра. Этого мало: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціею, получаетъ возможность вмѣшательства въ сферу дѣйствій другихъ министерствъ и даже высшихъ государственныхъ установленій. Онъ облеченъ правомъ высшаго надзора за порядкомъ содержанія подъ стражей лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ—и, слѣдовательно, раздѣляетъ это право съ министромъ юстиціи, въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ мѣста заключенія. Онъ уполномоченъ закрывать съѣзды, разрѣшаемые какъ установленіями министерства внутреннихъ дѣлъ, *такъ и установленіями другихъ вѣдомствъ*—и, слѣдовательно, можетъ отмѣнить распоряженіе любого министерства, съ согласія котораго собрался тотъ или другой съѣздъ. Отъ него зависитъ закрытіе, на срокъ до одного года, всякаго рода обществъ, собраній, союзовъ и тому подобныхъ учрежденій, въ какомъ бы порядкѣ ни послѣдовало ихъ открытіе и къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали. Въ этомъ отношеніи онъ не только поставленъ выше отдѣльныхъ министровъ, но приравненъ къ коми-

тету министровъ, отъ котораго одного, по общему правилу, могли исходить, до сихъ поръ, распоряженія о закрытіи законно учрежденныхъ обществъ (если въ ихъ уставахъ не предусмотрѣнъ другой порядокъ прекращенія ихъ дѣйствій). Поколеблены, такимъ образомъ, основы нашей бюрократической іерархіи, нарушено нормальное отношеніе властей, созданы поводы для множества недоразумѣній и конфликтовъ. Проще было бы, повидимому, учредить министерство полиціи,—т.-е., внести въ государственный совѣтъ проектъ, его учреждающій. Быть можетъ, этому помѣшало сознаніе, что нигдѣ и никогда министерство полиціи не приводило къ цѣли, не служило опорой для государственнаго порядка; быть можетъ, нѣкоторую роль сыграла и недобрая память, оставленная третьимъ отдѣленіемъ—этою спеціально русскою разновидностью министерства полиціи. Дѣло, однако, не въ названіи. Для всѣхъ ясно, что товарищъ министра, самостоятельный и полноправный, ничѣмъ не отличается отъ министра; столь же ясно и то, что значеніе полицейскаго вѣдомства обусловливается не положеніемъ, номинально отводимымъ ему въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, а характеромъ и объемомъ принадлежащихъ ему полномочій. Третье отдѣленіе, упраздненное въ 1880-мъ году, воскресло весьма скоро въ лицѣ департамента полиціи; министръ внутреннихъ дѣлъ унаслѣдовалъ не только титулъ, но и функціи шефа жандармовъ. Нѣсколько лѣтъ, даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, расширеніе власти товарища министра, завѣдующаго полиціей, вызвало бы, поэтому, только тѣ формальныя возраженія, которыя сдѣланы нами выше; теперь оно возбуждаетъ рядъ другихъ вопросовъ, несравненно болѣе серьезныхъ. Какъ согласить его съ указомъ 12-го декабря и рескриптомъ 18-го февраля? Какъ объяснить, что вмѣсто возвѣщеннаго укрѣпленія законности мы присутствуемъ при новыхъ ея нарушеніяхъ, при новомъ обостреніи произвола? Какъ совмѣстить колоссальный ростъ полицейскаго усмотрѣнія съ ожидаемымъ преобразованіемъ государственнаго строя? Мыслимо ли такое преобразованіе, пока не только сохраняются, но даже обостряются характернѣйшія черты старой системы? Недаромъ же въ адресахъ, резолюціяхъ, заявленіяхъ всякаго рода необходимымъ условіемъ, необходимой предпосылкой коренной реформы выставляется признаніе и проведеніе въ жизнь тѣхъ элементарныхъ правъ личности, на игнорированіи которыхъ зиждется полицейское всевластіе. Въ такое время, какое мы переживаемъ теперь, репрессія, внѣ-законная и внѣ-судебная, не только возмущаетъ общественную совѣсть: она не достигаетъ даже своей ближайшей цѣли. „Нарушенія порядка“ повторяются такъ часто, нарушителей оказывается такъ много, что всего и всѣхъ мѣры предупрежденія и пресѣченія коснуться все равно не могутъ. Принимаемыя болѣе или менѣе случайно, онѣ тяжело отзываются на

отдѣльныхъ лицахъ, не приводя ни къ какимъ общимъ результатамъ.

Съ особенною ясностью несостоятельность и несправедливость полицейскаго режима отражается въ лишеніи свободы, практикуемомъ, какъ общее правило, по отношенію къ подозрѣваемымъ въ политическомъ преступленіи. Примѣровъ этому слишкомъ много: приведемъ одинъ изъ нихъ, только-что оглашенный въ печати. Вотъ что̀ пишетъ „Руси“ присяжный повѣренный М. В. Беренштамъ: „Поздно вечеромъ 14-го апрѣля ко мнѣ явились съ обыскомъ. Тщательный осмотръ всей квартиры не далъ почти никакихъ результатовъ: въ составленный по поводу обыска протоколъ занесено, что ничего явно-предосудительнаго у меня не найдено. Всѣ письма, замѣтки, рукописи и пр. были, конечно, отобраны. Среди нихъ находились и бумаги, относящіяся къ съѣзду адвокатовъ въ Петербургѣ. Производившія обыскъ лица ихъ даже не просматривали и о содержаніи ихъ не знали. Тѣмъ не менѣе, въ силу даннаго полицейскому приставу предписанія, я былъ арестованъ и отправленъ въ тюрьму. 25 апрѣля дѣло обо мнѣ передано жандармскому управленію. 30 апрѣля мнѣ сдѣлали первый допросъ. Мнѣ предъявили обвиненіе по 126-й ст. угол. улож. и пояснили, что преступнымъ сообществомъ, въ принадлежности къ коему обвиняюсь я, является союзъ адвокатовъ. Никакого другого обвиненія мнѣ не предъявляли. Спрашивали меня по поводу бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ съѣзду адвокатовъ и оказавшихся у меня при обыскѣ. Допросъ закончился тѣмъ, что мнѣ объявили постановленіе о дальнѣйшемъ содержаніи меня подъ стражей. Послѣ допроса я провелъ въ тюрьмѣ еще ровно четыре недѣли—до 28-го мая. За это время меня ни разу не допрашивали. 28-го мая меня доставили въ жандармское управленіе, гдѣ и объявили постановленіе о замѣнѣ содержанія подъ стражей особымъ надзоромъ полиціи“.

Изъ сопоставленія фактовъ, приведенныхъ въ письмѣ М. В. Беренштама, явствуетъ, что въ моментъ обыска и ареста противъ него не было собрано никакихъ опредѣленныхъ данныхъ. Въ принадлежности къ союзу адвокатовъ онъ въ это время не обвинялся, такъ какъ иначе относящіяся сюда бумаги несомнѣнно обратили бы на себя вниманіе полицейскихъ властей; въ чемъ-либо другомъ онъ также заподозрѣнъ не былъ, потому что иначе поводы къ подозрѣнію не могли бы быть обойдены при позднѣйшемъ его допросѣ. Остается предположить, что его просто считали неблагонадежнымъ—основаніе, очевидно, болѣе чѣмъ недостаточное для принятія такихъ мѣръ, какъ обыскъ и арестъ (въ одиночной камерѣ). Далѣе: цѣлыхъ десять дней *дѣло* объ арестованномъ не передается въ жандармское управленіе; еще пять дней проходитъ между этой передачей и допросомъ обви-

няемаго. *Двѣ недѣли*, слѣдовательно, ему остаются неизвѣстными причины, по которымъ онъ лишенъ свободы (для обыкновенныхъ обвиняемыхъ такое положеніе не можетъ, по общему правилу, продолжаться болѣе однихъ сутокъ). Послѣ допроса его держатъ подъ стражей еще четыре недѣли, не вызывая его болѣе къ слѣдователю, что̀ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи какихъ бы то ни было новыхъ обвинительныхъ данныхъ. Спрашивается, что̀ мѣшало оставить его на свободѣ съ самаго начала или, по меньшей мѣрѣ, освободить его вслѣдъ за первымъ (и единственнымъ) допросомъ? Опасаться бѣгства обвиняемаго не было причины; бѣжать расположены только тѣ, кто дѣйствовалъ втайнѣ,—а союзъ адвокатовъ образовался совершенно открыто. Столь же мало вѣроятны, по той же причинѣ, были сношенія обвиняемаго съ его „сообщниками". Образъ дѣйствій полиціи по отношенію къ М. В. Беренштаму нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ рутины, окрѣпшей въ теченіе многихъ, многихъ лѣтъ и воспитавшей полнѣйшее равнодушіе къ праву, свободѣ, достоинству „обыкновенныхъ гражданъ". Чего стоютъ одни обыски, производимые поздно вечеромъ или ночью, безъ всякаго вниманія къ семейному положенію обыскиваемаго! Чего стоитъ состояніе неизвѣстности, въ которомъ недѣлями, мѣсяцами пребываютъ люди близкіе къ обвиняемому! Противъ порядка вещей, допускающаго и оправдывающаго такія нравственныя пытки, высказался недавно даже комитетъ министровъ—и все-таки онъ продолжаетъ существовать, скорѣе укрѣпляясь, чѣмъ ослабѣвая.

Кстати о союзѣ адвокатовъ. За принадлежность къ нему привлеченъ къ отвѣтственности по ст. 126 угол. уложенія [1]), кромѣ М. В. Беренштама, еще присяжный повѣренный М. М. Винаверъ. По словамъ „Права", остальные члены союза подали въ жандармское управленіе заявленіе о принадлежности ихъ къ союзу, объясняя, что если въ этомъ заключаются признаки преступленія, то они виновны наравнѣ съ названными выше лицами и подлежатъ одинаковой съ ними отвѣтственности. Не явствуетъ ли отсюда, что пора съузить понятіе о политическомъ преступленіи, расширивъ предѣлы законной дѣятельности, личной и коллективной? Провозгласить свободу союзовъ и собраній—значило бы сразу уменьшить число политическихъ процессовъ, безъ всякаго вреда для общественнаго спокойствія и порядка. Потребность соединяться для общихъ цѣлей слишкомъ велика, чтобы ее могли подавить полицейскія мѣры. Союзъ адвокатовъ—только одинъ

[1]) На основаніи ст. 126 новаго уголовнаго уложенія виновный въ участіи въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя, наказывается каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ или ссылкою на поселеніе.

изъ многихъ, образовавшихся въ послѣднее время. Преслѣдовать нѣсколькихъ членовъ союза, не трогая остальныхъ, было бы явною несообразностью; преслѣдовать всѣхъ—значило бы создать цѣлый рядъ чудовищно-крупныхъ процессовъ, безъ всякой надежды остановить широко разросшееся движеніе. Слабыми, устарѣвшими плотинами нельзя предупредить разливъ рѣки, въ періодъ таянія снѣга; предоставленная самой себѣ, она скорѣе войдетъ въ берега.

Растущимъ чувствомъ солидарности, продиктовавшимъ образъ дѣйствій адвокатовъ, внушено и другое аналогичное заявленіе, идущее отъ сотрудниковъ „Московской Недѣли"—еженедѣльной газеты, основанной кн. С. Н. Трубецкимъ. Первые три нумера ея были задержаны цензурой, и кн. Трубецкому объявлено о привлеченіи его къ уголовной отвѣтственности, послѣ чего редакція рѣшила временно пріостановить изданіе. Главные сотрудники его — бо̀льшею частью извѣстные земскіе и городскіе дѣятели—выразили желаніе отвѣчать на судѣ вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ, такъ какъ статьи, послужившія поводомъ къ преслѣдованію, написаны по общему ихъ согласію. Отказать въ исполненіи этого желанія будетъ нелегко: новое уголовное уложеніе (ст. 307) примѣняетъ къ проступкамъ печати общее правило (ст. 51), въ силу котораго соучастниками признаются всѣ непосредственно учинившіе преступное дѣяніе или *участвовавшіе въ его выполненіи.* Чрезвычайно поучителенъ можетъ быть, при такихъ условіяхъ, процессъ „Московской Недѣли", если только ему суждено состояться: въ газетахъ появилось извѣстіе, что прокуроръ московской судебной палаты не находитъ въ инкриминированныхъ статьяхъ ничего подходящаго подъ дѣйствіе уголовнаго закона... Судебныя преслѣдованія не освобождаютъ печать отъ административнаго гнета. Часто, очень часто появляются запретительные циркуляры, мало согласованные съ ст. 140-ой и налагающіе на печать молчаніе о многомъ, что̀ особенно полезно было бы доводить до всеобщаго свѣдѣнія. За неисполненіе требованія одного изъ этихъ циркуляровъ пріостановлена на мѣсяцъ газета „Русь"—пріостановлена именно въ такое время, когда каждый день приноситъ съ собою важныя событія, когда вдвойнѣ тяжело каждое ограниченіе гласности. Невольно припоминаются слова, сказанныя кн. Трубецкимъ 6-го іюня: „было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ — и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія"...

Въ то самое время, когда встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія о̀рганъ кн. С. Н. Трубецкого, поощреніемъ, очень далеко идущимъ, пользуется изданіе, посвященное „натравливанью" одной части населенія противъ другой. Въ тульской губерніи, по словамъ корреспон-

дента „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 154), разсылалась въ большомъ количествѣ экземпляровъ брошюра, озаглавленная: „*Доброе* и *правдивое* слово къ простымъ русскимъ людямъ“, но по содержанію своему заслуживавшая эпитетовъ прямо противоположныхъ. Напечатана она была въ типографіи губернскаго правленія и названа изданіемъ тульскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Оказалось, однако, что это названіе „не соотвѣтствуетъ дѣйствительности“, о чемъ, отъ имени комитета, и появилось заявленіе въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Путеводною нитью для раскрытія „настоящей дѣйствительности“ послужила надпись на корректурномъ оттискѣ брошюры, сдѣланная рукою редактора неоффиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей“, г. Крапухина: „отпечатать 10 тыс. экземпляровъ, изъ которыхъ 200 отослать г. Малицкому (автору брошюры, преподавателю духовной семинаріи), а остальные—по чайнымъ и другимъ мѣстамъ такимъ же по губерніи. Деньги взять съ попечительства за наборъ и печать, а съ чайныхъ—за бумагу“. По объясненію г. Крапухина, г. Малицкій сдалъ рукопись прямо губернатору, а тотъ приказалъ передать ее въ типографію для набора. Когда наборъ былъ сдѣланъ и корректура продержана, губернаторъ, въ присутствіи г. Малицкаго, сдѣлалъ то самое распоряженіе, которое значится на корректурномъ оттискѣ и написано рукой г. Крапухина. Надпись: „Изданіе губернскаго комитета попечительства о народной трезвости“ явилась въ виду того, что губернаторъ въ то же время—предсѣдатель этого комитета... Исторія выяснилась, но только послѣ отъѣзда губернатора (г. Шлиппе); въ бытность его въ Тулѣ никто изъ членовъ губернскаго комитета не имѣлъ смѣлости поднять голосъ противъ узурпаціи его имени и его правъ. Брошюра вышла мѣсяца два тому назадъ, возбудила въ мѣстномъ обществѣ много толковъ, но комитетъ молчалъ... Въ этой исторіи все своеобразно: и самый фактъ напечатанія брошюры, по распоряженію губернской администраціи, на счетъ учрежденій попечительства народной трезвости, и обязательная покупка ея чайными, и обращеніе губернскаго комитета въ издателя sans le savoir et sans le vouloir, и продолжительное молчаніе комитета, и внезапное возвращеніе ему дара слова. Сколько аналогичныхъ, можетъ быть еще болѣе характерныхъ эпизодовъ остается подъ спудомъ, впредь до „перемѣны обстоятельствъ“! Какая богатая жатва предстоитъ будущимъ провинціальнымъ лѣтописцамъ!

Среди событій первостепенной важности, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ, мало замѣченнымъ осталось положеніе комитета министровъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ стѣсненій, тяготѣвшихъ до сихъ

поръ надъ губерніями Царства Польскаго. Еще недавно такія мѣры, какъ увеличеніе правъ польскаго языка (въ школѣ, присутственныхъ мѣстахъ и частныхъ обществахъ), какъ приступъ къ земской и городской реформѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя будутъ приняты для центральныхъ губерній, произвели бы сильное и, конечно, благопріятное впечатлѣніе среди поляковъ; теперь онѣ не удовлетворятъ почти никого. Запоздалость, въ подобныхъ случаяхъ—синонимъ недостаточности. Болѣе чѣмъ когда-либо выступаетъ на видъ необходимость дальнѣйшихъ, гораздо болѣе рѣшительныхъ преобразованій, предпринять и довершить которыя суждено, по всей вѣроятности, государственной думѣ.

Ничего не предрѣшаетъ положеніе комитета министровъ по еврейскому вопросу: учреждено только особое внѣвѣдомственное совѣщаніе, съ обычнымъ составомъ, и ему поручено „установить важнѣйшія составныя части еврейскаго вопроса, разрѣшеніе коихъ могло бы дать главныя основанія для пересмотра всего законодательства о евреяхъ, для представленія таковыхъ на разсмотрѣніе имѣющаго быть созваннымъ, согласно Высочайшему рескрипту 18 февраля, собранія избранныхъ отъ населенія людей и для дальнѣйшаго затѣмъ направленія настоящаго дѣла на уваженіе государственнаго совѣта“. Слѣдуетъ надѣяться, что въ народномъ представительствѣ, призываемомъ, такимъ образомъ, къ участію въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса, найдется мѣсто и для самихъ евреевъ. Только тогда евреи, говоря словами кн. Трубецкого, могутъ почувствовать себя „русскими гражданами, не обездоленными и не безправными“.

Библиотека имени Н. В. Стороженко Московскаго Юридическаго Общества

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1905

Значеніе и послѣдствія цусимскаго боя.—Запоздалое крейсерство.—Газетные толки о войнѣ и мирѣ.—Паденіе франко-русскаго союза и марокскій конфликтъ.—Политическіе кризисы въ Скандинавіи и Венгріи.

Казалось бы, что послѣ гибели нашего флота въ Корейскомъ проливѣ общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны выяснилось съ достаточною опредѣленностью: на морѣ, какъ и на сушѣ, мы побѣждены не численнымъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ и не выдающимися талантами ихъ вождей, а всецѣло и исключительно надменнымъ невѣжествомъ нашихъ собственныхъ распорядителей, многолѣтнимъ систематическимъ отрицаніемъ и преслѣдованіемъ всякихъ умственныхъ потребностей и интересовъ народныхъ массъ, невысокимъ нравственнымъ уровнемъ всего нашего военно-административнаго персонала, неспособностью, привычною пассивностью или небрежностью командировъ и понятною растерянностью, недовѣріемъ и упадкомъ духа среди несчастныхъ исполнителей, рядовыхъ офицеровъ и солдатъ. Эти общія причины нашихъ неудачъ не могутъ исчезнуть въ ближайшемъ будущемъ, и потому ожидать благопріятнаго поворота въ дальнѣйшемъ ходѣ войны при существующихъ условіяхъ было бы безразсудно.

Какъ ни старались наши фальшивые патріоты умалить значеніе цусимской катастрофы, объясняя ее разными несчастными стихійными обстоятельствами и непреодолимыми техническими трудностями боя, но и они должны были признать, что это было одно изъ позорнѣйшихъ пораженій, какія когда-либо испытывала Россія. Въ сущности, это была не битва, а одностороннее истребленіе могущественной эскадры, лишенной почему-то съ самаго начала способности бороться на равныхъ правахъ и оказывать надлежащее сопротивленіе непріятелю. Извѣстныя до сихъ поръ подробности этого колоссальнаго разгрома устанавливаютъ рядъ совершенно невѣроятныхъ фактовъ.

Во-первыхъ, оказывается, что эскадра, имѣвшая своей задачею разбить или разстроить японскій флотъ, чтобы добраться до Владивостока,—страдала не только недостаткомъ угля, но и недостаткомъ боевыхъ снарядовъ. Если можно еще понять рѣшимость остаться въ послѣдній моментъ безъ достаточнаго количества угля и, тѣмъ не менѣе, идти впередъ навстрѣчу роковой судьбѣ, то недостатокъ боевыхъ принад-

лежностей, привезенныхъ изъ Кронштадта или изъ Либавы, является уже чѣмъ-то безусловно загадочнымъ. Какъ же думали сражаться наши адмиралы, не запасшись боевыми снарядами въ достаточномъ изобиліи? Или заранѣе предполагалось обречь эскадру на гибель и уступить часть броненосцевъ адмиралу Того?

Во-вторыхъ, командовавшій нашимъ флотомъ адмиралъ Рожественскій, извѣстный своею строгостью къ подчиненнымъ, не считалъ нужнымъ ни разу, за всѣ семь мѣсяцевъ плаванія, привлечь подвластныхъ ему адмираловъ и командировъ къ совмѣстному обсужденію предстоящихъ военныхъ дѣйствій и даже передъ послѣднимъ выходомъ къ Корейскому проливу не сообщилъ никому своего плана,—если вообще какой-нибудь планъ былъ выработанъ имъ или его штабомъ,—такъ что начальники отдѣльныхъ частей эскадры и командиры отдѣльныхъ судовъ остались безъ всякаго руководства въ самомъ началѣ битвы, когда былъ раненъ адмиралъ Рожественскій. Результатомъ этой непостижимой скрытности командовавшаго адмирала и его штаба было то, что подчиненные ему командиры вынуждены были дѣйствовать вразбродъ и кидались безпомощно въ разныя стороны, не зная въ точности, куда направиться и что предпринять, а такое состояніе легко вызывало панику при непрерывной убійственной стрѣльбѣ непріятельскихъ орудій.

Въ-третьихъ, при Цусимѣ произошло еще нѣчто худшее, чѣмъ уничтоженіе эскадры: четыре могучихъ броненосца были добровольно отданы японцамъ, причемъ первоначальные намеки на бунтъ команды, требовавшей, будто бы, этой постыдной сдачи, оказались ложными. Три другихъ корабля, подъ начальствомъ адмирала Энквиста, ушли самовольно на югъ и искали спасенія у Филиппинскихъ острововъ, вмѣсто того, чтобы помочь оставшимся на мѣстѣ судамъ и сдѣлать попытку прорваться къ Владивостоку,—какъ это удалось единственно лишь небольшому крейсеру „Алмазъ“ и двумъ миноносцамъ—жалкимъ остаткамъ грозной „армады“, посланной для поддержанія славы русскаго имени на Дальнемъ Востокѣ.

Какимъ же образомъ случилось, что предположенная слава, которую такъ краснорѣчиво заранѣе воспѣвали мнимо-патріотическія газеты, внезапно уступила мѣсто сплошному, небывалому еще позору? Оффиціальная телеграмма генерала Линевича отъ 28 мая даетъ нѣкоторое понятіе о ходѣ боя и объ отдѣльныхъ его эпизодахъ, но оставляетъ многое еще неяснымъ. „Вечеромъ 12-го мая,—сказано въ этой депешѣ,—крейсеръ „Уралъ“ обнаружилъ переговоры непріятеля по безпроволочному телеграфу. 14-го утромъ эскадра генералъ-адъютанта Рожественскаго въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ, имѣя транспорты по серединѣ, подходила къ восточному Корейскому проливу. Въ лѣвой колоннѣ шли броненосцы, въ правой—крейсера“. Значитъ,

отъ вечера 12-го мая до утра 14-го, эскадра была уже предупреждена о возможномъ нападеніи непріятельскаго флота и имѣла возможность подготовиться къ событіямъ, и если транспорты были всетаки оставлены въ серединѣ между двумя рядами военныхъ судовъ, то это было сдѣлано сознательно, хотя даже профанъ могъ бы предвидѣть явныя неудобства и опасности такого расположенія силъ эскадры. „Въ седьмомъ часу утра—говорится далѣе—увидѣли съ правой стороны крейсеръ „Идзуми", шедшій почти параллельнымъ курсомъ съ эскадрой. Въ одиннадцатомъ часу усмотрѣли слѣва отрядъ крейсеровъ „Касаги", „Ніитаки", „Читоза", „Тсусима", идущіе сходящимися курсами по направленію въ проливъ. Въ это время „Владиміръ Мономахъ" по сигналу перешелъ на правый траверзъ транспортовъ и открылъ огонь по „Идзуми", который, отвѣчая ему, скрылся во мглѣ. Въ 11 часовъ 20 минутъ второй броненосный отрядъ по сигналу открылъ огонь по японскимъ крейсерамъ, причемъ было замѣчено попаданіе въ крейсеръ „Ніитака" или „Тсусима". Японцы отвѣчали на огонь, повернули влѣво и скрылись въ туманѣ". Итакъ, потребовалось четыре часа — отъ седьмого до одиннадцатаго, — чтобы рѣшиться отогнать шедшій почти рядомъ съ эскадрою японскій развѣдочный крейсеръ, которому дана была, такимъ образомъ, возможность обстоятельно разсмотрѣть наши суда и получить всѣ нужныя свѣдѣнія для передачи адмиралу Того; затѣмъ понадобился цѣлый часъ для того, чтобы наши броненосцы начали стрѣльбу противъ слѣдовавшихъ за ними четырехъ непріятельскихъ крейсеровъ, причемъ отмѣчено „попаданіе" только въ одинъ крейсеръ, безъ причиненія ему существеннаго вреда, и, слѣдовательно, всѣ остальные выстрѣлы съ нашей стороны не попадали въ цѣль или снаряды выпускались безъ опредѣленной цѣли, безъ того сосредоточенія огня на одномъ предметѣ, которое постоянно практикуется у японцевъ и которому, кажется, не трудно было научиться у нихъ въ теченіе настоящей кампаніи. Эта необыкновенная медлительность дѣйствій или какъ бы намѣренная бездѣятельность нашей эскадры при первой встрѣчѣ съ японскими военными судами особенно поражаетъ насъ, когда мы вспомнимъ, съ какою поспѣшною стремительностью та же эскадра дѣйствовала противъ гулльской рыбацкой флотиліи, или какъ наши вспомогательные крейсера энергично разстрѣливаютъ и топятъ попадающіеся имъ на пути иностранные торговые пароходы, причиняя этимъ огромные убытки нашему государственному казначейству, безъ малѣйшей къ тому надобности. Очевидно, адмиралъ Рожественскій, подобно генералу Куропаткину, рѣшилъ предоставить противнику выборъ момента и мѣста битвы. И адмиралъ Того, подобно Куроки и Ойямѣ, не преминулъ воспользоваться предоставленною ему иниціати-

вою. Японскій крейсеръ, безпрепятственно наблюдавшій нашу эскадру въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, аккуратно исполнилъ свою задачу и вскорѣ привелъ съ собою весьма внушительныя силы. Въ двадцать минутъ второго часа, „развѣдочный непріятельскій отрядъ опять показался слѣва, повидимому идя на соединеніе съ главными силами. Въ часъ сорокъ минутъ показалась непріятельская эскадра, состоящая изъ четырехъ броненосцевъ, шести крейсеровъ (включая и названный выше „Идзуми") и нѣкоторыхъ другихъ судовъ, всего восемнадцать кораблей, шедшихъ большимъ ходомъ на встрѣчу. Туманъ уже разсѣялся, но горизонтъ былъ мглистый, вѣтеръ южный... Сѣроватая окраска японскихъ судовъ, сливаясь съ мглой, дѣлала ихъ малозамѣтными". Даже эта легко достижимая „малозамѣтность" для врага осталась почему-то недоступною нашимъ судамъ, упорно окрашеннымъ въ рѣзкій черный цвѣтъ, съ ярко-желтыми трубами: простая мысль о перемѣнѣ окраски предполагала бы все-таки нѣкоторое элементарное творчество, нѣкоторую способность отступить отъ освященной высшимъ начальствомъ рутины, а между тѣмъ наши командиры, вѣроятно, желали и надѣялись остаться „малозамѣтными" для японцевъ по пути къ Владивостоку.

Активная роль злополучнаго флота въ разгорѣвшемся боѣ продолжалась очень недолго. „Наша эскадра открыла огонь, продолжая идти тѣмъ же курсомъ, а транспорты уклонились вправо и отошли отъ эскадры, имѣя слѣва крейсерскій отрядъ и сзади—развѣдочный. Первый броненосный отрядъ повернулъ влѣво и сталъ во главѣ второго броненоснаго отряда". Изъ этого видно, что всѣ наши крейсеры были съ самаго начала обречены на бездѣйствіе ради охраны транспортовъ, и что забота объ этихъ транспортахъ совершенно подавляла сознаніе роковой важности боя; и здѣсь, какъ и у генерала Куропаткина, маленькія побочныя соображенія ставились впереди главнѣйшей, исключительной цѣли, которой должно было бы подчиняться все остальное. Оттого двадцать-два японскихъ судна, дѣйствуя сознательно и сосредоточенно, по опредѣленному плану, противъ нашихъ разрозненныхъ двадцати-шести кораблей, успѣли сразу обезпечить себѣ полный успѣхъ. „Стрѣльба японцевъ—какъ сообщаетъ оффиціальное донесеніе—была очень мѣткая; они, буквально, засыпали наши суда снарядами и сосредоточили огонь преимущественно на нашихъ адмиральскихъ и головныхъ корабляхъ, стрѣляли фугасными снарядами, сносили трубы, рангоутъ и всѣ надстройки, производили пожары и уже послѣ этого начинали громить бронебойными снарядами". Съ нашей стороны, значительное преимущество въ численности броненосцевъ оставалось совершенно неиспользованнымъ, и чрезмѣрная заботливость о транспортахъ только ускорила гибель всей эскадры

вмѣстѣ съ охраняемыми ею транспортами. „Маневрированіе нашей эскадры—по словамъ того же телеграфнаго отчета—стѣснялось присутствіемъ транспортовъ“. Съ самаго начала битвы, приблизительно черезъ полчаса послѣ открытія огня, отъ японской эскадры отдѣлились семь крейсеровъ для обстрѣливанія транспортовъ, среди которыхъ „произошло замѣшательство, вслѣдствіе желанія уйти изъ-подъ перекрестнаго огня“. На помощь транспортамъ нѣсколько разъ отдѣлялись „Дмитрій Донской“ и „Владиміръ Мономахъ“. Тѣмъ временемъ главные удары были направлены противъ нашихъ броненосцевъ, изъ которыхъ прежде всего пострадали „Ослябя“ и „Суворовъ“. Японскіе крейсеры систематически, по очереди, разстрѣливали наши сильнѣйшія суда, оказавшіяся почему-то вполнѣ беззащитными. Къ тремъ часамъ „Ослябя“ пошелъ ко дну, перевернувшись килемъ вверхъ. Вскорѣ за нимъ вышелъ изъ строя и „Суворовъ“, у котораго были сбиты обѣ мачты, трубы, всѣ надстройки; „повидимому, онъ не имѣлъ возможности управляться и стоялъ въ сторонѣ отъ района маневрированія эскадры, но не переставалъ поддерживать энергичный огонь“. Въ это время адмиралъ Рожественскій, раненый въ самомъ началѣ боя, перешелъ съ своимъ штабомъ на миноносецъ „Буйный“. Вмѣсто „Суворова“ во главѣ эскадры сталъ „Бородино“. Около четырехъ часовъ дня, „Сисой Великій“ тоже вышелъ изъ строя и тушилъ большой пожаръ въ носовой и средней частяхъ, но продолжалъ стрѣлять по легкимъ японскимъ крейсерамъ, старавшимся отрѣзать наши транспорты и крейсера. На броненосцѣ „Императоръ Александръ III“ былъ виденъ большой пожаръ, который, однако, удалось потушить. Послѣ семи часовъ „Бородино“ повернулся на правую сторону и, менѣе чѣмъ въ три минуты, пошелъ ко дну. Вечеромъ того же 14-го мая оставшіеся еще броненосцы повернули влѣво, стараясь сблизиться съ отрядомъ нашихъ крейсеровъ, изъ которыхъ одни пошли на югъ, а другіе направились на сѣверъ; но эта попытка соединиться съ крейсерами, уходившими въ разныя стороны, была предпринята уже тогда, когда вся эскадра могла считаться погибшею. „Съ наступленіемъ темноты бой продолжался“, т.-е. японцы добивали остатки нашего флота; на этомъ моментѣ останавливается сообщеніе генерала Линевича.

Замѣчательно, что почти цѣлый день наши суда „энергично“ стрѣляли, даже находясь въ крайне печальномъ состояніи; о „Бородинѣ“ сказано, что онъ „лихо продолжалъ вести бой“,—и вся эта энергическая, лихо направляемая пальба за цѣлый день не вывела изъ строя ни одного непріятельскаго корабля, между тѣмъ какъ наши броненосцы и крейсера уничтожались съ поразительною быстротою. Поневолѣ приходится заключить, что наши стрѣ-

ляли большею частью мимо цѣли, на воздухъ или въ море, наугадъ или на-авось, стараясь причинить какъ можно меньше ущерба японскому флоту; сами японцы были поражены ничтожествомъ своихъ потерь сравнительно съ громадностью достигнутаго результата, и потому настойчивыя указанія оффиціальныхъ репортеровъ на неустанную лихую стрѣльбу нашихъ судовъ производятъ крайне странное впечатлѣніе. Чѣмъ больше было выпущено нами снарядовъ за цѣлый день, тѣмъ хуже для нашей флотской артиллеріи, ибо безплодность стрѣльбы свидѣтельствовала бы о непрерывной паникѣ, которая, по всей вѣроятности, дѣйствительно овладѣла нашею злосчастною эскадрою послѣ того какъ вынужденъ былъ устраниться отъ командованія тяжело раненый адмиралъ Рожественскій; только безотчетною паникою можно объяснить и бѣгство части крейсерскаго отряда, и неслыханный фактъ сдачи четырехъ броненосцевъ японцамъ. Ночью и утромъ 15-го мая дѣло истребленія нашего флота доведено было до конца.

Что касается капитуляціи адмирала Небогатова и его офицеровъ, то объ этомъ мы имѣемъ лишь краткое оффиціальное подтвержденіе, ничего пока не разъясняющее, но бросающее грустный свѣтъ на многолѣтнюю систему назначеній и повышеній должностныхъ лицъ въ морскомъ вѣдомствѣ: „Въ виду возникшихъ въ обществѣ и печати разнорѣчивыхъ слуховъ по поводу сдачи непріятелю броненосцевъ „Императоръ Николай I“, „Орелъ“, „Адмиралъ Сенявинъ“ и „Генералъ-адмиралъ Апраксинъ“, главный морской штабъ сообщаетъ, что контръ-адмиралъ Небогатовъ и командиры этихъ судовъ, по возвращеніи изъ плѣна въ Россію, подлежатъ преданію суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ статьею 279 военно-морского устава о наказаніяхъ“. Въ указанной здѣсь статьѣ военно-морского устава говорится: „Кто, командуя флотомъ, эскадрою, отрядомъ судовъ или кораблемъ, спуститъ предъ непріятелемъ флагъ, или положитъ оружіе, или заключитъ съ нимъ капитуляцію, не исполнивъ своей обязанности по долгу присяги и согласно съ требованіями воинской чести и правилами морского устава, тотъ подвергается: исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ; если таковыя дѣйствія совершены безъ боя или несмотря на возможность защищаться: смертной казни“. Такимъ образомъ, на важный постъ командира цѣлой эскадры, отправленной на Дальній Востокъ для поддержанія чести и славы Россіи, былъ выбранъ человѣкъ, котораго само назначившее его вѣдомство признаетъ теперь способнымъ нарушить долгъ присяги и требованія воинской чести. Это значитъ, что можно дослужиться до адмирала и получить мѣсто командующаго эскадрой не только безъ необходимыхъ для этого спеціальныхъ знаній и опыта, но и не обладая даже элементарными военными и человѣческими качествами—чув-

ствомъ личнаго достоинства, сознаніемъ долга и отвѣтственности предъ своимъ отечествомъ и народомъ. Высшіе военно-морскіе чины, призванные распоряжаться и руководить подчиненными, оказываются вдругъ доступными низменнымъ порывамъ трусости и паники: можно ли представить себѣ болѣе чудовищное сочетаніе качествъ и обязанностей должностныхъ лицъ? И такія лица имѣли успѣхъ на службѣ, выдвигались впередъ и играютъ первыя роли на высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы не въ одномъ морскомъ вѣдомствѣ, а во всѣхъ отрасляхъ правительственной дѣятельности. Такова вообще система управленія, въ которой всецѣло господствуютъ личные интересы властвующихъ, старательно огражденные отъ общественнаго контроля, и для которой интересы государства и отечества остаются лишь условными, ни къ чему не обязывающими формулами. Извѣстные всѣмъ способы хозяйничанья въ области обширнаго морского бюджета, ярко освѣщенные послѣдовательнымъ рядомъ крупныхъ и мелкихъ катастрофъ, не мѣшали тѣмъ же распорядителямъ попрежнему стоять во главѣ, истрачивать казенные милліоны безъ пользы для дѣла, назначать завѣдомыя бездарности на крупные посты, вытѣснять способныхъ и честныхъ людей, какъ неудобныхъ и безпокойныхъ, давать ходъ сомнительнымъ или темнымъ аферамъ, и только позоръ цусимскаго боя вызвалъ, наконецъ, существенныя перемѣны въ составѣ высшей военно-морской администраціи, хотя общій ея характеръ ни въ чемъ не измѣнился. Такъ же точно до самаго послѣдняго времени продолжали существовать и намѣстничество, и комитетъ Дальняго Востока съ ихъ главными дѣятелями и состоящими при нихъ канцеляріями, и только послѣ окончательной гибели всего русскаго флота упразднены, наконецъ, эти ненормальныя, такъ дорого обошедшіяся государству учрежденія, которыя никогда не могли бы возникнуть при правильномъ общемъ режимѣ.

Если нужны были еще какія-нибудь доказательства полной дезорганизаціи нашего военно-морского административнаго персонала, то ихъ вновь потрудились доставить наши вспомогательные крейсеры, которые даже послѣ цусимской катастрофы, на обратномъ пути изъ негостепріимныхъ японско-китайскихъ водъ, занялись, какъ ни въ чемъ не бывало, грозною ревизіею встрѣчаемыхъ торговыхъ кораблей и безпощаднымъ потопленіемъ ихъ при обнаруженіи на нихъ такъ называемой контрабанды. Между тѣмъ еще въ прошломъ году, по поводу инцидента съ „Knight Commander“, наше правительство вынуждено было формально обѣщать Англіи распорядиться, чтобы наши крейсеры воздерживались на будущее время отъ самовольнаго уничтоженія нейтральныхъ судовъ; а такъ какъ наше морское вѣдомство не имѣло правильныхъ сношеній съ судами, находившимися въ отда-

ленныхъ моряхъ, то британскому адмиралтейству предоставлено было самому сообщить нашимъ крейсерамъ соотвѣтственныя инструкціи отъ имени русскаго начальства, черезъ посредство командировъ или офицеровъ британскихъ эскадръ. Тогда уже было совершенно ясно, что крутыя мѣры противъ частныхъ иностранныхъ пароходовъ причиняютъ вредъ только намъ самимъ, а вовсе не Японіи или Англіи, и можно было думать, что всѣ командиры нашихъ судовъ получили надлежащія указанія въ этомъ смыслѣ, для избѣжанія непріятныхъ конфликтовъ. Однако, эти новыя указанія и инструкціи, на которыя въ свое время ссылалось министерство иностранныхъ дѣлъ въ отвѣтъ на протесты британской дипломатіи, до сихъ поръ еще не дошли до нашихъ вспомогательныхъ крейсеровъ, какъ видно изъ дѣйствій командировъ „Дона", „Днѣпра" и „Терека", а сами эти командиры не считали нужнымъ сообразоваться съ измѣнившимся положеніемъ дѣлъ послѣ гибели нашего флота, сохраняя какъ будто увѣренность, что хозяевами на морѣ являемся мы, а не японцы и не англичане. И опять пришлось нашимъ дипломатамъ говорить объ отсутствіи сношеній съ крейсерами, и вновь предоставлено было англійскимъ судамъ ловить эти крейсеры для передачи имъ нужныхъ предписаній, причемъ враждебная намъ лондонская пресса получила благодарный матеріалъ для разсужденій на тему о великодушіи Англіи, не желающей пользоваться нашими несчастіями и причинять намъ на этотъ разъ излишнія затрудненія. Даже такая простая вещь, какъ сообщеніе необходимыхъ инструкцій командирамъ военныхъ кораблей по важному и жгучему вопросу объ условіяхъ захвата иностранныхъ судовъ, оказывается какъ бы не по силамъ существующей военно-морской администраціи, и за это приходится расплачиваться милліонами изъ скудныхъ народныхъ средствъ...

Нѣкоторые наивные патріоты удивляются тому кажущемуся равнодушію, съ какимъ наше общество относится, будто бы, къ тяжелымъ внѣшнимъ ударамъ, обрушивающимся на насъ почти безъ перерыва въ теченіе полутора года; но можно ли назвать равнодушіемъ такое состояніе, которое выражается въ повсемѣстныхъ волненіяхъ, возбуждаемыхъ одною руководящею мыслью, одною мучительною заботою,— о спасеніи Россіи посредствомъ необходимаго коренного переустройства ея государственнаго быта? Компетентные люди отлично понимали и предвидѣли, что при данномъ административно-политическомъ строѣ мы не можемъ имѣть ни разумной внѣшней политики, ни прочнаго внутренняго порядка и спокойствія, ни цѣлесообразной военной организаціи, ни хорошаго флота, ни дѣльныхъ офицеровъ и адмира-

ловъ; понимали это и тѣ, которымъ пришлось быть невольными участниками военныхъ событій, и даже тѣ, которые своею неустанною мнимо-патріотическою ложью толкали страну на путь опасныхъ приключеній. Съ необыкновеннымъ—быть можетъ, безсознательнымъ—цинизмомъ „Новое Время" разоблачило недавно, что оно знало о негодности балтійской эскадры передъ отправленіемъ ея въ походъ, и что объ этомъ съ болью въ сердцѣ говорилъ издателю названной газеты погибшій нынѣ командиръ броненосца „Александръ III", Бухвостовъ, въ августѣ прошлаго года. Бухвостовъ откровенно высказывался въ томъ смыслѣ, что весь нашъ флотъ никуда не годится, что онъ вовсе не нуженъ Россіи, что „постройка этихъ громадъ—только разореніе казнѣ и нажива строителямъ, и къ добру она никогда не поведетъ". Если намъ нуженъ флотъ—продолжалъ онъ,—то только миноносный, для защиты нашихъ береговъ, а съ броненосцами намъ дѣлать нечего. Вы смотрите и думаете, какъ тутъ все хорошо устроено. А я вамъ скажу, что тутъ совсѣмъ не все хорошо. Вы желаете намъ побѣды. Нечего и говорить, какъ мы ее желаемъ. Но побѣды не будетъ! Я боюсь, что мы растеряемъ половину эскадры по пути, а если этого не случится, то насъ разобьютъ японцы. У нихъ и флотъ исправнѣе, и моряки они настоящіе. За одно я ручаюсь: мы всѣ умремъ, но не сдадимся"... Эскадра добралась благополучно до Корейскаго пролива, не растерявъ своихъ судовъ,—но предсказаніе Бухвостова исполнилось въ точности, и самъ онъ погибъ со всѣмъ экипажемъ,—„со всею этою симпатичною, мужественною молодежью, напоминавшею скорѣе взрослыхъ дѣтей, чѣмъ закаленныхъ моряковъ". И газета, настойчиво требовавшая отправленія этой массы симпатичныхъ людей на вѣрную смерть, проливаетъ теперь крокодиловы слезы по поводу ихъ ужасной судьбы. Бухвостовъ не могъ не идти, какъ должны были безпрекословно идти и подчиненные ему юные офицеры, какъ обязанъ былъ идти и самъ Рожественскій, если ему данъ былъ категорическій приказъ; но покойный командиръ „Александра III" не обманывалъ себя и другихъ, а говорилъ чистосердечную правду, тогда какъ „Новое Время" скрывало эту правду отъ своихъ читателей и замѣняло ее завѣдомо-лживыми фразами о неминуемой будущей побѣдѣ.

Съ такою же искренностью газета возстаетъ теперь противъ толковъ о мирѣ и упорно настаиваетъ на продолженіи войны, доказывая необходимость ея успѣшнаго и почетнаго конца. Газета не можетъ не понимать, что, кромѣ желанія побѣды, которое несомнѣнно было и у Рожественскаго, и у Куропаткина, и у Бухвостова, и у всѣхъ другихъ участниковъ и руководителей войны, нужно еще многое другое для достиженія и обезпеченія торжества,—нужны

извѣстныя реальныя условія, которыхъ до сихъ поръ намъ, очевидно, недоставало. Умалчивая объ истинныхъ причинахъ нашихъ бѣдствій и не задаваясь вопросомъ о скорѣйшемъ устраненіи этихъ причинъ, газетные патріоты предлагаютъ слѣдовать по прежнему пути и совѣтуютъ во что бы то ни стало добиваться военныхъ успѣховъ тѣми же средствами, которыя понынѣ приводили лишь къ пораженіямъ. Кого обманываютъ эти мнимые патріоты своимъ пустымъ, самоувѣреннымъ фразерствомъ? Если полумилліонная армія, доказавшая свое умѣнье сражаться и умирать, испытала до сихъ поръ однѣ неудачи и горькія разочарованія, то можно ли серьезно говорить о непремѣнномъ заключительномъ торжествѣ при дальнѣйшемъ веденіи войны? Развѣ въ чемъ-нибудь измѣнились условія и порядки на театрѣ военныхъ дѣйствій, способы назначенія и возвышенія начальниковъ, умственный и нравственный уровень войскъ и офицеровъ, организація штабовъ и т. п.? Развѣ непопулярная и ненавистная по существу манчжурская война стала вдругъ національною? Развѣ появились новые даровитые генералы и полководцы, окруженные ореоломъ славы и способные внушить арміи и странѣ довѣріе къ своимъ военнымъ планамъ? Или общій порядокъ въ государствѣ представляется настолько благополучнымъ, что народъ можетъ спокойно стремиться къ безконечному продолженію кроваваго дѣла, начатаго самовольными предпринимателями на Дальнемъ Востокѣ? Ни одинъ добросовѣстный публицистъ, хотя бы проникнутый патріотизмомъ въ стилѣ „Новаго Времени", не можетъ стоять за войну при настоящихъ условіяхъ, ибо никакой миръ не можетъ быть позорнѣе того, что̀ намъ принесла и приноситъ война.

Въ Европѣ все сильнѣе даетъ себя чувствовать устраненіе Россіи изъ числа активныхъ великихъ державъ, способныхъ поднимать свой голосъ въ текущихъ вопросахъ международной политики. Поглощенная изнурительною азіатской войною и мучительнымъ внутреннимъ кризисомъ, Россія никому не можетъ служить опорою и ни для кого не является уже грознымъ пугаломъ; она какъ будто потеряла свою цѣну на общемъ политическомъ рынкѣ, гдѣ недавно еще господствовало неограниченное довѣріе къ ея могуществу и авторитету.

Въ теченіе многихъ лѣтъ вся внѣшняя политика Германіи опредѣлялась заботами о прочной дружбѣ съ Россіею, и измѣнившееся теперь положеніе вещей съ наибольшею рѣзкостью выразилось въ новомъ свободномъ „курсѣ" нѣмецкой дипломатіи. Франція осталась безъ союзниковъ, и прежній двойственный союзъ, предназначенный служить противовѣсомъ чрезмѣрному преобладанію Германіи, фактически пересталъ существовать. Для политической предпріимчивости

германской націи открываются новые горизонты, и личное честолюбіе императора Вильгельма II, не сдерживаемое уже никакими внѣшними соображеніями, становится крупнымъ факторомъ въ ходѣ международныхъ событій. Съ необыкновенною ловкостью онъ задѣлъ больное мѣсто Франціи, сохраняя видъ безусловнаго миролюбія,—и затронутый имъ марокскій вопросъ, который на первыхъ порахъ казался незначительнымъ и второстепеннымъ, разросся мало-по-малу въ нѣчто очень сложное. Французы, успѣвшіе уже привыкнуть къ дружескому ухаживанію нѣмцевъ, поняли по-своему неожиданное германское вмѣшательство въ дѣла Марокко; они представили себѣ, что на этой почвѣ и этимъ путемъ берлинскій кабинетъ желаетъ побудить Францію искать прочнаго непосредственнаго сближенія съ Германіею. Нельзя было ничего имѣть противъ такого обоюднаго соглашенія, хотя оно предполагало и нѣкоторыя уступки въ пользу нѣмцевъ; и чтобы облегчить задачу, рѣшено было пожертвовать министромъ иностранныхъ дѣлъ Делькассѐ, который считался главнымъ препятствіемъ къ компромиссу. Делькассѐ былъ олицетвореніемъ тѣсной франко-русской дружбы и солидарности; онъ поэтому не годился для новыхъ политическихъ комбинацій, предполагавшихъ нѣкоторый поворотъ въ сторону Берлина. Делькассѐ ушелъ, и его мѣсто временно занялъ самъ глава кабинета, дѣловитый практикъ и финансовый миротворецъ Рувье. Новый руководитель французской дипломатіи предложилъ Германіи откровенно высказать свои пожеланія, чтобы подготовить почву для взаимно-выгодной сдѣлки, и онъ былъ крайне удивленъ и разочарованъ вѣжливымъ отказомъ нѣмцевъ вступить по этому поводу въ какое-либо предварительное соглашеніе. Перемѣна министра не имѣла ожидаемыхъ послѣдствій; Германія упорно стояла за формальное право и не допускала никакихъ компромиссовъ. Французы были озадачены, и ими вдругъ овладѣла сильнѣйшая тревога: не думаютъ ли нѣмцы предпринять войну?

Трудно было объяснить мотивы этого внезапнаго и серьезно-сосредоточеннаго интереса Германіи къ международному положенію Марокко. Имѣя за собою согласіе двухъ наиболѣе заинтересованныхъ державъ, Англіи и Испаніи, французское правительство предложило марокскому султану свои услуги для установленія внутренняго культурнаго порядка въ странѣ и для введенія общеполезныхъ реформъ; берлинскій кабинетъ, съ своей стороны, признаетъ этого султана вполнѣ независимымъ повелителемъ, не подлежащимъ чьей-либо односторонней опекѣ, и отрицаетъ право Франціи навязывать ему опредѣленную программу преобразованій. По внушенію Германіи, султанъ выразилъ желаніе созвать конференцію державъ, участвовавшихъ въ мадридскомъ договорѣ 1880 года относительно Ма-

рокко, и мысль объ этой конференціи для обсужденія культурно-реформаторскихъ проектовъ настойчиво поддерживается германскою дипломатіею. Французы находили, что, прежде чѣмъ идти на подобное международное совѣщаніе, нужно имѣть готовую программу, или, по крайней мѣрѣ, точно установить тѣ пункты, по которымъ возможно соглашеніе или которые остаются спорными; нѣмцы же утверждали, что всякое предварительное соглашеніе противорѣчило бы принципу независимости султана и нарушало бы смыслъ мадридской конвенціи 1880 года, — хотя, конечно, для независимости марокскаго султана было бы еще лучше, еслибы не было ни конвенціи, ни конференціи постороннихъ державъ по дѣламъ Марокко.

Нѣмецкіе дипломаты увѣряютъ, что они стоятъ на почвѣ строгаго международнаго права и охраняютъ существующіе формальные договоры, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, изъ одного лишь уваженія къ отвлеченному праву; въ то же время они заранѣе устанавливаютъ для Марокко обязанность имѣть „открытыя двери" для иностранной торговли и не допускать никакой иной экономической политики въ сношеніяхъ съ чужими государствами. Франція соглашается и на „открытыя двери" для всѣхъ націй, но недоумѣваетъ, для чего нужна конференція; Германія защищаетъ идею конференціи, чтобы подъ прикрытіемъ международнаго права отнять у французовъ руководящую роль въ дѣлахъ Марокко. Около этихъ сухихъ формальныхъ пререканій вертится весьма существенный, все болѣе обостряющійся дипломатическій споръ, въ которомъ всѣ преимущества остаются на сторонѣ Берлина. Франція вынуждена согласиться на конференцію безъ предварительнаго опредѣленія ея программы, и по мѣрѣ французской уступчивости возрастаетъ престижъ германской дипломатіи и ея руководителя, канцлера Бюлова, получившаго, кстати, княжескій титулъ.

Въ марокскомъ вопросѣ нѣмцы наглядно показали, насколько измѣнилось общее международное положеніе съ апрѣля прошлаго года, т.-е. со времени подписанія англо-французскаго соглашенія, относившагося, между прочимъ, и къ Марокко. Дѣло, очевидно, не въ личностяхъ министровъ, не въ Делькассé или Рувье, а въ фактической перемѣнѣ группировки великихъ державъ, причемъ Франція является уже вполнѣ изолированною на материкѣ Европы. Паденіе франко-русскаго союза совершилось само собою, но оно выяснилось для всего міра въ послѣднее время, при дѣятельномъ участіи Германіи. Этотъ союзъ былъ съ самаго начала порожденіемъ близорукаго оппортунизма, скрывавшаго въ себѣ непримиримыя внутреннія противорѣчія, и французскіе министры, бывшіе горячими его привер-

женцами, ничего не сдѣлали для того, чтобы облагородить выраженный въ немъ культъ внѣшней силы попытками сближенія въ области извѣстныхъ нравственныхъ и политическихъ принциповъ. Делькассé былъ искреннимъ поклонникомъ блестящихъ внѣшнихъ сторонъ союза, и французское правительство, за-одно съ значительною частью націи, несомнѣнно способствовало могущественному развитію и процвѣтанію всѣхъ отрицательныхъ особенностей режима, приведшаго насъ къ нынѣшнимъ бѣдствіямъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя быть признательнымъ французской республикѣ и ея правителямъ за искусственное поддержаніе чужихъ иллюзій, которыя столь печально отражались на внутренней жизни союзной страны.

Политическая унія, связывавшая Швецію и Норвегію въ теченіе почти цѣлаго столѣтія подъ властью королей изъ фамиліи Бернадотта, расторгнута рѣшеніемъ норвежскаго представительнаго собранія, 7 іюня (нов. ст.), вслѣдствіе невозможности совмѣстить личные взгляды короля Оскара II съ требованіями норвежской конституціи и съ насущными интересами націи. Пользуясь политическою автономіею, имѣя свое отвѣтственное правительство и свою армію, подъ общимъ управленіемъ конституціоннаго короля, Норвегія долго и тщетно добивалась права имѣть заграницею своихъ отдѣльныхъ консульскихъ представителей, для спеціальной охраны норвежскихъ торговыхъ интересовъ, которые часто не только не совпадаютъ съ шведскими, но прямо противорѣчатъ имъ: шведы держатся протекціонизма, а норвежцы стоятъ за свободу торговли. Король упорно отказывалъ въ своемъ утвержденіи восходившимъ до него законопроектамъ и постановленіямъ норвежскаго стортинга по вопросу о консулахъ, а стортингъ, въ свою очередь, упорно стоялъ на своемъ и систематически возобновлялъ свои требованія; наконецъ, въ виду послѣдней отрицательной резолюціи короля, норвежскій совѣтъ министровъ, или „государственный совѣтъ", вышелъ въ отставку въ полномъ составѣ; король сообщилъ, что онъ не принимаетъ отставки, такъ какъ онъ не можетъ найти никакихъ другихъ министровъ, согласныхъ съ его мнѣніемъ; такимъ образомъ, создалось такое положеніе, что существовавшее правительство перестало функціонировать, а новое не могло быть организовано королемъ; поэтому стортингъ рѣшилъ, что за отказомъ короля отъ образованія новаго министерства конституціонная королевская власть перестала дѣйствовать въ Норвегіи и бывшіе министры должны временно взять на себя управленіе страною; „унія съ Швеціею прекращается, ибо король пересталъ исполнять свои обязанности, какъ норвежскій король". Въ подробно мотивированномъ

адресѣ къ королю стортингъ объясняетъ логическую неизбѣжность принятаго рѣшенія, выражаетъ наилучшія чувства къ нему лично и ко всей королевской фамиліи, какъ и къ братскому шведскому народу, и въ заключеніе проситъ содѣйствовать назначенію одного изъ принцевъ норвежскимъ королемъ. Мужественное рѣшеніе стортинга возбудило единодушный энтузіазмъ въ Норвегіи; король назвалъ этотъ шагъ революціоннымъ и незаконнымъ, но вынужденъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ, несмотря на готовность многихъ шведскихъ консерваторовъ довести дѣло до войны. Чрезвычайное собраніе шведскаго сейма 21 іюня одобрило предложеніе правительства вступить въ переговоры съ цѣлью обезпеченія дальнѣйшаго мирнаго сожительства обоихъ народовъ, и престарѣлый король, ни за что не желавшій допустить существованія особыхъ норвежскихъ консульствъ, долженъ былъ, противъ воли, признать существованіе особой самостоятельной Норвегіи.

Къ подобной же развязкѣ неудержимо клонится и многолѣтній венгерскій кризисъ. Императоръ Францъ-Іосифъ, отличающійся еще болѣе упорнымъ характеромъ, чѣмъ король Оскаръ II, никакъ не можетъ согласиться на то, чтобы военные начальники обращались къ войскамъ на ихъ національномъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ; между тѣмъ мадьяры считаютъ употребленіе чужихъ командныхъ словъ въ венгерской арміи не только безсмысленнымъ, но и оскорбительнымъ для своего національнаго достоинства; чехи, хорваты и другія народности также требуютъ употребленія родного языка въ военной службѣ, но въ этомъ императоръ и король остается непреклоннымъ. Венгрія могла сдѣлаться почти вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ; она имѣетъ своего конституціоннаго короля, въ лицѣ австрійскаго императора, имѣетъ свое законодательство, свой парламентъ, свое управленіе, свою монетную систему, свою экономическую и таможенную политику, свою національную армію,—все это допускаетъ Францъ-Іосифъ; но одно только онъ признаетъ совершенно немыслимымъ,—чтобы мадьярами командовали на венгерскомъ языкѣ. Имперія давно превратилась въ сложную систему отдѣльныхъ государствъ и автономныхъ областей; такою же пестрою по составу является и армія, но императоръ твердо убѣжденъ, что спасительное внѣшнее единство исчезнетъ въ тотъ день, когда начальники заговорятъ съ солдатами на понятномъ имъ языкѣ. Императоръ Францъ-Іосифъ скорѣе готовъ потерять Венгрію, чѣмъ сдѣлать такую уступку, и эта непонятная настойчивость борьбы противъ общаго національнаго требованія служитъ, въ сущности, единственнымъ источникомъ непрерывныхъ министерскихъ кризисовъ и неурядицъ, волнующихъ мадьяръ за послѣдніе годы. Послѣ графа Стефана Тиссы назначенъ теперь

главою министерства старый генералъ, баронъ Фейервари, имѣющій столь же мало шансовъ на успѣхъ, какъ и его предмѣстники; парламентъ и вся страна заранѣе высказываются противъ правительства, не отвѣчающаго конституціоннымъ условіямъ, и результаты предвидятся прежніе—тѣ же шумные парламентскіе скандалы, которые потомъ приписываются парламентаризму вообще, тѣ же безплодныя волненія и безпорядки,—но зато въ венгерскихъ войскахъ всетаки употребляются и будутъ употребляться тѣ же нѣмецкія командныя слова, какъ и въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, согласно неизмѣнному желанію императора Франца-Іосифа...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1905 г.

I.

— Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія. Выпускъ I (подъ ред. О. Б. Гольдовскаго, В. П. Потемкина и И. Н. Холчева—издателя). Спб. 1905.

Подъ этимъ заглавіемъ задумана и предпринята серія выпусковъ по вопросамъ научной психологіи. Вопросы эти, въ постановкѣ составителей данной книги, возбуждаютъ живѣйшій интересъ и заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе. Въ первомъ выпускѣ, въ видѣ програмнаго введенія, помѣщена (въ переводѣ) статья бреславльскаго профессора Вилліама Штерна — „Прикладная психологія. Изученіе свидѣтельскихъ показаній". Въ началѣ своей статьи Штернъ выясняетъ значеніе прикладной психологіи, которую онъ тщательно отгораживаетъ, какъ отъ ярыхъ поклонниковъ или защитниковъ интуиціи, такъ и отъ ихъ антиподовъ „психологистовъ". „Каждой наукѣ, — говоритъ онъ, — которая стремится стать „прикладной", приходится защищать себя, такъ сказать, на два фронта: съ одной стороны—противъ предразсудковъ такъ-называемаго „здраваго смысла", съ другой—противъ излишняго „интеллектуализма". Для перваго—всякая способность служить практической жизни дается самой же жизнью: онъ утверждаетъ, что обычай, переживающій поколѣнія, рутина и опытъ, въ соединеніи съ житейскимъ знаніемъ людей, врожденнымъ тактомъ и чуткостью интуитивныхъ воспріятій, являются исключительными и вполнѣ достаточными двигателями нашей культуры. „Интеллектуализмъ", напротивъ, надѣется одними общими понятіями и отвлеченными началами теоріи исчерпать всю

пеструю массу индивидуальностей и конкретныхъ явленій дѣйствительности; расчлененный предметъ аналитическихъ операцій вполнѣ замѣняетъ для него живую цѣлокупность существованія, — холодная объективность и безразличіе его готовы устранить изъ жизни всякую любовь и ненависть, всякую оцѣнку и участіе, всякое оправданіе и осужденіе — какъ противорѣчіе требованіямъ чистой истины". Дѣйствительно только научно-обоснованное построеніе психологіи, стоящее въ опредѣленной и положительной связи съ различными областями реальной, практической дѣятельности. Штернъ не настаиваетъ на томъ, чтобы каждый дѣятель, напримѣръ, суда или школы, былъ спеціалистомъ-психологомъ: однако, слѣдовало бы требовать, по его мнѣнію, отъ юристовъ, педагоговъ и т. д. болѣе глубокихъ психологическихъ познаній, пониманія закономѣрности, господствующей въ душевной жизни, умѣнья различать ея типическіе феномены, улавливать ихъ связь и соотношенія, чтобы все это приводило ихъ къ убѣжденію, что во всѣхъ вопросахъ организаціоннаго или преобразовательнаго характера необходимо справляться съ психологіей и слѣдовать ея опредѣлительнымъ показаніямъ.

Устанавливая объемъ и предѣлы прикладной психологіи, Штернъ даетъ такое опредѣленіе ея существеннѣйшаго признака: „Психологизмомъ" мы называемъ то воззрѣніе, которое стремится сдѣлать психологію *основою всякаго гуманитарнаго знанія*—включая въ его область и нормативныя науки, и, по возможности, даже общую философію; не ограничиваясь этимъ, оно объявляетъ ее главнымъ и опредѣляющимъ факторомъ самой *практической жизни*—поскольку въ послѣдней проявляется наше *духовное* начало. Сторонники „психологизма" разсуждаютъ, обыкновенно, слѣдующимъ образомъ. Психологія есть наука о духѣ. Гуманитарное знаніе, — какъ показываетъ самое его обозначеніе,—предметомъ своимъ имѣетъ извѣстныя проявленія и потребности человѣческаго духа—другими словами, то, основныя, производящія причины чего лежатъ въ психической жизни человѣка; строго-прагматическое изслѣдованіе такихъ явленій необходимо должно опираться на послѣднюю доступную намъ первооснову. Очевидно отсюда, что гуманитарное знаніе естественно покоится на психологіи. Помимо того, существуютъ области практической жизни, гдѣ приходится имѣть дѣло съ душою человѣка, чтобы вліять на нее; но такъ какъ, прежде чѣмъ мочь, надобно знать,—то понятно, что для успѣха подобной дѣятельности необходимо строить ее на знаніи духа,— т.-е. психологіи. Такъ же точно, напримѣръ, техникъ, чтобы умѣть обращаться съ желѣзомъ и пользоваться имъ, долженъ знать физическія и химическія свойства этого металла".

Сфера приложенія психологіи простирается ровно настолько же,

насколько обширна реальная область духовной жизни человѣка. Критеріемъ истиннаго смысла и дѣйствительной цѣли жизни служитъ не безстрастное воззрѣніе на окружающее, а субъективная его оцѣнка, непосредственное, личное къ нему отношеніе. Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ такъ формулируетъ значеніе психологіи для задачъ практической жизни: „Право и обязанность такъ или иначе оцѣнивать человѣка и активно къ нему относиться—равно какъ и руководящія нормы такого поведенія — устанавливаетъ не психологія, а этика. Но при изысканіи и изслѣдованіи данныхъ, на основѣ которыхъ возникаетъ морально обязательное отношеніе, а также при выборѣ способовъ, какими вѣрнѣе всего достигается требуемая цѣль, вступаетъ въ свои права и теоретическое знаніе духовной природы человѣка“.

Прикладной наукой, такимъ образомъ, психологія становится или какъ опора для психологическаго сужденія, т.-е., какъ „психогностика“, или же какъ ученіе о средствахъ психическаго воздѣйствія, т.-е. какъ „психотехника“. Особую пользу *общей* психогностики авторъ полагаетъ тамъ, гдѣ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, происходитъ судъ между живыми людьми, т.-е., гдѣ составляется моральная ихъ оцѣнка, при одобреніи или порицаніи, обвиненіи или оправданіи чего-либо съ этической точки зрѣнія, при этомъ имѣются въ виду не всѣ психическія свойства субъекта, а преимущественно опредѣленная группа душевныхъ его функцій. Дифференцированіе, распознаваніе типическихъ формъ и проявленій духовной жизни на различныхъ стадіяхъ развитія, которыя не поддаются примитивнымъ средствамъ субъективной оцѣнки, составляетъ одну изъ главныхъ задачъ *частной* психогностики. „Практическое значеніе дифференціальной психогностики выясняется всего нагляднѣе опять-таки въ вопросахъ моральной оцѣнки... Какое вопіющее насиліе, напримѣръ, творили въ теченіе цѣлыхъ столѣтій надъ дѣтьми—исходя изъ мнимой аналогіи между ребенкомъ и взрослымъ человѣкомъ! Къ дѣтямъ предъявляли одинаковыя со взрослыми требованія ригористической морали; въ нихъ предполагали ту же способность, тѣ же пріемы оцѣнки явленій, такую же сложность актовъ сознательнаго выбора; въ лучшемъ случаѣ, воображали, что при помощи воспитанія и примѣра легко можно привить ребенку весь строй вполнѣ зрѣлаго характера. Если же на практикѣ подобное представленіе оказывалось ошибочнымъ, то въ этой неудачѣ видѣли, просто-на-просто, несчастный случай, встрѣчаясь съ которымъ, приходится или прибѣгнуть къ наказанію, или слегка измѣнить свои педагогическіе пріемы. Словомъ, на дѣтей смотрѣли, какъ на маленькихъ взрослыхъ, или какъ на субъектовъ, въ которыхъ подготовляется уже полная зрѣлость природы; въ нихъ не

признавали самостоятельной величины съ характерными особенностями внутреннихъ склонностей. Теперь дѣло обстоитъ иначе — настолько иначе, что новое столѣтіе называютъ уже вѣкомъ дѣтей. Однимъ изъ главныхъ требованій народившагося направленія является то, чтобы ребенка старались понять въ существенныхъ его свойствахъ, чтобы инстинктивныя его склонности, симпатіи и антипатіи принимались, какъ вполнѣ нормальные признаки переживаемой имъ стадіи развитія. Условіемъ для этого являются не только догадливое материнское чувство или тонкій педагогическій тактъ, но и научное знаніе дѣтской души—какъ статики ея, такъ и динамики. И психологія дѣтей—будь она систематическаго или же біографическаго характера — можетъ оказаться въ высшей степени плодотворной по своимъ выводамъ".

Общія соображенія объ изученіи дѣтской психики Штернъ распространяетъ и на другія спеціальныя группы психическихъ явленій. Нравственно-нормальный человѣкъ судитъ, напримѣръ, преступника съ высоты трибунала: часто ли случается, чтобы онъ почелъ для себя обязательнымъ ознакомиться съ личностью обвиняемаго, съ тѣми индивидуальными данными, которыя направляютъ волю и дѣятельность преступника? Часто бываетъ на судѣ, что флегматикъ сурово относится къ вспыльчивости сангвиника, и наоборотъ;—различіе человѣческихъ темпераментовъ почти не принимается во вниманіе.

Авторъ считается съ возможностью недоразумѣнія: не вытекаетъ ли изъ „tout compendre" психологіи—„tout pardonner" психологизма?—Нисколько, замѣчаетъ онъ: „Психологія преступника или ребенка отнюдь не должна имѣть своимъ послѣдствіемъ ниспроверженіе объективнаго права порицать, осуждать или наказывать; она обязана только стремиться къ тому, чтобы основою такого сужденія была не формула, подставленная по субъективной аналогіи, а сама психологическая дѣйствительность. При такихъ условіяхъ, понятіе добра и зла, сообщенное намъ этикой, какъ критерій, остается въ полной своей силѣ; оно лишь теряетъ субъективный характеръ и становится точнѣе и отчетливѣе".

Такимъ образомъ, авторъ выдвигаетъ требованіе необходимости изученія всего многообразія духовной жизни—дарованія, интересовъ, темпераментовъ, психическихъ и тѣлесныхъ силъ, умственныхъ способностей, воли и т. д., чтобы устанавливать опредѣленныя данныя для сужденія о людяхъ во всѣхъ случаяхъ реальной жизни: при совершеніи суда, выборѣ карьеры, прохожденіи школы извѣстнаго типа и т. д. Далѣе, необходима этіологія, т.-е. знаніе того, въ какой зависимости стоятъ индивидуальныя особенности человѣка; наконецъ, стоитъ на очереди вопросъ о выработкѣ симптоматологіи и діагно-

стики, которыя дали бы возможность безошибочно относить индивидуумъ къ той или иной категоріи психическихъ типовъ. Таковы проблемы психогностики; представляя же рядъ извѣстныхъ пріемовъ, при помощи которыхъ явится возможность разрѣшать весьма важные практическіе вопросы, эта наука явится тѣмъ, что авторъ опредѣляетъ словомъ „психотехника": она сводится къ циклу правилъ, какъ пользоваться извѣстными психическими функціями (напр., памятью) и какъ къ нимъ относиться. Эти правила создадутъ впослѣдствіи цѣлую систему указаній и методовъ. „Такъ, напримѣръ, новая психологія переутомленія приведетъ, быть можетъ, когда-нибудь къ коренному пересмотру вопросовъ—о продолжительности учебныхъ занятій, о распредѣленіи уроковъ, о домашнихъ работахъ и т. д.; психологія свидѣтельскихъ показаній установитъ необходимыя предосторожности при допросѣ свидѣтелей, устранитъ причины извѣстныхъ ошибокъ и введетъ въ школу разумный принципъ воспитанія памяти".

Мы потому такъ долго остановились на основныхъ мысляхъ статьи Штерна, помимо ея общаго интереса, что кружокъ психологовъ, составившій первый выпускъ „Проблемъ психологіи", придаетъ ей руководящее значеніе въ смыслѣ популяризаціи задачъ прикладной психологіи и увеличенія числа лицъ, интересующихся этимъ предметомъ. Тѣми же свойствами сжатости, ясности и доступности и тою же програмностью отличается помѣщенная вслѣдъ за первой и вторая статья Штерна—изученіе свидѣтельскихъ показаній. Особое вниманіе удѣляетъ здѣсь авторъ организаціи массоваго эксперимента, къ которой приглашаются представители всѣхъ спеціальностей, заинтересованныхъ въ проблемѣ свидѣтельскихъ показаній. На желательность совмѣстными усиліями выработать програму международнаго опыта указываетъ и г. О. Гольдовскій въ своей интересной статьѣ—„Психологія свидѣтельскихъ показаній", гдѣ онъ, между прочимъ, приводитъ рядъ любопытныхъ примѣровъ ошибокъ воспріятія. „Международный опытъ,—говоритъ г. Гольдовскій,—даетъ возможность наиболѣе солидно разрѣшить споръ между сторонниками эксперимента и скептиками, которые возлагаютъ свои надежды на интуицію, тактъ, житейскій опытъ, а не на сухой подсчетъ".

Такимъ скептикомъ въ нѣкоторомъ отношеніи, но, конечно, далекимъ отъ отрицанія научныхъ наблюденій въ этой области вообще, является А. Ѳ. Кони въ слѣдующей статьѣ — „Свидѣтели на судѣ (Замѣтки и воспоминанія судьи)". Начавъ съ указанія, что наше время называютъ временемъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, А. Ѳ. Кони предостерегаетъ отъ увлеченія многими переоцѣнками и, въ частности, скептически относится къ практическому значенію психологическаго опыта въ области правосудія въ томъ смыслѣ, какъ этотъ опытъ по-

нимается Штерномъ, а вслѣдъ за нимъ и г. Гольдовскимъ. „Экспериментальная психологія—наука новая и въ высшей степени интересная,—говоритъ г. Кони.—Если и считать ея отдаленнымъ началомъ берлинскую рѣчь Гербарта „о возможности и необходимости примѣненія въ психологіи математики“, произнесенную въ 1822 году, то, во всякомъ случаѣ, серьезнаго и дружнаго развитія она достигла лишь въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Молодости свойственна увѣренность въ своихъ силахъ и нерѣдко непосильная широта задачъ. Отъ этихъ завидныхъ свойствъ не свободна и экспериментальная психологія, считающая, что труднѣйшіе изъ вопросовъ права, науки о воспитаніи и ученія о душевныхъ болѣзняхъ, не говоря уже о психологіи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, могутъ быть разрѣшены при помощи указываемыхъ ею пріемовъ и способовъ. Но „старость ходитъ осторожно—и подозрительно глядитъ“. Эта старость, т.-е. вѣковое изученіе явленій жизни въ связи съ задачами философскаго мышленія, не спѣшитъ присоединиться къ побѣднымъ кликамъ новой науки. Она сомнѣвается, чтобы сложные процессы душевной жизни могли быть выяснены опытами въ физіологическихъ лабораторіяхъ и чтобы уже настало время для вывода на прочныхъ основаніяхъ общихъ научныхъ законовъ даже для простѣйшихъ явленій этой жизни“. Устанавливая рядомъ живыхъ и яркихъ примѣровъ, что важно знать судьѣ и съ чѣмъ слѣдуетъ считаться при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, авторъ полагаетъ центръ тяжести правосудія въ томъ, что у судей есть служебный опытъ и навыкъ, „что ихъ умъ изощренъ къ воспріятію впечатлѣній ежедневно развертывающейся передъ ними житейской драмы“ и что, поэтому, образы, вытекающіе изъ показаній свидѣтелей и объясненій подсудимаго и сторонъ, въ соединеніи съ совѣстливымъ судомъ присяжныхъ, могутъ въ болѣе полной мѣрѣ обезпечить истинныя требованія правосудія, чѣмъ указанія и методы психологическаго эксперимента. „Поэтому тамъ,—говоритъ г. Кони,—гдѣ экспериментальная психологія съ требованіемъ указываемыхъ ею опытовъ выступаетъ на замѣну совокупной работы здраваго разсудка присяжныхъ, знанія ими жизни и простого совѣстливаго отношенія къ своимъ обязанностямъ—тамъ слѣдуетъ сказать суду присяжныхъ, что его пѣсенка спѣта. Да и вообще не послѣдовательнѣе ли было бы въ такомъ случаѣ преобразовать судъ согласно мечтаніямъ криминальной психологіи, замѣнивъ и профессіональныхъ и выборныхъ общественныхъ судей смѣшанною коллегіею изъ врачей, психіатровъ, антропологовъ и психологовъ, предоставивъ тѣмъ, кто нынѣ носитъ незаслуженное имя судей, лишь формулировку мнѣнія этой коллегіи“.

Едва ли, по мнѣнію автора, психологическій экспериментъ измѣ-

нить что-либо въ ходѣ и устройствѣ современнаго, уголовнаго по преимуществу, процесса, какъ въ смыслѣ судопроизводства, такъ и съ точки зрѣнія судоустройства. Въ торжествѣ психологическаго эксперимента авторъ усматриваетъ возможность „колебанія основъ" какъ суда вообще, такъ и суда присяжныхъ въ частности, и выражаетъ надежду, что послѣдній, переживъ „месть враговъ и клевету друзей", переживетъ и новую, грозящую ему *теоретическую опасность*—„и останется еще надолго не только органомъ, но и школою общественнаго воспитанія". Написанная съ обычнымъ мастерствомъ и блескомъ аргументаціи, статья А. Ѳ. Кони возбуждаетъ критическое отношеніе къ вопросу о практической приложимости новѣйшей теоріи психологическаго эксперимента, но въ то же время приводимыя имъ „доказательства отъ противнаго" изъ его богатой судейской практики даютъ цѣнный матеріалъ именно для той психологіи, о которой пока мечтаютъ молодые психологи. Таковы наблюденія автора, сложившіяся въ цѣлую отчетливую систему, надъ психологической природой свидѣтельскихъ показаній, сознательной и безсознательной лжи, замѣчанія относительно памяти, вниманія, значенія племенныхъ особенностей свидѣтеля, языка и т. п. Если вопросъ о приложимости психологическаго эксперимента, какъ ее понимаютъ представители теоріи, оставить пока открытымъ, то надо признать, что работа г. Кони вызоветъ большой интересъ къ знакомству съ новой теоріей.

Кромѣ отмѣченныхъ статей, находимъ въ этой книгѣ: А. Н. Бернштейна—„Воспоминаніе и дѣйствительность", г. Крамера—„Вліяніе душевныхъ болѣзней и смежныхъ съ ними состояній на качество свидѣтельскихъ показаній", г. Маркса Лобзина—„Свидѣтельскія показанія дѣтей школьнаго возраста и отношеніе ихъ къ дѣйствительности", г. Ив. Холчева.—„Воспріятіе и дѣйствительность". Статья г. Лобзина заключаетъ въ себѣ описаніе ряда опытовъ и способовъ ихъ организаціи, весьма несложной, но приводящей къ любопытнымъ результатамъ. „Нужно принять какъ общее правило,—говоритъ г. Холчевъ,—что люди воспринимаютъ не факты, а картины, которыя они себѣ составляютъ о воспринятомъ происшествіи. Составленіе же этой картины будетъ зависѣть въ значительной мѣрѣ не отъ воспринятыхъ только фактовъ, а отчасти и отъ субъективныхъ моментовъ воспринимающаго: развитіе умственное и соціальное настроеніе—все это окраситъ извѣстнымъ образомъ составленную имъ картину. Но индивидуальными особенностями не исчерпывается вопросъ о несоотвѣтствіи воспріятій и дѣйствительности и постоянныхъ конфликтахъ между ними. На долю общихъ соціальныхъ и политическихъ условій воспитанія народа принадлежитъ немалая часть этихъ причинъ. Намъ, русскимъ, больше, чѣмъ кому-либо, извѣстны эти при-

чины, мы больше, чѣмъ кто-нибудь, страдаемъ отсутствіемъ ясныхъ, полныхъ и точныхъ воспріятій вещей, мы больше другихъ живемъ общими идеями и схемами, мы не знаемъ конкретнаго міра во всей красотѣ его реальныхъ мелочей, мы не любимъ его. Таково наше какъ общее, такъ и спеціальное образованіе, такова наша общественная и политическая жизнь.

„Продолжая нашъ логическій путь, мы приходимъ отъ спеціальнаго вопроса къ общему, широкому выводу: непривычка и неумѣніе воспринимать міръ отчетливо и полно вообще—лишаетъ многихъ радостей бытія, а русскаго гражданина дѣлаетъ пессимистомъ или безпочвеннымъ фантазеромъ и космополитомъ".

Уже изъ этого бѣглаго обзора читатель можетъ видѣть, насколько жизненны и важны сами по себѣ тѣ вопросы, изученію которыхъ посвящаютъ себя авторы отмѣченной книги. Нельзя не пожелать имъ успѣха и не выразить надежды, что задуманная ими серія выпусковъ встрѣтитъ сочувственный пріемъ среди широкаго круга образованной и ищущей образованія публики.

II.

— Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи проф. спб. университета Ѳ. Зѣлинскаго. Спб. 1905.

Проф. Зѣлинскій—убѣжденный и пламенный поборникъ античной культуры. Античный міръ для него, по его собственному признанію, не тихій и отвлекающій отъ современной жизни музей, а „живая часть новѣйшей культуры", которая живетъ и движется тѣми же идеями, родоначальницей которыхъ была античность. „Изучая, такимъ образомъ, античность, если можно такъ выразиться, съ наклономъ къ современности, я,—говоритъ авторъ,—намѣтилъ планъ гигантскаго научнаго зданія, которое бы обнимало и біографію, и біологію тѣхъ идей, совокупность которыхъ составляетъ современную умственную культуру. Конечно, мнѣ было ясно, что выполненіе этой задачи превышаетъ силы отдѣльной личности; все-же я черпалъ энергію и бодрость для своихъ научныхъ изслѣдованій въ созерцаніи моего, пока еще чисто призрачнаго зданія, и убѣжденъ, что оно можетъ сослужить такую же службу и другимъ".

Статьи, вошедшія въ этотъ сборникъ (кромѣ одной), задуманы авторомъ, какъ составныя части этого зданія, сохраняющія между собой внутреннюю связь. Красной нитью проходитъ по нимъ одна коренная мысль. Истинное міросозерцаніе можетъ быть построено

только на началахъ, завѣщанныхъ античностью, которая представляется автору „сводомъ здоровыхъ темъ, повторявшихся съ тѣхъ поръ въ неисчислимыхъ варіаціяхъ до нашихъ временъ и имѣющихъ повторяться, пока живъ будетъ міръ". Эта принципіальная точка зрѣнія автора ложится въ основу предлагаемаго читателю ряда очерковъ популярно-философскаго и историко-литературнаго характера. Очерки эти весьма разнообразны и по темамъ, и по глубинѣ разработки, и по степени внутренней убѣдительности, но всѣ они написаны красиво, увлекательно и читаются съ неостывающимъ вниманіемъ. Античный міръ, жизнерадостный, сильный, здоровый, сіяющій полнотой жизни и жаждой счастья, въ яркихъ картинахъ встаетъ подъ перомъ талантливаго автора, и читатель невольно поддается его увлеченію, забывая оборотную сторону медали—узаконенность насилія, рабства, тиранніи, наряду съ высокимъ пониманіемъ односторонне развитыхъ принциповъ индивидуальной и общественной морали. Въ этомъ отношеніи книга проф. Зѣлинскаго можетъ сослужить, дѣйствительно, хорошую службу. Античностью теперь мало интересуются, и современный молодой читатель въ своихъ представленіяхъ о ней нерѣдко попадаетъ въ положеніе философа Мениппа, который переселился въ царство тѣней и не только не нашелъ сразу Сарданапала, но не могъ даже различить, гдѣ Агамемнонъ, гдѣ Аяксъ, гдѣ Ахиллъ. „Гдѣ Сократъ?"—спрашиваетъ онъ у Эака.—„Видишь этого лысаго человѣка?"—указываютъ ему.—„Да они всѣ лысы"...—„Старика со вздернутымъ носомъ?"—„Да они всѣ курносы",—говоритъ недоумѣвающій Менипп, оглядываясь на пустые черепа... Г. Зѣлинскій сразу заинтересовываетъ своей книгой, направляя мысль на серьезное изученіе предмета. Но иное дѣло „наклонъ къ современности", котораго все время не упускаетъ изъ вида авторъ. Энергично звучитъ призывъ автора къ античности, какъ сокровищницѣ идей, нужныхъ человѣчеству для его поступательнаго движенія, но едва ли этотъ призывъ встрѣтитъ горячій откликъ въ молодыхъ поколѣніяхъ, которымъ по преимуществу посвящается книга. Теперь все, что живетъ и мыслитъ въ Россіи, какъ и во всей Европѣ, напряженно смотритъ впередъ, съ бурной тревогой стремится навстрѣчу великимъ соціальнымъ и политическимъ реформамъ, и, обгоняя закономѣрный ходъ исторіи, ждетъ откровеній, событій необыкновенныхъ, непредугаданныхъ. Культурная мысль, общественное чувство, у насъ въ Россіи—истомленная національная душа—все обратилось къ будущему, словно ожидая пришествія пророка, который словомъ грозы и вдохновенія разсѣялъ бы страхъ малодушныхъ, поддержавъ въ колеблющихся сладостную вѣру въ свѣтлое будущее человѣчества. Античность, принаряженная, скрашенная искусной рукой худож-

ника, влечетъ къ созерцанію, къ примиренію съ дѣйствительностью, къ погруженію въ міръ общечеловѣчности, искусства, красоты...

Независимо отъ переживаемаго нами времени, особенный характеръ котораго не можетъ не отразиться на преобладаніи тѣхъ или иныхъ интересовъ общества, кто же станетъ отрицать громадное значеніе греко-римской античности въ исторіи европейской культуры? Возвысивъ, облагородивъ наслѣдіе, полученное отъ болѣе раннихъ культуръ, эта античность завѣщала грядущимъ вѣкамъ рядъ идей, отмѣченныхъ высокимъ общечеловѣческимъ характеромъ, выразившимъ въ то же время высшую степень цѣльнаго и здороваго жизнепониманія. Но идеи, что сѣмена цвѣтовъ: онѣ глохнутъ на камнѣ и даютъ пышный расцвѣтъ, встрѣчая благодатную почву. Прекрасныя сами по себѣ, онѣ пріобрѣтаютъ руководящее значеніе лишь въ томъ случаѣ, если обнаруживается ихъ органическая связь съ интересами эпохи, съ ближайшими идеалами человѣческаго счастья, во имя которыхъ *въ данный моментъ* совершается борьба. Воскрешая картины античной жизни, авторъ искусно осмысливаетъ ихъ и, наглядно и мѣтко формулируя идеи, выясняетъ ихъ генезисъ и развитіе. Но, будучи оторваны отъ античной почвы, эти идеи, въ своемъ схематическомъ, отвлеченномъ видѣ, могутъ показаться, съ точки зрѣнія руководящихъ идей иной эпохи, слишкомъ элементарными, перешедшими въ разрядъ самыхъ обыкновенныхъ истинъ, составляющихъ слишкомъ общую подпочву современнаго, крайне дифференцированнаго міросозерцанія.

Въ частности, рекомендуемое авторомъ глубокое (превышающее общеобразовательныя цѣли) изученіе античности (отнюдь не смѣшиваемое нами съ пресловутой классической системой) для русскаго юношества, весьма мало просвѣщаемаго по части изученія своей родины, ея исторіи и литературы,—явилось бы, по нашему мнѣнію, роскошью, желательною для многихъ, необходимою для меньшинства. Наступленіе вѣка глубокихъ соціальныхъ переустройствъ заставляетъ по необходимости обращаться къ изученію многихъ и спеціальныхъ доктринъ, имѣющихъ въ виду выработку активнаго, жизнеприложимаго міросозерцанія. Неизбѣжный, въ подобные переживаемымъ нами моменты, процессъ броженія и борьбы стараго съ новымъ, авторъ опредѣляетъ, какъ „скитаніе мыслей и чувствъ“, отъ котораго такъ пріятно удалиться подъ сѣнь античности, привлекательной и мирной. Эта тенденція явственно звучитъ въ словахъ автора. „Всякая эпоха живетъ своей жизнью, и всякая жизнь интересна,—говоритъ г. Зѣлинскій по поводу процесса изветшанія и обновленія идей.—Все же обреченному жить въ эпоху скитанія мыслей и чувствъ пріятно и отрадно обращаться къ тому времени, когда здоровое не было еще

пошлымъ, а интересное—болѣзненнымъ, когда идеи, ставшія позднѣе ходячей монетой, еще только вырабатывались и, появляясь на свѣтъ, были насыщены той магнетической силой, которую создаетъ соединеніе двухъ элементовъ: здоровья и новизны. Въ этомъ именно и заключается прелесть античности для тѣхъ, кто умѣетъ ее понимать".

Отмѣчая значительную степень увлеченія автора предметомъ своей книги, мы отнюдь не имѣемъ въ виду умалять ея серьезныхъ и крупныхъ достоинствъ. Даже болѣе: книга г. Зѣлинскаго важна не только какъ цѣнный вкладъ въ нашу популярно-образовательную литературу, но и какъ противовѣсъ тому искаженному пониманію античности, какое создалось благодаря уродливой катковско-толстовской постановкѣ у насъ классическаго образованія. Но отъ высокаго пониманія античности, основаннаго на продолжительномъ и глубокомъ изученіи ея, до признанія ея универсальной обязательности—громадное разстояніе, и, право, не будетъ слишкомъ большимъ преступленіемъ, если иной средній читатель, воздавъ должное книгѣ почтеннаго автора, вспомнитъ при концѣ безсмертныя слова Ахилла:

О Одиссей! утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся.
Лучше-бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными тѣнями царствовать мертвый.

Изъ статей, вошедшихъ въ настоящую книгу, съ особымъ интересомъ читаются: „Идея нравственнаго оправданія", „Ифигенія", „Воскресшіе поэты" (Вакхилидъ, Геродъ, Менандръ), „Антигона", „Происхожденіе комедіи", „Гейдельбергъ" (личныя впечатлѣнія автора, работавшаго тамъ въ университетской библіотекѣ и наблюдавшаго нравы этого оригинальнаго города, исполнены глубокаго интереса и занимательности). Нѣкоторыя статьи нѣсколько эскизны, отрывочны, кое-гдѣ грѣшатъ неудачными сопоставленіями античнаго съ современнымъ. Послѣднее особенно относится къ статьѣ про „нечистую силу", гдѣ авторъ указываетъ, впрочемъ, полушутя, полусерьезно, на вытѣсненіе въ наше время античныхъ суевѣрій въ области любовныхъ чаръ, „конкуррентками"—Сплетней, Доносомъ, Подвохомъ, Клеветой и т. д., какъ будто эти средства не были въ такомъ же ходу у древнихъ, наряду съ самыми грубыми суевѣріями, и какъ будто послѣднія исчезли въ нашей еще въ общемъ мало культурной средѣ. Но образцомъ полемическаго таланта автора служитъ его интересная статья: „Ницше и античность", гдѣ авторъ едва ли не сливается съ германскимъ философомъ основной чертой своего міросозерцанія—индивидуализмомъ по формулѣ: не въ массѣ, а въ отдѣльныхъ со-

вершенныхъ личностяхъ—соль земли. По крайней мѣрѣ, все его ученіе объ античности проникнуто характеромъ своеобразно-аристократическаго индивидуализма.

III.

— П. А. Берлинъ. Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители (Будущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерство европейцевъ). Изданіе Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1905.

Книга г. Берлина выдвигаетъ интересный и важный вопросъ объ отношеніи такъ называемыхъ некультурныхъ народовъ къ представителямъ европейской цивилизаціи. Не претендуя на глубину научнаго изслѣдованія, авторъ умѣлымъ подборомъ примѣровъ иллюстрируетъ свою основную мысль о разлагающемъ вліяніи цивилизаціи на духовный и матеріальный бытъ дикарей. Останавливаясь на первыхъ страницахъ книги, на выясненіи основныхъ понятій, г. Берлинъ сопоставляетъ мнѣнія авторитетныхъ историковъ культуры и приходитъ къ выводу, что подъ культурою въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ту искусственную соціальную среду, которую создаетъ вокругъ себя человѣкъ своими *орудіями*, подобно тому, какъ, въ зачаточномъ видѣ, животныя создаютъ ее своими *органами*. Примыкая, такимъ образомъ, ко мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые допускаютъ существованіе зародышевыхъ, инстинктивно-обычныхъ формъ культуры въ зоологическомъ мірѣ, авторъ понимаетъ культуру, какъ выраженіе процесса безсознательнаго техническаго творчества, достигшаго у людей высокой степени развитія и обезпечившаго имъ извѣстное господство надъ силами природы, подорвавъ тѣмъ самымъ вѣру въ ихъ слѣпую обоготворенность. На мѣсто вѣры является знаніе, наука. Постепенное разростаніе и усложненіе культуры ведетъ къ росту общественныхъ силъ на счетъ силъ природныхъ, пріобрѣтающихъ служебное значеніе, и служитъ постояннымъ и дѣятельнымъ факторомъ, разрушающимъ основы прежняго быта и міросозерцанія. „Подъ воздѣйствіемъ этого объективнаго развитія культуры пробуждается работа пытливой, критической мысли, которая по мѣрѣ роста власти человѣка надъ природой становится все сильнѣе и сознательнѣе, а благодаря этому, безсознательный процессъ культурнаго развитія, достигнувъ извѣстнаго пункта, начинаетъ будить сознательную работу мысли и изъ внѣшняго процесса развитія культуры переходитъ въ процессъ развитія цивилизаціи“.

Такимъ образомъ, цивилизація является у автора продуктомъ процесса развитія культуры. Различіе между культурой и цивилизаціей, кажется автору, есть различіе не по существу, а скорѣй по степени.

Формулировка г. Берлина въ этомъ пунктѣ не весьма убѣдительна. „Культура охватываетъ больше процессъ борьбы человѣка съ природой и процессъ безсознательнаго созданія соціальной среды, тогда какъ цивилизація включаетъ въ себя уже борьбу за переустройство общественнаго строя, согласно господствующимъ въ данное время идеаламъ истины и справедливости, подготовляемымъ въ свою очередь ходомъ развитія культуры". Неясность въ представленіяхъ автора объ этомъ различіи возникла, главнымъ образомъ, отъ того, что, взявъ исходной точкой происхожденіе культуры изъ ея зачаточныхъ формъ въ зоологическомъ мірѣ, онъ смотритъ на цивилизацію, какъ на результатъ процесса развитія культуры, чѣмъ создается возможность представленія цивилизаціи, какъ чего-то отдѣльнаго и позднѣйшаго сравнительно съ культурой.—Не вѣрнѣе ли понимать оба эти понятія, какъ двѣ стороны одного и того же процесса, изъ которыхъ первая характеризуется преобладаніемъ въ развитіи внѣшнихъ, матеріальныхъ формъ быта, а вторая—духовныхъ? Конечно, подъ „формами" культуры и цивилизаціи мы понимаемъ тѣ или иные объекты культуры не сами по себѣ, но въ ихъ возможности стать явленіями культуры или цивилизаціи, реализація которыхъ обусловливается работой нашихъ стремленій и желаній.

Далѣе авторъ приводитъ примѣры жестокости, которая проявлялась цивилизованными людьми по отношенію къ дикарямъ на всемъ протяженіи исторіи ихъ столкновеній, и опредѣляетъ основныя соціальныя и психологическія черты, которыя дѣлятъ дикарей и людей цивилизаціи на два лагеря и мѣшаютъ имъ мирно ужиться въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ жизни. Особенно рельефно высказывается эта рознь въ области экономической, гдѣ коммунистическій строй хозяйства, составляющій характерную черту дикарей, дѣлалъ неизбѣжнымъ рѣзкій конфликтъ съ индивидуалистическимъ хозяйственнымъ строемъ цивилизованнаго общества. Въ то время какъ у некультурныхъ людей, въ предѣлахъ одной объединенной группы, имущество считается общимъ и зачастую до послѣдней степени исчезаетъ различіе между „моимъ" и „твоимъ",—хозяйственный строй цивилизованнаго общества всецѣло опирается на частную собственность и въ основѣ своей предполагаетъ экономную затрату энергіи, экономизація которой, во всѣхъ ея видахъ, совершается дикаремъ въ самыхъ элементарныхъ формахъ инстинктивнаго приспособленія. „Ясное дѣло, — говоритъ авторъ,— что при такихъ условіяхъ между двумя полюсами экономическаго міра, наивнымъ коммунистомъ-дикаремъ и хищническимъ индивидуалистомъ-европейцемъ, невозможно перекинуть мостъ регулярнаго мѣнового сношенія, тѣмъ болѣе, что дикари не понимаютъ всемірнаго экономическаго языка,—денегъ. Обмѣнъ предполагаетъ

равноцѣнность вступающихъ въ актъ обмѣна благъ, иначе изъ обмѣна онъ превращается просто-на̀-просто въ обманъ, и торговыя сношенія цивилизованныхъ людей съ дикарями представляютъ не что̀ иное, какъ беззастѣнчивый, наглый обманъ"...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ выясняетъ, какъ, при разрушеніи хозяйственнаго уклада первобытнаго общества, въ его міросозерцаніе, привычки и складъ характера вносятся новые элементы, лишающіе дикаря его прежняго духовнаго равновѣсія и поселяютъ въ его психическомъ мірѣ рядъ непримиримыхъ противорѣчій, среди которыхъ несоотвѣтствіе между дѣйствіями христіанъ-цивилизаторовъ и ихъ проповѣдью религіи и морали является наиболѣе разрушительнымъ. Это противорѣчіе дѣлаетъ ихъ проповѣдь совершенно безплодною. Съ религіозно-нравственной стороны вліяніе цивилизаціи на дикіе народы оказалось, по мнѣнію автора, двойственнымъ: „цивилизація, съ одной стороны, внесла въ жизнь дикарей новые элементы, новыя нравственныя заповѣди и этимъ самымъ столкнула два моральныхъ уклада, пробудила въ дикарѣ извѣстную критическую работу мысли, заставила его, быть можетъ, впервые, задуматься надъ нравственными вопросами,—не сдѣлавъ, съ другой стороны, ничего для того, чтобы воспитать мысль и чувство дикаря къ самостоятельному разрѣшенію этихъ вопросовъ, и заставила его принять новыя нравственныя начала не за совѣсть, а за страхъ". Оттого религіозно-нравственная миссія оказалась печальна и безплодна.

Единственный спасительный выходъ для нарождающихся дикарей г. Берлинъ видитъ въ постепенномъ и раціональномъ пріобщеніи ихъ къ цивилизаціи, которое, заключалось бы въ медленномъ и заботливомъ пріученіи ихъ къ болѣе производительнымъ, при данномъ соотношеніи соціально-географическихъ условій, формамъ хозяйства. Авторъ вспоминаетъ при этомъ рядъ примѣровъ, какъ понимали свои задачи наши отечественные цивилизаторы канцелярскаго типа, которые, не сообразуясь съ особенностями всего прошлаго нашихъ кочевниковъ, стремились (и продолжаютъ стремиться и теперь) во что бы то ни стало превратить ихъ въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ. „Чрезвычайно при этомъ любопытно, что образцы хозяйственныхъ формъ, усвоить которые приказывалось инородцамъ, заимствовались изъ Германіи. Полудикарямъ-инородцамъ изъ петербургскихъ канцелярій предписывалось чуть ли не въ 24 часа покинуть прежній бытъ и перейти къ новому, придуманному нѣмцами, передовымъ культурнымъ народомъ!"

Съ отдѣльными частностями читатели едва ли согласятся,—напримѣръ, по вопросу объ условіяхъ непримѣнимости къ дикарямъ христіанской морали, о возможности „раціональной постановки" смѣшенія

расъ и др.; наряду съ примѣрами изъ жизни дикарей (понятіе, точно не формулированное авторомъ) указываются факты изъ исторіи цивилизаторской дѣятельности европейцевъ въ Китаѣ; наконецъ, что касается источниковъ, г. Берлинъ ссылается на авторитеты далеко не одинаковаго достоинства. Но въ общемъ книга его заслуживаетъ полнаго сочувствія, какъ попытка отвѣтить на важный и давно уже назрѣвшій вопросъ.

IV.

— Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ, издаваемый подъ редакціей секретаря общества Б. Ф. Адлеръ. (Т. I, 1904). Спб. 1905.

Нельзя не привѣтствовать рѣшенія антропологическаго общества приступить къ изданію своихъ трудовъ въ видѣ „Ежегодника". Сообразно цѣлямъ общества, направленнымъ на изученіе человѣка въ его жизненныхъ проявленіяхъ на землѣ въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, „Ежегоднику" предстоитъ занять особое мѣсто, наряду съ такими почтенными изданіями, какъ „Этнографическое Обозрѣніе" и „Живая Старина", посвящаемыми по преимуществу описательной этнографіи и разработкѣ духовной культуры и уже имѣющими за собой столь крупныя заслуги въ дѣлѣ развитія въ обществѣ этнографическихъ интересовъ. Въ соотвѣтствіи съ задачами антропологическаго общества, редакція „Ежегодника" не предполагаетъ однако придавать ему характеръ только соматической антропологіи. Въ первый томъ вошли, какъ работы чисто соматическаго, такъ и этнологическаго и этнографическаго характера, даже статья по фольклору. Основной статьей „Ежегодника" является магистерская диссертація покойнаго Д. А. Коропчевскаго—„Значеніе „географическихъ" провинцій въ этногенетическомъ процессѣ". „Начатая покойнымъ работа,—говоритъ редакторъ,—доведена была до десятаго листа; остальная часть осталась въ рукописи въ первоначальномъ видѣ, въ какомъ Д. А. ее написалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вслѣдствіе этого вторая часть лишена той окончательной отдѣлки и переработки, согласно позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, какую бы имъ, конечно, придалъ Д. А. Этотъ недостатокъ не умаляетъ крупнаго достоинства работы, вышедшей изъ-подъ пера человѣка, чутко прислушивавшагося къ научному формированію антропологіи въ теченіе 35 лѣтъ и намѣтившаго вѣхи русской научной этнографіи".

И въ этомъ видѣ работа Коропчевскаго имѣетъ значительный общій интересъ. При слабомъ развитіи въ русскомъ обществѣ научныхъ свѣдѣній о человѣкѣ въ зависимости отъ окружающихъ его

условій, при обширности и спеціальномъ характерѣ европейской литературы объ этомъ предметѣ, при неустойчивости въ этой области научной терминологіи, работѣ Коропчевскаго предстояло стать крупнымъ, объединяющимъ трудомъ, отчетливо намѣчавшимъ основныя проблемы и, до извѣстной степени, пути къ ихъ разрѣшенію. Если въ нѣкоторыхъ частяхъ авторъ и не успѣлъ воспользоваться новѣйшими изслѣдованіями, то общій планъ работы, расположеніе матеріала, сводка литературы—все это заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія. Въ первой главѣ авторъ останавливается на классификаціонныхъ терминахъ современной антропологіи; во второй—разсматриваетъ различныя воззрѣнія на дѣйствія географической среды, въ связи съ изученіемъ происхожденія и развитія этническихъ типовъ (вопреки ученію о типахъ расовыхъ), устанавливая положеніе, что „географическая среда дѣйствуетъ измѣняющимъ образомъ на человѣческій организмъ, и что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій, при постоянномъ дѣйствіи благопріятствующихъ имъ условій, могутъ поддерживаться въ потомствѣ и становиться признаками мѣстной человѣческой группы". Въ дальнѣйшемъ авторъ подробно останавливается на ученіи Морица Вагнера о происхожденіи видовъ путемъ изолированія ихъ въ пространствѣ; ученіе это, горячимъ сторонникомъ котораго является Коропчевскій, носитъ вполнѣ географическій характеръ, такъ какъ оно основывается не только на связи естественной группы съ мѣстомъ ея обитанія, но и на необходимости особой области для образованія типическихъ особенностей группы. Ученіе Вагнера встрѣтило въ европейской наукѣ рядъ общихъ и частныхъ возраженій, которыя не успѣлъ отмѣтить Коропчевскій, но изложеніе этого ученія само по себѣ можетъ имѣть для читателя значительный интересъ. Въ послѣднихъ главахъ авторъ разсматриваетъ условія образованія племенныхъ типовъ сѣверо-западной и средней, сѣверо-восточной и южной Америки, Австраліи, Океаніи и юго-восточной Азіи. Полезнымъ дополненіемъ труда Коропчевскаго служитъ статья Н. М. Могилянскаго, объединяющая научные взгляды покойнаго ученаго, краткій некрологъ котораго сообщенъ въ этой же книжкѣ Д. А. Клеменцемъ.

Кромѣ отмѣченныхъ, находимъ статьи: гг. Чепурковскаго („Къ вопросу о наслѣдованіи и варіаціи у различныхъ антропологическихъ типовъ"), Бодуэна-де-Куртенэ („Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія въ связи съ антропологіей"), а также гг. Адлера, Бѣлынецкаго-Бируля, Руссова и Ларіонова.

V.

— Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, написаннымъ Н. Денисюкъ. Вып. I (1856—1863 гг).

Щедринъ принадлежитъ къ числу писателей, не то чтобы забываемыхъ въ наше смутное время, но во всякомъ случаѣ мало изучаемыхъ съ точки зрѣнія освѣщенія совершающейся на нашихъ глазахъ политической и общественной борьбы. Причина этому—отчасти въ вынужденномъ эзоповомъ языкѣ нашего сатирика, требующемъ для современнаго читателя комментаріевъ, отчасти въ той быстротѣ событій и тревожномъ настроеніи, которыя затрудняютъ возможность дѣлать историческія справки и подыскивать параллели. Между тѣмъ Салтыковъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногочисленныхъ у насъ дѣятелей литературы, которые способны были уловить въ пестромъ хаосѣ разнороднѣйшихъ явленій и событій глубокій и, для своего времени, тайный смыслъ происходившаго. Своимъ врагамъ Салтыковъ не столько былъ страшенъ обличеніями, сколько загоравшейся отъ нихъ вѣрой въ торжество ненавистныхъ его противникамъ освободительныхъ началъ, своею ненавистью къ тому общественному строю, историческимъ недоразумѣніемъ вкоренившемуся въ Россіи, который заключилъ русскую жизнь въ тяжкія условія насилія, неправды, нищеты, варварства. Встрѣченный восторженной поддержкой такихъ умовъ, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, Салтыковъ нещадно бичевалъ по преимуществу тѣ стороны русской жизни, развитію которыхъ особенно благопріятствовали внѣшнія условія; въ борьбѣ съ ними, онъ принесъ въ жертву публицистикѣ свой громадный беллетристическій талантъ (проявившійся столь ярко въ „Господахъ Головлевыхъ"), представивъ для изученія эпохи незамѣнимый и замѣчательный матеріалъ, оцѣнка котораго еще вся въ будущемъ. По мнѣнію комитета министровъ, опубликованному въ свое время, Салтыковъ проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ „вредное направленіе—осмѣяніе и стараніе выставить въ ненавистномъ свѣтѣ существующій общественный, государственный и экономическій строй какъ у насъ, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, наряду съ этимъ не скрывая симпатіи къ крайнимъ соціалистическимъ доктринамъ". Лучшая часть русскаго общества переводила эту оцѣнку на свой языкъ и видѣла въ литературной дѣятельности замѣчательнаго сатирика подвигъ великаго гражданскаго мужества и пламенной любви къ родинѣ.

Литература о Салтыковѣ пока бѣдна. Какъ объединяющій трудъ,

существуетъ пока единственная книга покойнаго А. Н. Пыпина. Поэтому заслуживаютъ вниманія даже изданія компилятивнаго характера, не предназначающіяся для историко-литературныхъ цѣлей,—къ числу которыхъ относится и книга г. Денисюкъ. „Въ предлагаемыхъ книгахъ (авторомъ задумано четыре выпуска) мы собрали все,—говоритъ г. Денисюкъ,—что разбросано въ различныхъ газетахъ и журналахъ, по интересующему насъ вопросу, причемъ, конечно, дали мѣсто въ нашемъ изданіи только тѣмъ статьямъ и замѣткамъ, которыя представляютъ, съ объективной точки зрѣнія, какой-нибудь литературный интересъ. Кромѣ того, въ предлагаемое изданіе не войдутъ статьи біографическаго характера, такъ какъ цѣлью нашей книги является, какъ мы уже сказали, желаніе дать матеріалъ для комментаріевъ сочиненій нашего писателя. Взамѣнъ этихъ пропущенныхъ статей нами приложенъ біографическій очеркъ Щедрина, сообщающій, въ главныхъ чертахъ, факты жизни и литературной дѣятельности сатирика, въ связи съ современной ему общественной обстановкой. Для болѣе полнаго пониманія приводимыхъ здѣсь критическихъ статей сдѣланы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, примѣчанія, выясняющія литературную физіономію автора данной статьи или органа, въ которомъ эта статья была напечатана. Для читателей, незнакомыхъ съ иностранными языками, сдѣланы переводы встрѣчающихся на этихъ языкахъ фразъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это могло бы затруднить пониманіе автора, а также помѣщены и другія мелкія поясненія, историческія справки, раскрыты нѣкоторые псевдонимы и т. д.“.

Эти слова автора обнаруживаютъ всѣ особенности, которыми отличается его книга: она предназначается преимущественно для возбужденія интереса къ сочиненіямъ Салтыкова,—но біографическій очеркъ составленъ для такого изданія нѣсколько бѣгло; недостаточны и примѣчанія для цѣли автора—„дать матеріалъ для комментаріевъ“ къ сочиненіямъ Салтыкова. Въ первый выпускъ вошли статьи Добролюбова, Чернышевскаго, Анненкова, Дружинина, Эдельсона и др., статьи изъ „Отечественныхъ Записокъ“, „Библіотеки для Чтенія“, „Голоса“, „Сына Отечества“ и нѣк. др. Изданіе съ внѣшней стороны выполнено очень внимательно; къ нему приложена автотипія съ извѣстнаго портрета, исполненнаго въ свое время экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ.

VI.

— Сергѣй Маковскій. Собраніе стиховъ. Книга первая. Спб. 1905.

За послѣднее десятилѣтіе читающая публика привыкла видѣть поэзію на ущербѣ, и многимъ начинаетъ казаться, что надолго изсякли родники могучихъ вдохновеній и живыхъ, блещущихъ волшебствомъ истиннаго паѳоса пѣсенъ. Темныя тучи русской жизни сдавили и въ этой области творческія силы страны и словно обвѣяли гнетущимъ кошмаромъ поэтическія грезы. Особенно бѣдна талантами, такъ называемая, общественная стихія въ поэзіи: съ могучей силой вырвавшись на волю въ Некрасовской музѣ „мести и печали", она словно истощилась, напоминая о себѣ по временамъ въ тусклыхъ перепѣвахъ на гражданскія темы, звучащихъ призывными кличами, въ которыхъ слышатся страданіе и скорбь, но — увы! — не завороженныхъ тайной поэтическаго обаянія. И, можетъ быть, не безъ связи съ направленіемъ новѣйшихъ философскихъ теченій, оказавшихъ своеобразное вліяніе на поэтовъ Запада,—можетъ быть, подъ вліяніемъ несбывшихся своевременно надеждъ нашего политическаго идеализма,—русская поэзія отразила въ себѣ всѣ признаки охватившей значительную часть общества реакціи, утомленія, жажды успокоенія и отдыха и, въ исканіи новыхъ путей, подверглась процессу внутренняго перерожденія. Для большинства поэтовъ внѣшній міръ переставалъ служить предметомъ реальнаго интереса, превращаясь въ сокровищницу символовъ, при помощи которыхъ поэты изображали свои душевныя состоянія, „настроенія". По мѣрѣ удаленія отъ реальнаго, внѣшняго міра развивался особый родъ индивидуализма, въ которомъ анализъ ощущеній, иногда намѣренно укрываясь отъ свѣта критической мысли, искалъ откровенія въ сумеркахъ души, въ безсознательной борьбѣ стремленій и желаній, въ логическихъ противорѣчіяхъ, еле ощутимыхъ движеніяхъ духа. Изощряя тонкость и чуткость самовоспріятія, если можно такъ выразиться, этотъ процессъ неминуемо приводилъ къ культу собственнаго „я", которое пріобрѣтало мало-по-малу всѣ признаки самообожествленія и помѣщало себя въ центрѣ планетной системы. Если то, что у прежнихъ поэтовъ служило конкретнымъ содержаніемъ, утрачивало свое значеніе для представителей этого направленія, зато у нихъ, безспорно, выигрывала въ своемъ значеніи форма, которая достигала, путемъ тщательной и упорной работы, невиданныхъ прежде степеней виртуозности и звуковыхъ эффектовъ. Пышные, съ прихотливо разрушенной гармоніей, образы, звонкіе, гремящіе, неожиданные переливы строфъ и созвучій, филигранная от-

дѣлка, капризный „аморальный“ эстетизмъ, туманъ неразрѣшимыхъ философскихъ проблемъ и загадокъ—вотъ признаки того направленія, которое выступило, подъ флагомъ грифовъ, скорпіоновъ и иныхъ символическихъ чудовищъ, и уже, повидимому, отшумѣло, не устоявъ въ своемъ гордомъ индифферентизмѣ передъ властными призывами ломающей оковы новой жизни. По крайней мѣрѣ, голоса талантливѣйшихъ изъ нихъ начинаютъ отзываться на реальныя человѣческія скорби...

Декаденты-символисты едва ли признáютъ г. Маковскаго своимъ, хотя, несомнѣнно, онъ обязанъ имъ очень многимъ. Болѣе отзывчивый и чуткій къ тому, что̀ творится въ его собственной душѣ, чѣмъ во внѣшнемъ мірѣ, онъ взялъ у нихъ гибкость и красоту формы, свободный тэмпъ, оригинальность музыкальной фразировки, но вложилъ свое индивидуальное содержаніе, — извѣстную глубину мысли и чувства, искренность и рѣдкую артистичность выраженій, оборотовъ, образовъ, проникнутыхъ непринужденностью, свободой воображенія и свѣжестью настроенія... Мы затрудняемся опредѣлить степень дарованія г. Маковскаго, но намъ думается, что такъ въ избранной области можетъ писать лишь настоящій поэтъ,—съ органическимъ влеченіемъ къ творчеству.

Но есть въ его поэзіи черта, проводящая слишкомъ замѣтную грань между нимъ и новѣйшими представителями символизма.

Г. Маковскій менѣе всего — молніеносный зигзагъ, хаосъ, разрушеніе, менѣе всего оргіастъ и пророкъ; поэзія страсти—не его удѣлъ, и даже столь обычныя у поэтовъ изліянія любви принадлежатъ къ менѣе удачнымъ его стихотвореніямъ. Нарядная и красивая, поэзія его ясна, понятна, полна возвышеннаго раздумья и мечтательности, прозрачной и нѣжной.

Проснулось озеро. Воздушны очертанья
холмовъ. Ужъ ночи нѣтъ, и всюду свѣтъ проникъ.
Ужъ воздухъ дышитъ имъ, и сводъ небесъ великъ,
какъ замыселъ Творца въ предвѣчный день созданья.

И такъ прекрасенъ міръ, весь—нѣжность и сіянье,
весь—трепетъ юности. Какъ будто въ этотъ мигъ,
не вѣдая ни зла, ни счастья, ни страданья,
изъ тьмы невѣдомой впервые онъ возникъ...

Поэтическое міросозерцаніе г. Маковскаго подернуто дымкой легкаго философскаго разочарованія, сосредоточеннаго въ лирикѣ души, ея воспріятій и переживаній. Міръ своимъ реальнымъ содержаніемъ мало интересуетъ поэта, но въ немъ такъ много разлито красоты, что поэтъ не можетъ не остановиться передъ ней въ восторженномъ со-

зерцаніи. Но, какъ и все въ мірѣ, красота эта—вѣковѣчная загадка, передъ которой нѣмѣетъ мысль:

И жизнь и смерть таинственны равно,
и красота—лишь символъ безконечный
того, что намъ постигнуть не дано.

Чудесное—вездѣ. Душа поэта сознаетъ себя на грани двухъ міровъ, равно прекрасныхъ, но непостижимыхъ:

Не спрашивай, о чемъ волна морская
поетъ, шумя на берегу нѣмомъ,
и отчего въ безмолвіи ночномъ
звѣзда небесъ горитъ, не угасая.

Не спрашивай. Люби, не понимая.
Любовь—печаль. Въ невѣдѣньи земномъ—
предчувствіе о вѣдѣньи иномъ,
въ земной тоскѣ—отрада неземная.

И если-бъ вѣдалъ ты, о чемъ волна
на берегу поетъ неутомимо,
и отчего звѣздами ночь хранима,
и если-бъ зналъ, зачѣмъ обречена
душа твоя въ невѣдѣньи томиться,
не могъ бы ты ни вѣрить, ни молиться.

Явленія быстро смѣняются и исчезаютъ, все существующее—тлѣнъ и бренность, но, съ другой стороны, поэта успокаиваетъ мысль о призрачности всего земного и недостижимости разгадки мірозданія: „непостижимость—рай познанья моего“, „мое невѣдѣнье таинственно и свято“, говоритъ поэтъ въ мечтательномъ полузабвеньи, выражая желаніе, характеризующее, впрочемъ, довольно значительную группу современныхъ поэтовъ,—„пусть грезой будетъ жизнь и жизнью греза станетъ“.

Отсюда понятенъ и источникъ фаталистическаго отношенія къ жизни:

Плывемъ, не зная, что́ насъ манитъ,
какая сила гонитъ насъ,
какое счастье насъ обманетъ
когда-нибудь, въ послѣдній разъ.

Не все-ль равно? Пусть цѣль—далёко;
для нашей скорби нѣтъ преградъ.
Мы будемъ плыть. Мы дѣти рока.
Мы не воротимся назадъ.

Лиризмъ г. Маковскаго отличается тою особенностью, что поэтъ не столько мыслитъ, или, если угодно, чувствуетъ образами, непосредственно выражая предметъ своихъ ощущеній, сколько *реально*

мечтаетъ о томъ, что̀ переживаетъ его душа и какимъ непостижимымъ для него явленіямъ она открыта. Свое личное тонетъ у него во всеобщемъ міровомъ, вѣчномъ, и это смягчаетъ впечатлѣніе отъ слишкомъ пристальнаго вниманія къ собственному „я“.

Между прочимъ, весьма знаменательно въ нашъ вѣкъ „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“ стихотвореніе, въ которомъ авторъ обращается къ „современнику“:

Безумцамъ новизны не вѣрь, поэтъ! Забудь
о новомъ. Всѣ творцы идутъ путемъ единымъ.
Отъ сердца глубины къ невѣдомымъ глубинамъ,
во имя вѣчнаго и къ вѣчному—тотъ путь.

Не бойся старыхъ словъ. Собой безстрашно будь.
И старыя слова, сѣдымъ крыламъ орлинымъ
подобныя, взнесутъ тебя къ роднымъ вершинамъ;
ихъ царственный полетъ не можетъ обмануть.

Въ порывѣ—творчество. Ни мыслей устарѣлыхъ,
ни словъ отверженныхъ, ни чувствъ отжившихъ нѣтъ,
когда вѣщаетъ ихъ и вѣритъ имъ поэтъ.

Не чувства отжили, но въ душахъ омертвѣлыхъ,
въ сердцахъ, исполненныхъ гордыни и тоски,
изсякли вѣчныхъ чувствъ живые родники.

Конечно, было бы напрасно оцѣнивать поэта съ точки зрѣнія общественныхъ или гражданскихъ мотивовъ,—тревога, порывъ не въ поэтической натурѣ г. Маковскаго. Съ недостижимыхъ высотъ поэтъ нигдѣ не роняетъ стиха ободренія, надежды, призыва, и въ этомъ отношеніи поэзія его слишкомъ субъективна. Вся въ мягкихъ, покойныхъ тонахъ, съ нѣжными пейзажами, настроеніями мечтательной нѣги, безпредметной грусти, поэзія г. Маковскаго, несомнѣнно, встрѣтитъ сочувственный пріемъ у той части читателей, которая будетъ искать въ ней поэтическаго забвенья отъ жизненныхъ бурь, страстей и сомнѣній, того, что̀ такъ удачно выразилъ французскій поэтъ:

Le sommeil, le repos, le nirvâna des brâhmes,
Instants qui sont pour nous, par leur oubli profond,
Les meilleurs après ceux dans lesquels nous aimâmes.

Matière inerte et sourde en tout qui tout se confond,
Toi qui n'a pas de chair douloureuse et subtile,
Quand tu m'ouvres ton sein, j'y descends jusqu'au fond...

Но люди сильной воли и могучихъ порывовъ, не знающіе устали въ кипучей борьбѣ обновляющихся силъ страны, еще ждутъ своего поэта...

VII.

– П. Соловьева (Allegro). Иней. Рисунки и стихи. Спб. 1905.

Г-жа Соловьева пользуется извѣстностью талантливой поэтессы; ея стихотворенія издавна находятъ себѣ пріютъ на страницахъ лучшихъ журналовъ. Въ этой со вкусомъ изданной книгѣ, носящей нѣсколько символическое заглавіе „Иней", читатель знакомится не только съ поэтическимъ творчествомъ автора, но и съ его талантомъ, какъ художницы. Рисунки исполнены перомъ въ новѣйшемъ стилѣ; многіе изъ нихъ оригинальны, милы, но не въ нихъ основное достоинство книги. Стихотворенія г-жи Соловьевой отличаются прежде всего изяществомъ формы, благородствомъ настроенія; ихъ содержаніе—міръ нѣжныхъ и тонкихъ движеній мыслей и сердца, порывовъ къ прекрасному и далекому, міръ свѣтлыхъ надеждъ, воздушныхъ мечтаній. Женственно и красиво:—этими двумя словами можно опредѣлить цѣлый рядъ пьесъ, вродѣ, напримѣръ,—„Въ склепѣ", „Петербургъ", „Вечерняя заря", „Въ зимнюю ночь" и др.

Весенній солнца лучъ сквозь низкое окно
Скользнулъ въ угрюмый мракъ нѣмого подземелья,
И на холодный полъ горячее пятно
Онъ бросилъ, какъ призывъ забытаго веселья.

Улыбкой блѣдною отвѣтили кресты,
Померкшимъ серебромъ бѣлѣя на покровахъ,
Вѣнковъ увядшіе, истлѣвшіе листы
Почуяли сквозь сонъ дыханье рощъ лавровыхъ.

Пріотворилась дверь... съ порывомъ вѣтерка
Привѣтъ весны слетѣлъ на тихія могилы,
И чья-то нѣжная и тонкая рука
Весенніе цвѣты на камень положила.

И снова стихло все, но яркіе цвѣты
Въ холодномъ сумракѣ нѣжнѣй благоухали,
Какъ позабытыя, но вѣчныя мечты,
И мертвымъ о любви и радости шептали.

Стремленіе автора къ прекрасному и свѣтлымъ сторонамъ бытія находитъ себѣ удовлетвореніе въ красотѣ природы и томъ сложномъ мірѣ чувствъ, мыслей и желаній, къ которому онъ чутко прислушивается и для котораго ищетъ возвышенныхъ и музыкальныхъ выраженій. Красота природы не сама по себѣ привлекаетъ автора, хотя и изъ этой области есть у него нѣсколько хорошенькихъ картинокъ,—но лишь какъ отправная точка для полета въ міръ таинственныхъ

сновъ и горнихъ откровеній. На параллелизмѣ реальнаго и воображаемаго міровъ построена символика автора, неясная, воздушная, говорящая полунамеками, полувздохами, полумечтами...

Погляди, деревья встали
И вблизи и вдалекѣ.
Погляди, какія дали
На серебряной рѣкѣ.

Сквозь жемчужныя сплетенья
Въ серебристо-синей мглѣ,
Видишь, ангеловъ движенья
Вдругъ застыли на стеклѣ.

Въ сочетаньи небываломъ
Здѣсь земля и небеса,
И глазамъ, глазамъ усталымъ
Вновь доступны чудеса.

Стремленіе автора въ потусторонній міръ нигдѣ не приводитъ его къ мрачному пессимизму и отчаянію; большею частью оно разрѣшается тихой молитвой и надеждой на Бога. Кое-гдѣ читатель можетъ встрѣтить намекъ, что авторъ, отнюдь не ищущій бури, направляетъ свои исканья, подкрѣпленныя молитвой, въ мирную обитель, граничащую съ эдемомъ:

Руку дай, дитя, тропою хвойною
Забредемъ далеко мы, туда,
Гдѣ насъ жизнь загадкой безпокойною
Не найдетъ, не встрѣтитъ никогда.

Гдѣ мгновенья стынутъ, не мѣняются,
Гдѣ не вянутъ тихіе цвѣты,
Гдѣ въ прозрачномъ небѣ поднимаются
Тонкихъ елей стройные кресты.

Тамъ, забывъ стремиться въ даль неясную,
Къ тишинѣ душою ты прильнешь
И молитву первую, безгласную
Ты съ моей молитвою сольешь.

Грусть одиночества, дѣлающая дни „тусклыми“, воспоминаніе о прошломъ, робкое томленье и грезы любви служатъ темами очень многихъ стихотвореній; автору знакомы „мертвые часы душевной лѣни“, когда „мысли тускнутъ, замеревъ“,—и другіе, часы раздумья, полные противорѣчивыхъ чувствъ и загадки:

Море любитъ землю, вѣчно негодуя,
Переходятъ въ ропотъ поцѣлуи моря,—

Такъ тебѣ на встрѣчу радостно иду я,
Но въ душѣ упреки, въ сердцѣ столько горя.

Мы живемъ и дышимъ жизнью не одною:
Ты—понять не можешь, я—сказать не въ силахъ...
Такъ не властно море пѣнною волною
Отдохнуть, смирившись, на земныхъ могилахъ.

Наряду съ такими превосходными пьесами, какъ „Слѣпой“ (драматическая поэма въ четырехъ картинахъ) или „Старый домъ“, у г-жи Соловьевой встрѣчаются стихотворенія холодныя, не дающія ни образа, ни настроенія; тщательная, въ общемъ, отдѣлка стихотвореній встрѣчаетъ, мѣстами, неодолимыя препятствія, оставляя выраженія и обороты вродѣ—„птица вдругъ *проплакала* ночная“, „все слышнѣй во мракѣ *зоркомъ* чьи-то вздохи и слова“, „оттого сердцемъ, *жизнію* раненымъ, мнѣ умершихъ мгновеній не жаль“; въ строеніи стиха также встрѣчаются недочеты, особенно непріятные тамъ, гдѣ логическое удареніе расходится съ музыкальнымъ. Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, почти безукоризненной формы въ поэмѣ „Слѣпой“, равно интересной и по замыслу, и по исполненію; мѣстами эта пьеса глубоко трогаетъ читателя своей искренностью и задушевностью; и въ ней соблюдена отличающая г-жу Соловьеву нѣжная и воздушная прозрачность образовъ.—Евг. Л.

VIII.

— Крестьянскій строй. Т. I. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого при участіи редакціи газеты „Право“. Спб. 1905 г.

Крестьянамъ принадлежитъ такое видное мѣсто въ общественномъ строѣ Россіи и положеніе ихъ у насъ настолько ненормально, что всякое оживленіе преобразовательныхъ стремленій выдвигаетъ на первый планъ крестьянскій вопросъ. Ненормальность положенія крестьянъ обусловливается не только тѣмъ, что реформы шестидесятыхъ годовъ не вывели окончательно этотъ классъ русскихъ гражданъ изъ прежняго приниженнаго положенія и не уравняли его въ правахъ съ прочимъ населеніемъ Россіи. Сведеніе крестьянскаго вопроса къ вопросу юридическому было, правда, очень популярной идеей нашей публицистики и законодательнаго творчества послѣднихъ пятнадцати лѣтъ; при чемъ одни желали расширенія юридическихъ крестьянскихъ правъ, а другіе стремились къ ихъ ограниченію. Въ формахъ крестьянскаго правопорядка видѣли главную причину не только политическаго, но и экономическаго угнетенія крестьянъ; а уравненіе по-

слѣднихъ въ правахъ съ другими сословіями (при условіи преобразованія нашего политическаго строя вообще) считалось достаточнымъ средствомъ для того, чтобы ввести жизнь большей половины русскаго народа въ русло правильнаго и болѣе или менѣе спокойнаго теченія и стереть крестьянскій вопросъ съ лица русской земли. Гораздо меньшая часть русскаго общества усматривала въ крестьянскомъ вопросѣ столь же важные экономическіе, какъ и политическіе элементы; но и она, однако, находила, что удовлетворенію тѣхъ и другихъ требованій должно предшествовать преобразованіе нашего государственнаго строя, каковое почиталось, такимъ образомъ, необходимымъ и возможнымъ независимо отъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Еще меньшая или, по крайней мѣрѣ, менѣе видная группа русскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей не только ставила крестьянскій вопросъ, какъ вопросъ соціальный, но и не полагала возможнымъ политическія преобразованія отдѣлять отъ экономическихъ и достигать политическаго освобожденія русскаго общества, не ставя вмѣстѣ съ тѣмъ на разрѣшеніе и вопроса объ удовлетвореніи главнѣйшихъ экономическихъ нуждъ крестьянъ. Первыя же вѣянія свободы безапелляціонно разрѣшили эти разногласія.

Первоначально эти вѣянія проявились въ средѣ привилегированнаго общества, и активные представители послѣдняго выразили это провозглашеніемъ чисто политической программы. Но въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года произошла грандіозная манифестація петербургскихъ рабочихъ, послѣ чего движеніе распространилось на рабочіе классы страны—сперва городскіе, затѣмъ сельскіе—и приняло здѣсь явно экономическую и даже соціальную окраску. Пока дѣло ограничивалось классами наемныхъ рабочихъ—осложненіе движенія экономическими чертами только усиливало чисто политическое теченіе, потому что препятствія, встрѣчаемыя рабочими въ осуществленіи ихъ экономическихъ требованій, неминуемо толкали ихъ на политическую борьбу. Но когда движеніе распространилось на классъ мелкихъ земледѣльцевъ, и крестьяне заявили притязаніе на помѣщичьи земли, политическому теченію предстояло или включить въ программу экономическія требованія крестьянъ, или идти на рискъ вооружить противъ себя наиболѣе многочисленный классъ русскаго населенія. На этомъ мотивѣ предполагаемаго недовольства крестьянъ однѣми политическими реформами основаны и надежды реакціонеровъ на неудачу освободительнаго движенія, и въ этомъ смыслѣ началась уже ихъ агитація среди темныхъ элементовъ деревни. Тѣмъ болѣе необходимымъ сдѣлалось дополненіе либеральныхъ политическихъ программъ пунктами экономическаго характера, и среди русскаго интеллигентнаго общества начало широко распространяться сознаніе того, что очередная задача

преобразованія нашего строя—не чисто политическая, а соціальная. При такомъ пониманіи задачъ русскаго общественнаго быта, политическія реформы становятся первымъ шагомъ только потому, что безъ нихъ оказывается невозможнымъ удовлетворить остальныя требованія момента, и прежде всего экономическія требованія крестьянъ.

Послѣ всего сказаннаго не слѣдуетъ удивляться тому, что крестьянскій вопросъ привлекаетъ въ послѣднее время бо̀льшее и бо̀льшее вниманіе общества, что книжный рынокъ обогащается новыми и новыми сочиненіями по крестьянскому вопросу, причемъ отдѣльными изданіями появляются не только новыя работы, но и сборники статей уже печатавшихся въ журналахъ. Крестьянскому вопросу посвященъ и сборникъ, названный въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Задуманъ этотъ сборникъ въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года, и его цѣлью было оказать посильное противодѣйствіе проектируемой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ реформѣ узаконеній о крестьянахъ въ духѣ обособленія послѣднихъ отъ прочихъ классовъ населенія, причемъ это обособленіе рекомендовалось, какъ дальнѣйшее развитіе началъ, положенныхъ въ основу реформы 19-го февраля. Нужно было доказать неправильность такого сближенія крѣпостническихъ тенденцій новаго времени съ освободительнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, и въ этихъ видахъ признано было необходимымъ „уяснить въ общественномъ сознаніи историческія судьбы нашего крестьянства, смыслъ и значеніе освободительной реформы и тѣ пути, которые она намѣтила для дальнѣйшаго развитія неисчерпаннаго уничтоженіемъ крѣпостного права крестьянскаго вопроса. Необходимо было выяснить, насколько отъ этихъ путей уклонился весь ходъ законодательства о крестьянахъ въ послѣдовавшее сорокалѣтіе и въ какомъ отношеніи къ реформѣ 19-го февраля стоятъ“ новыя предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ, „составляющія лебединую пѣснь бюрократическаго творчества. Въ этихъ цѣляхъ и задуманъ былъ настоящій сборникъ“. Послѣ того, какъ извѣстно, обстоятельства рѣзко измѣнились. Единственный сильный представитель „бюрократическаго творчества“, министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Плеве, закончилъ свое служебное поприще; безпримѣрный крахъ бюрократическаго руководительства судьбами великаго народа на полѣ войны и безсиліе бюрократіи прекратить волненія внутри страны совершенно дискредитировали принципъ бюрократическаго самовластія въ глазахъ самихъ бюрократовъ и поставили ребромъ вопросъ о полномъ преобразованіи нашихъ государственныхъ порядковъ. Вмѣстѣ съ этимъ не можетъ не быть сданнымъ въ архивъ и проектъ покойнаго министра, и борьба съ этимъ проектомъ становится, по нашему мнѣнію, совершенно безцѣльной. Это, однако, не говоритъ въ пользу того, чтобы задуманный ранѣе

трудъ по исторіи крестьянскаго дѣла потерялъ свое значеніе. Крестьянскій вопросъ есть одинъ изъ первыхъ, съ которымъ придется имѣть дѣло новому государственному строю. Уясненіе этого вопроса съ принципіальной и исторической стороны представляется, поэтому, во всякомъ случаѣ необходимымъ; мы считаемъ, вслѣдствіе этого, вполнѣ умѣстнымъ появленіе разсматриваемаго сборника, хотя и не согласны съ издателями въ томъ, что ихъ сборникъ необходимъ въ качествѣ орудія борьбы съ проектомъ, который они сами считаютъ „лебединою пѣснью бюрократическаго творчества".

Разсматриваемый сборникъ состоитъ изъ четырехъ статей: исторія образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянъ, А. С. Лаппо-Данилевскаго; крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII-го и въ первой половинѣ XIX-го вѣка, В. И. Семевскаго; исторія составленія положенія 19 февраля А. А. Корнилова и исторія крестьянскаго вопроса послѣ 1861 г. до момента составленія предположеній о преобразованіи узаконеній о крестьянахъ при покойномъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, И. М. Страховскаго. Второй томъ „Крестьянскаго строя" предполагается посвятить разбору этихъ предположеній. Статья А. С. Лаппо-Данилевскаго заключаетъ въ себѣ преимущественно исторію великорусскихъ крестьянъ, которая доведена въ ней до начала XIX-го столѣтія. Указавъ въ самыхъ общихъ чертахъ—лишь насколько это необходимо для соблюденія „требованія исторической перспективы"—на положеніе сельскихъ классовъ въ древней Руси, авторъ описываетъ затѣмъ историческія судьбы государственныхъ и владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ и въ Россійской имперіи, отводя, конечно, гораздо больше мѣста разряду владѣльческихъ крестьянъ. Быть можетъ вслѣдствіе этого обстоятельства, статья о государственныхъ крестьянахъ представляется какъ бы не совсѣмъ отдѣланною. Статья В. И. Семевскаго представляетъ переработанное и дополненное по новымъ источникамъ введеніе къ извѣстному его сочиненію: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вв.". Въ немъ излагается исторія крестьянскаго вопроса при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I въ печатной и рукописной литературѣ, особенно подробно излагаются взгляды на крестьянскій вопросъ декабристовъ и дается краткій очеркъ положенія владѣльческихъ крестьянъ при обоихъ императорахъ. Гдѣ оставляетъ крестьянскій вопросъ В. И. Семевскій, тамъ его начинаетъ А. А Корниловъ, которому принадлежитъ статья „Крестьянская реформа 19 февраля". Въ этой статьѣ авторъ почти не останавливается на роли печати въ подготовленіи реформы, высказывая, въ противность мнѣнію другихъ писателей, что роль эта не могла быть значительной уже потому, что печать была допущена къ обсу-

жденію крестьянской реформы послѣ того, какъ были выработаны главныя ея основанія, и что со статьями о реформѣ выступали преимущественно лица, еще ранѣе изложившія свои мысли въ частныхъ запискахъ, въ устныхъ и письменныхъ заявленіяхъ на засѣданіяхъ губернскихъ комитетовъ. Общіе принципы и частныя положенія этой важнѣйшей реформы въ нашей исторіи вырабатывались за предѣлами печатнаго слова, при помощи литературы непечатной (записки, представлявшіяся правительству и обращавшіяся въ обществѣ), путемъ кабинетной работы мысли государственныхъ людей, стоявшихъ во главѣ движенія, обсужденія вопроса въ правительственныхъ коммиссіяхъ и дворянскихъ комитетахъ, созванныхъ для подготовки реформы. Такой способъ скрытой разработки важныхъ вопросовъ не только бюрократіей, но и самимъ обществомъ—благодаря извѣстнымъ порядкамъ нашего государственнаго строя—составляетъ, впрочемъ, обыкновенное явленіе и предшествующей, и послѣдующей эпохи. Въ силу указаннаго обстоятельства цѣлыя важныя теченія нашей общественной мысли протекаютъ почти неотмѣченными литературой и остаются малоизвѣстными не только слѣдующимъ поколѣніямъ, но подчасъ и массамъ современниковъ. Оттого-то у насъ такъ легко порывается преемственная связь стараго и молодого поколѣній. Крестьянская реформа, какъ извѣстно, въ свое время не была окончательно завершена, и Положеніе 19 февраля заключаетъ черты и новаго, и стараго духа. Въ статьѣ И. М. Страховскаго: „Крестьянскій вопросъ въ законодательныхъ и законосовѣщательныхъ коммиссіяхъ послѣ 1861 г.“, излагается послѣдующая исторія крестьянскаго дѣла, которая должна бы, казалось, заключаться въ доведеніи начатой реформы до ея логическаго конца. Но судьба рѣшила иначе. Въ пореформенной исторіи крестьянскаго вопроса авторъ различаетъ три періода: „время пассивнаго отношенія къ существу крестьянскаго вопроса“, которое авторъ видитъ въ уравненіи крестьянъ въ правахъ со всѣмъ населеніемъ; время борьбы прогрессивнаго и реакціоннаго теченій съ перевѣсомъ послѣдняго и „періодъ попечительныхъ заботъ о внутреннемъ устройствѣ крестьянъ на началахъ, установленныхъ въ предшествующемъ періодѣ“. Сколько-нибудь подробно авторъ останавливается на юридической сторонѣ крестьянскаго вопроса.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе перваго тома „Крестьянскаго строя“. Второй томъ, какъ сказано выше, будетъ посвященъ разбору трудовъ редакціонной коммиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, касающихся также исключительно крестьянскихъ правъ. Но крестьянское дѣло далеко не исчерпывается вопросомъ о гражданскихъ и политическихъ правахъ сельскаго населенія, каковая сторона представляется даже наиболѣе легкой для разрѣшенія. Гораздо

затруднительнѣе разрѣшать соціальные экономическіе вопросы крестьянскаго быта, потому что они не представляютъ такой простоты, какъ вопросы права, ихъ разрѣшеніе невозможно безъ широкихъ соціальныхъ преобразованій всей страны, и что историческій опытъ западной Европы не даетъ образцовъ для ихъ разрѣшенія. Эти вопросы требуютъ самостоятельной творческой работы общественной мысли. Будемъ же надѣяться, что они не замедлятъ привлечь къ себѣ достаточное вниманіе изслѣдователей, и новыя государственныя учрежденія не остановятся въ недоумѣніи передъ мрачной таинственностью надвигающагося соціальнаго вопроса.

IX.

— А. А. Корниловъ. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Спб. 1905.

Книга, названная въ заголовкѣ этой замѣтки,—составленная изъ статей, печатавшихся въ разныхъ журналахъ, и принадлежащая одному изъ авторовъ, участвовавшихъ въ составленіи сборника, только-что нами разсмотрѣннаго,—по ея содержанію составляетъ какъ бы дополненіе послѣдняго. Самая большая ея статья, „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—59 гг.“ (служившая матеріаломъ для статьи г. Корнилова въ сборникѣ „Крестьянскій строй“), посвящена тому моменту въ исторіи подготовки законодательнаго акта объ освобожденіи крестьянъ, когда правительство, побудивъ самихъ рабовладѣльцевъ пойти навстрѣчу этому необходимому историческому факту, возложило на нихъ разработку проектовъ его осуществленія. Этотъ моментъ не былъ описанъ въ извѣстномъ трудѣ проф. Иванюкова: „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“, который обращался къ заключеніямъ губернскихъ комитетовъ лишь какъ къ исходной точкѣ работъ редакціонныхъ коммиссій, и разсматриваемый трудъ А. А. Корнилова пополняетъ, поэтому, одинъ изъ пробѣловъ въ нашей небогатой сводными работами литературѣ по данному вопросу. Значеніе дворянскихъ комитетовъ въ исторіи освобожденія крестьянъ опредѣляется, впрочемъ, не столько матеріальнымъ содержаніемъ составленныхъ ими „Положеній“, сколько тѣмъ, что обсужденіе вопроса въ комитетахъ способствовало, во-первыхъ, выясненію и разработкѣ взглядовъ немногихъ лицъ, искренно желавшихъ блага народу и оказавшихъ существенное вліяніе на правительство; во-вторыхъ, содѣйствовало распространенію мнѣнія о необходимости эмансипаціи въ массѣ дворянства и подготовляло общество къ реформѣ. Что касается направленія работы

г. Корнилова, то, не ограничиваясь изложеніемъ хода дѣлъ въ губернскихъ комитетахъ, онъ поставилъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ задачу „выяснить внутреннюю связь рѣшеній, принятыхъ въ различныхъ комитетахъ, и образовавшихся въ нихъ направленій съ предшествовавшимъ движеніемъ въ дворянской средѣ и въ правительственныхъ сферахъ, и съ мѣстными условіями, вліявшими на образованіе и развитіе тѣхъ или другихъ интересовъ и связанныхъ съ ними идей и убѣжденій“ (стр. 309). Мѣстныя условія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, рѣзко отразились на предположеніяхъ дворянскихъ комитетовъ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерній. Въ центральныхъ черноземныхъ, исключительно земледѣльческихъ губерніяхъ, съ весьма плодородной почвой и густымъ крѣпостнымъ населеніемъ, которому владѣльцы обязаны были помогать въ случаѣ неурожаевъ и другихъ бѣдствій, но которое нельзя было эксплоатировать инымъ способомъ, кромѣ примѣненія его силъ къ обработкѣ земли, въ которой ощущался недостатокъ,—помѣщики дорожили не столько крестьянскимъ трудомъ, сколько своими землями, и стремились къ тому, чтобы крестьяне были освобождены безъ земли. Владѣльцы нечерноземныхъ районовъ получали доходъ не столько отъ земли, сколько отъ промысловыхъ заработковъ своихъ крѣпостныхъ. Имъ важно было поэтому получить вознагражденіе за утрату этого источника дохода, которое дало бы имъ и денежныя средства для обработки земли наемнымъ трудомъ, и удержать на мѣстахъ освобождаемыхъ крестьянъ, какъ рабочую силу для будущихъ ихъ хозяйствъ. Они стояли, поэтому, за освобожденіе крестьянъ съ землей и за выкупъ ихъ личности.

Вторая большая статья сборника посвящена „судьбѣ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ“. Собственно говоря, крѣпостное право вмѣстѣ съ вотчинной властью помѣщиковъ было упразднено въ Польшѣ Наполеоновской конституціей 1807 г.; но земля, на которой жили и которую обрабатывали крестьяне, была признана помѣщичьей собственностью, и крестьянамъ предоставлялось пользоваться ею по добровольнымъ соглашеніямъ съ владѣльцами. Новая конституція Царства Польскаго, данная русскимъ правительствомъ, признала личную свободу крестьянъ, но и возстановила вотчинную власть помѣщика. Поземельныя же отношенія крестьянъ оставались нетронутыми до 1846 г., когда, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ галиційской рѣзни, изданъ указъ, запретившій помѣщикамъ произвольно изгонять крестьянъ, обрабатывающихъ для себя не менѣе $1^1/_2$ дес. земли, присоединять освобождающіеся крестьянскіе участки къ владѣльческимъ землямъ и возвышать повинности крестьянъ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи основной идеи этого указа должны были быть переводъ крестьянъ съ барщины на денежный оброкъ и уничтоженіе вотчин-

ной власти помѣщиковъ; но нерасположеніе къ реформѣ мѣстнаго общества и мѣстной власти помѣшало ея завершенію; а когда, послѣ подавленія польскаго возстанія 1863 года, было приступлено къ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ Царствѣ Польскомъ, и осуществленіе этого было поручено виднѣйшимъ дѣятелямъ реформы 1861 г.—Милютину, Черкасскому, Самарину, Соловьеву, Кошелеву—крестьянскій вопросъ въ Царствѣ Польскомъ былъ разрѣшенъ радикальнѣе, чѣмъ въ Россіи. Такъ, крестьяне получили въ собственность всѣ земли, находившіяся въ ихъ владѣніи въ моментъ изданія Положенія 19 февраля 1864 г., и тѣ, которыя неправильно были изъяты изъ ихъ пользованія. Вознагражденіе помѣщикамъ за эти земли рѣшено было уплатить не изъ средствъ освобождаемыхъ крестьянъ, а путемъ возвышенія налоговъ на поземельную собственность всѣхъ категорій. Общественное управленіе крестьянъ было построено на началѣ участія въ немъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій. Милютинъ и его сотрудники-славянофилы задались цѣлью „вывести на историческую сцену въ преобразуемой странѣ крестьянство, какъ новый, самостоятельный, свободный и сознательный элементъ общественной жизни“, а для достиженія этого, кромѣ обезпеченія экономической независимости и нѣкотораго самоуправленія крестьянъ, нужно было позаботиться и объ ихъ образованіи. Организація школьнаго дѣла была, поэтому, третьимъ моментомъ реформы, проводимой Милютинымъ. Онъ желалъ школы, независимой отъ всякихъ политическихъ тенденцій, и въ этихъ видахъ, „устранивъ изъ школы всякое непосредственное къ ней отношеніе пановъ и ксендзовъ, передалъ завѣдываніе ею въ руки вновь созданныхъ гминныхъ и сельскихъ сходовъ. Предполагалось, что освобожденные крестьяне сами устремятся къ просвѣщенію“. Изъ всѣхъ этихъ предначертаній удавшеюся слѣдуетъ считать лишь аграрную реформу. Что же касается развитія самоуправленія и образованія польскихъ крестьянъ, то, по извѣстнымъ всѣмъ причинамъ, русскія реформы привели какъ разъ къ обратному тому, что предполагалось ихъ иниціаторомъ. „Въ бытность мою коммиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Царствѣ Польскомъ,— пишетъ А. А. Корниловъ, — я самъ имѣлъ случай неоднократно убѣдиться, какъ трудно иногда бываетъ составить сходъ для обсужденія какого-либо дѣла. Уѣздной администраціи приходится принудительно заставлять свободныхъ людей пользоваться своимъ правомъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ — печальный результатъ реформы, долженствовавшей вывести на историческую сцену крестьянство, какъ сознательную политическую силу“.

Къ исторіи крестьянскаго дѣла въ эпоху освободительныхъ реформъ относятся еще двѣ небольшія статьи сборника: „Вопросъ объ

административномъ устройствѣ крестьянъ во время разработки крестьянской реформы" и біографическій очеркъ: „Ю. Ѳ. Самаринъ". Послѣдняя, большая статья сборника посвящена общественной, литературной и государственной дѣятельности Николая Ивановича Тургенева. Статью эту нельзя считать совершенно оторванной отъ остальнаго содержанія сборника, потому что основная идея, воодушевлявшая Тургенева, была—борьба съ крѣпостнымъ правомъ. Эта очень интересная статья, въ которой авторъ довольно подробно останавливается на тайномъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Тургеневъ, „не столько даетъ біографію этого замѣчательнаго дѣятеля первой половины XIX столѣтія, сколько выясняетъ общественное значеніе и развитіе его идей въ связи съ тѣмъ общественнымъ движеніемъ, въ которомъ онъ принималъ непосредственное участіе и которое, несомнѣнно, исторически связано съ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ".

X.

— С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи. Спб. 1905.

Отдѣльныя статьи, составляющія содержаніе книжки С. Н. Прокоповича, рѣзко различаются по своему характеру. Статьи: „Общества взаимопомощи", „Забастовки" и „Всеобщая забастовка 1905 г."—представляютъ простые своды фактическихъ данныхъ по соотвѣтствующимъ предметамъ, настолько скудныхъ, что по отношенію къ нимъ становится излишней и мало возможной научная разработка. Статьи „Фабричное законодательство" и „Отвѣтственность предпринимателей" заключаютъ, напротивъ того, критическій и, такъ сказать, соціологическій разборъ законовъ, относящихся къ рабочему вопросу. Данныя, заключающіяся въ статьяхъ перваго рода, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ отсталости Россіи въ промышленномъ отношеніи. Говоря вообще, „помощь неимущимъ первоначально организуется на началахъ благотворительности". Съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній число лицъ, не обезпеченныхъ имущественно, настолько возрастаетъ, что оказаніе имъ помощи становится не подъ силу благотворительности, а моральный характеръ рабочаго настолько измѣняется, что онъ теряетъ желаніе становиться въ положеніе нищаго. Тогда получаетъ широкое развитіе организація взаимопомощи съ бо̀льшимъ или меньшимъ участіемъ государства. Этотъ моментъ давно наступилъ на Западѣ, но „экономическая отсталость Россіи настолько велика, что мы до сихъ поръ не вышли изъ періода филантропической организаціи помощи неимущимъ". Кассы взаимопомощи распро-

странены среди нашихъ рабочихъ крайне мало, преимущественно на окраинахъ, а также въ горной промышленности и въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, гдѣ эти кассы, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ не принадлежатъ къ свободнымъ рабочимъ организаціямъ и видная роль въ ихъ управленіи принадлежитъ хозяевамъ. Широкое развитіе профессіональныхъ рабочихъ организацій было у насъ невозможно уже по причинѣ крайне подозрительнаго отношенія къ нимъ власти. Но въ самые послѣдніе годы, въ видахъ отвлеченія рабочихъ отъ политической пропаганды, полиція, какъ извѣстно, стала покровительствовать и даже сама устраивать общества взаимопомощи рабочихъ, пытаясь вмѣстѣ съ тѣмъ регулировать ихъ дѣятельность такимъ образомъ, чтобы не допускать ихъ переступить границы экономической борьбы съ предпринимателями. Но два крупныхъ рабочихъ движенія послѣднихъ лѣтъ показали ясно, что при данныхъ политическихъ условіяхъ рабочія организаціи, даже благословляемыя полиціей, при живой ихъ работѣ неизбѣжно становятся опасными для охраняемыхъ властью порядковъ. Мы говоримъ здѣсь о всеобщихъ забастовкахъ въ крупныхъ городахъ на югѣ Россіи въ 1903 г., въ которыхъ очень видную роль играли полицейскія рабочія организаціи, руководитель коихъ былъ послѣ того подвергнутъ административной ссылкѣ, и о трагически окончившейся политической манифестаціи въ январѣ текущаго года, организованной тѣмъ самымъ „Собраніемъ русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ", которое было учреждено съ цѣлью „возбужденія и укрѣпленія въ средѣ членовъ-рабочихъ русскаго національнаго самосознанія" и состояло „подъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ с.-петербургскаго градоначальника" (Прокоповичъ, стр. 42). Послѣ того полиція дѣлаетъ попытку, въ защитѣ отживающаго режима, опереться на неорганизованные открыто темные элементы народа, возстановляя одни слои населенія противъ другихъ. Врядъ ли можно, однако, сомнѣваться въ томъ, что окончательнымъ результатомъ и этой политики будетъ ускореніе процесса политическаго развитія страны.—Данными пріемами въ среду самыхъ темныхъ слоевъ населенія вносятся политическіе вопросы, и немного потребуется времени для того, чтобы эти вопросы были разрѣшены здѣсь не въ томъ направленіи, какое желательно реакціи, а—какъ и среди фабричныхъ рабочихъ—сообразно истиннымъ интересамъ трудящихся, т.-е. въ духѣ устраненія путъ, связывающихъ общественную самодѣятельность.

Отсутствіе профессіональныхъ рабочихъ организацій оказало, конечно, соотвѣтствующее вліяніе на развитіе стачечнаго движенія въ Россіи, которое лишь въ послѣднее время стало пріобрѣтать организованный характеръ. Авторъ начинаетъ свою лѣтопись стачекъ съ 1870 г., который нѣкоторыми считается даже исходнымъ пунктомъ

стачечнаго движенія въ Россіи, и заканчиваетъ ее срединою восьмидесятыхъ годовъ, а для послѣдующаго времени останавливается на тѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ проявляется уже классовая солидарность рабочихъ и нѣкоторыя политическія тенденціи. Къ этимъ движеніямъ авторъ относитъ петербургскія стачки 1896 г., стачки на югѣ въ 1903 г. и всеобщую забастовку въ 1905 г. Онъ пользуется для своего описанія газетнымъ матеріаломъ, но, кажется, использовалъ его неполно.

Положительныя мѣропріятія власти для удовлетворенія рабочихъ заключались въ изданіи охранительныхъ по отношенію къ нимъ законовъ. Общее заключеніе автора о нашемъ фабричномъ законодательствѣ таково, что оно создавалось подъ вліяніемъ стачекъ и главной его цѣлью была не охрана рабочаго класса, сама по себѣ, а полицейскія соображенія о поддержаніи общественнаго порядка и спокойствія. Этимъ объясняется тотъ интересный фактъ, что защитникомъ рабочихъ во время составленія фабричныхъ законовъ (и, какъ мы слышали отъ фабричныхъ инспекторовъ, при ихъ примѣненіи) являлось то самое вѣдомство, которое безжалостно расправлялось съ рабочими во время стачекъ (стр. 106). Въ томъ и другомъ случаѣ, это вѣдомство преслѣдовало исключительно интересы полицейскаго порядка: давленіемъ на фабрикантовъ въ спокойное время оно надѣялось предупредить активное выраженіе недовольства рабочихъ, а давленіемъ на рабочихъ во время забастовокъ оно стремилось скорѣе прекратить „безпорядки". Заключеніе автора послѣ всего, имъ изложеннаго, таково, что дальнѣйшіе успѣхи рабочаго дѣла въ Россіи будутъ зависѣть, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, отъ систематически-организованной дѣятельности самого рабочаго класса, которая сдѣлается возможной лишь послѣ пріобрѣтенія имъ политическихъ правъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть, поэтому, прежде всего вопросъ политическій, и нашему пролетаріату надлежитъ образовать самостоятельную политическую партію. Авторъ пытается намѣтить и программу этой послѣдней. Въ виду непорвавшейся еще связи фабричныхъ рабочихъ съ землею, вреднаго вліянія на положеніе рабочихъ экономической необезпеченности крестьянъ и въ виду того политическаго преобладанія, какое получатъ у насъ крестьяне при введеніи всеобщаго избирательнаго права, авторъ включаетъ въ программу рабочей партіи и такія требованія, которыя отвѣчаютъ интересамъ крестьянъ, создавая, такимъ образомъ, какъ бы общую программу партіи трудящихся классовъ Россіи. Намъ кажется, что интересы страны требуютъ, а соціальныя условія допускаютъ болѣе глубокое проведеніе принципа объединенія трудящихся классовъ Россіи. У насъ естественно образованіе единой партіи трудящихся, лишь

раздѣляемой на отдѣлы или фракціи, соотвѣтственно профессіямъ, отдѣльнымъ районамъ и т. п. Такое объединеніе и будетъ, вѣроятно, совершаться по мѣрѣ политическаго развитія рабочаго класса. Лишь послѣ того, какъ заимствованный съ Запада лозунгъ зародыша рабочей партіи въ Россіи: „пролетаріи всѣхъ странъ—соединяйтесь"—замѣнится лозунгомъ: „всѣ трудящіеся Россіи—соединяйтесь"—можно будетъ сказать, что развитіе политическаго самосознанія русскихъ рабочихъ завершилось. Формальное объединеніе трудящихся и даже образованіе партіи пролетаріата представляется намъ, впрочемъ, главной задачей ближайшаго будущаго. Что же касается нынѣшняго дня, то существенно необходимымъ кажется намъ обращеніе возможно большаго количества сосредоточенныхъ въ городахъ сознательныхъ силъ на распространеніе политическаго самосознанія въ массахъ сельскаго населенія. При обычномъ у насъ обмѣнѣ населенія между городомъ и деревней выполненіе этой задачи не представляетъ, по крайней мѣрѣ для рабочихъ города, существенныхъ затрудненій.—В. В.

Въ теченіе іюня въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авдѣевъ, В. Н. — Із Кнігі Гор. 4 тетр. и 1 свитокъ. Кисловод. 904 (т.-е. Изъ Книги Горъ).

Бѣлозерскій, Н.—Аѳ. П. Щаповъ, какъ педагогъ. № 1. Спб. 905. Ц. 25 к.

Бахаревъ, Е.—Стихотворенія. Томскъ, 904. Ц. 40 к.

Багашевъ, И. —Минеральные источники Забайкалья. М. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Бауманъ, В. —Курсъ маркшейдерскаго искусства. Ч. II, съ 120-ью черт. Спб. 905. Ц. 2 р. 20 к.

Балабановъ, М.—Фабричные законы. Сборникъ законовъ, распоряженій и разъясненій по вопросамъ русскаго фабричнаго законодательства. Кіевъ, 905. Ц. 75 к.

Билимовичъ, Ал. Д.—Годъ войны и наши финансы. Кіевъ, 905.

Бобылевъ, Д. М.—Волостные писаря Пермской губерніи. Пермь, 905.

Головинъ, К. Ф.—Внѣ партій. Опытъ политической психологіи. Спб. 905. Цѣна 2 руб.

Головачевъ, П.—Сибирь: Природа—Люди—Жизнь. 2-е изд. М. 905. Цѣна 1 р. 50 к.

Гредескулъ, Н. А.—На темы дня. Двѣ рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Харьковскаго Юридическаго Общества 19 марта 1905 г. Харьк. 905.

Геничинъ, И. Ѳ.—Прибалтійскіе напѣвы. Стихотворенія. Рига, 905. Ц. 1 р.

Дымовъ, Осипъ.—Солнцеворотъ. Спб. 905.

Добролюбовъ, Александръ.—Изъ книги невидимой. Изд. „Скорпіона". М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Дубинскій, М.—Сумерки жизни. Стихотв. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 75 к.

Жигота, Б.—Русскіе финансы и война. Съ польск. Краковъ, 905.

Ибсенъ, Генрикъ.—Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Перъ Гюнтъ; Союзъ молодежи; Кесарь и Галилеянинъ. Перев. съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. Стр. 691. М. 905. Ц. 2 р.

Кропотовъ, Г. — Сводныя статистическія таблицы экономическаго положенія крестьянъ Саратовской губерніи на 1 января 1902 года. Объяснительная записка и схематическая карта губерніи. Сарат. 904.

Костромской (П. Соколовъ).—Въ глухой тайгѣ. Спб. 904.

——— Концертъ съ благотворительной цѣлью. Этюдъ изъ современной жизни. Спб. 905. Ц. 40 к.

Крыловъ, И. А. — Полное собраніе сочиненій, подъ ред. В. В. Каллаша. Т. III: Почта духовъ (ч. III и IV).—Журнальныя статьи и письма. Спб. 905.

Костомарова, Александра.—Двѣ лиліи. Спб. 904. Ц. 1 р.

——— Осенніе цвѣты, покрытые снѣгомъ. Стихотв. Спб. 902.

Карышевъ, Н.—Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ. М. 905. Ц. 1 р.

Красовъ, А. — О преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Опытъ краткаго методическаго руководства по предмету Закона Божія. Вятка, 904. Ц. 25 к.

Лермонтовъ, М. Ю.—Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Арс. Введенскаго. Т. III: Юношескія стихотворенія и поэмы. Спб. 905.

Левитскій, В. Ф., и *Алексѣенко*, М. М.—К. К. Гаттенбергеръ, проф. Харьк. университета. Харьк. 905. Ц. 80 к.

Липскій, В. И.—Горная Бухара. Результаты 3-лѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію, въ 1896, 1897 и 1899 г. Ч. III. Спб. 905.

Мускатблитъ, Ф.—Битва при Ляоянѣ. Критич. оч. съ 6 рис., 5 карт. и 1 черт. Од. 905. Ц. 30 к.

Мировичъ, Н. — Страница изъ исторіи великой французской революціи (Г-жа Роланъ). Съ предисловіемъ Н. Карѣева. Съ 2-мя портретами. М. 905. Ц. 1 руб.

Норовъ, В.—Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. II: Финансовые результаты винной монополіи. Организація виннаго хозяйства. Спб. 905. Ц. 1 р.

Олоньонъ, Кл.—Сибирь и ея экономическая будущность. Съ франц. А. Погрузова. Спб. 905. Ц. 2 р.

Освальдъ, В.—Школа химіи. Общедоступное введеніе въ изученіе химіи. 2-я часть. Перев. съ нѣм. О. Писаржевской. Од. 905. Ц. 1 р.

Островскій, А. Н. — Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. М. И. Писарева. Т. V. Стр. 517. Съ иллюстр.—Т. VI. Стр. 513. Съ портретомъ автора.—Т. VII. Стр. 536. Съ портр. Мартынова. — Т. VIII. Стр. 571. Съ портр. Васильева. — Т. IX. Стр. 720. Съ иллюстр. — Т. X. Стр. 612. Съ портр. автора. Ц. за 10 том. 16 р. Изд. фирмы „Просвѣщеніе". Спб. 905.

Пуришкевичъ, В.—За кѣмъ. Пьеса въ 1 д. 2-е изд. Спб. 904. Ц. 30 к.

Подъячевъ, С.—Среди рабочихъ. Спб. 905. Ц. 75 к.

——— Мытарства: 1) Московскій работный домъ. 2) По этапу. Спб. 905. Цѣна 75 к.

Потѣхинъ, А. А. — Сочиненія. Т. VII: Молодые побѣги. Т. VIII: Около денегъ; Порченая. Т. IX: Судъ людской—не Божій;—Шуба овечья—душа человѣчья;—Чужое добро въ прокъ не идетъ;—Мишура. Т. X: Новѣйшій ора-

кулъ;—Отрѣзанный ломоть;—Виноватая;—Закулисныя тайны. Спб. 905. Ц. 12 т. 12 рублей.

Погодинъ, А. Л.—Почему не говорятъ животныя? Къ вопросу о происхожденіи языка. Варш. 905.

Прокоповичъ, С. Н. — Къ рабочему вопросу въ Россіи. Спб. 905. Ц. 1 р.

Семеновъ, Леонидъ.—Собраніе стихотвореній. Спб. 905.

Спенсеръ, Гербертъ. — Введеніе въ философію. Въ краткомъ изложеніи И. М. Любомудрова. 3-е изд. съ біографіей Г. Спенсера. Ковровъ, 905. Цѣна 40 коп.

Сакулинъ, П.—А. Н. Пыпинъ. М. 905.

Сабинина, М.—Изъ жизни земли. Съ 6 рис. Спб. 905. Ц. 25 к.

Сазоновъ, Г. П. — Народное представительство безъ народа. Спб. 905. Цѣна 30 к.

Сумцовъ, Н. Ѳ.—Изъ Украинской старины. Харьк. 905. Ц. 2 р.

Тищенко, Ѳ.—Люди темные. Быль, разсказанная крестьяниномъ. М. 905. Цѣна 10 к.

Фармаковскій, В. И. — Охрана здоровья учащихся. Сводъ практическихъ свѣдѣній, относящихся къ сбереженію здоровья дѣтей, посѣщающихъ школу. 9-е изд. Од. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Цвидинекъ-Зюденгорстъ, О., фонъ.—Теорія и политика заработной платы, въ особенности изслѣдованіе вопроса объ установленіи минимума заработной платы. Съ нѣм. Б. Авиловъ. М. 905. Ц. 2 р.

Чалхушьянъ, Гр.—Армянскій вопросъ въ Россіи. Рост.-на-Д. 905. Ц. 10 к.

Чернышевскій, Н. Г.—Статьи по крестьянскому вопросу („Современникъ", 1857—1859 гг.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 905. Ц. 2 р.

Шалабановъ, Д. П.—Организація обществ.-промышленнаго питомника плодовыхъ деревьевъ. Спб. 905.

Юшкевичъ, проф. В. А. — Наполеонъ I на поприщѣ гражданскаго правовѣдѣнія и законодательства. Изд. 2-е. М. 905. Ц. 1 р.

Яковлевъ, Сергѣй.—Александра Николаевна Стрекалова. Біограф. очеркъ. М. 904.

Янжулъ, Екат. — Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. 3-е исправл. и дополн. изданіе. Спб. 905. Ц. 2 р.

Askenazy, S.—Uniwersytet Warszawski. W. 905.

Brancoff, D. M.—La Macédoine et sa population chrétienne. Avec 2 cartes ethnographiques. Paris, 905.

René, C.—Russland und die Ostasiatische Frage. Berl. 905. M. 1, 60.

— Библіотека „Всходовъ": 1) Море и его обитатели, составл. Э. Пименовой, съ 175 рис., ц. 1 р. 2) Черная смерть, пов. А. Алтаева, съ 11 рис., цѣна 40 к. 3) Подъ солнцемъ Индіи, путев. письма Э. Геккеля, перев. съ нѣм. И. Игнатьева, съ 70 рис., ц. 35 к. 4) Потѣшные люди, пов. А. Зарина, съ 7 рис. ц. 30 к. 5) Въ странѣ цвѣтовъ, В. Сѣрошевскій, пов., съ 90 рис., ц. 50 к. 6) Янъ Гусъ изъ Гусинца, пов. А. Алтаева, съ 6 рис., ц. 40 к. 7) Антошка, пов. К. Станюковича, съ 23 рис., ц. 80 к. 8) Малайскій архипелагъ, А. Уоллеса, перев. п. р. В. Львова, съ 31 рис., ц. 40 к. 9) Маленькій Джорджъ, Мэкъ Стюартъ, разск. съ 5 рис., перев. З. Р., ц. 20 к. 10) А. В. Кольцовъ, К. Д. Носкова, съ 12 рис., ц. 20 к. 11) Похожденіе Тима, пов. К. Уиггинъ, съ англ. Е. Бэръ, съ 6 рис., ц. 20 к. 12) Скрипачъ, пов. А. Зарина, ц. 50 к. 13) Ассанъ-

Хызъ, пов. А. Алтаева, ц. 75 к. 14) Дѣти напрокатъ; миссъ Брэддонъ, ц. 25 к. 15) Въ горахъ Тибета, С. Рингардтъ, съ 40 рис., ц. 60 к. 16) И. Игнатьевъ, Колумбово яйцо. Физика въ опытахъ. Сборникъ научныхъ развлеченій, съ 138 рис., ц. 1 р. Спб. 905.

— Библіотека Хозяина. № 49: В. Н. Сомовъ (Николаевъ), Барбарисъ. Спб. 905. Ц. 30 к.

— Ежегодникъ министерства финансовъ. Выпускъ 1904 года. Спб. 905.

— Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьянъ Олонецкой губерніи. Иллюстриров. изданіе. Петрозаводскъ, 905. Стр. 109+161+325+155. Ц. 4 руб.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VIII. Библіографич. указатель литературы по статистикѣ землевладѣнія. Спб. 904. Стр. 121 и V.

— Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ. О писателяхъ. Собранные и написанные А. Мошинымъ разсказы очевидцевъ объ А. Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ, Некрасовѣ, Достоевскомъ, Салтыковѣ, Л. Н. Толстомъ и Гюи де-Мопассанѣ. Спб. 905. Ц. 20 к.

— Нѣкоторыя данныя о кн. С. В. Волконскомъ и его отношеніяхъ къ крестьянской реформѣ. Ряз. 905.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Н.-Новгородѣ за 1904 г. Н.-Новг. 905.

— Почтово-Телеграфная Статистика за 1903 г., съ краткимъ обзоромъ дѣятельности почтово-телеграфнаго вѣдомства за тотъ же годъ. Спб. 905.

— Протоколы по крестьянскому дѣлу. Засѣданія съ 8 декабря 1904 г. по 30 марта 1905 г. Спб. 905.

— Ремесла и промыслы Херсонской губерніи. Херс. 905.

— Сводъ статистическихъ данныхъ по желѣзодѣлательной промышленности. Вып. XII. Спб. 904. Изд. Ред. „Вѣстника Финансовъ". Ц. 1 р.

— Севастополь и его оборона. Посвящается памяти его защитниковъ. Съ 5 рис. и 2 карт. Спб. 905. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 30 к.

— Сельско-хозяйственная текущая статистика: 1904 годъ. Вып. 1.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1903 годъ. Н.-Н. 905.

— Статистическій обзоръ Калужской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1902 и за 1903 г. Годъ VII и VIII. Кал. 904.

— Статистическое описаніе Калужской губерніи. Т. II; вып. 2: Лихвинскій уѣздъ. Кал. 904.—Т. V: Малоярославецкій уѣздъ. Кал. 904.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Hermann Bahr. Sanna. Schauspiel in fünf Aufzügen. Berlin, 1905 (S. Fischer, Verlag).

Современная драма построена на превознесеніи сильной личности, на утвержденіи жизни, т.-е. на проповѣди полноты ощущеній. Только тѣ пьесы находятъ откликъ въ современной публикѣ, въ которыхъ поются гимны свободному человѣку. Современная драма—отъ Ибсена до Гауптмана—превратилась изъ прежней психологической, направленной на анализъ сложныхъ процессовъ души, въ драму воли. Единственный доминирующій въ ней вопросъ—слѣдующій: какъ утвердить могущество человѣка въ жизни, черезъ какія высоты—и черезъ какія паденія—ведетъ путь къ самоутвержденію личности? Прежняя трагедія судьбы, также какъ и драма совѣсти, поднимающая вопросъ о добрѣ и злѣ въ поступкахъ и чувствахъ, отошли на второй планъ передъ проблемой личности. И эта основная идея раздѣляетъ современную драму на двѣ категоріи. Къ одной относятся драмы внутренняго самоутвержденія путемъ созерцательнымъ, путемъ признанія первенства внутреннихъ переживаній передъ всѣмъ тѣмъ, что̀ даетъ міръ внѣшнихъ ощущеній. Такова вся символическая драма, таковъ Вильеде-Лиль Аданъ, ставящій воображенія выше дѣйствительности, таковъ театръ Метерлинка; въ немъ дѣйствіе сосредоточено на безсознательной жизни души, и конецъ драмы наступаетъ, когда выступаютъ наружу факты дѣйствительности. Вторая категорія современныхъ драмъ основана на самоутвержденіи человѣка въ области воли, въ господствѣ надъ реальнымъ міромъ, въ проявленіи власти и свободы духа. Ибсенъ, Гауптманъ и длинный рядъ драматурговъ между ними—проповѣдники волевого индивидуализма, противоположнаго мистическому. Но оба разряда драмъ—только разныя стороны одной и той же проблемы личности. Она поднята и во всѣхъ другихъ областяхъ отвлеченной мысли и художественной литературы. Наиболѣе дерзновенно ее поставилъ Ницше, и черезъ его вліяніе она сдѣлалась и центромъ драмы, гдѣ она выступаетъ особенно сильно и убѣдительно.

Въ нѣмецкой драмѣ одинъ изъ наиболѣе громкихъ проповѣдниковъ сильной личности—Германъ Баръ. Его пьесы имѣютъ большой успѣхъ именно тѣмъ, что изображаютъ людей, созидающихъ свою жизнь своей волей, наперекоръ всему, что̀ создаетъ воля толпы. Въ нѣсколькихъ драмахъ—„Силачъ“ („Der Athlet“), „Властелинъ жизни“ („Der Meister“)—Баръ воплотилъ свой идеалъ свободнаго и сильнаго чело-

вѣка, которому принадлежитъ будущее. Во имя сильныхъ людей онъ же проповѣдуетъ и радость жизни, т.-е. властный, безъ колебаній и компромиссовъ, захватъ всего, что жизнь можетъ принести. Эта тема лежитъ въ основѣ новой драмы Бара: „Занна". Основной пріемъ автора въ этой драмѣ остается тѣмъ же, что и въ прежнихъ. Чтобы показать, что нужно созидать свою жизнь своей волей, Баръ показалъ своего „силача" и своего „мастера" въ такихъ жизненныхъ положеніяхъ, въ которыхъ ихъ свободная воля наиболѣе ломается, и на ихъ пораженіи въ жизни онъ основываетъ ихъ нравственное торжество. Центръ тяжести этихъ пьесъ—въ испытаніяхъ, т.-е. въ противодѣйствіи жизни правамъ свободной и сильной личности. Выводомъ же изъ его пессимистическаго отношенія къ дѣйствительности становится проповѣдь иного идеала жизни, еще неосуществленнаго, открывающагося только сознанію отдѣльныхъ просвѣтленныхъ людей. Точно также и въ „Заннѣ" проповѣдуется радость жизни путемъ обличенія жизненныхъ компромиссовъ, губящихъ возможность радости. И эта драма, какъ и двѣ предыдущія, крайне пессимистична въ изображеніи дѣйствительности, но въ идеалѣ она ведетъ къ утвержденію жизни, къ возстановленію правъ на радость, на проявленіе личности.

„Занна" производитъ двойственное впечатлѣніе. Фабула драмы банальна, сентиментальна. Молодая дѣвушка любитъ лейтенанта, который не можетъ жениться на ней, не имѣя, чѣмъ уплатить требуемый залогъ. Богатый дядя Занны не даетъ нужныхъ денегъ, и бракъ разстраивается. Лейтенантъ, болѣе покорный судьбѣ, болѣе готовый на компромиссы, отказывается отъ любимой дѣвушки, но она, болѣе пламенная и мятежная, не признаетъ смиренія. Убѣдившись, что противъ нея не только родители, но и слабовольный юноша, котораго она любитъ, Занна не согласна подчиниться обстоятельствамъ, выйти замужъ за богатаго старика—и бросается изъ окна. Самоубійство, какъ слѣдствіе разочарованія въ любви—одинъ изъ наиболѣе использованныхъ мотивовъ въ литературѣ вообще и въ драмѣ въ частности. Но въ „Заннѣ" есть много другого, очень интереснаго—есть цѣлая коллекція чудаковъ и убѣжденныхъ добродѣтельныхъ пошляковъ—мужчинъ и женщинъ. Всѣ они вмѣстѣ хорошо иллюстрируютъ основную мысль автора. Баръ доказываетъ, выводя ихъ на сцену, что жизнь, основанная не на радостномъ торжествѣ молодыхъ, жаждущихъ счастья силъ, полна уродства и создаетъ безсмысленныя аномаліи, извращенія здоровой радости жизни. Эта сторона драмы такъ интересно разработана, что и банальность самой фабулы пріобрѣтаетъ нѣсколько иной оттѣнокъ, кажется намѣренной. Самая типичная, самая схематичная исторія разбитаго молодого существованія, противопоставленная искаженной радости жизни въ оригинальныхъ типахъ, кажется наиболѣе доказательной.

Во имя удобствъ жизни, люди сознательно убиваютъ ея радость:—это коренное заблужденіе, ведущее къ роковымъ послѣдствіямъ, иллюстрируется на примѣрѣ семьи синдика въ маленькомъ австрійскомъ городкѣ. Житейское благоразуміе, требующее компромиссовъ, обрѣзывающее жизнь ради прочности мелкаго существованія, воплощено въ лицѣ жены синдика, Каролины. Она въ свое время вышла замужъ по любви и такъ изстрадалась въ борьбѣ съ житейскими трудностями, что хочетъ избавить своихъ дочерей отъ своей печальной участи. Она поэтому убиваетъ въ нихъ всѣ порывы къ молодому властному счастью. Одна изъ ея дочерей, старшая, уже сдѣлалась жертвой материнскихъ заботъ; ей не позволили выйти замужъ по влеченію; она покорилась и теперь живетъ безрадостная въ родительскомъ домѣ, убивая свою тоску въ музыкѣ; но, по мнѣнію матери, это лучше, чѣмъ необезпеченный бракъ, и она увѣрена, что спасла дочь. Каролина все дѣлаетъ, чтобы поднять благосостояніе семьи. Въ домѣ живетъ старикъ дядя—восьмидесятилѣтній, наполовину выжившій изъ ума старый жуиръ. Каролина всячески угождаетъ ему, выноситъ капризы старика, чрезвычайно неудобные въ домѣ, гдѣ есть молодыя дѣвушки, и всячески старается предотвратить помѣщеніе старика въ спеціальную лечебницу. Ей нужна его денежная поддержка для веденія дома,—и этому приносится въ жертву всякая деликатность чувства. Но это еще наименьшій изъ компромиссовъ; гораздо бо̀льшимъ является испорченная жизнь старшей дочери. Мать не сознаетъ, однако, своей вины передъ Луизой, и продолжаетъ свою систему относительно и другихъ дочерей. Ея мужъ, синдикъ Тростъ, раздѣляетъ ея практическіе взгляды на жизнь—пока ему не открываетъ глаза судьба младшей дочери, героини драмы,—шестнадцатилѣтней Занны.

Занна—воплощеніе радости жизни. Въ душѣ ея „все поетъ и пламенѣетъ“, какъ она сама говоритъ своей печальной старшей сестрѣ, разсказывая о своей любви, и она не согласна жертвовать собой ради практическихъ соображеній. Она не любитъ мать—„эту мрачную старую женщину, которая сидитъ въ сумеркахъ на креслѣ, какъ злая птица“,—и боится ея вліянія. Она вѣритъ въ себя, въ свою любовь. Лейтенантъ, влюбленный въ нее и полюбившійся ей, приходитъ къ нимъ въ домъ; его дядя, докторъ, пользующій старика, надѣется устроить счастье молодой пары, уговорить старика заплатить залогъ. Старикъ милъ съ лейтенантомъ, смѣется его шуткамъ,—но когда докторъ объясняетъ ему положеніе дѣлъ, онъ отказываетъ въ деньгахъ—отказываетъ безсмысленно, тутъ же предлагая дать деньги, если лейтенантъ женится на младшей сестрѣ, четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ съ сильно развращеннымъ всѣмъ, что̀ она видитъ кругомъ себя, воображеніемъ. Отказъ жениться на дѣвочкѣ онъ принимаетъ за своеволіе, и тѣмъ болѣе не согласенъ уплатить залогъ. Этимъ рѣ-

шена судьба Занны. Со всѣхъ сторонъ ей доказываютъ, что нужно покориться, отказаться отъ недостижимаго. Но Занна тверда, увѣренная что тотъ, кого она любитъ, такъ же непоколебимъ, какъ она. Она свое счастье завоюетъ. Послѣ ухода лейтенанта, она совершенно спокойна; мать даже думаетъ, что она вовсе не страдаетъ. „Молодость все стерпитъ",—говоритъ себѣ въ утѣшеніе Каролина. Только Луиза, въ приливѣ по-новому охватившаго ее горя о своей разбитой жизни, молитъ отца помочь Заннѣ, спасти ее. Она знаетъ, что отреченіе убиваетъ душу. Но пока Занна еще полна радости. Ей позволено поговорить съ лейтенантомъ на балу у штатгальтера, и она знаетъ, что ее и его спасетъ сила ихъ любви. Балъ у штатгальтера, составляющій содержаніе третьяго акта драмы, даетъ выпуклую картину отрицательныхъ типовъ, убивающихъ здоровую радость жизни. Старикъ Фурніанъ, восьмидесятилѣтній дядя, уже ярко выступаетъ въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ. Онъ преслѣдуетъ служанку своими ухаживаніями, любуется своимъ сверкающимъ кольцомъ, все вспоминаетъ о томъ, какъ его какой-то кардиналъ назвалъ святымъ человѣкомъ, и при этомъ всѣхъ подозрѣваетъ въ желаніи ограбить его. Этотъ слабоумный тиранъ подчиняетъ своей волѣ молодыхъ членовъ семьи и самъ наслаждается, потворствуя своимъ инстинктамъ. Онъ стоитъ во главѣ „отравителей радости", изображенныхъ въ драмѣ Бара. Отнимая радость жизни у тѣхъ, кому она принадлежитъ по праву, они искажаютъ, уродуютъ ее. Насколько прекрасна любовь Занны къ юношѣ, которому она отдаетъ свои свѣжія, яркія чувства, настолько похожденія старика—каррикатура на радость. А его желанія свершаются,—Занна же, лишенная естественнаго права на радостную жизнь, погибаетъ. Вотъ постоянный припѣвъ во всей драмѣ, состоящей изъ противопоставленій торжествующихъ уродливыхъ отравителей радости и погибающихъ жертвъ житейскихъ компромиссовъ. Другой типъ на ряду съ Фурніаномъ—школьный инспекторъ Цингерль. Ему пятьдесятъ лѣтъ—и за него прочатъ шестнадцатилѣтнюю Занну на томъ основаніи, что „бѣднымъ людямъ нельзя быть разборчивыми". То, что Занна любитъ другого, не смущаетъ мать.—„Отъ любви не умираютъ",—необдуманно говоритъ она, не предвидя, что на этотъ разъ ея житейская мудрость не оправдается. Школьный инспекторъ интересно обрисованъ во второмъ дѣйствіи, въ сценѣ, гдѣ онъ приноситъ рѣдкостный подарокъ семьѣ Тростовъ — цвѣтущій кактусъ. Цингерль ищетъ сильныхъ ощущеній для своихъ притупленныхъ нервовъ и находитъ ихъ только въ зрѣлищѣ смерти. Онъ съ упоеніемъ разсказываетъ о томъ, какъ наканунѣ присутствовалъ при трудной агоніи какой-то старой женщины, какъ она три часа кричала, прежде чѣмъ ей наконецъ закрыли глаза. У него слуга пріученъ вывѣдывать про умирающихъ и докладывать ему во-время о готовя-

щихся желанныхъ зрѣлищахъ.—„Многое уясняется, когда глядишь, какъ умираетъ человѣкъ",—говоритъ онъ—и всѣ восхваляютъ христіанскія чувства, побуждающія школьнаго инспектора оказывать умирающимъ поддержку своимъ присутствіемъ. Несовсѣмъ по-христіански только то, что послѣ бдѣній у ложа умирающихъ, онъ непремѣнно посылаетъ къ канонику за какимъ-то опредѣленнымъ виномъ и пирожками,—находя особую прелесть въ тонкой ѣдѣ именно въ подобныхъ случаяхъ. Всѣ его вкусы отмѣчены тѣмъ же характернымъ оттѣнкомъ жестокости и тяготѣнія къ уродливому или неживому. Онъ восторгается цвѣткомъ кактуса, потому что онъ похожъ, по его словамъ, на уродливаго маленькаго паука, и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ даритъ этотъ цвѣтокъ Заннѣ и ея младшей сестрѣ Ганзль, радуясь, когда дѣвочка колетъ себѣ пальцы, касаясь растенія. Ему также пріятно поставить цвѣтокъ въ бѣленькую дѣвичью комнатку Занны, какъ бы отравляя ея полудѣтскую жизнь близостью уродливаго растенія. А младшей дѣвочкѣ онъ даритъ изображеніе мученицы Агаты въ золотомъ медальонѣ, объясняя подробно, какимъ мученіямъ подвергалась святая мученица. Этотъ старикъ съ его особыми вкусами причастенъ къ радости—нечистой и отталкивающей, и его доля радости—та, которую онъ хочетъ отнять у бѣдной Занны. О своемъ желаніи жениться на Заннѣ Цингерль говоритъ не съ ней, а съ ея матерью, и считаетъ дѣло рѣшеннымъ. Возможность несогласія, даже протеста со стороны дѣвушки—только лишняя приманка для этого любителя всякихъ страданій, и большихъ, и маленькихъ.

Въ третьемъ дѣйствіи всѣ эти и другіе „отравители радости" сходятся въ пестрой толпѣ, объединенной общимъ пониманіемъ жизни и одинаковыми стремленіями, на балу у штатгальтера. Мать Занны расцвѣтаетъ, испытывая всѣ удовлетворенія, которыя составляютъ для нея смыслъ жизни; имъ-то она и приноситъ въ жертву всѣ истинныя радости своихъ дѣтей. Штатгальтеръ особенно любезенъ съ ея дочерью Занной,—и ея тщеславіе удовлетворено. Разбитое счастье дочери кажется ей теперь тѣмъ болѣе несущественнымъ происшествіемъ, что вниманіе, удѣленное дѣвушкѣ хозяиномъ бала, должно вызвать общій интересъ къ ней. Общество на балу, дамы, комментирующія вниманіе штатгальтера къ скромной дѣвушкѣ, самъ величественный сановникъ, который даритъ улыбки и милостивыя слова, всѣ гости, священно выполняющіе законы свѣтскаго этикета, составляютъ фонъ самодовольнаго прозябанія, замѣняющаго для этихъ рабовъ условности истинную радость жизни. На этомъ балу Заннѣ наносится ударъ, съ которымъ она при всей своей волѣ къ счастью не можетъ справиться. Она сильна относительно своихъ духовныхъ враговъ,—въ этой роли выступаетъ и ея мать, несмотря на все свое желаніе блага своей дочери. Несмотря на требованія матери, Занна, однако, не только не

цѣнитъ вниманія штатгальтера, но даже отказывается отъ его приглашенія пойти съ нимъ танцовать, говоря, что она обѣщала уже этотъ танецъ лейтенанту. Но штатгальтеръ настаиваетъ на своемъ приглашеніи и уводитъ ее отъ лейтенанта; послѣднему, конечно, остается отвѣтить согласіемъ на просьбу штатгальтера уступить ему свою даму. Но того, что штатгальтеръ говорилъ ей, Занна не можетъ передать матери, когда та съ нетерпѣливымъ любопытствомъ разспрашиваетъ ее: она не слушала его, занятая мыслью о лейтенантѣ. Наконецъ, подъ звуки пѣнія одной изъ приглашенныхъ дамъ, Занна говоритъ съ лейтенантомъ и узнаетъ отъ него, что онъ покоряется родителямъ любимой дѣвушки и отказывается отъ нея. Занна—въ полномъ ужасѣ: всѣ ея надежды рушились, когда она не находитъ поддержки у того, кого любитъ. У нея хватаетъ только силы и гордости, чтобы рѣзко оборвать разговоръ съ лейтенантомъ. Онъ говоритъ ей, что его долгъ—уйти отъ нея, чтобы не компрометтировать ее. Занна, ждавшая смѣлыхъ словъ вѣрной любви, рѣзко вышучиваетъ этого охранителя ея чести и проситъ поскорѣе уйти и оставить ее въ покоѣ. Еще одно испытаніе ждетъ дѣвушку на роковомъ для нея балу. Ея измученный видъ привлекаетъ вниманіе любителя всего болѣзненнаго и страдальческаго, т.-е. школьнаго инспектора Цингерля; онъ подходитъ къ ней, совѣтуетъ ей дать волю своимъ слезамъ, излить передъ нимъ свое горе, вмѣсто того чтобы таить его въ душѣ и еще болѣе страдать отъ этого. Подъ вліяніемъ его мнимо участливыхъ словъ Занна начинаетъ безудержно рыдать; тогда онъ, довольный достигнутымъ результатомъ, утѣшаетъ ее. Только когда онъ отъ общихъ утѣшеній переходитъ къ разговору о себѣ, о своей привязанности, о томъ, что онъ можетъ предложить ей въ жизни, она съ ужасомъ начинаетъ понимать, къ чему онъ клонитъ разговоръ; при его попыткѣ ласково погладить ея руку, она съ ужасомъ гонитъ его прочь; а когда онъ продолжаетъ свои приставанія, она зоветъ на помощь отца. Отецъ и мать Занны подходятъ къ ней, но Цингерль не смущается; онъ спокойно, съ доброй улыбкой, заявляетъ имъ, что немножко ухаживалъ за милой Занной, что она пока сопротивлялась, но что это упрямство ничего не значитъ—оно пройдетъ. Его поведеніе, его спокойная увѣренность въ своей силѣ, пугаетъ Занну; ей страшно за свое будущее. Она ни въ комъ не видитъ сочувствія. Мать явно надѣется сломить ея упрямство,—и только отецъ въ разговорѣ съ докторомъ высказываетъ первыя сомнѣнія въ правильности своихъ требованій отъ дочери. Вправѣ ли родители ломать ея жизнь, вмѣсто того чтобы помочь ей достигнуть счастья? Докторъ успокаиваетъ Троста, говоритъ о необходимости отреченія и смиренія въ жизни,—но Тростъ не убѣжденъ и боится за младшую дочь, боится, что и Занна, какъ бѣдная Луиза, будетъ навсегда не-

счастна. Въ одномъ онъ ошибается:—Занну слишкомъ пугаетъ пассивная участь Луизы, чтобы согласиться на нее.—Или полная радость жизни, или смерть,—рѣшаетъ она. Вернувшись домой послѣ вечера, она машинально выслушиваетъ увѣщанія матери и нѣсколько растерянныя объясненія отца, который чувствуетъ глубину ея горя и смутно боится чего-то страшнаго. Онъ сознаетъ свою вину передъ Занной, кается въ томъ, что практическія заботы изсушили его и его жену, и что они дѣтямъ не могутъ дать самаго важнаго—душевнаго тепла. Когда отецъ уходитъ, Луиза, потрясенная повтореніемъ своей судьбы въ жизни младшей сестры, старается утѣшить Занну, объяснить, что лейтенантъ не могъ иначе поступить, не могъ не уступить обстоятельствамъ, несмотря на свою любовь. Занна только говоритъ, что такая любовь ей не нужна, и убѣгаетъ въ другую комнату. Слышится звукъ раскрываемаго окна. Луиза—въ нервномъ припадкѣ и не можетъ сразу крикнуть или броситься къ сестрѣ; когда она, задыхаясь отъ усилій, зоветъ наконецъ на помощь—уже поздно. Занна выбросилась изъ окна. Она мертва. Сестры и отецъ мечутся, обезумѣвшіе отъ ужаса и горя; мать въ безсиліи опускается на стулъ со словами: „Какой позоръ, какой позоръ! Бѣдное мое дитя!“ Первая мысль этой рабы общественной нравственности обращена къ постороннимъ; самое важное для нея—мнѣніе такихъ же рабовъ, какъ она сама.

Самое интересное въ драмѣ Бара—послѣднее дѣйствіе: сцены въ гостиной у Тростовъ на второй день послѣ смерти Занны; „общество“ приходитъ съ выраженіями соболѣзнованія къ родителямъ умершей дѣвушки, тѣло которой выставлено въ сосѣдней комнатѣ. „Отравители радости“ тутъ всѣ въ полномъ составѣ, и они выступаютъ во всемъ своемъ уродствѣ въ сосѣдствѣ съ своей мертвой жертвой. У матери, которая хоронитъ молодую дочь,—по-своему сильно ею любимую,—есть, однако, въ этотъ день много удовлетвореній: штатгальтеръ не только прислалъ чудный вѣнокъ на гробъ, но и самъ пришелъ поклониться праху Занны. Каролина благодаритъ его искренно, осчастливленная оказанной ей честью. Всѣ вокругъ говорятъ о необыкновенной любезности штатгальтера и убѣждаютъ родителей умершей въ томъ, что ихъ должно утѣшать общее сочувствіе. Каролина, дѣйствительно, находитъ въ этомъ утѣшеніе: „Да,—говоритъ она,—мы очень счастливы въ этомъ отношеніи; намъ со всѣхъ сторонъ выказываютъ столько теплаго участія“. И въ отвѣтъ на это, одна изъ присутствующихъ дамъ говоритъ: „Такимъ образомъ, среди горя испытываешь иногда истинно отрадныя чувства“. Эти двѣ фразы, матери и гостьи, рисуютъ всю извращенность понятій, которыми живетъ толпа среднихъ людей. Они уничтожаютъ—для себя и для своихъ близкихъ—истинную радость и замѣщаютъ ее мелкими, уродли-

выми удовлетвореніями. Конечно, неотлученъ отъ покойницы старый Цингерль. Онъ просидѣлъ, не отходя отъ нея, всю ночь, вызывая общіе восторги такими глубокими христіанскими чувствами—и теперь, по обыкновенію, посылаетъ къ канонику за виномъ и пирожками, чтобы подрѣпиться излюбленнымъ лакомствомъ. Благодарность за вниманіе къ покойницѣ онъ, однако, отстраняетъ: „За это не благодарятъ,—говоритъ онъ.—Это вознаграждается самой собой. Вотъ она лежала тутъ цѣлую ночь передо мной,—такая тихая, точно спящая... и совершенно беззащитная,—охраняемая только смертью. Да, это странное чувство—начинаешь многое понимать по иному. Благодарить за это нечего". Кошмарный Цингерль подчеркиваетъ своими нечистыми радостями ужасъ смерти молодой дѣвушки. Кошмаръ разрастается дальше, усугубляясь поведеніемъ двухъ сестеръ умершей Занны. Луиза, обезумѣвшая отъ горя, играетъ передъ покойницей на рояли всѣ свои любимыя пьесы, чувствуя умершую Занну еще болѣе близкой себѣ, чѣмъ живую. Младшая сестра, дѣвочка Ганзль, уже развращенная средой, въ которой живетъ, потрясена смертью сестры; она чувствуетъ и себя обреченной на безрадостность,—т.-е. на такую же смерть, какъ Занна, или какъ мертвая при жизни Луиза. Все это жертвы искаженной жизни, предоставляющей радости только тѣмъ, кто уже испытываетъ ее или опошленной компромиссами и условностями, или извращенной порочностью. Торжествуетъ Фурніанъ, который теперь объявляетъ, что не пожалѣетъ денегъ на самыя парадныя похороны Занны; торжествуетъ Цингерль, который уже особенно ласковъ съ Ганзль: въ присутствіи покойницы онъ особенно расположенъ къ умиленной нѣжности. И только одинъ безумный голосъ протеста противъ всего этого искаженнаго строя жизни раздается изъ устъ отца Занны. Онъ прозрѣлъ, понялъ свою вину передъ дочерью, понялъ вину всѣхъ рабовъ мнимаго долга передъ загубленными—безрадостными жизнями. Онъ осыпаетъ упреками лейтенанта—за его малодушіе, и стараго дядю—за его упрямство. Старикъ бормочетъ что-то о долгѣ передъ государствомъ, передъ обществомъ, но обезумѣвшій отъ горя отецъ кричитъ: „Нѣтъ, старикъ, все дѣло въ томъ только, чтобы жить... жить!"

Этимъ протестомъ во имя радости жизни заканчивается пьеса, очень современная по замыслу, интересная по выполненію,—главнымъ образомъ, по изображенію уродливыхъ явленій жизни, какъ результата ненормальныхъ принциповъ, которыми живетъ среднее человѣчество. Наиболѣе слабы въ драмѣ сама героиня и лейтенантъ,—но они нужны автору только какъ схема, для противопоставленія имъ торжествующихъ „отравителей радости". Послѣдніе обрисованы въ драмѣ достаточно сильно.

II.

Feth. Gedichte; *Polonskij.* Gedichte. Autorisierte Verdeutschung von *Fr. Fiedler.* Leipzig. Verl. von Ph. Reclam jun.

Извѣстный нѣмецкій переводчикъ русскихъ поэтовъ, Ф. Фидлеръ, знакомитъ въ двухъ послѣднихъ сборникахъ нѣмецкихъ читателей съ поэзіей Фета и Полонскаго. У Фета г. Фидлеръ выбралъ для перевода все наиболѣе конкретное, его пѣсни о природѣ, о любви, оставляя въ сторонѣ его поэзію мистическихъ настроеній. Для популяризаціи поэта у иностранныхъ читателей этотъ выборъ, пожалуй, благоразуменъ—тѣмъ болѣе, что всѣ знаменитыя, вошедшія въ христоматіи стихотворенія, какъ „Печальная береза", „Шопотъ, робкое дыханье" и т. д., въ точности переданы переводчикомъ. Достоинства перевода г. Фидлера—тѣ же, какъ и въ другихъ прежнихъ его работахъ: большая добросовѣстность и умѣнье передать всѣ оттѣнки смысла. Мелодичность оригинальнаго стиха и особенность красокъ не всегда сохраняются,—но этого и трудно требовать при передачѣ на другой языкъ. Во всякомъ случаѣ, нѣмецкій читатель можетъ себѣ составить ясное понятіе по переводу г. Фидлера о тѣхъ мотивахъ поэзіи Фета, которые сказались въ выбранныхъ переводчикомъ стихотвореніяхъ.

Намъ кажется, что изъ двухъ послѣднихъ переводныхъ сборниковъ г. Фидлера большій успѣхъ долженъ имѣть у нѣмецкихъ читателей томикъ стиховъ Полонскаго, соединяющихъ отпечатокъ славянства съ мотивами, близкими и понятными европейскому читателю. Если всмотрѣться въ творчество Полонскаго и прослѣдить судьбу его поэзіи, отношеніе къ ней русскаго общества, то вмѣстѣ съ отзывчивостью поэта къ окружающей его жизни выясняется также общекультурное—міровое содержаніе его поэзіи. Онъ писалъ болѣе пятидесяти лѣтъ—отъ 1844 года, когда появился его первый сборникъ—поэту въ то время было, впрочемъ, двадцать-четыре года—и до его смерти въ 1898 г. И за все это время онъ и отражалъ русскую дѣйствительность своего времени, и хранилъ вѣрность святынямъ собственной души—очень своеобразнымъ и тихимъ святынямъ, далекимъ отъ шумныхъ и людныхъ храмовъ. Поэзія Полонскаго подчинялась бездумно законамъ искусства и стремилась выразить духовность бытія. Въ теченіе значительной части жизни поэта стремленіе это шло въ разрѣзъ съ духомъ времени, и Полонскій встрѣчалъ больше равнодушія и порицаній, чѣмъ пониманія и сочувствія. Начало пути его было еще болѣе свѣтлымъ. Онъ выступилъ въ праздничную пору русской поэзіи, когда не считалось празднымъ пѣть о тайнѣ міра, о человѣкѣ въ связи съ природой, о внутреннемъ смыслѣ жизни. Еще

слышны были отголоски Пушкинской и Лермонтовской музы въ поэзіи Тютчева, Майкова, Фета. Но историческій законъ нагналъ на русскую жизнь новую волну. „Культъ красоты“ смѣнился тяготѣніемъ къ гражданскимъ мотивамъ; также выросло и окрѣпло поколѣніе поэтовъ, созданныхъ новыми вкусами. Полонскій въ полномъ расцвѣтѣ таланта попалъ въ эпигоны отжившей эпохи и долженъ былъ выслушивать отъ Писарева совѣтъ „подумать да поучиться“, а отъ Добролюбова, за нѣсколько лѣтъ до того, похвалы за отсутствіе мистицизма, за отреченіе отъ нелѣпыхъ сказокъ няни, а также упреки за недостаточность гражданскаго пыла. Среди измѣнившейся вокругъ него жизни Полонскій не шелъ одиноко своимъ путемъ. Онъ не принадлежитъ къ числу одинокихъ умовъ и гордыхъ душъ. Ему нужно было постоянно чувствовать свою близость къ великому единству, сознавать себя частью стихіи—сливаться въ поэтическомъ провидѣніи съ природой, сливаться въ жизни и въ помыслахъ съ общей жизнью страны, съ тѣмъ, чѣмъ волнуются всѣ: „Писатель, если только онъ—Волна, а океанъ—Россія,—Не можетъ быть не возмущенъ,—Когда возмущена стихія“. Это характерное для Полонскаго стихотвореніе есть въ переводномъ томикѣ г. Фидлера. Полонскій возмущался и радовался однѣми печалями и радостями съ чуждымъ ему по духу поколѣніемъ. Критики 60-хъ и позднѣйшихъ годовъ находятъ у него много достойнаго похвалъ. „На кораблѣ“ нравилось Добролюбову намеками на борьбу съ общественнымъ зломъ; позднѣйшимъ критикамъ полюбились стихотворенія объ узникахъ и узницахъ,—знаменитое „Что мнѣ она, не жена, не любовница...“ (хорошо переведенное г. Фидлеромъ, такъ же какъ и другія характерныя стихотворенія Полонскаго) и „Литературный врагъ“, гдѣ примирительницей поэта съ его литературнымъ противникомъ является тюрьма, прикрывшая недавняго врага, какъ щитомъ.

И по этому легкому пути единенія посредствомъ откликовъ на злобы дня Полонскій шелъ охотно, иногда находя искренніе отвѣтные звуки въ душѣ, иногда же пользуясь своей необычайной легкостью стиха для исписыванія безконечнаго числа страницъ вялыми, мало художественными стихотвореніями, доказывавшими лишь его отзывчивость на интересы дня. Война съ Турціей создала множество патріотическихъ стихотвореній Полонскаго, гдѣ поэтъ громилъ политику „коварнаго Альбіона“, посылалъ проклятія „ренегату христіанину“, ставшему турецкимъ пашой, воспѣвалъ болгарку, рабыню султанскихъ женъ, и проникался ненавистью къ политическимъ врагамъ Россіи. Повинуясь инымъ требованіямъ общественности, онъ пѣлъ о голодѣ въ духѣ Некрасовской поэзіи, о всепобѣдности науки, о гордой „натурщицѣ, жертвѣ экономическаго гнета“, и т. д. Иногда широкая гуманность замысла придавала силу и колоритность его поэмамъ,

какъ, напр., поэмѣ „Казиміръ Великій“,—нѣмецкій переводъ г. Фидлера хорошо передаетъ грустную поэтичность этой поэмы. Иной разъ только онъ своевольно вносилъ диссонансъ въ гражданскія настроенія. Такъ, напр., въ стихотвореніи „На улицахъ Парижа“ онъ оплакиваетъ жертву народной ярости—невинную, случайно захваченную и казненную дѣвушку. Переводъ этого стихотворенія сдѣланъ г. Фидлеромъ слишкомъ схематично. Сохраняя общее настроеніе оригинала, г. Фидлеръ не передаетъ, однако, нѣжныхъ оттѣнковъ въ описаніи жертвы. Конецъ стихотворенія у Полонскаго построенъ на контрастѣ кровожадности толпы и безпомощности дѣвушки-цвѣтка: „Страшной ненависти буря—Дымнымъ залпомъ разразилась,—И въ крови въ могилу, въ мусоръ—Какъ цвѣтокъ она свалилась.—Солнце встало надъ Парижемъ—И ясна была погода,—Лишь грозой носился пьяный—Крикъ: Да здравствуетъ свобода!“ Въ переводѣ г. Фидлера стерты краски (Und es knatterte die Salve,—Und der Rauch flog hin und wieder... Und in eine Kehrichtgrube—Sank sie blutig leblos nieder... Die Pariser Strassen strahlen—In das Lenzessonne Weben,—Und die trunknen Rufe gelten:—Hoch die Freiheit! Sie soll leben!). Ни ярости толпы, ни сравненія съ цвѣткомъ, нѣтъ въ нѣмецкомъ текстѣ, а trunknen значитъ „опьяненный“, а не „пьяный“.

Чѣмъ болѣе старился Полонскій, тѣмъ шире становилась его отзывчивость, тѣмъ ревнивѣе онъ заботился о сохраненіи близости съ общимъ теченіемъ жизни. Не было того литературнаго юбилея, русскаго или иностраннаго, къ которому не было бы пріурочено стихотвореніе Полонскаго. Шиллеръ, Шекспиръ воспѣты имъ въ столѣтнія годовщины ихъ памяти, и большинство русскихъ національныхъ событій отмѣчены кратко или пространно въ его поэзіи. Но въ то же время Полонскій не переставалъ никогда пѣть свое—т.-е. то, что внѣ событій времени, что на глубинѣ вѣчныхъ началъ бытія. Онъ едва ли самъ дѣлалъ различіе между „своимъ“ и „постороннимъ“, и съ легкостью по-дѣтски простой и мудрой души переходилъ отъ стихотворныхъ описаній и разговоровъ „въ гостяхъ“ къ сказкамъ о Царь-Дѣвицѣ, которая, „вторичнымъ поцѣлуемъ, заградивъ ему уста“,—откроетъ передъ нимъ „тайный теремъ красоты“, и къ грезамъ о „звѣздистой ткани міра“, о музыкѣ, которая „изъ вѣчности вдругъ раздалась и въ безконечность полилась“, о томъ, „какъ сливаются вѣчность и мигъ“. Это философская поэзія не по мысли, а по чувству. Говоря о природѣ и о неразгаданныхъ тайнахъ, поэтъ „не мыслилъ, а любилъ“; стихомъ „загадочно прекраснымъ“ онъ пѣлъ лишь для того, кто „готовъ страданья принимать безъ словъ“, и, привѣтствуя весну, онъ тянулся-тянулся, „какъ лучъ, въ одну струну“,—боясь, что сердце оборвется.

Космическая поэзія Полонскаго и ея неожиданныя глубины и

откровенія звучали долго диссонансомъ въ русской поэзіи, занятой животрепещущими интересами дня. Откликаясь на волненія своихъ современниковъ, Полонскій оставался чуждъ имъ въ томъ, что̀ глубже всего таилось въ его задумчивой, вопрошающей міръ и жизнь душѣ. Но долгая, сравнительно, жизнь Полонскаго принесла ему то рѣдкое утѣшеніе, что разладъ съ вступающимъ въ жизнь молодымъ литературнымъ поколѣніемъ не увеличивался съ годами, какъ это часто бываетъ со старѣющими писателями, а напротивъ того, все болѣе сглаживался. Поэтъ умеръ не забытый, а понятый и цѣнимый болѣе, чѣмъ въ прежніе, молодые и бодрые годы. Творчество Полонскаго стало роднымъ и понятнымъ именно современникамъ его старости. Онъ умеръ не старымъ, а возродившимся поэтомъ, къ которому примыкаетъ,—идя только гораздо дальше, чѣмъ онъ,—смѣняющее его поколѣніе. Въ то время, какъ другіе поэты должны обыкновенно ждать, чтобы прошли годы, прежде чѣмъ исторія произнесетъ имъ безпристрастный приговоръ, Полонскій нашелъ самую вѣрную оцѣнку среди тѣхъ, которые его хоронили, и останется жить въ русской поэзіи тѣми своими качествами и красотами, которыя подмѣчаетъ и чувствуетъ въ немъ именно наше время.

Въ чемъ же заключается эта особенность поэзіи Полонскаго? Какимъ образомъ поэтъ съ дѣтской душой, чуждый разсудочности и сознательной работы мысли, отразилъ глубокое міросозерцаніе и каждымъ изъ своихъ лучшихъ стиховъ напоминалъ о скрытомъ смыслѣ явленій и зрѣлищъ жизни? Отгадка кажущагося противорѣчія, т.-е. того, что въ поэзіи Полонскаго отсутствуетъ сознательная работа мысли, но велика безсознательная мудрость,—весьма простая. Полонскій, какъ истинный поэтъ, не думалъ, а провидѣлъ тайны міра и выражалъ то, что̀ тѣснилось въ его душѣ такъ, какъ оно зарождалось. Не пытаясь рѣшать недоумѣнія разумомъ, не стремясь познать больше, чѣмъ знаетъ и таитъ въ себѣ природа, онъ только изливалъ свою изумленную душу въ такихъ же вопросахъ безъ отвѣта и въ такомъ же примиреніи съ таинственностью и неразгаданностью міра, какъ это дѣлаетъ вся природа, полная загадокъ, которымъ нѣтъ разрѣшенія.

Въ этомъ—обаяніе философской поэзіи Полонскаго, въ этомъ—источникъ его мудрости,—стихійной, а не разсудочной, созданной не трезвымъ логическимъ умомъ, а стихійно-пытливой душой: онъ вопрошаетъ природу и жизнь, его тревожный духъ не знаетъ предѣловъ—все и малое, и великое изумляетъ его, во всемъ онъ ясно видитъ чудо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, странно безмятежный среди тревожныхъ запросовъ души, онъ глубоко примиренъ съ необходимостью тайны, съ тѣмъ, что отвѣтовъ нѣтъ и не можетъ быть. Можно справедливо упрекать Полонскаго, какъ это часто дѣлала критика, въ томъ, что онъ—плохой

мыслитель, и что самостоятельныхъ философскихъ идей нѣтъ въ его поэзіи,—но логической, сознательной силы ума для стихійной поэзіи, можетъ быть, и не нужно. Тѣмъ Полонскій и дорогъ намъ, что, не будучи глубокимъ по уму, онъ во многихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, —мудръ, и что, не создавъ никакой метафизической теоріи, онъ выразилъ, однако, въ своей поэзіи новую, свою мудрость и отразилъ ее такъ, какъ отражаетъ природа—бездумно, но просто и глубоко, понятно для духовнаго взора человѣка. Не будь этой мудрости въ поэтѣ, и всѣ его пѣсни о природѣ, вся наивная фантастичность его полу-дѣтскихъ сказочныхъ поэмъ, вся его лирика, то смѣлая и страстная въ пѣсняхъ торжествующей любви, то какъ бы заледенѣвшая отъ близости смерти, то погребающая любовь къ женщинѣ въ любви къ пробудившейся для созерцанія природѣ, не будила бы въ насъ столь глубокаго отклика, не казалась бы символическимъ отраженіемъ того, что̀ не укладывается въ слова и мысли жизненнаго обихода. Вся поэзія Полонскаго озарена изнутри тихимъ свѣтомъ этой мудрости. Полонскій создалъ свое настроеніе, не похожее на отношеніе къ міру никакого другого поэта. У него всегда звучитъ высшая примиренность съ тѣмъ, что̀ будетъ и что̀ должно быть. Если ему хочется объяснить, чѣмъ и для чего живетъ природа и почему ей нуженъ человѣкъ, у него рождаются въ душѣ лишь дѣтскіе отвѣты, лишь тихая вѣра въ чудеса, и въ эти моменты онъ создаетъ дѣтскія стихотворенія необычайной прозрачности. Нужно, дѣйствительно, чувствовать братскую любовь солнца и мѣсяца, чтобы такъ близко и такъ просто объединить дѣтскую душу и душу природы, какъ это сдѣлалъ Полонскій въ своемъ стихотвореніи „Солнце и мѣсяцъ“ (переводъ этого стихотворенія—одинъ изъ наиболѣе удачныхъ въ сборникѣ г. Фидлера). Нужно дѣтской душой вѣрить въ нянины чудеса, ждать Царь-дѣвицу, нужно въ самомъ дѣлѣ любить край родной, „какъ векша—сумракъ бора“, чтобы такъ отразить власть чудеснаго надъ душой въ тотъ мигъ, когда душа чувствуетъ себя въ силахъ постигнуть тайну бытія. Міръ чудесъ, въ которомъ живетъ и довѣрчивая душа ребенка, и вѣковая народная мудрость — единственный источникъ поэта, когда онъ ощущаетъ потребность утверждать, вѣрить и объяснять.

Но въ мірѣ чудеснаго, дающаго на все отвѣты, Полонскій живетъ лишь частью своей души, сохранившей дѣтскую пытливость. На бо̀льшей глубинѣ лежитъ другое основное настроеніе поэзіи Полонскаго— его примиренность. Все, что̀ Полонскій написалъ лучшаго, проникнуто странной вопросительностью тона. Ко всему, къ природѣ, къ человѣку, къ своей собственной душѣ съ ея противорѣчивыми желаніями и чувствами онъ подходитъ съ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ. Жизнь тянется для него „какъ непонятный сонъ, въ которомъ все чудесно“, и на все душа проситъ отвѣта. „И зачѣмъ тамъ въ степи пыль стол-

бами встаетъ? И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?—Оттого-ль разлилась, что весна началась?"—„Спроси",—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„О чемъ шумитъ потокъ,—Иль шепчетъ полевой цвѣтокъ,—Спроси, о чемъ такъ тяжко—Гремитъ изъ тучъ, затмившихъ свѣтъ,—А лѣсъ, охваченный дождемъ,—О чемъ шумитъ ему въ отвѣтъ?"

И тѣ же вопросы будитъ въ немъ непонятная жизнь его собственной души.—„Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?"—вопрошаетъ онъ въ одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ своихъ стихотвореній (странно, что оно не переведено въ сборникѣ г. Фидлера), все дальше и дальше проникая своими неумолчными вопросами въ тайны скрытыхъ чувствъ. „Отчего-жъ былого счастья мнѣ теперь ничуть не жаль,—Отчего былая радость безотрадна какъ печаль,—Отчего печаль былая такъ свѣжа и такъ ярка?—Непонятное блаженство,—Непонятная тоска!"

Среди этихъ безконечныхъ вопросовъ и вѣчныхъ недоумѣній, казалось бы, мракъ долженъ былъ наполнить душу Полонскаго и пріобщить его къ тѣмъ ноющимъ поэтамъ, которыхъ русская дѣйствительность создавала съ особой щедростью. Но вотъ въ чемъ сказалась сила Полонскаго, и въ чемъ залогъ его глубокаго значенія для поэзіи: когда недоумѣнія и вопросы, страданія и сомнѣнія направлены на явленія внѣшней жизни, они ведутъ къ житейскому пессимизму; питаясь ими, душа не крѣпнетъ, а падаетъ, отдаваясь во власть земного, преходящаго страданія; когда же, какъ у Полонскаго, душа вопрошаетъ не о внѣшнемъ и случайномъ, а о вѣчномъ и безвыходно таинственномъ, тогда въ глубинѣ сомнѣній для души открывается свѣтъ. Полонскій провидитъ этотъ внутренній духовный свѣтъ въ удивительномъ стихотвореніи „Сны", въ которомъ отразился разладъ поэта съ внѣшней жизнью. Лежа одинъ, безъ огня, въ комнатѣ, гдѣ затворены душныя ставни, онъ съ грустью спрашиваетъ себя: „Когда-то закатится солнце, когда-то проснется душа?"—и отвѣчаетъ самъ себѣ, просыпаясь отъ сна, гдѣ онъ видѣлъ себя въ толпѣ людей: „Проснулся—затворены ставни,—Одинъ я лежу безъ огня,—Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,—Ни яркаго бѣлаго дня".

Не жаль потому, что озарилъ его духовный свѣтъ, и въ душѣ началось пониманіе тайны. Онъ понялъ, что вопросы, которыми полна душа, должны оставаться безъ отвѣта, и что нужно отдаться во власть непонимаемой тайнѣ. „Громъ и шумъ, корабль качаетъ,—море темное кипитъ,—вѣтеръ парусъ обнимаетъ—И въ снастяхъ свиститъ. Помрачился сводъ небесный,—И ввѣряясь кораблю,—Я дремлю въ каютѣ тѣсной,—Закачало. Сплю... Просыпаюсь—что̀ случилось?—Руль оторванъ, черезъ носъ—Вдоль волна перекатилась—Унесенъ матросъ. Что̀-же дальше. Ну, что̀ будетъ!—Въ руки Бога отдаюсь.—Если смерть меня разбудитъ,—Я не здѣсь проснусь". Послѣднее четверостишіе по

освобожденности духа отъ воли случая, по тишинѣ и простотѣ, невольно вызываетъ сравненіе съ одной изъ лучшихъ строфъ Верлэна: „Je suis un berceau—Qu'une main balance—Au fond d'un caveau.—Silence, Silence!“

Странное это совпаденіе—почти тожественность настроенія у двухъ поэтовъ разныхъ странъ. Есть, очевидно, „духъ времени“, и въ немъ слились невѣдомые одинъ другому поэты, порвавшіе оба съ пессимизмомъ своихъ современниковъ и стремившіеся оба найти таинственное созвучіе всѣхъ противорѣчивыхъ голосовъ природы, человѣческой и божественной.

Примиренный съ величайшей грозной тайной міра — смертью,— поэтъ съ тѣмъ же свѣтлымъ смиреніемъ все пріемлетъ, во всемъ находитъ божественную необходимость. Въ любви онъ благословляетъ страданія и измѣну, которую она несетъ съ собой. Поэту не нужно исполненій и разрѣшеній; онъ понимаетъ, что великій, слитный аккордъ бытія включаетъ въ себя и земное, и неземное, и что нельзя искать исхода въ одномъ земномъ, въ томъ, что̀ есть лишь часть великаго цѣлаго. Поэтъ живетъ согласной жизнью со всѣми стихіями и чувствуетъ соотношенія души человѣка съ таинственностью природы. Въ этомъ согласованіи—трагическій мотивъ его тихой и свѣтлой поэзіи. Какъ страшна ему кажется иногда дѣвушка, пришедшая послушать соловья—страшнѣе лѣса, куда она явилась („Всѣхъ сказочныхъ чудесъ, повѣрь, она страшнѣе“). Иногда же, напротивъ того, красота ночи мучительнѣе влечетъ его къ себѣ, чѣмъ любимая женщина. Онъ уходитъ въ просторъ полей и говоритъ возлюбленной: „Не жди, я въ эту ночь къ соблазнамъ ровнодушенъ,—я въ эту ночь къ тебѣ не буду ревновать“.

Все—одинаковая тайна—природа, человѣкъ и чувства, ихъ связывающія. Полонскій въ лучшихъ своихъ стихахъ счастливъ тѣмъ, что ее чувствуетъ, и понимаетъ необходимость мириться съ ней, какъ съ единственнымъ залогомъ высшаго созвучія. Онъ все благословляетъ. Прекраснымъ заключительнымъ аккордомъ всей его поэзіи звучитъ короткое стихотвореніе, отразившее наиболѣе полно основной тонъ его души—смиренной, проникновенной и полной созвучій. Это стихотвореніе, начинающееся словами: „Я-ль первый отойду изъ міра въ вѣчность, ты ли...“—и кончающееся примиренными словами: „Но... Ты скажи, что я не проклиналъ,—А я скажу, что ты благословляла“.

Основные мотивы поэзіи Полонскаго, пѣвца слитной жизни природы и человѣка, нѣмецкіе читатели могутъ теперь несомнѣнно уяснить себѣ изъ переводовъ г. Фидлера, передающихъ образцы всѣхъ настроеній поэта.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1905.

Новые типы, создаваемые новыми условіями.—Группировка партій, не исключающая возможность временного союза. — „Средняя позиція“ и „расположившіеся на ней люди“.—Мнимая панацея.—Военные суды и смертная казнь.—Законъ и циркуляръ.—Тревожныя вѣсти.—Д. Л. Мордовцевъ и П. Г. Мироновъ †.

Приближается минута, когда выступитъ на сцену первое въ Россіи государственное представительное собраніе. Выдвинетъ ли оно людей, вокругъ которыхъ могли бы сложиться политическія группы—и окажутся ли на лицо условія, благопріятныя для прочной и правильной организаціи такихъ группъ? Многое зависитъ, конечно, отъ системы выборовъ, до сихъ поръ еще окончательно не установленной, отъ обстановки, при которой они состоятся. И теперь, однако, нѣтъ недостатка въ данныхъ, подсказывающихъ вѣроятный отвѣтъ на поставленные нами вопросы.

Не было въ русской государственной жизни шага впередъ, которому не противопоставлялось бы возраженіе, основанное на „отсутствіи людей“—и не было случая, когда это возраженіе оправдывалось бы на самомъ дѣлѣ. Для реформъ крестьянской, земской, судебной отыскивались безъ труда подходящіе исполнители—и если иногда слишкомъ скоро рѣдѣли ихъ ряды, то причина этому коренилась въ неустойчивости шедшихъ сверху теченій. Новое положеніе создавало или, лучше сказать, обнаруживало, выводило на свѣтъ новыя дарованія. О чемъ можно было только догадываться, слушая въ московскихъ салонахъ пламенныя инвективы Герцена или тонкую діалектику Хомякова, то стало очевидно для всѣхъ, когда распахнулись двери суда и рядомъ съ бумажнымъ производствомъ отведено было мѣсто живому слову: русскому человѣку дана способность говорить убѣдительно и свободно. Рядомъ съ судебнымъ краснорѣчіемъ вырабатывалось и практическое, дѣловое, въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ. Оно меньше блистало и гремѣло, меньше обращало на себя вниманія, вслѣдствіе бо̀льшей обыденности и бо̀льшей, повидимому, ограниченности своихъ темъ; но его воспитательная роль была велика уже потому, что въ русло земской жизни просачивалась, несмотря на всѣ плотины, весьма замѣтная, по временамъ, политическая струйка. Съ областью политики соприкасались—за исключеніемъ „мертваго сезона“, наступившаго въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ

и окончившагося лишь недавно—и судебныя, въ особенности защитительныя рѣчи. На почвѣ, такимъ образомъ подготовленной, не могло не расцвѣсть и политическое краснорѣчіе. Арена для него, узкая по числу слушателей, но не по свойству обсуждаемыхъ вопросовъ, открылась еще раньше созыва государственной думы. Кому пришлось присутствовать на съѣздахъ, собиравшихся прошлой осенью и нынѣшней весною, тотъ знаетъ, что у насъ уже теперь есть политическіе ораторы, различные по характеру таланта, но одинаково выдающіеся по его размѣрамъ. Никого не называя, попробуемъ намѣтить главныя формы, въ которыя облекается новая у насъ разновидность ораторскаго искусства.

Много лѣтъ тому назадъ, разбирая первый сборникъ рѣчей А. Ѳ. Кони, мы пытались установить, въ чемъ заключаются характерныя черты русскаго судебнаго краснорѣчія. Главную его силу мы видѣли въ простотѣ—той самой простотѣ, которою запечатлѣны лучшія произведенія русской литературы. „Русскій судебный ораторъ, наиболѣе близкій къ идеалу русскаго судебнаго краснорѣчія",—говорили мы дальше,—„не становится на ходули, не надѣваетъ на себя трагическую маску, не гоняется за эффектами, не высоко цѣнитъ громкія, трескучія фразы. Онъ больше бесѣдуетъ, чѣмъ декламируетъ или вѣщаетъ, обращается больше къ здравому смыслу, чѣмъ къ воображенію; ему случается, конечно, апеллировать къ чувству, но не къ чувствительности. Онъ не чуждается украшеній рѣчи, но не въ нихъ ищетъ и находитъ главный источникъ силы. Онъ не нарушаетъ безъ надобности уваженія къ чужой личности, щадитъ, по возможности, даже своихъ противниковъ, ни въ чемъ существенномъ, однако, не уступая и не отступая. Само собою разумѣется, что разница въ темпераментѣ, въ направленіи, въ свойствѣ дарованій всегда будетъ сказываться въ судебномъ краснорѣчіи, какъ и въ другихъ видахъ творчества—но мы и не думаемъ подводить судебную рѣчь подъ дѣйствіе неподвижныхъ, для всѣхъ и всегда одинаковыхъ правилъ. Въ предѣлахъ, только-что указанныхъ, возможно величайшее разнообразіе пріемовъ; къ одному и тому же идеалу можно идти самыми различными путями". Все это примѣнимо почти буквально къ зарождающемуся у насъ политическому краснорѣчію. Лучшимъ его представителямъ чужда напыщенность, чужда искусственность и претенціозность. Обдуманность рѣчи не обращается у нихъ въ разсчитанность; они идутъ прямо къ цѣли, не злоупотребляя вступленіями и отступленіями, не занимая слушателей собственной особой, не подготовляя такъ называемыхъ effets de la fin, не подводя свою аргументацію подъ правила музыкальнаго crescendo или rinforzando. Черты сходства и здѣсь, однако, не исключаютъ глубокихъ различій. Главная сила одного изъ орато-

ровъ заключается, напримѣръ, въ невозмутимомъ спокойствіи, за которымъ скорѣе угадывается, чѣмъ слышится страстность. Онъ мастерски владѣетъ ироніей, быстро схватываетъ и ярко освѣщаетъ слабыя стороны оспариваемыхъ имъ мнѣній, искусно доводитъ ихъ до того пункта, на которомъ они должны пасть сами собою. Почти не повышая и не измѣняя тона, онъ дѣйствуетъ на слушателей строго логическою цѣпью доводовъ, предвидѣніемъ возраженій, яснымъ пониманіемъ настроенія, которое онъ хочетъ поддержать и усилить. Въ его рѣчахъ чувствуется соединеніе большой практической опытности съ обширнымъ теоретическимъ знаніемъ: земская работа воспитала въ немъ дѣловитость, привычку всесторонне изучать спорные вопросы и не преувеличивать значенія формы—чтеніе и размышленіе приготовили его къ вступленію на болѣе широкую дорогу... Другой ораторъ обладаетъ темпераментомъ народнаго трибуна. Могучій голосъ, пылъ, сначала сдерживаемый, потомъ прорывающійся наружу, негодованіе при видѣ торжествующаго зла или попраннаго права, несокрушимая вѣра въ близость лучшаго будущаго—все это даетъ ему, по крайней мѣрѣ на время, настоящую власть надъ аудиторіей. Ему недостаетъ, пока, умѣнья остановиться, когда сказано все существенное: упорно стремясь къ побѣдѣ, но все еще не увѣренный въ ней, онъ впадаетъ иногда въ повторенія, ослабляющія впечатлѣніе. Какъ бы то ни было, и теперь уже онъ—опасный противникъ и драгоцѣнный союзникъ. Еще сильнѣе, быть можетъ, дѣйствуетъ на слушателей третій ораторъ, говорящій рѣдко и мало. Его особенность—необыкновенная задушевность рѣчи, красивой, изящной, скорѣе спокойной, чѣмъ бурной, но всегда поразительно сильной. Убѣждая, онъ увлекаетъ—и нужно сдѣлать большое усиліе надъ собою, чтобы не согласиться съ тѣмъ или другимъ его аргументомъ. Ни у кого мы не встрѣчали такихъ удачныхъ сравненій; онъ не разсыпаетъ ихъ щедрой рукой, ихъ у него немного, но каждое изъ нихъ сообщаетъ его рѣчи какой-то поэтическій колоритъ, неотразимо симпатичный... Насколько руководство партіей зависитъ отъ ораторскаго таланта, оно по силамъ для всѣхъ тѣхъ, о комъ мы до сихъ поръ говорили, да и не для нихъ однихъ: мы исчерпали далеко не весь матеріалъ, данный нашими наблюденіями, и привели лишь нѣсколько примѣровъ, особенно врѣзавшихся въ память. Довольно высокимъ, далѣе, можно назвать и средній уровень ораторскаго искусства, обнаружившагося въ нашихъ первыхъ политическихъ собраніяхъ: справляться съ словомъ умѣло громадное большинство. Правда, участниками собраній были почти исключительно общественные дѣятели, прошедшіе черезъ школу земскаго или городского самоуправленія; но если имъ удалось быстро и легко приспособиться къ новымъ условіямъ, то нѣтъ причины опа-

саться, что слишкомъ долгимъ и труднымъ будетъ періодъ ученичества для выступающихъ впервые на поприще публичной жизни.

Умѣнье владѣть словомъ—далеко не единственное требованіе, которому должны удовлетворять руководители политическаго собранія: необходима еще организаторская способность, выражающаяся, прежде всего, въ выборѣ и подготовкѣ почвы, на которой можетъ и должно состояться объединеніе партіи или группы. Отдѣлять важное отъ неважнаго, главное отъ второстепеннаго, настоятельно спѣшное отъ допускающаго отсрочку; предупреждать несогласованность дѣйствій и разбросанность усилій; во-время заключать союзы и во-время отъ нихъ отказываться—все это входитъ въ составъ своеобразной тактики, совершенствующейся, конечно, путемъ продолжительнаго опыта, но слагающейся уже на зарѣ политической жизни. У насъ она несомнѣнно существуетъ и даже имѣетъ свою исторію. Ея начатки восходятъ къ небольшимъ земскимъ съѣздамъ, собиравшимся, въ неопредѣленные сроки, еще въ началѣ девятидесятыхъ годовъ. Во второй половинѣ того же десятилѣтія дѣлается попытка устроить періодическія собранія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ — попытка, разбившаяся о противодѣйствіе администраціи. Въ 1902-мъ году, въ эпоху наибольшаго недовѣрія къ земству и ко всѣмъ формамъ общественной самодѣятельности, происходитъ новый съѣздъ земскихъ дѣятелей, вызывающій гоненіе на его участниковъ, но создающій общеземское бюро, въ составъ котораго входятъ главные носители земской идеи. Какъ только подходитъ благопріятная минута, это бюро выступаетъ съ широко задуманной программой, которую и принимаетъ ноябрьскій съѣздъ 1904-го года. Разногласіе, происшедшее по одному—важнѣйшему—пункту программы, приводитъ къ распаденію группы, составлявшей до тѣхъ поръ одно цѣлое. Между недавними союзниками остается, однако, много точекъ соприкосновенія, серьезныхъ и важныхъ. Возникаетъ вопросъ, что возьметъ верхъ въ критическую минуту: общее, соединяющее — или частное, влекущее въ разныя стороны. Новымъ усложненіемъ является разногласіе относительно избирательной системы, обнаруживающееся на апрѣльскомъ съѣздѣ. Критическій моментъ настаетъ весьма скоро: въ половинѣ мая совершаются событія, обостряющія до крайности и внѣшній, и внутренній кризисъ. Больше чѣмъ когда-либо становится желательнымъ единодушный откликъ на нихъ со стороны общественныхъ организацій. Такой откликъ былъ данъ [1])—и это значительно поднимаетъ наши надежды на будущее. Чтобы сдѣлать его возможнымъ, нужна была, во-первыхъ, подготовительная работа немногихъ лицъ, испол-

[1]) См. петицію, приведенную выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи“.

ненная быстро и умѣло; нужно было, во-вторыхъ, такое настроеніе массы, которое благопріятствовало бы взаимнымъ уступкамъ. Оба условія, къ счастію, оказались на лицо: удачно намѣченный путь привелъ къ единогласному рѣшенію. Есть, слѣдовательно, основаніе думать, что и на другомъ, болѣе широкомъ поприщѣ у насъ явятся и полководцы, способные начертать планъ кампаніи, и войска, готовыя его исполнить... Подчеркнемъ еще одну симпатичную черту, обрисовавшуюся съ достаточною яркостью: уваженіе къ чужому убѣжденію, къ личности противника. Въ самый разгаръ преній, выраженія, недопустимыя въ корректномъ спорѣ, встрѣчались весьма рѣдко, а знаки неодобренія, прерывавшіе оратора, прекращались при первомъ внушеніи предсѣдателя... Мы не скрываемъ отъ себя, что не такъ легко будетъ достигнуть подобныхъ результатовъ въ собраніи гораздо болѣе многочисленномъ и разношерстномъ, гдѣ очутятся лицомъ къ лицу уже не оттѣнки мнѣній, а рѣзко противоположные взгляды; но характеръ первыхъ шаговъ не можетъ остаться безъ вліянія на послѣдующіе, какова бы ни была ихъ обстановка.

Готовность дѣйствовать заодно, когда этого требуетъ данная комбинація обстоятельствъ, не исключаетъ, конечно, обособленія группъ, расходящихся между собою въ выборѣ окончательныхъ цѣлей или хотя бы средствъ къ ихъ достиженію. Какъ только открывается просторъ для сколько-нибудь свободной политической жизни, различіе направленій, въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ существовавшее и раньше, получаетъ наглядное выраженіе въ занятіи различныхъ „позицій"—крайнихъ и средней, или, лучше сказать, *среднихъ*, потому что разстояніе между крайностями велико, переходныхъ ступеней много. Всякая позиція имѣетъ свои удобства и свои неудобства. Положеніе тѣхъ, кто занимаетъ одну изъ среднихъ позицій, усложняется необходимостью вести борьбу „на два фронта"—не только съ исконными противниками, но и съ недавними союзниками. Не отступая передъ этой необходимостью, мы помнимъ, что послѣдніе во многомъ, очень многомъ близки намъ и теперь, въ особенности тамъ, гдѣ наше разногласіе не имѣетъ принципіальнаго характера.

„Расположившимся на средней позиціи" — въ томъ числѣ „Вѣстнику Европы"—посвящена хроника внутренней жизни въ майской книжкѣ „Русскаго Богатства". Имъ ставится въ вину, между прочимъ, готовность „удовлетвориться выборами, хотя бы послѣдніе были произведены при отсутствіи свободы слова и собраній". „Рано затѣвать выборы"—читаемъ мы дальше. „Народу нужны не выборы, не представители; ему нужна свобода... Для успѣха выборовъ (по системѣ

всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія) нужно время для предвыборной агитаціи—но мы ждали такъ долго, что жалѣть на это времени не приходится". Да, защитники „средней позиціи" стояли и стоятъ за скорѣйшее производство выборовъ; но въ томъ же смыслѣ высказался и послѣдній общеземскій съѣздъ, при восторженномъ одобреніи общества и печати. Приверженцы и противники „четырехчленной формулы" сошлись на томъ, что необходимо, необходимо именно теперь избраніе представителей, какъ условіе наступленія свободы. Обстоятельства не таковы, чтобы можно было длить ad infinitum предвыборную агитацію. Что для полнаго успѣха выборовъ нужна свобода печати, союзовъ, собраній — это всегда признавали и „расположившіеся на средней позиціи"; но гдѣ же ручательство въ томъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — или лѣтъ — эта свобода будетъ осуществлена въ должной мѣрѣ? Ожидать ея прихода, не приступая къ выборамъ, не значило ли бы вращаться въ заколдованномъ кругѣ? И наоборотъ, не слѣдуетъ ли думать, что созывъ представителей, ставъ совершившимся фактомъ, принесетъ съ собою желанныя блага?.. Хроникеръ „Русскаго Богатства" (А. В. Пѣшехоновъ) „далекъ отъ мысли, что выборы не могутъ состояться до тѣхъ поръ, пока во всей странѣ —сверху донизу—не упрочится свобода". Онъ считаетъ вполнѣ возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что „*неперевоспитанными* останутся земскіе начальники, урядники и стражники, старшины и старосты". Онъ допускаетъ, что „упрочить свободу въ низахъ народной жизни удастся не сразу", что „вырвать всѣ безчисленные корни внѣдрившагося въ нее бюрократическаго древа"—дѣло упорной работы не одного, быть можетъ, представительнаго собранія; „но вверху свобода должна быть признана теперь же, ибо пока высится и гордо красуется своею кроною бюрократическій стволъ, къ корнямъ нельзя будетъ и приступиться". Намъ кажется, что въ настоящую минуту „признаніемъ свободы сверху" будетъ именно созывъ народныхъ представителей, за которымъ неизбѣжно послѣдуетъ „перевоспитаніе" властей.

До чего можетъ доходить вѣра въ всемогущество излюбленнаго принципа—объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія слова нашего противника: „я ни на минуту не усомнился бы высказаться за всеобщую и прямую подачу голосовъ, даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ завѣдомо было извѣстно, что выборы окажутся неудачными. Пусть народъ не съумѣетъ выбрать наиболѣе отвѣчающихъ его интересамъ программъ, пусть онъ не найдетъ достойныхъ для проведенія ихъ депутатовъ, пусть разобьются голоса, пусть въ представительное собраніе явятся ретроградные элементы—и все-таки для дѣла народной свободы будетъ сдѣлано несравненно больше, чѣмъ при самыхъ удач-

ныхъ выборахъ по той или иной компромиссной системѣ. Въ сознаніи народа запечатлѣется и уже никогда не изгладится, что ему дана была власть рѣшить государственные вопросы такъ или иначе. Если онъ потомъ убѣдится, что они рѣшены не такъ, какъ бы слѣдовало, то будетъ знать, что это его ошибка, и какъ эту ошибку поправить. Въ первыхъ же всеобщихъ и прямыхъ выборахъ родится русская демократія... Другой результатъ еще несомнѣннѣе и, быть можетъ, еще важнѣе. Призванный къ обсужденію и рѣшенію государственныхъ вопросовъ обыватель превратится въ гражданина... Тупая апатія уступитъ мѣсто живой активности, житье со дня на день смѣнитъ жизнь съ самыми широкими перспективами"... На самомъ дѣлѣ политическія ошибки сознаются не такъ скоро и исправляются не такъ легко, особенно если онѣ допущены въ переходные моменты народной жизни. Неудачно выбранное собраніе, руководимое „ретроградными элементами", можетъ создать такія преграды на пути дальнѣйшаго развитія, для устраненія которыхъ понадобятся цѣлыя десятилѣтія. Медленно и постепенно, съ другой стороны, совершается превращеніе обывателя въ гражданина. Всеобщее избирательное право, пользованіе которымъ наступаетъ одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ— вовсе не чудотворная сила, сразу обновляющая страну и расширяющая „перспективы" населенія. Оно вполнѣ совмѣстно съ политическимъ индифферентизмомъ, съ прозябаніемъ изо дня въ день, съ отсутствіемъ интереса къ задачамъ будущаго. Припомнимъ, напримѣръ, исторію всеобщей подачи голосовъ во Франціи, въ срединѣ XIX-го вѣка. Въ апрѣлѣ 1848 года она создаетъ учредительное собраніе, больше смотрящее назадъ, чѣмъ впередъ, ничего не дѣлающее для предупрежденія іюньскихъ дней, остающееся глухимъ къ голосамъ сигнализирующимъ опасность всенароднаго избранія президента республики. Въ декабрѣ того же года она даетъ болѣе пяти милліоновъ голосовъ тому кандидату на званіе президента, самое имя котораго звучитъ погребальнымъ звономъ для народной свободы. Въ маѣ 1849 года она посылаетъ въ законодательное собраніе реакціонное большинство, прокладывающее дорогу къ декабрьскому перевороту. Подтвердивъ, двумя плебисцитами, результатъ переворота, она много лѣтъ сряду почти вездѣ подчиняется безпрекословно внушеніямъ власти, рекомендующей ей такъ называемыхъ оффиціальныхъ кандидатовъ. „Ошибки", такимъ образомъ, слѣдуютъ одна за другою, а исправленіе ихъ заставляетъ себя ждать долго, очень долго. Демократія—какъ и свобода, какъ и другіе „принципы 1789 года",—оказывается торжествующею только на бумагѣ. Французскій крестьянинъ временъ второй имперіи, несмотря на всеобщее и прямое голосованіе, является гораздо больше „обывателемъ", чѣмъ „гражданиномъ";

сильнѣе „широкихъ перспективъ“ на него дѣйствуетъ, сплошь и рядомъ, обѣщаніе небольшихъ, но осязательныхъ выгодъ, напр. постройки новаго моста, новой дороги... Слишкомъ оптимистичными, въ виду такихъ указаній недавняго прошлаго, кажутся намъ ожиданія А. В. Пѣшехонова. „Мнѣ приходилось“ — говоритъ онъ — „видать людей, которыхъ впервые захватывала общественность, и я воочію видѣлъ, какъ выростала при этомъ личность“. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такія превращенія, безъ сомнѣнія, возможны—но нельзя обобщать ихъ, нельзя выводить изъ нихъ заключеніе, распространяющееся на всю народную массу.

Возможность неудачнаго, на первыхъ порахъ, примѣненія всеобщей и прямой подачи голосовъ А. В. Пѣшехоновъ допускаетъ, впрочемъ, лишь условно, „въ видахъ удобства изложенія“; на самомъ дѣлѣ онъ увѣренъ, что она—„при условіи, конечно, свободной агитаціи,—сразу дастъ достаточно благопріятные результаты и во всякомъ случаѣ лучшіе, чѣмъ при сословно-цензовой избирательной системѣ и при двухъ- или многостепенномъ голосованіи“. Основаніемъ для этой увѣренности служитъ неизбѣжная связь между политикой и экономикой. Объединить народныя массы, въ короткое время, около чисто-политической программы было бы трудно—но онѣ и теперь „объединены своими экономическими, до извѣстной степени уже сознанными интересами. Идея очень быстро можетъ охватить тѣхъ, кто уже объединенъ чувствомъ“. Другими словами, при всеобщей и, тѣмъ болѣе, прямой подачѣ голосовъ, исходъ выборовъ можетъ быть предрѣшенъ экономическимъ знаменемъ, понятнымъ для народа, обѣщающимъ ему исполненіе его желаній. Здѣсь, по мнѣнію А. В. Пѣшехонова, главная разгадка возраженій, встрѣчаемыхъ всеобщей подачей голосовъ. Если не сами „расположившіеся на средней позиціи“, то многіе изъ тѣхъ, кто къ нимъ примыкаетъ, руководствуются, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ отстоять интересы „имущихъ классовъ“ вообще и землевладѣльцевъ въ особенности. Идеологи—говоритъ хроникеръ „Русскаго Богатства“, разумѣя въ данномъ случаѣ подъ этимъ именемъ В. Д. Кузьмина-Караваева и К. К. Арсеньева,—„идеологи важны не сами по себѣ, а по тѣмъ общественнымъ силамъ, которыя ихъ идеологіей воспользуются“. Подобно тому, какъ подъ славянофильскій стягъ, поднятый Д. Н. Шиповымъ, немедленно стали стекаться всякаго рода *истинно-русскіе люди* [1]), подъ „либеральное знамя“, водру-

---

[1]) Расходясь съ Д. Н. Шиповымъ по главному пункту политической программы, мы должны, однако, сказать въ его защиту, что „истинно-русскіе люди“, въ специфическомъ смыслѣ этого слова, группируются не подъ его „стягомъ“, а подъ фирмой „монархической партіи“ или, въ лучшемъ случаѣ, „союза русскихъ людей“.

женное „идеологами“, „начали уже собираться помѣщики... Замѣтимъ, прежде всего, что „идеологи“, которыхъ имѣетъ въ виду А. В. Пѣшехоновъ, возставали и возстаютъ лишь противъ *немедленнаго* примѣненія всеобщей подачи голосовъ, не только допуская, но даже отстаивая обращеніе къ ней въ ближайшемъ будущемъ, т.-е. именно тогда, когда, по всей вѣроятности, настанетъ очередь экономическихъ реформъ. Первому собранію народныхъ представителей придется, быть можетъ, ограничиться установленіемъ главныхъ началъ новаго государственнаго строя; все остальное выпадетъ на долю послѣдующихъ собраній, выбранныхъ уже на основаніи постояннаго, а не временнаго избирательнаго закона. Предположимъ, однако, что наиболѣе жгучій, наиболѣе важный для народной массы экономическій вопросъ будетъ поставленъ вслѣдъ за созывомъ народныхъ представителей. Можно ли ручаться за то, что въ собраніи, выбранномъ всеобщей подачей голосовъ, онъ получитъ разрѣшеніе наиболѣе правильное, наиболѣе согласное съ интересами крестьянства? Нѣтъ, по той простой причинѣ, что избиратели едва ли будутъ предоставлены самимъ себѣ, предвыборная агитація едва ли уравновѣситъ собою силу традиціонныхъ вліяній. И здѣсь достаточнымъ подтвержденіемъ нашихъ сомнѣній служатъ безспорные историческіе факты. Много ли сдѣлали для французскаго народа первыя собранія, избранныя всеобщей подачей голосовъ?.. Съ другой стороны, не въ земской ли средѣ, какъ это видно изъ резолюцій второго апрѣльскаго съѣзда [1]), нашелъ сочувствіе длинный рядъ крупныхъ экономическихъ преобразованій? Хроникеръ „Русскаго Богатства“ обвиняетъ „идеологовъ“ въ „народобоязни“; правильнѣе было бы приписать имъ *боязнь за народъ*—боязнь, что избирательная система, демократическая по своему принципу, приведетъ, въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ, къ далеко не демократическимъ результатамъ. Спѣшимъ прибавить, что еще бо́льшія опасенія внушаетъ намъ избирательный порядокъ, проектируемый, судя по слухамъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ мы видѣли силу, способную противостоять внѣшнему давленію; ничего подобнаго не представляютъ собою уполномоченные отъ избирательныхъ съѣздовъ, созванныхъ на основаніи земскаго положенія 1864-го года.

Въ послѣднее время повторяется довольно часто изъятіе уголовныхъ дѣлъ изъ общаго порядка судопроизводства, съ преданіемъ обвиняемыхъ военному суду, по законамъ военнаго времени. Цѣль, въ подобныхъ случаяхъ, всегда преслѣдуется одна и та же: возможность

[1]). См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ іюньской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

присужденія къ смертной казни, внѣ сравнительно тѣсныхъ предѣловъ, въ которые она заключена нашимъ общимъ законодательствомъ. Позволяемъ себѣ повторить сказанное нами, много лѣтъ тому назадъ, по аналогичному поводу [1]. „Отступленіе отъ обычной подсудности и обычныхъ процессуальныхъ правилъ неизбѣжно заключаетъ въ себѣ элементъ случайности, несовмѣстимый съ требованіями справедливости и права. Преступленія одинаковаго свойства, совершенныя при одинаковыхъ условіяхъ, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на основаніи одинаковыхъ началъ, заранѣе установленныхъ и заранѣе всѣмъ извѣстныхъ. По законодательству всѣхъ культурныхъ странъ, уголовный законъ, усугубляющій наказаніе, не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія. Почему? Именно потому, что никто не долженъ нести за свои дѣйствія отвѣтственность въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ та, которую онъ могъ и обязанъ былъ предвидѣть. Если уголовная кара, назначенная закономъ за то или другое преступленіе, признается недостаточно тяжкой, ничто не мѣшаетъ измѣнить законъ, сдѣлать его болѣе строгимъ, но лишь *на будущее время* и для *всѣхъ* преступныхъ дѣяній извѣстнаго рода. Можно находить, что единственное наказаніе, соотвѣтствующее заранѣе обдуманному убійству (при отсутствіи уменьшающихъ вину обстоятельствъ)—смертная казнь [2]; но тогда нужно открыто послѣдовать примѣру большинства западно-европейскихъ государствъ и прямо включить смертную казнь въ разрядъ наказаній, назначаемыхъ за убійство... Цѣлый рядъ писателей, еще съ половины XVIII-го вѣка, прославлялъ мудрость и гуманность русскаго законодательства, исключившаго смертную казнь изъ числа наказаній за обыкновенныя (не-политическія) преступленія. До шестидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія эти похвалы находили печальное опроверженіе въ фактическомъ существованіи у насъ смертной казни, и притомъ квалифицированной—медленной, мучительной: наказаніе кнутомъ, плетьми, шпицрутенами оканчивалось, сплошь и рядомъ, смертью наказуемыхъ или наказанныхъ. Теперь такимъ же опроверженіемъ является смертная казнь, опредѣляемая приговорами военно-окружныхъ судовъ... Общій судъ, разсматривающій дѣло объ убійствѣ, ничѣмъ не стѣсненъ въ признаніи обстоятельствъ, уменьшающихъ вину. Въ иномъ положеніи оказывается военно-окружной судъ, вся raison d'être котораго—въ дѣлахъ, вообще ему неподвѣдомственныхъ—заключается именно въ томъ, что онъ, и только онъ одинъ, въ правѣ присудить обвиняемаго къ смерти. Постановить другой приговоръ, болѣе мягкій—значитъ какъ бы признать, что не было осно-

---

[1]) См. „Общественную Хронику“ въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1894 г.

[2]) Мы тогда же оговорились, что не раздѣляемъ этого мнѣнія.

ванія къ передачѣ дѣла на разсмотрѣніе военнаго суда". Всѣ эти соображенія вполнѣ примѣнимы къ дѣламъ Дейча, Маньковскаго и другимъ, производившимся въ военномъ судѣ и окончившимся смертными приговорами (пока, кажется, еще неисполненными). Въ одномъ изъ нихъ обрисовалась съ особенною ясностью самая ужасная сторона смертной казни: возможность ошибки, ничѣмъ непоправимой. Когда Маньковскій, судившійся за покушеніе на убійство двинскаго полиціймейстера, былъ присужденъ къ смерти, защитники его (присяжные повѣренные Беренштамъ и Козловскій и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Эліашевъ) подали предсѣдателю военно-окружного суда слѣдующее заявленіе: „намъ съ непреложностью извѣстно, что по этому дѣлу никто изъ привлеченныхъ къ отвѣту ни въ коемъ отношеніи не причастенъ къ преступленію. Мы получили неопровержимыя доказательства тому. Мы тщетно со всею силою убѣжденія заявляли на судѣ о невиновности Маньковскаго, но послѣдовалъ смертный приговоръ. Долженъ быть казненъ совершенно невинный человѣкъ, должно совершиться ужасное, непоправимое зло. Призракъ этого не даетъ намъ покоя, и мы еще разъ заявляемъ вамъ, что Маньковскій невиновенъ. Мы клянемся и нашей честью, клянемся всѣмъ, что есть святого, что Маньковскій — жертва судебной ошибки". Такія слова, идущія отъ такихъ людей, предполагаютъ глубокое убѣжденіе, основанное на неотразимо вѣскихъ данныхъ. Неужели они прозвучатъ понапрасну?.. Непогрѣшимостью военно-окружной судъ обладаетъ, быть можетъ, въ еще меньшей степени, чѣмъ другіе суды. Намъ памятны случаи ошибокъ, допущенныхъ имъ именно по дѣламъ, окончившимся смертными приговорами. Одна изъ нихъ, юридическая, стоила жизни Максиму Дмитріеву, присужденному къ смерти съ явнымъ нарушеніемъ закона и казненному въ Иркутскѣ, въ 1891 г. Другая ошибка — фактическая, т.-е. именно такая, какая, по словамъ защитниковъ, допущена въ дѣлѣ Маньковскаго. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ казненъ, по приговору омскаго военно-окружного суда, нѣкто Шуклинъ, ошибочно принятый за Лосева, обвинявшагося въ убійствѣ двухъ конвойныхъ солдатъ. Въ 1896 г. было установлено тожество съ этимъ Лосевымъ бродяги Барончука, совершившаго цѣлый рядъ преступленій; Шуклинъ, слѣдовательно, оказался ни въ чемъ невиновнымъ... И что же, приводятъ ли, по крайней мѣрѣ, смертные приговоры къ своей ближайшей цѣли—производятъ ли они устрашающее дѣйствіе, предупреждая, тѣмъ самымъ, повтореніе аналогичныхъ преступленій? Утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ рѣшаются только „Московскія Вѣдомости". Всѣмъ памятно, по ихъ словамъ, „что широкое примѣненіе военныхъ судовъ (читай: смертной казни) въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ на долгіе годы заста-

вило замолкнуть гнусныхъ убійцъ. Почему же теперь результаты должны быть другіе?" Память измѣняетъ московской газетѣ: въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ смертныхъ приговоровъ, произносимыхъ военными судами, было меньше, чѣмъ въ концѣ семидесятыхъ, и пониженіе числа политическихъ преступленій зависѣло не отъ усиленія репрессіи. Нѣтъ надобности, притомъ, заглядывать далеко въ прошлое: опытъ послѣднихъ лѣтъ удостовѣряетъ, что непосредственно за исполненіемъ смертныхъ приговоровъ слѣдуетъ иногда обостреніе той спеціальной преступности, противъ которой они были направлены.

Положеніемъ комитета министровъ, Высочайше утвержденнымъ 17-го минувшаго апрѣля, министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями предоставлено принять мѣры къ отмѣнѣ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ права старообрядцевъ и сектантовъ на службу государственную и общественную. Смыслъ этого постановленія не допускаетъ никакихъ сомнѣній: всѣ стѣсненія, основанныя на административныхъ распоряженіяхъ, безусловно подлежатъ отмѣнѣ; министрамъ и, тѣмъ болѣе, мѣстнымъ властямъ отведена роль чисто исполнительная, безъ права разсуждать о характерѣ и достоинствѣ отмѣняемыхъ правилъ. Чтобы еще больше убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить приведенныя выше слова положенія 17-го апрѣля съ послѣднимъ пунктомъ положенія 1-го мая, также относящимся къ отмѣнѣ стѣснительныхъ административныхъ распоряженій (по предмету употребленія мѣстныхъ языковъ), но уполномочивающимъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями представлять, въ законодательномъ порядкѣ, объ утвержденіи тѣхъ распоряженій, примѣненіе которыхъ и впредь они признаютъ необходимымъ. Мы имѣли уже случай объяснить, какъ опасно, какъ нецѣлесообразно подобное полномочіе [1]), несмотря на то, что оно дано только министрамъ, и окончательное рѣшеніе возбуждаемыхъ имъ вопросовъ ввѣрено государственному совѣту. Что же сказать, затѣмъ, объ аналогичномъ полномочіи, предоставляемомъ, *вопреки закону, мѣстнымъ властямъ*?... „Если по ввѣренной вамъ губерніи"— гласитъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ на имя губернаторовъ и градоначальниковъ [2]),—„были изданы какія-либо правила, ограничивающія старообрядцевъ и сектантовъ въ правахъ на службу государственную и общественную, то эти правила должны прекратить свое дѣйствіе, *если только вы, въ виду соображеній особливой важ-*

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ іюньской книжкѣ нашего журнала, стр. 775.
[2]) См. № 158 „Русскихъ Вѣдомостей".

ности, не признаете необходимымъ сохранить ихъ въ силѣ и на будущее время". Итакъ, примѣненіе Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ ограничивается оговоркой, вовсе въ немъ не заключающейся и прямо противорѣчащей его буквальному смыслу— и примѣненіе этой оговорки поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія градоначальника или губернатора! Трудно представить себѣ болѣе яркое доказательство тому, до какой степени необходимо водвореніе у насъ истинной законности—и до какой степени оно невозможно безъ коренной перемѣны въ нашемъ государственномъ строѣ... По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей", тѣмъ же циркуляромъ *всякое совращеніе* изъ православія причисляется къ дѣяніямъ, подлежащимъ уголовной карѣ. Если таково, дѣйствительно, мнѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, то нельзя, конечно, не пожалѣть объ ошибкахъ, въ которыя оно вовлечетъ особенно усердныхъ администраторовъ—но опасными эти ошибки будутъ только до тѣхъ поръ, пока не введено въ дѣйствіе новое уголовное уложеніе. Слишкомъ ясны тѣ его статьи (82—84), въ силу которыхъ совращеніе признается преступленіемъ лишь тогда, когда оно учинено преступными средствами (злоупотребленіе властью, принужденіе, обольщеніе обѣщаніемъ выгодъ, обманъ, насиліе, наказуемая угроза).

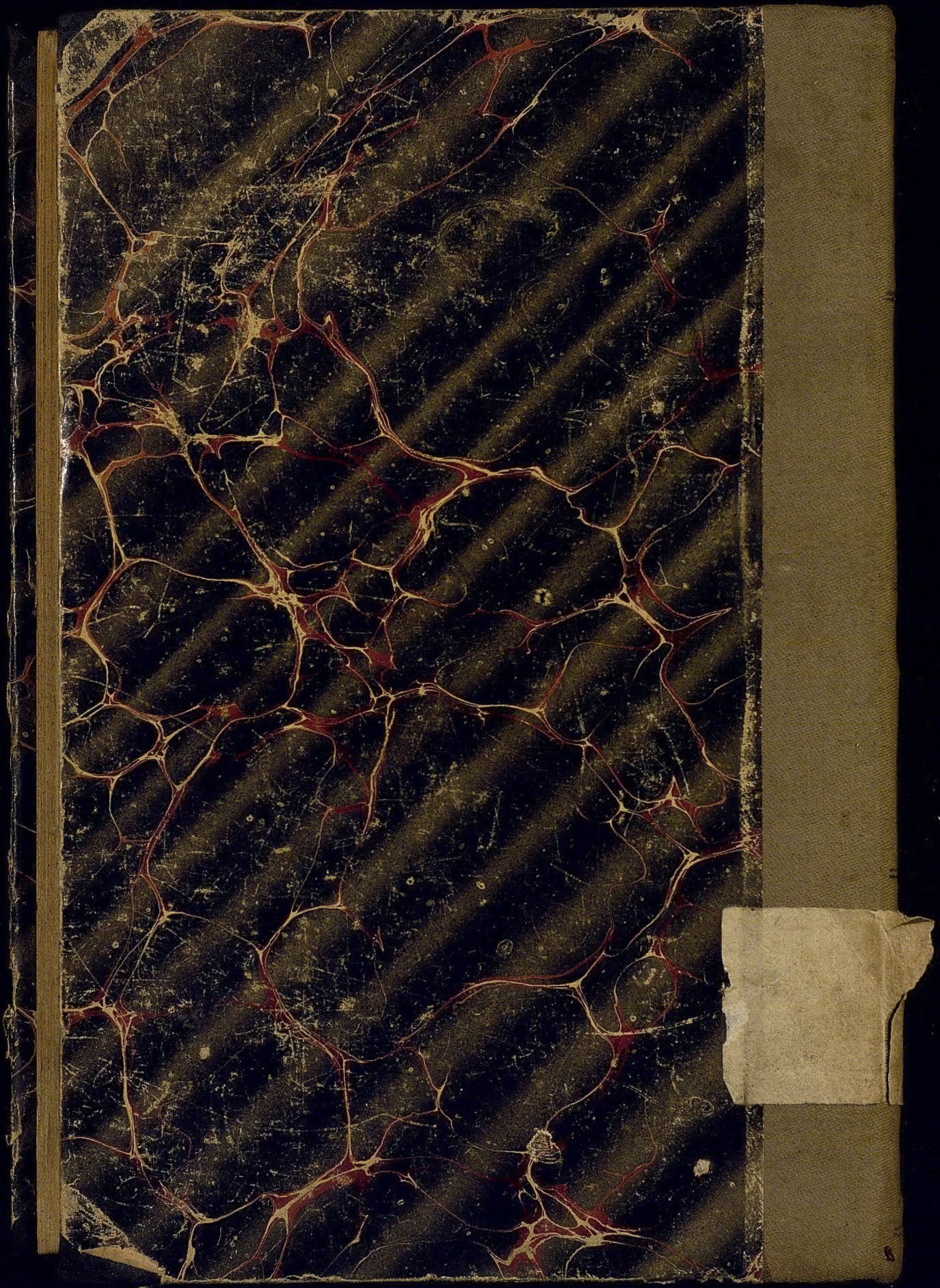
Въ эту минуту, когда мы заканчиваемъ нашу хронику, о чрезвычайныхъ событіяхъ, совершившихся, около половины іюня, въ Лодзи и въ Одессѣ, все еще не появилось въ печати ни оффиціальныхъ, ни неоффиціальныхъ сообщеній. О важности ихъ свидѣтельствуетъ объявленіе военнаго положенія; о свойствѣ ихъ и причинахъ можно только догадываться по отрывочнымъ, неполнымъ свѣдѣніямъ, заимствуемымъ, большею частью, изъ иностранныхъ газетъ. Совершенно непонятно, съ какою цѣлью поддерживается искусственная тайна, оставляющая мѣсто для самыхъ невѣроятныхъ слуховъ. Когда, наконецъ, будетъ положенъ конецъ стѣсненіямъ, отъ которыхъ гораздо больше еще, чѣмъ печать, страдаетъ русское общество?

Скончавшійся на дняхъ Д. Л. Мордовцевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ писателей, которымъ жизнь дается сравнительно легко и успѣхъ, не блестящій, но прочный, не измѣняетъ ни на одномъ изъ избираемыхъ ими поприщъ. Начавъ съ историческихъ изслѣдованій, сразу обратившихъ на себя общее вниманіе, онъ нѣсколько лѣтъ сряду писалъ публицистическія статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ" (редакціи Некрасова и Салтыкова), а въ послѣднія два или три десятилѣтія выпустилъ въ свѣтъ множество беллетри-

Ку[illegible] фонд
Москов[illegible] библиотеки

стическихъ и полу-беллетристическихъ произведеній. Горячо преданный интересамъ малорусскаго языка и малорусской литературы, онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Н. И. Костомарова, которому посвятилъ очень любопытныя воспоминанія. Въ нашемъ журналѣ онъ напечаталъ, кромѣ критической статьи о книгѣ Щебальскаго: „Начало и характеръ Пугачовщины“ (1866, 1), описаніе путешествія по Испаніи (1884, 1—3) и историческую повѣсть „Тимошъ“ (1889, 11—12).

Въ лицѣ П. Г. Миронова наша присяжная адвокатура потеряла даровитаго юриста и краснорѣчиваго оратора, всегда готоваго поддержать своимъ словомъ правое дѣло и вступиться за слабыхъ, обиженныхъ и угнетенныхъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

3 [illegible]